

МАГАЗИН "МИРЫ АНДРЕЯ КРУЗА"

ПРЯМЫЕ ПРОДАЖИ ОТ АВТОРОВ

ТОЧКА ОТРЫВА

памяти Андрея Круза

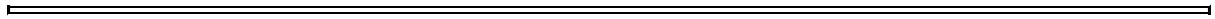
Annotation

На книгах Андрея Круза, его Мирах выросло целое поколение читателей. Он дал путевку в жизнь многим начинающим писателям. В этот сборник его памяти вошли рассказы как профессиональных писателей, так и любителей. Тех, кто считал Андрея своим другом, товарищем, учителем.

- [ТОЧКА ОТРЫВА](#)
  -
  - [Андрей Круз, Вадим Денисов](#)
  - [Павел Корнев](#)
  - [Борис Громов](#)
  - [Валентин Русаков \(Николай Побережник\)](#)
  - [Михаил Рагимов \(Михаил Гвор\)](#)
  - [Александр Бельский \(Альба\)](#)
  - [Николай Шпыркович](#)
  - [Олег Борисов](#)
  - [Игорь Градов](#)
  - [Роман Глушков](#)
  - [Павел Иевлев](#)
  - [Никита Аверин](#)
  - [Алексей Смирнов](#)
  - [Ирина Сверкунова](#)
  - [Алексей Доронин](#)
  - [Валентин Гусаченко](#)
  - [ВМЕСТО ЭПИЛОГА](#)
  - [Святослав Кофман](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)

- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)

ТОЧКА ОТРЫВА

Памяти Андрея Круза

20 февраля 2018 года не стало Андрея Круза. Неравный бой с тяжким недугом он вел до конца, с мужеством и достоинством. Даже его последние посты напоминали доклады с передовой — спокойные, скупые на сантименты и честные. Таким он и ушел.

Его любили и не любили, его книги нравились или не нравились. Кому-то он был добрым товарищем, кому-то резким бескомпромиссным оппонентом. Кого-то привел в литературу, а с кем-то так и не нашел общего языка...

История сборника, который, уважаемый читатель, вы сегодня начнете читать, началась 21 февраля, на следующий день, после смерти Андрея, с небольшого поста писателя и публициста Вадима Денисова, который, собственно, и придумал сделать своеобразный литературный памятник писателю Андрею Крузу. Вадим сразу оговорил один существенный нюанс: *«К написанию приглашаются как писатели, так и люди совсем других ремесел, вне зависимости от пола, погон, срока службы и регалий. То есть, писательская опытность не обязательна. Я точно знаю, что многие начинали ваять свои фанфики.»*

В подобном подходе, безусловно, присутствовала своя логика — Круз был не только известным и популярным писателем-фантастом. Форум «Миры Андрея Круза» стал настоящей творческой мастерской для многих, сегодня уже активно издающихся авторов, которые когда-то начинали свою литературную деятельность с фанфиков по книгам Андрея.

Идею поддержало много людей, хотя, чего греха таить, мы все не представляли в полной мере всю сложность проекта — отобрать, отредактировать и опубликовать тексты совершенно разных уровней — от профессионального до любительского таким образом, чтобы в итоге все же получилась книга.

Часть представленных рассказов написана специально для сборника. Еще часть материалов мы, с согласия авторов, позаимствовали из другого проекта Андрея — пару лет назад на «Мирах Андрея Круза» был объявлен прием текстов в сборник рассказов «постап». Было прислано много текстов. Разных. Как по мирам Андрея, так и вне их. Тогда не получилось. Были и

объективные причины, и субъективные, сейчас это уже никакого значения не имеет. Но мы посчитали правильным за Андрея довести до конца и этот проект, хотя бы в какой-то его части.

Открывают сборник рассказы Вадима Денисова и Павла Корнева. Об этих рассказах — немного подробнее.

Творческий тандем Круз-Корнев хорошо известен читателям по книгам цикла «Хмель и Клондайк», Павел однозначно написал — без Круза продолжения не будет. Очень жаль, но Павел, безусловно, прав.

О планах сотрудничества Круза и Денисова в мире «Стратегии» широкой публике практически ничего не известно. Денисов написал для сборника рассказ, который в равной степени его и Андрея, потому что часть рассказа — это черновик-зарисовка, написанный самим Андреем. Вадим, сохранив стилистику и текст соавтора, от себя обозначил то, что они обсуждали в плане возможного развития сюжета, поэтому внимательный читатель увидит двойной копирайт. К сожалению, и этот потенциально интереснейший проект закрыт так и не начавшись.

Много текстов по тем или иным причинам в сборник не включены. Причины самые разные — где-то авторы цитируют тексты песен, что, по сути, есть нарушение авторских прав. Где-то у редколлегии возникли претензии по качеству материала, где-то текст затрагивает материи, которые в мемориальном сборнике просто неуместны по определению. Тем не менее, мы считаем своим долгом поблагодарить всех без исключения авторов, приславших свои тексты и, тем самым, выразивших свое уважение Андрею.

Во избежание любых домыслов и кривотолков:

1. Сборник будет продаваться только через магазин «Миры Андрея Круза». Появление его в пиратских библиотеках — мародерство, которому объяснения и оправдания нет и быть не может.

2. Все деньги, полученные от продажи сборника, будут переданы семье Андрея.

3. Все авторы предоставили свои тексты без каких-либо условий. Все права сохранены за авторами.

И в заключение, с искренней благодарностью о людях, которые самым непосредственным образом участвовали в создании сборника:

Идея сборника - Вадим ДЕНИСОВ

Художник - Дмитрий ТИШИН

С текстами работали:

Елена ПРОМЫСЛОВА

Дмитрий ЛОГВИНОВ

Максим БУРОВ

Алексей ТУМАНОВ

Егор ГРОЗНЫХ

Василий КОНОНОВ

Юридические консультации - Вадим САГЕЛЬ

Верстка - Андрей РЭЙ

Редколлегия сборника:

Вадим ДЕНИСОВ

Борис ГРОМОВ

Андрей РЭЙ

Гайк ГРИГОРЯН

От имени и по поручению редколлегии сборника, Гайк ГРИГОРЯН, февраль-май 2018 г.

© Сборник «Памяти Андрея Круза», состав, 2018

Андрей Круз, Вадим Денисов

СТРАТЕГИЯ. ОРУЖЕЙНИК

Точка отрыва. Аляска

Сотовый телефон зазвонил ровно в тот момент, когда в кузов пикапа отправился последний чурбак, подводя итог долгой, нудной, но полезной работы — я давно собирался спилить все высохшие деревья, нечего им делать на моем участке, заодно испытал новую бензопилу. Для начала завалил три ствола, распилил на чурбаки, погрузил в кузов. Колоть дрова буду потом, в сарае. Сегодня в камине запылает жаркий огонь в честь набирающей силу осени. Я с трудом выудил телефон из кармана. Выругался матерно в очередной раз, злясь, что не могу ткнуть в экран смартфона пальцем в рабочей перчатке, потому как не чувствует одетого пальца. Пока тащил перчатку с ладони, телефон умолк. Пришлось перезванивать.

— Привет, Джо, пропустил звонок.

— Твой очередной чертов ящик притащил, принимай, босс! — Джо определенно постарался выдать что-то более-менее вразумительное, потому что обычно его сленг не каждый реднек поймет. — Я около твоих ворот уже.

Наконец-то, заждался уже! В прошлый раз поставщик с заказом напутал. Теперь, вроде бы, исправился.

— Ворота не заперты, заезжай. И сразу к амбару, к новому.

— Где в прошлый раз выгружал?

— Точно. Сейчас подъеду.

Пилу бы не забыть, её тоже в кузов. В амбаре потом и оставлю.

Влез на водительское место, завел «Шеви». Старый добрый атмосферный дизель густо зарычал, зафыркал, сразу передав вибрацию на кузов автомобиля. Старенькая у меня машина — военный Шевроле «Кукви» восьмидесятых годов, скромный трудяга, купленный по случаю. В хозяйстве именно то, что нужно. Особенно после того, как умельцы его лифтанули, кое-что усилили в подвеске и поставили тяжелую внедорожную резину. Заодно и сиденья перетянули плотным брезентом цвета хаки. Те же умельцы научили «Кукви» и снег сгребать — ставишь легкий отвал и вперед, дорогу чистить. На охоту тоже на нём катаюсь — после всех переделок и доводок, проходимость у старичка получилась такая, что новомодные

внедорожники ему не конкуренты.

Тронул машину с места. Вибрация сразу пропала, а в кузове пару раз с глухим стуком перекатались поленья. Дальше надо проехать прямо, по влажной после недавнего дождя траве, немного в гору, и там уже свернуть на грунтовку, специально отсыпанную, чтобы зря не портить дёрн.

А там, с высоты сразу же открылся замечательный вид на дом, залив Качемак и вековой лес, подступающий к заливу сплошной стеной. И запах. Какой же тут запах! Смесь влажной хвои и солёного морского ветерка, задувающего в открытое водительское окно. Влага, напитавшая воздух ничуть не мешает. Даже частые дожди не портят настроения — наслаждаюсь окружающей суровой красотой. Особенно радуюсь вот чему: мне, наконец-то, больше не придётся покидать очередное замечательное место! Всё, хватит суеты. Закончились всяческие искания и метания. Выхожу в отставку, точнее полувотставку, если таковая существует в природе. То есть работать буду, но уже не ради денег, а исключительно для души. Деньги уже есть, их достаточно — до конца жизни хватит, причём, с запасом.

Если очень кратко — мечта материализовалась.

Годы тяжёлой работы, постоянного перенапряжения сил — душевных и физических, переезды и перелеты, истрепанные нервы, тревоги, заботы — извечные спутники моей специфической профессии. И вот он, счастливый финал — мечта, которая сбывается. У меня есть двадцать пять акров земли, считай, что двенадцать гектаров, большой домина с панорамными окнами и верандой, с видом на залив. Отсюда можно увидеть и ныряющих китов, и играющих каланов, и отдыхающих на камнях тюленей. Если подъехать ближе к спуску, то можно разглядеть причал, а возле него мой белый катер. Это ещё что, будет у меня ещё и самолет на поплавках, но пока руки не дошли... Землю я купил ещё три года назад, с расчетом на то, что, как только завершу все оставшиеся проекты, отправлюсь сюда. Но перебрался окончательно недавно, в апреле.

Финал ли это на самом деле, не станет ли здесь скучно — заранее не скажу. Не пробовал я раньше жить такой вот спокойной размеренной жизнью. А пока наслаждаюсь и всё мне нравится, категорически нравится. И причин для скуки не вижу. Не такая уж здесь и глухомань, хоть это и Аляска. Полуостров Кенай — одно из самых густонаселенных мест штата. До городка Хомер, центра

местного рыболовства, рукой подать, а в Анкоридж и слетать не проблема, туда на своих самолетах многие летают. Здесь этих самолетов, что автомобилей — обычное дело. Полуостров находится в западной части залива Аляска. Это царство дикой природы, в котором собраны все чудеса Аляски: склоны, поросшие лесом, большие ледники, живописные долины. Берега изрезаны глубокими фьордами. Западная сторона полуострова — это торфяные болота и низины с россыпями прекрасных озер. Много живности, это важно. Название произошло от проживавшего здесь племени кенайцев из народа атапасков, переселившегося сюда из внутренних районов Аляски. Некогда здесь был один из главных центров русского влияния на Аляске.

Найденное в своё время золото способствовало развитию инфраструктуры. Тут есть железная дорога, автострада Марин и множество живописных дорог, прихотливо выходящих среди еловых лесов. А уж если сильно захочется цивилизации, то никто не мешает отправиться в три абсолютно разные городские зоны: свобододобивый Хомер, практичный Сьюард и динамичный район Кенай-Солдотна.

Так что здесь я не одинок, соседей хватает. Просто земли у всех много, вот мы друг друга со двора и не видим. Но на этот вечер, например, я приглашен на барбекю, и как раз — к соседям. Народ тут вообще дружелюбный, да и у меня часто бывают гости. Приходится быть наготове. Дровишки в кузове, они и для мангала предназначены, в том числе.

Хозяйственный двор с двумя строениями расположен чуть в стороне от дома, до него метров сто. Там стоит старый деревянный амбар, большой, крашенный суриком. А рядом новый, сборный и утепленный, он пойдет под мастерскую. Или под цех, называй, как хочешь. Пока там навалено много всякого барахла, но как только начну ставить станки на бетонный фундамент, так всё лишнее и уберу. Грузовик, тоже военный «Ошкош» с наклоненной вперед серой кабиной и сложенной за ней стрелой-манипулятором, ждал у ворот. Такие машины строит двоюродный брат Джо, скупая старое военное имущество. Мой «Кукви», к слову, выплыл из того же источника.

На длинной платформе грузовика лежал большой ящик — пластик и доски, изрисованные всякими надписями типа «не ронять», «не кантовать» и стрелками, показывающими, где находится верх. И большая надпись «Precihole», «точная дыра», так сказать. Оно!

У машины, скучаяще присев на бампер, ждал меня Джо — невысокий бородатый мужик в зелёной бейсболке «John Deere» с логотипом-трактором и серой рабочей куртке поверх клетчатой рубахи. Джо тут на все руки от скуки. У этого парня и грузовик имеется, и снегоуборочная техника, экскаватор, и, даже, илососка, с помощью которой он ещё и септики чистит. У его кузена, как я сказал, есть автомастерская. Но оба никак не угомонятся. Теперь они вместе организывают game processing, что-то вроде мясницкой, куда можно привезти с охоты свою добычу, получив обратно разобранное мясо в красивых пакетах. Нарезут, как тебе нравится. Реальные работяги эти мужики, почёт и уважение таким.

— Привет, — я остановился возле грузовика, выбрался из кабины и протянул руку. — Сейчас ворота открою.

Джо кивнул и полез в кабину.

Я оттолкнул створки ворот, открывая обширное чрево ангара, и Джо, не теряя времени, начал разворачивать грузовик, чтобы подать машину кузовом в амбар.

— Давай, давай, еще чуть-чуть... стой! — крикнул я.

Ящик надо выгрузить в конкретное место, в ряд с остальными, стоящими у левой стены. Он здесь далеко не первый, но последний. Теперь оборудование можно будет распаковывать и начинать установку всех станков, начиная с трехкоординатного фрезерного и заканчивая специальным, для нарезки резьбы. И его взял, чтобы не извращаться вручную. Есть тут и «корбиновский» гидравлический пресс под пули, ящики с заготовками под стволы и много всего прочего, что красиво укладывается в GSA-лицензию^[1], законно выданную мне Бюро по контролю за алкоголем, табаком и оружием, так тут все эти сферы совмещаются. Это и есть моё... То ли хобби, то ли будущая работа.

Снова открылась дверь кабины, Джо спрыгнул на бетонный пол.

— Опять медведь погулял? — показал он на револьвер, висевший у меня на груди.

— Да, подходил.

Многие в этих краях постоянно ходят с огнестрельным оружием. И у самого Джо в машине что-то подобное наверняка имеется. Он в курсе, что какой-то гризли выбрал окрестности моего участка, и не только моего, для своих неспешных прогулок. Сам я зверюгу ещё не видел, но сосед справа уже замечал медведя из окна кухни, да и следы наличествовали. Я позавчера их увидел, косолапый пересекал мокрую после дождя грунтовку почти у самых ворот. Вот поэтому и

прихватил с собой «Ругер». Вероятность свалить обнаглевшего мишгана с первого выстрела из такого ствола гораздо выше, если стрелять правильными пулями и правильным калибром. Так-то я обычно ношу десятимиллиметровый «Кимбер».

— Давай, разгружаем, — сказал Джо, забираясь на платформу.

Ящик был уже под стрелой, оставалось только зацепить его стропами. Стрела у Джо пятитонная, груз поставить надо совсем рядом, так что нормально опустим, без проблем. Как, впрочем, и всё предыдущее, что мне было доставлено.

Работать в моем ангаре мы уже приноровились, так что разгрузка заняла чуть больше пяти минут. Поставили ровно, под стеночку, так, чтобы удобно было открывать. Я отдал ему деньги в конверте, так как он предпочитает наличные. Джо с довольным видом тут же спрятал конверт во внутренний карман куртки.

— Где здесь можно отлить? — поинтересовался он.

— В дом беги или на дерево лей, — пожал я плечами. — Поставь метку, отпугни медведя. Учует тебя и всё, уйдет навсегда.

— Я сейчас!

Джо, выбегая из ворот, кажется, начал расстегивать ширинку на ходу. Я посмотрел ему вслед. А потом вдруг что-то случилось...

Точка попадания. Платформа-5

Трудно сказать что именно, но всё вокруг вдруг изменилось.

Только что я стоял на ногах, а вот уже сижу. Прямо на полу. А в глазах расплываются круги. Вот я смотрел в открытые ворота и видел за ними засыпанную гравием площадку, мой «Шеви», деревья, а вот ворота уже полностью закрыты. Только что свет горел, а вот — темнота, и только через окошки под потолком пробиваются скудные лучи света. И кстати, «Шеви» я внутрь не загонял!

А теперь он стоит передо мной, тупо уставившись на меня фарами, словно баран глазами. На ворота смотри!

Я потряс головой, пытаюсь выгнать из нее вязкий туман, который невесть как там оказался. Круги вроде бы немного разошлись, потеряли яркость, однако голова всё равно кружится, а в во рту страшная сухость. От грузовика Джо пахло соляжкой. Именно это резкий запах и убедил меня в том, что я не сплю. Не могу выстроить логическую цепь произошедшего, в голове туман и хаос, но запах соляжки как нашатырь действует, убеждает в реалиях. Я даже кулаком постучал по тугой резине колеса, чтобы услышать характерный звук и ощутить его материальность.

Чего сидеть-то? Вставать надо. Сидя, ничего не прояснишь.

Кстати, а эмоций-то и нет. Вообще. Функционирую в режиме фиксации ощущений. Но эмоции будут... Много эмоций.

Так, подъём! Вот и встал. Чуть покачнулся, но успел схватиться рукой за край грузовой платформы «Ошкоша». Вздыхнул несколько раз глубоко, резко, а огляделся уже медленно. Да, ангар по-прежнему мой. Но что-то изменилось ещё, не только место стоянки «Кукви», который вместе с дровами каким-то чудом оказался внутри. Что это на полу?

Так, свет... надо бы свет включить.

Свет не включался.

Предохранители?

Я подошел к щитку, открыл. Нет, здесь всё на месте, и всё включено. То есть, щиток в порядке, но электричество в него не поступает. Нет его, электричества.

Фонарь. Фонарик у меня всегда висит на поясе — маленький, но яркий Sure Fire. Я без него, равно как и без складного ножа, даже по дому не хожу. Без фонаря человеку нельзя.

— Этого тут не стояло... — сказал я уже вслух.

Прямо посреди ангара вдруг обнаружился странного вида стол.

Совсем черная, заблестевшая под лучом фонаря зеркальная поверхность столешницы, толстенной, установленной на массивных опорах. Я присел на корточки и задумался. Задумываться, впрочем, всерьёз не получилось, потому что ошарашенное сознание не могло уцепиться за что-либо ему знакомое. Повозил по столешнице указательным пальцем в перчатке — да, как по стеклу вожу. Затем постучал зачем-то, сначала осторожно, потом сильнее. Звук был такой, словно я бил в гранитный монолит.

На столе лежал одинокий лист бумаги, причём с буквами. Но это потом, совсем потом, лист из закрытого помещения не улетит. Я, вообще-то, понять хочу, кто меня вырубил, и как именно. Так что, сперва надо осмотреться. Вытащив из кобуры массивный револьвер, я взвел большим пальцем курок. Щелчок как-то меня успокоил. Если тут враг, то снова огреть меня по голове у него не получится. Калибр .480 «ругер» кого хочешь успокоит.

Медленно, инстинктивно стараясь ступать потише, обошел грузовик спереди, заглянул с другой стороны, под него. Нет, один я тут, вроде... Но полный осмотр всё-таки завершил. Да, имущество на месте. Ящики со станками и прочим, верстак, инструменты, дровоколка, две тачки, пара отличных лопат в углу, большой топор и

колун... Всё как и было. Кстати, водительская дверь у грузовика оказалась закрытой, а ведь я точно помню, что Джо её бросил открытой.

Ладно, тогда зовем товарища по непоняткам и разбираемся с ним, выясняя, что случилось. Решительно дошагав до ворот, отпер калитку в створке, выглянул...

— Хрена себе..., — только и смог я сказать. — И где всё? Эй! Джо!

За дверью не было ничего из того, что должно было бы быть. Вообще. Ни моего хоздвора, ни дома, стоящего подальше, ни прекрасного залива внизу с причалом и катером, ни леса вокруг. И вообще, ангар стоял в какой-то большой яме или овраге, а от ворот начинался достаточно крутой подъем, упирившийся в очень густой кустарник, обрамляющий этот непонятный овраг или впадину или яму, куда меня невесть как занесло вместе с амбаром. В воздухе сильно пахло прелой травой и пылью. И солнце... Слишком оно высокое для Аляски.

Оглядевшись, переступил порог, снова замер, прислушиваясь... Птахи какие-то верещат, и всё. Ну, давай пойдем вокруг.

Вокруг получилось плохо, потому что ангар целиком, то есть по самую крышу, погрузился в нечто, похожее на гигантский полевой капонир для военной техники, однако лично я отродясь такой большой техники не видел. Не бывает такой техники! И, что самое интересное, этот проклятый капонир не выглядел свежим, склоны заросли высокой травой, сверху густо нависли кусты. Колючие весьма кусты, кстати, что-то вроде боярышника, через такие заросли ещё и хрен проберешься, пожалуй.

— Ну, ни ничего ж себе! — повторил я, попутно поражаясь отсутствию эмоций.

Всего увиденного оказалось слишком много для рождения стандартных эмоций. Этого не может быть, потому что такого не бывает. Какие эмоции должны быть правильными? Я и не знаю — никакие из имеющегося набора, так, пожалуй.

Аккуратно отпустив курок, я убрал револьвер в кобуру. Вроде бы, не от кого пока отбиваться. Кстати, насчет «отбиваться», все же пока моя голова работает плохо... Поэтому действуем по плану — быстрым шагом обратно в ангар, дверь не закрывать, пусть будет больше света, открыть двери «Шеви», откинуть вперед спинку сиденья-дивана, проверить...

Вот оно, нужное на месте! Я вытащил из ниши длинный и

увесистый оружейный чехол, плюхнул его на платформу грузовика и торопливо раскрыл.

Есть! Красавчик, ты не покинул меня в трудный час! «Браунинг BLR», рычажная магазинная винтовка с двадцатидюймовым стволом под калибр .358 «винчестер». Отличный калибр, между прочим, даже непонятно, почему он настолько слабо распространен. Годен для коротких стволов и одновременно бьющий своей тяжелой пулей весом двести сорок гран любую крупную дичь, вплоть до большого гризли и канадского лося. Винтовку в «Шеви» я как раз от всяких мишек-то и держу. Ну, и просто на всякий случай, живет она здесь. К ней два магазина, оба полные, по 4 патрона, и еще 40 патронов в двух коробках.

Зачем-то вскинул оружие, поймав ремень враспор, прицелился в дверной проем через люпольдовский прицел VX-6. Дернув рычаг, дослал патрон. Затем, подумав, вытащил магазин и втиснул туда ещё один патрон. Уже лучше. Человек вооруженный в любом случае чувствует себя уверенней, а хорошо вооруженный — намного уверенней.

Так, теперь следующие два вопроса: что это за стол, и что за ящики стоят у дальней стены? Деревянные такие, ладные, с ручками и железными замками-защелками. Вот с них мы и начнём. Так, два штабеля по четыре ящика в каждом. И вид у ящиков вполне знакомый, так что если в них лежит то, о чём я подумал, то... то что? А не знаю.

Откинув с лязгом тугие замки, я поднял крышку.

Ну да, угадал! Пять винтовок FAL. Лежат в рядок, под каждой по четыре магазина в плотную друг к другу. Вытащил одну, бегло оглядел... в консервационной смазке, выглядит... выглядит просто новой! Чье именно производство? Их ведь много где производили. Так, штамп бельгийский, оригинальный, а номер... Номер-то где, я спрашиваю? Вся маркировка на месте, а номера просто нет. Вообще. А как на других? На других винтовках, извлечённых из ящика, номеров тоже не оказалось. Вот так, как хочешь, так и понимай. Во втором ящике лежали еще пять «Фалов», а вот в третьем-четвертом уложены немецкие G3, так же, в рядок. И тоже новые, и тоже без номеров. Два ящика с немецкими винтовками, и ни единого номера на них. Странно? Нет, это офигительно странно!

Что во втором штабеле? Извольте, получите и распишитесь — двадцать карабинов СКС ижевского производства. Все — пятьдесят пятого года выпуска, и тоже, как вы уже догадались, без номеров. А

так — новехонькие, в пушечном сале, по всем ящикам обоймы россыпью. И ни единого патрона! Ни к одной марке нет боеприпаса. Только оружие. Опять ладно, тогда я задам сам себе закономерный и на изумление логичный вопрос: кто же меня закинул с ангаром черт знает куда, и зачем он натащил в ангар безномерного, то есть криминального, оружия? В чем тайный смысл, зачем весь этот спектакль или все же бред поврежденного рассудка? Убей меня бог, если я хоть что-то понимаю...

А что это за бумажка на столе, ну-ка? И что там написано?

Взяв белый лист, я отодвинул его от глаз подальше, подсвечивая текст фонариком — что поделать, с годами понемногу начинает проявляться дальноркость.

Платформа-5

Тип поверхности и рельефа: ЗБ

Агрессивность среды: общий режим сезонно.

Плотность биоценоза: средняя

Техногенная плотность: средняя

Тип поселения: особое — Оружейник

Форма поселения: укрытая, определяется вариативно

Стержневой этноформат: отсутствует

Характер инфокоммутиации: отсутствует

Характер донор-акций: дискретный, специализированный

Вводная донор акция: одноразовая, ограниченная

Наблюдение: особый режим

Генеральная задача: креативный режим

Дополнительные задачи: отсутствуют

Степень самостоятельности: полная

Ожидаемая адаптация: выше средней

Ожидаемый откат: не ожидается

Ожидаемая организация: индивидуально

Ожидаемая дезорганизация: средняя

Для внешнего включения режима «Оружейник» необходимо в течение неопределенного времени войти в состав селективного кластера по выбору оператора.

Не допускается функционирование оператора одновременно в двух и более кластерах, вне зависимости от причин совершения попыток.

В случае выполнения условий будет осуществлен допуск к полноформатному режиму работы донор-канала. Первичная разовая донор-акция может быть осуществлена немедленно. Для

допуска к работе необходимо положить предоставленный лист бумаги или любой другой с отпечатками пальцев и личными данными оператора на поверхность транспортируемого терминала донор-канала.

Вот так. Опять сплошные загадки, как хочешь, так и понимай.

Я — Оружейник? Что, вот так сразу? В принципе, специализация указана верно.

Стоп, стоп, стоп, уже снова задумался. А что вообще все это означает? Кто-то большой и очень сильный взял меня за шкуру и просто сбросил... не пойми куда. Так... Вот просто взял и поджопником?

Ха, есть первая эмоция! Накат тяжелой злости. С ранней молодости очень не люблю, когда кто-то меня к чему-либо принуждает, особенно, не спросив моего согласия. Такому человеку мне сразу хочется крепко дать в зубы. Практика имеется, давал в зубы и раньше, на счету два хорошенько побитых начальника. Кому сейчас можно дать в зубы?

Не вижу никого поблизости. А вот желание вижу, горячее такое, аж дыхание перехватывает! Даже не в зубы, этого маловато, просто пристрелить хочется. Руки нервно затряслись, в башке глухо зашумело. Эх! Чуть выпустить бы пар, а то меня сейчас от злости на кровавые ошметки разорвет!

Спокойно, в таком состоянии нужно неторопливо посчитать до десяти, закрыв глаза и мысленно рисуя в темноте меняющиеся цифры. Сейчас отпустит, откатит... Фу-ух... Я встал, нагнул, упершись руками в колени, осторожно помотал головой. Некого мне убивать, нет здесь никого, так что эмоции оставь на потом, пожалуйста. Пригодятся, когда вблизи обнаружится объект их приложения. Тот, кто за все это ответит.

А пока что делом надо заниматься, делом. Как говорил мой друг-подводник: «Попали в дерьмо? Давайте в нем плавать». Поплыли.

Этот каменный стол и есть тот самый «донор-канал», насколько я понимаю. То есть, терминал, так? Вот им пока и займусь.

Отпечатки нужны, говорите?

Специальной подушечки с краской у меня не было, зато пальцы прекрасно измазались машинным маслом. Я аккуратно откатал на листочке с текстом все десять. Затем озадачился: чем написать свои данные? Слава богу, быстро сообразил, что в кабине у Джо непременно должна лежать шариковая ручка для оформления документов. Забравшись в «Ошкош», я тут же нашел её в корзинке на

панели, рядом с какими-то бланками и накладными. А попутно обнаружил на потолке «Моссберг-500» с пистолетной рукояткой. Не удержавшись, заглянул в чужой бардачок и выудил оттуда две коробки красных патронов с картечью «дабл-О» и пулей. Надеюсь, Джо не очень на меня обидится. А если когда-нибудь всё-таки отольёт и примчится сюда, то верну, он поймет.

Заодно прихватил и удобную планшетку с зажимом, закрепив в ней листок.

Так, что будем писать? Ну, положим, имя:

«Лаубе Александр Генрихович».

Какие ещё данные, паспорт? Пусть будет паспорт, он у меня аргентинский, к слову. Дату выдачи не помню, а вот номер в голове задержался. Пусть будет номер.

Теперь внесём номер соцстрахования, американский. В США я живу по грин-карте, не гражданин. Или не «живу», а уже «жил»?

Номер водительского удостоверения штата Аляска, которое было с собой, я просто списал.

Что-то ещё им может понадобится? Да всё, я думаю, этого вполне достаточно.

Выпрыгнув из кабины, я направился к столу. Пожимая плечами и немножко чувствуя себя идиотом, положил листок на стол. И тут же терминал блякнул — из его середины чуть выдвинулась прямоугольная панель размером с этот самый лист, засветившаяся белым матовым светом.

— Эва, как оно тут! — поразился я.

На экране появился текст:

Специальный транспортируемый терминал донор-канала.

Условия входа в режим поставки:

Для внешнего включения режима необходимо в произвольный отрезок времени определить место дислокации сообразно представляемым задачам и задействовать терминал инициацией.

Мобил-операторами могут являться:

1. Оператор донор-канала селективного кластера.

2. Оружейник.

Не допускается одновременное функционирование мобил-оператора на двух терминалах, вне зависимости от причин совершения попыток.

Срок завершения организационного процесса не определён.

Для инициации лист бумаги с личными данными и отпечатками всех пальцев необходимо положить на донор-

панель терминала. После чего необходимо выйти из операционного зала и ждать появления сообщения на дисплее информационного канала.

При выполнении всех условий откроется дискретный донор-канал.

Материальная поставка будет производиться по оперативному ассортиментному заказу, в произвольное время.

Формат канала:

1. Группа предметов и товаров материального жизнеобеспечения и потребления соответствует ассортименту, имеющемуся в замкнутом контуре последнего стационарного жилища Оружейника на Платформе-1, функция иницируется запросом оператора.

2. Группа материалов и оборудования — ассортимент по количественному и качественному составу ограничен профилем деятельности Оружейника.

3. Характер ежедневной поставки (глубина и ширина канала) — вариативное число позиций общим весом не более 50 килограмм за сеанс.

4. Время ожидания от момента предупреждения оператора о предстоящей активности терминала до момента начала работы канала — не более 40 минут.

5. Время начала сеанса донор-акции от начала ввода до завершения поставки — не более 40 минут. Перед началом поставки оператор должен в течение минуты покинуть помещение.

6. Периодичность сеансов работы донор-канала определяется внешним графиком и от действий оператора не зависит.

После первичной активации дальнейшие перемещения транспортируемого терминала возможны не раньше, чем через месяц непрерывной работы на предыдущем месте. В случае более раннего перемещения терминал отключается на 12 месяцев, считая со дня нарушения.

Сеанс поставки завершается досрочно в случае, если оператор не успевает начать работу после акустического и светового предупреждения об активности.

Определяющее: при невыполнения любого из указанных условий оба канала сворачиваются, специальный транспортируемый терминал переходит в автономный режим, функция снимается, наблюдение переходит в общий режим.

Затем этот более чем странный текст сменился следующим:

Канал иницирован для первичной донор-акции.

Группа предметов и товаров материального жизнеобеспечения и потребления соответствует ассортименту, имеющемуся в замкнутом контуре последнего стационарного жилища Оружейника на Платформе-1.

Введите список необходимого оборудования и экипировки. Общий вес первичной поставки не выше 30 кг.

Начать работу?

Не, не, не... рано ещё. Я быстро ткнул пальцем в «нет», надеясь, что отрубая эту штуку не навсегда. Однако следующая надпись известила, что терминал всё ещё находится в режиме ожидания.

Что такое «Платформа-1», Земля? Аляска? Что-то другое?

Что всё это значит? Чёртова хреновина предлагает мне забрать оттуда какие-то свои вещи? Язык посланий-инструкций какой-то ломаный, не совсем человеческий, сразу и не вникнуть в то, что именно они имеют ввиду. Они? Ладно, пока проехали, они и они. Для начала надо бы оглядеться на местности, понять, что мне нужно предпринять в первую очередь. И для чего нужно. Так что пойду-ка я, прогуляюсь недалеко. Только сучкоруб с собой прихватчу, чтобы легче было продираться через кусты. А на крайний случай у меня в кузове «Шеви» припасена бензопила, так что не дождётесь, сволочи, пройду. Пролезу.

Точечные препятствия

Кусты, однако, оказались тем ещё препятствием. Густые, колючие, спутанные — натуральная живая изгородь, через которую запросто не прорвешься, не протиснешься, не оставив на ней клочья порванной шкуры. За кустами колючими оказались кусты вполне обычные, разросшиеся метра на три в высоту, а земля пошла под уклон. То есть выходит, что ангар мой натурально закопан в какой-то холмик.

Шел я очень тихо, осторожно, даже опасно, держа винтовку наготове. Когда разглядел первый просвет в листве, то сразу присел, замирая.

Что там? Похоже на просто поле.

Сухая трава под ветерком колышется, над головой листва шуршит. Степь, саванна, пампасы? Так сразу не поймёшь, давай ещё немного дальше, детальней осмотримся...

Прошел я метров десять и снова присел. Теперь видно больше и

лучше. Поле тянулось до горизонта, по всему пространству раскиданы перелески. Небольшие холмы похожие на этот, с гадским капониром. Выкрутив увеличение прицела на максимум, то есть на кратность в двенадцать, посмотрел вдаль через него. Вроде бы, там виднеются горы, они недалеко, но из-за дымки видны плохо. Словно силуэт, вырезанный из серой бумаги. Возле ближнего перелеска, до него около километра, пасутся какие-то антилопы, что ли. Или это какие-нибудь сайгаки? Не разглядеть.

А пейзаж информативно пуст, ни дорог тебе, ни машин, ни жилья. Кстати, подозреваю я, что этот «капони́р» со стороны таким же заурядным холмиком с перелеском и выглядит. Значит, тот гад... или те гады... В общем, закинувшие меня сюда люди о маскировке позаботились. Да, кстати, на листочке так и написано: «Форма поселения: укрытая». Хорошо, с этим разобрались.

То есть кто-то предоставляет мне возможность в поисках того «селективного кластера», что бы это ни значило, начать действовать скрытно. По степи, кстати, верный «Шеви» пройдет без особых проблем, если двигаться осторожно, не топить железку со всей дури, ведь в траве всякое оказаться может.

Тогда вопрос первый, маршрутный: куда ехать?

Мне бы предпочтительней прямо к той сволочи, что всё это со мной сотворила. В глазки ему посмотреть. Вот только не знаю я, где эти глаза находятся. Что же, обойду персональный «перелесок» по кругу, посмотрю, что там с другой стороны. Может, чего-нибудь полезного и обнаружу.

Первым полезным наблюдением оказалось то, что не даст мне помереть с голода — ещё одно стадо, на этот раз хорошо узнаваемых антилоп, паслось достаточно близко, метрах в трехстах. И моё появление их не спугнуло. Может быть, для испуга далеко, а может быть, они просто незнакомы с людьми. Вот если бы озадачиться добычей мяса именно сейчас, то я прямо отсюда из винтовки могу достать любую, здесь почти прямой выстрел. Кстати, еды совсем нет, да и питья тоже. Нет, вру, чуть-чуть воды имеется — в «Шеви» лежит полбутылки минералки...

С обратной стороны «капони́ра» я увидел нечто странное — кучу бурой земли, кем-то выкопанную и наваленную прямо на высокую траву. Это когда капони́р мой рыли, сюда земли таскали? Что-то маловато грунта. Подозрительная куча внезапно шевельнулась, и я тут же начал сдавать задом, вскидывая винтовку и одновременно выкручивая увеличение прицела на минимум.

Что это?! Не понял, но там ворочается что-то очень большое.

А если большое начинает нервничать, то становится опасным по определению.

Огромное нечто ожило, превращаясь в животное уже тогда, когда я обогнул по кругу перелесок, потеряв тварь из виду. Но рывкнула она так, что я плюнул на обход и приналег изо всех сил. Хорошо рывкнула, густо и настолько злобно, что душа ушла куда-то в район желудка, а в голове звенела одна единственная мысль: как бы мне не пропустить то место в перелеске, которое ведет к единственному проходу через колючки. Он узкий, этот лаз, я пролезу, а тварь, кем бы она ни была — нет. Надеюсь.

Зверь снова заревел, потом за спиной послышался тяжкий топот, аж земля под ногами затряслась, так мне показалось. Не добежав до нужного места, я рванул направо, в кустарник, благо он тут одинаково густой и плотный. Запросто по нему и слон не побегают, пожалуй. А вот и проход, сучья нарубленные кругом — отличный ориентир. Позади что-то с треском вломилось в кустарник, заревело снова, но уже ближе, намного ближе!

Я, чуть не подвывая со страху, проскочил до конца проделанного в колючей изгороди прохода и уже там нашел в себе силы остановиться и обернуться.

Ох... Спокойно! Твоя винтовка любого монстра свалит, так что давай, мужик, без паники, да?

Судя по звукам, гнавшееся за мной чудовище перешло с бега на шаг. Я хорошо слышал его громкое сопение, потрескивание ломающихся веток, — тварь приближалась, старательно вынюхивая след. И вот, наконец, зверь возник на дальней стороне примерно четырехметрового тоннеля.

Тварь, не сомневаясь в своём праве сильного, просто засунула морду, пытаясь проскочить сходу, однако колючая изгородь её сдержала, пружинисто оттолкнув назад, вцепившись всеми своими крючками в бурую кожу монстра.

Снова рёв и словно смрадный ветер навстречу! Уши заложило, но я выстрелил до того, как разглядел цель. В морду, чуть выше открытой зубастой пасти.

Медная пуля «Барнс», «тройной шок» калибра .358 весом 225 гран, выпущенная со скоростью свыше семисот метров в секунду не срикошетит ни от каких костей. В полёте такая пуля встает по нормали и идёт по пути наибольшего сопротивления, прямо в кость, проходя сквозь неё, как калёное долото через мягкую жёсть, и

превращая плоть в труху. Медная пуля деформируется не сразу. Она проникает глубоко внутрь мишени, разрывая мясо за счет гидроудара, и останавливается достаточно глубоко. Именно поэтому я и имею такой боеприпас, на медведя.

Рывок рычага, и сразу второй выстрел, туда же, чуть выше. Грохнуло, часть листьев с куста, росшего передо мной, сдуло, но тварь больше в проход не ломилась. Она тяжело мотнула огромной головой и тяжело осела на задние лапы. И даже тот рев, который она издала, уже не был настолько пугающим, в нём, скорее, сквозило недоумение.

— А вот мы ещё тебе... — пробормотал я и высадил оставшиеся три пули в грудь, чуть смещая точку прицеливания слева направо, чтобы пробило в линию.

Смена магазина, патрон в патронник.

А зверь-то лёг!

Выдохнул с шумным сипом, словно паровоз с пробитым котлом, и замер, полностью закупорив собой проход в кустах. Я ещё раз прицелился ему в башку, так, чтобы уже точно в мозг, и выстрелил в последний раз. Монстр даже не дернулся, подход уже, выходит.

Чёрт... Как-то сразу накатило, ноги ослабли.

Я спустился вниз, к ангару, привалился к стеночке и начал чисто рефлекторно набивать магазины. Нормально пострелял, раз живой остался. И противомедвежьи пули хороши. Медведь? Ну да, это медведь и был, только уж очень здоровый и кривой какой-то этот мишган. Я таких, раза в два больше гризли, ни разу не видел. И снова возникает вопрос на который, похоже, никто не собирается отвечать: где я нахожусь, с какой целью? Что это за Платформа такая, за номером пять? Почему бы мне не остаться на Платформе номер раз и не жить себе спокойно дальше, а? Как я и планировал, к чему столько долгих лет шел...

А вот за кусты спасибо, затейники, это хорошие кусты, по сравнению с ними любая колючая проволока отдыхает. Цены им нет, надо бы саженцев набрать, на будущее. На всякий случай.

Я все же закончил обход «капонира» по кругу.

Оказывается, туша медведя закупорила лаз не полностью. Я немного подрубил и пролез, уже прикидывая, как эту тушу можно будет отсюда убрать, пока не завоняла и не приманила на амбре таких же тварей, но задача выглядела неразрешимой. Размеры зверя поражали воображение.

Медведь-монстр был очень зубастым, клыкастым, со странно

короткой тупой мордой и длинными лапами. И как быть? Сначала нужно выгнать машину, тогда, может быть, и удастся эту грудку мяса и шерсти отбуксировать в сторонку. Чёрт, да тут целая просека нужна! А нужно ли рубить просеку, если у меня «тип поселения: укрытый»? Просека хорошо заметна со стороны, особенно если свежая. Нужно подождать, подумать.

На этом загадки и задачи не закончились. Пройдя по следам уroda до его лежки, я озадачился так, что дальше некуда. Вот следы есть, а вокруг — нет. Не нашёл! То есть, трава примята по овалу, в одном хорошо заметном месте, но к нему наследа не было. Всего два следа: отпечаток моей ноги, когда я летел чуть ли не по воздуху, и оттиски когтистых лап гнавшегося за мной чудовища. И как это понимать? Как он попал на место лежки, не с неба же упал! Так не бывает, точка. Я, задрал голову, даже посмотрел на небесах, но ответа не получил.

Впрочем, люди вместе с ангарами в единый миг тоже не оказываются посреди неизвестной степи, потому, что и этого не может быть. Не ставится точка, придётся нарисовать запятую, добавляя после неё «да, но...». Версия о том, что кошмарный сон что-то уж слишком сильно затянулся, мной не рассматривается. Если это действительно сон, то я сам проснусь когда наступит время, а пока следует действовать разумно даже во сне.

Точка поставки. Чёрный терминал

В общем, описав круг и убедившись в том, что «капонир» невозможно рассмотреть даже вблизи, я ушёл обратно в проклятый ангар, где снова залез в кабину грузовика. Снова позаимствовав ручку, принялся составлять на оборотной стороне какого-то бланка из запасов Джо список того, что у меня есть, и чего нет.

Одежда. Прикинут я для физической работы. То есть, одет в двадцатидолларовые джинсы Dickies покроя «для плотника» с двойными коленями и рабочие ботинки Agiat из светлого нубука, с композитным носком. Рубашка в клетку, ковбойская, и куртка Wrangler, настоящая, плотная, какими и торгуют в магазинах для ковбоев. Боюсь, что в этой хлопковой броне мне в таком климате будет жарковато, солнце печет всерьез. Кроме того, в подобной одежде хорошо работать или ездить на машине, но не наматывать на своих двоих большие расстояния. У меня нет запасных носков, нет ни единой смены белья, а если идти пешком, не мыться и не менять белье, то скоро взвоешь от того, что трусы натирают. Да и носки

имеют привычку сбиваться, мокнуть и чуть ли не спекаться, превращаясь в нечто мерзкое. Воду для стирки я пока не нашёл.

«Группа предметов и товаров материального жизнеобеспечения и потребления соответствует ассортименту, имеющемуся в замкнутом контуре последнего стационарного жилища Оружейника на Платформе-1». Так? То есть своё требуем, то, что в доме лежит? Хорошо, сейчас прикину, что там у меня есть. Только как это все надо объяснять? «Посмотри в комоде, во втором ящике, там трусы стопкой!» Так?

Еда и вода.

У меня в наличии половина бутылки, всё. Даже конфетки в карманах не завалилось, не ем я конфет. А что дома с едой? Минералки в упаковках, конечно, полно, а вот еда в холодильнике всё больше нормальная, а не консервированная, тут она долго не проживёт. Полно замороженных оленьих стейков... А! Есть спагетти и какие-то консервы в небольшом количестве, тунец для салата и что-то в этом роде. Хотел ведь прикупить и закинуть в подвал какой-нибудь аварийной еды вроде сухих пайков, да всё руки не доходили.

Лекарства.

Имеется стандартная аптечка в «Шеви», такую же видел и в грузовике. Добавить бы туда хороших болеутоляющих, на тот случай, если зуб прихватит, или травма случится, да и всё, на нечто более сложное моих медицинских умений не хватит.

Ножи.

Есть среднего размера лезермановский мультитул, лежит в куртке, на кармане джинсов висит складник. Мне нужен не слишком большой добротный нож, которым можно и зарезать, и разделать. Имеется у меня дома такой, «баковский», из недорогих, вполне пригодный. Тесаки не нужны, в ангаре лежат топор с пилой, да и бензопила вместе со мной перенеслась. Сучкоруб, он мне вместо мачете, даже лучше. Наивные люди видят в кино, как этими мачете рубят руки, ноги, головы и столбы, не задавая себе вопрос, а что же такое мачете? А мачете — это большой, но относительно лёгкий нож, сделанный из мягкой стали, чтобы легко было точить и которым можно махать весь день без усталости. Им хорошо рубить тростник или лианы. Всё, что толще лианы для мачете уже непосильно. Так что дома у меня подобного инструмента нет.

Патроны.

Их не слишком много. К револьверу — всего двенадцать, к винтовке осталось сорок две штуки. Для охоты это более чем

достаточно, а вот для непредсказуемых встреч... Кстати, ведь у меня дома есть триста восьмой калибр, пусть и не очень много, я таким почти не стреляю. Сколько там? Патронов двести, не больше, но для «фала» такой вариант годится. Военный патрон в гражданское оружие совать нельзя, а вот гражданский боеприпас в военное — запросто. Таким образом, у меня появится одна единица боевого оружия, так? Так. Револьверных в общей сложности сотни полторы, в основном собственного снаряжения. К винтовке довольно много, экспериментировал. У меня вообще была мечта создать свой уникальный патрон под короткий ствол для «brushgun», то есть для тех охотников, что бродят по кустам и рискуют нарваться на неприятности — из охотника превратиться в добычу. Такой патрон, чтобы стрелял из длинного ствола, сохраняя при этом нормальную баллистику. В общем, да, сотни три наберётся, из них почти сотня как раз с пулями «тройной шок».

Учтём и дробовик старины Джо. Мне он нужен? Пусть будет, хотя охотиться на уток с таким не слишком-то удобно. Если бы к нему отдельно прилагался приклад, тогда другое дело, но приклада нет. Револьвер большой, винтовка большая, дробовик тоже большой. Что из этого понесём скрытно? Нет, понятно, что скрытность в степи — это звучит смешно, но ведь я не только по степям гулять буду, верно? Подходящее есть, позже подумаю.

Мыльно-рыльные принадлежности, здесь всё понятно. Рюкзак и сумки, чтобы упаковать добро. Спутниковый телефон... А он тут работать будет? Что-то сомневаюсь я, а аппарат этот, если с кейсом, тяжёлый. Или все же взять, вдруг до кого-нибудь дозвонюсь?

Оптика: бинокль и дальномер.

Радиосвязь. С этим плохо, рации и в наших краях почти не пользуют, есть спутниковые системы, они надежней рации. Ну, и как везде, мобильники и интернет. В «Шеви» установлен широкополосный приемник, всё же автомобиль с Аляски. Но это не полноценный трансивер. Был у меня такой, да сломался, на передачу не работал. Стоп, вот же радиостанция, в «Ошкоше»! Двустороннее аналоговое бизнес-радио. Ну да, на развозке и разгрузке такими здесь... То есть, там. Пользуются. Или пользовались. Вот только частоты у него узкие, зарезервированные для частного профессионального использования, так что я как-то не уверен в полезности такого агрегата. Впрочем, пусть будет.

Что ещё? Потом наверняка вспомню бездну всяких полезных мелочей, которые я сейчас в перечне упускаю, но без которых позже

взвою. Например, туалетная бумага. Полотенца, не рубашками же мне вытираться. Спагетти на чем готовить буду, на дровах? А в степи точно везде будут дрова? Между прочим, дров у меня и дома хватает, только желания везти их с собой нет. Несколько связок полешек сделаю, да и всё. А походную печку я так и не приобрёл, хотя собирался. Сколько благих намерений сгорело в рутине повседневных забот! Не ходил я в долгие походы, некогда и некуда, вся охота и рыбалка — в двух шагах от дома, процесс укладывался в один световой день.

Палатка дома имеется, но ночевать я в палатке после такого местного опыта точно не буду, лучше уж в машине посплю. Безопасней. А то ещё один медведь заявится, да и давай смотреть, кто в теремочке живет. Проклятье, маловато у меня снаряжения для нормальных походов, не требовалось. Хорошо, что охотничьей одежды хватает, есть комплекты на все сезоны. Камуфляжем я особо не увлекался, опытные жители Аляске над таким увлечением даже посмеиваются, а вот одежда и обувь для долгой ходьбы есть, да. Самые дорогие шмотки — для дождя и холода, только холодов не предвижу, жарко, до зимы точно далеко. От дождя обязательно закажу. А ещё хороший спальник и плед.

Над списком потребного я просидел долго, на дворе понемногу начало смеркаться. Сидел, выверял, чего-то тянул... Боялся я идти к этому чертову терминалу! Дураком быть боялся! Попрошу у аппарата всего ништячного, а окажется, что это чья-то злая шутка. Или же сам чего-то не понял. И будет мне тогда до обидного неприятно — поймали дурачка на фейк.

К действию подтолкнул голод. Мне уже всерьез захотелось жрать, да и вода уже вся выпита. Терминал всё так же ярко светился панелью, таинственные батарейки не садились. Лист бумаги лежал там же, куда я его положил. Присев на корточки, ткнул пальцем в надпись «Выйти из режима ожидания».

Свет стал ярче, выплыл вопрос:

Инициировать аварийную донор-акцию? Да/Нет.

«Да» — понятное дело.

Введите название позиции из ассортимента периметра жилища оператора.

Ну, погнали по списку.

Интерфейс был простым и понятным, всплывало много подсказок и угадаек. Автоматика, или же кто там манипулировал, находила в моем доме нужное, иногда уточняя: «Обнаружено три

сходных позиции, уточните по цвету» — это про трусы. Каждый раз вес отнимался от значения «30.000», число светилось в правом углу планшета.

Были и отказы.

Первый: непонятный агрегат, никак не мотивируя своё решение, отказался принять заявку на патроны калибра .308, лишив меня возможности воспользоваться «фалом». Просто «отказ», без объяснений. Второй раз отлуп пришёл относительно дальномера и ночного бинокля, правда, уже с обоснованием — «запрет на поставку полупроводниковой техники». Так что я взял два простых бинокля Bushnell, большой и маленький. Странно, что терминал отказал переслать сюда плоский и удобный пистолет PPS, который я затребовал, однако легко согласился на «Чёрную вдову» — маленький пятизарядный револьвер от «North American Arms», машинку одинарного действия под калибр 22 «магнум», со складной рукояткой и кобурой на щиколотку.

Граммы в копилку лимита набегали, цифры постоянно менялись. Я попросил три пятигалонные канистры под солярку, в кузове их не было, в ангаре тоже. Патроны, между прочим, весят, как кирпичи, съедают лимит пугающе быстро. Еда тоже потянула будь здоров, пришлось отказываться от части консервов. До общего лимита я не дотянул всего четыре грамма. Попробовал добавить один патрон — отказ, «превышение». Все как в аптеке.

Хорошо, я ткнул в «подтвердить исполнение». Блямкнуло в очередной раз, и агрегат сухо предложил мне немедленно покинуть помещение, которое вот-вот станет опасным. Что и сделал бегом, подхватив винтовку.

На улице уже темнело всерьез, похоже сумерки здесь надолго не затягиваются. А это значит, что я нахожусь довольно далеко к югу от Аляски. Не знаю, насколько корректно в этом непонятном месте идут мои наручные часы, а то можно было бы и день вычислить. Или же день совпадает, двадцать второе сентября в обеих реальностях? Долго поразмышлять не получилось, терминал снова издал призывный звук, после чего в ангаре что-то загрохотало, что-то упало рассыпаясь по полу. Наверняка это шумнули падающие канистры. А терминал погас, больше не реагируя на тычки и матерные призывы. Выгреб я свою «аварийную поставку», похоже.

И тут я услышал далёкий звук, какое-то стрекотание. Да это же самолёт! На Аляске много малой авиации, небольшие «Цессны» и «Бонанзы» регулярно пролетают над моим участком, а я собирался

взять себе такую машинку, уже и несколько моделей подобрал... Так что спутать не мог, наслушался.

Я пулей подскочил ближе к краю обрыва, и тут же начал тихо ругаться — ничего не видно из этой проклятой ямы! Какое-то время я стоял глухой статуей, приложив ладонь к уху и пытался вытащить из быстро угасающего звука хоть какую-нибудь дополнительную информацию. А пока понятно главное: это не древний мир и не средние века. Тут есть авиация, по крайней мере, малая. Звук пропал, а губы ещё продолжали шептать нецензурное. Потом чуть-чуть отпустило, успокоился и вернулся в помещение.

Точка планирования. Надоевший ангар

Первую ночь я проспал в грузовике, тут сиденье длинней, тщательно заперев калитку и положив револьвер прямо под руку. Но ни звери, ни злодеи ночью не ломились. Зато снился дом на Аляске: сижу на террасе с видом на залив, мечтательно поглядываю на просторы, и всё вокруг зашибись.

Поэтому пробуждение оказалось жёстким, отвратным, с матом и просто руганью. Будильник в смартфоне, аккумулятор которого пока не разрядился, должен был поднять меня в восемь. Он и поднял. Солнце всюду светило в оконца под самой крышей. Я вышел на улицу и первым делом в нос ударил отвратительный запах. Вонял убитый чудо-медведь. Странно он пах, мерзко, но не дохлятиной. Вокруг туши не собрались мухи и мелкие падальщики. Лежит огромная туша на жаре, разлагается, а рядом никого. Странно, да?

И ещё. Он как-то уж слишком быстро этот монстр разлагается, выглядит, словно пролежал неделю. Запах... Словно понос с соляжкой, что-то в таком, пардон, духе, а то и вовсе некая синтетика чувствовалась. С тушей я ничего поделать не смогу, уже и не утащишь. Остается надеяться, что такими быстрыми темпами она и сама исчезнет.

Вернувшись в ангар, развел костерок в старом колесном диске, экономно вскипятив воду для кофе и умывания. Воду нужно искать, и найти как можно быстрее. Её мало, я сразу посадил себя на жёсткий лимит экономии. Даже бриться не стану, а это для меня, как нож вострый. Только для питья, и теоретическая капелька для чистки зубов. Впрочем, вполне и всухую, пастой отплююсь. Вместо умывания оботрусь влажными салфетками.

Варить ничего не буду, сейчас это роскошь, пока что вполне перебуюсь консервами. Дальше? Надо отсюда выбираться. Выходить

к какому-нибудь поселению, где есть люди, способные ответить хотя бы на главный на вопрос: «Что за хрень у вас тут творится?» Только куда идти и как... Попытки во время «донор-акции» заполучить хоть какую-нибудь карту или схему местности ни к чему не привели, тупая программа не понимала, о чем идёт речь, предлагая мне на выбор несколько отличных карт окрестностей моего дома, но тут уже я отказался. Компас, правда, получил без проблем.

И всё-таки, что тут за люди живут и чего они от меня хотят? Насколько я понимаю, этот удивительный стол, который устраивает «донор-акции», не может не быть адски ценным. Бесценным. Думаю, что за такой агрегат башку снесут легко, не раздумывая. Правда, в документе сказано, что оператором могу быть лично я и некий «оператор донор-канала селективного кластера», можно обойтись и без меня. Так что терминал, даром что он транспортируемый, я транспортировать не буду. Пожалуй, вообще ничего не буду транспортировать, кроме себя самого на «Шеви». В большом «Ошкоше» было бы безопасней, но в грузовике, судя по указателю, топлива в лучшем случае четверть бака. А в «шевике» бак почти полный. Да и расход топлива не в пользу большого и тяжелого автомобиля. Поэтому в канистры я слил топливо из грузовика — естественное решение.

Надо попробовать поехать расширяющимися кругами вокруг этого «компаунда», как я уже переименовал «капонир» на привычный американский манер. Вдруг получится наткнуться если не на дорогу, то хотя бы на речушку. Все речушки и ручьи ведут в большие реки, а люди в первую очередь селятся вдоль рек. Так что, если поблизости имеются некие «селективные кластеры», то возле рек их и нужно искать.

А что если я не найду ни того, ни другого?

Нет, степь вблизи не выглядит сухой, тут достаточно много деревьев и зелени, вода должна быть, в том числе и подземная. Надеюсь, ручей попадется, иначе придется копать колодец, или я долго не протяну. В общем, вооружившись, я пошел резать проезд, задыхаясь от омерзительной вони. Кромсал не напрямую, а по диагонали и с изгибом, чтобы проход нельзя было случайно заметить. Кустарник снаружи старался не трогать, даже подвязал местами ветки, чтобы не ломать. Есть у меня подозрение, что мой ангар и его содержимое в этих землях очень ценный трофей. То есть, лучше всего ништяк держать укрытым до тех пор, пока я не разберусь, с кем тут можно иметь дело. И лишь потом буду договариваться. Лист с

текстом прихвачу, теперь это моё удостоверение личности, а возможно и самый серьезный аргумент в переговорах.

По-хорошему, терминал лучше бы закопать в стороне от ангара. Где-нибудь совсем в другом месте, чтобы разделить приз на кусочки. Тем более, что здесь только этот терминал не мой, за всё остальное я платил кровными, до последнего цента заработанными так сказать. И делиться ни с кем не готов. А, ещё ящики с винтовками не мои! Ха, и «Ошкош», за него платил владелец, мой таинственно исчезнувший знакомец Джо.

Что от меня вообще требуется в этом эксперименте?

Логика подталкивает к ответу, что нужно начать делать то, для чего все эти станки и куплены, то есть производить винтовки. Но сколько я их произведу? У меня есть с десяток «actions» от «Монтана Райфл», с полсотни заготовок под стволы и примерно столько же под ресиверы. Немного латунного прутка под пули, несколько сот гильз .358, которые я планировал чуть растянуть и попробовать с другой пулей. Или все же терминал должен давать мне то, что потребуется по ходу дела? Как там написано — «Группа материалов и оборудования — ассортимент по количественному и качественному составу ограничен профилем деятельности Оружейника». Да, скорее всего терминал должен заменить мне всех возможных поставщиков, получается так.

Думается, что я человек нужный, раз получил особую бумагу. И вот вопрос: а в каких-нибудь «селективных кластерах» ничего, часом, не блыкнуло в то самое время, когда я здесь возник? Не дали ли им какие-нибудь координаты, а заодно и указания на поиск попавшего в неизвестность оружейника?

Может быть, вполне. Текст в этом странном документе вообще очень интересный. Из него следует, что задача сформулирована приблизительно. И нет указания на то, к какому именно «селективному кластеру», что бы эти слова ни означали, я должен примкнуть. То есть, в этом вопросе вся инициатива возложена на меня. Сколько всего таких «кластеров», и насколько они связаны с теми, кто меня так бесцеремонно забросил невесть куда? Если они закидывают людей сюда, то вполне могут и выбрасывать отсюда, верно? Как тут с темой возвращения, надо уточнять... У людей. Впрочем, людей надо искать в любом случае, не жить же здесь, в ангаре. Цивилизацию искать следует.

Проход я дорезал быстро, бензопила есть бензопила, кустарник крушит запросто. Исцарапался, конечно, весь, тут никуда не

денешься, но прорвался. И даже не сдох от вони, притерпелся. Посмотрел снаружи, — не сильно заметно, но следы от машины останутся. Хорошо если ветер поднимет траву, она прикроет. Ещё вопрос: как запомнить и пометить место без карты и GPS? Ориентиров нет — место не обладает специфическими признаками, один перелесок из многих. Я уже видел вокруг немало таких же холмов, до самого горизонта разбросаны. Уедешь и потом не найдешь... Будем решать проблемы по мере их поступления. Может быть, во время выписывания кругов получится определить надёжный ориентир и затем взять от него азимут и высчитать дистанцию.

И радиоэфир. В ангаре я разок включил приёмник, однако металлические стены вокруг и почти подземное расположение приему не способствуют. Выползу наверх и послушаю снова, может быть что-нибудь и поймаю, как знать. Времени до наступления темноты немного оставалось, пора собираться. А ужинать потом буду, как стемнеет, а то со всеми делами-заботами я и пообедать забыл. Или не забыл, а вонища и плохое настроение отбили аппетит напрочь?

Нервишки.

Точка принятия решения. Степь

С утра я глянул на труп невообразимо огромного медведя, который, к моему огромному удивлению, вонял гораздо меньше и что ещё более необычно, теперь то, что от медведя осталось отчетливо пахло ацетоном. А осталось не так уж много. Тело, превратившись в бурую слизь, уже почти стекло и впиталось в почву, обнажив скелет. Вернувшись в ангар, я ещё раз перепроверил уложенное в машину. Все инструменты сложил в большой ящик, закрепленный в кузове. Собрал всё, что смог найти. Вслед за инструментом в кузов отправились канистры с топливом и две герметичные сумки со скарбом и продуктами. Груз накрыл брезентом, затянул и зафиксировал банги-кордом, чтобы не прыгал и не гроыхал на кочках. Винтовку вложил в крепление на потолке, там же параллельно разместил и дробовик. Патронов я к нему тоже набрал, пусть и немного, но картечь имеется.

Самое важное и ценное — в кабину, за спинку и на пол с пассажирской стороны. Рюкзак поставил рядом, на тот случай, если придется экстренно выскакивать из машины и рвать когти. Постоял немного перед терминалом, раздумывая, что мне делать с ним. Нет смысла прятать этот волшебный аппарат отдельно. Или это место

вообще никто не найдет, или подрежут всё сразу, как ни прячь. И вряд ли нашедшие смогут его запустить, чтобы оценить необычность устройства, все же именно я основной оператор, верно?

Подумал, не взять ли мне «фал» или СКС с собой, вдруг представится возможность разжиться и такими патронами, но решил этого не делать. А вдруг это оружие — признак невезучих, таких, как я, лохами провалившихся в чертовщину? И тогда меня сразу опознают, начнут домогаться. А я домогательств ужас как не люблю.

Оставлю тут. И без них четыре ствола при себе.

Ну что, трогаемся, чего тянуть?

Тронулся.

«Шеви» уверенно забрался вверх по склону. Затем я медленно, не ломая кустов и хитро маневрируя, порой самым невероятным образом, выехал в чистое поле. Остановился.

Как круги нарезать будем, по часовой стрелке или против? По часовой. Так мне будет проще смотреть в сторону от компаунда, а это важней. Первый радиус возьму примерно... Да не примерно, а визуально, так, чтобы не терять место из виду, потом увеличу. Если что, при таком грунте и на таком расстоянии и по своим следам можно найти.

Голубая небесная полусфера раскинулась от горизонта до горизонта, облаков почти не было. Не было в небе и инверсионных, а если правильней, то кондиционных следов. В ближайшее время пассажирские лайнеры над местностью не пролетали.

Ради экономии топлива отключив передний мост, я тронулся с места и неспешно покатил по дуге. Первое впечатление — здешнее зверье совершенно не боится ни людей, ни машин.

Антилопы настораживались, замирали на месте, но не убегали. Скорей, им было любопытно. В высоте бесшумно парили какие-то большие птицы. Пару раз я вспугнул какую-то мелочь, сидевшую в траве, но разглядеть не смог. Земля под травостоем была пусть и не самая ровная, но машина ехала уверенно, не трясло. Первый круг не дал мне ничего, разве что взял пару азимутов на убежище, определился по сторонам света. Нормальных, надёжных и хорошо заметных ориентиров так и не обнаружил. Укати подальше, и место вполне можно потерять! Хоть бы звериная тропа какая-то нашлась... Но зачем животным, обитающим в столовой степи, набивать постоянные тропы, они здесь вообще бывают? Не знаю.

Второй круг тоже не обогатил меня полезной информацией, а вот на третьем, примерно на восток от компаунда, я обнаружил

сперва ровный уклон, а потом ещё и разросшийся кустарник в низине. Здесь может быть ручей, а то и вовсе речушка. Выбравшись из кабины, я влез на крышу. В бинокль разглядел и свою рощицу, и холм, взял азимут на него, а затем поехал точно в противоположном направлении. И получил первый приз — речушку, текущую меж невысоких песчаных обрывчиков, а на ближнем берегу — здоровенный валун вроде тех, что ледники когда-то разносили по равнинам.

Вода, вода! Обрадовался, как камень с плеч. И не только потому, что теперь можно быстренько прогнать драгоценную влагу через керамический фильтр Katadyn, от души напиться и наполнить канистры. Река всегда куда-то течет и куда-нибудь впадает. А люди чаще всего селятся именно возле рек. Надо бы забраться на этот огромный валун. С земли не вскарабкаться, зато с машины получилось. Поднялся, осторожно выпрямился с биноклем в руках, глянул на компас и сразу нашел уже родной холм. Отлично! Уточняем азимут и примерно рассчитываем дистанцию. Так, приблизительно четыре километра от валуна. Нет, не так. От Валуна, потому что это уже не камень, а ориентир, будущая отметка на будущей карте. Я еще раз внимательно осмотрел в бинокль бескрайнее небо, выискивая точку маленького самолётика. Не видно. Однако шум авиадвигателя точно был, мне не померещилось.

Противоположный берег речушки местами был подмыт, а вот на моей стороне — песчаная отмель и пляж серпом. Хороший такой укромный пляж, я сразу решил воспользоваться его курортным предназначением — разделся догола и полез в воду. Водичка оказалась прохладной. Никак, речка от ключей питается, иначе бы такое мелководье на жаре давно бы прогрелась. Здесь навалом мелкой рыбёшки, хвостики так и шныряют. Чуть ниже — пережат. Там, небось, водится и кое-что покрупней.

Отмылся, наплескался. Никакие хищники меня не беспокоили, хотя и от берега не удалялся, а винтовка лежала на виду, в три прыжка добегу. Кстати, свежим мяском завестись, что ли? Раз уж тут антилопы непуганые. Калибра на такую живность хватит с запасом. Жаль, что много мяса испортится, морозильника нет, а вялить некогда. Нехозяйственно так зверя расходовать, конечно, но снова жрать консервированного тунца со спагетти не хочется.

Отъехав в степь, я с пары сотен метров свалил антилопу, выбрав ту, что помельче. И мясо нежней будет, и меньше в отходы уйдет. Хотя, в природе отходов не бывает, тут каждый кусочек органики в

цене, кто-нибудь да подкормится.

Свежевал в роще, тушу не подвешивал. По внешнему виду дичь выглядела, как обычная вилорогая антилопа, каких полным полно в той же Монтане, может, более крупная разновидность. Взял что проще: окорок, нежное мясо с шеи, остальную тушу оттащил в траву и оставил возле одинокого дерева. Пусть зверьё растаскивает, уничтожая следы даже частичной разделки. Уже отъезжая, заметил движение. Остановился, глянул в бинокль... Нет, это не волки, а что-то вроде собак или койотов-переростков. Стая голов в шесть чётко шла на запах крови. Пока я был рядом, они не приближались, остановившись в полутора сотнях метров, глаза и часто нюхая воздух. Да уж, эти тоже с человеком не очень знакомы, не то бы помнили, что полторашка для винтовки вообще не дистанция.

Хотел я, было, вернуться в знакомое убежище, чтобы пожарить мясо в защищённом уединении, но не стал этого делать, нечего лишние следы накатывать. Нет уж, уехал так уехал. Устрою нормальный привал, там и пожарю. А пока лучше включу радиоприёмник, может, поймается живая волна. Машина осторожно катилась вдоль реки, хотя и петляла та немилосердно. Где мог, спрямлял. Пару раз поток терял, но быстро находил снова. Пейзаж не менялся, горы и вовсе растворились, их уже и в оптику не различить.

Приёмник довольно быстро нашел три станции.

Одна что-то бойко тараторила на китайском. Тут, как всегда, ни слова не понять, но мне стало радостно, китайцы это люди. На второй волне, совершенно меня не вдохновляя, муэдзин на арабском языке высоким голосом призывал правоверных к очередной молитве.

А вот третья станция с мощным и чистым сигналом заговорила на хорошем русском языке, представляясь, как официальный радиоканал анклава со странным названием «Замок Россия». Какой бы вариант вы бы выбрали для более плотного знакомства? Для меня ответ прост и очевиден. Будем искать.

Точка контроля. Зал совещаний Сотникова

Сотников переложил тяжёлую кожаную папку на край стола, и наконец-то поднял глаза в очках — все тут же притихли. Начал неожиданно:

— Друг-товарищ Сомов, разрешите обратиться!

Я не выдержал и непроизвольно хрюкнул, понимая: сейчас приколемся. Мишка что-то промышал по-коровьи и кивнул.

— Вот спасибо! — обрадовался Главный. — Огромная просьба у

меня имеется к вам, боевой вы наш сталкер Гоблин! Личная, можно?

— Александрыч... — на этом всё красноречие Сомова и закончилось.

— Что, уже проглочен? — участливо поинтересовался Сотников.

— Кто? — напарник продолжал отжигать.

— Язык! Тогда к просьбе, — безнадёжно махнул рукой Главный. — Видите ли, Михаил. Я уважаю ваше законное право постоянно что-то жевать, как культурное наследие. Но не могли бы вы прекратить лепить свою жвачку под моим столом?

Тут уж громко хмыкнула Благова, а собравшийся на срочное совещание народ расплылся в ехидных улыбках.

— Я не леплю! — тут же выставил щит Мишка, но сам же и продырявил его нелепым добавлением: — Я машинально!

На моей памяти его предупреждали раз пять. Однако Гоб упорно считает, что никто ничего не заметит, пока из-под столешницы не начнут появляться сталактиты.

— Вот как? — приподняв очки в роговой оправе, Главный с интересом посмотрел на жертву публичного избиения. — Короче, Сомов! Если ты ещё раз так дебильно ответишь, я загоню тебя на годик воспитателем в детский садик, для обмена с подопечными опытом, понял? Мне надоело каждый раз корячиться, забираясь с ножиком под столешницу! Это не для моих суставов занятие!

Рывком открыв один из верхних ящиков стола, он вытащил оттуда большой охотничий нож в кожаных ножнах и толкнул их по столу Гоблину.

— Изволь сам, здесь и сейчас! Ты меня услышал?

Мишка часто закивал, вытащил клинок и с кряхтением и барботажем начал втискиваться своим большим сильным телом в узости и тесноту. Народ заржал пуще.

В этот момент в кабинет быстро вошёл один из молодых нукеров шефа и начал что-то быстро шептать хозяину кабинета на ухо. Судя по тому, что спокойное выражение на лице Командора сохранилось, особой срочности и тревожности в донесении не было. Кивнув, он протянул было руку к стоящему слева ряду телефонов: белая вертушка с выходом на коммутатор диспетчерской и прямыми, со штабом Бероева, шерифом и нашей скромной берлогой в Замке. Рука задержалась над вертушкой, Сотников передумал.

— Итак, прошу помнить, что под столом лазает с режущим предметом человек, руки которого порой живут вне зависимости от команд из головы и, с учетом этого, жду объяснений, — зачем

понадобилось созывать в столь позднее время совещание в режиме высокой важности. Кто начнёт? Лунёв или Благова, кто инициатор?

Все посмотрели на нас с Эльзой, а мы начали переглядываться, всячески подталкивая друг друга взять ответственность на себя.

— Ещё не в курсе, мы только вечером вернулись с рейда, — поспешил ответить я хитро.

— Командор, отодрал! — появившийся из подземелий, точнее из подстолий довольный Гоблин показал всем кусочек белой резины. — Реально пожрать не успели, какие инициативы?

Демченко не выдержал:

— Разрешите мне, Алексей Александрович?

— Давайте, Сергей Вадимович, а то у нас тут какой-то внеплановый День защиты детей... Слушаю.

Прокашлявшись, Демченко сказал:

— Если коротко, то имеются все основания полагать, что в районе Пакистанки, ближе к горам и чуть восточней Дели обнаружена локалка первого класса. Причем с претензией.

— Вот как? — вскинул брови Главный. — Тогда давайте подробности.

— Эльза, начинай, — Демченко повернулся к летчице.

Поднявшись, Благова двумя быстрыми движениями разгладила ладонями несуществующие складки на комбинезоне и начала:

— Вчера днём я совершала плановый перелёт от мыса Игольчатого в Санту-Барбару. Вообще-то, это был уже третий полёт по маршруту, последний в летном плане.

— Что там случилось? — нахмурился Главный.

— Перевахтовка, — тихо пояснил ему Демченко, повернув свежевыбритую голову в сторону шефа, — смена строителей, работа по устройству причальной стенки наблюдательного поста, я докладывал. От Балаклавы туда дороги нет, свободных судов в прибрежной зоне тоже, всё расписано на две недели вперёд. А потом ещё и рейс в два плеча... Благова была свободна, завтра она отправляется в Берлин на спасоперацию, вы же знаете, там люди пропали... В общем, решили произвести перевахтовку авиацией.

— Ясно. Продолжайте, Эльза.

— Я уже проходила на высоте шестьсот перевал западней отрогов Гаруд, скоро должна была показаться река Каньонная. Метеоусловия на трассе были отличные, и мой пассажир заметил справа по борту огромное стадо антилоп, которое разделялось на два потока. Один шёл почти строго на восток, второй направлялся на

север. В то же время я имею попутное задание по фиксации больших стад...

— Запрос от Санта-Барбары, — вставил Серёга.

— Приняла решение спуститься ниже для оценки количества голов, — докладывала Эльза, бросив на Демченко очень недовольный взгляд. — В этот момент мы вспышку и увидели. Оба, то есть, фотофиксации нет, но есть свидетель. Яркую вспышку голубого цвета.

— Везёт же некоторым летающим, — буркнул Сомов, машинально доставая из кармана непечатую пачку жевательной резины. — А тут бродишь по буреломам, кости ломаешь...

— Убери, — предупредил его Сотников.

— Такая вспышка, которую мы называем «Лунным светом», свидетельствует о том, что в этом месте Смотрящие только что поставили локалку. Моя группа всего один раз была свидетелем этого удивительного феномена, когда впереди, на удалении в триста метров, из стены тайги полыхнуло непонятым призрачным свечением. Чаше «Лунный свет» увидеть невозможно, если ты работаешь на рельефе, а не над ним, вспышку скрывают складки местности, всё-таки это не прожектор. Постановка на местность локалки — событие само по себе редкое. А уж увидеть метафизический момент её рождения...

Эльзе действительно везёт больше, у неё это уже четвёртый случай наблюдения «Лунного света». То есть, человек она опытный, вспышки видела разные, и этому утверждению лётчицы можно верить. Не путает.

— Точное место определено? — Главный подтянул к себе чистый лист бумаги, ручку и начал что-то записывать.

— Не получилось, Алексей Александрович, только примерно. Очень плохо, но в этом районе нет хорошо заметных ориентиров. После обнаружения мне пришлось вернуться и сделать ещё один круг, чтобы взять пеленг на предполагаемое место относительно ближней вершины хребта. Топлива оставалось в обрез, поэтому я через репитер Барбары доложила в диспетчерскую Замка и отправилась по маршруту.

— Хорошо, я вас понял, Эльза... Зафиксировано рождение локалки, с чем я и поздравляю всех причастных. Но зачем нужно было по рядовому, в общем-то, запросу собирать у меня в кабинете целое, извините, народное вече? Группа Лунёва вполне могла всё решить самостоятельно.

Летчица хотела пояснить, но Демченко опять её опередил:

— Мощность и характер вспышки указывает на большое количество металла на малой площади.

Услышав это, Гоблин толкнул меня локтем в бок. Демон всё сказал по делу. Чем больше будет в локалке металла, сконцентрированного в одном месте, тем сильнее полыхнёт «Лунный свет». Например, такое происходит при рождении оружейной локалки или склада металла. Обычно большая такой вспышки не даст, даже если там стоит пара автомашин. Там вспышка размытая, как облако.

— Лунёв, что скажешь? Оружейка?

— Вообще-то, в секторе Пакистанки нами уже были найдены две оружейки, это большая плотность, Алексей Александрович. Ещё столько же, как я думаю, выгребли ушлые парни из Дели и соседнего Шанхая. Не думаю, что Смотрящие выходят за рамки установившегося порядка именно там, с чего бы? Они уже давненько не ставят локалки в прилегающих к Замку областях, и я не вижу причины, по которой они начали бы повторяться. Зачем?

— Костя абсолютно прав, это не стандартная локалка, и не оружейка, — поддержал меня Демченко. — Юра, доложи о самом интересном.

Вот как? Вишенка ещё не легла на торт! Мы с Мишкой тут же развернулись к начрадиослужбы Замка.

На дальнем конце огромного стола, положив обе руки на дерево и чуть наклонившись для солидности, медленно поднялся Вотяков.

— Получив уведомление от диспетчеров, я сразу распорядился по службе. У потеряшек может быть какая-нибудь радиостанция. Хотя и редко, но иногда и такое случается... Двухстороннюю связь организовать в большинстве случаев не получается вследствие слабой мощности носимых передатчиков, а вот точку выброски определить можно. Мной были задействованы три стационарные станции: здесь, в Замке, — Юрка показал большим пальцев на потолок залы, — на Дальнем Посту и в Санта-Барбаре. Балаклавскую береговую станцию слежения и обнаружения я не привлекал, в том районе горы начисто закрывают восточную часть материка. И через некоторое время все три станции зафиксировали...

— Сигнал SOS, — зевнув, подсказал Главный, ожидающий очевидного подтверждения.

Но Юра молчал.

Хитрый Демченко, морда журналистская, тем временем явно

наслаждался предстоящей сенсацией.

— Юрий! — окликнул Сотников.

Разведя руки в стороны, Вотяков несколько растерянно улыбнулся и, обращаясь сразу ко всем участникам совещания, молвил:

— Нет, Это был не сигнал SOS, товарищи. Вообще не сигнал. Импульс, короткий радиоимпульс. Товарищи, такие импульсы нам, радистам, давным-давно знакомы, аппаратура улавливает их каждый раз, когда в башне включается терминал поставки! Полгода назад я разработал программу наблюдений, согласно которой...

— У нас шоколадка! — заревел, прерывая его, вскочивший Гоблин.

Все зашумели, начав высказывать ценные мнения одновременно. Главный радист анклава ещё что-то бормотал о программе наблюдений, но его никто не слушал. Сотников моментально подобрался. Теперь на нас жесткими глазами смотрел хищник — решительный, цепкий, порой безжалостный руководитель.

— Это может оказаться монокластером?

— Характер вспышки совсем другой. Слишком много сконцентрированного металла, а монокластерам всегда давали ассортимент, — логично возразила Благова.

— Да и закончились они в списке отобранных для монокластеров народов и народностей, — рассудительно произнёс Серёга, — разве что Смотрящие начнут забытые остатки подбирать. Цыган, например.

— Хорошо, — согласился Командор, — какие ещё будут версии?

— Спасатель прибыл! — выдохнул молчавший до этого момента Феоктистов, заместитель отсутствующего по болезни полковника Бероева.

— Охренеть! — снова заорал неугомонный Гоблин. — У нас спасатель с шоколадкой!

Все замерли с открытыми ртами.

— Стоп-стоп! — я поспешил вмешаться в ход собрания писателей-фантастов. — Куда вас несёт, спасатели давно закончились! Их давали по одному на анклав, так? Шанхайский выжил, там он и работает. Спасателя индусов сожрали хищники, от бедолаги одни пистолеты остались... Наш пропал без вести, а берлинского на таком удалении приземлять не будут. Не спасатель это, исключено.

— Потапов, между прочим, чёрт знает откуда к нам топал, —

негромко заметил шериф, всегда умеющий найти неожиданный довод. — И ничего, добрался.

— Нет уж! Аналогия не прослеживается, Потапов, по задумке Смотрящих, должен был, умилившись уровню швейцарской жизни, остаться на месте, в Базеле, обеспечивая баланс интересов, — не сдавался я. — Кто же знал, что Федя быстро плюнет на весь этот зверинец и отправится искать соотечественников!

— Костя, говоришь ты вроде правильно, но где твой вывод? — нетерпеливо спросил Командор, постукивая шариковой ручкой по столу.

Я посмотрел на Гоблина и решился:

— Мы с братвой уже давно прикидываем, каковы могут быть дальнейшие действия Смотрящих по точечному вмешательству в ход развития анклавов. И решили, что таким вмешательством может оказаться отправка неких уникальных личностей с разной специализацией. Кто не успел, тот опоздал, будет отставать в сфере или отрасли.

— Точно, вспомнил, Монгол такое предположил! — озарился Сомов, звучно хлопнул себя ладонью по лбу. — Было дело, я тогда ещё к одной девчонке торопился! Автобус на Берлин через час, а они разбазарились...

— Версия принимается, — подвёл предварительный итог Сотников. — Технолог, доктор с уникальным оборудованием?

— Лишь бы не модный нейл-дизайнер или режиссёр... — хмыкнул Феоктистов.

— Да уж... Товарищ Лунев, когда ваша группа будет готова к выдвижению в район, и какая помощь может потребоваться?

Не успел я ответить, как слово опять взяла Благова.

— Подождите, господа, операция может оказаться сложнее, чем вам кажется. Дело в том, что я, получается, пролетала над местом вспышки два раза, ещё и кружила... Целенаправленно.

— Трахома... — дотумкал я первым.

— Что, опять не слава богу? — воскликнул Командор. — Поясните.

— Там Дели, похоже, что крепость рядом, километров семьдесят, — с неохотой начал пояснять я. — Но они с ленцой, болтаются по диким землям на юге не очень любят. А вот шанхайские запросто... эти могут. Скотоводов много, охотников, бандосы всякие... Да и группа сталкеров у них очень сильная. Если кто-то засёк самолёт и оценил явный интерес пилота, то в район обязательно

кто-нибудь сунется. В случае перехвата мы в Шанхае потом хрен концы отыщем, всё как в болото уйдёт, отвечаю.

— Это сильно меняет дело. И усложняет, — пробормотал Сотников, о чём-то напряжённо думая. — Так! Решение будет такое. Товарищ Феоктистов обеспечивает поддержку — раз есть вероятность стычек, сталкерам без поддержки уходить в рейд слишком рискованно. Лунёв, не спорить!

Поднявшись и взяв в руки со стола фуражку, Феоктистов почти без паузы ответил:

— Свободного личного состава у меня, конечно, нет, но поддержку обеспечим. Двух бойцов отдам Кастету в рейд, звено из ещё двух бойцов на «Патриоте» поставлю в Санта-Барбаре в качестве маневренной группы. Мангруппе для усиления выделю пулемет ДПМ.

— Только ты смотри там, самых лучших дай, а не на отвяжись! — предупредил офицера нахмурившийся Сотников.

— У меня все лучшие! — дежурно похвастался бодрый Феоктистов, но тут же, сменив тон, добавил тише и серьёзней: — Всё будет исполнено, товарищ Командор.

— В таком случае объявляю совещание закрытым, о порядке связи и взаимодействия договоритесь сами. Операцию... Как там Лунёв сказал, человек со специализацией? Контроль над ходом операции «Специалист» возлагаю на Сергея Вадимовича Демченко.

Народ начал расходиться. Серёга остался в зале, чтобы решить какие-то другие вопросы, а мы с Мишганом вывалились на вечерний воздух.

— Значит, с вояками поедem... — пробормотал я. — Может, это и хорошо.

— Ничего хорошего! — рыкнул Гоблин. — Сами бы быстренько сбегали, спеленали и привезли этого нейл-дизайнера в лучшем виде, ещё и вместе с шоколадкой. Не вижу сложностей.

— А мне почему-то они мерещатся, — вздохнул я. — Чуйка.

И всего через два дня выяснилось, что чуйка меня не подвела...

© *Андрей Круз, Вадим Денисов, 2018 г.*

Павел Корнев
ХМЕЛЬ И КЛОНДАЙК. ЭПИЛОГ
или
ВСЕМ НУЖЕН КЛОНДАЙК

Когда у Андрея появилась идея написать книгу о Приграничье, я этому только обрадовался. Во-первых, мне было интересно, что получится. Во-вторых, у меня самого планов на тот мир уже не было. Но вникнуть в чужую вселенную достаточно непросто, постоянно возникали вопросы, обсуждались какие-то детали и неочевидные мелочи. И в какой-то момент Андрей предложил соавторство.

Первую книгу мы написали за месяц. Сюжетные линии постоянно пересекались, требовалось работать быстро, чтобы не тормозить текст соавтора. Было интересно. Случались и споры, некоторые из них даже нашли отражение в тексте. Где-то я принимал аргументы Андрея, где-то он соглашался со мной. Итого — четыре книги и в планах была как минимум ещё одна. Но не срослось.

Сам я этот подцикл продолжать не буду. Приграничье никуда не денется, но не «Хмель и Клондайка». У этих книг было два автора, и Клондайка — герой стопроцентно крузовский. Его персонажем он и останется. Поэтому — эпилог.

Все истории когда-нибудь заканчиваются. Закончилась и эта. И я думаю, она вполне могла закончиться именно так...

Автор.

1.

Утро! Лето! Шум...

Из-за планов по застройке соседнего квартала началось расширение подъездной дороги, и вот уже третий день с рассвета и до заката за окнами бара беспрестанно грохотал отбойный молоток. Бригада рабочих в грязных спецовках, респираторах и касках без лишней спешки и весьма обстоятельно сносила оставшийся от заброшенного особняка цокольный этаж. Над пустырём витали клубы пыли, и ветер то и дело окутывал ими уличные столики. Посетителей на летней веранде заметно поубавилось. Да и в баре тоже аншлагов последние дни не наблюдается.

Я вытер вспотевшее лицо и взглянул на охватившую запястье серебряным браслетом «Омегу». Без четверти девять — самое время открывать бар. Непривычно весь день стоять за стойкой от звонка и до звонка, но Иван был занят, вот и приходилось крутиться самому.

Отперев входную дверь, я вернулся за прилавком, пошарил в кармане карго-брюк и вытащил запаянный пластиковый пакетик. Увы, упаковка оказалась негерметична, доза порошка набрала влаги и закаменела.

Ну, Виктор Петрович! Ну, ё-моё!

Такие деньги за эту алхимическую дрянь плачу, нельзя аккуратней, что ли?

Я помассировал занывшее плечо и взялся за выкидной нож. Сначала пяткой рукояти растолок кристаллическую массу, затем высыпал содержимое пакетика на разделочную доску, выщелкнул клинок и принялся методично измельчать препарат в порошок. Это, конечно, не семь ежедневных пилюль, но тоже мороки хватает...

Через прерывистое грохотанье отбойного молотка с улицы донёлся шум подъехавшего автомобиля. Я машинально завёл руку за спину и приподнял край фланелевой рубахи, высвобождая рукоять «Тауруса». Заодно кинул быстрый взгляд на арсенал под стойкой, но тревога оказалась напрасной. Пожаловал Ермолов.

Бывший начальник пограничной службы, изрядно прибавивший за годы кабинетной службы в весе, оказался в неожиданно приподнятом настроении.

— Привет, работникам общепита! — объявил он прямо с порога.

— Здрав буде, боярин, — отозвался я, убирая руку из-за спины. Затем скрутил из сторублёвки трубочку, склонился над разделочной доской и втянул порошок сначала в одну ноздрю, а потом и в другую.

Уф, жёстко пошло! Изнутри череп словно металлическим ёршиком поскребли.

— Ну ты вообще без палева! — фыркнул Ермолов, расстегнул лёгкую джинсовку и уселся на высокий стул. — Смотри, возьмут дружинники под белы ручки...

— Рецепт же... — выдохнул я, помотал головой и вытер выступившие на глазах слёзы. — Ты только заказ забрать или выпьешь чего?

Ермолов задумчиво огладил короткую бородку и махнул рукой.

— Наливай! Только бутылочного. Того тёмного, с этим... как его... с мозаиком!

— Блэк ИПА? Он и на кране есть.

— ИПА-фигипа! Нет, чтоб по-русски назвать, — фыркнул Ермолов. — Давай разливное тогда!

Я подставил бокал под кран и принялся качать помпу.

Дословный перевод на русский «чёрный бледный эль» — тот ещё загиб. И «чёрный светлый эль» звучит ничуть не лучше.

Ермолов принял бокал, вдохнул аромат и сделал небольшой глоток.

— Отличное пиво. Нормальное название есть у него? Без этих ваших «сингл хоп» и прочей лабуды?

— «Чёрный крест».

— Почему?

— Потому что гладиолус.

Ермолов фыркнул и спросил:

— А сам чего не пьёшь? Или тебе и с порошка хорошо?

С порошка мне было... никак.

— Это чисто в медицинских целях, — сообщил я, потирая нос.

— Ну, Слав! И за чем тогда дело стало? Наливай!

Я подумал-подумал и накачал полбокала тёмного и себе. Но отхлебнуть не успел. Задребезжал телефонный аппарат, пришлось снимать трубку.

— Хмелев слушает, — произнёс я, выслушал собеседника и ответил: — Нет, Гордеева нет. Не знаю, когда будет. На днях.

Александр Ермолов наострил уши.

— Нет Клондайка, да?

Я глотнул пива и усмехнулся.

— А что ты хотел? Янтарь ему толкнуть?

Бывший начальник погранслужбы даже от бокала оторвался.

— С чего взял?

— Земля слухами полнится. Говорят, ты теперь янтарный барон.

Ермолов надолго приложился к пиву, потом покачал головой.

— Не, янтарь — это временный этап. Я в таможенные брокеры подался. Есть к твоему соседу деловое предложение.

— О-о-о! — протянул я и не удержался от неудобного вопроса. — Сам в отставку собрался или попросили уйти?

Александр покачал головой.

— Слава! Ну ты как маленький, честное слово. У нас попросить могут только к стенке пройти, никак не в отставку. Гибче надо быть и нос по ветру держать.

Я отставил бокал, пригладил короткие волосы и кивнул.

— Без гибкости у нас никак.

Ермолов ответил понимающей улыбкой и вдруг спросил:

— Да ты никак хиппуешь?

— В смысле? — не понял я.

— Фенечка же!

Я оправил задравшийся рукав рубашки, из-под которого выглядывали нити с резными бусинами, и покачал головой.

— Просто подарок.

Объяснять, что это изготовленный специально для меня колдовской оберег, не стал. Ни к чему это. Чем меньше людей в курсе, тем лучше.

— Аккуратней, так и до кольца в носу недалеко! — хохотнул Ермолов.

Распахнулась дверь, с улицы ворвался шум отбойного молотка. Вставший на пороге долговязый парень в кожаном плаще и кепке что-то сказал, но его слова заглушил грохот.

— Ехать пора, — повторил он, прикрыв за собой дверь.

Ермолов допил пиво и вздохнул:

— Уже накурился, что ли?

Долговязый поморщился.

— До темноты успеть надо.

— Не парься, если что — в Соколовском заночуем,

— Вот ты простой как три копейки! И за чей счёт банкет?

— Поляна с меня, не сомневайся, — успокоил Александр спутника, но тянуть не стал и соскочил со стула. — Ладно, Слава, посчитай с невозвратной тарой. И добавь к заказу ящик «Чёрного креста». Наберётся бутылочного? Мне бы корешу подарок сделать, уважает он тёмное.

— Сейчас посмотрю, — сказал я и ушёл в кладовку. Когда вернулся и выставил на стойку первую картонную коробку, долговязого в баре уже не было, а Ермолов застёгивал джинсовку.

— Во дают, джамшуты, — хмыкнул он, явно имея в виду рабочих на улице, — с самого ранья пашут...

Я принёс вторую коробку, бывший начальник погранслужбы составил одну на другую и направился на выход.

— Бывай, Слава! — сказал он, когда я распахнул перед ним дверь.

— Бывай! — усмехнулся я и окинул внимательным взглядом улицу.

Кроме бригады рабочих, да Ермолова с приятелем — никого.

Не став задерживаться в дверях, я вернулся к стойке. Тут же,

будто нарочно, задребезжал телефон.

— Хмелев у аппарата, — ответил я на вызов.

— Слава, привет! — послышался в трубке голос Артёма Гельмана. — Как оно наше ничего?

— Ровно, — отозвался я.

— Давно не появлялся.

— Дела.

— Вот и у меня тоже... дела, — усмехнулся заместитель начальника Патруля. — Мне бы с соседом твоим парой слов перекинуться...

— А что такое?

— Не телефонный разговор. Но вообще, на днях объявят очень, просто очень интересный тендер, есть возможность вписаться. Только надо обсудить... так скажем... гарантированный платёж.

— Нет, — сходу отрезал я. — Коля не по этой части. Он ни в какой криминал не полезет.

— Так всё абсолютно законно! — уверил меня Гельман. — Вопрос исключительно в размере... накладных расходов.

— Ладно, — вздохнул я. — Передам, что ты звонил.

— Когда?

— Не знаю. Как увижу, так и передам.

Артём шумно засопел.

— Слушай, я бы к тебе и не обратился, мне напрямую человеку позвонить несложно. Но его ж найти невозможно! В магазине нет, в учебном центре тоже не появляется...

При необходимости Гельман умел вцепляться в человека подобно бультерьеру, поэтому я поспешно пообещал:

— Поговорю завтра или послезавтра. Со дня на день, короче...

— Только не тяни, тендер ждать не будет. И заезжай как-нибудь. Сто лет тебя не видел.

— Заеду, — уверил я собеседника и быстро кинул трубку на рычажки, заметив через стекло тень поднявшегося на крыльцо человека.

Распахнулась дверь, вошли трое. Невзрачный мужчина средних лет с неприметным лицом и два крепких парня. Предприниматель и охранники?

Но тут незнакомец уставился на меня своими пронзительно-синими глазами, и стало ясно: нет, не «предприниматель». Взгляд заморозил и лишил воли. Бусины оберегов обожгли запястья, но прогнать навеянное колдовством оцепенение не сумели. Ни рукой

пошевелить, ни ногой!

Один из громил по-хозяйски задвинул засов входной двери, второй быстро прошёл через зал, посмотрел в коридор и сказал:

— Чисто!

Тогда незнакомец холодно улыбнулся и негромко произнёс:

— Господин Хмелев, у меня к вам только один вопрос: где искать...

Дзанг! Дзанг! Дзанг!

На стеклянной вставке входной двери зазмеились трещинами дырки, посыпались осколки. Головы охранников на миг окутались кровавой взвесью, и они замертво повалились на пол, а вот их предводитель нисколько не пострадал. Пуля не попала в него, она просто исчезла, не долетев, перестала существовать здесь и сейчас.

Колдун крутанулся на пятке, вытянул в сторону двери руки и... тут одна из нитей на моём запястье перегорела, разрушенное заклинание тряхнуло колючим разрядом, и боль враз прогнала оцепенение. Без промедления я выхватил из-под прилавка дробовик, перемахнул через стойку и шагнул к заклинателю. До предела укороченные стволы уткнулись в бритый затылок, пальцы дёрнули сразу оба спусковых крючка.

Оглушительно грохнул дуллет, голова колдуна взорвалась, но не кровавыми брызгами, а ворохом колючих снежинок. Пол, столы, стены и потолок враз оказались затянуты изморозью, а человек попросту исчез, от него осталась лишь упавшая к моим ногам пустая одежда.

Ах ты, дьявол!

Я взвыл от боли, но всплеск стужи не сумел проморозить насквозь, лишь опалил холодом щёки.

— Слава! — крикнули через разбитое окошко. — Открывай!

Я поспешно отпер дверь, и, скользя на обледенелом полу, вернулся к стойке. Забежал за неё и вытащил из кладовки рулон брезента.

— Надо тела переложить, пока кровь не растеклась! Я пока «буханку» подгоню!

Переступивший через порог рабочий в пыльной робе отложил на стол карабин с блоком алхимического глушителя, снял с лица респиратор.

— Хмель! — одёрнул меня Николай Гордеев. — Отставить самодеятельность! Ты чего, блин? Дружинники уже в курсе! Забыл?

— А! Точно! Тупанул. — Я потёр занемевшее от холода лицо и

спросил: — Никто не ушёл?

— Один на улице караулил, его парализатором вырубил.

И будто в подтверждение этих слов Иван и Дмитрий заволокли внутрь пленника со скованными за спиной руками и бросили его лицом вниз.

Грачёв сдёрнул респиратор, оставил его болтаться на шее и заржал:

— Ну, дядя Слава, со вторым днём рождения вас!

— У меня этих дней рождений... — проворчал я и опрокинул в себя рюмку настоящего на травах самогона. По телу начало расходиться живительное тепло.

Дмитрий подошёл, выложил на стойку «Вепрь» и как ни в чём не бывало, попросил:

— Хмель, налей светлого, а то задолбался уже пыль глотать. Хоть горло промочу...

— И мне! — встрепенулся Иван. — Неделька выдалась — огонь! Я подставил под кран пустой бокал и усмехнулся.

— Сам нальёшь, не чужой, чай. Только ружьё убери.

Грачёв зашёл за стойку, а я окликнул Николая, который продолжал внимательно оглядывать бар. Покрытые изморозью пол и стены только-только начали оттаивать.

— Клондайк, ты как? Выпьешь?

— Да погоди ты! — отмахнулся Гордеев. — Этот лёд откуда взялся? И где третий?

— Без понятия, — сознался я.

Каким образом получивший пару латунных болванок в голову колдун разлетелся ворохом снежинок, осталось для меня загадкой. Впрочем, заморачиваться по этому поводу я не собирался. Жив — и ладно.

А ведь мог бы и не...

Информация о готовящемся покушении пришла от Дружины. На рутинной проверке Торгового пятака накрыли крупную партию несертифицированных боевых амулетов, но никого из контрабандистов живыми взять не получилось. Оставалось лишь гадать, что такого страшного собирались протащить в Форт, если дружинники не поскупились привлечь к делу медиумов, дабы те покопались в мозгах мертвецов и выудили из них контакты несостоявшихся покупателей.

И вот тогда-то помимо всего прочего эксперт и ухватил обрывок воспоминания с наблюдением за моим баром. Часть мыслей свежего

покойника удалось распутать, и оказалось, что мысли эти самые недобрые. Сплошь об убийстве. Ничего личного — только холодный расчёт, заказное убийство, как оно есть. Вот и пришлось Николаю с компанией изображать бурную деятельность по сносу заброшенного дома, а мне выступать в качестве наживки.

Но ведь сработало же! И я снова выпил.

Ха-ра-шо! Жить вообще хорошо, да...

С улицы послышался вой сирены, Николай Гордеев искоса глянул на нас, задумчиво хмыкнул и крикнул в дверь:

— Саня! Дуй сюда!

Чародей поднялся на крыльцо и замер на пороге как вкопанный.

— Ой, мля... — только и выдавил он из себя.

Я отставил графин и насторожился.

— Всё плохо?

Саня пнул ногой оставшуюся от колдуна одежду и пробормотал:

— Вроде не голем... Никогда о таком не слышал. Короче, надо гимназистов звать.

— Позовём, — решил Гордеев.

И тут с чёрного хода забежала Мила.

— Все целы? — встревожено спросила она.

— Все, — улыбнулся Клондайк и выставил перед собой грязные руки. — Да погоди, мне бы умыться сначала!

— Не вздумай никуда сегодня улизнуть! — предупредила его девушка.

— Ужин с меня! — напомнил я и присвистнул от удивления, когда с улицы прошёл Григорий Кузьминонок. — Приятно осознавать, что власти принимают столь деятельное участие...

— Умолкни, Хмелев! — перебил меня озабоченный чем-то начальник отдела контрразведки Дружины и спросил: — Этот живой?

— Да.

— Забирайте! — скомандовал Кузьминонок подчинённым и предупредил: — Заявку на вывоз тел уже сделали, сейчас сотрудник подъедет показания снять.

— Ещё бы экспертов из Гимназии вызвать, — посоветовал Саня.

Контрразведчик оглядел остатки изморози и кивнул, соглашаясь с чародеем.

— Вызовем, — пообещал он и шагнул к двери, но Николай Гордеев его удержал.

— Дело серьёзней, чем кажется, если им занялась контрразведка?

— Есть такое подозрение, — не стал юлить Григорий, но и от конкретики воздержался.

Он ушёл, а я потёр руки и спросил:

— Ну что, накрываю к восьми? Нет возражений?

Возражений ни у кого не оказалось.

2.

Отмечать мой второй день рождения собрались в подвале. И хоть особых поводов для веселья не было — как ни крути, слишком много неясностей оставалось в этом деле, да и заказчика прищучить будет ох как непросто, — настроение у всех оказалось приподнятое.

Мы живы, они не совсем, разве плохо?

Народу собралось немало, пришлось даже сдвигать столы. Я, Ирина, Николай с Милой, Платон и Дмитрий, Иван и Саня-чародей. Вику и Юлю тоже позвать не забыли. Всё же девчонки-гимназистки меня своими оберегами выручали не раз и не два.

Ужин затянулся, постепенно все переключились на пиво. Сидели долго, и хоть я на алкоголь старался не налегать, в голове приятно шумело. Хорошо посидели, душевно.

За столом уже оставались только Ирина и Николай с подругой, когда в кармане задёргался брелок. Какое-то время я силился сообразить, что бы это значило, потом прищёлкнул пальцами.

А! Кто-то вернулся!

— Я сейчас, — предупредил я и поднялся наверх.

Стекло во входной двери заменили, но выглядывать через него на улицу я не рискнул и встал сбоку.

— Кто там?!

— Открывайте, Хмелев!

Голос оказался прекрасно знаком, я на миг замешкался, потом выдал удивлённое «о-о-о...» и отодвинул засов.

— Бар закрыт на спецобслуживание! — предупредил я, но молодого человека в пошитом на заказ костюме, чёрной водолазке и туфлях с пижонскими серебряными пряжками это заявление нисколько не смутило.

Илья Линев прошёл внутрь, посмотрелся в зеркало и поправил волосы.

— Гордеев нужен, — сообщил он, убирая расчёску во внутренний карман пиджака.

— Всем нужен Гордеев, — проворчал я и задумался, как всё лучше устроить, но решил просто плыть по течению и спросил: —

Тёмное или светлое?

— Светлое, — выбрал Линеv.

— Проходите в подвал, — разрешил я, а сам задержался накачать в кувшин пива.

Когда спустился вниз, заместитель воеводы уже сидел на придвинутом к столу стуле. Я наполнил его кружку, Линеv отпил, одобрительно кивнул и объявил:

— У меня для вас две новости...

— Хорошая и плохая? — не удержался я от усмешки.

Но Илья меня удивил. И не только меня.

— Увы, — покачал он головой, — одна новость плохая, другая плохая чрезвычайно.

Все враз посерьёзнили.

— Убить собирались не Вячеслава, — сообщил Линеv и уставился на Клондайка. — Целью были вы, господин Гордеев. Именно вас выслеживали в баре, просто медиум не сумел верно истолковать уловленные образы.

— Это точно? — спросил Николай.

— Никаких ошибок, задержанный уже даёт показания. Вас не смогли найти, а время поджимало, вот и решили расспросить соседа.

Гордеев откинулся на спинку стула и забарабанил пальцами по краю столешницы. Что Николая не смогли найти - это ничуть не удивительно, последние дни он изображал из себя бригадира рабочих. Попробуй его узнай — с маской респиратора на всё лицо!

— Это была плохая новость или чрезвычайно-плохая? — уточнил Клондаик, накрыв ладонью пальцы встревоженной Милы.

— Первое, — сообщил Илья Линеv. — Уж не знаю, чем вы так насолили Хозяину, но за покушением стоят его люди. В курсе, кто такой Хозяин?

— В курсе, — поморщился Николай.

Я так и помертвел. Хозяин управлял Северореченском, и ходили слухи, что этот одиозный колдун и человеком-то не был, а пришёл откуда-то с Севера. Но слухи к делу не подошьёшь...

— Задержанный говорит что-то о стычке на севере, но подробностей он не знает, — сказал заместитель воеводы. — Не просветите, что там у вас приключилось?

— В Патруле отчёт запросите, — не слишком любезно посоветовал Гордеев. — Хозяина не достать?

Заместитель воеводы улыбнулся и покачал головой:

— Нереально. Более того — вы упустили исполнителя.

— В смысле? — опешил я. — А кому я тогда мозги вышиб?

— Это был лишь магический образ. Кукла и не более того. — Линев допил пиво и встал из-за стола. — Вот, собственно, и всё. Ситуация не ахти, но, думаю, обеспечить вам безопасность Дружина в состоянии. Надо лишь обговорить... детали. Подъезжайте завтра в управление. А лучше я машину пришлю. Хорошо?

Клондайк после недолгой паузы кивнул. Заместитель воеводы понимающе улыбнулся и отправился восвояси. Я поднялся запереть за ним дверь, следом взбежал Клондайк.

— Думаешь, не врёт он? — спросил я, наблюдая через окно, как Линев усаживается в служебный автомобиль.

— Не похоже, — поморщился Николай. — Людей Хозяина мы и в самом деле положили...

— И что теперь?

— А что теперь? — фыркнул Гордеев. — Ходить, да оглядываться. И думать, как достать Хозяина. И его исполнителей...

— И надолго тебя хватит в таком режиме?

Клондайк поморщился.

— Я под Линева не лягу. Сам справлюсь.

— Коля! — тихонько произнесла поднявшаяся из подвала Мила. — А может, уедем? На Аляску, а? Заживём нормальной жизнью, дела и оттуда вести сможешь...

В глазах девушки стояли слёзы, и Николай над её словами крепко задумался.

— Магазин на Саню оставишь, — предложил я. — Глядишь, Платон на тебя наш бизнес медицинский заведёт. Там неплохие обороты пошли, надо этим плотно заниматься.

— Давай! — попросила Мила. — Лекарства тебе помогают, Сергей таблетки привозить будет. Да и до окна там недалеко...

— Хозяин и на Аляске достать может, — заколебался Николай.

Я поморщился.

— Это ты здесь как бельмо на глазу, а так пропал и пропал. Как всё уляжется, глядишь, ещё вернёшься.

Клондайк обнял Милу и остро глянул на меня поверх её плеча.

— Хмель, а ты как здесь?

— Пф-ф-ф! — фыркнул я. — Да что со мной будет-то? Не бери в голову!

Гордеев поцеловал подругу, спросил:

— На Аляску, говоришь? — и сам же ответил: — Завтра. Решим завтра. Утро вечера мудренее.

Встал я на следующий день ни свет, ни заря. Выгнал «буханку» из каретного сарая и оставил её с включённым двигателем у чёрного хода оружейного магазина. Николай с Саней начали загружать в машину вещи и чехлы с оружием, следом вышла Мила, она сразу забралась в автомобиль.

Клондайк с нескрываемой печалью оглядел задний двор и покачал головой.

— Вот уж не думал, что всё так обернётся. Но Мила давно уже разговоры об Аляске заводит, и тут такая оказия...

Я протянул соседу руку.

— Да ладно! Скучно станет — возвращайся.

Николай ответил на рукопожатие и рассмеялся:

— Слава, ну ты даёшь! Где я и где скука? — Он удержал меня и предупредил: — Только очень тебя прошу: забудь про алмазы, хорошо? Не лезь ты в эту тему. Закопают ведь.

Я страдальчески поморщился.

— Хорошо, не полезу.

— Обещаешь?

— Обещаю.

— Тогда поехали. Платон уже на Торговом пятаке должен быть, а нам ещё через восточные ворота крюк делать.

Николай попрощался со смурным Саней и влез в «буханку», захлопнул за собой дверцу. Чародей потопал открывать ворота, а меня окликнула выглянувшая из бара Ирина.

— Слава! Всё будет хорошо? — спросила девушка, когда я подошёл к крыльцу.

— У них или у нас? — пошутил я в ответ.

Ирина фыркнула и с не наигранным возмущением выдала:

— У Коли с Милой, разумеется!

Я улыбнулся.

— Всё у них будет хорошо. Даже не сомневайся!

А потом вернулся к «буханке» и уселся за руль.

Пора было ехать. Пора...

© Павел Корнев, 2018

Борис Громов

НЕ СТАТЬ ЧУДИЩЕМ

Телевизор, которому я так и поленился отключить звук, продолжает балаболить какую-то бестолковую успокаивающую чушь. Ну-ну, конечно, ведь никто и не сомневается, что «ситуация в самое ближайшее время будет взята под полный контроль», а все, кому оно по службе положено, «прилагают все усилия». Вот только даже сама эта миловидная дикторша на экране совершенно не верит в ту ересь, что она сейчас «несет в массы». Абсолютно. Улыбка дежурная на лице — словно приклеена, тут профессионализм не пропить, но в глазах — даже не страх, ужас панический. Да и вообще, давно подметил, чем более сладкие песни поют с телеэкрана, тем хуже на самом деле ситуация. Это подросший за последние пару десятилетий молодняк своими глазами не видел, а потому и не знает, а я — воробей стреляный, из тех, кто помнит, как пьяный Ельцин обещал на рельсы лечь. И чем оно в итоге для всей страны обернулось — тоже помню. С другой стороны — лично мне жаловаться грех, именно тогда я и поднялся, и развернулся, смог заработать, приумножить и сохранить заработанное. Хотя далось оно мне... Да чего уж там, времечко то еще было... Впрочем, сейчас все обстоит намного хуже. Братки-рэкетеры в турецких «адидасах» и кожанках, и коррумпированные менты меня хотя бы сожрать не хотели...

Телебарышня продолжает, будто заведенная, лепетать какую-то протокольную муть: «не покидайте без необходимости дом, не открывайте двери, не вступайте в контакт с агрессивно настроенными индивидуумами, ждите прибытия помощи»... Ага, ждите! Когда эти «агрессивно настроенные», а на самом деле — туподохлые, только почему-то не желающие смирно лежать «субъекты» к вам сами вломятся. И вот тогда «не вступать в контакт» будет слегка затруднительно. Нет, господа-товарищи, если вы настолько глупы, что верите ей, а не тому, что творится прямо за окном — бог вам судья, и он же — защитник. Я вот решил надеяться исключительно на себя. Мне теперь дорога предстоит дальняя, сам о себе не позаботишься — никому ты на фиг не нужен!

Первым делом — разобраться с огневой мощью. Оружейный

сейф у меня большой, но значительная часть его содержимого в разобранном виде легко укладывается во вместительный брезентовый баул с широкими и прочными ремнями-ручками. Это по лесам-полям, да еще и в компании полезных для бизнеса людей, бродить лучше с двустволочкой «Фабарм Аксис Трайвуд», красивой и элегантной, а главное — дорогой, показывающей статус владельца, но сейчас нужна не она. Сейчас на первом месте — ёмкость магазина и скорость перезарядки. Так что все красивое и элегантное — в мешок. А в руки — «сто тридцать шестой» «Вепрь», бывший «в девичестве» автоматом АКМ, выпущенном на Ижевском оружейном заводе в одна тысяча девятьсот шестьдесят пятом году. Долго я его искал и выбирал в свое время, но зато — муха не... топталась. Потом, конечно, до ума все равно доводил: шестипозиционный приклад-телескоп от «Магпула», той же конторы пистолетная рукоятка и цевье с рельсами планок Пикатинни, а на них — панорамный коллиматорный прицел «Эотек», ЛЦУ с зеленым лучом и штурмовая рукоять с компактным, но мощным фонарем. И слегка «доработанные напильником» магазины к ручному пулемету Калашникова калибра «семь-шестьдесят два» старого образца. Это вам не жалкие штатные охотничьи «десятки», а «бубен» на семьдесят пять патронов и полдюжины «сороковок». Раньше с таким «народным творчеством» участковому или инспектору ОЛРР лучше было не попадаться, но теперь... Кому оно теперь интересно? Да и где сейчас они оба, что участковый, что «лицензионщик»? Об одном жалею — была некоторое время назад возможность армейский ПБС купить, причем, не сказать, что сильно дорого. Но — отказался, подумал, что оно мне, вроде как, ни к чему. Теперь вот вижу — могло бы быть очень даже «к чему», да поздно уже...

Так, снаряжать магазины к «шершавому» закончил, пора к «бэкапу» переходить, к запасному стволу то бишь. Жаль, до стрелкового комплекса «Точка» на МКАДе мне сейчас не добраться. Народ в «Точке», что начальство, что инструкторы, быстро соображающий, решительный и весьма неплохо подготовленный. Так что об оставшемся там якобы «клубном», а на деле — моим личным, разве что без права выноса, «Кольте Кимбер» сорок пятого калибра можно забыть. У него уже точно совсем другой хозяин. А жаль, не пистолет — игрушка!

Так что про «короткий» запасной ствол пока придется забыть. Вместо него временно, пока не добуду хоть что-то, поработает «гладкий» помповый «Фабарм ЭсТиЭф Телескопик» двенадцатого

калибра. Отличный тактический дробовик, удобный и мощный. Подствольный трубчатый магазин — «пять плюс один». Единственный (и весьма условный) недостаток — «механических» прицельных нет, но оптику под него я покупал одновременно с ружьем — коллиматор все той же фирмы «Эотек», разве что более скромных размеров. Тяжеловат, конечно, «бэкап» выходит, почти три с половиной килограмма, но зато мощь картечного заряда на малой дистанции... Ууу, ни один пистолет и даже автомат не сравнятся!

Вот с чем у меня беда — это с разгрузочным жилетом. Старый нагрудник от «Корпуса выживания» у меня порвался, а замену я ему так и не прикупил. Для тактических пострелушек на стрельбище за глаза хватало и широкого пояса из кордуры с закрепленными на нем почками-подсумками. А теперь — «поздно, тетя, пить «Боржоми», когда почки отвалились». Значит — крепим на пояс три подсумка под магазины-«сороковки», предварительно скрепив их попарно зажимами-каплерами. «Бубен» — примкнуть к «Веprü». Через грудь наискосок — бандольеро с патронами двенадцатого калибра. Да уж, Панчо Вилья, блин. Могло бы быть очень смешно, если бы не было настолько серьезно. Дробовик — пока за спину, поверх тяжелого брезентового баула с содержимым оружейного сейфа и не особенно большого, но плотно набитого рюкзака с «малым джентльменским набором». В армии такие «тревожными чемоданами» называют. Схватил в охапку и — хоть в заснеженную тайгу, хоть в знойную пустыню, на первые трое суток всего хватит. Дальше — пусть у службы тыла голова болит. Покрутился и так, и эдак, присел пару раз... М-да, неудобно. Впрочем, мне не в рейд в афганские горы в таком виде идти, а до машины — уж как-нибудь доберусь.

Ну, что — готов? Готов. Еще раз выглядываю в окно: по двору, как и полчаса назад, неспешно слоняются с десяток окровавленных, местами здорово подранных зубами, мертвецов. И это только те, которых я из своего окна вижу, а у меня далеко не весь двор просматривается, и даже не его половина. Да уж, «ситуация под контролем»! Центр Москвы, по прямой до Кремля пара километров всего, и — вот такое. Что происходит сейчас где-нибудь в Марьино — даже представлять не хочу.

Эх, почистить бы сейчас немного, прямо через приоткрытое под такое дело окошко, дистанция-то — никакая. Но не стоит. На звуки выстрелов со всех сторон стянутся другие, и тогда может не хватить и семидесяти пяти патронов в пулеметном «бубне». Уж лучше на скорости: выскочить из подъезда, расчистить себе дорогу к машине и

— дай бог ноги. Вернее — колеса. А машина у меня правильная. Подготовленный для триала и аутдора внедорожник «Тойота» «Ленд Крузер», «двухсотка» с бензиновым V8 в двести пятьдесят «лошадок», лифтованная на дополнительные два дюйма, да на «мудовой»^[2], «грязевой» резине. В общем: «Что такое внедорожник? Это машина, которая застрянет там, куда другие даже не доедут». И чтобы застрять на моей — нужно очень постараться. А я не буду. Меня дальний путь ждет. В далекую Кахетию, в прославленный фильмом «Мимино» городок Телави, куда в гости к родне еще за неделю до начала всего этого безумия уехала жена с сыновьями. От меня до них сейчас немногим больше двух тысяч километров, которые я должен преодолеть как можно быстрее. Время уходит, с каждым часом ситуация все сложнее, а они меня ждут. Пока еще работала мобильная связь, любимая успела позвонить. У них все хорошо, Георгий, ее старший брат, мужик далеко не промах. Дождутся. Теперь дело за мной.

Все, пора! Сначала тщательно осматриваю лестничную клетку в панорамный «глазок», а потом бесшумно приоткрываю дверь и прислушиваюсь. Вроде тихо. Не к месту вспоминается момент с этими же словами из фильма «Кромешная тьма» про крутого уголовника Ричарда Б. Риддика с Вином Дизелем в главной роли. Как бы и тут так же не получилось. Все — пошел! На ногах — не новые, разношенные и хорошо сидящие на ноге, нигде не жмущие и не натирающие американские ботинки «Коркоран Мародер», мои шаги по бетонным ступеням почти не слышны. Приклад карабина плотно вжат в плечо, взгляд неотрывно следует за прицельной маркой коллиматора. К счастью для меня — подъезд пуст, за парой дверей слышно непонятное шебуршание, в третью при моем приближении изнутри ритмично замолотили, похоже, кулаками или ладонями, но обошлось без стрельбы. Так что у меня все шансы появиться во дворе тем самым незванным и неожиданным гостем, что, если верить народному фольклору — хуже любого татарина.

Радует то, что пока еще есть электричество. Электрозамки на входных дверях удерживают мертвецов: одних — не впускают с улицы в дома, другим, наоборот, не дают выбраться наружу. В любом случае, выжившим, пусть и немного, но легче. Локтем прижимаю кнопку и под противный, как мне кажется, уж слишком громкий писк домофона, выскакиваю наружу.

До первого, ближайшего ко мне мертвеца, с отрешенной, обвисшей физиономией землисто-серого цвета и вырванным кадыком

— метра четыре. Ему же и первая пуля. Разглядывать прочих, весьма бодро рванувших в мою сторону со всех концов нашего просторного двора, времени уже нет: ловлю в прицел головы и плавно давлю на спуск, не забывая при этом перебирать ногами в сторону своей «Тойоты». Нечего тут в тир играть. Считаю, всей Москве уже упитанный полярный лис приснился, у меня на всех восставших патронов не хватит. К счастью, двор у нас — вовсе не ровная асфальтированная «плешка». Тут и заборчики невысокие, ажурные, вокруг детской площадки, и даже живая изгородь из аккуратно постриженных кустов. Понятно, что сейчас, ранней весной, голая, без листьев, она препятствие — так себе, но тормозным мертвякам и этого хватает. Вон, один, в собственных ногах запутался и рухнул плашмя, словно чурбак деревянный, или манекен. Живые люди так не падают. Головой об асфальт приложился знатно, но, к сожалению, недостаточно — полежал пару мгновений и забарахтался, пытаюсь встать. Боли они, похоже, совсем не чувствуют, а значит пока им мозг не вышибить — будут стараться встать и догнать. Нет уж, родной. Ты мертвый — вот и лежи! Пуля бьет приподнявшегося зомби точно в темечко и тот с размаху утыкается мордой, назвать это лицом язык не поворачивается, в бордюрный камень.

Ага, вот и «Тойота» моя, верный и надежный железный конь для поездок по загородному бездорожью. Разумеется, в офис я на совершенно другой машине ездил, но та, «Ауди А6», так и осталась на стоянке бизнес-центра. Не смог я на ней проскочить мимо намертво сцепившихся в воротах микроавтобуса «скорой помощи» и полицейской «Приоры». Опять же, пассажиры и там, и там были уже «скорее мертвы, чем живы». И жрать хотели ну очень сильно. Как выбрался — отдельная история.

Сбросив с плеча на асфальт баул с разобранным оружием и запасом патронов, левой рукой тяну из кармана брелок. Сдвоенный писк сигнализации подсказывает, что двери разблокированы, можно грузиться. Правда, сначала придется угомонить еще парочку мертвяков, то ли самых тупых, то ли самых упертых. Кстати, на выстрелы зомби отреагировали почему-то по-разному. Большинство «навелось» на источник звука и неспешно потопали на меня, но вот трое или четверо — порскнули в разные стороны, ища укрытия за будкой электроподстанции в углу двора и под козырьком входа в подвал. Более опытные, знающие, что такое стрельба? Или просто башковитые? Не знаю, пока не знаю, но стоит запомнить и иметь в виду. А то, глядишь, какой-нибудьдохлый «профессор» умудрится в

спину из пистолета пальнуть. Нужно мне такое счастье? Однозначно — нет!

Баул — на заднее сиденье, «тревожный» рюкзачок снимать вообще не стану, случись что — одевать потом некогда. А то, что сидеть будет не очень удобно, так потерплю. И карабин, и «помпу» поставил на пол перед пассажирским креслом, встали, вроде, плотно, на повороте съехать вбок или упасть не должны. Повернул ключ в замке зажигания, под капотом тихо, но басовито зарокотал четырех с половиной литровый движок. Бензобак — почти полный, причем он у меня не штатный, на месте «запаски» под багажником установлен дополнительный австралийского производства «Лонг Рейндж», на девяносто литров. Понятно, что до конца пути и его не хватит, но где-то до Каменск-Шахтинского, а то и до Ростова-на-Дону я без дозаправки дотяну. Хотя, нет, до Ростова — вряд ли. К тому же, думаю, искать бензин в теперешних условиях лучше не в больших городах, а в местах попроще и поспокойнее.

На выезде из арки чуть не сбиваю еще парочку окровавленных упырей, лишь в последнее мгновение успеваю вывернуть руль и объехать мертвецов, едва не задев их правым передним крылом. Нет, пусть герои тупых боевиков своих врагов на скорости таранят, в реальности такие фокусы в любой момент могут закончиться пробитым радиатором. Антифриз вытекает в считанные мгновения, а перегревшийся двигатель очень быстро намертво клинит. И все, «Уже никто и никуда не идет». Транспорт нужно беречь. «Колеса» сейчас — едва ли не единственная возможность выбраться из Москвы. Дальше будет проще: до самого Ростова-на-Дону ни через один крупный город проезжать не придется, разве что Воронеж, да и тот справа останется. Так что основная задача — в кратчайшие сроки покинуть пределы МКАД.

Так, стоп! А это что такое?! Впереди, метрах в трехстах, на тротуаре, частично перекрыв крайний правый ряд, помаргивает красно-синей «люстрой» серебристо-серый «Форд» ДПС. Возле «перехватчика» трое вполне живых-здоровых ментов в ярко-желтых светоотражающих жилетках, все при автоматах — укороченных АКС-74У. Странно, я думал, полицейским их давно на «Кедры» и ПП-2000 поменяли. Видать, как прижало, так все загашники вскрыли. Вокруг импровизированного блокпоста, на удалении метров, примерно, в сто, или около того, валяется с полсотни мертвых тел. Теперь уже окончательно мертвых. Видать, «гаеры» в три ствола отстреливали подбредających зомби, пока тут стояли. Зачем, кстати?

Не в смысле «зачем отстреливали», а стоят-то они тут на кой черт вообще?

Один из «гаеров», меж тем, с уверенной рожей тычет в мою сторону своей «полосатой палочкой», явно требуя остановиться. И вот убей меня бог, что-то мне в нем сильно не нравится. Нет, дело даже не в его небритой роже — мертвые встали и пошли живых жрать, когда уж тут бриться? Но, вот не то что-то... Я перекидываю «помпу» (она сейчас удобнее, потому что компактнее «Вепря» с примкнутой громоздкой «банкой») себе на колени и понемногу снижаю скорость. А то мало ли: сейчас на нервах все, еще пальнут. Кто с них потом спрашивать будет?

К слову, метрах в тридцати дальше, за этим подозрительным постом, стоит у центрального отбойника ниссановская «Альмера». Плохо так стоит, притершись к этому самому отбойнику всем левым бортом. Лобовое стекло мне почти не видно, но, сдается — оно все в трещинах и чем-то нехорошего бордового цвета заляпано, да и натекло из-под машины изрядно — длинные ручейки на асфальте проезжей части — явно не вода. В груди становится холодно от очень нехорошего предчувствия. В этот момент, тормозящий меня гаишник, уж очень энергично взмахивает левой рукой и у меня будто пелена с глаз спадает...

Форма не по размеру, причем у всех троих, явно им всем великоватая, нагрудных знаков у двоих нет, хотя по всем правилам — обязательно должен быть на жилете, на виду, движения жезлом, пусть и активные, но какие-то хаотичные, словно он и сам толком не знает, что должен сделать и пытается скопировать то, что только со стороны видел... Но последняя капля — это распоротая пополам лямка светоотражающей жилетки и очень характерного вида большое пятно подмышкой форменной куртки. Похоже, ножом били, целясь в сердце. Сдается мне, этот небритый такой же инспектор ДПС, как я — прима-балерина Большого театра.

Пытаться уйти на скорости? Не выйдет — в три ствола они из моего «Крузера» дуршлаг сделают. Сворачивать некуда, назад сдавать тоже поздно. Ну, значит, будем воевать. Опускаю стекло и, сжав в правой ладони пистолетную рукоятку «Фабарма», а руль удерживая одной левой, немного выглядываю из салона.

— Что такое, командир? Неужели в такое время за превышение мозг выносить станешь?

Пусть думают, что я их маскарад не раскусил, пусть хоть немного ослабят бдительность.

— Да плевать на скорость, — пытается дружелюбно осклабиться небритый. — Мы ж не звери, все понимаем, тут в другое дело. Вылезай, дружище, подсобишь чутка, и дальше поедешь.

— Блин, мужики, если только очень быстро, реально свалить отсюда хочу побыстрее!

— Мужики в поле пашут! Вылезай давай! — недобро рыкает один из фальшивых инспекторов ДПС, стоящих у «перехватчика», мордой помоложе, но тут же затыкается.

Небритый, на мгновение отвернувшись от меня, похоже, одним взглядом затыкает излишне распустившего язык «коллегу». Все, пора действовать!

Распахнув во всю ширь дверь, кубарем выкатываюсь из машины на проезжую часть. Рюкзачок на спине смягчает падение, а рукава... Рукава у польского клона американской армейской куртки М-65 прочные, брезентовые. Небритый успевает только развернуться ко мне лицом и челюсть нижнюю в удивлении вниз отвалить. Потом — грохот выстрела и сноп пламени. И крупная картечь в клочья рвет желтую синтетику жилетки на его груди. Передергиваю цевье и бревном, прижав дробовик к груди, откатываюсь за «Тойоту». Из переката выхожу на колено и, вскинув ружье на уровень глаз, начинаю оббегать внедорожник по кругу против часовой стрелки. Коллиматор включить не успел, но тут дистанция не та, с моим-то настрелом — и по стволу целясь не промажу.

Второй меня почти поймал: короткая очередь дыбом подняла асфальт в считанных сантиметрах от моей правой ноги. Нет, родной, автомат, конечно, оружие длинноствольное, но даже из него от бедра стрелять — умение и сноровка нужны. Снова гаубицей грохнул двенадцатый калибр, и лязгнуло цевье, досылая в патронник очередной патрон. Словно кувалдой на бегу сшибленный, ряженный бандит приложился спиной о «перехватчик» и сполз на тротуар, оставив на серебристом борту машины грязно-красный широкий мазок. Где третий?

Третий оказался самым сообразительным и шустрым. Спиной вперед, громыхнув жестянкой, перекувырнулся через невысокий капот «Форда» и, укрывшись за блоком двигателя, выставил на вытянутых вверх руках свой «окуроч» и в несколько длинных очередей «по-сомалийски» выдал в направлении «примерно туда» весь магазин. Я едва на асфальт рухнуть успел. А вот «Тойоту» аж закачало от многочисленных попаданий: жалобно зазвенело битое стекло, заскрежетало распоротое пулями тонкое железо. Ты что ж

творишь, сука!!! Это же моя машина!!!

Не вставая с земли, откатываюсь чуть в сторону, включаю наконец коллиматор и ловлю в прицел ногу последнего бандита. В просвет между дорожным покрытием и днищем «Форда» ее видно весьма неплохо. Выстрел! Как минимум — травматическая ампутация стопы и нижней трети голени. В принципе, можно уже не добивать, там болевой шок и обильное кровотечение сами справятся. Но это если бы речь шла о просто людях. Сейчас умершие имеют нехорошую привычку — вставать и пытаться вцепиться желтыми осклизлыми слюнявыми клыками в загривок. Вот уж фиг! В магазине ровно три картечных патрона. Их и трачу на «контроль», разнося бандитам головы на множество мерзких капель, обрывков и клочьев. Теперь — срочно перезарядиться! Патроны в бандольеро решаю пока не трогать, скоростная перезарядка, возможно, мне еще предстоит, поэтому распаковываю пачку патронов из баула на заднем сиденье. Руки сами делают привычную работу, а в голове — мечутся яростные мысли. Что теперь делать?! Что?! «Крузер» уже никуда не поедет, тут и автомехаником быть не нужно: и по мотору пули прошли, и приборную панель изувечило основательно. Все, отбегался мой стальной конь!

«Перехватчик»! Подбегаю к полицейской машине. Ключи — в замке зажигания. Ну, а как иначе, «люстра» ведь работает? Пытаюсь завести. Не судьба: стартер натужно кряхтит, вращаясь, но не схватывает. Похоже, затем бандиты тут и отирались — машину себе новую искали. А «люстра» просто дожирала остатки заряда аккумулятора. Без вариантов, «перехватчик» тоже даже с места не тронется. Какие будут идеи? Самому автоматом попутку тормозить? Так пусто на дороге, да и не остановит никто грязному мужику, обвешанному оружием, да еще и возле полицейской машины, измазанной кровью, вокруг которой в здоровых лужах кровищи лежат тела в форме. Кстати, к вопросу об «обвешанном оружием»! Похоже, что баул с моими недешевыми охотничьими двустволками остается в «Крузере», не до них мне сейчас, а вот один их полицейских «укоротов» и все магазины с патронами можно и «прихватизировать» в свою пользу. Бегло просматриваю трофеи, в восьми смотровых отверстиях виден патрон — магазины набиты под завязку, не хватает патронов только в тех, что были примкнуты к автоматам. Ну, и последний, что третий бандит в мою «Тойоту» выпустил, теперь пустой на асфальте валяется. Забираю и один ПМ, а то я еще час назад по поводу отсутствия нормального «бэкапа»

переживал. Быстро шмонаю тела. При осмотре у всех троих под кожаными перчатками на пальцах обнаруживаются тюремные перстни-татуировки. Значит, точно не ошибся. Выбираю самый прилично выглядящий автомат и самый «пожилой» по возрасту ПМ — слышал я от знающих людей, что пятидесятих-шестидесятих годов выпуска «макаровы» — самые надежные и качественные. Стоп, а это что?! Ой, совсем хорошо! Это где же господа уголовники такое раздобыли? Да и ГИБДД ручные гранаты, вроде, не положены? Впрочем, мне все равно, «Хо-хо-хо, теперь у меня есть автомат!» В смысле — ручная осколочная граната. Очень в тему. А то мало ли что, а я без гранаты? В большой набедренный карман тактических брюк ее, глядишь — и сгодится на что.

Кучей высыпаю все это железо в освобожденный от прежнего содержимого баул с заднего сиденья. Что теперь? Теперь — пешим порядком в сторону МКАД, краем уха слышал, как телебарышня что-то вещала об армейских и омовских блок-постах на крупных магистралях, ведущих из столицы. Попробую добраться, не так уж много тут осталось. Я, конечно, сейчас нагружен, как тот бухарский верблюд, но восемь-десять километров за час одолеть должен. Главное — большой толпе мертвецов на зуб не влететь.

Уже почти пройдя мимо истекшей маслом и антифризом «Альмеры», краем глаза ловлю какое-то слабое шевеление в салоне. Резко разворачиваюсь, глядя на машину сквозь ярко-красный круг визора коллиматорного прицела. Палец даже начал выбирать свободный ход спускового крючка, у автоматов, ну, и у «Вепря» моего, и без того почти отсутствующий. Твою-то душу! Чуть не взял страшный грех на душу...

Из-под пассажирских кресел на меня с испугом смотрят две пары живых детских глаз. Дергаю ручку двери — заблокировано.

— А ну, детвора, под одеяло спрятались! — командую я.

Дети, мальчик лет шести и кроха-девочка, не старше трех, послушно лезут под темно-синее байковое одеяло, лежащее у них под ногами. Коротко, почти без замаха, бью прикладом «Вепря» в стекло, а когда то осыпается градом мелких осколков, тяну вверх шпенек блокиратора двери.

— Так, ну-ка, вылезайте.

Детвора послушно выбирается из машины. Одеты опрятно и тепло, у мальчика за спиной рюкзачок, вроде школьного.

— Вас как зовут, мелочь пузатая?

— Сергей, — с серьезным видом представляется парень.

— Маса, — улыбается, демонстрируя пару выпавших молочных зубов, девочка. — Мы не пузатые!

— Точно, — соглашаюсь я. — Вы куда ехали, домой, к папе?

— У нас только мама, — хмурится Сергей. — А ехали к бабушке. Мама сказала — в Тамбов.

— Где калтоска! — бодро завершает Маша, которая по малолетству, похоже, даже не поняла, что же вокруг происходит.

Вот елки! Мать-одиночка, ехали бог знает куда... Ее теперь не спросить, выпущенные бандитами пули пробили и спинку и подголовник водительского кресла, лобовое стекло густо забрызгано кровью. И что мне теперь делать. Оставить их тут? Я гляжу в глаза этим детям и осознаю, что если брошу их тут, то уже никогда не смогу взглянуть в глаза своим сыновьям.

— А тут как оказались? — понимаю, вопрос глупый, но как-то сам сорвался.

— Ехали, — мальчишка испуганно оглядывается назад, на «Альмеру» в которой лежит мертвое тело его матери. — А потом мама крикнула, чтоб мы ложились на пол, накрылись одеялом и лежали тихо. Потом грохот, машина врезалась... И все, мы лежали. Потом выстрелы, мы только чуть-чуть выглянули. А тут вы...

Тут Сергей словно спохватился.

— Мама не велела с незнакомыми говорить.

— И правильно не велела! — киваю я и протягиваю пацану руку для пожатия. — Меня дядя Андрей зовут. Вот и познакомились. Так, Сережа, бери сестренку за руку, и пошли за мной.

Тут взгляд мой падает на его рюкзак.

— Стой. Все, Сергей, решено! Ты парень храбрый, будешь у меня оруженосцем!

Открыв замочек-молнию, вытряхиваю из рюкзака какие-то учебники и тетрадки и сваливаю туда все десять снятых с бандитов магазинов для «укорота». Примерно пять с половиной кило, но он парень взрослый, потянет.

— И вот это, — протягиваю я ему ПМ, — тоже тебе. Время сейчас плохое, мужчина должен быть вооружен. Только убери его пока, я тебя потом стрелять научу, когда время будет. А сейчас...

Обернувшись, я увидел десятка полтора зомби, выбравшихся на проспект из окрестных дворов. Те, что на противоположной стороне — не опасны, отбойник высокий, не перелезут, а вот остальные...

— Ушки зажмите! — команду я детям, и вскидываю автомат к плечу.

Аккуратно, чтобы не тратить лишних патронов, но стараясь стрелять побыстрее, не давая им приблизиться, валю мертвецов на землю.

— Все, ребятки, побежали!

Метров через сто я понимаю, что из «Масы» бегунья пока никакая, и подхватываю ее на руки. Теперь изготовка к стрельбе еще сильнее замедлится, но зато скорость движения возросла. А вот Сергей — молодец. Бежит рядом не отставая. Правда, я-то не бегу, а лишь иду быстрым шагом, но так и ему всего шесть лет.

— Дядя Андрей, а почему мама не стала чудищем?

Вопрос мальчика меня крепко озадачивает. Не говорить же ему, что мать не восстала и не сожрала их только потому, что бандиты убили ее выстрелом в голову?

— По телевизору сказали — все превращаются. И я сам видел. Дядя Саша, он под нами жил, превратился и на тетю Лену, жену свою, напал. А потом и она превратилась. И они вдвоем разбили окно в машине, и Дениску съели. Он так кричал... Я сам видел, в окошко. Но маме не сказал, она и так всю ночь плакала.

И это мне говорит шестилетний мальчишка. Почти спокойным голосом. Мороз по коже.

— Знаешь, парень, я думаю, ваша мама просто слишком сильно вас с Машей любила, чтобы превратиться в чудище и причинить вам вред. Понимаешь?

Пацан только серьезно кивает в ответ. И мы идем дальше. Вдоль разделительной широкого, совершенно пустого проспекта, посреди города, по которому пошли мертвецы, в чьих головах осталось только два желания: находить живых и жрать их. Взрослый мужик, обвешанный оружием, с чужой дочерью на руках и шестилетний мальчишка с пистолетом Макарова в кармане и школьным ранцем, набитым автоматными магазинами почти под самую застежку. Фантаσμαгория!

— А ты цюдисем не станес? — вдруг доверчиво шепчет мне на ухо Маша.

— Ни в коем случае! — заверяю я ее.

И довольный ребенок, уткнувшись носом мне в шею, чуть ниже уха, мерно сопит. Заснула.

Поспать девчушке не дали. Из арок дворов, из подземных переходов, просто из-за стоящих вдоль проспекта домов, на нас периодически выходили ожившие покойники. По одному, по двое, иногда небольшими группами. Тогда приходилось ссаживать Машу

на землю, говорить закрыть уши и стрелять. Давно опустела пулеметная «банка» и я перешел на трофейный «окурок», решив сначала потратить патроны, на халяву доставшиеся мне от бандитов. На дистанции в полсотни метров я и со штатных калашниковских открытых прицельных почти не мажу. Мишени-то — так себе, ни скорости, ни попыток укрыться за чем-нибудь. Разве что головы у них при ходьбе мотыляются самым непредсказуемым образом. Но шеи все же не как у жирафов, так что — вполне терпимый разброс выходит. Все время, пока мы просто идем, я пытаюсь отвлечь детвору разговорами. Рассказываю им про семью, про то, как красиво в Кахетии, про то, как им там наверняка понравится...

Когда вдали послышалась редкая, размеренная стрельба, а примерно в полутора километрах впереди я увидел пока еще совсем микроскопическую восьмиколесную «коробочку» бронетранспортера-«восьмидесятки», я поверил, что у нас все может получиться.

— Ну-ка, Серега, поднажми, — попытался ободрить я здорово вымотавшегося паренька. — Немного осталось. Видишь тот танк? Нам к нему.

— Это БТР, — с укоризной смотрит на меня мальчишка, мол, такой взрослый, а элементарных вещей не знает.

— Ага, — соглашаюсь я. — Точно, перепута...

Позади нас, словно Багира в советском мультике про Маугли, мягким, и быстрым движением, я едва успел заметить боковым зрением, вниз прямо из окна третьего этажа скользнул... скользнула... скользнуло... Твою-то мать! Я понятия не имею, что это за тварь, но вид у нее — будто она прямиком из фильма «Обитель зла» сюда сбежала. Туловище — ближе к какой-то крупной бойцовой собаке, разве что более стройное и гибкое, хвост — длинный, и совершенно лысый, словно у крысы, пасть... Ох, е-мое, такая пасть любому аллигатору честь бы сделала, удивительно, что она вообще в голове этого существа поместилась. Сзади, примерно там, где у нормальной собаки была бы холка — какой-то уродливый нарост, вроде опухоли. И все это мерзкого черно-бордового цвета, больше всего издалика похоже на освежеванную, и брошенную гнить на солнцепеке тушу. Мерзость!

— Уши!

Детишки послушно, и уже привычным движением прикрывают уши ладошками. Полицейский «укорот» в быстром темпе выплевывает в тварь полный магазин. Той явно плевать. Как так?! Я

не мог промазать, да и попадания видел, тут все же довольно близко. На ощупь вытаскиваю из Сережиного рюкзака второй магазин, «подбивом» меняю на него опустевший, который падает мне под ноги. Снова грохот выстрелов, снова пули бьют в мертвую плоть... Твою душу! Да у этой твари череп пуленепробиваемый, отчетливо вижу, как пули от лобной кости в рикошет уходят. Нет, «ксюха» эту тварь, похоже, не возьмет. Бросаю АКСУ на землю и вытягиваю из-за спины «Вепря».

Возле БТР мою пальбу точно слышали, но прикрыть вряд ли смогут, на дистанции больше километра из «крупняка» отработать по быстрой и подвижной твари так, чтоб не зацепить троих, куда более неуклюжих людей... Нет, это уже из разряда фантастики. Бронетранспортер стартует нам навстречу, вижу и людей в синесером «городском» камуфляже сверху, и даже столбы солярной копоти из выхлопных труб. Но нам оно уже не поможет — тварь вот-вот пойдет в атаку. Пока только кружит, выбирая, прикидывая самое удобное направление, но еще несколько секунд...

— Сергей, — стараюсь говорить как можно спокойнее. — Бери сестру за руку, и бегите вперед. Бегите как можно быстрее.

— Я не хотю бегать! — заявляет вдруг Маша.

— Это как в салочки, — не отводя взгляда от мечущейся туда-сюда твари, уговариваю я девочку. — Спорим, я тебя сразу догоню?!

— Не догонис, — выкрикивает она, и бросается в сторону бронетранспортера.

Сережа устремляется за ней. Ну, а что остается мне? Мне ведь в Телави нужно, к жене, к сыновьям... «А какая, собственно, разница, где ты умрешь?», — словно прострелила мое сознание быстрая холодная мысль: «Главное ведь не в этом. Главное не где, по-настоящему важно только как и за что».

Ладонь нащупывает в кармане гладкий и холодный стальной шар осколочной гранаты РГН. Пальцы сводят вместе усики предохранительной чеки.

— Я не стану чудищем! — злобно ощерившись, ору я прямо в морду твари.

Та, словно поняв и испугавшись, слегка отступает, приседая на задние лапы, а я бросаюсь вперед. Со всех ног, навстречу этому непонятному, но смертельно опасному мутанту.

— Я не стану чудищем!!! — хриплю я, прыгая вперед и хватая щерящую клыки дохлую мерзость за мощную шею.

Оглушительно громко хлопает запал и отлетает в сторону

предохранительная скоба.

— Я!!! Не стану!!! Чу...

— Борян, ты это видел? — широкоплечий высокий омовец растерянно смотрит на напарника.

— Нет, Миша, я, блядь, слепой от рождения! — огрызается второй, ничуть не уступающий первому в габаритах.

— Крут был мужик невероятно...

Первый спрыгивает с брони и подбегает к замершим почти под передними колесами бронетранспортера детям. Девочка, совсем кроха, громко плачет, мальчишка с ярким ранцем за плечами, первоклассник, скорее всего, а то и вовсе «подготовишка», стоит, зажав в побелевшей от напряжения руке не снятый с предохранителя ПМ.

— Это папа ваш? — опустившись на одно колено, спрашивает их омовец Миша.

— Нет, — отрицательно мотает головой мальчик. — Это дядя Андрей.

— Мамин брат или папин? — боец ОМОН понимает, что дети в шоке и их нужно хоть как-то растормошить.

— Ничей, — все так же заторможено отвечает мальчик. — Просто дядя.

— Это как так? — второй омовец, тот, что отзывался на Бориса, тоже спрыгнул с бронетранспортера и, удобнее перехватив автомат, встал рядом, прислушиваясь к разговору. — Он вам кто?

— Никто. Мы ехали с мамой. Ее убили плохие люди, но она не стала чудищем, потому что очень нас любила, так дядя Андрей сказал... А потом мимо ехал дядя Андрей, он убил плохих людей. И забрал нас собой. Но плохие люди ему сломали машину, и мы пошли пешком. Он все время стрелял в чудищ и рассказывал про эту... про...

— Канфетию! — сквозь слезы подсказала ему сестренка.

Омовцы недоуменно переглянулись.

— Точно, — продолжил мальчишка. — Он говорил, что там тепло и очень красиво: горы, виноград растет, и дяденьки с усами поют красиво. И еще там кино было про какую-то Мимино... Смешное. Только я не глядел...

— Мимино, — шепнул Михаил Борису. — Кахетия, Грузия...

— Понял я, — отмахнулся тот. — А звали то его как?

— Дядя Андлей! — снова заплакала девочка. — Такие большие,

а глупые! Дядя Андлей! Он пообесял, сто не станет цюдисем!!!

И девчушка в голос зарыдала.

— Он и не стал, — стянув с головы черный берет, тихо пробормотал Михаил.

Борис последовал примеру товарища, и снял свой поцарапанный шлем.

— Товарищ старший лейтенант, — от места взрыва к бронетранспортеру вернулся еще один боец ОМОН с погонями сержанта, хлястики которых торчали наружу из-под широких плечевых лямок бронежилета. — Нашли паспорт, ну, все, что осталось. Андрей Юрьевич, а вот фамилию — не разобрать, точно как-то на «Ха...», а дальше все кровью залито и осколками изорвано...

— Значит, не узнаем фамилии, — Михаил явно расстроен. — Жаль, отважный мужик был, упокой господь его душу.

— Ничего, — ответил Борис. Напишем на могиле: «Андрей Юрьевич Настоящий Человек». А там, сверху, кому положено и без паспорта разберутся. Паша...

Он пристально поглядел на сержанта.

— ... Возьми еще кого-нибудь, и уложите останки в плащ-палатку. Заберем с собой и похороним на базе, в «Пламени». Такой человек среди чудищ лежать не должен.

© **Борис Громов, 2018**

Валентин Русаков (Николай Побережник)

ОДИН

Осиротев с раннего детства, Володя привык надеяться только на себя и на собственные силы. Было не просто... не просто расти, взрослеть и доказывать всем свою полноценность и право на жизнь... Он повзрослел и с трудом, но сумел влиться в общество, однако так и остался одиночкой. Но вдруг жизнь, то ли по чьей-то злой шутке, то ли по воле кого-то могущественного сверху, в считанные часы превратилась в нечто иное — живые мертвецы заявили о своем праве владеть этим миром...

Вместо пролога

Свои восемнадцать лет я отмечал в гордом одиночестве. Хотя нет, до этого было чаепитие в стенах интерната, заботливые воспитатели, каковыми они себя считают, устроили всем «августовским» большой праздник. Были сладости, торты, глаза сокамерников, точнее одноклассников, были напутственные речи:

— Володя, завтра у тебя начнется взрослая жизнь, — тормозила меня Мария Денисовна, хорошая, добрая, надо сказать, женщина, одна из воспитателей. Мы ее бабой Машей называли. Я мог покинуть интернат еще два года назад, но мне просто некуда было идти, и для меня баба Маша сделала исключение.

Много что было, была и ночь, последняя ночь, проведенная в интернате. О, что творится по ночам в подобных заведениях, я лучше оставлю за рамками повествования. Скажу одно, дедовщина, с которой пришлось столкнуться в армии — это просто детский сад, штаны на лямке. Но последняя ночь в интернате прошла на удивление спокойно. А утром я с тощим рюкзаком с пожитками, паспортом, который в первый раз увидел, был выставлен за ворота государственного учреждения с путевкой в жизнь. На дворе был 1999 год. От покойной бабки по отцовской линии мне достался старый дом в районе ДОС (Дома офицерского состава) по Красногорской улице — печное отопление, сортир во дворе и прочие неудобства, где и поселился как единственный законный наследник.

Потом были два месяца скитаний подсобным рабочим по стройкам: круглое носим, квадратное катаем. И наконец-то —

долгожданная повестка из военкомата. Почему долгожданная? Потому, что я так и не смог привыкнуть за этот короткий период к самостоятельной жизни. А армия, так нам рассказывали в интернате, она как мать родная. От того и рад был безмерно, что пришел срок отдать долг Родине.

Отдал, отдал сполна — контузия, лишняя дырка в легком и чувство вины. Вины за то, что меня успели вытащить из УАЗа сопровождения штабной «буханки» в кусты у дороги, а все, кто не успел выбраться из машин, сгорели у села, название которого я уже и не помню... Дорога, вроде, спокойная была, а мы угодили в засаду банды из непримиримых, которая, расстреляв наши машины, быстро ушла в зеленку.

Потом возвращение домой и попытки устроить свою жизнь. Кое-как удалось — пристроился учеником в электроцех медленно загибающегося завода. Загибался он долго, аж до прошлой осени, а потом новый директор всех отправил в отпуск без содержания. Аккурат после новогодних праздников наступившего 2007 года. Но я особо не горевал. Руки растут из правильного места, соображалка работает, так что шабашки по дачам и квартирным ремонтам, на предмет электрики и сантехники, очень даже неплохо пополняли мой бюджет уже лет пять. Заработанное благополучно тратил на ремонт бабкиного дома. Вообще зарабатывал хорошо. Успел построить гараж, купить новую «НИВУ». Точнее нет, не так. «Chevrolet Niva» FАМ-1 — вот так правильно. Еще к дому пристроил веранду, там же и санузел соорудил. В общем, старался сделать свою жизнь максимально комфортной. Надо сказать, что все это время я так и жил одиночкой. Нет, приятели, конечно, были. Были и подруги, но никого я особо к себе не допускал. А на 23 февраля встретил в торговом центре Лешку Малькова — мы с ним вместе в учебке были, а потом уже на Кавказе служили, попав в один взвод.

— Орех! — крикнул кто-то с конца очереди у кассы, — Контуженая твоя башка, ты что ли?

Я обернулся и увидел радостную физиономию Лехи.

— Малой! — отозвался я так же его позывным, хотя роста в нем было под два метра, да и в плечах — хоть поставь, хоть положи, — давай сюда!

— Куда, куда без очереди!? — возмутилась стоящая за мной женщина в сторону Лехи.

— Да мы вместе, мамаша, — басом успокоил ее Леха, широко улыбаясь во все тридцать два зуба.

Спустя час мы с Мальковым сидели уже у меня дома, пили водку, говорили о разном и ждали, когда протопится баня.

— И чего, вот так от шабашки до шабашки и живешь? — Леха сидел на полке в тесной парной, эдаким вареным раком весом в центнер.

Я ему рассказал, как сложилась моя жизнь после службы.

— На жизнь, даже больше хватает. Ну, особого выбора-то нет, учиться — мозги сам знаешь, набекрень, а куда-то пристроиться, так все уже занято.

— У тебя какие категории в правах?

— «В» и «С».

— Ну вот, у нас вакансии есть.

— У вас это где?

— «Росинкасс».

— Да ладно, там же медкомиссия, а я не пройду, — постучал я пальцем себе по виску.

— Решим, подмажем кого надо. Работа не пыльная, сутки через трое. И бабки нормальные, каждый месяц стабильно, премии, соцпакет... Солдафонство, правда, и шеф отмороженный по пояс. Но мы-то привыкшие.

— Блин, даже не знаю...

— Все, решено! — безапелляционно заявил Леха, — поддай ка парку, да хорош филонить, бери веник...

Так и получилось — через три недели я выехал на свой первый маршрут в экипаже Лехи. Машина тяжелая, но мощная и послушная — инкассаторский броневик на базе Ford Ranger. Первое время я, конечно, уставал. Мало того, что надо было везде успеть, плюс постоянное внимание и напряжение... Ребята, они, должно быть, уже привыкли, но я никак не мог расслабиться. Был с нами в экипаже еще один парень — Дима Шерстнев, бывший омовонец. Так и колесили по Оренбургу и области — я за баранкой и на контроле, а Дима с Лехой «кормили» банкоматы.

Оренбург, 20 марта 2007 год

Утро как-то сразу не задалось, меня лишили законного выходного — позвонил диспетчер и настойчиво попросил заступить в чужой экипаж, из-за невыхода на работу водителя-сменщика. Все было как-то суетливо, нервозно, пока ехал до работы. Дороги расквасило ранней весенней оттепелью, кругом ручьи, грязь. Еще обратил внимание на ненормальное количество машин оперативных

служб на дорогах, много «скорых», машин ППС, все несутся с проблесковыми и на сиренах. Чуйка включилась какая-то... Да, чуйка. И прежде, чем выехать на маршрут, я проверил машину более тщательно, хоть это и работа наших механиков. Но нет, лучше перебдеть. Бак полный, уровень масла в норме, тосол в расширительном бачке тоже по уровню, гидравлика, тормозная. Даже прошел по кругу и протер наши «глаза» — четыре видеокамеры по периметру машины.

— Орехов! Тебя долго ждать? — зашел в гараж коренастый парень из другого экипажа. Ремень АКМС-а он закинул на шею, а руки положил на автомат и напоминал немецкого оккупанта, даром что татарин.

— Машину проверял.

— Чего ее проверять? Бегом в оружейку и поехали, мы на сорок минут уже налипаем! Мля, да ты еще и не переоделся, давай быстрее!

Выгнал машину из гаража и побежал переодеваться, бронироваться и вооружаться.

На маршрут выехали с задержкой почти в час, взглянул на часы — ровно десять утра. Как обычно, в банк за получением сменных кассет к банкоматам не поехали. Нам предстояло ехать в аэропорт, там сломался банкомат. Техник уже давно на месте, и нужно было изъять наличность на время ремонта. От конторы на проспект Гагарина выбрались дворами, затем помчались по Загородному шоссе, с явным превышением скоростного режима. Но сегодня диспетчер на это закроет глаза, наблюдая за экипажами посредством GPS и прочего новомодного ГЛОНАС-мониторинга.

— Ринат, а чего за суета какая-то нездоровая в городе? — не поворачиваясь, а лишь подняв глаза на зеркало заднего вида, поинтересовался у старшего экипажа, сидящего справа на пассажирском сиденье. Вторым в экипаже был такой же как я, недавно прошедший стажировку молодой парень, краснощекий и рыжий. Я даже имени его не запомнил.

— Ты рули, давай. А я откуда знаю!?

— А что с вашим водилой?

— Забухал, мазута...

— Нормально, — хмыкнул я.

— Ага, ему нормально теперь без премии в квартал будет, — было заметно, что Ринат не в восторге от моей компании.

Да и ладно. Мне-то что, детей с ним крестить? А лишняя смена в табель, это даже хорошо, потом дополнительным днем к отпуску

возьму.

— Мля! Гляди! Уходи, уходи! — вдруг заорал Ринат, показывая вперед рукой.

— Вижу...

Я уже заметил странное поведение едущего навстречу КАМАЗа, даже успел разглядеть, как водитель отбивается от пассажира, который то ли целоваться к нему лезет, то ли укусить хочет! Бред, но совершать резкие маневры на тяжелой бронированной машине очень непросто. Справился, лобового столкновения удалось избежать, и машину на дороге удержал.

— Молодец, — сдержанно похвалил меня Ринат, вытащил из подсумка на бронике пачку сигарет и закурил, — думал все, сейчас в фарш всем экипажем...

— Ага, — кивнул я на монитор, разделенный на четыре картинки с внешних камер, — все, набок лег и еще пару машин сгреб.

— На дорогу смотри, — Ринат открыл бронезаслонку и выдохнул дым, — вот что за день сегодня!?

То, что день действительно не задался много у кого, мы поняли, когда подъехали к аэропорту, точнее попытались подъехать. Въезд перегородили два милицейских УАЗа с включенными проблесковыми огнями. Рядом ППСники, все вооружены автоматами и в бронежилетах.

— Это что за херня? Теракт что ли? — Ринат внимательно посмотрел по камерам, опасности вроде не наблюдалось, кроме препятствия из милицейских машин, — давай-ка по бордюру объезжай, а я пока с диспетчером свяжусь.

Мою попытку пересечь газон и объехать препятствие пресек лейтенант, чуть ли не кинувшись на капот. Он махал рукой и что-то кричал. Я открыл бронезаслонку и услышал:

— ... нельзя, карантин... аэропорт закрыт...

Но кроме криков лейтенанта, я отчетливо услышал и выстрелы. Автоматные выстрелы. Кто-то поливал от души, выпустив весь магазин.

— Стреляли... — сказал я и закрыл бронезаслонку, — мент говорит про карантин какой-то.

— Да, диспетчер подтверждает, — Ринат воткнул микрофон радиостанции на витом шнуре в зажим на панели, — разворачивайся, едем на базу.

— Херня какая-то, — пробурчал я, воткнул заднюю передачу и развернулся по газону, разделяющему встречные полосы дороги к

аэропорту.

Завывая сиренами, навстречу пронеслись три «скорых» и еще два милицейских УАЗа. ППСники отогнали одну машину, пропустив их к аэропорту.

— Паллна сказала, что вроде как эпидемия бешенства какая-то...
— Ринат снова закурил.

— Так работаем сегодня или как? — спросил я внимательно глядя на дорогу, где со стороны перекрестка на шоссе показался бронированный ОМОН-овский КАМАЗ и тоже поехал к аэропорту.

— На базу приедем, там видно будет.

— На базу, так на базу...

Загонять машину в гараж я не стал, оставил на стоянке перед конторой, рядом еще с десятком инкассаторских машин. В комнате отдыха было не протолкнуться, и накурено так, что хоть топор вешай. Но выходить не стал, так как начальник смены пытался объяснить, что нам дальше делать.

— После обеда решим, а пока все сидим здесь, — говорил грузный мужчина, стоя у диспенсера с пластиковым стаканчиком воды в руке. Полковник в отставке, в каких войсках служил — неизвестно, но мужик суровый, с тяжелым взглядом, седым коротким ежиком и в очках в черной роговой оправе. Скорее всего, он из органов. Ага, внутренних. Или вообще из особистов каких.

— Андрей Сергеевич, тогда бы с обедом решить что-то на всю смену, — подал голос Ринат. Он пользовался авторитетом в коллективе, и все одобрительно загудели.

— А чего решать, скидываетесь и пошлите вон новенького... Орехов, ты на машине?

— Да, — кивнул я, уже смирившись с участью «духа» в коллективе, — оружие сдавать?

— Оружие... — Андрей Сергеевич задумался, снял очки и потер переносицу, — и как я потом проверяющим объясню это вот «получил, сдал, опять получил»? Один не езжай, вот с Фарахутдиновым и прокатитесь.

Ринат как-то сник. Ему, видно, хотелось посидеть в комнате отдыха и попялиться в телевизор, там футбол показывали...

Ребята скинулись деньгами, и мы с Ринатом поехали на моей «НИВЕ» к ближайшему торговому центру, к «Чайке».

— Короче, — начал инструктаж Ринат, когда мы подъехали к парковке у торгового центра, — клювом не щелкай. Видишь, какая нездоровая суета. Пойдем в бургер, там и затаримся.

— Пацаны колбасы просили...

— Нехер шляться, — Ринат кивнул на машину скорой помощи у входа в продуктовый и двоих ЧОП-овцев, что благополучно свинтили какого-то тщедушного мужичка и пытаются уложить его на каталку скорой, — пойдем, вместо колбасы им пиццы возьмем.

В бургерной было немногочленно — утро, хоть и позднее, рабочий день. Так, несколько человек лениво жевали и смотрели в окна, на проспект. Заказав кучу еды на три десятка мужиков, мы с Ринатом стояли у кассы и ждали, когда нам озвучат сумму.

— Ма-аш, — к кассиру подошла девушка с кухни, — мы Игорю «скорую» вызвали, он отключился.

Маша, светловолосая девушка, подскочила и, бросив: — Извините, я на минуту. Наташ, постой тут, — убежала на кухню.

— Что, кто-то горит на работе? — заложив большие пальцы за бронежилет и покачиваясь на пятках, поинтересовался Ринат у оставшейся девушки.

— Да дурацкая история... Игорь утром щенка нашел у гаражей. Пожалел, хотел в машину его посадить, а тот его за руку схватил, до мяса разодрал. Игорь сказал, — Странный какой-то щенок. Его будто другие собаки подрали. Потом стал кидаться, хотел еще укусить.

Игорь, в общем, бросил гринписовца из себя корчить и на работу приехал. Маша ему руку обработала, забинтовала. А час назад Игорь совсем плохо себя почувствовал, а вот только что сознание, похожее, потерял. Мы скорую вызвали.

— Там у продуктового скорая стоит, — сказал я, посмотрев на часы и подумав, что скоро тут народа прибавится.

Вдруг со стороны кухни донесся такой вопль, что даже невозмутимый Ринат вздрогнул и опустил руку на рукоять ПМ-а.

— Это что? — спросил я. А в этот момент из дверей кухни выскочила полная женщина, причитая на татарском и повторяя «шайтан... шайтан... шайтан...», побежала к выходу.

— Вы еще не расплатились? — девушка не могла отойти от кассы, и в тоже время ей хотелось пойти и выяснить все.

— Нет еще, — ответил я и пошел к дверям кухни, из-за которых доносился уже не крик, а скорее хрип, кто-то выкрикивал «Отвали! Игорь, отвали!» и раздавались шлепки.

— Вы тут постойте, мы посмотрим, — обратился Ринат к девушке и пошел следом за мной.

В то, что я увидел, войдя в помещение кухни, мое сознание

отказывалось верить. Я даже головой мотнул... Худощавый парень лупил ногой другого наотмашь в печень, словно по футбольному мячу пинал, а этот Игорь, стоя на четвереньках и подмывая под себя девушку с кассы, рвал ей зубами шею и глотал, не жуя, куски плоти. Девушка хрипела, но уже не сопротивлялась, лишь слабо сучила ногами по кафельному полу, размазывая кровь.

— Инанны сегаен, — пробормотал Ринат, а потом решительно отодвинул меня в сторону, шагнул к Игорю и, схватив его за волосы, пару раз смачно приложил ему коленом в нос, затем попытался оторвать от жертвы, — Орехов, мля! Втащи ему уже!

Вырвавшись из оцепенения, я втащил... от души. Но на удар тяжелым берцем между ног Игорь никак не отреагировал. Вместо этого он переключился на колено Рината, обхватив ногу руками и неестественно раззявив рот, впился, а потом рванул кусок.

— Инанны сегаен! — уже заорал Ринат. С трудом отпихнул Игоря, выхватил ПМ и дважды выстрелил ему в спину...

Вместо того, чтобы сдохнуть, это... я уже сомневаюсь, что его можно назвать человеком, это поднялось на ноги, развернулось и уставилось на меня бельмами мёртвых глаз... У живых, нормальных людей, да даже у сумасшедших, таких глаз просто не бывает! Оно сделало шаг, вытянуло скрюченные какой-то судорогой окровавленные пальцы и пошло на Рината...

— Да сдохни! Сдохни! Сдохни! — Ринат стрелял в него, пока затворная рама не встала на задержку.

Пахло порохом и какой-то отвратительной гнилью. Грудь этого неумирающего покойника была вся разворочена, а он продолжал идти...

— Да ну нахер! — я выстрелил Игорю в голову, и тот рухнул на кафель, рядом со своей недоеденной подругой...

Поставив пистолет на предохранитель, я сунул его в кобуру и подошел к Ринату, который продолжал давить на спуск, упираясь спиной в большой холодильник.

— Все, хорош... — опустил я его руку и сел на штабель каких-то узких ящиков у двери, — чего делать теперь? Ментов вызывать?

— Нет, надо с базой связаться...

Я достал из накладного кармана на рукаве индпакет и протянул Ринату.

— Помочь?

— Спасибо, сам, — ответил он, вскрыл упаковку и начал заматывать колено прямо поверх разодранной штанины, — сейчас

перевяжусь... перекурю и позвоню на базу, только что говорить? Я хер его знает.

— Мамочки... — в дверь заглянула и сдавленно пискнула девушка, что оставалась на кассе. Она закрыла ладонью рот, но это не помогло. Ее стошнило прямо мне на ботинки...

— Продолжайте, чего уж... — махнул я рукой и потянулся к пачке сигарет, которую достал Ринат.

— Ты же не куришь...

— Давай, не жмись! Уже курю... Чувствую, намотали мы себе срок...

— Херня, сейчас с базой свяжусь, полковник придумает что-нибудь.

— Это была самооборона, — подал голос поваренок-футболист. Он сидел у стены и нервно грыз ногти, — у нас и камеры тут стоят.

На это заявление про самооборону я только ухмыльнулся, наклонился к поднесенной Ринатом зажигалке и прикурил сигарету.

— Слышь... — обратился к поваренку Ринат, присев на штабеля рядом со мной, — другой какой-нибудь выход есть?

— Да, — закивал тот и показал рукой на дверь в другом конце кухни, — там склад, а за ним выход на лестницу.

Пару минут курили молча. Девчонка, подвывая, убежала через зал. Поваренок продолжал грызть ногти. Ринат выщелкнул окурок в лужу растекшейся крови, достал телефон и тут же выронил его, потому что лежавшая на полу мертвая и растерзанная Маша дернулась, открыла глаза-бельма и уселась, разглядывая нас... Ее ключичная кость была оголена, шея разодрана, вся в кровище...

— Ааааа! — подскочил поваренок и побежал к двери черного хода.

У меня тоже было желание побежать, но одновременно разум с каждым ударом пульса мне говорил — «Быть! Такого! Не может! Такого! Не бывает!»

— Отойди-ка, — вставая, похлопал я Рината по плечу, — давай на нее холодильник завалим?

— Типа он сам на нее упал? — как-то дурацки ухмыльнулся Ринат. Его смуглое лицо было перекошено от нереальности происходящего.

— Типа, доказуха, — ответил я, начиная кое-что сращивать в голове, — кино смотрел «Обитель зла»?

— Там девка чёткая всех мочит?

— Ага, чёткая, мочит... — я кивнул и ухватился за край

холодильника, — давай помогай.

Мы налегли, и двухметровая машина из нержавеющей стали рухнула на пол, придавив мертвую Машу, которая издавала какое-то монотонное кряхтение и стон. Но даже будучи придавленной и с проломленной грудной клеткой, она продолжала дёргаться, вроде как скалиться в нашу сторону и тянула к нам свободную руку... Но вдруг, вероятно из моих контуженных мозгов, выплыло воспоминание...

***

... это случилось примерно на третий месяц службы. Нас бросили на подавление и ликвидацию снайпера, которого засекли в развалинах разрушенной родовой башни. Он уже с десятков зарубок на прикладе, должно быть, сделал, судя по сухим сводкам с блокпоста ниже по дороге... Обложили. Нужно было успеть до темноты, иначе уйдет. Ротный приказал развернуть АГС, и ребята положили по развалинам две «улитки». А потом мы стали карабкаться вверх. Двое пацанов уже ткнулись в чужую землю лицом, поймав по пуле. Место открытое, ни кустика, ни деревца, ни бульжника... Было страшно. Я полз, сбивая колени и локти в кровь, желая первым найти его и порвать голыми руками на куски... Среди грохота плотного огня на подавление в сторону развалин, я отчетливо услышал хлесткий выстрел СВД и сержант, взыв диким зверем, покатился вниз по склону. Мне посчастливилось разглядеть среди камней шевеление, медленное такое, еле заметное, практически сливающееся с неподвижными вековыми камнями. Так двигаются специально обученные люди. Судорожно затолкав в подствольник ВОГ, я прицелился и выстрелил. Попал куда надо, даже вскрикнул вроде кто-то там... Вскочив на ноги и отстреливая по два-три патрона, я побежал...

— Орех! Орех! Назад! — кричал мне в след Леха.

Но я уже перемахнул через линию камней и саданул очередь по шевелящемуся тряпью. Подскочив, выбил ногой из какой-то просто детской ручонки СВД и, уперев ствол автомата в живот снайперу, стянул с его лица капюшон самодельного маскхалата. Но как только я увидел это лицо, то меня будто током прошибло. Я непроизвольно надавил на спуск, автомат дернулся, и лицо невероятно красивой молодой девушки застыло... Я зачем-то взял ее за руку. Ладонь была теплой, даже горячей и, наверное на каких-то рефлексх, ее тонкие

пальцы немного сжали мою ладонь...

— Молодец, Орехов! — тяжело дыша, ротный перебрался через камни, — орден не обещаю, но под медальку дырку готовь...

***

— Звиздец! — в дверях появился сотрудник местной охраны, за ним стояли еще двое. Их, должно быть, привела убежавшая девчонка, — а чего это вы натворили?

— Мы натворили? — вызверился я на парней, — какого хера вообще происходит? Этот сначала хотел сожрать ее, потом моего напарника! В него магазин почти в упор выпустили, а он не сдох! А на эту посмотри! С такими травмами вообще живут?

ЧОПовцы были вооружены только дубинками, рациями, наручниками и фонариками. И, видно, мой праведный гнев и ПМ в кобуре заставили их отшатнуться назад. Но я потянул одного за рукав...

— Да не ссы. Зайди, глянь, вот она лежит... ручонку тянет, а пять минут назад была мертвой.

Тут с улицы донесся скрип резины по асфальту, потом удар, звон стекла и скрежет. Здание чуть дрогнуло.

— Маршрутка в торговый центр влетела! — крикнул кто-то из зала.

— Мужики, — старший из охранников достал телефон и наставил на нас с Ринатом, — без обид. Я понимаю, что вы при исполнении, у нас тут камеры, мы глянем запись, но я сфотаю ваши жетоны...

— Да фотай, жалко что ли, — хмыкнул Ринат, сменив магазин в пистолете, — а мы поедem. Ты прав, мы на службе... И нам кто-нибудь пробьет, наконец, покупки?

— Я посчитаю... — пропищала девушка.

Через десять минут мы уже ехали обратно, оставив торговый центр, в котором творилось что-то невероятное — давка, паника, крики. Мы ушли через черный ход и уехали...

На заднем сиденье лежат пакеты с едой, рядом сидит и курит в окно Ринат. А меня стали одолевать черные мысли о том, что с психами этими загадочными разберутся, а вот нам, возможно, действительно придется присесть лет на десять. В общем, настроение было ниже плинтуса до тех пор, пока с тротуара на дорогу не шагнул

какой-то урод. Я с трудом затормозил и мягко боднул пешехода бампером. А тот, рухнув на капот, уставился на нас своими жуткими глазами, открывая окровавленный рот...

— Мля, этот такой же! — заорал Ринат, — да что происходит-то?

Я посмотрел по сторонам — людей хватает, но все явно чем-то напуганы. Кто бежит, кто очень быстро идет, стараясь держаться в стороне от других. Сдав назад, я оставил мужика копошиться на дороге, объехал его и, с пробуксовкой, рванул в сторону базы.

На базе все вышло совсем паршиво... После того, как обеспечив обедом личный состав, мы все рассказали, Андрей Сергеевич не придумал ничего лучше, как разоружить нас Ринатом и закрыть в оружейке. Благо хоть пиццу и две бутылки колы дали с собой... Да, еще я заметил, что трое наших ребят тоже были со следами оказания первой медицинской помощи. У одного так вообще на щеке отпечатки зубов, замазанные зеленкой.

— Просто охренительно! — я сел на подоконник. Окно было заложено кирпичом да еще и решетка из тридцать второй арматуры, — товарищ полковник нас торжественно передаст органам, и пришьют нам с тобой, Ринат, по сто пятой...

— Андрей Сергеевич правильный мужик, не будет он нас сдавать, — пробурчал Ринат, усевшись на пол у двери.

— Посмотрим... А на хрена тогда мы здесь?

— В воспитательных целях и до выяснения, — объяснил Ринат, — Я тут уже чалился пару лет назад, когда меня в соучастии в нападении на машину подозревали.

— Посмотрим... — я свернул в трубочку свой кусок пиццы и стал жевать, запивая эрзац-обед колой.

Помещение было два с половиной на пять метров. У одной стены от пола и почти до подвесного «Армстронг» занимал оружейный сейф, толщиной в полметра, из толстенных листов дюрала, со сдвижными дверцами. Массивные замки в толстых проушинах не давали никакого шанса без специального инструмента вскрыть это монументальное творение. У другой стены — два низких сейфа, старых еще советских. Там патроны хранятся. Посередине комнаты — офисный стол, рядом стул на колесиках. Чистота кругом, даже скрепки на полу не валяется. Дверь железная, с узким окошком и сдвижной бронированной заслонкой. Изнутри ее тоже можно запереть на замок на толстенные стальные ригели вверх и вниз, с поворотным рычагом. Справа от двери на стене — пластиковый ящик

аптечки... о!

— Садись на стул, давай обрабатываем ногу, — я положил недоеденный кусок обратно в коробку, соскочил с подоконника и подошел к аптечке.

Все на месте: пара пачек таблеток от запора и от дрисни, пузырьки с йодом, с перекисью, спирт с ламинарией, пластырь, бинт, вата.

— Давай, — согласился Ринат, уселся на стул и стал разматывать пропитавшийся кровью бинт.

Щедро залив рваную рану перекисью, обработал ее края зеленкой и по-человечески перевязал.

— Воевал? — Спросил меня Ринат.

— Так, немного... — кивнул я, затягивая потуже повязку.

— Я сразу понял, из наших. Только друг твой, Леха, индпакет с собой всегда таскает. И вот, как выяснилось, еще и ты.

— Времена такие — много, кто воевал...

— Не скажи. Тут у нас только полковник да ты с Лехой из вояк, остальные все из ментов. Я — опер бывший из убойного. В Ленинском УВД служил, но не того засранца по протоколу пустил. Он у наших «наркотов» барабаном был, как оказалось. А в обратку отработать никак, уже прокурорские в теме были... В общем, схарчили меня потом, свои же.

— Обидно? — я забрался с ногами обратно на подоконник.

— Да я не в обиде. Четвертый год тут уже, мне нравится. И пулю словить шансов гораздо меньше.

— Как сказать, — посмотрел я на часы — пятнадцать ноль-ноль, — а полковник, он из органов?

— Нет, ГРУшник.

Оружейка находилась в самом конце коридора первого этажа конторы. Через открытое окошко выдачи оружия доносился звук работающего телевизора, там футбол показывают... Ринат откинулся на спинку кресла и, закинув ноги на стол, задремал. Выглядел он как-то паршиво и от еды отказался. Ладно, мне больше достанется. Я решил тоже подремать, благо подоконник широкий. И, примостившись поудобнее, тоже закрыл глаза. А что, солдат спит — служба идет.

***

Меня словно подкинуло — в конторе стреляли, были слышны крики. Я соскочил с подоконника, подбежал к двери и прислушался.

— ... держи... куда бля! ...стой... — обрывками истерики доносилось до меня.

— Ринат! Просыпайся! Там херня какая-то, — сказал я и снова прильнул к окошку ухом.

Ринат проснулся, но это был уже не Ринат. Те же глаза, заставляющие сжиматься все внутри. Оно попыталось встать, упираясь ногами в пол, но не получилось, и кресло чуть отъехало к стене.

— Эй! — стал я ногой колотить в дверь, — откройте! Ринат в этого психа обратился! Слышите!

Меня, может, и слышали, но никто не спешил на выручку. Похоже, там сейчас их самих спасать надо... Тем временем Ринат свалился на пол. Его движения были такими, будто он пьян, пьян и голоден. Голоден так, что готов меня сожрать вместе со шмотками. Мысли в голове пролетали с бешеной скоростью. И я с такой же скоростью переместился за стол, отгородившись от Рината, который уже поднялся на ноги и шагнул ко мне, но уперся в стол, протягивая руки и скребя ногтями по столешнице. В конторе кто-то пальнул еще несколько раз... Я сделал пару шагов к окну. Ринат сообразил и пошел туда же. А я рванул обратно, схватил стул и, что было дури, шибанул им его. Ринат завалился на пол, успев вцепиться в мое «оружие», и мне пришлось его отпустить. Наконец, из бешеного потока мыслей я выхватил нужную — надо повредить Ринату голову, как тому Игорю! Но чем? Нет, правый хук у меня весьма достойный, но не настолько. Играли в догонялки еще пару минут. Я додумался. Когда Ринат встал туда, куда надо, я налег на стол, двигая его вместе с Ринатом к сейфам с патронами... Есть! Я подскочил к упавшему Ринату, схватил его голову двумя руками и стал молотить её об угол сейфа. При этом я орал так, что когда Ринат умер во второй раз, но уже окончательно, попытался снова позвать на помощь, но лишь прохрипел:

— Сюда! Есть кто?

Но кроме звуков работающего телевизора и какой-то возни, больше ничего. На всякий случай я закрыл дверь оружейки изнутри, провернув рычаг ригелей, затем забрался на подоконник, косясь на обездвиженное тело Рината. В стороне комнаты отдыха еще несколько раз стреляли, раздавались крики, а потом все стихло...

Я просидел так долго, с пару часов, пока не услышал

приближающиеся по коридору шаркающие шаги.

— Эй! — подскочил я к окошку и сразу отпрянул.

На меня смотрели все те же, наполненные лютой мертвечиной глаза. Это была Паллна, наш диспетчер. Она просунула пухлую руку в окошко и то ли шипела, то ли тихо рычала, пытаясь дотянуться до меня.

— Убери! Убери клешню, — я пару раз шибанул по руке стулом.

Когда Паллна вытащила руку, я закрыл задвижку, облегченно выдохнул, поставил стул и уселся на него.

Андрей Сергеевич, прежде чем поместить нас с Ринатом под арест, заставил вытряхнуть из карманов всё — ключи, телефоны. Даже сигареты и зажигалку у Рината забрал... А я бы сейчас покурил... и выпил бы грамм пятьсот!

Оренбург, 21 марта

Спал я на сейфе, забравшись наверх по приставленному столу. До потолка оставалось еще сантиметров семьдесят, так что нормально. Разве что продрог за ночь и нанюхался того, чем вонял труп Рината, как химией какой, не мог понять что это. Ночью были слышны далекие выстрелы, достаточно часто для мирно спящего города. Сирены умолкли под утро. И вообще, было очень тихо, разве что телевизор слышно и шаркающие шаги, медленные шаги за дверью. Хотя нет, далекие выстрелы все же доносились. А еще жутко хотелось в туалет. Решив, что этот химический запах гораздо ядренее, я все же справил малую нужду в угол у двери... Растворителем что ли несет? Точно! От трупа несло ацетоном!

Долго сомневался, смогу ли, но все же, давясь и борясь с тошнотой, я съел кусок пиццы и запил колой. Есть надо, что бы ни происходило. Голод ослабляет. Когда все время думаешь о еде, то обязательно упустишь что-то важное из виду.

— Может Леха приедет? — задал я вслух сам себе вопрос, и за дверью сразу оживились. А я крикнул, — головой об дверь постучитесь посильней, может сдохнете!

Вот же засада! Это ведь действительно, как в том страшном кино про зомби... Зомби! Точно! Черт, застройка плотная, людей под миллион. Всякие торговые центры, офисы, школы, детские сады... Те, кто вчера были в «Чайке», наверняка уже покусаны, умерли, восстали и бродят теперь по окрестностям, ищут, кого бы сожрать. А того Игорьька, значит, собачка цапнула. И выходит, что эта собачка уже была такой же зомби... Зомбо-собака, мать ее! Да уж,

тут не карантин, тут теперь зачистка нужна, самая натуральная. Над головой защелкала и стала мигать лампа дневного света.

— Ахренеть, как антуражно, — снова сказал я вслух, и за дверями снова закопошились.

Я решил вывернуть одну из четырех ламп в светильнике, чтобы не действовала на нервы. Подтащил стол и полез... Так, отлично, а что у нас там? Я приподнял одну их квадратных ячеек потолка, а там почти метр пространства! Вскрыл и скинул на пол еще пару ячеек. Затем поставил на столешницу стул и высунул голову под потолок... Короб вентиляции! И уходит он в соседнее помещение. А там у нас... эм... подсобка! Там уборщица свое барахло и всякий хлам хранит.

Спустя полчаса я обрушил почти весь потолок и отломал жестяной короб вентиляции, который держался на тоненькой стальной проволоке, а та, в свою очередь, была примотана к анкеру в потолке. За дверью бесновались живые покойники, но мне было на них плевать, у меня появился шанс выбраться из заточения и добраться хотя бы до локального телефона. А за подсобкой что? Спортзал! Небольшой. Так, пара тренажеров, груши да десятков гантелей. А дальше? Дальше кабинет полковника, а там ключи от моей машины. А в ней — калашмат Рината! Да что там ключи от машины, там ключи от оружейки! Или они у полковника с собой? А теперь неважно, теперь у меня есть цель. А в стремлении выжить, я очень хорошо добиваюсь того, что мне нужно!

Решетка на окне помогла, я забрался в короб вперед ногами и мне удалось раздолбать еще одну секцию вентиляции. Теперь предстояла задача протиснуться в соседнее помещение. И, прежде чем это сделать, я прихватил содержимое аптечки, забросил в дыру обе бутылки колы и остатки пиццы. А потом полез и едва не застрял. Больше паниковал... Спустился по стеллажу и прислушался. Шарканье переместилось к двери подсобки. Ладно, как их обмануть, я уже придумал. Мне сейчас надо попасть в спортзал. Я постучал по стене — ГВЛ^[3], и тут же со всего размаха саданул по ней. Есть! Работаем дальше! Долбая ботинком по стене, я пробил сначала небольшой пролом и заглянул в него — никого. Хотя нет. Ноги, чьи-то ноги. Было неудобно смотреть и я, сделав пролом чуть больше, просунул голову. Человека, который полулежал у двери спортзала, я узнал только по комплекции — это был водитель одного из экипажей. Лицо покусано, одежда на руке разорвана, да и руке досталось. Было непонятно, то ли это тряпье, то ли ошметки мышц и кожи свисают на костях. Он застрелился. Вероятно, сообразил, какие последствия у

всего этого. Сделав пролом больше, я выбрался в спортзал, сразу прокрался к двери и прислушался — топчутся. Они, судя по всему, на звук перемещаются за мной. Это еще раз убедило меня в моих намерениях на отвлекающий маневр. Выковыряв из закованной кисти коллеги ПМ, я сразу проверил магазин — четыре патрона и один в стволе. Запасной магазин в подсумке на поясе, уже что-то. Я начал мародерствовать: снял и перецепил себе на пояс открытую кобуру и подсумок, обшарил карманы — ключи от машины и, наверное, от дома, сигареты и зажигалка, бумажник, маленький китайский складной нож. Все распихал себе по карманам. Разгрузку бы. Но ничего, добраться бы до раздевалки, там этого добра хватает. Простучав стену в сторону кабинета полковника, я расстроился — несущая. Да, тут лафа и кончилась. Я посмотрел по очереди в два окна — тишина и запустение. Ворота закрыты, забор высокий под три метра, и кто-то шарахается у гаража медленной, покачивающейся походкой. Еще один мой коллега, мертвый коллега.

***

Уже час сижу на матах у двери спортзала, настраиваясь и решаясь на то, что задумал. А задумка — чистое сумасшествие. Но выхода нет. Отчего-то в голову пришла мысль, что спасти меня никто не придет. А еще сутки, и будет просто некому. Или придут? Придут, но намного позже. Скорее всего, выжившие и имеющие представление, как жить в стае. Кто в нашей человеческой популяции стайные? Правильно, всевозможные служивые люди, привыкшие жить по уставу, почитающие отцов-командиров. Кто еще? А шпана всякая уличная и их высшая иерархическая ступень — всякие суровые дядьки, что в законе. Вот там да, и почитание, и стайные инстинкты, и иммунитет ко всякого рода проблемам, и самое главное — инстинкт самосохранения. А уж сохранять они себя начнут абсолютно любыми средствами, не гнушаясь ничем...

Поднял глаза на дверь. Хиленькая, надо сказать. Пни, и вылетит. У стены справа два грифа от штанг поставил, лавки выставил полукругом от двери. Из подсобки уборщицы притащил все, что может пригодиться как средства обороны: два пластиковых бака на сто пятьдесят литров, всякий инструмент, что потяжелее. Главный из них — штыковая лопата, которой лед скалывали у крыльца... Еще швабру новомодную испортил, ту, которая сама тряпку зажимает.

Раскучил весь механизм и оставил только загнутый крючок. И так, есть план «А» и план «как получится». Погнали, чего сопли жевать!

Я взялся за круглую ручку двери и осторожно провернул ее. На удивление громко щелкнула личинка замка. Держа у груди ПМ правой рукой, левой чуть приоткрыл дверь и чуть не обделался со страху! У двери тихо стоял и будто ждал молодой из экипажа Рината. Он просто повернул голову, и мы встретились взглядом буквально на доли секунды. Но этого хватило чтобы испугаться, и я машинально захлопнул дверь. Мля! Секунды тикали, и мой план «А» был под угрозой срыва. Но я решился! Резко открыл и, рывком за одежду втянув мертвяка в помещение, захлопнул дверь. Молодой упал. Сил в этот рывок я вложил немерено, даже ткань форменной зеленой куртки затрещала. Подняться я ему не дал — со всего маху опустил мертвяку на голову блин от штанги. Он дернулся и затих. Заблокировав механизм замка и усевшись напротив на лавку, трясущимися руками достал сигарету и закурил. За дверью мертвячье племя, судя по всему, организовало митинг в поддержку соплеменника. Скреблись, издавали какие-то непонятные звуки, шаркали не меньше десятка ног, а может и больше. Я покосился на пролом в подсобку. Там у меня был второй рубеж обороны, но дверь пока держалась. Странно, но крови из разможенной черепушки мертвяка и не натекло почти, только какая-то бурая слизь местами и вонь. Какая же вонь от них! Не знаю зачем, но вероятно, решив перестраховаться, прежде чем начать обыскивать мертвяка, наступил ботинком ему на шею... На лавку легли: пустая открытая кобура, подсумок с полным магазином, телефон, кошелек, связка ключей и початая пачка «Орбита». ПМ на затворной задержке болтался на шнурке и был весь в кровавой жиже. Но и его я забрал вместе с ремнем. Затем оттащил тело в дальний угол зала, где уже лежал застрелившийся, и накинул на них покрытие от борцовского ковра. Подвесив себе на пояс второй подсумок с магазином, я попытался включить телефон. Он включился, но попросил ПИН-код... Твою мать! Попытки в стиле «1111» или «1234» не прокатили, и я с психа запустил телефон в стену. Потом пролез в пролом и забросил через обломок вентиляционного короба несколько блинов от гантелей в оружейку. Они с грохотом падали на пол, некоторые даже ударялись о дюраль сейфа. В общем, пошумел. И сработало, мертвые твари побрели в конец коридора. А я взял с полки жидкость для мытья окон, ветошь, выбрался в спортзал и принялся отмывать трофейный ПМ, выполнив его неполную разборку. Товарищ Макаров разработал

отличный пистолет, но вот проблемой быстрой смены магазина так и не озаботился. Нет, может какие мастодонты от спецназа, типа офицеров «Альфы» и меняют магазин за секунду... Но я попытался сделать это на скорость — хрен по всей морде! Копошня одна вышла. Так что лучше иметь второй заряженный пистолет с досланным патроном, чем второй магазин, который еще надо сменить успеть под напором мертвых тварей.

В зале висели два больших зеркала, но что-то времени не было полюбоваться на себя красивого. А нацепив вторую открытую кобуру на пояс спереди и сунув туда второй заряженный ПМ, все-таки решил взглянуть на себя. Как говорил известный персонаж в старом советском мультфильме — «Душераздирающее зрелище»! В отражении на меня смотрел осунувшийся, грязный, но вооруженный человек. Мне было сложно самому себя узнать — мерзкий тип. Ладно, надо подкрепиться, как говорил другой персонаж того же мультфильма. Глядя в окно, я оперся на подоконник, жевал почти засохшую пиццу и запивал колой. Никого... Звнящую тишину прерывают периодические выстрелы, мне даже послышалось, что кто-то вдалеке шарахнул из крупняка, КПВТ похоже. Радовало, что кто-то еще жив, и настораживала мысль о том, как теперь выжившие будут жить дальше? Помогать друг другу или убивать друг друга?

Вдруг кто-то толкнул дверь. Ощутимо так, она даже затрещала. Бросив еду, я выхватил пистолет и подбежал к двери, за ней затихли...

— Это кто там такой умный? — тихо спросил я, и тут дверь снова заходила ходуном. Благо она открывается наружу. Остается уповать на надежность офисного ремонта.

Быстро перебравшись в подсобку и миновав заграждение из стеллажа, прошел к двери, аккуратно провернул защелку замка и приоткрыл дверь. Через мизерную щелку я разглядел, как у двери спортзала стоят два мертвяка. Один просто стоит и пялится в стену, а второй уперся в дверь руками и периодически ломится в нее. Стрелять решил в неподвижного. Выстрел меня неслабо оглушил. Мертвяк рухнул, а шустрый вдруг повернулся и весьма резво поковылял прочь. Выстрелил дважды и не попал.

— Твою мать! — хлопнув дверь, я ломанулся в спортзал.

Подбежав к двери, приоткрыл ее. Посмотрев в сторону, куда сбежал сообразительный мертвяк — чисто. Теперь, немного осмелев, я распахнул дверь, шагнул в коридор, повернул направо и выпустил весь магазин в бредущих на меня от двери оружейки в конце

коридора мертвяков. Затем, схватив за ноги того, что лежал у двери спортзала, втащил его внутрь. Хотел быстро закрыть дверь, но в нее уже вцепилась Паллна своей пухлой и мертвяче-синей рукой с переломанными ногтями. Схватив ее за копну рыжих, перемазанных запекшейся кровью волос, я втащил и ее в зал и захлопнул дверь. Массы в Палльне прилично. В инкассаторской униформе она выглядит как Обелиск, толстый мертвый Обелиск. Завалить ее на пол не получилось, она удержалась на ногах и, развернувшись, поплёрла на меня. Сиганув через лавку и оставив ее в импровизированном загоне, я взял в руки лопату...

Под покрытием борцовского ковра в углу зала лежали уже четверо, а я лежал на матах в противоположном углу и смотрел в высокий потолок... Угломонить Паллну оказалось непросто. Она как танк снесла мою загородку из лавок, и пришлось изрядно побегать, отбиваясь наотмашь, и норовя угодить ей по черепушке. Хорошо, что потолок высокий, и я смог нанести решающий удар, хорошенько размахнувшись... Что у меня в трофеях? А все просто замечательно. Спасибо, Андрей Сергеевич, что ты, в ожидании распоряжений сверху, не отправил всех сдавать оружие. У того, что я застрелил, оружия не было. Зато из подсумка на поясе торчал тридцатизарядный магазин. У нас некоторые ребята с «Кедрами» работают... работали. Так что тридцать ПМ-овских патронов — в кассу. А вот Паллна удивила. Она ведь не просто диспетчер. Она, можно сказать, дежурный по части, и тоже вооружена. На поясе у нее была странная кобура, пухлая, размерами чуть меньше ПМ-овской. Там находился револьвер. Жутким убожеством показался он мне, этот Р-92. Но в руку лег хорошо, удобно. Пусть будет. Был еще кожаный пенал, там две пластиковые обоймы на пять патронов, тоже ПМ-овских. Еще что... два шоколадных батончика, китайский фонарик в обрезиненном корпусе с претензией на тактический вариант, опять ключи и два телефона. Один телефон разряжен, а вот телефон Паллны, простенький «Нокиа» был вполне живым и даже без ПИН-кода. Номер Лехи я, к сожалению, наизусть не помню. Ладно, попробуем так: набрал 102... Попиликало и пошли гудки, но трубку не брали, набирал несколько раз. Тогда набрал 112 — та же песня, но нет...

— Что? — даже не представившись, спросил уставший мужской голос.

— Судя по ответу, вы уже никого не спасаете?

— Ты меня от важного дела отвлек, только настроился. Всему

миру звиздец, парень. Москва, Питер, крупные города вот-вот будут сожраны. Правительства нет, полицию, похоже, сожрали. Кого не сожрали, разбежались... с армией пока непонятно... Ты что хотел-то?

— Жить хочу!

— Все хотят, но не у всех получится... Ты где?

— В двадцать третьем микрорайоне...

— Там жопа... Больниц же куча понатыкана, вот туда поначалу и свозили всех покусанных... За полдня там всё замертвячилось. Мне тоже недолго осталось... Ты вот что, парень, слушай сюда. Оружие есть?

— Да...

— Отлично, стрелять только в голову, мертвяки не разговаривают! Окрикнул, молчит — стреляй. Туповаты они, ходят медленно. Да, встречаются замертвяченные собаки, крысы, вороны... Что еще, — на том конце линии ненадолго замолчали, дыхание было тяжелым, — оперативно-спасательных служб больше нет. Если есть возможность — выбирайся из города. Хотя, какая там перспектива, тоже неизвестно. В общем живи, парень, покуда получается... бывай...

Я отчетливо услышал выстрел, зашуршало и соединение прервалось. Вот и служба спасения.

Схоячив два шоколадных батончика, я запил их колой и поболтал бутыль. Осталась одна треть. Среди кучки трофейного барахла отыскал пачку сигарет и закурил...

Звонок вызова заставил меня вздрогнуть...

— Ма-ам? Але? — голос был очень приятный, мелодичный и спокойный.

— Але, — ответил я.

— А кто это? Ой, я наверное не ту кнопку нажала, у меня тут быстрый вызов... Вадим?

— Нет, все правильно... Это Ольги Павловны телефон.

— Ой, просто она домой не пришла, не подменили, наверное? Вы предайте ей, пожалуйста, пусть не забудет про молоко и к чаю что-нибудь.

— Что?

— Ну, молоко.

— Молоко, бля... к чаю... — сказал я, предварительно отодвинув в сторону трубку, а потом поднес ее обратно и сказал, — вы знаете, у меня очень плохие новости для вас.

— Какие? — голос на том конце трубки дрогнул.

— Ольга Павловна умерла...

— Что? Как? Когда?

— Минут сорок назад, — посмотрел я на часы, — тут вокруг сейчас вообще, много мертвых...

Соединение прервалось, вероятно трубку бросили... Я искренне пожалел человека на том конце соединения. Ладно я, маму даже не помню, а вот ей наверное теперь будет сложно это пережить.

Я снова закурил... Повыщелкивал из магазина «Кедра» патроны и снарядил магазины ПМ-ов. Еще десять патронов ссыпал в карман брюк. Пояс отяжелел еще на одну кобуру и пару подсумков. Выдержал бы. Ну, хватит булки мять! Я решительно поднялся, пробрался в подсобку, набросал в оружейку несколько железяк, порядком пошумев, затем вернулся в зал и аккуратно приоткрыл дверь... Вот он! Шустрый! Он вцепился в дверь, пытаясь просунуть голову и разевая пасть, а я выстрелил ему в глаз, отпихнул ногой и захлопнул дверь...

— Твою мать!!! Твою мать!!! Твою мать!!! — я судорожно начал раздеваться, сняв с себя куртку, затем рубаху. Оторвал от рубахи кусок, залил спиртом из аптечки, подбежал к зеркалу и стал оттирать с лица, шеи и рук мозги мертвяка... Нет, больше я так делать не буду. Жесть какая, омерзение аж до трясучки... Переведя дух, накинул куртку, опять повторил «погремуху», вернулся в зал и приоткрыл дверь... Готов, лежит. Его ботинки мне дверь нормально открыть мешают. Подналег, вышел в коридор и начал стрелять... Когда упал последний, не дойдя до меня пары шагов, второй пистолет встал на затворную задержку. Я вернулся в зал, закрылся, сменил магазины, набил еще один...

Опять запиликал «Вивальди» телефона, который я оставил на мате. Сел, нажал кнопку ответа:

— Слушаю.

— Простите, — на том конце всхлипывали. Да что там всхлипывали, за рыданием я с трудом разобрал ее слова, — я никому не могу дозвониться...

— Да, сейчас никому ни до кого.

— Мне неудобно, простите, но я инвалид по зрению... Мы с мамой вдвоем жили...

— Хреново.

— Что, простите?

— Сочувствую, искренне сочувствую.

— Вы знаете, на улице стреляют и соседи... они там

кричали... А еще сирены, вчера весь день и всю ночь, и ночью опять стреляли... А я не могу никому дозвониться.

— Вы из дома не выходите главное. Даже на площадку не выходите.

— Вот я и хотела спросить...

— Все плохо кругом. Как вас звать?

— Лена, а вас?

— Володя. Послушайте, Лена, на улице действительно опасно. Случилось очень плохое, это хуже войны, объяснить вам с вашим... эм... с вашими... В общем, не увидев, вы просто не поверите.

— А что может быть хуже войны?

— Когда люди едят друг друга, самым натуральным образом...

Опять пошли гудки, либо связь прервалась, либо она бросила трубку.

Я вышел в коридор. Переступая успокоенных мертвяков и посматривая назад, дошел до оружейки. Убедился, что дверь-решетка на лестнице на второй технический этаж закрыта и пошел обратно, попутно прихватив к рукам еще пару магазинов из подсумков бывших коллег. Дробовик бы, но это надо добраться либо до машин, либо получить доступ в оружейку. А пока довольствуемся тем, что имеем. В комнате отдыха творился настоящий ад. Кровь растеклась ровным слоем по всему полу, мебель перевернута, на стенах следы пуль и подтеки крови. Несколько тел с огнестрельными ранениями. В углу, прикованный наручниками к батарее, возится Андрей Сергеевич. Я его только по седому ежику узнал, вся одежда из зеленой превратилась в бурую. Рядом лежал залитый кровью «Стечкин». Я долго не решался войти, но уверенности, что попаду от дверей не было. Рискуя поскользнуться, все же вошел, но предварительно закурил, так как запах был просто невыносим. Остановившись в двух шагах от полковника, я поднял руку с пистолетом...

— Спасибо, товарищ полковник. Благодаря тебе и жив, наверное, хоть и один... — и выстрелил.

Оренбург, 22 марта

Просыпаться не хотелось, точнее не хотелось вставать. Разлепил глаза я час назад, в девять утра, когда над зданием на малой высоте, рассекая лопастями воздух, пролетел вертолет. Спал я в диспетчерской, на мягком диванчике. На полу и на столе валялась куча оружия, патронов и снаряжения. Дверь в диспетчерской железная, окно из бронестекла. Я вчера даже помылся в душе и

переоделся, предварительно заблокировав входные двери и опустив жалюзи снаружи. Покосился на монитор на стене. На двенадцати картинках можно наблюдать за помещениями в конторе, воротами и парковкой. Еще вчера покопался в интернете, который, на удивление, работал. Правда, не все новостные сайты открывались, но общую картину получить удалось. И тот МЧС-ник не соврал. Жаль, я надеялся, что он все же не в себе. И что теперь делать? В Форде полный бак. Сесть и ехать насколько горючки хватит? А куда? Протянул руку к телефону на подоконнике и сделал вызов. Соединение установилось раза с четвертого, пошли гудки.

— Але? Володя?

— Да Лена, это я. Как вы?

— Ревела всю ночь... Пить охота... молока нет, из крана вода не течет. Наверное ночью отключили, а в чайнике немного было.

— Вы унитаз смывали сегодня?

— Что? Причем тут унитаз?

— Там в бачке обычная водопроводная вода. Вы можете пить ее. Желательно прокипятить, конечно...

— Ой, спасибо, что-то я не додумалась, — шмыгнула она носом.

— Лена...

— Что?

— Вы плачете?

— Ага, реву опять...

— Скажите свой адрес.

— Зачем?

— Затем, что я, наверное, единственный, кто остался в этом мире, чтобы вам помочь.

— Чкалова двадцать, квартира сто шестьдесят пять.

— Часа через полтора-два ждите.

— Хорошо, жду...

Лена отключилась. А я, сунув телефон в нагрудный карман, включил чайник и достал из маленького холодильника пластиковую коробочку с бутербродами. Должно быть Паллна с собой принесла.

— Кххх... пшшш... пилим... Акация, четырнадцатому экипажу! Акация, ответь четырнадцатому!

— Да ну нахер! — я подскочил, уселся за стол диспетчера и взял микрофон радиостанции.

Вообще-то, «четырнадцатый» — это мой экипаж, точнее Лехин. Голос да, вроде похож. Прежде чем ответить, я думал, сомневался... но все же ответил.

— На связи Акация!

— Бля! Кто на связи? Орех? Орех, ты?

— Да Леха...

— Мы подъезжаем, будем минут через десять.

— Кто мы?

— Да кто попало! Менты, вояки, сводная рота недоеденных! Держись, Леха, скоро будем!

— Ага, — ответил я и положил микрофон на стол.

Вот и Леха обозначился... Как-то сразу полегчало и отчего-то даже стало радостно, что еще десять минут и я буду не один. Не хочу больше быть один!

Приехали БТР-восемидесятка и бронированный омовский КАМАЗ. Увидев на мониторе машины, я нажал на кнопку на стене, и ворота поехали в сторону. Потом разблокировал входную дверь и вернулся в диспетчерскую.

— Орех! Что по мертвякам у тебя?

— На улице двое шарахаются или в гараже. Мне не до них было. В конторе чисто, — ответил я, нажал кнопку закрывания ворот и добавил, — в смысле мертвяков уже нет.

— Понял, ребята сейчас почистят, а я со старшим группы — к тебе.

— Можешь не стучаться, — ответил я и положил микрофон, жуя бутерброд и наблюдая на мониторе, как из машин посыпались вооруженные люди, по-разному, но хорошо экипированные.

А потом я собирался, пока крепкий омовец и Леха смотрели на ускоренной перематке события предыдущих дней. А собираться-то особо и нечего. Напихал по подсумкам магазины АКМСа, и магазины от полковничьего «Стечкина», в большую сумку скинул автомат, дробовик с пистолетной рукояткой и патроны валом — этого теперь мало не будет. Двое омовцев перетаскали в КАМАЗ остальное. Вытащив сумку в коридор, я присел у турникета и закурил последнюю сигарету из помятой пачки.

Леха и командир омовцев вышли из диспетчерской с каменными лицами.

— Ну, я собрался, — затушил я сигарету о стену, — едем?

— Орехов, — омовец поскреб густую трехдневную щетину, — у меня только одна непонятка: а зачем вас с тем парнем в оружейку закрыли?

Я вкратце поведал им о причинах, на что Леха подтвердил, что полковник так периодически делал — до выяснения. То есть

проявлял самоуправство.

— Ну что, боец, — омоновец подошел и протянул руку в беспалой тактической перчатке, — будем знакомы, Дима. И добро пожаловать в семью.

— Семья — это хорошо, — ответил я на рукопожатие, — семьи у меня никогда не было.

— Ну что, поехали?

— Только сначала надо в одно место заехать, — я не отпускал руку Димы.

— Какое?

— На Чкалова, девушку из квартиры забрать.

— Кто она тебе?

— Я же говорю, девушка. Моя девушка.

— Что ж, заберем, какие вопросы, — ответил Дима и сказал в рацию, — так народ, работаем по эвакуации, едем в Форштат.

— Принял, — прошипела в ответ рация чьим-то басом, — поедем, раз надо.

— Надо, — ответил Дима в рацию, а потом сказал мне, — поехали, Орехов, за твоей девушкой.

© **Валентин Русаков, 2018**

Михаил Рагимов (Михаил Гвор)

ТЫ ПРИДЕШЬ

Если верить карте, то когда-то этот пустырь был парком. Может, кто не согласится считать картой разворот тетрадных листков, запаянных в целлофан горячим утюгом. Но до сих пор ошибок не было. Карта не врала. Как не врала мать, рисовавшая ее по памяти. Просто потому, что не умела. А вот молчать она умела, как никто.

И Дмитрий Урусов, сержант «шмелей» по прозвищу Чауш, решил поверить еще раз. Парк, так парк. По крайней мере, очень похоже — несколько гектаров выжженной до пепла земли, без малейших признаков застройки. С редкими вкраплениями остатков дорожек...

Городу досталось. Стратегически важный порт все-таки. И целых три огромных завода было. Вот и получил... А парк — это хорошо. Даже лучше, чем могло быть. Не вывела извилистая тропа к «Зеленстрою». Или какому другому темному пятну вроде рынка с его лабиринтом ржавых контейнеров и киосков. Значит, почти на месте. Дошел, выходит. Пара километров осталось, если не меньше...

***

Урусов заходил в Город совсем не с той стороны, откуда пришел. С востока было не пройти. На заводы ракет не жалели, и теперь выросшие, словно из-под земли, непроходимые джунгли развороченного взрывами металла надежно преграждали путь.

Живых тут вряд ли можно встретить — так было везде, в каждом из полусотни встреченных на пути городов и поселков. Крыша над головой не так уж и важна, когда голодной судорогой сводит желудок. Даже крысы убегали из таких мест, устав впустую рыскать по безжизненным руинам. Но едва он миновал реку, из развалин его обстреляли. Пули легли в паре метров. Ровной строкой пыльных фонтанчиков, обозначив линию, которую лучше не пересекать.

Дмитрий намек понял верно. Повыше подняв пустые руки, всем видом показывая, что белый и пушистый, и что под бушлатом ничего нет, он метров двести пятился до первых зарослей, а потом еще

метров семьсот прополз на пузе.

Кто тех местных знает? Они еще до Последней Войны на весь Союз слыли ребятами резкими и на дело скорыми. А теперь — тем более. Не будешь же объяснять, что пришел сюда вовсе не разведчиком, а совсем по другому делу. Все равно не поверят. Лучше приберечь слова для другого случая. И ползти побыстрее, да стараться от земли не отрываться.

С другой стороны, это даже к лучшему, что отогнали от дороги. Чауш только потом понял, что пройти Город по прямой, невозможно. Разве что пригнать пару саперных армий завалы расчищать.

Только в наше время, после Войны то есть, саперные армии встречались сержанту только в отцовских книгах. Да и другие армии тоже...

***

Книги мать принесла. После того как в восемь лет маленький Димка спросил, почему у него нет отца. Нет, в принципе, удивительного в этом ничего не было. На «Заимке» хорошо, если в одной семье из десяти отец был. После окончания Войны стрельба не прекращалась ни на день, слегка замирая только зимой, когда от звенящего мороза лопались стволы деревьев, и дыбом вставал покореженный асфальт дорог...

А накрепко зацепившиеся за склады Н-ской мотострелковой дивизии «шмели» полковника Пчелинцева, слишком у многих вызывали вполне понятную ненависть. И желание до этих складов добраться.

Мужчины, как им и положено, всегда шли в бой первыми. И первыми погибали.

«Ушел. Потому что себя любил больше нас», — только и сказала мать. А когда малыш в сердцах проклял ушедшего отца, схватилась за ремень. Хороший такой, офицерский. Настоящей кожи, с литой пряжкой, из мобзапасов. «Если не понимаешь, лучше молчать! А ты не понимаешь». Но это она сказала потом, когда исхлестанная ремнем Димкина задница слегка зажила. И он снова смог ходить.

Тогда мать положила на стол кусок вяленой оленины, буханку хлеба, открыла банку тушенки и ушла. Куда не сказала. Надолго. Целых четыре дня ее не было.

Когда вернулась, поставила перед Чаушем большой плотно

набитый рюкзак.

— Отец просил тебе передать, когда начнешь взрослеть. А ты уже взрослый, если умеешь ненавидеть своих.

И расплакалась, неумело пытаясь спрятать слезы. Первый раз за все время, сколько Дмитрий себя помнил.

В рюкзаке, поверх всего, лежал берет. Когда-то зеленый, но уже выгоревший почти до серости. Еще — всякие непонятные железки и свертки. И книги. Много. Не обычный хлам, про всякую жизнь до Войны, а учебники. Стрельба, тактика, разведка. На одной даже фамилия автора напечатана, совсем как их собственная. Да и книга была вроде как на русском, но некоторых букв малыш и не видел никогда. Когда Димка фамилию на обложке матери показал, заранее готовый рассмеяться от такого неожиданного совпадения, та снова расплакалась и потребовала книги не показывать никому, чтобы не отобрали. Еще в рюкзаке лежал, завернутый в промасленную ветошь, револьвер. И две бумажные пачки патронов. Но оружие мать сразу прибрала подальше.

— Сперва теория, потом практика, — и вытащила из стопки книг самую толстую. — С этой начни.

— Нас-тав-ле-ни-е по стрель-бе... — по слогам, водя пальцем по строчкам, прочел Димка. — А это как? — и уставился на рисунок солдата с автоматом.

— Вот когда поймешь и наставишься, тогда и отдам. Спички детям не игрушки, шалите лучше с коньячком, — привычно-непонятной присказкой закончила разговор мать.

Вот и старался Димка, «наставлялся» по полной. Удивляя порой не только сослуживцев, но и главного «шмеля» — полковника Пчелинцева. Человека широкого не только телом, но и душой.

Пока, наконец, полковник не спросил прямо: откуда некоему сержанту известно куда больше, чем давалось на занятиях... Урусов-младший решился и, притащив рюкзак, вывалил книги на полковничий стол, свалив попутно на пол котелок с остывающим обедом.

Пчелинцев, мягко говоря, очень удивился. И почему-то обозвал всех Урусовых мужского рода хитромудрыми сволочами. А старшего — еще и недобитком хохлячко-куркульского махновского движения. И мягко, но непреклонно, книги реквизирует для последующего копирования. Оставив, впрочем, за Чаушем право на внеочередное пользование оригиналами.

— Понимаешь, товарищ сержант, — объяснил полковник свое

поведение и злоупотребление служебным положением. — Оружия у нас до хрена и маленькая тележка, с прицепчиком. До Войны, по всем расчетам, этих запасов на пару дивизий должно было хватить, да еще оставалось. Для нашей «усиленной» роты в двести штыков — с хоррошим перебором. И с едой проблем не будет, вон, которое поле уже засеваем, да и мяса «дикого соя» еще не одна тонна лежит. И вроде как стрелять есть кому. Но одна беда, от первого состава всего ничего осталось. Кто еще до Войны служил, эти да, еще что-то умеют. А как мы перемрем, то все. Опыт нынешний, он, конечно, имеется, не спорю. Но! — полковник почесал затылок. — Это все от банд хорошо. А придет кто организованный, хоть чуточку лучше обученный, и все. Опыт ваш — до того самого места одного, не при еде поминаемого. И кто ж знал, что какое-то наставление стрелковое, может оказаться полезнее пары лишних автоматов. Однако же видишь, как получилось. Интересно, Андрюха книжки из вредности попрятал или думал, что у меня полный комплект «Библиотеки офицера» под койкой.

— Там еще кое-что было. — Чауш достал из разгрузки револьвер. — Ничего сказать не можете?

Пчелинцев катнул пальцем мягко вращающийся барабан. — Ишь ты, сохранил, контра... — полковник открыл высокий, с двумя отделениями, сейф, и вытащил из несгораемого нутра бутылку и два стакана. — Наган это. Тридцать пятого год выпуска. Чекистская модель. Хотя ты же не это узнавать пришел? Отцу твоему ливорверт сей я на их свадьбу с Кошкой дарил. Долго он меня, гад, упрашивал. Думал, с ним и сгинул. Ан — нет...

— С Кошкой? — переспросил Чауш, не сообразивший сразу, что к чему.

— С матерью твоей, балбес! — мутная жидкость разлита была точно по краешкам стаканов. Даже с горочкой маленькой — «по-спецназовски». — Куда катимся... Ну, будем! — Пчелинцев отсалютовал емкостью.

— Товарищ полковник...

— Ты мне «товарищей», Дмитрий Андреевич, для плаца оставь, — выдохнул полковник и поставил пустой стакан на стол. — А Седьмой, когда в жены Кошку брал, очень парился, что он старший сержант всего, а она — старший лейтенант. Вот только я тебе, малый, ничего не говорил.

Вроде бы стакан самогона — малая доза на сто с лишним полковничьих килограмм, однако, Пчелинцев захмелел.

Воспоминания, наверное...

— Там берет был еще.

— Зеленый? Тоже его, не сомневайся. Носился с ним, как дурень с писаной торбой. Как ни зайдешь, так на самом видном месте торчит. То на глобус натянет, то на полке живописно расположит. Пограничные Войска, как же...

Полковник сплунуть хотел, но передумал и подмигнул Чаушу: — Внимания особо не обращай. Мы с ним постоянно фаллосометрией занимались, вот осадок и остался. На чем я там остановился? — Пчелинцев плеснул еще по полстакана и с сожалением убрал бутылку обратно в сейф.

— Вот только, как притащил он тебя с мамкой сюда, да мне на руки сдал, так сразу на Украину свою и сорвался. И родные там, мол, и сослуживцы первые. Он же, где только не служил. Сам смеялся, что в трех армиях и в пяти родах войск. Придурок батя твой, но человек отличный. Мы с ним такого наворотить успели... Он у тебя, хоть трепло то еще, да и хвастать мастак, но с одним ножом на пяток желтых выходил. Сам видел.

— И что? — спросил Чауш, уже немного отупевший. Самогона почти триста грамм, да про отца такое... Смесь убойная.

— Да ничего. Прошел сквозь них, финку о штанину вытер, да дальше пошел, — полковник замолчал, явно блуждая по задворкам памяти. — Хоть и мелкий он был. Если со мной мерять, конечно. Да что там говорить, — Пчелинцев махнул рукой. — Не те люди нынче пошли. Да и откуда им взяться, если с сотню Чернобылей жахнуло...

— А вообще, как все получилось? — тема Войны особо закрытой не была, просто не вспоминали ее и все. Потеряно слишком многое и слишком многие. А в ранах копать любители находилось мало. Так, разве во хмелю пару слов кто обронить мог. Поэтому и ловило молодое поколение каждое слово о прошлом...

Самым словоохотливым, как ни странно, из всех рассказчиков оказался Пчелинцев. Особенно, после второго стакана...

— Да что там рассказывать, Дим! Одни обнаглели до края, вторые в отказ пошли. А третьи глянули на все это и решили сработать на опережение. А потом цепная реакция покатила...

— И что?

— А что могло быть? — удивился полковник. — Северная Корея по Южной, Китай по Тайваню и Вьетнаму, Индия с Пакистаном — друг по дружке. Про наших с янкесами вообще молчу. Как из ведра сыпали. Сработали на «отлично» — весь мир в труху.

Вот только, как до основания все разрушили, никто и не почесался что-то новое делать. Не до того было. Папашка твой умно поступил, вас с матерью в машину загрузил, с вещами вместе. Кошку за руль, тебя на пол, сам карабин в зубы, «броники» на окна. И ко мне, в бригаду, на всех парах. А там...

Полковник вертел карандаш. А тот хрустел, ломаясь в сильных пальцах.

— У нас желтые главная беда, по Югу — черные. Жили беднее, попривычнее, да и не попало по ним столько... Вот и лезут как тараканы.

Рассыпался по столу грифель. Полковник озадаченно посмотрел на остатки карандаша. — Вот же гадство какое. Хорошую вещь поломал. Дим, как идти будешь, свистни на камбуз, пусть пожрать чего принесут. А то ты мне весь обед испоганил пьянкой своей...

***

Планета не простила человеку сотен взрывов и ответила в своей излюбленной ассиметричной манере. Климатом. Летом — выжаривая поверхность напроць, а зимой — заставляя людей сидеть по норам, боясь лишний раз нос высунуть, чтобы не отмерз. А осень «радовала» затяжными недельными дождями. Дороги превращались в реки, а реки становились похожими на Волгу в районе дельты...

До этого все атаки на склады летом шли, в жару. Или самой поздней весной, когда подсыхало болото, посреди которого располагалась «Заимка». Давнее попадание ракеты в плотину создало замечательный крепостной ров, по весне разливающийся еще обширнее, оставляя только узкую полосу земли. Старательно пристрелянную. Банда обычно пыталась проскочить ее на полном ходу. Взлетали в воздух несколько машин, и по очумевшим от страха придуркам начинали работать пулеметы и снайперские винтовки. В лучшем случае, выживал один из десяти незваных гостей. Если, конечно, к местным жителям в руки не попадал. А руки у тех добрые. Что с творческим подходом и наличием свободного времени приводило к интересным результатам.

Чауш как-то попал на казнь, глянул... Блевал далеко и долго. Но жалости не испытывал. Не тех существ заживо закапывали по шее голову, посреди свиного загона, чтобы чувства какие-то были. А свинины на «Заимке» и так в пищевой раскладке не значилось...

***

Желтые пришли в начале весны, когда их никто не ждал. Но среди врага появился кто-то знающий не только о возможной добыче, но и об уровне риска. И догадывающийся как его снизить. Желтых собралось тысячи четыре, по нынешним временам — покруче армии Чингиз-хана. Прошли через заболоченную пустошь, что тянулась километров пятнадцать, там считанные посты стояли, а хуторов вообще не было. От самой старой границы притащили полтора десятка БТРов и две установки РСЗО. И несколько глушилок хитрых, что перед самой Войной в войска пошли, те устройства напроочь любую электронику вырубали. Для примитивных датчиков, собранных на коленке, хватило с головой.

И, вдобавок, загнали в ледяную воду начавшегося паводка несколько сотен пехотинцев.

Скольким из них удалось не утонуть, наверное, даже самый главный «желтый» не знал. Но часть добрела, растворившись по территории, обходя редкие патрули.

И в шесть утра желтые ударили. Удар был всего один, но стал смертельным. Сначала залп РСЗО накрыл жилые казармы, попутно смешав с землей и бетоном, половину комендантского взвода на плацу... А потом вдруг оказалось, что за каждым кустом сидит по десятку желтых. Готовых рвать благополучных и сытых «белых» зубами. И пусть у них один автомат на троих, но в твоём магазине патроны кончаются очень быстро, а перезарядить, когда на тебя несется воющая стая, уже не успеть...

С севера широким фронтом по бурлящей воде заходили БТРы с основным десантом на броне и плотках. А встречать их уже почти и некому...

***

Полковник, харкая кровью, швырнул в Чауша разгрузкой с пятком магазинов, поудобнее расположился в ворохе битого стекла, и начал выцеливать низенькие фигуры, перебегающие в дыму.

— Уходи! Найди Кошку и вали на хер отсюда!

— А...

— На хер вали! — обернулся Пчелинцев, щерясь в

оскале. — Приказ, сержант! Ее вытащи! На выход, сука!!!

Урусов молча подхватил полковничью разгрузку и побежал. Не на выход. В другую сторону, прямо по коридору, до упора. Там — десять пролетов, деревянная лестница наверх, на крышу. А на крыше «Утес» стоит, в точке пулеметной, по периметру обложенный мешками с землей. Штатный расчет добраться так и не сумел, потому как взлетел на воздух вместе с бетонным блоком казармы. Вот и замер в нетерпении пулемет.

Так, сдернуть к чертям масксеть, вставить ленту в приемник, взвести затвор... «Прицел пятнадцать, трубка пять!» Или как там говорили в старых фильмах о прошлой войне? Спуск выжался на удивление плавно. Прогрохотала, перекрывая все шумы близкого боя, длинная очередь, разорвав в кровавые клочья нескольких особо везучих желтых. Особо везучих, потому что 12,7 мм раненых редко оставляет.

Снизу откуда-то ударил автомат, вплетая свой басок в хриплый рев пулемета. «Пчелинцев, живой!» — мелькнула радостная мысль. И тут же вылетела. Не время думать — время ленту менять.

Примерно минут через сорок-пятьдесят стрельба на территории помалу начала стихать. Так, кое-где еще звучали короткие очереди, да трещало пламя многочисленных пожарищ. И стоял непрекращающийся крик со стороны уцелевшей «семейной» казармы.

Желтые, легко вычислив пулеметную точку, долбили по крыше из всего, что под рукой оказалось. Хорошо хоть, что кроме разномастного легкого стрелкового, больше под рукой у них ничего не было. Чауш прополз под парашетом, хоронясь от крошки, выбиваемой неприцельной, но частой стрельбой. Выглянул краем глаза.

С фасада — человек сорок безостановочно поливают огнем позицию. Случайная пуля прошелестела над головой, полностью отбив желание высовываться.

Патронов к «Утесу» больше нет. Смысла тут сидеть тоже. Желтые подгонят БТР с автоматической пушкой и разберут крышу по кирпичику.

Самое время уходить. Подпихнуть под пулемет ворох масксети, кинуть сверху кусок доски, который год валяющейся на крыше. Доска в хлам прогнившая, но для дела сгодится. Пулемет как можно выше, задрать стволом в зенит... И в узкую щель — РГД с вырванным кольцом. Подарок узкоглазым.

Желтые продолжали крошить парапет с фасада штаба. А вот с тыла и не было никого. Там пустырь начинался, заботливо засаженный ежевикой пополам с шиповником. И окна только с третьего этажа начинаются. Вот желтые и решили, что никуда пулеметчик не денется. Не с крыши же прыгать будет.

А вот будет. Потому что два дня назад проводились на штабной крыше занятия по альпинизму. И так и остались в укромном уголке, под навесом, четыре бухты веревки-«десятки» и прочее положенное снаряжение.

Конец на вентиляционную шахту накинуть, булинь завязать, кинуть контрольку. Разбежавшись, метнуть две гранаты, стараясь угадать поближе к стрелкам.

Натянуть страховочную систему, «восьмеркой», истертой до «иголки», ввязаться в веревку. Широко размахнувшись, еще одну гранату через парапет запустить.

И вниз, пролетев пять этажей в два касания за несколько секунд, не жалея сгоревших ладоней. Не выстегиваясь, ножом по натянутой еще веревке рубануть, АКС в руки и бежать. Стена колючих зарослей для чужих непроходима, а у своих всегда тропки найденные имеются.

Домой не пройти. Если от дома что осталось, то там сейчас узкоглазые...

Сами собой навернулись слезы. Мать всегда ругала за них, называя дурацким отцовским наследством ... Мать... Чауш сбился с бега. А ноги сами понесли в сторону городка. Пока не ударила в левое плечо пуля, чуть было не опрокинув на землю. Урусов вскинул правой АКС... Патрон в стволе, затвор взведен... В грязной луже остались лежать изломанными манекенами двое желтых. Подхватить оружие убитых, выдернуть из брезентовых подсумков пару рожков, ухватить ближайший рюкзак...

Раненный сержант нырнул в свежие развалины, бывшие недавно зданием вспомогательной котельной, молясь всем богам, кого помнил, чтобы дали пережить этот день. Не ему. Матери...

Чауш рискнул вылезти из ненадежного укрытия часов через десять. В тесной каменной норе сумел стащить мокрую от крови куртку и кое-как замотать рану, плеснув картофельно-рисового самогона из фляжки, оказавшейся в рюкзаке «желтого». Хорошо хоть, кость не разворотило, только мышцу задев. Касательным отделался...

Желтые только за полночь уgomонились. Да и то, по всей базе

горели костры.

То, что искал, сержант нашел быстро. Один из тех БТРов, под прикрытием которых шли на штурм желтые. Первый не подошел по всем параметрам. Практически пустые баки, от двух колес по правому борту — только ошметки корда вперемешку с горелой резиной. Да и проржавевший чуть ли не насквозь. Со вторым лучше: единственный минус — кровь мехвода, неудачно плеснувшаяся на оптику. К счастью, основная часть в шлемофоне осталась. Как там оно звучит в оригинале? «Шомполами в уши перетыкать»? А тут не шомпол, а самая обычная «вишня». Но не хуже шомпола работает, особенно, если в висок бить. А кровь протереть недолго. Да и легкую тушку ни разу в жизни не евшего досыта желтого из БТРа выкинуть не намного дольше.

Зато боекомплект почти нетронут. И бак залит под завязку, ценным бонусом — несколько канистр с горючкой в десантном отделении лежит. Километров на пятьсот должно хватить. «Километров на пятьсот? — Бежать собрался? — Да, собрался. — И почему же? — Да потому что! «Заимки» нет, «шмели» погибли... — Все погибли? Или, может быть, кто сидит сейчас, как ты пару часов назад, и ждет помощи... — От меня ждет? Один человек — один ствол? — Один ствол? Так сразу и скажи, что трус... Которого не известно за что звали Камышовым Котом...».

Взревел застоявшийся КАМАЗовский двигатель, чуть не поперхнувшись черными хлопьями сажи. Почти четырнадцать тонн стали, ведомые неумелым водителем, дернулись, проскочив одним прыжком метров пять. Передние колеса наехали на нескольких желтых, расположившихся у костра. Шум двигателя заглушили визги и крики.

Где-то поблизости заверещали на китайском, непонятно, но противно. По броне защелкали пули...

Так, а теперь — к пулеметам, найти нужные ручки и маховики.

В темноту, уже начавшую пробуждаться от воплей и грохота стрельбы, ушел огненный росчерк. Дмитрий не целился. С «ночником» разбираться времени нет, да и смысла в том немного. Основная задача — навести побольше шума и хаоса. Пока желтые будут его гонять, у выживших «шмелей» есть шанс уйти из ставшей ловушкой «Заимки».

И в Края Вечной охоты пару десятков желтых отправить не помешает. Чтобы помнили, сволочи, и детей нами пугали. Если будут дети у них.

БТР метался по территории, давя всех, кто под колеса подвернется. Иногда останавливался, и, замерев ненадолго, начинал стегать по сторонам пулеметными очередями. А потом взбесившийся БТР пропал. Желтые, перепившиеся с вечера дармового спирта, так до конца протрезветь и не успели, целый день обыскивали «Заимку». Нашли на свою голову только десяток умело поставленных растяжек.

***

На следующий день ветер разогнал тяжелые тучи, которые так и не разродились дождем. Осторожно выглянуло солнце, щедро даря земле теплые лучи. Где-то в траве застрекотали первые кузнечики. Двое, сидящие на БТРе, дернулись, услышав непривычный звук. Парень машинально схватился за автомат, лежащий на коленях. Кузнечик застрекотал совсем близко, чуть ли не под колесами.

— Сынок, — маленькая ладонь прошла по волосам, привычно взъерошив.

— Да, мам? — высокий парень в грязном камуфляже подался навстречу руке.

— Ты знаешь, что сейчас скажу? — женщина замолчала, нервно закусив травинку.

— Нет. Но догадываюсь. — Лицо парня искривилось в вымученной улыбке.

— А еще знаю, что все равно догадываюсь неправильно.

— Молодец. Весь в отца, — теперь уже женщина улыбнулась. По-настоящему. — Тот тоже всегда догадывался, но всегда неправильно. Найди его. Обязательно. Как встретишь, передай привет. Скажи, что он дурак. Любимый. И что я его жду назад. Хоть он и идиот. И дурак. И вообще.

Чауш чуть не поперхнулся.

— Найти? — переспросил он на всякий случай. Дмитрий многого ожидал, но никак не такого.

— Ага. Найти. Ты сможешь. Ты такой же, как он. Точь-в-точь. И тоже сержант! — мать вытащила из недр БТРа свою сумку и начала в ней копать, вываливая на броню мешавшее: несколько магазинов к ПМу, бинокль, ворох «двухверстовок», нож...

— Да где же она запропала, за ноги ее да об пень совой... Вот! — мать положила на автомат толстую тетрадку в плотном переплете. — Тут план-схема примерная набросана, в середине. И

кое-какие заметки есть. По мелким нюансам тех краев. Где что, как, кого и сколько раз. Я-то на родине Урусова только пару раз была, да и то недолго. Особо советов дать не могу. Да и не до того нам было. Мы же туда мной хвастаться приехали!

Чауш все понять не мог, с каким чувством мать отца вспоминает. Вроде как и любви нет уже. Вроде и ненавидеть должна за то, что ушел. И вообще... Но вот потаенное что-то, в самые глубины спрятанное, вспыхивало в глазах...

— А ты? Вернее, вы? — сержант кивнул в сторону тех, кто остался в живых. Мало кому удалось пережить первый день и вовремя выскочить навстречу разъяренному металлическому чудовищу, заляпанному кровью по башню. Повезло семерым. Два «шмеля» и пятеро гражданских. Три женщины, два ребенка. Оба бойца — ранены. Один в ногу, второму хорошо бок раскурочило осколком.

— Что «мы»? Горючки, как понимаю, еще километров на двести хватит. Ты не всю выкатал. Рация вроде как рабочая, будем на подъезде к Грачу трезвонить по всем волнам. Он услышит. А расходиться надо тут. Тебе на запад, нам на восток путь.

— До Грача не двести километров. А триста пятьдесят. И к нему Пчелинцев за четыре года не послал ни одной группы. Потому что не дошли бы. И никуда я не пойду, — Чауш и представить себе не мог, что на мать голос повысит. Но получилось. А она даже не удивилась, не говоря уже об обиде.

— Тогда бы не дошли. Даже всем составом. А сейчас — сможем. Все желтые на верст триста кругом, сейчас на «Заимке». И будут там, пока все не сожрут и не изгадят.

— На триста... Но еще пятьдесят есть. Не забыла?

— А у нас на БТРе еще полторы тысячи патронов на «Владимирова». И на ПК — цинков десять. Не забыл? И кто-то умный еще насобирал с десятков калашей. Не подскажешь, кто такой?

Чауш за сегодня уже устал удивляться.

— Ну, я насобирал. Знаешь же.

— Знаю. И что? Уже запрещаешь родной матери сына похвалить? И не смотри так. Я с ума не сошла.

Поняла, видно, она что-то. Или в удивленных глазах сына прочитала.

— Мы дойдем, не волнуйся. Что со мной случиться может? Да и больше некуда, сам прикинь. А тебе надо идти сейчас. Считай глупой просьбой выжившей из ума старухи.

— Ма... — протянул Чауш. — Не гони, пожалуйста.

— Не гоню, не парься. Я собиралась уходить, когда была чуть-чуть старше тебя. Но тогда Урусов нарисовался, да так, что стереть не смогла. Он же, сволочь, со службы и забрал, гад. За спиной, сговорившись со всеми, до кого дотянуться смог. А руки длинные. И язык подвешен, — мать опять улыбнулась чему-то своему.

— А идти тебе нужно сейчас, — снова повторила она. — И ты пойдешь. И найдешь этого балбеса. И передашь все, что я сказала.

Оба на броне замолчали. Сын все не мог придумать, что же сказать, а мать просто сидела, подставив лицо солнцу и слушая тишину. Даже обнаглевшие кузнечики почти замолчали.

Первым не выдержал Чауш.

— Ну, я пошел? — и спрыгнул на землю. Коротко стрельнуло в раненой руке. Придется лямки перенастраивать...

— Иди. Ты сможешь. Все взял?

Чауш кивнул.

— Молодец. Берет не забудь. Урусов не поймет, если он потеряется. Иди, сынок.

Дмитрий с трудом закинул на спину рюкзак. От неудачного движения снова резануло по руке.

— Мам, правда, что тебя Кошкой звали? Раньше? — голову Чауш так и не поднял, упорно рассматривая грязное колесо.

— И последнее звание перед Войной — старший лейтенант. Правда. Все правда. А Пчелинцев трепло. То-то они с Урусовым так сошлись быстро. И береги себя.

Раненый в ногу «шмель» проводил уходящего сержанта мутным от боли взглядом.

— Он дойдет. Обязательно. Он же наш сын или чей, в самом-то деле? — Ни к кому не обращаясь, сказала маленькая женщина, сидящая на броне, пытаясь удержать слезы.

***

Это было два года назад. А сейчас до цели осталось совсем немного.

Вот теперь самое время включить осторожность на максимум и проскочить крайние два километра через остатки парка. Обидно будет получить пулю именно сейчас. На последних метрах дороги в пять тысяч километров. И не хочется пускать коту под хвост два года

пути.

Но судя по всему, местных выжженный парк не интересовал. То ли считали бессмысленным рыться в окружающих его домах, опасаясь радиации, то ли все давно прошерстили мелким бреднем, выбирая съестное и полезные в хозяйстве вещи.

И это только на руку. Мать, которую Чауш в долгих разговорах с самим собой все чаще называл вслед за Пчелинцевым Кошкой, писала, чтобы обязательно проверил квартиру. «Урусов постоянно туда возвращался. Кто его бродячую душу знает, может там и сидит. Он такой».

Нужный дом как раз выходил на окончание парка. Промахнуться сложно. На удивление целый, словно деревья весь удар на себя приняли, сберегая одинокую девятиэтажку. Стекла, конечно, повывлетали все, да скособочилась она, но в целом очень даже неплохо сохранилась. Хоть бетонируй окна нижних этажей, ставь на крышу пулемет и сиди. Пока не помрешь от голода — на всю жизнь не натаскаешь.

Подъездная дверь тихонько скрипела. От внутренней обивки остались жалкие ошметки. То ли ударная волна постаралась, то ли на дрова пошла. Второе вероятнее. От волны следов ломика не остается. Чауш осторожно вошел внутрь. Автомат пусть пока за спиной отдохнет. В ограниченном пространстве «Каштан» удобнее. А что рукоять синей изолентой перемотана, так это мелочь несущественная. Не клинит, и то хлеб. О хлебе, кстати. Предательски заурчало в животе. Ладно, поднимусь — перекушу, вроде как завалялось что-то на дне рюкзака.

Первые два лестничных пролета Чауш чуть ли не ползком преодолел, двигаясь со скоростью беговой черепахи, хотя дом казался мертвым. Даже крысиных следов не было. Люди давно ушли. А вероятность того, что какой-то идиот в засаде сидит... Не смешно. Кого тут охотить? Призраков разве что. Если те с тоски не передохли.

Вот и дверь нужная. Взломана, естественно. Но бережно. Не кувалдой выбили, а аккуратно отжали чем-то. «Каштан» к плечу, левой помалу отвести дверь так, чтобы протиснуться можно было. Но не щелкнула растяжка, начиная отсчитывать секунды жизни, не грохнул в непрошеного гостя самострел.

Слой пыли на полу. Хороший такой слой, сантиметра в полтора-два. И следов никаких. Чауш устало присел у двери, положив пистолет-пулемет на колени. Дошел, называется. И нашел. Только вот что нашел? Отца нет, следов его тоже. И хрен с ними, со всеми!

Стреляться не собираюсь, не дождетесь. Будем контрольной точкой считать. Успешно пройденной. Как там Пчелинцев говорил, когда мордой в потрескавшийся асфальт плаца ронял на занятиях?

«Отрицательный результат — тоже результат! А теперь — побежали, мои молодые чумаданы!»

А пока что особо отрицательного и нет ничего.

Никто не обещал, что Урусов-старший будет сидеть именно тут, заботливо охлаждая бутылку в проточной воде, подведенной с крыши от дождевого стока, и неторопливо строгать нехитрую закуску, готовя все под искренний разговор с сыном.

Только сил нету пока идти дальше. И в желудке — революция. Прямо там же, сидя у двери, Дмитрий вскрыл консервную банку без этикетки. Осмотр подождет. Пыль не убежит никуда. А больше тут и нет ничего.

В слегка поржавевшей банке оказалась фасоль в томатном соусе. «Блин, прям янкес какой. Бобы и бекон. Виски не хватает». Чауш улыбнулся этой мысли. А потом удивился, не его она была. Да и «янкесами» амеров почти никто не называл ни на «Заимке», ни в тех местах, где сержант проходил. Их там матерно в основном поминали. И свечи за упокой ставили.

Квартира, наверное, влияет. Или сам Город...

Дмитрий тяжело встал, растирая затекшие ноги. Все, надо останавливаться хоть на пару дней. Пока не загнулся, как та лошадь. Банку засунул под скомканный половик, валящийся посреди коридора. Лесная привычка не оставлять следов не раз выручала. Хотя бы Воронеж вспомнить...

Оказалось, что не прав был. Кроме пыли многое уцелело. Похоже, кроме отца, сюда за все годы никто и не заглядывал. Сколько там прошло, получается? Мать с отцом женились в двенадцатом, свадьбу в Городе отгуляли, да и на новое место службы уехали. Сын в четырнадцатом родился. В Сибири уже. В мае пятнадцатого все началось. Через день и закончилась.

Потом три года Черного Неба. «Ядерной Зимы», если поученому. Лет тринадцать относительно «спокойного» житья-бытья на «Заимке», два года в пути... Ого. Это сколько же выходит? Почти двадцать лет прошло...

Чего пожрать, можно даже не искать. Если крысы не съели, значит, сгнило до пыли. А вот фотографии могли и уцелеть, они невкусные.

Медленно, как по битому стеклу, с носка на пятку, Дмитрий обошел квартиру. Первый вывод оказался правильным. Ее не грабили. А вот отец тут действительно жил не один день и даже не один месяц. На закрытой лоджии нашлась небольшая залежь пустых банок, в комнате с заложенными кирпичом окнами стояла маленькая «буржуйка» с дымовой трубой, выведенной в общедомовую вентиляционную систему. В той же комнате лежала пара продавленных матрасов. Больше мебели не было, явно в «буржуйке» все и сгорело.

Чауш поворошил матрасы стволom, каждую секунду ожидая щелчка отлетевшей чеки. Чисто. Вернее, грязно, но больше нет ничего. Потом очередь книг пришла, сложенных аккуратной стопкой возле самодельного светильника. Из одной вывалился толстый конверт.

Мысленно перекрестившись, Дмитрий раскрыл его. Есть! Штук сорок фотографий. Красивая темноволосая женщина, очень на Чауша похожая. Наверное, мать отца. Еще несколько фотографий. Друзья отца, похоже. Здоровенный амбал рядом с женщиной с первой фотографии. Брат, скорее всего... Блин, ну что за невезение такое! Все не то... Есть! Пчелинцев рядом с Кошкой. А мать обнимает кто-то совсем незнакомый, но... Перед глазами все расплылось. Вот он какой, Урусов-старший.

Пчелинцев не раз мать ругал за то, что ни одной фотографии не сохранила, порвав все имевшиеся, когда отец ушел. Так и не знал Чауш, действительно ли они с отцом на одно лицо, или сходство — это очередная полковничья байка.

Дмитрий бережно сложил фотографии обратно и засунул конверт за пазуху, в нагрудный карман анорака. Там надежнее, чем в рюкзаке.

Чужих он не услышал, скорее почувствовал. Внизу неосторожно дернули дверь подъезда.

Чауш беззвучно подскочил к выходу из квартиры. Да, чутье не подвело. Кто-то медленно поднимался по лестничному маршу, стараясь быть незаметным. Только еще дышал бы не так громко, и все бы получилось. И прикладом не надо перила задевать так часто. И если прислушаться, поднимается не один человек. Минимум трое-четверо.

Надо уходить. Квартира западней станет в момент. Огнем прижмут, гранатами закидают. И привет.

Урусов мысленно засмеялся. Опять судьба на крышу загнать хочет. Болт ей на пятьдесят восемь с левой резьбой. Тут встретим.

Шажок за шажком, сержант поднялся на пару пролетов выше. Снова уши наострил. Идут. Уже не заботясь о тишине. Торопятся.

— Мужики! — заорал Чауш. Они знают, что он где-то здесь. И стрелять будут раньше слов. Поэтому лучше первым ход сделать. Чем черт не шутит. — Я свой! Отец тут до Войны жил! Урусов Андрей, помните такого?

В ответ непрощенные гости ускорили бег, заклацали взводимые затворы. Самоуверенные. Хозяева города, блин... И отца, похоже, что помнили, но памятью недоброй. Дождавшись, пока первый окажется всего на этаж ниже, Дмитрий кинул вниз гранату. Даже слабая, в общем-то, РГД-5, в замкнутом пространстве взрывается громко. И осколки даром не разбрасывает.

Фигура в серо-черном балахоне растянулась на ступеньках, выронив обрез вертикалки. Не посмотрев даже, живой их товарищ или нет, остальные побежали вверх.. Навстречу АКСу.

Кислый пороховой дым висел плотным облаком. Вот где «лепесток» пригодился бы. Но чего нет, того нет. Чауш отходил вверх по лестнице. Хотелось глотнуть воздуха. Относительно чистого. Если его засекли не только те, что валяются возле мусоропровода, то все окрестные кучи уже заняли внимательные стрелки. Тогда живым отсюда уже не уйти.

Ну, а коли все преследователи мертвы, то тем более спешить некуда. На Город хоть сверху глянуть надо. Когда еще доведется.

Чауш поднялся на последний этаж, взобрался по лестнице, прислонившись к стене, сбил замок на люке прикладом трофейного АКМа и вылез на крышу. Несмазанная и приржавевшая решетка с трудом приподнялась сантиметров на сорок и намертво застопорилась. Пришлось спускаться и сооружать распорку из обреза. Дмитрий протиснулся в узкую щель и вылез на залитую солнцем крышу. И сел как стоял. На покрытой трещинами стене лифтовой шахты, широкими мазками черной краски надпись: «Ты придешь. Знаю». И вместо подписи — улыбающаяся рожица в берете...

Александр Бельский (Альба)

КАМЕНЬ

Камень начал испытывать необъяснимое беспокойство еще в Вираце, а не в глухих лесных чащобах, где вполне можно было ожидать нападения. Он был охранником, самым молодым из четверки стражи. Да и вообще самым молодым в торговом караване, отправившемся с товаром из Лесной гряды к Пришлым в Пограничный на двух ЗИЛах. Его тревогу можно было списать на мандраж новичка, что остальные попутчики и сделали.

Камнем его в сердцах прозвал дядя, отчаявшись приохотить Дарри к семейному делу, а там и прилипло. Дядя Двалин, заменивший ему отца и мать, был одним из самых уважаемых оружейников в Лесной гряде, а уж в работе с Серой сталью равных ему и вовсе не было. Дарри, милостью Богов, металл чувствовал и со временем смог бы стать отличным слесарем и достойной сменой Двалину.

Но не лежала у него душа к работе с латунью, бронзой, железом или сталью. Зато с камнем он возился — не оторвешь даже на обед. И, признаться, оно того стоило — он мог и штрек пробить быстрее всех, и грубую кладку сделать без раствора — иглу между камнями не просунуть, а держала так, что у иного-прочего и с крепящими рунами похуже будет. Руны он только начал осваивать, но наставники уже задумчиво гладили бороды и переглядывались. А один из них, Великий мастер Рун и Камня Килли, древний, как сами горы, сказал дяде, что умрет спокойно, ибо увидел того, кто не только сменит его, но и превзойдет. Что же до тонкой резьбы и кружев из полудрагоценных камней — тут он еще не достиг истинного мастерства, но был близок к тому. Дарри чувствовал камень, а камень чувствовал его. Им нравилось работать вместе — Дарри и камню. Пожалуй, только это и удерживало дядю Двалина от исполнения своего самого заветного желания — вернуть Дарри в оружейную мастерскую. Ну и увесистый кулак Великого мастера Килли, поднесенный к самому носу старого оружейника, когда тот неосторожно обмолвился о своих планах в отношении племянника.

Двалин, конечно, погорячился, ляпнув этакое старому Рунознатцу и Рунопевцу, погрозившему вынести дело на совет клана.

Но уж больно его желание было неодолимым. Во-первых, Дарри, как ни отбрыкивался, к металлу дар имел, хоть и меньше, чем к камню. Во-вторых, у Двалина было две дочери, а им дело, кроме как торговую его часть, не передашь. Сын тоже был, но пока совсем малявка, и что из него вырастет — тайна гор. А тут — почти готовый мастер и родная кровь. Ну и, наконец, хотя и по важности, наверное, можно бы и не в конце упомянуть. Учение у мастеров, особенно таких, как он сам или Килли, стоило дорого. Очень дорого. А жадничать и экономить, обучая способного парня не в полную меру его сил — так и уважение в роду потеряешь, каким бы мастером ты ни был. А как было бы прекрасно учить Дарри самому — и все почитают, и деньги в доме остались бы! Но — племянник был непреклонен, как тот самый камень. В оружейной мастерской он лишь тянул лямку, хотя и старательно — что же он за гном, если не хочет еще одно ремесло освоить? Зато с камнем его душа пела и ликовала. Так вот и стал он Камнем, по трем причинам. Первая — работать с ним любил. Вторая — упрям, как гранит, нет, как камень Прародителя! Не буду, мол, и все тут!

Третья... Была и третья. Он был настоящим камнем в сапоге у дяди, по этой самой третьей причине. Ну, то что в нем не хватало положенного гному степенства — так это он мальчишка еще. До Большой жизни^[4], когда гном уходит на четыре года в Большой мир проверить себя и пожить вне рода, ему еще добрый десяток лет расти-учиться. А Дарри было интересно с людишками, вот в чем беда таилась. И ладно бы только с Пришлыми, те хоть в механике сильны и на выдумки горазды не хуже гномов. Знают многое, так что и поучиться у них в чем-то не грех. Да и порядочность, по-людски торопливая, в них есть. Но и Пришлые, хоть и получше будут — тоже ведь людишки... Суетливые, скорожилки — что с них взять? Так ведь он, Дарри, и с нордлингами, и с озерниками, и с армирцами — со всей этой шелупонью норовит пообщаться. С охранниками, с купцами, приезжающими в урочный клановый срок на торги... И не совестно ему! Интересно, вишь, что в мире творится и как там устроено все! Того и гляди, с орками хороводиться удумает — большим позором будет только, если на эльфийке удумает жениться!

Поразмыслив, Двалин решил, что парню надо как следует обжечься, пусть даже и с потерями в деньгах или гордости. Не поняв, что все людишки — жулики, ну, пожалуй, кроме некоторых Пришлых, не набив собственных шишек — добрым гномом не стать!

Да и людские магии в Лесную гряду редко попадали. А, изучая

руны, хорошо бы понимать и то, кто и как их снять или взломать может. Так что мысль отправить ненадолго и под приглядом племянника в людской мир сейчас, задолго до Большой жизни, сверлом вгрызлась в голову доброго мастера. А уж если гном, что взял к себе в башку — тут и людской динамит не поможет эту задумку выбить! И когда он узнал, что старейшина Рарри направляет колонну из двух ЗИЛков с товаром к Пришлым в Пограничный — долго не раздумывал. Двалин отправился к старейшине и, не утаивая причин, у гномов это вовсе не принято, убедил его взять племянника в качестве охранника. Вообще-то это было не в обычае, хотя прямо предками и не запрещалось. Конечно, Дарри прошел обязательную воинскую подготовку и начальную, первую из трех, службу в хирде, но все же в охрану торговых караванов обычно брали гномов опытных в бою. Ну, или нанимали людей. Стреляли те, надо признать, лучше гномов. Рарри, как водится, поупирался, но, во-первых, стволы и затворные группы работы Двалина были чуть ли не самой ценной частью груза, во-вторых, старейшина и сам тут был не без греха. Обычно на торги и даже на важные переговоры ездили гномы званием попроще, приказчики там или управляющие. Видно, ему очень уж хотелось развеяться, и в этот раз Рарри решил возглавить колонну сам. Так что взаимопонимание быстро, всего через полчаса взаимных упреков, хлопанья массивных ладоней по столу, сопения и споров было достигнуто, а затем и закреплено добрым пивом.

Дарри, не подозревая о хитрых планах и коварных расчетах дяди, узнав о поездке, совсем было забыл про гномью степенность, и только насупленные кустистые брови дяди Двалина охладили его неуместные восторги. Нет, он, конечно, не сидел в родных пещерах на цепи и в людских поселениях бывал, но то были мелкие городишки аборигенов или торжища при замках владетельных баронов. Это все было — рукой подать и давно не интересно, как все хорошо знакомое. А вот так — за четыре, а то и за пять с половиной, если старейшина решит ехать не через Виращ, а по Марианской переправе, сотен верст, да в большой город Пришлых! Он воспринял это как подарок. Так что весь день перед отъездом, проведенный, как водится, в бане, дяде пришлось вбивать наставления и поучения в каменную башку племянника, который всеми своими мыслями уже пребывал на пути в большой город. Хотя в бане о делах и не принято говорить, но не удержался. Впрочем, баня и доброе тверское пиво придали ему благодушия, и напоследок уже, отдыхая, весь красный и

распаренный, не забыл еще раз дотошно перечислить заказы на покупки в Пограничном. Кроме денег на эти самые заказы выдал племяннику на расходы неожиданно для самого себя много, вдвое больше того, что собирался дать вначале.

— Вот, — сказал он, протягивая взятый из резного шкафчика кисет из кожи выворотня, — тут шестьдесят марок. И тут... — он вновь потянулся к шкафчику и вытянул из заговоренного только на него ящичка тяжелый цилиндр в плотной коричневатой бумаге, — еще столько же. Добрых гномьих марок, людскими кругляшами — это триста тверских рублей. Тебе точно должно хватить.

Заметив ошалевшие глаза племянника, он грозно сдвинул брови и рявкнул:

— Да не транжирь там! С толком потратить, на дельное что! А не найдешь дельного, так лучше назад привези! — и отхлебнул пива из солидной кружки, покуда племянник пересчитывал увесистые желтые монеты толстыми, заскорузлыми, с вьевшимися в поры маслом и каменной пылью пальцами...

Рано утром Дарри, в кольчуге собственной работы, с прекрасной винтовкой дядиной выделки, не менее прекрасными топором, револьвером и ножом на поясе, а также вещмешком размером с небольшой утес, занял свое место в кузове второго грузовика. Вместе с ним ехал Гимли, почтенный и крайне раздраженный гном, ур-барак [5] в отставке, командовавший охраной каравана. Раздражен же он был тем, что ему навязали нового, не притертого к их отряду и непонятного пока сосунка, который лишь подземные демоны знают, как еще себя проявит. О чем громогласно и провозгласил из спутанных кущей, в забывчивости названных им бородой. Упрямый еще больше, чем любой другой гном, Дарри, оправдывая свое прозвище, не стал обращать внимания ни на почтенный возраст собеседника, ни на его звание и должность. Он сварливо ответил:

— Я добрый член общины и выполняю свой долг, как положено и как велят обычаи!

— Ишь ты! Член, мать ее в камень ети, общины! А я что — дырка в ейной заднице? Я, поди, еще почленистей тебя буду!

— При всем уважении, я никому не дам мной попусту понукать. Выполнить все готов как должно, а за свои промашки отвечу сам, как водится по обычаю предков! Но обзывать попусту сосунком и позорить своё имя и семью не дам никому!

Ершистость молокососа неожиданно понравилась Гимли, он захохотал так, что заглушил заработавший мотор, и хлопнул парня по

плечу. Правда, величие момента смазлось тем, что грузовик как раз тронулся, и Гимли при этом с размаху сел на задницу поверх груза. Это развеселило его еще больше и, утирая слезы с пронзительно-голубых, как, впрочем, у всех гномов, глаз, он спросил:

— Ты гля, какой сурьезный! На положено — давно наложено. А как, кстати, велят обычаи, ась?

Дарри вскоре перестал считать своего дядю занудой и дотошным приставайлой. По сравнению с Гимли, дядя казался теперь легкомысленным, как танцующий армирец. До самого первого привала ур-барак гонял Камня в хвост и гриву вопросами о действиях часового ночью, о мантикорах, упырях, лихих людях и способах борьбы со всеми этими напастями. А на привале гонял уже не вопросами, а вводными и учебным поединком на секирах в чехлах. Наконец, смилостивившись, он объявил, что, возможно, из Дарри и выйдет что-то путное, а не ходячий бурдюк для пива и пердежа. И пообещал, заметив улыбающиеся на этот цирк с конями лица других стражей, на следующем привале учения для всей охраны — для слаживания и «избежання для». Последнее было непонятно, но настораживало, и улыбки как-то подували.

Во время второго перегона Гимли окончательно пришел в доброе расположение духа — то ли проявленная власть уняла раздражение, то ли Дарри и в самом деле ему глянулся. Так что расспросы сменились неторопливым разговором и умеренной похвалой ветерана. Да и Дарри остыл. В самом деле, ур-барак ходил в боевые походы, когда он еще сопли на кулак наматывал. Протянув добытый из мешка ломоть сыровяленого окорока, делать которые тетушка Борна была великая мастерица, он окончательно растопил ледок, и уже Гимли поделился с ним глотком пива, что не возбранялось даже гномьим часовым. В итоге учения на втором привале были, но не мучительские, а вовсе даже полезные. Гимли весьма толково охарактеризовал ему всех гномов охраны и тех, кто должен был, в случае нападения помогать, то есть племянников старейшины Дарри, Балина и еще одного Балина. Им же описал Дарри (образно, но не обидно) и выстроил наилучшую, с учетом их умений и навыков диспозицию. Затем, пару раз отработав его вводные все вместе, они худо-бедно освоились как единая команда. Скорее, худо. Все же Камень был новичком, и опыта не имел. Так что из-за него несколько раз приходилось все начинать сначала, пока результат не устроил Гимли. Привал в итоге затянулся, но это и планировалось изначально. Доехать-то до Пограничного можно было

бы и за день — старейшина Рарри выбрал дорогу через Виращ, хотя пошлины в баронстве и были выше, чем в Марианском герцогстве. Зато путь на полтора ста верст короче и, надо признать, благодаря Ас-Мирену, главе тайной службы баронства — «Камеры знаний», на дорогах было куда как безопасней. Но вот к переправе через Улар они добрались бы уже к самому вечеру, и был риск застрять перед паромной пристанью на ночь, если очередь будет большой. Разумней было заночевать не в поле, а под крышей и надежной защитой стен, а старейшина Рарри, как любой гном, а тем более, такой важный, риска не любил. Так что на ночевку они встали довольно рано, едва въехав в Виращ и заплатив на въезде баронскую пошлину. А может, дело было в том, что гостиница, в которой они расположились, уже двести лет славилась своими запеченными по особому рецепту поросятами. Поросята — это важно, особенно с хорошим пивом, и в обеденном зале было тесно и многолюдно.

Пиво было хорошим, они смогли это оценить еще за стойкой — свободного стола для такой большой компании пришлось дожидаться. Новые товарищи Дарри все еще ворчали из-за незапланированных учений. Один из них, Торин, которому черная борода, схваченная золотыми клановыми кольцами, придавала совершенно разбойный вид, тонко намекнул:

— Тебе, как новичку, положено проставиться!

На что Дарри не менее тонко ответил:

— Ага! Как только ты покажешь, как это делается.

Но все же заказал пиво для всех восьмерых. Старейшина Рарри, мудро рассудив, что место найдется не сразу, счел, что дожидаться у стойки ниже его достоинства, и остался пока в своем номере, велел прислать за ним полового, когда стол освободится. Они успели выпить еще по кружке, прежде, чем дождались приглашения рассаживаться.

Поросята, благоухавшие нежным и знойным ароматом медово-горчишной обмазки и сочного духовитого мяса, были чудо как хороши, пиво прекрасно, и ужин явно удался. В целом же, хотя ничего необычного пока и не произошло, Дарри чувствовал себя ребенком, которому подарили его первый набор инструментов. Ложился он спать как и положено доброму гному — с тяжелым желудком и легким сердцем — и заснул совершенно довольным собой и миром. Но вот на следующий день легкое сердце куда-то исчезло. Они уже проехали все медвежьи углы, где был риск засады, и до Улара оставался какой-то час пути, когда его одолела странная

маета. Гимли, заметивший его беспокойство, решил было, что у парня скрутило живот — после молочных-то поросят дело не редкое, если их переест. Но затем, увидев, как тот вцепился в винтовку и шарит глазами по округе, сообразил, в чем дело.

— Да успокойся ты! Никто уже тут не нападет на нас — до переправы всего ничего. Да и машин на дороге... Вон, сзади две видно, впереди еще одна.

— Все едино — как-то мне беспокойно...

Старый гном только крикнул, но в очереди на переправе, хотя и никак не мог понять, в чем дело, и сам уловил некую неправильность. Она как-то ускользала от понимания, бродя рядом и тревожа, словно мантикора вокруг ночного бивуака. Гимли не мог понять, в чем дело, и на догадку наткнулся благодаря Орри, который уже давно шоферил на этом маршруте. Почитай, не меньше недели в полтора-два месяца он проводил в Пограничном, так что вовсе не странно было, что на несообразность указал именно он. Это был его первый рейс в качестве ведущего колонну, пусть и всего из двух машин, и он неимоверно важничал и волновался одновременно. Вот и сейчас, пользуясь длительной остановкой, он, пронзительно скрипя новеньким кожаным регланом, который купил специально к этой поездке, выбрался из-за руля, обошел свой ЗИЛок, попинал колеса, заглянул под машину, на картер и мосты, нет ли потеков масла через сальники. При этом ему немилосердно мешал бинокль, неведь зачем висящий на груди и тоже купленный к этому рейсу. Открыл капот, померил уровень масла, захлопнул крышку... Тщательно обтерев руки ветошью, он гордо нацепил свои новенькие беспалые водительские перчатки и направился ко второй машине. Нет, он не оскорблял второго водителя недоверием, но постоял рядом и посмотрел, как тот проделывает подобный набор манипуляций со своим ЗИЛом. Затем обошел колонну, проверив все со стороны, и вернулся к их машине, но не в кабину, насиделся, видать, а к ним, подойдя к заднему борту. Потянувшись и повертев головой так, что хрустнули позвонки, он заложил лапищи (не даром его прозвали Кулак, такой колотушкой он не то, что полено, валуны, случалось, ломал) за широченный проклепанный ремень из толстой кожи, на котором револьвер сорок четвертого калибра в кобуре смотрелся, как перочинный ножик в чехольчике, и степенно помолчал. Затем, сдвинув кожаную фуражку-восьмиклинку с вздетыми над козырьком очками-консервами, задумчиво спросил, не то их, не то себя:

— И вот чего такого ценного все сюда потащили? Причем все

сразу... Я столько машин на переправу и не видывал никогда, дык еще и охраны на каждой — по пять-шесть душ... Нет, никогда такого не видел!

И верно, теперь Гимли и сам понял. Перед гномами в очереди на паром стояли восемь машин. Две — из Княжества, возвращавшиеся из баронства, остальные — Виращские (или из других соседних баронств). Сзади — не меньше пяти, и тоже, в основном, из баронств. И почти каждую аборигенскую машину охраняло по пять-шесть живых. Тут были и баронские дружинники в добрых, их, гномьей работы, кольчугах. И нордлинги, все сплошь тертые, с зубами в косах. И просто какие-то мутные головорезы и, даже, здоровенные орки. Но все были явно битые-катаные, увешанные оружием и этим самым оружием пользоваться умеющие, это чувствовалось. Они все грамотно стояли, охраняя свои машины и прикрывая напарников, зыркали время от времени друг на друга и на гномов. Ни дать ни взять — псы из разных свор, собранные на травлю медведя. Дарри, придерживая свой гномий маузер ручной выделки, неизящно спрыгнул вниз, к Орри, и осмотрелся сам. В этот момент к ним словно не подошел, а проскользил (особенно это было заметно на фоне прыжка Дарри) нордлинг, весь вид которого не говорил, а кричал, что он больше привык караваны грабить, а не охранять. Чуть склонившись к Орри, он отрывисто, как собака лает, спросил-прокашлял на великореченском^[6]:

— Вы от Квирре к нам?

— От кого? — недоуменно блеснув очками, спросил Кулак.

— От Коротышки-за-рекой, Квирре, — начал было объяснять нордлинг, но, сообразив, что его не поняли вовсе не из-за акцента, оборвал свой монолог и заторопился, — извини, я вас спутал!

Орри еще только поднял брови домиком к козырьку, а нордлинг уже словно растаял в воздухе. Кулак хмыкнул, крикнул, засопел и сварливо изрек:

— Суетной все же они народ, ненадежный. Что еще за Квирре-за-рекой такой? Кто о нем слышал? Что же это за гном, если позволил называть себя таким дерьмовым именем, как Коротышка? Тьфу он, а не Казад!

Паром вмещал два грузовика, так что им пришлось ждать добрых два часа, пока, прогрохотав по металлическим сварным сходням (людская работа, несолидная), их караван взгромоздился на кораблик. Улар у переправы шириной в добрую версту, да и город с переправой был не впритык, так что Дарри, жадно пытавшемуся его

рассмотреть, он открылся не сразу. Заметив нетерпеливое любопытство юнца, Орри великодушно протянул ему свой бинокль, и Камень прильнул к нему, как добрый гном к доброму пиву. Но ничего такого особенного не увидел — город и город. Даже виселица была на развилке, как в любом баронстве. Больше всего он мечтал посмотреть на самолет или дирижабль, доселе он о них только читал. Но, увы, увы... Полетов, видимо, не было. Он даже не увидел полосатой колбасы для указания силы ветра, о которой тоже читал. Слегка разочаровавшись, он вознаградил себя, досыта насмотревшись на сторожевики. Стальной самоходный корабль вещь тоже прекрасная! Правда, их причал от них был далековато, не у паромной пристани, а уже у самого форта, и угол обзора получался неважнецкий.

— Что, паря, не видал ни разу? — добродушно улыбаясь в прокуренные усы, спросил пожилой загорелый матрос с парома, с морщинистым лицом и казавшимися совершенно белым на фоне загара чубом. Морщины были так глубоки и так причудливо избороздили лицо паромщика, что Дарри даже помедлил с ответом, задумавшись — а как он ухитрится брить бороду? За своей, довольно-таки куцей, он тщательно ухаживал в надежде поскорее добиться ее пристойного вида и размера, и этот людской обычай казался ему странным и ненужным. Но все же, спохватившись, ответил:

— Да я вообще к вам в первый раз...

— Вот и в прошлую ходку — вроде и солидный человек, оруженосец баронский, а тоже, видать, внове. И тоже, как ты — все в биноклю любовался.

Почему-то от этих слов стало неуютно и тревожно. Дарри отдал бинокль Кулаку и отошел от борта, а морщинистый паромщик, наоборот, встал поближе, готовясь то ли подложить половчее кранцы из старой покрышки, то ли принимать причальный конец — пристань была уже рядом.

Они покинули паром, спешно отчаливший, едва пассажиры съехали с него — машин сегодня было на удивление много, как сказал Орри. Доехав до развилки на Тверь, они притормозили. Здесь стоял пост пограничной стражи, подкрепленный молоденьким усталым колдуном и двумя «Копейками» с тяжелыми пулеметами на турелях. А то, что они шутить не будут, доказывала длинная перекладина виселицы, опиравшаяся на несколько столбов. Сейчас на ней висело три довольно свежих покойника и свободных мест для

бузотеров и неумных весельчаков, решивших пошалить за гранью разумного, было предостаточно. Бегло убедившись, что в колонне одни только гномы, пограничники утратили к ним интерес и пропустили дальше. Правда, после того, как молоденький и не особо сильный Владеющий, все же Дурные болота рядом, прощупал их жезлом — Дарри даже показалось, что он почувствовал это касание. Это было маловероятно, среди гномов единицы тех, кто чувствуют магию, и уж тем большая невидаль — те, кто ей владеет. Такие и вовсе неслыханная редкость, почти как черный алмаз. Можно знать руны и стать их Чтецом. Можно очень хорошо их знать и почти ощущать вслепую, нанося их без малейшей ослабляющей пометки на металл и камень — и стать Рунознатцем, что уже великое и почтенное искусство. Но только лишь один из трех дюжин Рунознатцев может стать после многих лет упорной работы Рунопевцем, который вносит в камень или металл руны одними лишь словами, без явного их начертания. И помимо упорства, тут нужен еще и дар к магии, особый, гномий дар. Ни разу никто не слыхивал, чтобы Рунопевцем стал не гном, а представитель какой-нибудь иной расы. Таким вот редким талантом владел Великий мастер Килли. А последние Рунотворцы, те, кто может создавать новые, не известные никому доселе руны, или расплести-развеять силу готовых, появлялись почти шесть сотен лет тому назад. Легенд о них много, только вот никто не знает, как этому искусству научить. Или научиться. Сохранились и их записи, но вот как описать слепому цвет? Объяснить глухому музыку? Как воде рассказать про огонь? Наверно, только Рунотворец их сможет понять...

Тем временем они добрались до шлюза у городских ворот. Перед ними была очередь из шести машин, не только тех, которые, подобно им, прибыли с парома, но и приехавших из Твери. Тверские проскочили быстро. А вот машины из-за реки проходили долго — помимо более тщательного досмотра и проверки колдунами, которым подвергались караваны из баронств, они обязаны были сдать в арсенал, который находился у ворот, длинноствольное оружие — и охранники, и купцы, и водители. И снова Дарри ощутил тревогу, особенно когда Гимли озадаченно произнес, разглядывая машину, стоящую перед ними:

— И вроде вот бойцы справные, и пистолы добрые, и кольчужка нашей работы... Чего ж тогда ружьишки-то у них такие никчемушные? Вон, гляди, у этого даже не то, что ржавое — с раковинами! И не стыдно так запустить доброе железо!

Действительно, вылезшие из стоящей перед ними машины поразмяться охранники (их было трое) из какой-то баронской роты выглядели браво. Мундиры коричневые, а не попугайской расцветки, выдавали разумный подход их сеньора и были удобны и практичны. На поясах висели полусферические шлемы в матерчатых чехлах, одинаковые перевязи, скрещиваясь на груди, отягощались с одной стороны кобурой с триста пятьдесят седьмым «Чеканом», а с другой — недлинными, но увесистыми не то саблями, не то абордажными тесаками. Их старший был облачен в тонкую кольчугу гномьей работы. То, что он старший, можно было догадаться по желтому банту на левом плече вместо закрытых кольчугой лычек. Оружие было ухоженным, амуниция начищенной и удобной. И только винтовки выглядели старыми и убогими — не откровенно ржавые, но с тусклым, побуревшим металлом ствола, облезшими ложами. Как-то не вязались они с матерым видом вояк.

Но вот, наконец, дошла очередь и до них. К гномам Пришлые относились намного мягче, чем к аборигенам, и проверка прошла быстро. Кроме того, охранная грамота, с важным видом предъявленная старейшиной Рарри, позволяла им оставить при себе винтовки. В этот миг старейшина был настолько величественным, что даже казался выше ростом, чем досматривавший их пограничник с красной повязкой «Патруль» на левой руке. Пограничник поправил висящий на левом плече стволом вниз карабин, одновременно читая грамоту, и затем протянул ее важному гному для подтверждения. Под рукой Рарри грамота полыхнула лиловым светом, подтверждая истинность и самой бумаги, и старейшины. Наконец полосатый шлагбаум поднялся, и их маленькая колонна запылила по широкой прямой дороге. Впрочем, не очень-то далеко — самые удобные для торговцев гостиницы льнули к рынку, а тот, вместе с громадным складским двором и огороженной стоянкой, тяготел к пристаням, с которыми был связан прямой и широченной дорогой. К великому удивлению старейшины, ни в первой, ни во второй, ни в третьей гостинице мест не было. Он даже от души врезал сам себе могучими кулаками по коленям своих коротких толстых ног, что отнюдь не прибавило ему радости. Так, рывками от гостиницы к гостинице, они добрались почти до самого форта Пришлых. Только здесь, в гостинице «Улар-река», нашлись свободные номера. Рарри распорядился, чтобы водители и два охранника остались при машинах, а остальные отнесли вещи, свои и оставшихся при машинах, в номера на втором этаже. Дарри поначалу удивился

такому недоверию и осторожности. Все же это город Пришлых, людей-то гномы и в самом деле считали суетливыми и жуликоватыми, но — аборигенов. К Пришлым отношение было намного более уважительным. Лишь войдя внутрь, он сообразил, что дело вовсе не в недоверии. В тесноватом холле бревенчатого домика девяти гномам, которых проще перепрыгнуть, чем обойти, просто не нашлось бы места. Рарри, с редким для него уважением поглядывая на расположившуюся за стойкой дородную тетку с пробивающимися усиками, что-то у нее выяснял. Дарри вопрос не слышал, но из ответа, произнесенного теткой воистину гномьим, густым и глубоким голосом, понял, что речь шла о винтовках. Отдельной оружейной комнаты не было, но могучая хозяйка заверила, что в надежно зачарованных номерах с ними ничего не случится, и она готова отвечать за их сохранность. Получив ключи, гномы, скребя рюкзаками одновременно об стены и перила, с изяществом кабана, лезущего на яблоню, загрохотали тяжеленными башмаками и сапожищами по лестнице. Получилось, что каждый из них несет вещи своего соседа по комнате. Лишь Рарри получал двухместный, других в «Улар-реке» и не водилось, номер в свое полное и безраздельное распоряжение. Дарри вздохнул. Выходило, что ему сегодня слушать нотации своего начальника, Гимли, а ночью — его же раскатистый храп. Надо было ему сообразить и цапнуть рюкзак Орри. Храпа, конечно, меньше бы не стало, а вот поучений точно бы поубавилось. Ну, что сделано, то сделано! Сгрузив рюкзаки, свой и Гимли, на кровати, он аккуратно составил винтовки в чехлах в платяной шкаф и туда же сложил перевязи с подсумками. Подумал — и, поддавшись своей тревоге, не стал снимать кольчугу, оставил при себе секиру. Да еще сунул в поясную сумку два скорозарядника и горсть револьверных патронов россыпью. Он бы и пачку еще взял, что там для гнома лишний фунт веса, но все же поленился ворошить рюкзак — нужно было спешить вниз. Оба Балина, к облегчению Дарри, который боялся, что над ним будут смеяться из-за его беспокойства, тоже оказались в кольчугах. Рарри собирался сразу же и разгрузиться — весь товар ехал под заказ — на складах заказчиков всё у того же рынка, на складском дворе, и там же поставить машины на охраняемую стоянку. Да еще зайти в банк. Поэтому, вероятно, его племянники и остались в броне. И уж только затем можно будет набить брюхо, ну или, если кому невмоготу от любопытства, идти рассматривать местные красоты и чудеса или являть им свои собственные.

Наконец-то товар разгружен, и расчёт получен. Осторожный старейшина, на машинах (ну и что же, что это город Пришлых, береженого Прародитель бережет), со всей охраной отправился в Тверской Торговый банк, поменять увесистые колбаски золотых монет на чековую книжку. И только после этого, выйдя из банка, отослал водителей поставить машины на парковку. Сопя и недовольно хмурясь, Рарри отсчитал им деньги на оплату и передал их Орри под ироничным взглядом охранника банка, бдившего на каменном крыльце. После чего и распустил их всех. Кто хотел, мог походить по городу, по лавкам и торговым рядам. Или попить пива. Или все, что угодно, но! Встретиться договорились через два часа в «Водаре Великом» — Рарри уже успел с кем-то договориться о деловой встрече в этом трактире. Впрочем, это было удобно всем. Да и вообще, для гнома дело — это святое.

«Водар Великий» был самым популярным трактиром на площади, а то и во всем Пограничном. Большой двухэтажный дом с резным крыльцом и длинной коновязью был приметен. Там готовили без изысков, но вкусно и сытно, а пиво было прекрасным. Орасу Пню, хозяину трактира из аборигенов, Дарри уже успел это разузнать, его завозили аж из самой Твери. На втором этаже были «кабинеты», но не для скабрзностей каких. Нет, там собирались люди и нелюди из серьезных клиентов — обсудить сделки, союзы, планы... Что-то вроде людской биржи, где, к тому же, можно закусить и выпить. И от банка, и от рынка, и от стоянки недалеко. Намного ближе, чем «Улар-река», в которой, к тому же, и не поешь толком всей их компанией. Орри, в своем скрипучем и блестящем новеньком реглане похожий на самовар, слегка смущенно предупредил, что ждет всех, чтобы угостить пивом по обычаю предков — все же это была его первая поездка Первым в колонне, и она прошла без сучка и задоринки. В итоге город решила идти смотреть вся охрана каравана. Торир и Бофур, охранники со второй машины, так же, как и Дарри, были в Пограничном впервые. А Гимли брюзгливо буркнул, что без него их облапошат все эти жулики-людишки. С ними захотел пойти и Глоин, водитель второй машины, и они дождались, пока водители выйдут со стоянки. Орри, заботливо убирая квитанцию в огромный бумажник, такой же новый, солидный и скрипучий, как его реглан, сказал, что Пограничный ему уже надоел, и он лучше пойдет и проверит, насколько свежее пиво сегодня подают в «Водаре».

В итоге Рарри и оба Балина, племянники старейшины,

отправились на встречу в «Водар», Орри вместе с ними — дегустировать пиво, а все остальные неторопливо пошли по рынку. Дарри все было интересно. Ему хотелось посмотреть и на маранийские шелковые платки, и на диковинные плоды из Астрахани, и на... Впрочем, как любой уважающий себя гном, он не возражал первым делом пойти в оружейный магазин. Ввалившись всей гурьбой, они заполнили немаленький торговый зал — и собой, задевая необъятными плечами стены и полки, и звуками. Сопя, пыхтя, как паровики и громко переговариваясь, они словно шмелиным жужжанием наполнили все вокруг. Казалось, даже обитая толстым стальным листом и укрепленная магией добротная дубовая дверь гудит вместе с ними. Холодное оружие их не интересовало, хотя тут, как везде в пограничье, были и интересные образцы. Но интересные не гномам. Новинок тоже не обнаружилось, да и для гномов уж больно своеобразное оружие должно быть, под их широченные, с толстыми, но короткими пальцами лапищи. В итоге, после получаса придирчивого исследования, сопровождаемые обиженным взглядом продавца из Пришлых, они засобирались уходить с пустыми руками. Лишь Глоин, такой же весь кожаный, как и Орри, но только рыжий и в рыжей же куртке-бушлате, а не реглане, купил патроны под гномий маузер. Гномьи патроны, конечно, были лучше, но людские существенно дешевле. Беспокойство, весь день грызшее Дарри, будто толкало его купить пачку на двадцать совершенно обычных патронов к своему револьверу сорок четвертого калибра, взамен той, что осталась в его вещмешке. Но боязнь показаться смешным пересилила, и патроны он все же не взял. Да и денег было жалко — в его вещмешке было целых две пачки, и тратить деньги на третью было для гнома непозволительной роскошью.

На выходе из лавки гномы столкнулись с парочкой, недружелюбно их оглядевшей — нордлингом и аборигеном в форме какой-то баронской роты. Зло посверкав глазами, парочка все же освободила им дорогу, и они гордо и величественно прошли мимо. Рынок бурлил — народу было очень много. С их ростом было не рассмотреть, везде ли так, зато с их комплекцией на толкотню можно было не обращать внимания. Они шли сбитой и сплоченной пятеркой и раздвигали толпу, как монитор речную волну, неторопливо, но неуклонно, не обращая внимания на недобрые взгляды. Патрулей тоже заметно прибавилось. Потолкавшись еще с полчаса, так себе ничего и не приглядели — уж больно толчея мешала! Гимли

задумчиво сплюнул на дорогу, рискуя угодить в неосторожного прохожего, и обратился к ним:

— В такой сутолоке только карманникам раздолье. Сдается мне, что Орри не обидится, если мы присоединимся к нему чуток раньше. Потому что, клянусь бородой Прародителя и его волосатой задницей, кроме оттоптаных ног мы тут ничего не найдем. И пить пиво выглядит самым разумным выбором.

Гномы одобрительно загудели. Кроме Дарри. Его желание увидеть самолет никуда не пропало. Он настолько хотел разглядеть поближе это летающее без магии чудо механики, что даже позабыл про свою тревогу. Уже зная, как стоит обратиться к Гимли, он сказал:

— Ур-барак, вы идите, а я все же попробую посмотреть на самолет!

— Воля твоя, Камень, но я бы этого не делал. Если они будут летать, ты и отсюда углядишь. А в форт тебя все одно не пропустят! — говоря так, Гимли, а вслед за ним остальные трое гномов, продолжали свой путь, а Дарри остановился, приотстав на несколько шагов. И в этот момент, перекрывая базарный гул, раздались выстрелы. Сказать, где раздался самый первый, было уже невозможно. Почти сразу пальба пошла со всех сторон. Толпа, словно кто-то один огромный и безмозглый, охнула, ахнула, завопила и заметалась во все стороны. Дарри на секунду оторопел и растерялся. Привел его в чувство рев Гимли:

— Камень! Эй, малец! Ты где? Ах ты... Нннааа!

Родичей не было видно — толпа, мятущееся многоногое чудище с сотней выпученных глаз и раззявленных ртов, закрывала их, но Дарри с силой снаряда из пушки метнулся на голос. Там явно творилось что-то нехорошее, и там были свои. Взгляд выхватывал отдельные лица, ноги, руки, не давая уловить картинку целиком. Он даже не заметил, что в него целится из «Чекана» нордлинг с тощим лицом, врезался в него и сбил с ног так, что тот с горшечным звуком стукнулся головой о булыжник на земле и затих. Визжащая тетка с залитым кровью лицом оглушила его. Впереди, примерно там, где он слышал родовичей, часто забахали выстрелы — и он устремился на этот звук, как на спасительный колокол в тумане, даже не сообразив достать оружие — ни топор, ни револьвер. Толпа же, как испуганный зверек, от выстрелов шарахнулась во все стороны, и он неожиданно, словно из мутной реки на воздух, вынырнул из смятения и сутолоки на расчищенный пятачок. Прямо перед ним, уже поднимая револьвер, на тот же островок выскочил человек, какой-то баронский

солдат из аборигенов с желтой повязкой на руке. Где-то недалеко, в стороне кордегардии, мощно бухнул взрыв, и баронец инстинктивно чуть присел, так и не выстрелив в спину кому-то из гномов. Не раздумывая, Дарри со всей силы вбил ему кулак куда-то в район печени и, схватив его за руку с револьвером, бросил солдата через спину. Желтоповязочник в полете то ли случайно, то ли специально выстрелил и кто-то в толпе завыл от боли. Дарри рухнул на солдата, не отпуская оружейной руки противника, и стал молотить его кистью об землю.

— Замри! — рявкнул знакомый голос. Дарри едва успел выполнить приказ, как, чуть не снеся ему нос, перед лицом сполохом синей стали мелькнула секира и напрочь оттяпала голову врагу. Гимли, боясь задеть Дарри, удар нанес не совсем чисто, и нижняя челюсть, роняя в пыль, словно слезы, выбитые зубы, осталась на шее, вместе с языком, а отрубленная верхняя часть головы укатилась куда-то вбок. То ли при ударе, то ли на обратном ходу секиры лицо молодого гнома забрызгало кровью, и его едва не вывернуло наизнанку.

— Клянусь сиськами Истары, рад тебя видеть целым и непроблевавшимся! — прогрехотал отставной ур-барак.

Дарри огляделся. На пыльной и истоптанной земле сидел Глоин, мотая рыжей головой, как оглушенный бык, и зажимая ее толстыми лапищами, по которым обильно текла кровь. Рядом с ним, бледный и явно не живой, с окровавленной грудью лежал патрульный. Его напарник, с ярко-красными пятнами на белом веснушчатом лице, набивал патронами барабан своего «Чекана». Вокруг них живописно лежали еще четыре мертвеца, причем не все аборигены, один явно был из Пришлых, судя по одежде — охотник за головами, и у всех на шее или на руке были повязаны желтые платки. Точнее, мертвецами были трое аборигенов, судя по ранам, застреленные. Охотник, с разрубленной ударом сверху до легких ключицей, только готовился стать мертвым и мелко сучил ногами. Торир, обшарив убитых, сноровисто освобождал их от патронов. Правда, зачем они ему, с его сорок четвертым калибром, было непонятно. Бофур водил стволом своего револьвера по сторонам, опасаясь нового нападения.

— Что тут случилось? — спросил Дарри, поднимаясь на ноги.

— Бунт в городе, против Пришлых. Или война даже. Слышишь — везде пальба. Вот эти, — и Гимли без малейшего почтения к смерти пнул обезглавленного им баронца, — напали на патруль, и одного уже убили, а второго вот-вот убили бы. А тут мы на них

вывалились со спины. Ну и...Неожиданно все вышло. До сих пор не знаю, стоило в это ввязываться. Ну, дык теперь уж поздно рассуждать. За Глоина не бойсь! Повезло ему, клянусь бородой прародителя! Пуля по черепу только скользнула. Крови много, да оглушило слегка. Мы уже посмотрели, ничего страшного. Перебинтовать бы... Только вот скажи мне, парень, зачем тебе оружие, если ты забыл про него в самый нужный момент, а? Торир, заberi тебя Ночной Гость! А у тебя все ровно наоборот! Что, оружейный склад в кармане? Ты высадил шесть патронов, и свалил всего одного. Между прочим, патрульный тремя выстрелами убил двоих! А я не выстрелил ни разу, и уложил двух честным железом. Нам еще к своим пробиваться, а сколько тут этих мерзавцев — только богам известно! Береги патроны!

И Гимли еще раз пнул мертвеца, а затем, разглядев, что у другого покойника сорок четвертый калибр, стал обшаривать его уже со всем тщанием.

— А я вон чего нашел, — проворчал Торир и показал «Чекан» с большой скобой, которая приняла бы и лапу гнома, под зимнюю перчатку. А у них патронов, как у дурня золотой обманки.

— Уходить надо, — сказал конопатый Пришлый в пограничной форме. Его карабин так и висел через спину стволом вниз — в узких проходах рыночных рядов и переулков вокруг так было удобнее. Было не ясно, понял ли он их перепалку на двергском, или нет. Пограничник уже перезарядил свой револьвер, а также револьвер одного из погромщиков, которым вооружился дополнительно, — Слышите, пальба какая? Кордегардию, судя по всему, взяли. Винтовки уже бухают. Сейчас кто-нибудь из них сюда припрется.

— Нам в «Водар» надо. Наши там...

— Не пробиться. Послушайте — как раз на пути туда самая пальба.

— Тогда в «Улар-реку». Если наши смогут, туда пробиваться будут.

— Да ты что! Там уже форт, почитай...

— Ну дык и вот, выйдут и снесут всю эту шайку!

— Не выйдут. Им форт бы отстоять, народу мало. Раздергали нас — тут банда, там налёт...Там, чую, на подступах самая охота будет на пробивающихся.

— Так что ж делать? Помирать прикажешь, лапки задрал? Или, во славу Прародителя, в последний бой?

— Еще чего! Надо, пока не поздно, к городской Управе

пробиваться, это рядом совсем. Там сильный караул, подвал каменный с бойницами, городской резерв, вода, еда. Год можно отбиваться! Из форта восточку пошлют на большую землю — подмогу нам отправят. Главное — продержаться! Всерьез им город не взять. Так, пограбят... И пока Управу плотно в осаду не взяли, надо спешить. Должник я ваш теперь. Так что дурного не присоветую.

Гимли потербил нос, погмыкал... Потом решительно рубанул воздух секирой:

— Это выглядит... разумно! Я — Гимли. Слесарь-оружейник и ур-барак. Гм, в отставке. Старший охраны каравана. С Лесной гряды мы. А как тебя звать-величать, воин, и в каких ты чинах?

— Сергей. Вороновым прозывают. Унтер-офицер пограничной стражи. Младший...

— Веди. Ты дорогу лучше разумеешь, как бы подойти без опаски. А мы будем прикрывать.

Пограничник с сомнением посмотрел — гномы снайперами никогда не были. Но деваться было некуда.

— Только... Я его не брошу! — решительно сказал он, указывая на погибшего товарища.

— Пособим... Торир! Тебе стража убитого нести. Дарри! Берешь его винтовку и портупею с поясом и подсумками. Глоин! Ты как? Пришел в себя? Бофур, помогай Глоину, если понадобится!

Глоин был уже на ногах. Могучий организм гнома почти оправился, хотя он и держался еще за голову, временами морщась. Торир взвалил пограничника на левое плечо, почти не заметив веса убитого. Дарри поднял его портупею с подсумками и тесаком, карабин СВТ-К, у которого даже не был откинут складной скелетный приклад, и закинул их на левое плечо, предварительно все же отщелкнув приклад. Гимли взял таки в правую руку вместо секиры револьвер, их анабасис к Управе начался.

Как оказалось, Управой было соседнее с банком здание, массивное, угрюмое и внушительное. Дарри его вспомнил — оно стояло особняком, он еще удивился, почему столько места вокруг этого дома в самом центре не застроено? Сводчатые каменные подвалы гномьей работы и в самом деле были настоящей крепостью. Оконца-бойницы не оставляли непростреливаемых зон. Подвал был шире стоящего на нем деревянного дома, оставляя широкую галерею вокруг сруба из мощных бревен, и углы подвала помимо всего прочего венчали казематы. В этих выступах тоже были бойницы, так

что можно было вести и прямой, и фланкирующий огонь. Пришлый Воронов вел их не прямоком, а какими-то зигзагами. До поры им удавалось избегать обнаружения и стрельбы, но только до поры. Пальба в городе шла густо, и все чаще — из винтовок. После очередного осторожного поворота на очередном перекрестке (Пришлый, огибавший углы по широкой дуге, на перекрестках был особенно внимателен и, казалось, старался заглянуть одновременно за оба угла) они увидели впереди небольшую площадь. Подняв руку и остановив гномов, Воронов шепотом попросил их быть тише воды и даже не дышать — уж больно громко те пыхтели. Пригнувшись в пыльном бурьяне, росшем вдоль забора, он внимательно оглядывал площадь. В этот момент из соседнего переулка, завывая мотором, на нее неспешно выкатилась пограничная «Копейка» с торчащим в небо пулеметом, на котором повис вцепившийся смертельной хваткой убитый пулеметчик. И также неспешно, но не снижая хода, машина ударилась в бревенчатую стену лабаза. Водитель навалился на руль, и раздался пронзительно-противный сигнал, будто требуя освободить проезд. От неожиданности, наверное, Дарри скинул винтовку и портупеею с плеча, большой палец сам собой перещелкнул предохранитель, а рука передернула затвор. И в этот момент вслед за «Копейкой» из того же переулка вывалилось пять желтоплаточников, все из какой-то баронской роты. И оружие у них уже было наизготовку. Впрочем, пришлый пограничник Воронов их опередил, начав стрельбу практически сразу, как они появились, одновременно с двух рук. Почти не отстал от него Гимли, а Торир слегка замешкался. Дарри же вовсе, как ему казалось, застыл. Он видел снопы пламени из револьверов, ему они показались голубыми, и он удивился этому; видел одну или две вспышки напротив, но, казалось, не слышал грохота выстрелов. Осталось только два силуэта, они были в кольчугах поверх своих темно-зеленых мундиров, на головах шлемы в таких же темно-зеленых чехлах. И они целились в него, Дарри, из винтовок! Вот одного из них словно приложило поленом, отбросив назад, на забор с посеребренными от дождей нестругаными досками, и он сполз вниз, оставляя на них красно-лаковую полосу. «Ох и заноз насаждает!» — не к месту подумал Дарри. Второй уже тоже валялся в лопухах и пыли. И только тут Камень понял, что начал стрелять чуть ли не первым, не слышал ничего от собственных выстрелов и расстрелял весь магазин — винтовка встала на затворную задержку. Пограничник повернулся к нему, Гимли повернулся к нему, Торир повернулся к нему, Бофур

повернулся к нему, все повернулись, даже Глоин, страдальчески морщившийся от выстрелов — видно, он все же заработал контузию. И лица у всех были малость удивленными.

Сквозь звон в оглохших ушах Камень услышал, наконец, и что-то другое. В машине кто-то часто и тонко постанывал. Чисто по вдолбленной привычке он, на ходу подобрав портупею и кое-как накинув ее на себя (явно на гномьи размеры не рассчитано), сменил магазин в винтовке, подошел к машине и заглянул в кузов. Взгляд уперся в расширенные зрачки стонавшего. И Дарри узнал его. Это был молодой колдун с поста. В черной уставной форме, с серебряными погонами подпоручика. Правая рука судорожно сжимала уставной жезл. Колдун, словно жалуясь, простонал-прошептал, пузыря красным изо рта:

— Не удержал... щит... У них винтовки...

И умер. Дарри сразу понял, что умер, а не потерял сознание, словно увидел, как отлетела душа. И еще его словно несильно толкнуло — прямо из жезла, словно из последних сил колдун пытался не то защитить, не то сказать еще что-то с помощью магии. У Камня словно лопнула какая-то пута, мешавшая ему, и он вдруг почувствовал странное облегчение или даже освобождение от чего-то. Поэт бы сказал «словно тяжкий груз упал с души». Но Дарри не был поэтом, он был гномом и подумал по-гномьи грубо и приземлено «Будто пил-пил пиво. Пил-пил, и вот, наконец, помочился».

— Этот живой! — удивленно-обрадованно пророкотал Гимли, забравшийся в кабину к водителю. Воронов запустил руку в бардачок, вытащил аптечку и, бесцеремонно отодвинув гнома, осмотрел раненого. Лицо того посекло стеклом, но это не беспокоило Пришлого, хотя кровь из порезов текла обильно, и петлицы, пропитанные ей, уже казались не зелеными, а черными. Серьезной выглядела рана в правой стороне груди, легкое явно было задето. Стянув с раненого камуфляжную куртку, Сергей решительно рванул его форменку, стреляя пуговицами во все стороны, буркнув при этом:

— Сквозное. Ур-барак, на пулемет кого-нибудь! И организуй оборону. Перевяжу его, а дальше поедem...

Дальше Дарри уже не видел — Гимли отправил его сторожить подход с той улицы, откуда они пришли, и он устроился возле углового столба забора — массивной дубовой колоды с выбранными пазами, куда заходили горизонтальные некрашенные доски. Пару раз кто-то мелькнул, но кто это был, осталось тайной. Могли ведь и местные жители пробираться домой от греха подальше, струясь вдоль

заборов. Правда, с учетом соотношения Пришлых и местных, вопрос с симпатиями местных был открытым. Могли и в спину выстрелить, чего уж тут. А могли и не стрелять. В воздухе пахло дымом, местами поднимались языки пламени. Мятежники или кто они там были на самом деле, судя по всему, начали грабить и ни в чем себе не отказывали. Так что от местных, даже не Пришлых, могло прилететь и им. Но в любом случае, для их группы угрозы пока не было, хотя Дарри и не расслаблялся. Он лег поудобней, подложил под ствол винтовки кстати оказавшийся рядом со столбом валун и продолжал наблюдать. Впрочем, это длилось недолго. Гимли коротким, но пронзительным свистом созвал всех к машине.

Тела убитых, укрытые прожженным и дырявым куском брезента, лежали у заднего борта. Гимли уселся в кабине на пассажирском месте, примостив поверх откинутого простреленного ветрового стекла самозарядку. Не такую, как у Дарри, а с длинным тяжелым стволом на сошках, да еще под рукой у него была сумка с гранатами из боекомплекта машины и дробовик — помповый пятизарядный «Таран». Откуда тот взялся, Дарри не знал. Возможно, затрофеили с баронцев, пока он сторожил переулок. С тех вообще сняли все стреляющее и либо довооружились, либо сложили аккуратно в кузове. Пришлый Воронов встал к пулемету. Судя по всему, оружие не пострадало. Молчаливый Бофур пристроился вторым номером и переставлял коробка с лентами так, чтобы ему было удобно помогать Воронову, если что. Он единственный из гномов, кроме Дарри, был в кольчуге, и встал на самое опасное место. За рулем был Глоин. Его, как и раненого водителя, перевязали. Сам же раненый теперь лежал в кузове на каком-то тряпье, поближе к турели, чтобы меньше трясло, но так, чтобы не мешать пулеметчику. Заметив, что водитель лежит на боку, как раз на раненой стороне, Дарри хотел его перевернуть, но был остановлен предупреждающим цыканьем Гимли и свирепым взглядом его голубых глаз, затененных дебрями бровей:

— Цыть, молодой! Ты что творишь?

— Так у него рана с той стороны ведь...

— Ну и правильно! Он сейчас одним легким дышит. А ты ему это легкое хочешь задавить, да еще кровью залить из пробитого, коль то сверху окажется! Все верно его уложили, так и надо!

Торир и Дарри кое-как пристроились в кузове — места оставалось немного. Рука Дарри задела за что-то. Его словно обрадовало это нечаянное прикосновение, будто щенка погладил. Глянул — это был жезл подпоручика-колдуна, он словно

просился в ладонь. И Дарри взял его. Подержав немного, пристроил за поясом.

— Как же они так неосторожно ехали? Ребята опытные, и на тебе, — печально сказал Воронов.

В это время Глоин завел заглухший мотор, и Дарри пришлось почти кричать в ответ:

— Колдун, умирая, сказал, что щит не удержал. Что у них винтовки были.

— Так может быть. Сам-то он не особо сильный колдун... был, с бронзовым медальоном. Но от пистолетов щит удержал бы наверняка. А оно вишь как — кордегардию раздолбили, да и кое-кто из местных подключился. Вот винтовочки и выплыли...

А Дарри вспомнил убогие винтовки у охранников машины, стоявшей в очереди на переправу перед ними, и напомнил это Гимли.

— Тоже вариант, — не стал спорить веснушчатый пограничник, — старье сдали, а в тайничке новые лежали. В машине много можно напрягать... Никто не думал о таком, никто! Тьфу! Проспали все. Контрразведка, ити её тудой!

Тяжело рвануло со стороны пристаней — так, что в доме поблизости задребезжали и местами полопались стекла. И еще раз, и снова звон битого стекла. Что там могло так гроыхнуть? Может, на какой-нибудь из барж была взрывчатка? Но, судя по скривившемуся, как от зубной боли, Пришлому, все было еще гаже. И Дарри сообразил — сторожевики подорвали. Воронов, тем временем, сердито сплюнув, начал отдавать команды:

— Глоин, сдаешь назад и в первый переулок налево. Затем второй поворот направо. Нам нужно поспешить, пока Управу не обложили плотно. Чем меньше стволов в нас будет целиться, тем больше шансов. Пока не выскочим на площадь перед банком и Управой, мы с Гимли держим передний сектор, остальные — задний. Про крыши не забываем! На площади, Бофур, внимание — перекидываемся назад по часовой стрелке, остальные — направо и налево. Поехали!

«Копейка» сдала назад ровно настолько, насколько нужно. Ювелирно, в сантиметре от стены лабаза, повернула налево и поехала. Глоин не гнал, но ехал максимально быстро. Секунды напряженного ожидания, и ничего. Ничего и никого. Еще одна площадь, скорее, площадочка, чуть меньше той, с которой они начали свой автопробег, и поворот направо. И сразу захлопала, Впрочем, безуспешно, винтовка Гимли. Какие-то фигуры в черных балахонах и

черных же тюрбанах на головах, с закрытыми до глаз лицами, метрах в двадцатипяти-тридцати от перекрестка. Дудукнул очередью на три-четыре патрона «Утес» — конопатый Пришлый выступил с главным калибром, но машина уже почти въехала в толпу черных. Именно толпу — их было около десятка, они перекрывали всю довольно широкую улицу, стоя у распахнутых ворот дома. Пулемет оглоблей снес не меньше четверых, настолько кучно они стояли, но теперь стал бесполезен.

— Туги! Вали их! — зло заорал Воронов. Гимли, оставив самозарядку, стрелял в черно-воронью толпу из помпы, и на этот раз успешно. Забыв о нарезанных секторах, Торир и Дарри азартно лупили по врагу из винтовок, жутко неудобных сейчас для стрельбы. Бофур поступил умнее, схватив два револьвера из кучи трофеев на полу кузова «Копейки» и, едва просунув толстые сардельки своих пальцев в скобы вокруг спусковых крючков, палил с обеих рук практически в упор и сверху. Машина перевалилась через что-то раз, другой, третий — и вот черные уже позади. Свалили, кажется, не всех, уж больно скоротечно все случилось, но вслед им никто не стрелял. И то слава богу. Улица, не виляя, выходила на площадь перед Управой. Её здание уже было видно метрах в двухстах впереди. Торир честно и добросовестно выцеливал возможных врагов со своей стороны, на крышах и чердаках. Дарри привстал, чтобы добыть из подсумка очередной магазин, и в этот момент неожиданно для него машину сильно подбросило — еще один труп оказался под колесами, а скорость была уже довольно изрядной. Неустойчиво стоявшего и не успевшего ни за что схватиться Камня, словно из катапульты, вышвырнуло из машины. Неуклюжей жабой приложившись об стену дома, он шмякнулся вниз. Пока Дарри исполнял свой акробатический этюд, «Копейка» выскочила на площадь и привлекла общее внимание, как защитников Управы, так и нападавших. Ожесточенный обстрел начался почти сразу. Воронов, не скупясь, бил в ответ из пулемета, все остальные, пытаясь стать как можно меньше и ниже, не отставали от него. По машине попадали — словно палками стучало по железу. Правда, по счастью, пока никого не зацепило. Но каждый словно вел свою маленькую войну. Глоин заложил вираж, уходя с линии огня большинства неприятелей, и ловил машину, которую из-за спущенных шин мотало во все стороны. Воронов и Бофур, стараясь не подставиться, пытались заткнуть самых активных противников. Так что исчезновение Дарри заметили только тогда, когда избитая машина завернула за угол, там, где было меньше стрельбы, и

пассажиры начали перебежками просачиваться в Управу.

Дарри же, поднявшись с земли, протер рукавом винтовку, упавшую на пыльную землю, и пытался понять, что же ему делать. «Копейка» заложила дугу против часовой стрелки, и он потерял ее из вида. Значит, и родичи не видят его, не видят, что он выпал. До площади были считанные метры, и он их преодолел. Но соваться дальше... Даже ему, неискушенному в деле войны, было ясно, что пытаться одолеть расстояние до Управы пешком — безумие чистой воды. По танцующей на площади «Копейке» палили чуть ли не из каждого окна. Было ясно, что никого не зацепило только благодаря мастерству Глоина, да бесстрашию Пришлого Воронова и Бофура, торчащим у пулемета. Ну и их весомым аргументам: пуля из «Утеса» — это тебе не шелуха от семечек. Бревно прошибет и не спросит, как звали. Ещё, наверное, явному и чудесному попустительству богов. Но рано или поздно, причем скорее рано, это закончится. Плотность огня тут даже важнее меткости. Нахально выглянув из-за угла, Дарри увидел, что стреляют почти из каждого дома, выходящего на площадь. Благодаря отвлекшей всех пляске машины по площади, он сам словно стал невидимкой, но вряд ли это надолго. Кажется, они проскочили и, вроде бы, насколько он рассмотрел, живы. Теперь светиться на площади просто глупо!

Осторожно пятясь, он убрался за угол. Надо куда-то спрятаться. В Управу ему не проскочить, уж сейчас-то точно. Можно попробовать пробраться ночью... Но Камень, как почти все гномы, был нормальным приземленным реалистом, трезво оценивая и свои воинские навыки и способности к скрытному перемещению. Да еще и из Управы могут влупить на подозрительный звук. Опять-таки, где ему укрыться до темноты? Почти все дома вокруг заняты налетчиками. И так же, наверняка, будет вокруг любого очага сопротивления. Впрочем, из других очагов он представлял только форт. Знакомых у него нет, так что и спрятать его некому. Города он не знает. Кто сторонник, кто противник Пришлых — загадка. Да и сторонником быть небезопасно. Грабеж уже начался, наверняка. А их машины... Ой-йе, прощай, ЗИЛки! Хорошо, хоть товар продали. Но, что с Рарри, Балинами и Орри? Был ли «Водар Великий» для них надежным местом? И стоит ли пытаться пробраться туда или нет? Как вообще захватчики относятся к гномам? То, что они примкнули к Пришлому, получилось довольно случайно. Вспомнил взгляды баронцев на входе в оружейный магазин и решил исходить из того, что его будут сразу убивать. Отсидеться на чердаке, таясь и от

мятежников, и от хозяев? Ну да, пробравшись тихо, как эльф, ага. В любом случае, надо понять, что у него есть? Во-первых, винтовка с тремя полными магазинами, два револьвера — свой сорок четвертый и «Чекан». К своему два скорозарядника и россыпью... сколько там? Пятнадцать патронов. К «Чекану» еще семь, кроме барабана. Негусто. Еще, правда, секира и штык-тесак. Надо вернуться к тугам и пошарить на предмет боеприпасов!

Сказано — сделано. Тяжеловесной рысью резвящегося першерона^[7] он отправился назад. Ближайший к площади труп, из-за которого он научился летать, оказался вовсе даже безоружным и несчастным местным, испачканным и раздавленным их машиной. Впрочем, убили его раньше, и не они. Черной кучей тряпья поверженные туги... — кто такие эти туги, Дарри не знал, но по реакции Воронова понимал, что люди они насквозь неприятные и опасные, — лежали шагах в пятидесяти от него дальше по улице. Тут он сообразил, что, прорываясь, они ведь не всех тугов уложили, и ему сразу расхотелось обыскивать их мертвецов. Выжившие черные, скорее всего, юркнули в распахнутые ворота и еще не решились выбраться назад. И не мудрено: с момента их прорыва прошло, пожалуй, не больше пяти минут. Но только пути у него другого не было — или на площадь, или мимо распахнутых ворот. Или стоять и тупо ждать, пока его убьют. Взяв винтовку наизготовку и пригнувшись, он стал подкрадываться к воротам и черным мертвецам около них. Ну или делать то, что у гномов называется словом «подкрадываться». При этом он пытался подсчитать количество покойников и вспомнить, сколько же было живых тугов. Получалось, что не меньше десятка, а кучек было не то семь, не то восемь. Гномы вообще днем видят намного хуже людей, о чем не любят говорить, так что толком разглядеть, сколько убитых, ему долго не удавалось. Когда же удалось... Их было восемь. Нет, те, в которых попали они с Ториром или Бофур, были еще ничего. Зато остальные... Человек, в которого угодила пуля из крупнокалиберного пулемета, производит на неподготовленного зрителя сильное впечатление. Они и произвели, особенно тот, кому пуля пришлось прямо в центр корпуса. Руки, ноги, голова — все было на месте. А вот от туловища будто только оболочка осталась, всё остальное из него словно выплеснуло вокруг. Дарри почувствовал, что его самого сейчас «выплеснет вокруг», но тут хруст гравия за забором под чьими-то шагами мигом задвинул это эстетское желание куда-то в сторону. Гномы вообще отличаются изрядной толстокожестью. И сейчас его это и спасло. Он

присел на одно колено, вскинул винтовку. Шаги за воротами затихли. Наверное, тот, кто прятался за их створкой, не решался выглянуть. Их разделяло метра три и распахнутая половинка ворот. Дарри боялся дышать, чтобы не выдать себя сопением. Так продолжалось довольно долго, пока сердитый голос во дворе не прикрикнул на стоящего за воротами, как показалось Дарри, на харазском. И еще шажок за тонкой дощатой преградой. «А чего я жду?», — подумал Дарри и тут же выстрелил примерно туда, откуда исходил звук, и еще два раза, чуть правей и чуть левей. Высокий, какой-то заячий визг подтвердил, что он попал. Думая, сколько же еще осталось противников за забором, один или два, он совершил самый глупый в своей недолгой жизни поступок. А именно — выпрыгнул за ворота. Два. Их было двое, и они открыли пальбу, едва он показался меж раскрытых створок. Спасло его то, что он выскочил пригнувшись, почти вприсядку, эдакой раскорякой-кракозяброй и то, что туги, скорее всего, ожидали людей — прицел был взят слишком высоко. Один укрывался за телегой у сарая слева от ворот. Смуглый, бородатый, тощий, весь в черном, но застиранном уже до серого. Он навалился на борт телеги и палил из «Чекана», уперев локти для устойчивости в тележный борт. Второй был явно не прост и укрылся получше — за бочкой для дождевой воды, стрелял он из «Маузера». Матеря себя на чем свет стоит, Камень выстрелил левому в ноги и попал, даже удачней, чем рассчитывал, — не в ноги, а в таз. Колеса телеги были вирацкие, высокие и, если бы туг не навалился так на телегу, то дай Прародитель бы ему в ноги попасть. А тут он сложился, как перочинный нож, и стрелять перестал. Дарри тут же метнулся влево — и стрельбы теперь оттуда нет, и второму вправо линию огня переносить не так удобно. Тот и так едва не попал в Дарри. А «Маузер» может и кольчугу гномью пробить. Вообще, однако, похоже, что он сам себя в ловушку загнал. Он один, да и патронов мало. Стрелок он, сказать прямо, не эльфийского уровня. То, что он ухайдакал сейчас двоих тугов — чистое везение, особенно со стрельбой через ворота, а погоню за «Копейкой» расстрелял и вовсе в полигонных условиях. Его противнику, который надежно укрылся за бочкой с водой, достаточно не давать ему высунуться из-за колодезного сруба, за которым он укрылся, и просто ждать, когда на шум их перестрелки заглянет кто-то из сподвижников. Судя по всему, их в городе сейчас как блох на дворняжке. Были бы гранаты... Но гранат нет. Зато вот возле колодца — отмостка из голышей, втоптанных-вколотенных в землю, чтобы пролитая вода не давала

грязи и луж. Едва не ломая ногти, Дарри выковырял пару небольших, поменьше его кулака, камней. Дурацкая мысль, но может камень поможет Камню? Если вот так... Он швырнул первый гольш за бочку, до которой было шагов двадцать, и крикнул: «Граната»! Была надежда, что противник поддастся на уловку и выскочит из своего укрытия. Не поддался. То ли рассмотрел, что у него нет подсумка с гранатами, то ли звук расслышал совсем не металлический... Но — не поддался. Будь у него время и резец, он бы вырезал руну отсроченного разрушения на втором гольше, и тот бы рванул не хуже гранаты. Правда, она не всегда ему давалась без помарок, а резать ее — весь день уйдет. Это великий мастер Килли мог бы впечатать в камень руны одними словами. Он вдруг отчетливо представил ее себе, и она словно засеребрилась, засверкала в воздухе призрачным, идеально правильным начертанием и впиталась в булыжник, как вода в сахар. Дарри и дальше ее видел, не глазами, а каким-то другим зрением. Руна идеально встала в центре кругляша и начала сначала неспешно, а потом все быстрее вращаться, напиваясь, проявляясь все отчетливее и словно наматывая на себя какую-то теплую и мягкую яркую нить, лучащуюся бело-желтоватым светом и идущую будто из него самого, не из сердца, а откуда-то из живота. Нить эта, преломляясь и усиливаясь, наливаясь при этом еще и голубым холодным сиянием, проходила и через жезл убитого магика. Дарри теперь его чувствовал, словно у него появилась еще одна рука. Наконец руна остановилась. Камень потеплел и начал подрагивать, словно ему не терпелось сорваться с места, и Дарри, внезапно перепугавшись, отшвырнул его от себя прочь, вслед за первым, даже не целясь во врага, а просто от себя подальше. Камень упал почти туда же, куда и первый. Из-за бочки раздался насмешливо-издевательский выкрик с харазским акцентом:

— Не наигрался в камешки, мальчик?

И в этот миг руна подействовала. Дарри видел, как срабатывала она у мастера Килли. Эффект был и в самом деле как от гранаты. Но это... Рвануло так, как будто «Единорог» Пришлых влупил туда, в угол двора, за бочку, 107-миллиметровую мину. Разметало не только туга — бочка в треске и грохоте, заливая все вокруг водой, развалилась. Осколки булыжника просвистели и над ним самим, с чувствительной силой и изрядным стуком впившись в бревенчатую стену сарая. От восхищения самим собой Дарри, раскорячившийся в неудобной позе за колодцем, шмякнулся на задницу и витиевато, не хуже отставного ур-Барака Гимли, выругался, поминая Прародителя,

богинь Арру и Астару, но путаясь, так что, возможно, прозвучали и нелепицы вроде сисек Прародителя или бороды Астары. Это что же теперь выходит — он Рунопевец? Да еще и посильней мастера Килли? Ему хотелось сотворить еще что-нибудь, но ощущение сродни изжоге его остановило. Про магическое истощение магигов он слышал. А вот что-нибудь такое у Рунопевцев есть? Может Килли просто поумней да поопытней его, а не послабей? Может, он знает, сколько силы вложить нужно в руну, не больше, не меньше, а именно столько, сколько нужно? А он по дурости мышь пытается застрелить из пушки? И еще — жезл пришлого колдуна-подпоручика. Какую роль сыграл он и почему Дарри его начал чувствовать, как самого себя?

На миг он чуть не позабыл обо всем и едва не начал экспериментировать, но свойственная их народу практичность и следование заветам предков, говоривших, что все нужно делать в надлежащем порядке, остановили его. Война кругом. Он поднялся, взял на всякий случай с собой в карманы два камня поменьше и осторожно стал обходить двор. Винтовку Камень закинул за спину, а «Чекан» взял наизготовку. Лежащий за телегой туг был жив, но без сознания. И не жилец, судя по всему. Стараясь не замараться в крови, Камень забрал его револьвер, два скорозарядника с патронами и пачку патронов из кармана чекменя. Были еще и патроны россыпью, но они были все в крови, и гном не стал их брать, помня, что Гимли что-то говорил, что не стоит их использовать, но не помня, шла речь о винтовках или револьверах. Зато был неплохой, хоть и не гномьей работы, помповик двенадцатого калибра «Таран» с коротким стволом и магазином на пять патронов, обычным с прикладом без пистолетной рукоятки. Это Дарри только порадовало — для гномьих лап так намного сподручней, чем с пистолетной под людскую руку. И вот чего он из него в Дарри не стрелял? Хотя оно, конечно, к лучшему. Патроны к дробовику были в плечевой кожаной перевязи, и Дарри тут же ее нацепил, сперва сняв винтовку, а затем повесив ее поверх перевязи. На шее умирающего, вывалившись из-за выреза рубахи, висел медальон из темного металла. Он был чем-то неприятен, и Дарри даже не прикоснулся к нему. А вот кошелек, потертый такой замшевый кисет черного цвета, выудил из брючного кармана. В нем нашлось не так уж и много — чуть вирацкого серебра, с десяток гномьих марок и столько же — тверских и баронских золотых, да медь россыпью. Глянул на умиравшего — а он уже не умиравший, а умерший. «Ну и покойся с миром, а я дальше

пошел, в сарай», — подумал гном. В сарае не было ничего интересного и никого опасного, только кот, дремавший после охоты на мышей и проигнорировавший всю их пальбу во дворе. Кот открыл янтарные глазищи, зевнул и глянул на юношу, словно спрашивая его: «Я — кот. А чего добился ты?» От сарая Дарри вернулся к воротам. В горячке боя он пробежал их раззявленную пасть, даже не удосужившись глянуть, в кого он там попал сквозь створку и что с ним, не выстрелит ли он в спину? Не выстрелит. Мертвые не стреляют. В руках у мертвеца, ныне полных травы, которую он сорвал, суча ими в предсмертных судорогах, когда-то была винтовка «Энфилд», и Дарри разжился у него аж восемью десятками патронов — подсумки были полны. Еще у него был «Молот Тора», доброе железо из Серых гор. Жалко было бы его не взять, и он перекинул в набрюшную сумку, все больше раздувавшуюся. И еще два скорозарядника, теперь сорок четвертого калибра, и еще восемь патронов россыпью. Карманы брюк, пропитавшиеся кровью, Дарри обшаривать не стал — его запас времени не бесконечен. Да и вообще, для трофеев уже надо бы было найти вещмешок. Он хотел прикрыть ворота, надеясь (впрочем, очень слабо, учитывая кучу трупов перед ними) скрыть двор от всевозможных враждебных прохожих, но те же самые трупы и не дали это сделать. А перетаскивать их не было ни времени, ни смысла. Теперь почему-то позывов к рвоте не возникло. Дарри вернулся во двор и направился к последнему убитому им противнику. Точнее, к тому, что от него осталось. Вода из расколошмаченной до клепок бочки окрасилась розовым — харазца буквально разорвало на куски. Юношу почему-то больше всего удивил новенький, неповрежденный кавалерийский ботинок с высокой шнуровкой на оторванной ноге. Искать трофеи тут было бессмысленно. Самым обидным было то, что прекрасный пистолет «Маузер», его давняя мечта, был изуродован и погиб безвозвратно. Вспомнилась поговорка Пришлых: «Заставь дурака Богу молиться — он себе и лоб расшибет».

Шорох сзади заставил его обернуться и отвлечься от мыслей на тему — а вот идти ли в дом? Мертвец у ворот поднимался. Во всех смыслах этого слова, применительно к мертвецам. Поднимался и изменялся. Руки удлинились, ногти на глазах превращались в когти, вытягиваясь и утолщаясь. Тюрбан, закрывавший и лицо по самые глаза, мешал ему, потому что, судя по оттопыривающемуся краю полотнища, прикрывающему рот и лицо, у неупокоенного росла еще и пасть. Дарри охнул. Он в жизни еще не видел подобной нечисти, да

и вообще с нечистью сталкивался редко. Даже зыбочника, которого ему на ходу показал рядом с болотом Гимли, не разглядел. А это вообще не пойми что. Наверное, на убитом было заклятие или амулет, после смерти превращающие их хозяина в мстителя своему убийце. А у него ни одного патрона с серебром! И даже на секире нет серебряной насечки. Он прорезал под нее узор перед самой поездкой, а серебром украсить уже не успел... И в кошеле только дядюшкино золото... Кошель! У него же есть кошель туга, с серебром! Лихорадочно вынул из патронташа два патрона, а из кармана трофейный кошель, и чуть ли не зубами сорвал с него завязки. Рассыпая золото на землю (некогда, выживет — подберет, а нет, так и ни к чему оно будет), выудил несколько чешуек мелких вирацких серебрушек и утопил их в парафине. Вот повезло, хозяин был из тех, кто и верхний слой картечи парафином заливает! Тварь уже сорвала тюрбан... Брр, кошмарная морда! Длинная пасть, зубы и горящие красным глаза. А этими самыми глазами она уже навелась на Камня и приготовилась к прыжку. Выщелкнув со скоростью молнии, смазанной салом, два патрона и вставив вместо них наспех сваянный эрзац картечи против нечисти, Дарри едва успел выстрелить. Даже, пожалуй, чуть запоздал. Нечисть уже взвилась в воздух, уже неслась к нему, выставив когтистые лапы и раззявив пасть, когда он пальнул. С двух, дай бог, локтей вспышка опалила морду твари, и тут же второй выстрел! Едва не зацепив его лапой, чудище шмякнулось на землю. Дарри опустил дробовик и выдохнул. Но тут же едва не обмочился от ужаса: гадина, которой размочалило всю грудь и половину морды, словно и не чувствуя ни ран, ни действия серебра, начала подниматься! Запоздало мелькнуло в голове, что нечисть может бояться или серебра, или огня. Огонь! И вновь, как с булыжником, в воздухе повисла руна огня, запела, заблестала, закрутилась... Не дожидаясь, пока руна наберет полную силу (и от страха перелить этой самой силы, и еще большего страха не успеть), он впечатал ее прямо в туловище нечисти. На этот раз она не впиталась сама собой, тварь словно сопротивлялась из всех сил, будто выталкивая руну наружу. Но зато, словно на это уходили все ее силы, замерла, даже не до конца поднявшись. Однако Камню было не легче. Жилы его набухли от натуги, могучие ноги дрожали, а пот градом выступил на всем теле и лице. Он словно в одиночку на своих плечах пытался удержать свод штольни, осыпающийся при подземном толчке. Наконец руна заняла правильное место. Он просто это понимал. Не знал, не чувствовал, а понимал. Она задрожала, как

тогда, в первый раз — булыжник. И вместе с ней задрожала и тварь. А затем, словно праздничный фейерверк, полыхнула лучами-струями оранжевого огня, выбивающимися наружу из нечисти — из глаз, ушей, пасти, дыр от картечи, опаляя жаром и его самого... Тварь заверещала пронзительно и истошно, и словно ножом обрезало, наступила блаженная тишина. Только запах грозы и пепел в воздухе. Серо-невзрачный жирный пепел, который неспешно, будто первый тихий снег в ноябре, опадал на землю. На землю же рухнул и сам Дарри. Обессиленные ноги отказались держать его дальше. Дрожащей рукой он отер пот и сажу с мокрого лица. Рука была не только в копоты и поту, но и в крови — от напряжения она пошла носом. Дарри бы не удивился, если бы и из глаз. Впрочем, если бы он видел себя в зеркале, он бы понял, что недалек от истины — белки его глаз были красны от полопавшихся сосудов. Ощущение легкой изжоги сменилось чувством полыхающего в животе пожара, словно он наелся армийской еды. Нестерпимо хотелось пить и умыться. Осознав, что он вряд ли сейчас сможет вытащить ведро из колодца, он поднялся, кряхтя как древний старец. Сначала встал кое-как на колени, а затем, опираясь на стену дома руками, бесконечно долго распрямлялся. Позабытый «Таран» остался лежать на земле. Опираясь все на ту же стену, Дарри добрал до крыльца и, повисая на перилах, втянул себя по ступенькам. Если бы он не был гномом, он ничего бы не увидел в доме после яркого дня на улице и еще более яркого факела горящей твари. Но гномы в темноте видят не хуже кошек, почти как демоны, и уж намного лучше людей. Разглядев в сенях дубовые ведра с водой, в ряд стоящие на деревянном низком столике-подставке для них, он, не тратя времени на поиск кружки или ковшика, сопя и отфыркиваясь, начал пить прямо из заполненного доверху ведра. Это было ни с чем несравнимое блаженство! Пожалуй, он выпил чуть ли не четверть ведра. Пламя в животе понемногу затихло, осталась тупая несильная боль. Камень поплескал себе водой все из того же ведра на лицо и отерся подвернувшимся под руку расшитым рушником, запачкав его до непристойного вида. Ноги все еще дрожали, но уже были способны более или менее держать его без опоры на стены или перила. Очень хотелось есть, словно он сутки отработал кайлом в шахте. И еще — спать. Отодвинув занавеску, он вошел в жилую часть дома и прошел несколько шагов вперед. И вот тут есть совершенно расхотелось, и его все же вывернуло наизнанку. Только теперь он понял, что чувствовал что-то гнетущее, исходящее от дома еще во дворе, и ему очень не хотелось заходить внутрь. Лишь

полное опустошение после поединка с нечистью, заглушив эту тревогу, привело его сюда.

Стол был криво сдвинут к стене вместе с незатейливым половичком. На его месте на полу в центре большой шестиконечной звезды, с гномьей точностью нарисованной на дубовых плахах, растянута по этой самой звезде и, кажется, даже прибитая к ней гвоздями, как лисья шкурка на рамке для просушки, лежала обнаженная и почти разваленная надвое от подбородка до лобка женщина. То, что было раньше женщиной. Ее органы, не отделенные, а вынутые из нее, были разложены в каком-то дьявольском порядке внутри круга, в который была вписана звезда. Кровь, обильно текшая на пол, странным образом не вышла за пределы звезды. Видно, что это злодейство произошло довольно давно — кровь уже свернулась в слизистые комки, а на границах звезды и вовсе запеклась в бурую, ржавую корку. Рядом с кругом на коленях стояли еще три женщины. Они были неподвижны и молчали. И у каждой было свое выражение на лице. У дородной полногрудой Пришлой в запачканном кровью платье — отчаяние и злость, у молодой худенькой женщины из аборигенок, с русыми волосами, заплетенными в множество косичек, как у вирачки, но в городской одежде Пришлых — отупевшее безразличие. И лишь третья, несмотря на маску спокойствия, наблюдала за всем вокруг в готовности к чему-то. Явная армирка, с длинными темными волосами, сейчас спутанными и растрепанными, хрупкого сложения, с чуть узковатыми глазами и чуть необычными чертами нежного лица. На высокой тонкой шее — узкими полосами множественные кровоподтеки, словно с нее грубо сорвали многочисленные цепочки или ожерелья. На запястьях — тоже. Видно, либо сдернули и браслеты, либо руки были туго связаны. Простое, вышитое по вороту и рукавам платье из льняной ткани, но не крестьянское, а, скорей, нечто вроде одеяния друидов. На вид лет тридцати, хотя кто их, людей этих, разберет точно? Мотыльки короткоживущие. Гномы недолюбливали эльфов, а про армирцев не зря говорят, что они с эльфами путались. У всех что-то эдакое в лице и телосложении проскакивает. А у этой так особенно — кабы не уши и зубы, вылитая эльфийка была бы.

Неподвижность и молчание женщин были непонятны. Дарри хотел снова выйти в сени и прополоскать рот от кисло-мерзкого вкуса, как вдруг что-то свистнуло-прошелестело, и он почувствовал, что его горло обвила какая-то удавка. Он успел напрячься, но это не сильно помогло, как и пинок назад. Удавка была длинной, и его

короткие ноги не достали до душителя. Но и тот просчитался: бычья шея гнома позволила все же, напрягая мускулы, сделать хоть и слабый, но вдох. А его невероятная для человека сила и масса при таком росте позволили Камню, уцепившись за удавку, дернуть не ожидавшего такой прыти противника к себе. Убивать он его хотел долго и вдумчиво, но не получилось. Столкнувшись с гномом, душитель ловко вывернулся и, бросив удавку, отскочил. Придушенный Дарри замешкался, вытаскивая револьвер, а вот его враг — нет. Он успел дважды выстрелить, и Дарри словно конь лягнул в верхнюю часть груди. Но враг снова не учел разницы между людьми и гномами. Ну и того, что на Дарри была кольчуга. Не будь ее, лежать бы ему на полу, истекая кровью. А так, благодаря кольчуге, поддетой под нее и пропотевшей насквозь фуфайке и толстым плитам грудных мышц, возможно, даже и ребро не треснуло. А он только отступил на шаг, инстинктивно нажав на спусковой крючок. Расстояние было таким, что он и не мог промахнуться, хотя и не был особенно метким стрелком. Он и попал душителю куда-то в живот. Только теперь он смог рассмотреть своего противника, с удивленным лицом оседающего на пол, словно скручиваясь вокруг раны. Это тоже был туг, в привычном уже мрачно-черном наряде, но одетый заметно побогаче всех прежних — пояс с наборной серебряной отделкой поверх одежды из тончайшей шерсти, серебряный же массивный медальон на шее. Только на голове, из-за бритого черепа и черной окладистой бороды, казавшейся перетяжеленной к низу, не было тюрбана. Холеное лицо вытянулось в гримасе не то боли, не то удивления, а затем окуталось розовым туманом, потому что Дарри выстрелил второй раз прямо в него. На стену сзади туга словно плеснули красной масляной краской, и он с грохотом рухнул на пол. Дарри, сопя и отдуваясь, стянул удавку с шеи и понял, почему туг был без тюрбана. Удавка и была тюрбаном. На свободном конце неширокой черной полосы ткани, которым туги прикрывали лицо, был нашит грузик, помогающий захлестнуть шею жертвы, а длина шелковой ленты позволяла это сделать на большом расстоянии. Дарри никак не мог понять, почему туг не выстрелил ему в затылок сразу, как только он вошел. Возможно, это было связано с каким-то их культом, а, возможно, была и другая причина. Гном, наконец, отдышался и, шатаясь, подошел к убитому. Стало понятно, почему выстрелов было только два, из которых попал лишь один. Оружием был не револьвер или магазинный пистолет, а небольшой двухзарядный «дерринджер» из синей стали и с щечками из слоновой

кости с гравировкой. Сами стволы были с серебряной и золотой насечкой. Настоящее произведение искусства, только малого калибра! Но почему-то брать его в руки Дарри совсем не хотелось. Как и вообще прикасаться к покойнику. Он уже привык за этот день доверять своим ощущениям. Может, на мертвеце был амулет или проклятье... Он, на всякий случай, ожидал худшего, того, что сейчас вновь придется биться с умертвием. Но ничего не произошло. Отпихнув пистолетик под стол, Камень повернулся к стоящим на коленях женщинам. Все же туг попал оба раза... Раскинув косички и глядя мертвыми глазами в потолок, посредине между своими товарками по несчастью лежала отчаявшаяся вирачка. Во лбу у нее была маленькая дырочка, из которой стекала тоненькая струйка крови. А ее соседки все так же стояли на коленях, стояли и молчали. Только теперь Дарри понял, в чем причина. На шее у всех троих были застегнуты колдовские рабские ошейники из бронзы. Очевидно, им отдали приказ встать на колени и не издавать ни звука.

— Вам приказано стоять на коленях и молчать?

Молчание в ответ.

— Кивните головой, если да.

Обе закивали, в глазах у грудастой блондинки — надежда. Армирка же с виду по-прежнему бесстрашна.

— Где жезлы знаете? Если знаете, мотните головой в их сторону.

Закивали, вытягивая головы в сторону туга, словно атакующие гуси, пытающиеся ущипнуть.

Как ни противно, но пришлось снова подойти к мертвецу. Тело все болело, словно избитое, и каждый шаг давался с трудом. Жезлы обнаружились за поясом, все три. Интересно, если хозяин мертв, может ли кто-то другой пользоваться их магией? Он осторожно, как к пугливой кошке, протянул руку. Почему-то, как совсем недавно, с руной, он понимал — к поясу прикасаться нельзя. И к пистолету нельзя. А хуже всего будет, если он попытается дотронуться до медальона на шее. Осторожно, как змеелов гадюку, он двумя пальцами выудил первый жезл из-за пояса. Затем второй. Когда вытягивал третий, то едва не коснулся серебряного узора на поясе, и его словно током тряхнуло. Но не в руку, едва не совершившую оплошность, а в голову. Слегка было похоже на то, как будто он понюхал приоткрытую банку со свеженатертым ядреным хреном — словно в темечко шило вогнали, а из глаз заструились слезы. Как ни странно, это немного прочистило голову, и он бережно подцепил и извлек третий жезл. Как и боевой жезл убитого

подпоручика, они чувствовались, но не словно бы еще одной рукой, а занозой в ней, чем-то болезненным и чужеродным. Ощущались только два жезла. Как он понял, третий был связан с убитой женщиной и был словно спящим. С него он и начал. Он попытался понять — как отдать с помощью жезла команду ошейнику? Ноги подкашивались, голова гудела, в животе по-прежнему пекло, грудь будто молотобоец отходил кувалдой... Он опустился на пол, всецело поглощенный жезлом, даже не заметив, что едва не коснулся кровавой границы на полу. Ничего не получалось, пока он не додумался запустить в жезл руну поиска. Она использовалась для розыска жил, друз с ценными кристаллами, но оказалась полезной и тут. Представив ее уже привычным способом, он впустил ее в жезл, который сопротивлялся этому, но не сильно. Поблуждав несколько мгновений по жезлу, она остановилась у одного из выступов-пупырышков в верхней трети жезла. Уже почти не сомневаясь, он взял жезл в правую руку, надавил большим пальцем на пупырышек и мысленно сказал жезлу: «Откройся». Раздался негромкий, сочный, как у смазанного и вычищенного затвора, лязг. Ошейник на мертвой вирачке, подпрыгнув, раскрылся. И тотчас же ее тело, которое, даже упав мертвым, сохранило позу, обмякло и словно оплыло безвольно на пол. Так. Теперь надо было освободить живых. Он наугад взял второй жезл, вновь коснулся выступа-пупырышка большим пальцем и вновь попытался скомандовать. Жезл, будто живой, сопротивлялся, становился то ледяным, то словно раскаленным, и вообще напоминал пойманного маленького, но свирепого зверька, вроде куницы. Теперь Дарри намного лучше понимал, кто такие туги и работорговцы, и искренне их ненавидел. Он направил в жезл нить, будто собираясь создать руну, но просто давя сопротивление этой твари, жезла, и давил, пока не понял — можно! И вновь приказал: «Откройся!» И вновь — победный щелчок! Пышногрудая Пришлая, застонав, рухнула набок, и, помогая себе руками, распрямила ноги. И зарыдала, громко, трубно. Пришлось шикнуть на нее:

— А ну, тихо! Не хватало еще, чтобы на твой вой их друзья набежали!

Пришлая старательно попыталась и теперь только всхлипывала. У Дарри же от натуги опять пошла из носа кровь. Кружилась голова, а в животе будто поселилась стая голодных волков. Никогда он еще так не хотел есть! Похожая на эльфийку изящная армирка с тревогой смотрела на него. Наверное, боялась, что из-за этой самой схожести с эльфийкой он не будет ее освобождать — гномы и эльфы, мягко

говоря, не очень приязненно относились друг к другу. Он со вздохом взял последний жезл. Как ни странно, в этот раз все прошло намного легче. Его словно укрыло прохладой в летний зной, стук в висках пропал, и он почти без сопротивления одолел последний ошейник. Армирка медленно встала, чувствовалось, что все тело ее затекло и еле способно двигаться. Несколько секунд постояв с закрытыми глазами, она, пошатываясь, медленно добралась до дальнего угла комнаты, наклонилась, что-то подобрала и снова стала с закрытыми глазами. Но от нее теперь словно пахло свежестью, лесом, силой и весной, а усталость и измученность куда-то исчезли. Низко, до земли, поклонившись Дарри, она, обогнув кровавый круг и стараясь не смотреть на него, подошла к Камню вплотную и, склонившись к нему и обхватив ласковыми узенькими ладошками его затылок, впилась в его губы долгим и нежным поцелуем, не обращая внимания на текущую из носа гнома кровь. От нее пахло какими-то травами, сладко и в то же время терпко. У Дарри словно птицы запели внутри, боли и усталость куда-то отступили. И вообще, его первый раз в жизни поцеловали! Пока он сидел с блаженным и дурацким видом, армирка куда-то упорхнула, но скоро появилась с большой деревянной кружкой. Протянув ее гному, она сказала:

— Это травяной чай с медом. Правда, холодный. Выпей, ты потратил очень много сил и можешь просто упасть без них. Поверь, я знаю, что говорю. Я — друидка. Хорошо бы тебе поесть и отдохнуть, но, боюсь, тут это невозможно. Ну вот, хоть вот это съешь, — и она протянула гному здоровенный печатный пряник с начинкой. Живот громогласным урчанием подтвердил согласие со словами армирки, и Дарри, не чинясь, принялся уплетать пряник, запивая его чаем, в котором, судя по вкусу, меда была как бы не четверть.

— Вы с ума сошли? Как вы есть можете? Да посмотрите же вокруг, посмотрите на бедную Лизоньку! Что они с ней сделали, упыри проклятые... Бежать надо, бежать, пока не поздно! Ой, мамочки, мамочки, — запричитала грудастая, правда, тихим, приглушенным голосом.

— Ты жива? Так имей же благодарность к своему спасителю! Он свалится, не пройдя не то, что лиги — и ста шагов! Мне никогда не доводилось слышать о магическом истощении у гномов, но у него именно магическое истощение, причем сильнейшее! Он едва не выжег себя, снимая нам ошейники. И выжег бы, не поделись я с ним силой! Да еще и пуля попала ему прямо в грудь!

Дарри вспомнил ощущение прохлады и понял, что это было. Да

и поцелуй теперь, к сожалению, утратил свою романтичность — друидка вливала в него ману, а поцелуем это было сделать проще всего.

— Но скажи, как ты смог снять рабские ошейники? И откуда у гномов появились Владеющие?

Камень с сожалением оторвался от остатков пряника. Неделikatно чавкая, прожевал и проглотил то, что было во рту. Сделал шумный глоток чая и ответил, с легким оттенком похвалы:

— А я и не Владеющий. Кажется, я сегодня стал Рунопевцем.

— Такой молоденький? И никто еще не успел обучить тебя управляться с Силой? Бедный мальчик, ты ведь мог погибнуть, — и она с жалостью и лаской снова погладила его ладошкой. Потом, совершенно по-детски поплевав на платочек, принялась оттирать кровь с его физиономии. Затем тоном старшей сестры, поучающей совсем уж несмышленного братца, добавила, — пока ты не можешь управляться с Силой и не знаешь, сколько ее можешь отдать, не нужно ее использовать.

— Ну, если бы я этого не сделал, то точно погиб бы. Да и вас не освободил бы от этой пакости, — и он пнул ошейник, — Дарри меня зовут, из рода Гимри, что в Лесной гряде. Ученик работе по камню Великого Мастера и Рунопевца Килли. Он хороший наставник, но до сегодняшнего дня я силу не чуял. Просто мы сегодня в Пограничный приехали, а тут все и случилось. Я и сам не сразу понял, что это со мной.

— Варазза. Друидка. У меня тут лавка магических эликсиров и алхимии на рынке.

— Наталья Дьяконова. Купчиха местная, — стараясь не всхлипывать, сказала грудастая.

— Вот, что хочу сказать, — продолжил гном. — Я, кажется, в себя пришел, и с ног уже не упаду. Водки бы, конечно, сейчас для бодрости хлопнул, но, думаю, и так не сваюсь. Прими благодарность, друидка Варазза, за помощь и спасение. Но только и Наталья права — уходить нам отсюда надо и чем быстрее, тем лучше. Перед воротами куча тугов лежит,дохлых, понятное дело, и во дворе тоже, а ворота нараспашку. Пограничного я не знаю, и где укрыться тоже не ведаю. В городе сейчас погром и грабеж. Наверно, лучше бы сейчас не быть Пришлым, ну а женщинам и вовсе теперь вдвойне опасней. Где бы скрыться на это непонятное время? Вот этот дом — он ваш? Ну, кого-то из вас?

— Да что ты! — воскликнула пышногрудая купчиха, — Нас на

улицах похватали. Я с Лизанькой, это сестра моя двоюродная... была..., — и она сникла и вновь зарыдала, беззвучно, без слез, безнадежно, осознав окончательно свою потерю.

— Я же говорю, — у меня лавка на рынке. Не мой это кров, — подхватила Варазза.

— Так что же, хозяйева с этими мучителями заодно? — возмущенно пропыхтел Дарри.

— Хозяйева? Вряд ли... Они в соседней комнате лежат. Их еще до ее сестры вот так же вот растерзали, — криво пытаюсь улыбнуться, сказала друидка.

— Да что же тут вообще творится? Что вот это за мерзость? Зачем этим самым тугам нужно такое мучительство? Кто они такие? — и он мотнул головой в сторону растерзанной несчастной, имея в виду под «мерзостью», конечно, не ее, а кровавую звезду и круг.

— А это вовсе и не туги сделали. Они, конечно, убийцы и изверги, но колдовство им не под силу. Ты, верно, немного про них знаешь. Туги — почитатели богини Кали. Они приносят ей жертвы, либо душат удавкой из своего тюрбана, либо мучают и пытаются по своим ритуалам. Но они лишены малейшей колдовской силы. Тот туг, у которого просыпается Сила, становится Созерцающим. Туги же — лишь солдаты богини Кали и подчиняются ее жрецам, тем самым Созерцающим,^[8] — с совершенно светским видом, будто и не было рядом крови, жертв и палачей, ответила армирка, — А вот уж те, принося чью-то жизнь Кали, и собирая для нее кровь и Силу, часть этой Силы получают себе. И от этой заемной чужой мощи становятся колдунами намного более могучими, чем они есть от природы. Поэтому многие из них не из тугов, а из слабеньких Владеющих, которым мало их Силы и умения.

— То есть они убивают, чтобы часть мучений жертвы обратить в свою Силу? Но это же... Это же...

— А что, это сильно отличается от того, чем озабочены купцы, ваши или чужие? Которые с дуру и с жира стали деньги считать целью, а не средством? Мало ли они крови в золото обратили? Они — в золото, Созерцающие — в Силу. А суть одна. Сменять чужие муки и жизни на пять минут своих хотелок... Если я правильно поняла, Созерцающие как раз и стояли во главе всего этого восстания. И, наловив жертв, еще ночью кинули их в круг под ножи, напиваясь Силой.

— Да? Что-то не сильно им их душегубство помогло! Пальба идет до сих пор!

— Тут не так все просто. Созерцающих мало. Они должны были заранее занять места рядом с самыми важными точками. Там, где возможно — захватить людей и принести их в жертву Кали. И вот тут так и было. Они захватили дом и его хозяев, и еще с утра начали приносить их в жертву. А потом колдун-Созерцающий, чтобы еще увеличить Силу, погнал тугов наловить еще людей для жертвоприношения. Честно тебе скажу, ни меня, ни Мирру, — она указала на вирачку с косичками, — не сильно взволновала бы судьба Пришлых. Они сами во многом виноваты. Меня-то уж точно никто не тронул бы — друидка и служительница богини Арру неприкосновенна для всех. Для всех, кроме этих выроdkов. Так что теперь для меня это личное. Я все сделаю, чтобы им помешать, и чтобы их настигла судьба и злая смерть. Не знаю, как тутам попались Наталья с сестрой, их поймали до меня, а ее сестру даже успели принести в жертву. И где они сцапали Мирру — тоже не ведаю. У меня же просто была удачная торговля утром, и я, закрыв лавку на обед, решила отнести деньги и чек в банк. И вот на пути назад они меня и схватили. Я, признаться, не ожидала такой гадости, и они успели накинуть на меня «Внутренний щит»^[9], а затем — рабский ошейник. Лысая мразь, их начальство, страшно обрадовался. Он уже готовился взрезать Мирру, но тут привели меня. Когда приносят в жертву Владеющего или друида — Кали как будто вместо воды получает сладкое вино и награждает за это своего раба большей мощью и наслаждением от ее использования. Но тут примчался гонец. Я кое-что слышала из его воплей. Ты сказал, им не помогло душегубство. Тут ты не совсем прав. Дело вот в чем. Тот, что верховодил здесь, вовсе не был самым главным или сильным. Половина Созерцающих, самые главные, самые сильные, собрались в том месте, откуда они должны были управлять всем этим бунтом, в их штабе. Там же были и основные командиры баронских дружин и ватаг, вовлеченных в восстание. Но то ли контрразведка форта была настороже, то ли кто-то из Пришлых так удачно встрял, только там все пошло кувырком. Всех Созерцающих, всех военачальников там и перестреляли, как глухарей на току из засидки. Пальба, однако, дала начало бунту. Но, поскольку почти всех вождей перебили, все понеслось враздрай и Созерцающий отсюда срочно потребовался в штабе, принять руководство. Эта погань поставила нас на колени и приказала молчать. Жезлы он передал старшему из тугов, велел нас не трогать и умчался. Туги кланялись и лебезили, но, едва он исчез, разорались, как резаные. У них были свои планы на нас, однако

ослушаться приказа Созерцающего они не смели. И их старший, вот этот, — она кивнула головой в сторону убитого Дарри туга, — отправил их наловить еще женщин, поразвлечься. Да и сами они мучители не хуже своих лысых хозяев. Заодно собирались разведать обстановку вокруг Управы и банка. Их захват и был задачей колдуна, если я верно поняла. Но едва они вышли за ворота, как на них тут же кто-то набросился, и большая часть их полегла, не успев даже выстрелить. А едва они успели прийти в себя, как на них в одиночку напал безумный гном, всех перебил и спас нас, — неуверенно, словно извиняясь, улыбнувшись, закончила армирка.

Дарри, насупив брови, задумался. Сильно задумался. После всего рассказанного армиркой выходило, что из этого дома надо бежать быстрее собственного визга. Но вот куда? Покатав и так и эдак ее речь в голове, он кое-что сопоставил. Гномы иногда выглядят тугодумами. На самом деле они просто думают методично и не отвлекаясь. Вот и тут у него родились мысли, которые требовали уточнения.

— Почтенная Варазза, позволь кое-что уяснить. Только сразу скажу, наше время утекает, как песок в часах, поэтому отвечай коротко, да или нет. Итак, правильно ли я понял: никто, кроме тугов и Созерцающих, не посмеет стать на твоём пути или причинить тебе зло?

— Да, так оно и есть. Слуги и служанки Арру лечат увечных и больных и нужны всем. Подняв на них руку, рискуешь потерять шанс получить исцеление от Арру в случае нужды. Я даже лавку не запираю — воры знают, чем грозит им посягательство на место силы богини. Проще голой рукой пытаться отыскать алмаз в гнезде стальных сколопендр.

— А распространится ли покровительство богини на твоих слуг и рабов?

— У покорных Арру нет и не может быть рабов!

— Это все знают? И могут ли у тебя быть слуги?

— Нет, но я-то знаю! А слуги — да, слуги могут быть. Но зачем они мне?

— Прекрасно. Правильно ли я понял, что созерцающих в городе мало, и после погрома в штабе их стало еще меньше? А туги — это их личная охрана?

— Это тоже истинная правда!

— И далеко ли твоя лавка отсюда?

— Прямо в центре рынка, а что?

— А то, что мы сейчас собираемся, берем ноги в руки и идем, если ты не против, в твою лавку. Я буду твоим слугой-гномом. А ты, госпожа, — обратился он к Наталье, — извини, но этот путь тебе придется быть рабыней в ошейнике.

— Н-нет-нет, я не хочу! — заикаясь, простонала несчастная купчиха.

— Не волнуйся, жезл будет у тебя. Ты будешь рабыней самой себя, — попытался успокоить ее Дарри.

— Это плохая мысль, — сказала Варазза, — у многих это вызовет подозрения, а у многих — желание отобрать или купить рабыню. Лучше ей быть хворой болотной лихоманкой, которую я веду к себе лечить. Мало кто рискнет дотронуться до такой больной.

— Это даже лучше! — воскликнул гном, — видишь, госпожа, Варазза придумала намного лучше, чем я! Только как ты придашь ей вид больной?

— Не волнуйся, это моя забота, — улыбнулась друидка.

— Ну, тогда собирайте свои вещи, и в путь! — провозгласил Камень. Заметив в углу ранец из грубого брезента, он вспомнил, что хотел уже найти что-то подобное для патронов и лишнего оружия. Дернув его за лямки, он удивленно присвистнул, уж больно тот был тяжел. Открыв его, он убедился в своих робких подозрениях. То ли прежние хозяева дома были богачами, то ли туги ограбили не один дом, но ранец на четверть был засыпан золотом и серебром, вперемешку. Монеты, украшения, даже посуда. Оставлять такое богатство было бы глупо, и он, убрав в ранец из поясной сумки лишнее оружие и патроны, закинул ношу за плечи.

— А что с Лизонькой, — прижимая руки к груди, спросила Наталья.

— Мы не сможем ее унести, госпожа. И не сможем достойно похоронить в эти дни. Но негоже оставлять мертвецов просто так, слишком много здесь творилось зла. В час нечисти кое-кто может восстать. Я думаю, нам придется предать их прямо в доме огненному погребению, и праведников, и палачей. И пусть убийцы провалятся в бездну, а жертвы взойдут на небо. Читай молитвы, и по сестре, и по Мирре, и по хозяевам, — с почтительной к чужому горю печалью сказал Дарри.

— Ничего не выйдет. Если запылывает дом, то нас соседи сразу пристрелят. И будут правы, потому что могут сгореть и их дома, — заметила Варазза, обнимая купчиху, которая тут же начала всхлипывать ей в плечо, — Насчет нечисти все верно. Но нам

придется уйти, все оставив так, как есть. Представь, сколько времени пройдет, пока все будет сделано. И тугов придется убрать с улицы, чтобы устроить погребальный костер. Если никто не помешает. А в любой момент может появиться другая банда. Или колдун. И что тогда?

— Как будто мало домов сейчас горит, — недовольно буркнул Камень.

— Там большие банды, и их боятся. А ты с оружием у нас один! — возразила друидка.

Оставлять что-то недоделанным или решать и делать впопыхах вовсе не по-гноми, и Дарри был раздосадован. Но не мог не признать правоту армирки. Слова о других бандах или колдуне встревожили его. Он, предупредив бывших пленниц, вышел на улицу. Хоть Варазза и подлечила его, чувствовал он себя все же далеко не новенькой монетой. Но делать было нечего. Кстати, о монетах... Подобрал «Таран» и выщелкнутые патроны, он зарядил дробовик. Затем собрал рассыпанные из кошель монеты. Пусть в ранце их много, негоже разбрасываться деньгами. Не по-гноми это! Затем добрал до сарая. Кот ушел по своим кошачьим делам. Дарри подобрал здоровенный кусок парусины, на котором, судя по всему, хозяева сушили сено, и кое-как свернул его. Быстро прикинул, где бы ему устроиться, чтобы вход был как на ладони, а его из калитки было бы заметно не сразу, кинул парусину, на нее — вещмешок, на мешок — винтовку и дробовик. Дойдя до ворот, он осторожно высунул нос на улицу. Странно, но она все еще была пуста. Он не сомневался, что из одного-двух домов из-за занавесок наверняка глядят чьи-то глаза, и лишь надеялся, что глядят они не через прицел. Запашок уже был, да и не мудрено, учитывая, что половину убитых накрошил своей крупнокалиберной мясорубкой Воронов. И мух уже целый рой. Любопытно... А оружие-то и кошельки у убитых уже кто-то утащил! Вот тебе и пустая улица, вот тебе и никого! Сейчас вид тугов вызывал только злобную радость. Он, оттащив кое-как трех убитых, чьи тела мешали, прикрыл, как смог, ворота и даже накиннул на скобы брус. Правда, калитку оставил незапертой и даже приоткрытой. Если кто-то появится, пусть не лезет в неизвестном месте через забор, и не вваливаются толпой в ворота, а идут по-одному через нее. Стрельба в городе не стихала. Теперь уже слышна была не только винтовочная, но и пулеметная пальба. Гном улегся, устроился поудобней, поудобнее же пристроил винтовку с дробовиком и стал наблюдать за входом. Так, теперь почти все. Он вытащил из подсумка два пустых

магазина, набил их, поглядывая на калитку. Затем один поменял на тот, который был в винтовке, и добил тот доверху. Убрал магазины в подсумок и вздохнул: ну вот, половина запаса винтовочных патронов уже в магазинах...

Он не услышал, как бывшие пленницы вышли из дома, и заметил их, когда они уже были на полпути к воротам. Армирка была все в том же платье, но казалась, при всей своей хрупкости, величественней и властней. На шее и руках у нее красовались украшения, от которых прямо пахло изрядной силой. Ничего металлического: многониточные бусы на шее, только кость и дерево, и деревянные браслеты с выжженными рунами на запястьях. На голову был накинута вышитый белый плат. В руке была льняная расшитая сумка, явно тяжелая, судя по тому, как она оттягивала друидке руку. Купчиха, семенившая за ней, тоже разительно преобразилась. Бесформенное астраханское платье скрывало фигуру, но астраханская же головная накидка, прикрыв светлые волосы, оставляла лицо открытым. Искривленное лицо с огромными желтоватыми пузырями нарывов, слезящиеся глаза... Вряд ли на нее сейчас покусится хоть кто-нибудь.

И они пошли. Армирка — впереди. За ней, чуть справа, Камень. А последней — купчиха. Стрельба тарахтела все так же, чуть организованней и локальней. Явно прослушивались несколько очагов пальбы. И, судя по всему, уходя от одного, они шли к другому. Раз-другой птахой чирикнули над головой шальные пули, но армирка даже не пригнулась. Она вела их той же дорогой, которой они ехали на «Копейке». Вот они повернули налево, а вот и площадь, где они оседлали «Копейку». Все так же лежали кучками тряпья пять баронцев, и — никого живого. Подумав, Дарри сорвал у одного из убитых желтый платок. У того, которого он был повязан на руку, с шеи побрезговал. Подумал — и убрал в карман. А друидка вела их дальше, и вот он — рынок. По сравнению с тем, как его запомнил Камень, почти безлюдный. И тоже — убитые, стрельба... Как оказалось, лавка, куда вела их Варазза, было практически посреди рынка, возле маленькой часовенки богини Арру. Магические лавки всегда были рядом с храмами или часовнями светлых богов. Из надписи на вывеске с уродливым крылатым существом следовало, что лавка называется «Дракон благости». Она была небольшой, бревенчатой, вроде баньки, и любовно украшена затейливой резьбой. В отличие от нелепого чудища на вывеске, она была красива и сделана с душой. Фундамент из дикого камня. Дверь из массивных

дубовых досок была обита медью и висела на медных же петлях.

— Я уже жалею, что предложил идти сюда, — негромко пробормотал Вараззе гном, — уж больно место неподходящее.

Варазза, а следом за ней и Дарри с Натальей, прошли вдоль глухой стены и повернули за угол, где, очевидно, был вход в лавку.

— Да, совсем неподходящее, — подытожил он. У входа в лавку, пытаясь ее открыть, стояли четыре человека. Точнее, стояли трое, а один лежал. А открыть пытался один, широченный, почти как гном, белобрысый нордлинг с короткой бородой и двумя девчачьими косичками, в которые были вплетены три зуба. В остальном он был одет как Пришлый — на плечах расстегнутый пыльник, кавалерийские сапоги, в которые были заправлены подшитые кожей галифе, под пыльником — потертая кожаная куртка с множеством накладных объемистых карманов, набитых магазинами к карабину СВТ, висевшему стволом вниз на правом плече. И, конечно, на шее под кожанкой красовался пропотевший и грязный желтый платок. За ним стояли одетые примерно таким же образом еще двое — второй нордлинг, похожий на первого, но помоложе и без зубов в косах, и южанин, с острым смуглым лицом. Плащей-пыльников, правда, на них не было. На них лежал без сознания четвертый. Это был Пришлый. Он был голым по пояс, с грудью, торопливо, но умело перетянутой бинтами, на которых уже проступили обильные алые пятна.

— Чем могу? — вопросительно-любезным, но слегка высокомерным голосом спросила Виразза, обращаясь к старшему нордлингу. Тот потирал руку, которой пытался открыть дверь. Очевидно, его приложило магией от запора. Не сильно, а так, предупреждающе. «А говорила, что не запирает», — подумал гном.

— Милость богов, хозяйка, — пролаял-пророкотал тот на виларском, — нам бы зелья исцеляющего. Покупал у тебя раньше. Старшего нашего ранили.

— Нет ничего проще, — кивнула друидка и, отодвинув нордлинга, подошла к двери, которая покорно открылась под ее рукой, — пригодилось? От раны? Если да, то от какой?

— Да. В руку пуля попала...

— Должна предупредить, — перебила его армирка, — при ранении в грудь все намного сложнее, лучше потом все равно обратиться к лекарю. Я вижу, что у него пробито легкое. Ткани-то исцелятся, но в легком останется кровь, и как бы ему потом об этом не пожалеть.

— И где же мне найти лекаря?

— Раньше я бы сказала, что возле городской Управы живет лекарь Далер. Сейчас даже не знаю, найдете ли вы его там. В любом случае должна предупредить — ищите лекаря как можно скорей. Не вносите его в лавку, не нужно трясти раненного лишний раз! — обратилась она уже к взявшимся за края пыльников нордлингу и южанину.

— Нам тоже остаться тут, госпожа? — тоном туповатого слуги спросил Дарри.

— Да, ждите здесь, — и она повернулась к старшему нордлингу, — вы знаете, сколько стоит флакон с зельем малого исцеления?

— Я думаю, столько же, сколько и в прошлый раз, шестьдесят золотых.

Армирка кивнула, и они вошли с нордлингом в лавку. Через минуту они вновь появились на крыльце. Нордлинг завязывал шнурки своего кошель, а Варазза, держа в левой руке маленький, с гильзу двенадцатого калибра, флакон зеленого стекла, правой набирала его содержимое в крошечный шприц. Набрав, она протянула флакон нордлингу:

— Здесь еще на один укол. Можно выпить, но колоть лучше.

Присев, она прямо через бинты уколола в грудь раненого. Дарри не раз наблюдал действие зелья малого исцеления, но тут он впервые увидел все другими взглядом. Словно перламутровый вихрь вскинулся над местом укола. Как только этот вихрь ввинтился в бинты, раненый дернулся, задрожал и открыл глаза. Не понимая, что с ним и где он, он оглядывался вокруг. Его люди разом загалдели, загомонили, столпились, помогая ему встать. Как-то быстро они ушли в ту сторону, где был «Водар Великий». Дарри, наконец выдохнув, поглядел им вслед и подумал, — живы ли Рарри, оба Балина и Орри?.. Затем сказал Вараззе:

— Я уж думал, придется стрелять. И почти уверен, что они попытаются обобрать тебя...

— Рядом с часовней Арру? Да никто не решится, даже несмышленьши-Пришлые. Даже Созерцающие! Во-первых, здесь мое место силы. А во-вторых... Богиня отвернется от такого безумца и больше никогда не дарует исцеления ни через зелья, ни от заклинания! Ты же видел — он даже торговаться не стал. Я больше боялась, что они к вам приглядываться начнут. Входите быстрее! — и она требовательно-приглашающе махнула рукой. Наталья, а следом Дарри поднялись по лестнице на крылечко и, пройдя сквозь

скрипнувшую дверь с низкой притолокой, оказались внутри лавки. В ней было тесновато и темновато, но удивительно приятно пахло травами, воском и благовониями, а главное — гнома словно обняли ласковые руки Силы. Голова вдруг закружилась, и он едва не упал. Камень даже не заметил, кто и как помог ему сесть на диванчике в глубине лавки, хотя и слышал жалобный скрип самого диванчика под собой. Не заметил, как его освободили от рюкзака и оружия, рассупонили сбрую амуниции и стянули ее. Дарри еле разобрал ласковый шепот армирки: «Я же говорила, бедный мальчик, что у тебя магическое истощение. Вот, выпей!» Он пил что-то пахнущее корицей и медом, и оно, как паром, клубилось доброй силой. А потом все пошло какими-то отрывками и обрывками. Он держал какой-то тяжёлый отполированный каменный шар, по ощущениям — тёплый, пушистый и ласковый, а армирка, обхватив прохладными пальцами его голову, снова прильнула к нему поцелуем, таким сестринским, не плотским. И как только она это сделала, из шара в него хлынула, вытесняя и гася огонь в животе, такая же прохладная, как ее пальцы, волна добра и Силы, а он улыбнулся по-детски и потерял сознание.

***

Дарри очнулся. Это произошло мгновенно, как лампочку включили. Он чувствовал себя настолько сильным, настолько свежим и могучим... Словно он был сосудом, который долго наполнялся, но вот вдруг перелился, а Сила, бурлящая в нем, текла через край и требовала выхода. В лавке у армирки царил полумрак, так что понять, сколько прошло времени, было трудно. Он лежал, раздетый догола и укрытый на чудом не развалившемся диванчике. Рядом в кресле прикорнула Варацца. Впрочем, как только он пришел в себя, она тут же проснулась, так же легко, как и сам Камень. Купчихи не было видно.

— А где Наталья? Неужели к себе домой пошла? С ума сошла...

— Нет, что ты... Я ее пока от волдырей избавлять не стала — так безопасней. Спрятала в подвале. Там сухо и, помимо погреба, есть еще и жилая каморка с кроватью. Дала успокоительного сбора, так что она спит сейчас.

А вот интересно, зачем ей каморка в погребе? Не так-то проста армирка. Впрочем, у всех свои тайны. Варацца под села к нему,

наклонилась, щекоча своими темными длинными волосами, и прошептала жарким, будоражащим шепотом:

— Я так и не поблагодарила тебя...

— Зачем? Не надо, перестань, — внезапно охрипшим голосом ответил Дарри. Он понял, что сейчас должно случиться, и хотел, и боялся этого.

— Надо! Затем, что я жива, затем, что я свободна! Затем, что я сама могу распоряжаться своим телом и своей душой! Затем, что я так хочу! — и она огненным поцелуем закрыла его губы, пытавшиеся еще что-то пробормотать. Впрочем, он почти и не сопротивлялся, а мысли все куда-то пропали. Лишь напоследок мелькнуло легкое сожаление, что Вараззе не хватает Натальиных статей. Уж больно хрупкая она, воздушная...

...А диван они все же сломали...

За окном темнело, но Варазза не решилась зажигать светильники. На улице еще постреливали и, временами, очень оживленно. Пару раз в стены лавки ударялись пули, шальные, скорее всего. И тогда с потолка, с подвешенных к стропилам предметов и пучков листьев и трав, сыпалась труха. Сруб, хоть и невеликого размера, был сложен из толстых бревен, так что опасаться стоило только разве что попадания из крупнокалиберного пулемета. Но все же становилось как-то неуютно.

Дарри, уже в штанах и рубаше, подпоясанный, но босой, сидел за стойкой. Лавка была довольно тесная, в ней даже нормальный стол не поместился. Голод был лютый, и стрельба его никак не приглушала. Армирка, тем временем, спустившись в погреб, разожгла там лампу, судя по пробившемуся из открытого люка в полу свету. Ее не было довольно долго, а когда она появилась, стало ясно почему. Она с натугой втащила по лестнице две изрядно набитых полотняных сумки и стала накрывать на стол, расставляя по стойке извлеченные из шкафчика красиво расписанные и покрытые глазурью глиняные тарелочки, тарелки и тарелищи. Ловко и быстро заполняя их едой, она полушепотом сказала, что купчиха все еще спит. Варазза принесла и сыровяленый окорок, и армирские бараньи колбаски, острые, как жало пчелы, и грудинку, и пару копченых птиц — не то мелких кур, не то крупных куропадок, одуряюще щекочущих нос своим ольхово-дымным ароматом. Еще были сыры — армирский твердый козий и овечий, круг мягкого вирацкого с белой плесенью на

поверхности, желтоватый марианский, весь в дырах и дырочках. Соленья в горшочках — грибы, капуста, огурцы, черемша. Зелень — листья кресс-салата, укроп, петрушка. Коврига черного хлеба и две лепешки с кунжутом на тощем центральном круге и без него — на толстом румянном краю. Сухарики, черные соленые и сладкие с орехами...

Не дождавшись, пока она закончит священнодействовать, Дарри цапнул колбаску и впился в нее зубами. Он ожидал получить по рукам. И получил. Все-таки женщины одинаковы, что гномьи, что человечьи... Дожевывая колбаску, он достал нож и аккуратно, чтобы не испортить стойку, напластовал прямо на ней хлеб, сыр и мясо. Соорудив огромный многослойный бутерброд, он с наслаждением принялся его уничтожать. Варазза еще раз спустилась в погреб и принесла огромную, с пол-четверти^[10] кружку. Обнадежившегося было Дарри ждало разочарование — это было не пиво, а квас. Варазза сама почти не ела, а, подперев щеку рукой, задумчиво на него смотрела, лишь время от времени беря с тарелки то листик салата, то кусочек сыра, то ломтик хлеба. Тем не менее снедь стремительно убывала, да и квас тоже. Наконец, сыто ухнув, Дарри отвалился к стене и степенно поблагодарил хозяйку за угощение.

— Что ты собираешься делать теперь? — спросила его друидка.

А действительно, что? Сидеть тут, пока не утихнет бунт? Форт не взят, это слышно по перестрелке. Непонятно, на что надеялись бунтари? На Созерцающих? Или на то, что Тверь завязла в очередных разборках с эльфами? Как бы то ни было, для начала надо бы получше понять, что вообще творится в Пограничном. А еще лучше — понять, что произошло и с ним самим. Ведь не просто так он стал видеть руны и взрывать камни! И, кстати, стоило бы у Вираззы поспрашивать. Друиды и сами Владеющие, и просто знают много.

— Для начала спрошу тебя, не сможешь ли ты растолковать мне, что со мной случилось? Что такое магическое истощение и чем оно мне грозит? И как ты все это разглядела?

— Ну, я так думаю, ты и сам теперь можешь понять, как я разглядела. Силу-то, поди, видишь теперь? А случилась с тобой инициация. Ты это сразу не понял и чуть себя не выжег. До сегодняшнего дня я считала, что у гномов нет Владеющих. Ты говорил — думаешь, что стал сегодня Рунопевцем. Я не сообразила тогда сразу, не до того было. Знала я ваших Рунопевцев и твоего мастера Килли, кстати, тоже. Нет в них магии, я бы увидела, как вижу

сейчас в тебе. Руны они наносить умеют, да. Но магии в них нет ни на волос, и научить тебя ей они не смогут. Давай думать вместе, кто бы тебе мог стать наставником. У всех есть своя магия. У эльфов. У гномов, как выяснилось, тоже... У нас, людей, так и вовсе бывает разная магия. Даже не знаю, как объяснить. Что-то из чуждой тебе магии понять можно и, даже, выучить. Но понять — нет. Рыбы не летают. Друид не научит некроманта, а некромант друида. Хотя увидеть и понять, что происходит, они смогут. А повторить — нет. Источники Силы у них разные. У людей волшебник вне школы, который может Силу черпать от каждой из стихий — великая редкость. И если от стихии к стихии перейти еще можно, то от стихии к Смерти... Ну, я вот не знаю ни одного случая. Я могу учиться у эльфов, потому, что друидка. Они и были нашими учителями. Могу понять и научиться магии Воды, Воздуха и Земли. А у некроманта или Созерцающего — не смогу. Ты, я точно вижу по тебе, видишь и касаешься земли, воды, воздуха. Силу Дерева ты не видишь? Или пока не видишь... Наверняка есть Огонь, но его уже не вижу я. Но ты не попал в ловушки тугов, когда забирал жезлы. Выходит, ты видишь магию Смерти? Я не могу судить, я ее не вижу. Дальше, у каждого есть свой запас Силы. У кого-то больше, у кого-то меньше. Его можно подпитывать из твоих стихий, но это не быстро. Можно от амулета с запасом Силы. Из него я тебя и восстанавливала. Амулет запасает Силу от какого-то источника. Или он универсален и запасает Силу от всех, включая Смерть. Мой как раз универсальный. И ты выпил все его составляющие, почти целиком. А там запаса Силы было... Мне при полном истощении — раз на пять. Значит, размеры собственного запаса у тебя громадные. Но при этом ты себя едва не выжег и допрыгался до истощения. С другой стороны, после инициации ты мог и не набрать много Силы, если ты до этого был пуст. У людей так не бывает, но кто знает, как это у вас, гномов? Истощение — это когда ты исчерпал свои Силы почти до донца. А выжечь себя — это значит израсходовать столько, что сгорит сама твоя связь с Силой. Или Силами. Так что самое важное для тебя — научиться пользоваться силой. Не брать ее слишком много, не тратить без счета. Но и не скупиться излишне, если есть нужда. Как произошла инициация? У каждого она происходит по-своему. Или растет твой запас и, в итоге, прорывается наружу. Или ты попадаешь, прямо или вскользь, под действие заклинания, артефакта либо просто Силы, и с тебя вдруг спадают оковы, которых ты и не замечал. Или вдруг происходит что-то,

потрясшее тебя. Смерть близкого человека или, наоборот, большая радость — рождение первенца, например. По-разному происходит... У каждого что-то своё.

Как тебя научить пользоваться Силой? Ну вот, смотри. Ты должен увидеть мои линии воды и воздуха. Я не колдунья, а друидка. Я не могу колдовать напрямую, только через дерево. Или создавать эликсиры. И возможности мои не очень-то велики. Сейчас я наберу Силы столько, чтобы хватило на создание простого эликсира. Сложные, вроде малого исцеления — мне не под силу. Скажи, что ты видишь?

— Ничего. Я чувствую, что что-то появилось вокруг тебя. Какое-то словно бы мерцание. Наверное, это Сила и есть. Но не вижу больше ничего.

— Но, если ты не видишь ток силы, как же ты тогда творишь заклинания? И как ты тогда освободил нас от ошейников? Я не могла увидеть ничего, будучи под властью ошейника, но ведь он раскрылся!

— Да не творил я никаких заклинаний! Я их не знаю ни одного, да и не умею. Ну-ка, подожди, — Дарри вдруг кое-что вспомнил. Он сполз с высоковатого для него стула и начал копаться в своей сбреу и оружии, — а где жезл?

Армирка грациозно соскользнула с лавки, подошла к одному из шкафчиков на стене и, выдвинув из него ящичек, достала жезл погибшего колдуна-подпоручика. Или уже жезл Дарри? Он его сразу ощутил. Более того, понял, что жезл как-то почувствовал его самого, словно они были частью единого целого. Но в ящичке жезл не ощущался — и иной магии в лавке было предостаточно. И, судя по всему, сам ящик тоже был не так прост. Дарри, глядя на Вараззу, вопрошающе поднял домиком левую бровь. Она поняла его немой вопрос и объяснила. Не оправдалась, а именно объяснила:

— Негоже его было на виду оставлять. Могли прийти и другие... с платками. Да и просто не стоит колдовские предметы по полу разбрасывать, — и она протянула жезл гному. Ойкнула, едва Дарри коснулся артефакта, словно бы ее ударило током. А, возможно, так оно и было. Потирая ладошку с аккуратными коротко обрезанными ноготками другой рукой, улыбнулась и смущенно сказала:

— Похоже, он теперь твой. Хотя я и не понимаю, как это возможно...

— Погоди, ты сказала — разбрасывать артефакты. А рабские ошейники? Мы их оставили в том доме...

— Эту мерзость вдвойне нельзя разбрасывать. Я принесла их

сюда. Потом их нужно будет обязательно уничтожить.

— Это правильно. Ладно, давай вернемся к нашим опытам. Ну-ка, попробуй теперь сделать то же самое — набрать силы.

На этот раз он увидел. Нити, подобные той, что выходила из него, когда он делал булыжник-гранату или боролся с нежитью. Только намного тоньше и разных цветов. Они выходили из Вараззы примерно в том же месте, что и у него, но не по прямой, а выписывали кренделя, сплетались в узоры, завязывались в узлы. Голубые, зеленые, перламутровые, розовые нити. Это было красиво, но очень сложно и непонятно. Дарри вдруг понял, даже, скорее, почувствовал: теперь он увидит эти светящиеся паутинки и без помощи жезла. Он сунул жезл за пояс, по-прежнему ощущая его, словно часть своего тела. Получилось! Как больной, вдруг понявший, что костыль уже не нужен, пробует идти сам, но ещё не решается вовсе его откинуть, он, поглаживая оголовок жезла, пытался разглядеть узор нитей Силы Вараззы сам, без его помощи. И у него получилось! Он потянулся к этим нитям, как подслеповатый покупатель в ткацкой лавке тянется к штучке ткани. Не рукой... Он не мог это объяснить. Чем-то, что могло эти нити потрогать. И потянул их к себе. Варазза болезненно охнула, прижала обе руки к груди и тихо сползла на лавку. Он испугался и отпустил нити. Армирка выдохнула и задышала, растирая себе грудь. Когда он потянулся к ней, пытаясь помочь, она испуганно, как щенок, который боится, что его ударят, отшатнулась. Но затем, пересилив себе, позволила ему поддержать себя. Жалко улыбаясь, она сказала:

— Ты очень, просто невероятно силен. Мне показалось, что ты сейчас вырвешь из меня всю Силу. Вместе с жизнью и душой. Я понимаю, что ты не хотел. Но пожалуйста, не делай так больше никогда. Я даже не поняла, чем и как ты это сотворил. И никогда не слышала, чтобы такое было возможно. Откуда это в тебе?

— Я не знаю. До сегодняшнего дня не было ничего, понимаешь, ничего! Я не представляю себе, что такое заклинание, как его создать. Я видел разноцветные линии Силы, выходящие из тебя, и просто хотел их рассмотреть поближе, пощупать узелки и плетения. На мгновение мне почудилось, что я что-то понял, и я словно потянулся к ним, потрогать. Ну и потрогал. Но не рукой. Я и сам не смогу объяснить, как и что я сделал. Прости, уж точно меньше всего я хотел навредить тебе или напугать. Бывший хозяин жезла... Он умер на моих руках. И все пытался что-то объяснить, сказать... А когда он отошел, меня как толкнуло, и словно какая-то цепь, сковывавшая

меня, вдруг лопнула. И еще я начал чувствовать его жезл.

— Наверное, умирая, он отдал тебе и свою Силу. А она наложила на что-то в тебе, и произошла твоя инициация. Но, если ты не умеешь волхвовать, как же ты снял ошейник?

— С помощью рун. Иного-то я и не знаю. Помнишь, я сказал тебе, что, кажется, стал Рунопевцем? До этого дня я не мог просто наложить или внедрить руну, мне нужно было ее начертать. И ты ошибаешься насчет Рунопевцев. У них есть магия. Просто, наверное, ты не можешь ее почувствовать и увидеть. И, может быть, Владеющий, умирая, пробил заплот^[11] к владению этой магией, да еще наградил меня своей, вот они и переплелись. Погоди-ка. Тут у меня мелькнула одна мысль. Ты можешь, например, зажечь волшебный светильник?

— Могу, но зачем?

— Я боюсь просить тебя саму сделать что-либо с помощью Силы. Вдруг я по неумелости снова причиню тебе боль? Я этого совсем не хочу, совсем. А тут Сила, но не привязанная к тебе. Есть у меня одна мысль, и ее надо проверить, иначе она сожрет меня изнутри.

Варазза, все еще морщась, встала, прошла к комоду, на котором стоял небольшой шар волшебного светильника, и включила его. Дарри, разглядев слабый всплеск Силы, увидел красные и белые ниточки, едва видные, танцующие вокруг него. Их танец словно складывался в... письмо, что ли... Ну да, как он и подумал, в руну! Только он такой не видел никогда. Камень, стараясь все сделать без жезла и взять Силы как можно меньше, представил себе, как эта новая руна вращается, напитываясь нитью его Силы. Помня про бомбу, дал ей сделать едва пару оборотов, после чего оборвал нить и дал руне активироваться. Рядом со светильником вспыхнул холодным светом такой же, только не заключенный в стекло и раз в десять более яркий шар. Заворожено глядя на него, он убавил, влияя на руну, яркость свечения. Потом чуть прибавил. Потом выпил назад всю Силу, вложенную им в руну. Руна, а за ней и шар, исчезли. Задумчиво, обращаясь то ли к Вараззе, то ли к самому себе, он сказал:

— Нет, я ошибся. Я не Рунопевец. Я — Рунотворец!

***

Он сидел и устало смотрел на отсветы пожаров за окошком.

Горело где-то недалеко от «Улар-реки», где они остановились бесконечно давно, утром. Варазза, слава всем богам, не совсем его поняла. Поторопился он ей про Рунознатца языком трепать. То дело только гномов. Для неё, впрочем, не было большой разницы между Рунопевцем и Рунознатцем, а про Рунотворцев она, кажется, вовсе не слышала. Друидка успокоилась, поняв главное — он начал осваиваться со своей Силой и понемногу учится ее контролировать. Дарри и в самом деле, сначала оробев, потом, как ребенок на новую игрушку, с жадностью набросился на свое новое умение. Боясь затронуть Силу армирки, он пытался получить знания на артефактах. Жидкость, пахнущую хвоей — всеочищающий и всеуничтожающий огонь друидов, исследовать не стали. Во-первых, не хватало еще спалить их убежище. Во-вторых, руну «Омм», символ огня, Камень и так знал. Именно ее он вкладывал в булыжник. Правда, для друидского очищения, как он подозревал, ее нужно немного изменить, но это потом. Руну вечной свежести, для хранилищ всякой снеди, он тоже знал. Амулетом портала без умения привязки лучше не пользоваться — угодишь в Дурное болото, и поминай, как звали. В общем, не так много оказалось полезного, что можно было бы изучить, но суть он уловил. Нужно будет потом поглядеть на действия колдунов или артефактов, делающих то, чего не могут известные ему руны, и пытаться представить себе в этот момент новые руны, способные эти действия в себе воплотить. Звучит-то просто, сделать трудно. Почти час он ухлопал на «Печать взломщика» — амулет, отпирающий запоры. Как гнома, его несколько возмущала такая магия, направленная на вскрытие самых хитроумных гномьих замков. Но и задачка не давалась, а это его раззадорило и увлекло. Пока он додумался, что в этом, простеньком на первый взгляд предмете, не очень большой колдовской силы, скрыто нечто, что описывается не одной руной, а целыми четырьмя... И новой из них была всего лишь одна, соединяющая три остальных в единое целое. Он не очень представлял себе, что делать с умением вскрывать тайные замки. Не идти же, в самом деле, во взломщики! Пока не сообразил, что им можно вскрывать и рабские ошейники да, к тому же, не только не затрачивая столько сил, как он это сделал сегодня, а наоборот, откачивая Силу из ошейника и пополняя свой запас! Причем все это можно сделать в обход управляющего жезла, нужно только добавить к новой руне всего одну черту. Вот уж воистину, лишних знаний не бывает, бывает неумение их использовать. Для проверки он потерзал ошейник, закачивая и

выкачивая из него Силу. Потом, тоже для проверки, разломал этот ошейник на куски. При этом сломался и жезл. Затем у них дошел черед до амулета незначительности. Тут тоже пришлось попотеть. Как только Варазза активировала его, он переставал ее замечать, а вместе с ней и амулет. Ну и, не видя амулета, не видел и действия магии. Заколдованный круг какой-то! Пока не сообразил и не попросил друидку запустить амулет так, чтобы его полог покрывал их обоих. Переплетение нитей было не очень сложным, но повторяющимся, из одинаковых элементов и очень густым. К тому моменту, когда он решил, что понял достаточно, амулет почти разрядился. Варазза, с помощью своего шара Силы, которым она выхаживала Дарри, принялась его заряжать. Это притормозило Дарри, уже готового воплотить руну, представленную им в воображении. Он задумался, как бы сделать ее самоподдерживающейся. Иначе в нее нужно было либо закачать очень много Силы, либо она быстро слабела бы и рассыпалась. Когда же все было почти готово, он вдруг сообразил, что ведь и сам не сможет найти скрытый предмет, а при самоподдерживающейся руне — не найдет его никогда. В итоге родился настоящий, как ему казалось, шедевр. Руна могла существовать вечно, впитывая Силу из окружающего мира, просто бесконечно долго. При этом Сила не поглощалась ей в количестве большем, чем это делают камни и деревья, и ее нельзя было найти по этому самому поглощению и магическим поиском. Еще она была избирательна — он мог при формировании сделать так, чтобы действие руны не затрагивало не только его самого, но и тех, кого он пожелает. И хотя она могла действовать бесконечно долго, при этом он мог ее в любую секунду убрать, а Силу забрать себе. Ай да Дарри, ай да молодец! Решив, что такой замечательной придумкой он реабилитирует себя перед предками за руно-взломщика, он понял, что должен немедленно ее создать и испытать. Хорошо, что испытывал не на себе. Решив спрятать стул, на котором недавно сидел, он начал представлять себе новую руно. Она, как и плетение амулета, получалась сложной и повторяющейся. Неожиданно затратилось очень много Силы. Стул исчез. Но так не должно было быть! Он-то сам должен был его видеть! Потянув кончик силы назад, он встретил неожиданное сопротивление, но все же преодолел его и «поглотил» Силу обратно. Стул возник там же, где был, но словно обгорел, и от него ощутимо несло паленым, даже Варазза обернулась. Охнув, она зашептала:

— Ты что творишь! Пожар хочешь устроить?

Дарри поднял в успокаивающе-останавливающем жесте ладонь, мол, не отвлекай! Тихо поежился, вообразив, что было бы, если бы он наложил руну на себя. Следовало со всем хорошенько разобраться. Представив в голове руну-новоделку и на всякий случай полностью заблокировав Силу, у него это уже хорошо получалось, он начал и так и эдак ее крутить, пытаясь разбить на простые составляющие и выяснить, в чем же он так ошибся. Гномы методичны и упрямы. Перебирая все черты и черточки, он, наконец, понял, в чем дело. Небольшая ошибка в написании, два похожих элемента, а вот — поди ж ты! Вместо того, чтобы скрыть предмет от взглядов, он убрал его от взглядов. Убрал из этого плана бытия мира. Куда? Да прародитель лишь знает, может, и вовсе на демонический план. Хорошо, что никто не прицепился к стулу и не вторгся в этот, в наш мир. Представив, что могло бы быть, Камень поежился снова. Впредь никакой спешки, никаких испытаний на себе. И до первой пробы всякую новую руну исследовать, хоть это займет месяц, хоть год! Медленно и тщательно вообразив исправления, он со всеми предосторожностями, едва-едва капнув Силы, вновь подверг злосчастный стул испытанию. Стул никуда не делся, только покрылся каким-то маревом. Но так и должно было быть — он и должен был его видеть. Силы на этот раз почти не убавилось. Теперь оставалось выяснить, видит ли стул Варазза. Она, не дождавшись от него ответа по поводу стула и утомившись глядеть на его бессмысленную рожу с устремленным внутрь себя взглядом, вновь занялась уборкой извлеченных для экспериментов Дарри артефактов назад в шкафы и шкафчики. Тихонько окликнув ее, гном спросил, указав рукой на стул:

— Варазза, что ты тут видишь?

Мазнув взглядом по мерцающему стулу и вокруг него, она вернула к нему взор и спросила:

— А где стул? Что ты с ним сотворил на этот раз?

Дарри засмеялся и убрал руну, выкачав из нее Силу. Стул перестал мерцать. Для армирки же, судя по всему, он возник из воздуха, и она всплеснула руками. Варазза по-прежнему не видела его колдовства. Дарри пытался ей объяснить про руны, про то, как он их представляет и напитывает силой. Но она их так и не могла заметить и не уставала дивиться.

Зато он устал, словно подросток, который впервые встал в забой с киркой. Да так оно и было, наверное. Он чувствовал, что Силы потратил совсем мало, и ни о каком магическом истощении речи и

быть не может. Но вот то, что он бы затруднился назвать, чем он, как раз и создает руны, раньше никогда не делало такой работы, и с непривычки устало. Надо будет тренировать это нечто, как в том же забое подростками их учили не только скалывать породу, но и развивать свои мышцы. Воспоминания о прошлом заставили его вновь задуматься о соплеменниках. Выжили ли они? А потом явилась сумасшедшая мысль — пойти и спасти имущество клана. Спасти грузовики. О чем он и сказал армирке.

— Ты ненормальный, ты понимаешь это? Что ты сможешь один? Убьют тебя без толку и все...

— Но я же пойду закрытый незначительностью...

— Да хоть «Покрывалом мрака»!

— А это что такое?

— Есть такой амулет. Все скрывает вокруг себя, как будто облаком тьмы. Ночью особенно помогает укрыться, — ответила Варазза и, заметив его жадный взгляд, протестующе подняла руки, — у меня его нет! Тут же тебе выложила бы, лишь бы ты не ходил никуда! Но ты уже и так все амулеты пересмотрел, разве только до эликсиров не добрался! Убьют тебя, глупого мальчишку. Не поможет незначительность. Ну вот что ты будешь делать, если шальная пуля тебя клюнет? А амулета щита у меня тоже нет, и заклинания этого я сотворить не смогу, чтобы показать тебе! Или отряд будет идти во всю ширину улицы. Они тебя не увидят, но, когда наткнутся на тебя в тесноте, не поможет тебе твоя незначительность. Герой-одиночка только в сказке может победить. Никакие умения, никакая сила и колдовство не спасут одного от многих, как ты не понимаешь? Ну вот вспомни свое детство, ведь дрался, наверное? Все мальчишки дерутся. И всегда есть кто-то один сильнее всех, быстрее всех, или какой воинской наукой сизмальства занимается. Если он умен, он не будет этим злоупотреблять. А глуп, так будет шпынять и изводить тех, кто слабее. До той поры, пока они не соберутся в стаю и не понесут его на кулачках. Ну вот что, было у вас так? Было? По лицу вижу, что было. Так вот если ты надеешься на незначительность, то ты врешь, а если на свою обретенную силу — то ошибаешься. И, рассчитывая на силу, становишься таким же дураком, как тот, кого бьют толпой. Опыта воевать у тебя тоже почти нет, город ты не знаешь. Зажмут тебя в углу, и никакая сила твоя не поможет. Есть у меня покупатель постоянный, из Пришлых, старший унтер из крепости. У него кисти левой нет. И по весне-осени культю ему крутит, за обезболивающим ко мне ходит. Ну, кисти нет, да голова на

месте, не отнять! Так вот он говорит и правильно, между прочим, говорит: «Порядок бьет класс». Сильного одиночку отряд всегда победит правильными, методичными и привычными действиями. Не ходи! Погибнешь! Прошу тебя, не ходи!

Надо сказать, что Дарри понимал ее правоту, особенно про порядок и класс — это очень походило на многие из заветов предков, что для гнома даже важней законов физики. Но в то же время, если гном что-то втемяшит в свою каменную башку, то этого не выбить и динамитной шашкой. А Дарри именно втемяшил. Посидев немного насупленным и угрюмым, он буркнул:

— Все же пойду...

Варазза, зная гномов, только с горечью махнула рукой и несмешно пошутила:

— Если тебя убьют, назад не приходи!

Дарри, впрочем, шутка понравилась. Он еще помучил друидку вопросами: знает ли она, как устроен щит, как удобней и безопасней всего пройти от часовни к стоянке при рынке, и каким стуком стучать, чтобы его пропустили назад. С собой он взял дробовик и перевязь с патронами, которую нацепил поверх кольчуги, а секиру не взял. Два револьвера — свой и «Молот Тора» туга. Они были одного калибра и под них было целых четыре скорозарядника, да еще и патроны россыпью. Свой отправился в кобуру на поясе, на котором еще висели нож и поясная сумка с универсальным инструментом, как у любого порядочного гнома, второй — под мышку, в кое-как прилаженную кобуру. В общем, вид он имел бравый и тупой, как в сердцах сказала Варазза. А потом обняла его и поцеловала, прошептав что-то на армирском. И Дарри шагнул за дверь.

Темнота была неполной, пожары ее размывали световыми пятнами. Укрывшись неприметностью, он пригнулся и порысил к ближайшему торговому ряду, помня про шальные пули, попутно пытаясь одновременно вслушиваться, вглядываться, построить в голове путь на стоянку по указаниям Вираззы и сообразить, как бы ему построить щит. Друидка сказала, что он строится из Воздуха и Огня. Мысли о щите отвлекали и, споткнувшись о какую-то кочку, он едва не полетел кувирком. Плюнув, пошел медленно и выкинул из головы всякие мысли о щите на потом. Ему пока везло, и по пути никто не попался. Ну, живой не попался, а вот несколько убитых лежали неприбранными. Собственно, в этой части рынка встретить кого-то было маловероятно. Именно поэтому армирка его и направила такой дорогой. Здесь торговали в основном огородники из

окрестных хуторов, и грабителям тут было делать нечего. Да и с военной точки зрения интереса не прослеживалось. Дальше будет труднее — пойдут оптовые склады, где наверняка уже вовсю резвятся мародеры. И недалеко — «Водар Великий», там днем как раз была самая стрельба. На выходе с зеленой части рынка он наткнулся на первых встреченных им людей. Не смотря на его топот и сопение, они его не замечали — руна работала как надо. Был ли то пост или патруль, остановившийся покурить, а может, они просто вышли из ближайшей лавки с распахнутой дверью, не имело значения. Это явно были захватчики. Судя по тому, что они не прятали огоньки своих сигарок, тут не стреляли. И он тоже выпрямился. Из озорства гном подошел поближе, послушать, о чем они говорят. И услышанное ему очень не понравилось. Получалось, что это не непонятно зачем организованный налет на Пограничный, без надежды его захватить и удержать надолго. Судя по разговору, взбунтовались два полка сипаев^[12] почти в полном составе. И с артиллерией идут сюда. Патрульные как раз и спорили, когда их ждать — утром или уже сейчас. Становилось понятным, почему налетчики не спешат быстро грабить и еще быстрее убираться прочь. Они дожидаются своих основных сил и тогда уже вдумчиво выпотрошат весь город. Да, похоже, Пришлые из Твери вляпались серьезно. Дарри надо очень подумать, что делать дальше. Осторожно покинув патрульных, Камень по пустому на вид переулку между лабазами и магазинами отправился к рыночной стоянке. Переулок был пустым только на вид. Судя по звукам в окружающих его домах, сплошь оптовых лавках и складах, сейчас творились грабеж и непотребство. Судя по всему, это действо еще не приобрело размаха. Все же нападавших пока было немного и большая часть должна была сидеть на позициях вокруг форта, Управы и других возможных очагов сопротивления. Правда, там-то как раз пальба затихла. А вот в городе местами вспыхивали яростные, но короткие перестрелки. Видны были, слава богам, нечастые пожары. И хорошо еще, что погода была безветренной. Деревянный город мог выгореть дотла. Непонятно было, пытается ли кто-нибудь их тушить. По идее, даже налетчики должны были понимать, что жечь город не в их интересах. И, видно, некоторые понимают. Шум, слышный из распахнутых ворот, мимо которых как раз проходил Камень, яснее ясного говорил, что там именно тушат пожар и, скорее всего, именно бандиты. Может, их атаман был поумнее, а дисциплина покрепче. А, может, товар на складе ценный... Но, тем не менее, гасили, проклиная какого-то

дурака Мераза, и обещая срезать его долю вдвое. Вообще, до этой минуты казалось, он мог и не пользоваться руной, настолько до него никому не было дела.

Вот и стоянка. Здесь уже шныряли интересные: грузовик вещь ценная, в хозяйстве нужная и дорогая, так что грабеж и выяснение, кто и что имеет право ограбить уже шли в полный рост, иногда с мордобоем и поножовщиной. Впрочем, до стрельбы не доходило. Скорее всего, были какие-то неписанные правила, и назревающая перестрелка пресекалась жестко, даже жестоко. Стоило какому-то особо ретивому герою достать ствол, как его могли прибить свои же. Одну такую сценку Дарри и наблюдал, думая, как во-первых, найти машины рода, а во-вторых, как же их отстоять? Тут не поможет и наложение рун. То, как густо гуляет тут народ, не дает надежды, что на них кто-то не налетит, даже не видя. Кроме того, было очевидно, что тут есть какая-то своя, непонятная иерархия. К молоденькому южанину, охранявшему гибрид, сооруженный из «Мула», увенчанного грузовым тентованным кузовом производства неизвестной каретной мастерской из какого-то баронства, с явно недобрыми намерениями развязно подошла довольно большая шайка явно битых и тертых жизнью и войной молодцов, но о чем-то поговорив с ним, отошла чуть ли не с извинениями и поклонами. Правда, кое-какая мысль наклюнулась. В центре площадки некогда красовался трудноописуемый деревянный объект, помесь конторы, гаража и караулки стражников стоянки. Тут тоже был пожар и его тоже гасили. И погасили, довольно давно. Причем явно не заливали водой, а погасили магией, насколько теперь мог понять Дарри. Пожар, скорее всего, возник при захвате и перестрелке. В воздухе густо и жирно пахло не только сгоревшим деревом, но и горелым мясом. А несколько не сильно пострадавших от огня тел стражников в черной форме валялись изломанными куклами рядом. Обуглившиеся бревна блестели в отсвете факелов и фонарей антрацитом и напоминали своими словно сегментированными огнем боками уложенных в рядок стальных саламандр. Прогоревшие местами до дыр створки ворот были распахнуты, являя миру сгоревших и стоявших на ободах старшего и меньшего братцев — «Полевичка»^[13] и ЗИЛ, такой же, как у них, добавляя в букет запахов неперебиваемый аромат горелой резины и окалины. Дарри присмотрелся. На пожарище никто не лез — уж больно очевидно там не осталось ничего ценного. А меж тем воткнуть, может быть, чуть стесав бока, один из грузовиков между стенкой и «Полевином»

казалось возможным. Единственное, «Полевик» не дал бы вывернуть после ворот, места не хватало. Но если его оттащить чуть назад... Не долго думая, он полез в пожарище, даже не думая, что прогоревшая кровля может обрушиться. За воротами куклой, не то сидящей, не то боксирующей, лежала обгоревшая мумия, скорее всего, стражника или учетчика. Заглубившись за день Дарри переступил через нее, но потом, подумав, вышел назад. Найдя неподалеку какую-то обгорелую брезентуху, он укрыл ее руной незначительности. Не хватало ещё, чтобы патрульные удивились самостоятельно ползущей тряпке. Вернувшись на пожарище, Камень оттащил сгоревшего в щель между обожженными углями бревенчатой стены и не менее обожженным «Зилком». Мысль о том, что ему придется переехать тело, пусть и мертвое, ему не нравилась. После чего, взявшись все через ту же брезентуху за задний борт «Полевика» и укрыв руной теперь уже его, он, даже не особо поднатужившись, волоком оттащил машинешку на невращающихся ободьях вглубь сарая, попутно выгадав еще и пяток сантиметров от стены. Сняв незначительность с огарка «Полевика» и бросив брезент у него в кузове, он отправился искать машины клана.

Нашлась только одна — машина Орри. «ЗИЛ» Глоина бесследно исчез. Машину же Первого колонны не могли завести два ругающихся на чем свет стоит друзгара^[14]. И немудрено, у Кулака стоял очень хитро замаскированный размыкатель цепи. Но при столь наглом и масштабном угоне кинуть дублирующую проводку, если она есть, дело нехитрое, хотя и долгое. Именно этим друзгары и занимались. Дарри нахально стоял от них в двух шагах, никем не замечаемый, и слушал. Помимо массы бесполезной и лживой информации о сексуальной жизни предков Орри их и его родословной и проклятий гномам вообще, он узнал, что второй грузовик уже покинул Пограничный, что сделало желание сохранить именно этот «ЗИЛ» для клана просто невыносимым. Но для этого нужно было все хорошенько продумать. Во-первых, пусть друзгары продолжают ковыряться с машиной и заведут ее. Главное, чтобы рядом с ними больше никто не крутился. Но с этим, как раз, все в порядке. Почти все машины поблизости были уже угнаны или находились прямо в процессе угона. Чуть дальше была часть стоянки, набитая транспортом, очевидно, захваченным несколькими крупными отрядами. Или бандами, как угодно. Там были и грузовики, и «Копейки», и козлики. Очевидно, их перегнали с разных мест плаца стоянки в компактные островки, и уже всю охраняли патрулями.

Вот их Дарри опасался. Нет, не того, что во тьме крошечной они его разглядят. Просто он понимал, что в крупных баронских дружинах, да и сильных бандах, могут быть колдуны. Ему не обойтись без того, чтобы, помимо руны незначительности, доказавшей свою неприметность, применить что-то против друэгаров, иначе ему не увести машину у них из-под носа. Он пока еще не настолько очерствел, чтобы убить их руной ли, оружием ли, будучи скрытым пологом незначительности. Вот Гимли бы над ним посмеялся... Тем временем электрошаманство друэгаров под капотом закончилось. Судя по всему, сейчас они будут заводить ЕГО машину. Ну да, вот один закрывает крышку капота, а второй уже лезет в кабину. Ну что, что использовать? В любом случае, начало очевидно. Он накрыл машину вместе с друэгарами руной незначительности и мимолетно отметил, что это у него уже получается быстро, четко и на полном автомате. Он отмерил ровно столько Силы, сколько нужно — ни больше, ни меньше, даже не задумываясь об этом. Но что дальше? Машина завелась. Он заторопился, заметался и ляпнул в них, не скажешь иначе, первое, что пришло в голову. Почему ему пришла в голову «Руна вечной свежести», он и представить не мог. Он даже зажмурился, представляя, что сейчас будет. Но ничего не было, машина не трогалась с места. Он осторожно открыл глаза. Сидящие в кабине угонщики-друэгара не шевелились. Дарри медленно подошел, осторожно открыл дверь и тихонько влез в кабину. Друэгара превратились в безвольных кукол и никак не реагировали на него. Он отпихнул их вправо. По гладкому дермантинovому сидению с его силой это было несложно. Пристроил в держателе дробовик, чтобы не мешал. Ну, начнем, благословясь, и помоги, Первопредок, в этих начинаниях. Камень не включал фары. Руна руной, а береженого Первопредок бережет. Впрочем, гномы хорошо видят в темноте, намного лучше людей, к тому же отсветов фар других машин, фонарей да и пожаров хватало на то, чтобы тихонечко доехать до намеченного под схрон пожарища. Единственное, чего он опасался, так это того, что кто-то, не заметив, под действием руны машину, ползет к нему прямо под колеса. Но, наверное, сегодня был его день. Точнее, ночь. Милость богов была над ним, никто не полз. И вот сгоревшая контора. Все же, въезжая в ворота, он включил фары. Медленно протиснулся в щель между стеной и кремированным «Полевином», все время ожидая скрежета бортами либо по стене, либо по погорельцу. Но, видимо, тот вершок, на который он сдвинул «Полевика», позволил этого избежать. Дотянувшись до правой

дверной ручки мимо сидящих рядом истуканов, открыл дверь и с наслаждением (все же гномы с друэгарами друг друга терпеть не могут) выпихнул безвольных кукол в обличье бородатых и свирепых воинов ногами. Они мешками шмякнулись в кузов «Полевика». Затем он вылез сам. Пачкая руки сажей, навалил обгоревших досок на задний борт, прикрыл той же брезентухой, брошенной в кузове сгоревшего «Полевика» и тщательно наложил руны незначительности. Сначала на грузовик, потом на укрывающий его хлам, и затем и на сами ворота. Силы ушло довольно много, но пока терпимо. И все же, что делать с друэгарами? Да пусть так и лежат куклами, лучше и не выдумать! Оставаясь под защитой руны, он затер-замел следы колес на пепле и углях и тоже, на всякий случай, закрыл их остатки руной. Спohватившись, вернулся к машине за дробовиком. Достав «Таран», он еще раз глянул на друэгаров и обомлел. Руна на одном из них уже развеялась, а на втором стремительно истаивала. Но тот, который уже лишился руны, не шевелился. Дарри, держа дробовик наготове, приблизился. Друэгар был мертв... Второй в этот миг тоже лишился руны. И тоже оказался мертвым! Это что же, руна, совершенно безопасная на упаковке для продуктов? Он сам сотни раз залезал рукой (да что рукой — головой!) в кадки и короба с этой руной, и ни разу не ощущал ничего, кроме свежести и прохлады! И вот эта самая руна, внедренная в живые тела, убила их? Ой-ё... Нет, он не жалел друэгаров, ему с его гномьей толстокожестью и враждой между гномами и полукровками даже показалось очень смешным все произошедшее. Но он еще раз убедился в необходимости крайней осторожности со своим новым умением. Если уж знакомые руны так себя ведут... Кстати, о рунах. Друэгаров надо бы убрать. Просто на всякий случай. Ну вот он заодно и проверит, как действует руна «Омм». Хоть тут и так было пожарище, но он был очень осторожен с Силой. Вспышку не увидят за прикрытием незначительности, а вот пожар... Да и не для того он грузовик прятал, чтобы его тут же сжечь. Тела полыхнули ярким, чуть зеленоватым пламенем, взметнувшись вверх метра на два, так что он даже испугался — не займется ли вновь пожаром эта халабуда? Но нет, через полминуты огонь опал, оставив в воздухе запах хвои, перебивающий даже вонь пожарища, а в кузове полевика — две вытянутых кучки пепла. Дело сделано, нужно возвращаться. Все, что мог, он исполнил. Может быть, воспользовавшись неприметностью, попробовать пробиться к своим, в Управу? Или в форт? Впрочем, он не знал ни как пройти в форт, ни как пробраться в

него — вряд ли ему откроют ворота. Да и не знает его там никто. Решат еще, что шпион. Решено, он идет к Управе! Дарри еще раз проверил — все наложенные руны держались и не ослабевали. Ну, все, пошел. И он покинул рынок, сияя, как ребенок, которому вручили пряник. Его переполняли радость и гордость. Вот вам и одиночка! А он взял да и натянул всем нос!

Дарри шел, словно купаясь в своей невидимости, неуязвимости и могуществе. И вновь ему почти никто не попадался на дороге. Правда, выпотрошенных домов и их убитых хозяев, валяющихся в пыли, стало больше. Уже на подходе к рынку он услышал шум и женский возглас в боковой улице и осторожно заглянул туда. В свете ярко полыхающего дома он увидел, что выбежавшие из двора этого самого дома четверо мужчин чуть ли не нос к носу столкнулись с женщиной, которая старалась незаметно проскользнуть по улице мимо. Женщина вскрикнула и побежала напрямик на Дарри. Кто-то гортанно вскрикнул, повелительно и зло, и трое мужчин помчались за ней, а четвертый порысил за ними, менее спешно и как-то... начальственно, что ли. Женщина, словно напуганная курица в поисках убежища, металась от дома к дому и, наконец, юркнула в поддавшуюся ей калитку шагах в десяти от Камня. Ненамного отстав от нее, трое мужчин, добежав до этой калитки и, мешая в ее узком створе друг другу, вломились в тот же двор. Дарри, похолодев, узнал тугов. Их лица были скрыты свободными краями тюрбанов, а черные одежды казались пятнами ночи. После увиденного сегодня Камень просто не мог допустить, чтобы еще одна несчастная попала в лапы к этим тварям, и решительно повернул в переулок на помощь женщине. Он надеялся под пологом незначительности свести их численное преимущество на нет. И почти столкнулся с четвертым. А вот это был вовсе не туг. Лица его не было видно под капюшоном длинной черной рясы, поверх которой на груди поблескивал медальон из темного металла, круг с тремя направленными вниз остриями. Дарри никогда не видел Созерцающих, но даже дети знают, кто носит такие висюльки, и на что они способны. А Дарри ребенком не был. Своими вновь обретенными способностями, к тому же, чувствовал исходящую от Созерцающего Силу. Она была какая-то неправильная. Вот у Вараззы она была небольшая, почти незаметная, но очень ей подходящая, волнующаяся и злящаяся вместе с ней, просто неотъемлемая ее часть. Когда друидка набирала Силу и творила заклинания, разноцветные веселые нити Стихий, кружевной накидкой покрывающие и окружающие ее, оставались таким же ее

спутником, как и чуть травяной запах ее тела. Здесь же Силы было много, очень много, хотя это и не успело испугать непутевого гнома. Но она была какая-то неживая. С кислым привкусом ржавой тусклой железяки. Или, скорее, крови. Да, она точно пахла кровью! И ещё она была чужой и самому колдуну-Созерцающему. Безжалостно корёжа, меняла его изнутри, рвала и растягивала ему душу, как слишком тяжёлая серьга — мочку уха. Пахла... Да она сочилась свежей кровью, большой кровью! Почему-то теперь Дарри не сомневался, **что** можно будет увидеть в доме, откуда выбежали жрец-Созерцающий с тугами. Такую же кровавую звезду, как и утром.

Но, если Дарри чувствовал исходящую от жреца мощь, то и тот, невзирая на руну, скрывавшую Камня, уловил его Силу. Вряд ли он ощутил саму руну незначительности, но вот то, что Дарри машинально потянулся к Силе, почуял. А Дарри и в самом деле потянулся за ней. Он хотел испепелить кровожадного Созерцающего. Но тот, неожиданно встав, словно наткнулся на стену, быстро развел руки в стороны и запрокинул голову вверх. Капюшон свалился, явив бритый череп, тощее лицо, оскаленные зубы и злобные глаза. Созерцающий сделал резкий взмах растопыренными руками, словно подгребая что-то к себе, и Дарри едва не упал. Как будто из него вышибло дух. Нет, хуже! О, теперь он понимал, что чувствовала бедная друидка... Словно ледяные железные клещи вцепились в его нить Силы и безжалостно, с мясом и кровью начали выдирать ее. Он беззвучно раскрывал рот, не в силах ни вдохнуть, ни выдохнуть. В глазах то темнело, то взрывались радужные круги и казалось, что вот именно так и умирают. И вдруг мгновенным всплеском счастья все кончилось. Он сполз по забору, все видя и ничего не понимая. Лишь через три-четыре бесконечно сладких и глубоких вдоха, мозг стал понимать, что видят глаза.

Монах, выпучив глаза от боли и ужаса, стоял на коленях напротив него и, как минуту назад Дарри, пытался вздохнуть. Силы в нем не было. Вообще! Его амулет, небрежно сорванный, валялся в пыли. А вместо него шею туго перетягивала, не давая дышать, крепкая стальная цепочка, даже цепь, с бляхой, от которой ощутимо несло магией. Концы цепи были намотаны на левый кулак той самой женщины, которая недавно убегала от тугов. Женщины? Да это настоящий демон! Глаза на пол-лица с вертикальными зрачками светились нездешним зеленым огнем. Свирепый рот с массой острых зубов напоминал скорее пасть, а само лицо пугало и завораживало одновременно. Она была прекрасна, совершенна! И ужасающе

страшна. Низко рыкнув, она несколько раз легонько, но ощутимо для монаха, пнула его изящным сапожком под ребра и без малейшего усилия вздернула его на ноги. Тот стоял, пошатываясь безвольной куклой, потрясенный то ли тем, как легко его скрутили, то ли потерей магии. Демонесса достала одной рукой из своего рюкзака что-то звякнувшее, от чего тоже пахнуло свирепой и безжалостной магией и, щелкнув замками, сковала монаху руки за спиной. Звякнувшее и магическое напоминало наручники, но с длинной цепочкой. Конец этой цепочки был в левой руке у демона. Или женщины? Она уже не была страшна, а была просто волнительно-прекрасна. Голосом, способным растопить любое сердце, она сказала жрецу:

— Подумай, какую ты мне доставишь радость, если вздумаешь сопротивляться! — и она ощутимо стукнула по лысой голове рукоятью кнута, который держала в правой руке. Или не кнута, потому что он был раздвоен, как жало змеи, и это жало было из металлических сегментов. А еще с него капала кровь, прямо на бритую голову Созерцающего. Красавица подняла невесть откуда взявшийся небольшой мешок из темной ткани. Дарри готов был поклясться бородой Прародителя, что, когда он столкнулся с монахом, ни на земле, ни у монаха мешка не было. Изящно и ловко, как мать, наряжающая маленького сына на прогулку, она надела мешок на голову монаху. Дернув цепочку от наручников, она проворковала, но в голосе вновь отдаленным раскатом грозы пророкотал демон:

— Ну, иди, зайныка, вперед. Я тебе буду подсказывать куда, — и пнула того прямо в тощую задницу, — пока прямо, да поживей! Тебя ждут новые друзья и новые развлечения!

И она, словно дама с собачкой на прогулке, удалились по улице. Уходя, демонесса огляделась, и Камень готов был поставить все, что угодно об заклад — она глянула ему прямо в глаза и насмешливо улыбнулась. Он испуганно проверил самого себя, не исчезла ли руна, которую он сам на себя наложил. Но нет, все в порядке. Потрясенный, он встал. С первого раза не вышло. По нему словно проехал грузовик, а потом промаршировал хирд. Все было на месте, все по отдельности работало. Но вместе слушаться отказывалось, словно он был в стельку пьян. Ныло сердце, будто бы его тоже чуть не вырвали вместе с силой. Это было совсем не похоже на утро, на истощение магии, но ощущалось ничуть не лучше. Как будто ему избили душу. Наконец, шатаясь, он встал. Держась за забор, он так и шел вдоль него, все бесконечные десять шагов до калитки. Дальше

опираться было не на что и он просто навалился на воротный столб. Калитка была распахнута. Туги далеко не ушли. Их обезглавленные тела лежали не дальше двух-трех шагов от распахнутой двери. Казалось, их убили сразу, одним невероятным ударом. Еще раз порадовавшись, что ничем не заинтересовал демонессу, он почти не сомневался, что она его прекрасно видела. Дарри задумался — а бывают ли добрые демоны? Нет, он точно будто пьяный. Но все же понемногу разобранное состояние стало его покидать, и он решил оторваться от воротного столба. Кажется, голова переставала кружиться и уже можно не бояться с каждым шагом выплеснуть ее содержимое, словно золотую рыбку из аквариума. Понемногу он разошелся и шел все бодрей, пока не подумал: а куда он, собственно говоря, идет? Происшествие в переулке напрочь отбило самомнение и горделивые мысли о собственной неуязвимости и могуществе. Оглядевшись, он понял, что ноги сами несли его по последнему обдуманному маршруту — к городской Управе. Но Камень уже сомневался, стоит ли пытаться пробиться туда. Стрельба, вплоть до рокота пулеметов, шла и от форта, и от Управы, и еще из пары-тройки мест, где, как видно, засели Пришлые. Шальную пулю не смутишь руной незначительности, и обиднее всего будет, если эта пуля будет от своих. И окончательно его замысел лопнул через минуту. Впереди была широкая улица, на которую ему предстояло свернуть из переулка. Он вдруг понял, что уж с минуту как слышит странный шум оттуда. И вот этот шум стал отчетливей. Мерный топот, лязг, шум моторов... В город пришли первые части сипаев. И пройти сквозь них не было ни малейшей возможности.

***

До Вараззы он добрался не меньше, чем через три часа. Уже начинало светать. В город, который только что казался пустым, словно насыпали людей с горкой. Повсюду он натыкался на сипаев, которые пытались стать на постой. Жаркие, но короткие перестрелки обозначали места, где пытавшиеся отсидеться и ранее не найденные горожане принимали последний бой. Кое-где сцепились какие-то баронские роты с сипайскими частями и банды Гуляй-Поля с теми и другими. Может, сводили старые счеты, а может, плодили новые — кто же знает. И каждый раз приходилось застывать, таиться, искать дорогу в обход... Пока он добрался до часовенки Арру, с него сошло

семь потов. Он устал и был чуть жив. Одна радость — последствия колдовской встряски уже почти не ощущались. Правда, все еще иногда возникало ощущение, что его, как машину на ремонте у нерадивых слесарей вроде бы и разобрали, и почистили, и смазали, и собрали. Но то ли собрали немного не так, то ли остались «лишние» детали.

Друидка открыла на условный стук. Лицо ее было немного напряженным, но когда он, наконец, распустил руну и Варазза его увидела, она явно обрадовалась. И купчиха тоже. Все же, место Силы и защита Арру — это хорошо. А место Силы, защита Арру и гном с дробовиком и секирой — ещё лучше. Волдырей у Натальи уже не было. Как объяснила армирка, они как раз собирались завтракать, и желтые надутые пузыри, с одной стороны, не усиливали аппетит у Вараззы, с другой — просто лопнули бы, попытайся Наталья двигать челюстями. Вот и пришлось их на время снять. «На время!» — строго повторила друидка, глядя на купчиху. А затем спросила Дарри, будет ли тот завтракать с ними. Слова про завтрак как-то встряхнули гнома и пробудили к жизни. Но прежде, чем ответить, он земно поклонился Вараззе и попросил прощения. Она вопросительно вздела бровь, и он ответил:

— Порядок бьет класс. И одиночка ничто, когда происходит такое. Я сделал то, что собирался, но только чудом остался жив. Ты была права, а я вел себя, как глупый подросток, — и закончил изящно, как и положено гному, — а теперь давайте завтракать!

— А ты не безнадёжен, — хмыкнула Варазза, — пожалуй, я тебя и правда покормлю.

А потом Наталья, уже вновь в виде страждущей от болотной лихорадки, спустилась в каморку в подвале. Но, поскольку спать больше не могла, была пунцовой, когда через два часа вновь поднялась наверх. Потому что диванчик развалился окончательно.

***

Минометы начали блямкать прямо во время их завтрака. Звук был, как будто пробка вылетает из бутылки шампанского. Впрочем, как и все гномы, Дарри шампанского не любил. Сипаи лупили по форту, одна батарея была неподалеку. Поначалу все они опасались ответной стрельбы Пришлых, но потом стало ясно, что форт не отвечает, опасаясь вслепую накрошить гражданских. Очевидно,

военные помнили историю Гуляй-Поля. Постепенно чпокание минометов стало настолько привычным, что они перестали его замечать.

За день к ним приходили трижды, и у Вараззы закончились алхимические исцеляющие зелья. Нет, от ядов еще были, но от ран, декокты малого исцеления — смели подчистую. В третий раз это была какая-то банда гуляй-польцев или ее часть — человек пять, и Пришлых, и аборигенов. Их вожак, сухой, невысокий, пружинистый, как рессора, стал было спорить с ценой, пока его помощники, нордлинг, болотник и южанин, не зашептали ему на ухо. Но, видно, ему претило уходить не победителем, и тогда он прицепился к Дарри, изображавшему охранника. От жилистого веяло угрозой и опасностью и до этого, видимо, это был его нормальный фон, ну а теперь эту опасность можно было просто резать ножом.

— Прости, не могу сказать «Мил-человек», а ты-то чьих будешь? Вот в нас, например, в «Водаре» гномы палили, и у меня от их рук бойцы погибли. И вот эти самые эликсиры мы берем для раненых как раз этими самыми гномами. Намекни, кто за тебя слово сказать может? Уж не от тех ли самых ты гномов отбил, например?

Гуляй-польские, поскучнев лицами, словно по команде и не сговариваясь, раздвинулись так, чтобы не перекрывать друг другу линию огня, а руки поползли к оружию.

Дарри, демонстративно скрестив руки на груди, подальше от оружия, памятуя о давешних друэгарах, начал сплетать руны вечной свежести, но вдруг его словно осенило. Он вдруг вспомнил вопрос бандитского вида нордлинга в очереди на переправе и спокойно, даже с нахальной ленцой, ответил:

— А ты спроси у Коротышки-за-рекой. Квирре, если захочет, тебе ответит. Самого-то тебя, уважаемый, как звать-величать?

Пружинистый, как это ни странно, успокоился. И, словно волчья стая, которая чует настроение вожака, успокоились и слегка расслабились его люди.

— А, так ты из этих... И чего тут Коротышке понадобилось? Он же свою часть дела выполнил, чего тут тебя морозить?

— А самому подумать? Чего тут сейчас в избытке будет? А раз в избытке, то можно сейчас дешево купить, а потом дорого продать...

Ответ был на грани нахальства, но главарь даже развеселился:

— Ай, гномы, ай, жуки! Два раза на одном железе навариться — это уметь надо. Ну Квирре, ну, молодец, с дерьма сметанку снять! И ты тоже, хоть молодой, да не бздотный. Душок есть, да. Заходи к нам

через пару дней, что-то уже предложить сможем. Наши машины табором на рынке стоят, спросишь, где Коля Пружина — легко найдешь. Сразу говорю — на пулеметы губу можете не раскатывать. И совет дам. Прими слово без обиды. Пару дней не отсвечивай, посиди тут. Уронят впопыхах.

— Ну а я что делаю? Концерты на пианино вроде бы на главной площади не даю, тут сижу, хозяйку берегу. Правда, как видишь, и это не спасает.

— Вот что, дам я тебе что-то вроде грамоты охранной. Хозяйка, есть фанерка какая и кисть с краской?

— Как не быть, — степенно ответила армирка. Выйдя за занавеску, она принесла запрошенное.

Пружина в несколько взмахов набросал несколько символов: вверху пятиконечная звезда, под ней горизонтальная луна лодочкой, еще ниже — размашистые буквы Пришлых, насколько знал Дарри, «Р» и «Т».

— Я под Ринатом-Татарином хожу, и мы тут свои места гнездования так метим. Никто не вякнет, увидишь. Ну, бывай, малый. Как тебя звать-погонять?

— Дарри. Дарри-Камень. Слесарь и ученик работе по камню.

— Род не спрашиваю, — понимающе хмыкнул Коля и, повернувшись к дверям, сказал своим, — уходим, братва!

— Погоди! Поинтересоваться хочу. А из какого рода те гномы были, про которых ты говорил?

— Понимаю, гномьи ваши дела и все такое. Да только откуда ж мне знать? Вот ты тоже вопрос спросил!

— Ну там, может татуировку родовую на ком из убитых обнаружили?

Пружина посмурнел, поиграл желваком на щеке, затем сердито буркнул:

— Не стану врать, ушли они. Там с ними один человек оказался ну просто очень шустрый. При других раскладах я был бы рад его у себя видеть, а теперь рад бы увидеть его в петле. Все, не зли меня! Тема закрыта. Пошли, мужчины!

Дарри выдохнул только тогда, когда они шумно вывалились из лавки. Он, наконец, отпустил силу. Чтобы занять себя, он взял изрисованную Пружиной фанерку, вышел и пристроил на дверь, за медной оковкой. Попутно он на всякий случай, в который уже раз за сутки, использовал руну незначительности, наложив ее на «Дракона благости». Сам дракон на вывеске, неправдоподобный и смешной,

кажется, одобрительно на него взирал. Вернувшись в лавку, он наткнулся на вопрошающий взгляд армирки. Она помялась, но все же не утерпела и спросила:

— Объясни, что тут произошло? Я уже боялась, что ты сейчас с ними схлестнешься...

— Да все просто. Когда мы стояли в очереди на паром, к нам подошел один... из этих, с платками, как теперь ясно. Он принял нас за других и спрашивал Квирре, Коротышку-за-рекой, как главного. Ну, а я запомнил. Случается, гномов изгоняют из рода. Не спрашивай почему. Разные бывают случаи. Бывает, изгнанники не находят прямого пути. Но все же гном не станет ни разбойником, ни убийцей. Чаще всего, если гном ступает на кривую дорожку, он становится контрабандистом и почти всегда занимается контрабандой оружия. И очень логично было прикинуться, что я из этой банды. Ну, а что делать мне, если я контрабандист оружия, в таком месте? До бунта — поставить оружие в тайники, после — скупать по дешевке.

— Но тебя же могут раскрыть? Ведь наверняка в Пограничном есть и настоящие гномы-контрабандисты.

— Не сомневаюсь. Но все же, думаю, все будет хорошо. Самое главное — кажется, наши живы. Ну, по крайней мере, ушли из «Водара Великого» живыми! Знать бы, что с ними сейчас? Их обязательно нужно будет всех найти! Иначе род не поймет!

***

Грязный, весь в пороховой копоти, вьевшейся в поры, с бородой и шевелюрой проволочной твердости от осыпающейся с потолка известки, старый Гимли сдал пост наблюдения сменившему его пограничнику с некогда зелеными, а теперь пыльно-зелеными петлицами. Он доковылял до бака с водой и жадно напился. Управа держалась. Сводчатые потолки выдерживали попадания минометов, уже почти разобравших сруб сверху подвала. Погибших было сравнительно немного. Но они были. В основном, от снайперов, пристрелявших амбразуры. Правда, и егеря их изрядно пощипали. Две пары снайперов из Пришлых с отчаянной храбростью выбирались в разгромленный почти дотла сруб, долго подлавливали цель — только снайперов, пулеметчиков и командиров бунтовщиков — делали один выстрел и исчезали в подвале. Пока ни одного из них не достали ни пули, ни осколки. Торира ранило в руку, нехорошо так

ранило. Не будь тут целителя, лекаря Далера, быть ему без руки. А вот бедняга Глоин погиб. Вражеский снайпер вбил свинцовую фасолину ему прямо в переносицу, и теперь он лежал в той части ледника, где в ожидании освобождения и достойного погребения мерзли на переложенных соломой брусках льда их погибшие, включая и тех, кого они привезли на ушатанной, а ныне окончательно раздолбленной «Копейке». Ее пулемет здорово усилил гарнизон, но патронов осталось — слезы. Как и усилил Пришлый — Воронов. Он как раз и был одним из той четверки снайперов. Гимли он нравился все больше. Неторопливый, спокойный, как все снайперы, он своей неспешной расчетливостью пришелся по сердцу старому гному. И методичностью. Сейчас он сидел, привалившись к стене неподалеку от бака, и неспешно ковырялся ложкой в банке гречки с тушенкой, похрустывая сухарем. Гимли пристроился рядом и, конопатый даже сквозь пыль, Сергей протянул ему еще одну банку со стопкой сухарей. Каша была теплой, банка — вскрытой. Гимли не стал чиниться, достал ложку и так же неторопливо, как Воронов, занялся едой. Очередной раз победив в споре «что крепче, сухарь или зубы гнома?», он задал вопрос, который его давно томил:

— Вот скажи мне, Воронов, с чего тут все так завертелось, во-первых, и как вы все проспали во-вторых? И самое главное — про сипаев ты знаешь. Так видится, что все против вас, даже часть ваших же, гуляй-польских Пришлых. Все вас считают занозой в заднице, всем вы мешаете. И всех много больше вас. И денег у них больше, и колдунов. А сейчас и оружия вашего у всех навалом. Короче, все общество Разумных против вас. И, кажется, на этот раз вас снесут в труху. А ты сидишь, спокойно жрешь кашу и уверен, что ваше дело правое. Так, кажется, ты сказал? И ещё, кажется, не сомневаешься в победе. Хотя и сидишь, и жрешь кашу не просто так, а в подвале. Враги хозяйничают в твоём городе, как у себя в амбаре, и лупят по нам из минометов. И еще, как лазутчики ваши же донесли, связи нет, и никто не придет помочь. Но ты говоришь: «Наше дело правое, враг будет разбит!» Как так-то?

— Ну давай по-порядку, — спокойно, даже улыбаясь, сказал Воронов и облизал ложку.

— Давай! Я гном, я люблю по-порядку.

— С чего всё завертелось? Стоит за этим кто-то умный, сильно умный. И готовили все загодя. Всех в кучу собрали, всё спланировали. Сначала эльфов натравили, а как война с ними всюю разгорелась, в спину жахнули. Да не просто, а тоже по-умному.

Сначала погранцов и гарнизон раздергали — банда в одном месте, налет в другом... Затащили загодя в город в тайники оружия, просочились под видом охраны баронцы всякие, банды, наемники гуляйпольские (а это деньги, между прочим, и не маленькие). Нордлинги, харазцы, орки. Сипаев взбунтовали, причем так, чтобы по времени все чики-пики было. И даже натащили колдунов с дружинами баронскими. Да ладно колдунов. Созерцающих, и тех припрягли. Не знаю уж, что этим-то обещано было. Их по всей Великой вешают да в масле жарят. А тут поди ж ты, нарисовались, хрен сотрешь. Внезапности добились, подавляющего преимущества, как с численностью, так и с огневой и колдовской мощью. Связь колдовством заткнули. Так вот все и завертелось.

— Ну и куда ваша контрразведка смотрела? Ить взяли ж вас со спущенными штанами! Сторожевики профукали, кордегардию подорвали!

— Теперь твое «во-вторых». Со штанами это ты сильно сказал. Только не совсем верно. Максимум — с мотней расстегнутой, когда струю пускали. Сторожевики пролюбили военно-морским способом, это точно. Расслабились. Разгильдяи! И капитанам, да и командиру рейда, если их не убили при захвате, лучше героически погибнуть. Потому что за такое понятно что случается. Суд скорый, строгий и стенка расстрельная. Сторожевики, успевай они отвалить от пирса, сильно бы жизнь нам украсили. И супостата погладили бы, и весточку до своих добросили. Но! Погранцы не проспали. Многие выкрутились. Те же лазутчики говорят, что «Копейка» с поста, парная той, на которой мы прорвались сюда, утекла за подмогой. Они сразу сообразили, и одна ломанула в город на усиление, а вторая за помощью. Дадут боги, пробьются. Нет, так то же самое и другие посты сделали. Сам же слышал, — и он кивнул головой на сменившего Гимли пограничника-наблюдателя. — Дальше поехали. Созерцающие должны были защиту с форта, да и с нас тоже, снять и стены пробить. Для чего артефакты привезли и жертвы приносили, паскудники. И где они? А нету! Всех семерых в ноль сточили, мразоту лысую.

Это было правдой. Подвалы банка и Управы соединялись. Каменное здание банка нерушимой крепостью прикрывало Управу, а Управа — банк. Но самое главное, из банка вели в тайные места не менее тайные ходы. И Управляющим Пограничным отделением Тверского банка был не счетовод какой-то, а хорошо и много в свое время повоевавший отставной офицер. Так

что банковские влились в систему обороны легко и непринужденно. Ну и, поскольку охранники были почти сплошь из недавно вышедших в отставку егерей, то, не выдавая банковской тайны, еще и взяли на себя разведку. Два раза они за эти сутки выбирались наружу. И не зря. Во второй раз притащили сильно помятого, но почти целого баронского оруженосца, который и рассказал много занятного.

— Пленного, опять же, при тебе допрашивали. Сначала их вершушку покрошил кто-то из наших в «Водаре», и план затрещал в виду безвременной кончины командования, как военного, так и магического. Вместо того, чтобы ворваться в форт и закончить дело, начался грабеж. Еще и половину нейтральных к ним местных против себя настроили. Пока еще нашли оставшихся колдунов да барона, способного покомандовать этой стаей... И, едва собрали, как тут же снайпер очередного лысого убаяюкал. А потом, вместо того, чтобы сидеть поджав хвост, наши вылазку сделали против превосходящих сил, и накрошили еще двух этих уродов вместе со всей охраной. А последний так зашхерился, что его никто найти не может. Правда, его охрану нашли. Она голову потеряла. Напрочь. И что, сильно им помогло, что все разумные против нас? Да и неохота мне быть с теми разумными, которые тугов привечают и с Созерцающими милуются. Для полноты картины только вампиров не хватает в компанию.

Теперь про наше дело правое. Это не я сказал. Мы ведь в школе учим историю и до Воссияния Звезды [\[15\]](#). Мы мирные люди и не трогаем никого. Если нас не трогают. И терпеливые. Но вот смотри — те же эльфы. Это у них уже вид спорта такой, раз в пятьдесят лет собраться и идти к нам получать по морде. Так вот к чему я про историю. Если ты заметил, все Пришлые говорят на русском. Потому что нас закинуло при Воссиянии в новый мир из одной страны, России. Но там, что интересно, была та же самая картина. Много стран с разными языками, народами, намного богаче нас, России. Вместо колдовства, как ты знаешь, у нас были технология и наука. Так вот у этих стран всегда было превосходство — и в людях, и в деньгах, и в технологии. Но раз в пятьдесят-сто лет, забыв прошлое, эти страны собирались все вместе и перли к нам, в Россию. Чтобы очередной раз сначала почти задавить нас, а потом огрести по щам, недоумевая — что же они не учли в этот раз? И эти слова во время последнего до Воссияния нашествия на Россию, самого страшного из всех, сказал, обращаясь к народу, тогдашний руководитель страны. Так что я просто их вспомнил. К месту, как мне кажется. Потому что

не сомневаюсь — мы победим.

Гимли мелко затрясся, издавая кашляющие звуки, плечи его ходили ходуном. Сергей решил, что он подавился крошкой, но все было проще. Гном хохотал. Хохотал, пока не потекли слезы из его голубых ярких глаз, прорезая кривые дорожки на пыльных и чумазных щеках.

— Ой, умру... Скажи, ты часом не знаешь, та ваша страна, Россия — она, случайно, не была самой большой среди всех соседних?

— По площади — да, по богатствам и населению нет.

— И после каждой войны становилась еще больше?

— В общем да. Но ведь не мы те войны начинали! Ну вот сейчас что, мы на эльфов напали? Или Пограничный накинулся на кого-то?

Гном просто зашёлся от хохота. Он кудахтал, рыдал, махал руками, пока не сполз на грязный пол.

— Все. Конец баронству Виращкому. И в вашей победе теперь точно не сомневаюсь, — простонал он, наконец кое-как усевшись. Отдышавшись, он сказал наконец:

— Когда Пришлые провалились сюда, вас было с гулькин нос, а земли у вас — ваши пять городов, да несколько сел вокруг них. И не вздумай спорить со мной, я третью сотню лет разменял и помню мир еще без вас, Пришлых. А сейчас что? По землям пять княжеств ваших как бы не поболее всех других населенных земель. Все же, что ты, Серега, ни говори, но вы, Пришлые, наш мир перевернули. Хоть и немного вас, дай боги, чтобы по одному Пришлому на сто разумных местных, а то и на тысячу, а все тут испортили, потому что никого не спросясь, переделали весь наш мир под себя.

— Это почему это?

— Раньше каждый из народов имел свой мир, где царили только его законы, и никто туда не мог сунуться. Ну, кроме людей разве что. У тех и мира своего не было — так, мирки отдельные. Но это скорее исключение. Да их, кроме колдунов и самых сильных владык, никто и в расчет не брал. Чем они другим народам могли помешать жить? Ни умений, ни богатства... Вот и не обращали на них внимания. У нас, гномов, всегда были наши пещеры. Считай, неприступные. К тому же, кроме нас под землей толком никто и воевать не мог. Воевали мы и наверху. И с орками, и с ушастыми, и всегда могли отступить к себе. И нас в наших пещерах было не достать. А на людишек и не смотрели — куда им против нас воевать-то было? У

эльфов каждая их Пуца — это чистая магия Леса. Любого, кроме эльфа ушастого, погубит, закрутит, уронит в пропасть. Сама себя лечит, сама себя кормит. И людей ушастые вовсе как зверушек воспринимали. Хотя нет, о зверушках они заботились, а людей убивали только. Ради развлечения. И сжечь пуцу было нельзя, она любой огонь гасила... пока вы с напалмом не заявились. И тут воссияло, и вы эльфам мир перевернули с ног на голову! Ведь кто мог представить, что люди эльфову пуцу сожгут в отместку за казнь послов. Ну, подумаешь, высокородные пошутили — с живых людишек кожу спустили. А людишки им за это возьми и спали пуцу. Вместе с ними самими. И все почувствовали себя уязвимыми. Кстати, от этого все старые расы, кроме нас, гномов, нервничают и могут дел натворить. И после каждого наезда, каждой войны, земли, богатства и людей у вас все больше. И ведь что смешно — князья ваши от жадности лопаются, и не любите вы их сами. И для любого Пришлого надуть свою власть — просто самое милое дело. Вот этого мы, гномы, не поймём никогда! Такое чувство, что вы и власть ваша — два разных, очень даже враждебных народа. Но, стоит из-за алчности ваших князей на вас кому войной пойти... Не завидую я им, короче. Правда, потом всегда почему-то так выходит, что вы вот мирные, на вас все напасть норовят и обидеть. Но огребают, как ты говоришь, по щам. И вот диво — земель своих лишаются! Но вы миролюбивые, что ты! Я так думаю, когда окрестные бароны, или там эльфы, или еще кто про ваше миролюбие слышат, так вздрагивают и боятся в коленях. Потому что знают, кому-то после этого не быть. И не вам. Все ваши правила жизни можно в одну фразу сложить: «Я же говорил, что не брал? Значит, не отдам!» Что, не так? Все верно?

— Ну, примерно,— вынужден был подтвердить Воронов.

— Ага. Примерно,— громогласно заржал гном. — Это у жеребца примерно до земли, а тут все точно! Но я вас вовсе не виню, а очень даже одобряю. И вообще даже не я, а все гномы. Что и видно из того, где мы. С тобой в подземелье, а не против тебя — на улице. Я к чему это — правильно все вы делаете! Нельзя тому, кто вот-вот приберет весь мир к рукам, или может прибрать, попадать хоть в какую-то зависимость от других. Слушать их бубнеж, как правильно жить, и петь всяким там мэллорнам, как это распрекрасно, когда мужики в задницу любят. Тьфу, прости меня прародитель... Мы, гномы, миром не правили, не правим и не будем править. Нас под землю все тянет, а остальных — наверх. Но даже нас эти хитрозадые кролики ушастые пытаются учить, как надо жить. И все у них с тройным

дном. Интриги по сто, по двести лет тянутся! Вот вроде, все начиналось еще при твоём деле, и неясно зачем. Ан при тебе наружу выбралось — а вот лощинку, где главный выход из пещеры Общины, себе прибрать, пошлинами за провоз обложить и на себя заставить работать даром. Ну, почти даром. И не дернешься никуда — все дороги у них под приглядом, а Община должна им со времён войны с орками. А все живые золотые кругляши в их займы кинуты, потому как выгодно это. И все, пищи не пищи... А тут вы. Нам вы не помеха, а мы — вам. И, значит, можем с вами дружить и торговать. А с другими так у вас не выйдет.

— Ну вот, видишь. Сам все и сказал. Те же эльфы и вам мешают, торговлю портят, маршруты блокируют. Не вижу поводов для расстройств.

— А нет поводов,— снова заржал Гимли,— Мне-то чего? Вы еще и гномьих врагов разогнали, если до кучи брать. О том и говорю, что кроме нашего гномьего племени, вы для всех остальных беда. Их счастье, что мало вас пока. Вот только поэтому мы пока в подвале и отстреливаемся. А вот почему ваши самолеты не взлетят и не накрошат супостатов в мелкую расфигачку — я понять не могу!

— Не так все просто... Взлетку легко обстрелять, а самолет на взлете беспомощен. Думаю, в форте это понимают и что-то затеяли.

— Ну-ну... А только так скажу — без самолетов ваших наше дело печально!

И все же Гимли со здоровым гномьим упрямством верил в то, что уже скоро их осада завершится. И завершится победой. А вот потом нужно будет искать своих. Он надеялся на то, что остальные живы. Хотя именно надеялся, а не был уверен. Особенно его беспокоила судьба сопляка Дарри. Надо обязательно будет дожидаться или отыскать всех своих. И живых, и, избави Прародитель, мертвых. Негоже их в неизвестности оставлять. Род не поймет.

***

В эту самую минуту старейшина Рарри с Александром Волковым, тем самым шустрым Пришлым, про которого говорил Пружина, обсуждали придуманный этим самым Пришлым план по их эвакуации из форта в частности, и из Пограничного вообще. Все гномы, слава Истаре, были целы и невредимы. План был целиком завязан на взлет спешно ремонтируемого сейчас в ангаре самолета.

Да не просто самолета, а летающего форта. В случае успеха, это был бы переход в наступление на захватчиков. Потому что «Громовержец»^[16] должен был не просто прорвать блокаду, но и помножить на ноль огневое преимущество врага. И прорыв Волкова должен был помочь взлёту. Так что дело предстояло тяжелое и опасное.

— Все пойдем? — спросил Орри-Кулак.

— Не все, — мотнул круглой башкой в шлеме Рарри. — Ты пойдешь. Ты водила. Поможешь, случись чего, и тебе отчитаться надо за утраченную машину. И он пойдет.

Короткий толстый палец гнома уперся в кольчужное плечо Балина, которого Пришлый звал «Балин-с-салфеткой», потому что тот воевал в «Водаре» с заткнутой за воротник салфеткой. Затем Рарри сказал, обращаясь к Пришлому:

— Он механик, так что польза будет. А мы вдвоём здесь останемся — наших дожидаться или искать. Тех, что в городе застряли. Нам в безвестности их оставлять не годится. Род не поймёт.

Вообще гномы спаслись и попали из «Водара Великого» в форт благодаря двум Пришлым, Волкову и его давнему знакомцу и в прошлом сослуживцу, старшему унтер-офицеру Николаю Полухину^[17]. Полухин давно уже служил в Пограничном и занимал не самый маленький пост в его гарнизоне. Он пустил тут корни, женился на маранийке. Кроме этого, Полухин стал хозяином лавки, завел торговлю. Дело насквозь полезное и с точки зрения гнома — правильное. Стоило бы поговорить с ним о будущем, о возможной торговле. Но это позже. Сейчас гораздо важнее, что он знает все ходы и выходы, и с ним надо посоветоваться, где и как искать родичей.

***

Камень уже валился с ног. И не спал давно, и просто устал. Дарри не рассказал Вараззе ни о том, что случилось на стоянке, ни о столкновении с Созерцающим, ни о женщине-демонe. Он даже не рассказал обо всех своих открытиях и возможностях, открывшихся для него в рунах, изучении амулетов и магии. Гном уже засыпал на ходу, но тут вспомнил кое-что.

— Варазза, помнишь, ты мне рассказала, как тебя поймали туги? — заметив, как она помрачнела, он добавил, — прости, что напомнил об этом. Ну, помнишь, ты сказала, что на тебя надели «Внутренний

щит». А где он теперь?

— Здесь. Я унесла оттуда все, что связано с магией — ошейники с жезлами, «Внутренний щит»... Там было еще несколько амулетов, один защитный и несколько связных. Но я не смогу их активировать.

Дарри испытал разочарование. Можно было бы и самому поковыряться в амулетах, но... Он вспомнил про обгоревший стул, про «свежих» друзгаров и подумал, что со слипающимися глазами он тут может наворотить таких дел... И, плюнув на все, стянул кольчугу, снял ремень, обвешанный оружием, сапоги и улегся на руины диванчика. Через секунду он уже храпел, громко и раскатисто, как могут только гномы. И даже не заметил, как армирка заботливо укрыла его лоскутным одеялом, а потом, подумав, скользнула к нему под бочок и, не взирая на трубный храп, тоже заснула. Потому что, как он не сказал ей всего о своей ночи, так и она ему не сказала, что не сомкнула глаз до самого его возвращения, болезненно вслушиваясь в рокот пулеметных очередей и трескотню винтовок. Несколько раз из подвала выбиралась Наталья, смотрела на них... Один раз, вспомнив сестру, разрыдалась и убежала вниз — поплакать. Больше ничего в их жизни в этот день не произошло.

***

А утром они проснулись от того, что исполнилась мечта Дарри — взлетел самолет. Точнее, сам взлет они проспали, невзирая на бешеную канонаду, ему предшествовавшую. Форт гвоздил из всего, чего мог: винтовок, пулеметов, обычных и крупнокалиберных. Варацца проснулась только тогда, когда забухали гаубицы, и начала расталкивать Дарри. Из погреба выскочила с перепуганным лицом Наталья. Дарри мычал и просыпаться отказывался. Но когда, ревя моторами, взлетел самолет, он, очумело хлопая глазами, подскочил на постели. Шлепая босыми ногами рванул к двери, распахнул ее и устоялся в небо. На рыночной площади творился если не кромешный ад, то его генеральная репетиция. Вся площадь была заставлена грузовиками, как мнимых купцов, так и купцов настоящих, крестьянскими телегами, завалена кучами разнообразного добра, явно награбленного в Пограничном. Повсюду метались бандиты и сипай, пытавшиеся из винтовок подстрелить самолет. Повалив забор, на площадь, чуть не задавив нескольких мародеров, выскочил броневи́к «Гладиатор» и, сбавив ход, поехал в объезд всей

этой мятущейся толпы по большому кругу. Дарри было плевать на это. Зачарованно он смотрел вслед самолету, закладывавшему глубокий вираж. «Громовержец», — восторженно, почти молитвенно, прошептал он. Дарри видел самолеты только на картинках, бредил ими и знал их все. А у самолета на наклоненном борту засверкали-заплясали сразу четыре огонька, прокинувшие сверкающие трассы куда-то за рынок. И через пару секунд там рвануло, громко и внушительно. Медленно и величественно, в клубах черного дыма, в воздух взлетел сарай, разваливаясь на куски. Судя по всему, накрыло минометную батарею и штабель боеприпасов при ней. Давешний броневилок добавил жару, хлестанув по толпе из своей спарки. Дарри опомнился, представив, что сейчас будет. Захлопнув дверь, он заложил ее брусом. Крикнул растерявшимся женщинам: «В погреб, бегом!» И, сгребая в охапку все свое барахлишко, кинулся за ними. Едва они спустились, как сумасшедшим дятлом по стене простучала очередь. Стекло, героически пережившее все эти дни на своем месте в маленьком подслеповатом окошке, с жалобным звоном разлетелось вдребезги. Они сидели на кровати в каморке Натальи, и он успокаивал обеих женщин. Пару раз кто-то дергал дверь. Пули продолжали стучать в стены сруба. Выходить сейчас было бы безумием. Наконец, выждав полчаса, Дарри, строго шикнув дамам, чтобы не вздумали лезть за ним, натянул сапоги, чтобы не бродить босиком по битому стеклу. Вопреки ожиданию, лавка была почти цела. Разбиты стекла в окошке. На стене напротив залетевшие в окно пули размочалили несколько шкафчиков. По большей части они были пусты. Варазза и Наталья, еще дожидаясь его возвращения из города, самые ценные декокты спустили в погреб, да и потом многое раскупили. Гном осторожно, не подходя к окну, выглянул на улицу. А вот про то, что творилось на рынке, сказать «Почти цело» было никак нельзя. Можно было сказать «Разгром». Кучи барахла, разметанные толпой и пулеметными очередями. Измочаленные ряды, разбитые машины и телеги. И трупы. Много трупов. Живых не было видно, народ с рынка разбежался. Но через некоторое время появились самые дерзкие и алчные — спасти свое, пощипать чужое. Но «час мародера» был недолог. Заслышав в небе вой моторов, все смелые и жадные кинулись наутек. «Громовержец», пополнив боезапас и заправившись, вернулся с запасного аэродрома. И не один. Над городом теперь ревели двигатели трех винтокрылых машин. Если бы авиаторы не совершили этой ошибки, а устроили «карусель» (когда на смену улетающему тут же становился бы следующий борт),

мятежников, возможно, положили бы всех. Со следующего вылета так и случилось, но три часа осаждающим подарили.

Первыми смекнули что к чему гуляйпольские. И ломанулись на оставшихся у них машинах к парому, чтобы уйти в Вирац. К концу второго рейса паром дошло уже до всех. К тому же пошёл слух, что к Пограничному идет чуть ли не вся тверская армия, разгромившая эльфов. Паром, перевозивший две машины за раз, едва не утопили, да он и не успел бы перевезти всех за три часа. И свары за очередь почти мгновенно перешли в очереди пулеметные. Затем стали делить корабли и баржи, пытаясь, иногда успешно, их завести и удрать. К тому моменту, как «Громовержцы» закрутили карусель, счастливых, успевших переправиться, было немного. Самолеты аккуратно притопили паром у пристани; корабли, корабрики и баржи тоже далеко не ушли. Пока с неба сыпалась кара небесная на большие посудины, в Вирац, кидая все, бежали уже не то что на лодках — на брёвнах. Все понимали, что ночью самолёт не опасен. Но плыть на лодочке в Час нечисти? Дураков не было. Добавила бодрости и «война в войне». Почему именно сейчас вспыхнула жаркая грызня между некоторыми баронскими ротами, сипаями и гуляйпольскими бандами — сказать трудно. Но были даже такие, что играли в войну «все против всех» даже под огнем с неба. Некоторые, отчаявшись, уходили в Тверское княжество — крупными отрядами, как сипай, и мелкими бандами — как баронские роты и окончательно растерявшиеся гуляйпольцы. Но в целом, уже все было предельно ясно. В последующие дни агрессоры не отступали, а драпали. Крупные банды молотили с неба те же «Громовержцы», на бежавших в лес наводили подоспевших егерей. Наплевав на границу с Вирацем, один из самолетов перемахнул через реку и накрошил бандитов на дорогах баронства. Ошибка навигации, ага... Но все это случится чуть позже. Пока же заполошная пальба разборок между налетчиками сменилась методичной и громкой работы авиакарусели.

Всего этого Дарри не видел, но слышал. Когда основная стрельба окончательно сместилась из города (в том числе и на вирацкий берег), он не утерпел. Наказав женщинам не высовывать носа из лавки и никому, кроме него или военных из форта не открывать, он клятвенно пообещал вернуться живым и невредимым. В который уже раз, окутавшись серебристым облачком незначительности, Камень поспешил на рыночную площадь еще раз глянуть на полный разгром в самих торговых рядах. Обернувшись на лавку Варразы, он присвистнул. Ее словно пытались пожрать гигантские

древоточцы. Следов попадания в стены было презрительно, а крышу так и вовсе придется перекрывать. Но, в целом, лавка уцелела. Часовне досталось больше.

Город уже начали прочесывать военные. Пока еще не патрули, а несколько мангрупп на «Горгульях», страхуя друг друга, первым делом пробились по разгрому и развалу базара к Управе. В городе еще постреливали — оборонявшиеся Пришлые, засевшие не только в Управе, но и еще в нескольких укрепленных зданиях, вышли и начали зачищать деморализованных налетчиков. Пленных поначалу не брали вовсе. Из Управы, разбаррикадовав заваленные выходы, навстречу «Горгульям» выбрался сводный гарнизон. Кто-то из мангруппы, увидев двух гномов, спросил, знают ли они такого чертовски важного и героического гнома, как Рарри. Получив утвердительный ответ, по рации связались с фортом, и уже через двадцать минут на «Полевике» в сопровождении Полухина и его жены-маранийки, которые сочли себя обязанными сопровождать своих, как ни крути, спасителей, подкатили Рарри и Балин. Каждая из компаний гномов, увидев в другой только двоих родичей, опечалилась. Однако недоразумение быстро рассеялось. Получалось, что погиб только один из их рода, бедолага Глоин. А вот судьба молодого Дарри была темна. До того момента, пока погромыхивая на кочках пустым кузовом, к управе не подкатил «ЗИЛ». Рарри не мог ошибиться — это была машина Орри-Кулака. И из кабины выскочил сам хозяин темной судьбы. После чего без должного почтения и даже весьма нахально спросил, не его ли они ищут. Гимли расчувствовался и смахнул с морщинистой щеки слезу. А потом предложил молодому наглецу подойти, чтобы он мог как следует надрать ему уши. Дарри гордо подбоченился и сказал:

— Думаю, что не подойду. Почтенный старейшина Рарри, должен вам сказать, что кое-что произошло. Судя по всему, в нашем роду появился Рунотворец. И этот Рунотворец — я! Так что вынужден требовать должного уважения!

После чего, не удержавшись, сотворил сначала светящийся шар, затем накрыл незначительностью себя, потом, сняв ее с себя, скрыл грузовик.

И Рарри, и Гимли выглядели рыбами, брошенными на берегу — разевали рты и хлопали глазами. Наконец Гимли, тихо, но витиевато выругавшись, еще тише сказал старейшине:

— Ну вот куда такому сопляку несмышленому такой груз? Ведь зазнается же... Ох и хлебнем мы еще с ним! Даже не знаю,

радоваться такому счастью или огорчаться такому горю. Его еще обламывать и обламывать, обтачивать и обтачивать. Мальчишка.

Рарри, пожевав губами, пошевелил мохнатыми бровями, затем улыбнулся и сказал, не менее тихо:

— Думаю, не так все страшно. Знаешь, у Пришлых есть такая игра — «Камень, ножницы, бумага». Он, конечно, Камень, но то, что ты предлагаешь — ножницы. А они об камень затупятся и сломаются. Тут нужна бумага, обернуть его.

— И кто или что может стать такой бумагой?

— А подумай. Помнишь анекдот: «Папа, что такое счастье? Женишься, сынок, поймешь. Но будет поздно». Что бумага для мужчины-камня? Да жена, старина, жена!

— Да ему же еще до большой жизни десять лет!

— А тем лучше! Значит, успеем найти такую, что мягкой ручкой возьмет и жестко взнуздает.

И, закончив свое тихое совещание, два почтенных гнома умильно улыбнулись молодому нахалу.

© Александр Бельский, 2018

Николай Шпыркович

УБИТЬ ВИЛЛИ

12.13, бухта

... Спешить не надо. Спешить вообще никогда не надо. Ну, разве что при реанимации, да и то: «...оголтело бегать и кричать: «...все погибло, все пропало, мы его теряем!!!» — это дурной тон. Надо работать быстро, но без спешки. Четко отдавать приказы, следить за их выполнением. Желательно, чтобы вообще во время реанимации кто-нибудь стоял рядом и руководил всем...» — Так, помнится, говорил тот смешной лысоватый доктор в самолете на пути сюда. Они тогда познакомились, потому что сидели рядом. Доктор летел на отдых. В первый раз, как он говорил. Ну, наверное, он все до того уже объездил. Реаниматологи зарабатывают прилично везде, уж кому-кому, а ему ли не знать это. И, наверное, даже там, откуда доктор (интересно, где это Белоруссия? Вроде, рядом с Хорватией?) Странно, конечно, что в Испании он ни разу не был. Наверное, носило по более экзотическим местам, типа Мальдив и Гавайев...

Ладно, это все ментальная подготовка, как говорится. Снятие эмоционального возбуждения и сверхконцентрации на дыхании... Вот только ни на каких форумах CMAA и AIDA *о таком* не говорили, и ни на каких тренировках *к такому* не готовили.

Вдох. Глубокий, медленный, и такой же выдох. И еще раз. Ошейник немного давит — все-таки три месяца без тренировки сказываются. Да и питание в эти месяцы было черт-те каким. И еще. И на последнем вдохе, когда уже, кажется, в альвеолы не войдет ни одного кубического сантиметра воздуха — умудриться затолкать в легкие еще немного. «Утрамбовать». Вот теперь — можно...

6 часов ранее

...Над дорогой висел плотный слой черного дыма, слоистого, как знаменитые шоколадные пирожные Санчеса. Здесь, между двух холмов, ему некуда было деваться: обе высоких гряды, поросших жесткой, уже выгоревшей под жарким летним солнцем юга Испании травой надежно прикрывали дорогу от ветра, дующего и с моря, и с суши, а солнце еще не поднялось так высоко над гребнем левой гряды. Может быть потом, часам к восьми оно выпрыгнет на

макушку холма и моментально накалит асфальт шоссе, так что потоки горячего воздуха увлекут вверх за собой и дым. Ну а сейчас черным клубам деваться было некуда, кроме как растекаться все дальше и дальше от лежащего на боку старого «Форда», верой и правдой до сего дня служившего Санчесу. Колыхаясь и плавно перемешиваясь, дымная пелена замирала метрах в десяти от пикапа, лишь едва подрагивая. Зато над самой машиной волны дыма, пронизанные языками оранжевого пламени, выплескивались весело и быстро. Было странное ощущение, что за перевернутым «Фордом» затаился гигантский крот, который выбрасывает из-за машины все новые и новые кучи земли. И, если раньше такое животное могло бы появиться только в накакаиненых фантазиях создателей спецэффектов для фильмов ужасов, теперь оно запросто могло и впрямь существовать. Мигель нисколько бы не удивился, если бы где-нибудь на грешной нашей планете появилось бы подобное существо этакий «супер-крот». После того, что случилось в мире, удивляться было, в общем-то, уже нечему.

Пожалуй, сравнение с пирожными для дыма было все же весьма и весьма отдаленным: к вони паленой резины, и без того не слишком походившей на аромат шоколадного крема, отчетливо добавлялся отвратительный запах паленого мяса. Мигель вдохнул воздух, сморщился и закашлялся. В груди свистело — давал о себе знать хронический бронхит. Если к тому же знать, что эта горящая плоть принадлежала людям, на рвоту потянуло бы обязательно. Не тянуло лишь потому, что за этот месяц с лишним можно было уже вдоволь насмотреться и нанюхаться чего угодно. Ну и помимо всего прочего, рвотный рефлекс начисто пропал куда-то. Ему оставалось только позавидовать: Мигель и сам бы с удовольствием куда-нибудь пропал. Без разницы куда, лишь бы подальше от горящего автомобиля. И все же, стиснув свои зубные протезы так, что дантист, которому он когда-то отвалил кучу денег (это были еще старые добрые песеты, а не эти квадратные евро) наверняка неодобрительно поморщился бы, он тормознул возле автомобиля. Следовало бы, конечно, проверить кузов пикапа — взять то, что ребята везли с карьера и давать отсюда деру. Может быть, он успеет, и у парня действительно появится шанс. Да, так и следовало бы сделать, огонь должен вот-вот охватить и кузов... вот только и Санчес, и Иван были его друзьями, а из-за машины доносились звуки, больше всего похожие на чавканье.

Мигель попытался сглотнуть слюну, но во рту пересохло, будто

в пустыне. Тем не менее, он все же вспомнил, что когда-то сражался под Гвадалахарой и, сжимая в руке вытертую добела «Астру», шагнул в клубы дыма. В груди болезненно ныло, отдавая в левую руку. Почти 90 — это все же не шутки. Осторожно подойдя к машине, он попробовал заглянуть лобовое стекло. В салоне никого не было и, что немаловажно, ничего. В смысле — ничего из того, за чем ребята полетели ночью в эту чертову Эстурию. Стреляные гильзы — винтовочные и от дробовика, смятая бумажка от Сникерса, бутылка с водой, карабин Санчеса, выскочивший из зажима, а еще кровью все было залито здорово. Переступая приставными шагами, он обогнул капот и остановился, все так же сжимая челюсти до хруста, а рукоять пистолета — до побелевших костяшек кистей. Иван лежал на земле, полностью вывалившись из машины. Руки его были безжизненно раскинуты, одна нога заломлена вправо под совершенно диким углом. Лица не было видно, и это было к лучшему, потому что над лицом Ивана склонился Санчес. Вернее то, что когда-то было Санчесом. Уже и не узнаешь, что все-таки у них случилось: Санчес нарвался на укус, Иван не справился с управлением. А, может, у кого-то из них на обратном пути случился сердечный приступ. Если так, то скорее всего, это случилось тоже с Санчесом. Ясно, во всяком случае, что он то точно был **первым**. Сейчас он жадно обглаживал лицо бывшего друга, совершенно не обращая внимания на то, что его спина превратилась в сплошной черно-багровый струп. От камуфлированной куртки, в которой он уехал в Эстурию, остались обугленные лохмотья. Белоснежные волосы, которыми он так гордился и тщательно ухаживал, тоже сгорели почти начисто. Кожа на затылке и темени лопнула, и в ране проблескивал голый череп. Паленым мясом и волосом вблизи смердело вообще отвратно и, тем не менее, знакомо. Хоть Мигель и не думал когда-либо почуять снова этот запах: тошнотворную смесь горелой плоти, синтетики и бензина. Точно так же, помнится, воняло возле того танка, итальянского «Фиата», кажется, который как в тире расстрелял русский БТ. Вот только итальянский танкист, свесившийся из люка, был уже не опасен...

Санчес, вернее, **то**, что когда-то давным-давно, два часа назад, **было** Санчесом, мотнув головой, с усилием оторвало от лица Ивана очередной кусок мяса и опять шумно зачавкало, сглотнуло...

Поморщившись от омерзения, Мигель выцелил затылок твари и нажал на спусковой крючок, выстрелив для надежности два раза. Санчес так и не поднял лица, и это было к лучшему. Мигель не хотел

его видеть: полуобгоревшее, залитое кровью Ивана, с немигающим взглядом белесой, как сваренное вкрутую яйцо, роговицы. Пусть лучше он вспомнит Санчеса таким, каким он был всегда — веселым, немного суетливым парнишкой. Потом подростком, потом парнем. А ведь он действительно их всех помнит — и мальчишку, и парня, — с удивлением понял Мигель. Он помнит Санчеса даже в коляске. Еще той, послевоенной, низенькой, на маленьких колесах. А когда он ушел воевать, Санчеса и в помине не было. Вот Иван — был. И в лицо ему пришлось все же глянуть, когда он спихнул ногой Санчеса с мертвого тела. Нельзя не глядеть в лицо, если выбираешь место, куда точно следует послать пулю, для того, чтобы оказать товарищу последнее милосердие. Может, это было лишним. Может, Иван получил при аварии смертельную травму головы, но Мигель издавна привык подстраховываться и на всякий случай ожидать худшего. Поэтому и для Ивана он тоже не пожалел две пули.

Обойдя машину по дуге, кашляя от едкого дыма, он заглянул в кузов грузовичка. В углу, на замызганном полу сиротливо притулился плотный темно-зеленый брезентовый мешок. Чтобы дотянуться до него, Мигель оперся о борт и негромко выругался, отдернув руку. Борт здорово нагрелся. Вон, даже краска пузырями пошла. Как можно было быстро с его-то артритными руками, он стянул с себя куртку, снова лег на борт и дотянулся-таки до мешка. Заглянув внутрь, он скривил губы в горькой улыбке: ребята все же справились. Теперь лишь бы Жак не подвел. Озираясь по сторонам — бдительность не следовало терять даже здесь, на пустой дороге, он сел в свой «Сеат» и поехал по направлению к Санта-Розе, туда, где его ждал Рико. Он специально посадил парня, еще когда увидел горящий «Форд», чтобы не рисковать сразу двоим. Теперь надо как-то сказать ему о смерти отца. Однако, едва тронувшись, он снова остановился. Посидев несколько секунд, он медленно вышел из машины и вновь пошел к горящему пикапу. Ему не хотелось это делать, но так шансы Жака возрастут...

Накануне вечером

— ...Это слишком опасно, сеньор. Вы просто не успеете. Да разве это мыслимо? — Санчес повторил это уже неизвестно в который раз.

Рико встал из-за стола. Он всегда был смелым мальчиком и хорошим спортсменом. Поздний ребенок Санчеса, тот души в нем чаял, впрочем, как и большинство в Санта-Розе. Как-то так у него все

здорово получалось — и с футболом, и с плаванием. А вот со стрельбой как-то не очень — Санчес стрелял куда лучше. Впрочем, в нынешние времена это дело, как понимал Мигель, освоить будет не так уж и тяжело. И красивым был, как сам Сатана: живи он в населенном пункте покрупнее Санта-Розы, все, что ни на есть девчонки в нем, были бы его. Хуанита, пока была жива, говорила, посмеиваясь, что будь она лет хоть на двадцать моложе, и то бы не устояла. Наверное, такие как он, когда-то были знаменем Реконкисты много веков назад, рубясь с маврами под стенами Гранады не за мавританское золото, а за **Родину**. И еще ему всегда везло. Наверное, поэтому в конце-концов все согласились с его отчаянно-безумным планом. Ну, вернее, его и этого молчаливого француза.

— Отец, мы обсуждаем все это уже с самого обеда. Или-или. Или мы едем на базу и пробуем осуществить план сеньора. Или смотрим, как они там будут умирать от жажды... Мы попробовали и плот, и воздушного змея... Там двое детей, они умрут первыми. После этого ты знаешь, все остальные тоже умрут. Быстро. Есть еще вариант — всех, кто уже **на подходе** — швырять за борт. Еще живых. Тогда они протянут больше на несколько дней. Можно не смотреть, как это будет. Закроемся в домах, повернем шезлонги спиной к морю и будем потягивать сангрию. Слушать, как они кричат и плачут, просто не станем.

Что будет потом, никто не знает. Ясно одно — рыбу ловить здесь нам больше не придется. Сколько мы протянем на тех консервах, что еще у нас остались? И как долго, пока нас не найдут супера или бандиты? А так — будет шанс хотя бы уйти, если что.

Санчес болезненно скривился:

— Ох, Рико, ты так говоришь, будто у меня нет сердца. Мне тоже жаль их всех. Но сейчас такое время. Столько уже людей погибло и стало мертвыми.

Иван отхлебнул вина, оторвал кусок сушеной рыбы и начал старательно пережевывать его в своих все еще крепких зубах.

— Я сказал тебе сразу — [Ioso](#)^[18], но теперь я все же готов с тобой согласиться, и вот еще почему...

Они сидели все вместе: Рико с отцом, старый Мигель, Иван. Раньше вместе с ними в подобных заседаниях участвовал Ганс, турист из Германии, каждую весну приезжавший порыбачить в здешних краях, на десять дней, не больше, и застрявший здесь с тех самых пор, как пришли первые вести об эпидемии Vida Dead. Мигель помнил, как это было: сначала единичные, путанные и непонятные

сообщения, перемежающиеся юмором «...ха-ха, ребята, кто последний был на Гаити и занимался там вуду? А, так это из-за вас отменяют рейсы? И как вас теперь называть — «сеньор Барон Суббота»?» Затем все более многочисленные, множась, как иммигранты из Африки — «... правда! Клянусь Христовой кровью! Умирают и становятся зомби! Да, как в фильме, только это на самом деле!!!» Наконец, правительственные официальные заявления, по одному наигранно-бодрому тону которых сразу можно было делать вывод, что ситуация с эпидемией в «абсолютном шайзе», как выразился толстый Ганс после просмотра одной из передач тогда работавшего еще телевизора. «...Соблюдать спокойствие... просто не выходить из дома... запастись продовольствием и водой... армия спешит на помощь...» А потом нечего стало и смотреть. А что касается армии, то, по мнению Мигеля, лучше было бы позвать на подмогу Чипа и Дейла из того старого мультика, что так нравился его внукам. У бурундуков с помощью получалось не в пример лучше...

Они тогда достаточно легко справились с первой волной VD. Население деревушки было небольшим. Молодежь, в большинстве своем, махнула в города, а то и за границу. Кто в Германию, кто в Англию. Остались, в основном, старики. А старики, особенно пережившие войну, всегда знают: если есть возможность случиться худшему, надо готовиться к такой возможности. Это справедливо, хоть для Испании, хоть для заснеженной России, хоть для Японии. И поэтому надо цепляться за свой огородик и рыбацкую лодку, даже если все рынки вокруг завалены помидорами, огурцами и рыбой по смешной цене. Надо вздыхать и говорить внукам, что «просто привыкли», а в глубине души всегда бояться голода. Ну и где теперь эти рынки? Те помидоры и рыба?

И поэтому, когда пошли еще первые разговоры, еще со смешочками, старики Санта-Розы собрались и за стаканом сухого красного прикинули, а что делать, если все же, ну, пусть на минуту, на секунду, все это ПРАВДА? Собрали оружие, что у кого было. И к Пеппе стал чаще заходить и беседовать с ним ни о чем лучший охотник Санта-Розы Иван Мартинес. Привык он там, в своей Сибири, куда его вывезли еще ребенком, белкам в глаз пулять, понимаешь. И поэтому первому же восставшему мертвяку, точнее первой (старая Хуанита, жена Пеппе давно мучилась сердцем, и этой весной оно у нее окончательно отказало), Иван разнес голову зарядом дроби. Перед этим он хладнокровно всадил ей первый заряд в грудь: просто чтобы проверить, точно ли zombi умирают лишь от выстрела в голову?

Оказалось, правда. И хоть Пепе ворчал на Ивана потом, что тот мог бы стрелять и аккуратнее, вон как всю прихожую уделал, вспышки не произошло. Они были достаточно старыми, чтобы не поверить Ивану и Пепе, списав все на слишком большое количество вина и большое воображение. Дальше было проще, особенно, когда им удалось добраться до охотничьего магазина....

При наличии жесткого контроля всех за всеми, особых потерь Санта-Роза, можно сказать, и не понесла. Не считать же за такие пару-тройку наркоманов, один из которых умер от передоза и покусал потом остальных, пока те находились в полуотключке. Хорошо еще, что он никого не загрыз до смерти и не успел отожраться на них. Выжившие наркоши, полоумно вопя, успели выбежать из того помойника, который гордо называли домом. Пришлось, конечно, и их «отправить к Хуаните», так так-то прижилось это выражение. Тем не менее, никто особо о них и не пожалел, тем более, что были они все равно не местными. До ближайшего более крупного населенного пункта, той самой Эстурии, было всего с десятков километров. Но беженцев оттуда было немного. Там не было такого количества стариков с морщинистыми шеями и внимательными глазами, привыкшими подозрительно всматриваться в завтрашний день. Прибывшие оттуда рассказывали страшные вещи. Именно от них они и узнали, что бывает, если дать отъестся умершему человечинной. А потом и выживших не стало. Те, кто уцелел, в большинстве своем стали собираться в места, где выжить было легче — к военным базам, складам с запасами продовольствия и топлива, к городкам, которые было легче защищать, в конце концов. Возможно, это в какой-то мере и спасло Санта-Розу. На время. Потому что именно в те места потянулись и банды мародеров, и отожравшиеся на человечине монстры. А в рыбацкой деревне, которую еще и не на всякой карте найдешь, для них не было серьезной добычи, чтобы каждая из сторон не понимала под этим словом. И то, что места здесь были непригодные для развития серьезного туристического бизнеса — почти полное отсутствие пляжей, дикие скалы, лес, охраняемый от вырубки правительством, — теперь воспринималось не как проклятие, а, скорее, как благо. Они потихоньку начали жить в этих новых условиях: копать в земле, ловить помаленьку рыбу. Рыба, в основном, их и выручала: на здешних камнях категорически ничего не хотело расти. Ясно, что это не должно было продлиться слишком долго. Старики, как никто другой знают, что все кончается очень

быстро: молодость, здоровье, казалось бы бесконечные запасы на складах. Рано или поздно даже такой, относительно спокойной, жизни придет конец. Но пока жить было можно, и они жили. И даже Ганс все реже заговаривал о том, чтобы вернуться домой. Тем более, что по скудным слухам, которые до них доходили, там было все еще хуже, чем здесь. Да и как можно было уехать, когда все заправки в Эстурии сгорели в первые же дни после того, как **началось**, а те скудные запасы горючего, что им удалось собрать, выдаивая брошенные машины... Мигель помрачнел. Они все-таки оказались слишком доверчивы, когда приютили ту группу молодежи. За что и поплатились потом двумя жизнями местных жителей, охранявших склад с горючкой. После их побега все, что у них осталось — жалкие капли, которых едва-едва хватало, чтобы периодически выходить в море для ловли рыбы подальше от берега. Но уплыть куда-нибудь на этих каплях всем — нет, сеньор, это не совсем реально. Тем более, что и мужчин в деревне после этого можно стало пересчитать по пальцам. И обеих рук хватило бы. Так и жили. Все было относительно тихо. Ну, насколько все может быть тихо в эпоху VD. До вчерашнего дня...

12.14, бухта

...Хорошо, что они смогли найти хотя бы очки и ласты. И пусть это не карбоновый моноласт, но все же достаточно неплохое изделие. Правда, немного тесноватые, пришлось и подрезать и надрезать. Ну, да ладно, на один рейс хватит. Причем, достаточно только туда. И за рекордом сейчас ему не гнаться.

Ну и как с плавучестью? Они, правда, проверили и пояс, и ошейник, но одно дело — просто погрузиться, и совсем другое — плыть. Хотя с балансом, вроде, угадали. Ни одна часть тела не стремится куда-то соскочить, ни вверх, на поверхность, ни на дно. Вода теперь, после VD, стала не в пример лучше. Раньше даже в таком относительно патриархальном месте, как Санта-Роза, она все равно пахла бы нефтью, а то и чем поотвратнее. Танкеры и круизные лайнеры все равно ведь шныряли туда-сюда. А сейчас — красота. Раньше, чтобы найти такую воду, надо было зашиться куда-нибудь на атоллы Тихого океана. Наверное, скоро и тунец появится. VD одна сделала больше, чем все экологи и «Гринпис»-ы вместе взятые....

Накануне утром

Рико повезло и тогда, утром, потому что с утра как-то

непогодило. Ветер дул в море, и рыба, конечно, тоже отошла от берега подальше. Если бы не это, Рико, скорее всего с Мигелем, пошли бы на рыбалку на весельной шлюпке и наверняка встретили бы катер в море. Лично для них все закончилось бы, как пить дать, уже тогда. А так катер первыми увидели Ганс и Диего, владелец небольшой закуской.

— Посмотри, — Ганс снял с красной от загара шеи бинокль и протянул его тощему, как жердь, Диего. Они как-то сдружились в эти дни — *tolstii i tonkii* — как непонятно называл их Иван. Вот и сейчас оба вышли к причалу рыбацких лодок. Оба не знали, чем сейчас заняться. У Диего не было покупателей, а про Ганса, рекламного агента фирмы «Нестле», говорить вообще не приходилось.

— Катер, — пробормотал Диего, — и довольно большой, идет сюда. И на нем явно живые люди.

— Ну, будем надеяться, что зомби еще не научились управлять лодками, — пожал плечами Ганс. — Только куда они так летят?

Катер действительно шел на большой скорости, так что уже буквально через минуту стало можно невооруженным взглядом разглядеть то, что они рассмотрели в бинокль. Это была вовсе не дорогушая, со стремительными обводами, игрушка богачей, а обыкновенная рабочая посуда, такого же типа, что покачивались и у их причала, разве что размером значительно больше. Довольно ржавая, но с неплохим мотором. Короче, типичный рыбацкий баркас, наверное, из какого-то более крупного поселка. Ганс, прищурившись, вслух считал людей, не отрываясь от бинокля.

— ...Семь, восемь женщин и, кажется, двое детей. Мальчик и девочка. Мужчина... один. По виду — похожи на арабов, есть и африканцы. За рулем как раз чернокожий жилистый парень, — восхищенно сказал он.

Их тоже уже заметили, и начали что-то кричать. Из-за рычащего мотора ничего нельзя было разобрать, но в бинокль можно было разглядеть слезы на лицах людей в лодке.

— Плачут, — заметил Ганс.

— Ну, это понятно. Интересно, откуда они и сколько в море болтаются?

— Э! Э!!! Они, что одурели там? Куда они..., там же..., — Диего тщетно замахал руками, пытаясь привлечь к себе внимание, а потом закричал изо всех сил — Влево! Влево давай!!! Риф!!!

Чернокожий рулевой, то ли не понимал испанского, то ли не разобрал ничего из-за шума мотора — только так и не свернул,

продолжая идти кратчайшим путем в небольшую бухту Санта-Розы. Единственно, что он сделал — сбавил скорость. Только это и спасло катер от затопления, когда он налетел на Чертов Рог — коварную скалу, хорошо известную всем местным, растущую прямо со дна моря на самом выходе из бухточки. И ведь глубина там была приличной. Казалось бы, откуда там взяться камню? Небольшая, всего-то несколько квадратных метров площадью, его верхушка затаилась под толщей воды. В каком-нибудь серьезном порту ее бы давно убрали подводным взрывом. А в их небольшой деревне — ну какие здесь саперы? Тем более, все на пятьдесят километров в обе стороны береговой линии прекрасно знали фарватер, а пришедших из более далеких мест здесь не было. Кроме того, опытный моряк наверняка заметил бы легкую рябь над подводным рифом, безошибочно указывающую на опасное место. Управляющий баркасом либо не относился к таковым, либо слишком торопился попасть на берег. Будь он чуть удачливей, он бы проскочил мимо рифа, но Черт на дне, видать, повернулся и исхитрился достать своим Рогом ускользящую добычу. Катер проскрежетал правым бортом по макушке Рога, рулевой судорожно дернул посудину, да вот беда, не в ту сторону. ак что посадил корму как раз на Рог, поломав для полного счастья гребной винт. Катер застыл, слегка накренившись на борт, буквально метрах в ста от берега. С борта баркаса раздался слитный истошный крик ужаса.

— Чего они там так орут? — недовольно буркнул Диего. — Плавать, что ли, не умеют? Эй, там! — заорал он, — Не волнуйтесь, сеньориты, мы сейчас к вам приедем и всех вывезем. Укушенных среди вас нет?

Ответом ему был нестройный хор голосов на арабском. Люди на баркасе заламывали руки и показывали в воду.

— Точно, плавать не умеют — решительно заключил Диего. — Вот и в Италии точно так же, возле Лампедузы — прутся к нам в Европу из этой Африки, будто здесь всем бесплатную паэлью раздают. Набьются в лодку битком, как сардины, потом перевернутся, а плавать не умеют. По «Евроныус», помнится, говорили, что там теперь рыбу возле острова ловить нельзя. Во-первых, все дно в потонувших лодках, сети рвутся. А во-вторых, кому она нужна такая рыба, на утопленниках откормленная. Прямо как у нас здесь, с Vida Dead. Я сейчас к Мартинесу. Орут. А чего орут, спрашивается. Хоть бы на испанском...

Ганс, знавший помимо родного немецкого еще и английский,

согласно кивнул. Действительно, всем надо в Европу и, прежде всего, в Германию. А ни языка не знают, ни культуры. Нет, ну когда из той же Испании люди приезжают на заработки, это еще куда ни шло. Все же старая Европа. Вот и надо было держаться в ее старых границах. А так теперь понабирали туда всех, кого ни попадя — тут тебе и хорваты, и албанцы, и всякие литовцы, не говоря уже про турок. И еще «евро» этот. Лично ему, Гансу, и с маркой неплохо жилось. А еще, говорят, и другие бывшие советские республики пускать к нам собираются. Вроде, Украину. Тогда точно «шайзе». И все же эмигранты — это эмигранты, а дети — это дети. Может, если он спасет этих, кто-то спасет и его детей? Гансу очень хотелось на это надеяться, и поэтому, когда появился Диего и Мартинес, у которого хранилась последняя горючка, он решительно вызвался плыть вместе с Мартинесом на катер.

— Все же у меня курсы медподготовки бундесвера — объяснил он. — Я и сеньор Мартинес сначала съездим туда одни, я оценю ситуацию. Вдруг там и впрямь укушенные есть. Потом, если что, можно и всем остальным, — последнее он сказал Рико, который уже очутился тут как тут.

На пристань подтягивались и остальные жители Санта-Розы, как местные, так и осевшие здесь немногочисленные беженцы. Не так и много их вообще-то и было, после разгара VD. Люди на катере продолжали что-то кричать, но арабский не знал никто из вышедших к морю.

Мартинес с Гансом, тем временем сели в лодку, Мартинес отомкнул замок на цепи, и лодка бодро потарахтела к сидящему на рифе баркасу. Она уже преодолела две трети пути, когда на баркасе внезапно в большинстве своем смолкли крики, и над бортом появилась чья-то перебинтованная голова. Женский голос слабо произнес на испанском. Ганс понял только: «к берегу, к берегу, уходите, здесь...» — она произнесла что-то малопонятное, видно сильно ослабела. По-видимому, она лежала на дне баркаса, может даже и без сознания, и только этот ужасный крик привел ее в чувство. Собравшись с силами, она снова, уже громче, уже членораздельнее произнесла это слово. Услышав его, Ганс недоуменно нахмурил брови: она что, Толкиена перечитала? А вот Мартинес побледнел — это было видно даже на смуглом лице.

— Orca... dead orca..., — он судорожно заломил руль, пытаясь повернуть назад, но было уже поздно. Из-за катера величаво появился здоровенный плавник, обвисший на бок. Когда существо, которому

он принадлежал, немного развернулось в воде, по-видимому, **наводясь** на шум мотора, стало видно, что ему где-то здорово досталось. Плавник был практически изорван в лохмотья, а большой кусок ближе к хвосту вообще отсутствовал. Можно было подумать, что кто-то, еще более огромный, вцепился зубами в плавник и долго и увлеченно жевал его. Но, скорее всего, по плавнику просто много стреляли. Вот только безуспешно, особого вреда твари это не принесло. Пахнуло зловонием гнилого жира. Теперь и Ганс понял, что за существо там, в воде. О чем пытались их предупредить их люди с баркаса. И, да, теперь он знал, что значит слово «огса». А слово «dead» он знал уже давно. На их лодку стремительно плыла мертвая касатка.

Все произошло настолько быстро, что люди на берегу, собравшиеся посмотреть на спасательную операцию, только судорожно вздохнули. Разогнавшись, касатка ударила в борт уже начавшую поворачивать лодку. В дикой природе ее сородичи так таранили китов, вызывая у тех смертельные кровоизлияния внутренних органов. И, если даже серые гиганты ничего не могли противопоставить ударам массивного черепа, что уж тут было говорить о лодке. Оба человека вылетели из лодки, как камни из пращи и с громким плеском упали в воду в нескольких метрах. Мартинес как скрылся под водой, так больше и не появился. А вот Ганс показался на поверхности, что-то успел крикнуть... и тут же захлебнулся собственной кровью. Было видно, как она ударила фонтаном из его рта. Тварь, обогнувшая перевернутую лодку, практически перекусила его пополам. Вверх взлетела половина тела уже мертвого Ганса — касатка подкинула его верх, как опять же, в дикой природе ее сородичи подбрасывали тюленя. Все, что оставалось от Ганса, исчезло в пасти зверя. Так и не погрузившись в воду, касатка медленно поплыла к сидящему на рифе баркасу, ткнулась в него, будто проверяя на прочность, один раз, затем второй, уже сильнее. По-видимому, она ударяла куда-то не туда, или лодка прочно сидела на камне, но только баркас даже не шелохнулся. Быть может, какие-то сохранившиеся инстинкты диктовали ей бить только движущуюся добычу, и она не воспринимала в этой роли неподвижный катер, а может еще почему. Так или иначе, отказавшись от дальнейших попыток штурма, касатка отплыла от баркаса и стала неторопливо кружить вокруг него. Рико громко выругался и вскинул к плечу ружье. Бахнул выстрел, второй. С такого расстояния попал даже Рико. Было видно, что картечь ударила

в плавник. Иван подошел к юноше, снова готовому стрелять, и положил руку на ствол ружья.

— Бесполезно, парень. В нее всадили уже, наверное, с килограмм свинца — только так эту рута не возьмешь. Ее, как и всех остальных, надо бить в голову. Только как в нее попадешь, когда она вся под водой?

Тем не менее, стрельба все же не понравилась касатке. Возможно, повреждения, нанесенные плавнику, как-то ограничивали свободу ее перемещения или что-то подобное, но все так же, не погружаясь, плавник скрылся за накренившимся баркасом.

Иван подошел ближе к краю причала и прокричал: — Эй, говорите по-испански? Английски?

Женщина с перевязанной головой что-то резко сказала по-арабски галдящим людям в лодке — по-видимому, приказала им замолчать, а когда те умолкли, обратилась к Ивану.

— Я говорю. Мне жаль, что так все получилась, сеньор. Мы пытались предупредить, чтобы вы сюда не плыли, но я, к сожалению, слишком поздно очнулась.

— Откуда вы?

— Мы из Барселоны. Еле-еле оттуда вырвались. Это группа мигрантов из Африки, а я их переводчица. Меня зовут Мария Суарес. Когда все началось, я была вместе с ними, помогала вживаться в среду и все такое.... Вот только «вживаться в среду» пришлось скорее мне. Если бы не они, я бы ни за что не выжила за это время.

— А эту тварь где нашли?

— Она тоже оттуда. Эта касатка из шоу морских животных. Когда пришла VD, она погибла, уж не знаю как. А потом ее приспособил для своих целей главарь одной из банд. Он... он скармливал ей пленников, для устрашения других. Сначала, она была очень медленной, практически, как снулая рыба, но потом отожралась и теперь к ней уже почти вернулась ее былая скорость. Она очень опасна.

— А здесь-то, как она очутилась?

— Ее держали в заливчике, который сообщался с морем, выход из него был перекрыт железной сетью. Потом, я точно не знаю... Там была какая-то история. Вроде, какой-то русский уничтожил эту банду, но в результате сеть была повреждена и эта сволочь смогла вырваться на свободу. Мы как раз собирались уходить из Барселоны... и натолкнулись на эту гадину. Мы отплывали на двух катерах. Мой друг Диего на одном из них специально ушел в

открытое море, чтобы увести ее от нас. Мы думали, что спаслись, но потом она вернулась, и с тех пор преследует наш катер. Думаю, Диего погиб.

При словах о русском все посмотрели на Ивана. Тот лишь удивленно пожал плечами: вроде, я не при делах, да и вообще — я испанец, просто поживший в России. Но, вообще-то не удивился.

Это как в кино, там всех спасает спецназовец из Америки. А как в реальной жизни — турист из России.... Да и вообще это в духе русских — спасать всех вокруг. Иногда, даже если их об этом не просят.

— Что вы будете делать? — спросила тем временем Мария. В голосе ее слышалась безнадежность. Стоявшие на берегу люди молчали. А что, собственно, можно было сделать? Баркас — вот он, рядом, в ста метрах. Как это у тех же русских, вспомнил Иван — «близок локоть, а не взять»? Нет, не «взять», а «укусить». Тут тебя самого, пожалуй, «укусят». Ганс с Мартинесом уже проверили это ценой собственной жизни. Стрелять по ней? А куда, если виден только плавник, а сейчас эта сволочь вообще спряталась?

— У вас есть оружие? — спросил Иван.

— Только пистолеты. Ей это — как укус москита. Слишком толстый слой жира. Толстый череп. И она уже стала меняться. Если бы, что-то посерьезнее было... вроде гранат или хотя бы крупнокалиберной винтовки...

Дети что-то начали спрашивать жалобными голосами. Мария ласково им ответила, а потом, немного помолчав, снова заговорила.

— Сейчас катер, кажется, целый. Течи нет. Но... Дети очень хотят пить. У нас совсем нет воды. Горючего полно, но его пить не будешь. Так получилось — мы отплывали очень в большой спешке. Наше убежище обнаружили супер-зомби. Тогда погибло очень много людей, только нам повезло... тогда. Девочка посильнее, но мальчик... он уже, по-моему, начинает бредить. А если он умрет...

Что будет дальше, всем и так было ясно. Диего, присевший на корточки, сыпал сквозь зубы самыми страшными проклятиями, кто-то молился. Доплыть до лодки было невозможно. Даже самую большую лодку касатка перевернула с легкостью, остальные же были еще меньше. С равным успехом можно было попробовать добраться до катера на ореховой скорлупе. И, насколько было известно Мигелю, во всех остальных прибрежных городках тоже не было ничего более крупного. Все это разбежалось из портов еще в самом начале эпидемии. Люди отплывали кто куда в тщетной надежде

найти на Земле уголок, свободный от VD. Даже если такой и был, очень быстро туда попадали такие вот искатели. А, поскольку все они были зараженные, на этих благословенных островах начиналось все то же самое...

— Может, какую-нибудь катапульту построить? — неуверенно сказал Пепе, — хоть воды им добросить..., — Не закончив фразы он замолчал, поняв всю бесперспективность подобной затеи. И в самом деле, из чего ее было строить, катапульту эту? Да и как? А еще из этой катапульты и стрелять бы надо научиться. Возможно, римские легионеры, которые, говорят, воевали в здешних местах Иисус знает сколько веков назад, и смогли бы сделать такую штуку. Но вряд ли даже они сработали бы ее «с нуля» за пару дней. «А больше им не выдержать, особенно детям. Через два дня все кончится», — трезво и холодно подумал про себя Мигель, презирая себя. Очень, до слез хотелось помочь, однако он ничего не мог придумать. Люди на лодке тоже молчали, лишь негромко плакали дети. Касатка снова выплыла из-за баркаса и, разогнавшись, с силой ударилась черной башкой в борт. Дети испуганно замолчали. Только одна из женщин тоненько выла, пока чернокожий гигант не тряхнул ее за плечо. Над пасмурным морем повисла тишина, только плескались о причал волны да свистел ветер.

Иван откашлялся и сплюнул мокроту в море.

— Может быть, приманить ее поближе, — задумчиво проговорил он. — Я бы тогда мог попробовать пристрелить эту сучку.

— Вообще-то, это, кажется, самец. Я, вроде, читал про это шоу. А эта касатка даже в каком-то фильме снималась. Кажется, ее звали там Вилли. Но мысль твоя мне нравится. А чем приманивать? — оживился Пепе.

— Тащи рыбу, — пожал плечами Иван.

Кто-то принес корзину с сушеной рыбой, практически, единственным источником животного белка в Санта-Розе. С поставками свежего мяса дело обстояло весьма плачевно, впрочем, как и со всеми остальными поставками. Кроме того, один из сумевших к ним добраться людей рассказывал какие-то совершенно ужасные вещи о мертвых свиньях и курицах. Судя по всему, знаменитый испанский хамон попробовать доведется теперь не скоро. Говорят, корейцы собак едят. Вот только в Санта-Розе собак не стало с первого дня официального начала VD. Как только они домертвили Хуаниту, Иван обошел все дома и безжалостно пристрелил всех трех

собак поселка. Слухи о том, что собаки тоже могут быть опасны появились практически одновременно с началом эпидемии. Общее собрание стариков тогда решило, что если что, с человеком-зомби справиться будет легче, чем с зомбо-собакой. Вот про всех остальных хищников они тогда не знали.... А интересно, в Корее кто теперь кого ест? И не воспринимают ли корейцы произошедшее с собаками, как... хм-м... ну, воздаяние, что ли?..

Иван, вооружившись самым крупнокалиберным ружьем из охотничьего магазина, стал у самого края причала.

— Надо попробовать привлечь *его*, раз это и вправду самец, — негромко сказал он. Рико кивнул, прыгнул в одну из оставшихся лодок, схватил весло и принялся, что есть силы, хлопать им по мутной воде.

— Эй ты, урод, иди сюда, — одновременно во все горло закричал он. Все, кто был на берегу, поддержали его нестройными криками, кто во что горазд. Сработало. Плавник вывернулся из-за катера и уверенно направился к причалу, рассекая воду бухты, будто ножом.

— Эй, Рико, — предостерегающе крикнул Иван, — не увлекайся, будь готов выпрыгнуть. Диего, бросай рыбину, да побольше, чтобы клюнула, метров так за пять от причала. Только не спеши: пусть поближе подойдет..., — крепко уперев приклад в плечо, он напряженно ждал.

— Ближе, да-авай.... Ах, же ты, с-сука, — процедил он сквозь прокуренные желтые зубы. Не доплыв до причала метров двадцать, касатка резко развернулась и поплыла параллельно берегу.

— Наверное, для него стало слишком мелко, и он *уже* может это понять, — донесся с сидящего на мели баркаса голос Марии. — **Он** — уже умный. А может ему теперь не нравится рыба.

Диего все же швырнул здоровенную макрель в воду. Плавник слегка дернулся в сторону причала. Иван вновь вскинул ружье и опять опустил его.

— Не достану, — хмуро сказал он. — Слишком острый угол, а я даже не знаю, куда точно надо стрелять. В этой чертовой воде ничего не видно.

Рико, так и сидевший в лодке, внезапно крикнул:

— Йо-хо! — и прыгнул за борт, держась за его край рукой.

— Сумасшедший! — Санчес вцепился обеими руками в седую шевелюру.

— Ну, давай сюда! — кричал Рико в воде. — Сладкая

человечинка, это тебе не дохлая рыбешка!

Плавник резко пошел к причалу. Иван, оскалась, застыл с ружьем, будто статуя. И снова зверь так и не вошел в зону поражения. Не выдержав, Иван все же выстрелил. Ружье рывкнуло, пуля хлестнула по воде...

— Нет. Не попал. — Иван опустил ружье и уставился на удалявшийся к катеру плавник. Рико вылез на причал, с него ручьем текла вода. Он сел, обхватив руками колени, и тоже смотрел на удалявшуюся касатку. Та снова долбанула мордой по катеру, оттуда раздался жалобный детский крик. Слава Богу, и в этот раз катер устоял. Вот только надолго ли? Плавник помедлил немного и неторопливо скрылся за сидящим на мели баркасом.

Внезапно Рико поднялся.

— Сеньора, вы видели, чтобы он нырял? — громко спросил он.

Мария с удивлением посмотрела на него и задумалась.

— Вы знаете, кажется, нет.... По крайней мере, мы ни разу не видели, чтобы он это делал. Все время плывет вверху, у него даже плавник ссохся и обгорел на солнце. Но я была без сознания, могла что-то пропустить. Подождите, я спрошу у других, — она по-очереди стала расспрашивать людей в лодке. Было видно как те переговаривались, некоторые пожимали плечами, но большинство все же уверенно отрицательно мотали головой. Наконец Мария закончила опрос и обратилась к Рико:

— Нет, из тех, кто здесь находятся, этого никто не видел. Рашид, — она показала на чернокожего рулевого, — видел ее с самого начала и говорит, что она ни разу не ныряла.

— Точно! — возбужденно заговорил Рико — Касатки — это не рыбы, это морские млекопитающие, дышащие воздухом. Я думаю, хотя ему не нужно теперь дышать, он по-прежнему считает себя морским животным, которому нужно находиться на поверхности. Ну вы знаете, как у всех этих мертвецов сохраняются какие-то базовые инстинкты. Наверное, у него такой инстинкт — быть вверху. Как вы думаете, сеньора?

— Не знаю..., — донесся слабый голос Марии

— Похоже, что так, — бормотнул Рико. — И, вы видели, она не нырнула за Мартинесом. Сожрала только беднягу Ганса и сейчас..., — его глаза лихорадочно блестели огнем.

— Если бы у меня был акваланг, можно было бы попробовать доплыть на глубине до катера. Доставить им воды. И постараться прикончить эту сардину-переростка.

— Лосо, — констатировал Иван. — И, даже если бы согласиться с твоим планом, где его взять, акваланг этот?

— Как где? — вскинулся Рико, — А..., — плечи его опустились.

— То-то и оно, там же все выгорело, после того, как заправка рванула. Все магазины в том районе. И «Подводный мир» тоже.

— Можно поискать по домам, — неуверенно предложил сын Санчеса.

— Ты знаешь у кого точно?

Рико отрицательно pokrutil головой.

— Ты помнишь, что было в Эстурии в первые же ПЯТЬ минут? И это, заметь, на открытом пространстве?

Рико снова молча кивнул.

...В «прошлый раз» было месяц назад, когда отряд добытчиков выбрался в соседний поселок. Группа мужчин из тех, кто покрепче, выехала еще утром. И пропала. Они не вернулись к вечеру, и в нынешних условиях это могло означать только одно.... Вряд ли они загуляли в каком-нибудь прибрежном кабачке, с веселыми девицами. Они тогда тоже долго спорили, стоит ли ехать на выручку, и все же дали себя тогда уговорить заплаканным женам тех, кто пропал. Буквально на въезде в город передняя «Тойота» пробила колесо. Возможно, это их и спасло. Возможно, если бы они продвинулись дальше, они тоже не вернулись бы. Они успели только поддомкратить машину, даже колесо не поменяли, когда на Мартина, стоявшего часовым впереди их небольшой колонны, с соседнего здания гигантским прыжком метнулась тварь, больше всего напоминавшая уродливую обезьяну. Клыки у нее были, вроде даже как и больше, чем у тех бабуинов, которых Иван видел в зоопарке. Тем не менее, тварь была безволосой, а на мускулистом торсе все еще болтались лохмотья желто-красной майки. При жизни «обезьяна», вероятнее всего болела за «Реал». Служивший, по его словам, в Иностранном Легионе, Мартин не успел сделать даже одного выстрела. Иван — успел. Существо, одним ударом когтистой лапы сломавшее шею несчастному легионеру, совершило такой же громадный прыжок на странно вывернутых ногах, перемахнуло на крышу стоявшего неподалеку микроавтобуса. Буквально через пару секунд его и след простыл. А еще через полминуты, когда ошалевшая группа перестала дырять несчастный микроавтобус, оказалось, что заднего часового, усатого Рауля, тоже как корова языком слизала. Вот только коровы не оставляют после себя таких луж крови. Домертвив Мартина, они бросили все и вернулись домой, будто за ними черти

гнались. В общем-то, это было и не так далеко от истины. С тех пор в Эстурию никто не ездил. Но, хвала Иисусу за маленькие милости! — оттуда к ним тоже никто не приходил.... Но вот молодежь тогда все равно сильно напугалась.

— Да и вообще, это дурацкая идея, — поморщился Иван.

— В общем-то, не такая уж и дурацкая.

Это прозвучало, как гром среди ясного неба. Рико, изумленно улыбаясь, вскинул голову. Из толпы, до того негромко переговаривавшейся, а теперь резко замолчавшей, выдвинулся невысокий широкоплечий мужчина средних лет.

Мигель почти не знал его. Он появился уже после того, как обделавшаяся от страха перед монстрами Эстурии группа парней и девочек взломала склад и сбежала. Куда? Они и сами, наверное, не смогли бы себе ответить. Вряд ли там, куда они уехали было лучше. Может, пережди они пару-тройку дней в деревне, они бы посмотрели на мир более трезво. Тем не менее, случилось так, как случилось. А в их деревне остались одни старики и женщины, совсем как в войну.

Тогда-то он и появился, этот парень. Лет тридцати-тридцати пяти. Очень немногословный, сказал только, что француз, зовут Жак. О себе говорил скупой. Сказал, что был спортсменом, потому и спасся, когда пришла VD. Ну, спортсмен и спортсмен. Жалко, конечно, что не врач или механик, на худой конец агроном. Впрочем, крепкие мышцы — тоже дело хорошее. Работал парень вместе со всеми, не отлынивал. Надо — строил заграждения от тварей, надо — копал землю, надо — вялил рыбу. А что до неразговорчивости, не так уж и много из тех, кто спасся, страдал словоохотливостью. Сейчас люди больше плакали, чем болтали...

— Не такая уж и дурацкая, — повторил он. — И, может быть, можно будет обойтись и без акваланга. Вы слышали что-нибудь о фридайвинге? Я занимался как раз им.

Они собрались у Мигеля и спорили до хрипоты. Поначалу практически все признали эту совместную идею Рико и Жака достойной исключительно *locos*. Появилась идея отправить к лодке что-то вроде плотика под парусом, и они потратили пару часов на постройку двух таких сооружений. Первый ветром отогнало довольно далеко в сторону, так что сидящие на лодке люди лишь проводили его тоскливым взглядом. Второй они запустили с поправкой на ветер. И поначалу казалось, что они смогут хотя бы доставить на лодку немного воды. Однако, когда плот приблизился к сидящему на камне катеру, касатка внезапно выплыла из-за него и

одним могучим ударом из под воды разбила его в щепки. Неизвестно, какие у нее были ассоциации. Может, мертвый мозг «вспомнил» игры в бассейне, когда еще живой Вилли вот так же подбрасывал в воздух мячи и обручи. А может быть, наоборот: уже поумневший монстр вполне себе понял, что эта штука отправлена на помощь добыче, и не стоит ее подпускать к ней. Похоже было как раз на второе: бешено вертясь в белой пене, касатка разогнала в стороны все бутылки с водой так, что и в этот раз все они проплыли мимо катера. Пробовать снова уже не стали: все знали, что мертвые, хоть люди, хоть животные, не знают усталости. Наоборот, повторные попытки сделать что-либо, еще больше привлекали их внимание.

Тогда кому-то пришла в голову идея запустить воздушный змей со свисающей длинной веревкой. Но тут, как назло, совсем стих ветер. А время неумолимо бежало, дети и женщины на катере жалобно плакали. Может, если бы они спокойно подумали, и у них было больше времени, они что-нибудь и сообразили бы. Наверняка бы сообразили. Но трудно думать, когда ты слышишь, как плачут дети. Поэтому они и собрались, чтобы снова рассмотреть идею Жака и Рико...

— Ну, ладно, ты доплывешь, а дальше? — спросил Иван.

— Кто-нибудь отвлечет орса на себя — достаточно отплыть на несколько метров от берега. Надо только рассчитать и сделать это, когда я доплыву до катера. Большого риска в этом нет — вы сами видели, что она не подходит близко к берегу. А пока она будет вертеться здесь, этот черный амбал поможет мне выбраться из воды.

— Это тебе не эсьерра, чтобы увернуться из-под ног бегущего быка. Тем более, эту тварь ни с каким быком и не сравнить, — тихо сказал Мигель и внимательно посмотрел на Жака.

— Я был в Памплоне, — спокойно ответил тот. — Еще до того, как начал серьезно заниматься дайвингом. Но остается один вопрос: чем ее прикончить?

Поначалу, когда Жак заявил, что может доплыть под водой до катера, Мигель да практически и все остальные подумали, что бедолага рехнулся. Сто метров, а может, и все сто двадцать! Нет, некоторые слышали, что есть такие ребята, которые ныряют на сто и даже больше метров, ну так это же **вглубь**! По тросу да и наверняка с грузом! Но Жак объяснил, что в фридайвинге есть разные дисциплины. В том числе и такая, как плавание под водой на расстояние. По его словам, он мог проплыть и большее расстояние, чем до катера. Вот только, когда он делал свои рекордные заплывы, в

его руках не было крупнокалиберного охотничьего ружья...

Они попробовали привязать ружье к спине, но Жак лишь с сожалением покачал головой:

— Нет, так не доплыву. Динамика гребка не та, я уже вижу, — он попробовал взмахнуть руками и всем сразу стало видно — тело не могло изогнуться, мешало ружье.

— Может, если бы была моноласта — с сомнением пробормотал Жак. — Ладно, что толку, говорить о том, чего нет...

— Ну и чем ее прикончить? — тихо спросил Рико.

Мигель и Иван переглянулись.

— Ты думаешь о том же, что и я? — спросил Иван.

Мигель кивнул:

— Конечно. Гранитный карьер.

Накануне вечером

Иван ненадолго замолчал, и сам Рико нетерпеливо спросил:

— Ну, и почему?

Тот немного повозил пальцем по лужице пролитого вина, затем поднял голову и медленно начал:

— Будем исходить из того, что те рассказы о зубастых курах и хищных свиньях — правда. Не вижу причин, почему это не должно быть правдой. Если я правильно помню биологию, которую мне преподавала Zinaida Stepanovna, а канал Би-би-си не соврал — птицы, вроде, произошли от древних ящериц, чуть ли не динозавров. Вроде, раньше были и хищные свиньи. То есть, эти твари приобретают, что ли, какие-то черты своих далеких предков. Касатка — хищник. Та женщина с катера говорила, что гадина в море меняется. А мне, помнится, что сначала они жили на суше и только потом почему-то полезли в воду. Они теплокровные и дышат воздухом.

— Ты хочешь сказать..., — Санчес нервно облизнул губы.

— Я не знаю. Что мы вообще можем знать о VD? Мы о живых-то **людях** не знали ничего... Я просто могу предположить, что мертвая касатка, обожравшись человечины с катера, возможно, вспомнит, что когда-то она ходила по земле, и вылезет на берег. И не думаю, чтобы пощипать травки. А мы даже не знаем, как быстро бегали те существа, от которых произошли киты. Мне кажется, что вряд ли это были медлительные звери. Среди хищников это как-то непопулярно.

— Матерь Божья... — Санчес с ужасом смотрел на Ивана. — Она же...

— Метров семь — **сейчас**. После того, как она **перелиняет**... Кто там сейчас самый большой хищник на планете? Белый медведь? Если то, что я говорю осуществится, даже белый медведь будет иметь против нее шансы, как щенок чихуа-хуа против тигра. Людям же вообще рассчитывать будет не на что. Короче, здесь тогда отсидеться не удастся.

— Может уйти? Ну, пока не поздно? — осторожно предложил Пепе.

— Куда? — ответил вопросом на вопрос Иван. — Как давно к нам приходили последние беженцы? Даже в Эстурии **плохо**, а дальше... — он безнадежно махнул рукой. — Насколько покойный Ганс сумел выяснить при жизни, слушая радио, ближайший район с живыми отсюда километров за триста, и добраться туда можно сплошь по замертвяченной территории. У нас слишком много стариков и слишком мало транспорта. И, кстати: если уж и уходить, на той посудине, что сейчас торчит на Роге. Это было бы сделать куда как лучше. Тем более, у них есть топливо. Поэтому считаю, что огса надо кончать здесь и сейчас. Чинить катер и иметь его под рукой.

— Ты думаешь, эта затея со взрывчаткой сработает?

— Будем надеяться. Я слышал, у них там должна была появиться какая-то новая... Лысый Карлос рассказывал, еще до VD..., вроде она там в какой-то влагоустойчивой оболочке, не отсыревает. И хоть бей по ней кувалдой, не взорвется. Я так думаю, это как раз то, что нам нужно. Детонаторы, шнуры — насколько понимаю, там у них тоже есть.

Мигель пожевал сухими губами.

— Как туда добраться, ты думал?

Иван кивнул, вскоре все склонились над картой.

— Вот... если свернуть здесь, можно практически не заезжая в Эстурию проскочить тут..., потом на север, и мы на месте.

— Все же есть риск нарваться на супера. От обычных мертвяков, я уверен, ты отобьешься, а вот от такой твари, что тогда выхватила горло у Мартина...

— Да, ладно, как-нибудь проскочим, — бесшабашно заявил Рико. Жак промолчал, только взблеснул своими карими глазами. Санчес скривился, будто раскусил гнилой орех. А вот Иван с Мигелем грустно вздохнули — молодежь всегда бессмертна, прямо до того самого мгновения, пока на шею не обрушится узкое лезвие мавританской сабли, или в живот не вонзится, шипя от

соприкосновения с кровью, раскаленный осколок снаряда, или в плоть не вопьются смрадные зубы мертвяка...

— Нет уж, сын. — Санчес кривовато усмехнулся. — В карьер поеду я... Я лучше стреляю. А если что, тебе надо будет защищать женщин. Мигелю нужен помощник. Жак нам нужен будет на последнем этапе, им рисковать нельзя.

Иван, бормотнув непонятное «*dvum smertiam ne byvat*», поднял свою лысую с пучками седых волос по краям голову.

— Я с тобой, амиго. Но ехать сейчас, на ночь — плохая затея. В темноте у нас против этих тварей шансов меньше. Лучше рано утром, часа в три. Пока доберемся до места, будет уже довольно светло. А по ночному холоду они все же хоть чуть-чуть да замедлятся.

Он ухмыльнулся:

— В России есть фильм «В бой идут одни «старики». Они здесь могут снять вторую серию...

12.15, бухта

...И все же, на какой глубине стоит идти? Слишком близко от поверхности — есть риск, что эта тварь все же меня заметит. А все-таки: может разок вынырнуть, глотнуть воздуха и опять уйти на глубину? Может, и не заметит. Тем более — он (она) не ныряет... Нет, не надо рисковать. Ныряет она там или не ныряет, а не хотелось бы очутиться рядом с ней. С другой стороны, погрузиться слишком глубоко — это потратить лишний кислород. Ну, на метр-другой вниз, наверное, можно.... Нет, ну вот же зараза-дантист: плохо залепил дырку в зубе, вот на перепады давления тот и реагирует сейчас, будто туда шило вставили. Надо все-таки повыше. Да и сбиться можно легко. Этот старик, Мигель, говорил, что здесь где-то затонула баржа. Не хватало еще напороться на..., а-а-а, *merde*... похоже, накаркал...

12.15.30

Баржа, о которой рассказывал Мигель, лежала, конечно, гораздо глубже. Но вот обрывки сетей, приносимые течением, цепляла на себя с исправностью какого-то злого сторожевого робота. И, хотя на таком расстоянии от берега рыбу здесь никто не ловил, особо большой обрывок, с какого-нибудь тунцелова, мог изрядно попортить крови, намотавшись на винт моторной лодки. Рыбаки с проклятиями вытаскивали его, бывало, убивая на это занятие несколько часов, и на какое-то время снова становилось можно ездить мимо Чертова Рога в море... до следующего раза. Хорошо хоть, это случалось не так часто.

Не такие крупные ошметки так и болтались в нескольких метрах от поверхности. Именно в такой обрывок, будто муха в паутину, и вляпался Жак.

12.15.35

...Спешить не надо. Не надо спешить. У тебя еще полно воздуха. Ты плавал и на большие расстояния. И, вспомни, сколько времени ты просидел на дне того бассейна? Как там звали этого парня, в цветастой рубашкой, в белом дорожном кабриолете: «... О, сеньор Жак! Или мне лучше вас называть «месье»? Конечно, слежу за вашими успехами. Когда идете на рекорд? О, ну так до этого времени целое лето. Пара бокалов хорошего испанского вина не повредят вашему графику тренировок? Отлично, тогда сегодня вечером у меня пати. Пустяки, Майк за вами заедет, вместе с Викторией и Элеонорой... Кстати, Виктория на вас положила глаз. Она так мне об этом и сказала... Ха-ха, ну, до вечера...»

3 месяца назад

...Вечеринка тогда удалась на славу, и «парой бокалов» дело не ограничилось, само собой. Собственно, вино, конечно, было. Но оно, как и положено хорошему хозяину, больше давало дорогу гостям: «Чивас Регал» и «Столичная», бренди и текила, и все это при желании можно припорошить «снежком» — хороший товар, не сомневайтесь, сеньор, только вчера из Боготы...

Ближе к полуночи отыскать на вилле абсолютно трезвого и не под кайфом гостя было так же реально, как паломника с ветчиной на хадже. Все визжали, шумели, танцевали, целовались, почти не скрываясь, совокуплялись, гремела музыка, сверкали огни... И поэтому никто не заметил, как среди гостей появился еще один посетитель. О, ничем из числа других не выделяющийся: парень идет, едва волооча ноги? Вы на других посмотрите: Спайдер, вон, вообще на четвереньках бродит. По пояс голый? Так Луиза тоже голая по пояс, а он одет хотя бы снизу. Ничего не говорит? Сеньр, а где вы тут ншли, ик, Ццрона? Перемазан по уши клубничным вареньем? Хорошо, что не собственной блевотиной, как хозяин дома. Ну, ухватил какую-то пьяную деваху, завалил там за кустами. Та и сопротивлялась-то больше для блезиру, повизжала буквально несколько секунд и стихла. Ребята, гуляем дальше!!!! Оуоу!!!

Стоило ли удивляться, что в таком состоянии до многих так и не дошло, что творится на такой классной вечеринке. Они и в мир иной

ушли в блаженном неведении, что происходит. В крайнем случае, считая происходящее вокруг частью очень качественного «трипа». Остальные, немного протрезвев и очухавшись, запаниковали, начали метаться, у кого было оружие — стрелять. Последнее еще больше усугубило положение — разряжая спьяну магазины в первые попавшие на прицел фигуры, ошалевшие от страха стрелки меньше всего думали о том, чтобы точно попасть в голову. Уже состоявшимся жертвам VD, пули, дырявящие животы и грудные клетки, не приносили никакого вреда, зато вот еще живые быстро пополнили число зомби.

Хорошо, что тогда он все же не слишком быстро набрался. Еще и то было хорошо, что хозяин (кем же он все-таки был? наркоторговец со связями? продюсер? дизайнер одежды для гомиков?) как ни крути, а был о-очень богат, и бассейнов у него на вилле было аж два: один, поменьше и помельче — для развлечения, второй, глубокий — собственно для плавания и ныряния. Виктория уволокла его тогда ко второму, там было относительно малоллюдно. Они медленно плавали вдоль стенки, время от времени вылезая из воды, чтобы выпить шампанского, принесенного кем-то, и всласть нацеловаться. Скоро они вообще остались одни: большинство приглашенных визжало и обливалось шампанским как раз в том, мелком, в виде сердца. Судя по всему, веселье там было в полном разгаре: с некоторого момента визг не прекращался ни на секунду, а потом даже и петарды начали бахать.

Все дело шло к тому, чтобы отправиться куда-нибудь в постель. Все же идея секса на краю бассейна не понравилась им обоим. Виктория уже и отправилась переодеваться, а он решил сделать еще пару кругов. Нырнув напоследок, он переплыл под водой бассейн один раз, затем второй и поплыл под водой к лесенке, чтобы тоже выбираться. Высматривая нижнюю ступеньку, он внезапно заметил, что откуда-то сверху в бассейн льется темная жидкость и сразу расплываются. Можно, конечно, было бы списать это на что угодно, особенно учитывая, мягко говоря, не совсем разумное поведение сегодняшнего контингента виллы. Но он был слишком опытным ныряльщиком, чтобы не знать, как выглядит кровь, расплывающаяся в воде. А именно это он видел сейчас. Кто-то наверху истекал кровью. И, судя по ее количеству, уже вылившемуся за те немногие секунды, что он оценивал ситуацию, дела у того обстояли прескверно. В любом случае, не стоило подплывать близко к пятну, быстро разраставшемуся у борта, хотя бы из-за риска СПИД-

а и прочих прелестей кровяных инфекций. Поэтому он подплыл к краю бассейна, находящемуся в тени и медленно вынырнул. На краю бассейна лицом вниз лежала Виктория. Он сразу ее узнал по новомодному фосфоресцирующему купальнику, который больше, вообще-то говоря, открывал, нежели прятал. Девушка лежала, свесив руку вниз, и по ней в бассейн струился темный поток. От неожиданности он растерялся и не окликнул свою подружку, даже на помощь не позвал, лихорадочно обдумывая сложившееся положение. Вот ведь незадача: наверное, поскользнулась и сильно ударилась, потеряла сознание, а то и еще чего похуже. В любом случае нагрянет полиция, будут долгие объяснения и расспросы, если не допросы: «... Значит, вы сеньор, тоже употребляли алкоголь? А кокаин? А вы видели, как упала сеньорита? А ктонибудь может подтвердить, что она упала *сама*? Никто? Оч-чень жаль...». Все это моментально проскочило у него в голове, когда с невыразимым облегчением он заметил, что девушка зашевелилась и, опершись о хромированный поручень лесенки начала приподниматься, едва, правда, не свалившись в бассейн. Поднимись она легко и быстро, можно было бы думать о розыгрыше, пусть и дурацком. Однако по той неловкости, с какой она двигалась, все же надо было думать о серьезной травме. Даже по тому, что с таким то кровотечением она не издала ни единого звука. «Травматический шок», — решил он, — «не дай Бог, свалится, утонет же...» — и, отбросив все сомнения, ринулся было к лестнице. Однако, сделав пару гребков, он остановился, будто воду в бассейне внезапно сковало льдом. В общем-то, он и чувствовал себя так, будто свалился за борт в какую-то сибирскую реку посреди зимы: дыхание у него перехватило, а мышцы, словно судорогой свело: Виктория, наконец, поднялась, и его глазам открылась рана, из которой все еще вытекала кровь. Шок, конечно шоком, но все равно трудно поверить, что хрупкая девушка никак не отреагирует на то, что из распоротого живота у нее вывалится кишечник, и разорванная петля его плюхнется в воду. Кровью Виктория была залита ниже пояса так, что казалось, будто сумасшедший визажист, делая педикюр, увлекся и выкрасил нижнюю часть тела лаком для ногтей. Похоже, у нее было повреждение очень крупного сосуда — как бы даже не аорты. Оцепенев, он смотрел, как его несостоявшаяся секс-партнерша, переступив с ноги на ногу, поскользнулась на выпавшей петле. Рука Виктории нелепо взмахнула и запуталась в скользких кольцах. И если все до этого происходящее с чудовищной натяжкой еще можно было объяснить тем самым

пресловутым шоком, то следующее не укладывалось вообще ни в какие рамки: тупо посмотрев на запутавшуюся руку, девушка с усилием потянула из себя внутренности, в точности как ребенок тянет рассучившуюся нитку из старого свитера. Когда силы одной руки, чтобы тянуть из себя кишки, стало не хватать, Виктория, с не дрогнувшим на лице ни единым мускулом, стала помогать себе другой. Холеные пальцы с прекрасным маникюром цепко впивались в серо-розовые петли, будто рыболовные крючки в каких-то экзотических угрей. «Господи, да окажись она в подвалах здешней инквизиции во времена Торквемады, им бы пришлось ставить в этот день дежурному палачу прогулы...» — мелькнула в его звенящей голове истерическая мысль. Девушка между тем запустила руку куда-то глубоко в подреберье, с видимым напряжением мышц руки, но по-прежнему с абсолютно бесстрастным лицом, вырвала из себя кусок чего-то, сочащегося кровью. Одной рукой она все так же продолжала тянуть из себя кишечник, второй же отправила вырванный кусок внутренностей в рот и жадно зажевала, громко чавкая. Он внезапно понял, что на вилле, в общем-то, стало тихо. Только где-то там, в отдалении, на сверхвысокой ноте истошно кричал и кричал кто-то. «Что же это происходит?» — мелькнуло у него в голове, прежде чем его вырвало в бирюзовую воду бассейна дорогушим шампанским «Мум».

Виктория резко вздернула голову, потрянула слипшимися от крови волосами и уставилась на него, притаившегося возле бортика бассейна. Вот теперь он понял, что на самом деле означает: положить на кого-то глаз...

12.15.40

...Так. Дотянуться до ножа на голени правой рукой..., э, нет... так еще больше запутываешься, и рюкзак, хоть и небольшой, мешает. Пистолет упирается... значит левой... Да, вот так. И сразу подрезать вот здесь. Отлично... Вот видишь, все получается, главное не спешить, ага... Освободить правую ласту... Ах ты, теперь левая запуталась. Ничего, сейчас и ее подрежем... Что это там?!! Вот только утопленников мне здесь не хватало для полного счастья. И ладно бы добрых старых распухших трупов.... Но хоть выясню, наконец, что они делают под водой...

3 месяца назад

...Тяжелый, немигающий взгляд Виктории впился в него, как

зазубренный гарпун, отравленный к тому же трупным ядом. Трупным.... Вот это слово, неизвестно откуда всплывшее в мозг, заставило его судорожно озираться по сторонам. И начали припоминаться те странные слухи... или все же не слухи? А между тем, к краю бассейна начали подходить все новые и новые фигуры в бикини и плавках, гавайских рубашках и шортах, а кое-кто — в форменной одежде охраны. Некоторые выглядели не лучше Виктории, хотя она, конечно, была вне конкуренции, с откушенными щеками, носами, вырванными глотками и разможженными пулями кистями рук. Некоторые практически ничем не отличались от живых людей, по крайней мере, никаких видимых повреждений на них не было. И он со слабой надеждой подумал, было, что может все-таки, это розыгрыш, что сейчас кто-нибудь рассмеется. Честное слово, он от души рассмеялся бы со всеми... а потом надрался бы до пороссячьего визга, и черт бы с ними, с рекордами.... Надежда угасала по мере того, как все новые и новые люди? трупы? шаркая и спотыкаясь, подходили к бассейну и вперялись в него таким же, как у Виктории взглядом. Вот **это** его убедило, в конце концов. Можно сделать чрезвычайно достоверный грим, спецэффекты, но вот добиться одновременно у всех участников действия **такого** вот взгляда... для этого надо было быть гениальнейшим режиссером-постановщиком, муштровать массовку неизвестно сколько месяцев, да и то с непредсказуемым результатом. И все ради чего? До смерти напугать какого-то дайвера, пусть и входящего в десятку лучших? Затравленно он переводил взгляд с одной неподвижной фигуры на другую и везде натыкался на этот тяжелый немигающий взгляд, в котором он читал лишь одно чувство: голод. Страшный, пожирающий изнутри, нечеловеческий голод. Если бы эти существа могли разговаривать, наверное, с этих изорванных в клочья губ слетали бы сейчас жуткие проклятия, вой, рычание.... И, наверное, тогда было бы легче. Потому что сейчас все те эмоции, которые выражались звуками, содержал в себе этот вызывающий дрожь, пригвождающий к месту взгляд.

Он с ужасом ждал, что сейчас кто-то из этих... этих... **Зомби**. Нужное слово наконец-то прорвало защиту истерично сопротивляющегося рассудка «Нет! НЕТ!!! Такого не бывает!!!». Быть может даже, Виктория шагнет в бассейн и.... И что? Пойдет по дну, путаясь в собственных кишках, будто морских водорослях? Или поплывет к нему, все так же впиваясь в него этим лютым, морозящим взглядом, от которого нельзя оторваться? От одной мысли об этом он

сделал то, что никогда бы не сделал раньше ни при каких обстоятельствах — судорожно опорожнил мочевой пузырь в бассейн прямо через плавки. Как говорится: месье, иногда обстоятельства все же сильнее нас...

Как ни странно — это помогло. Теплое облако возле таза одновременно трансформировалось в жаркую волну стыда, прилившего к лицу, когда он опустил голову к воде. Он даже не представлял, что может так покраснеть. И одновременно стало легче, исчезло это непереносимое чувство давления от десятков, не отпускающих его глаз. Тем не менее, внутри у него продолжала дрожать натянутая струна, которая, он знал, порвется вместе с первым шумным всплеском с того края бассейна, где выстроились *эти*. Где-то в глубине души он понимал, что на этой струне держится сейчас и его рассудок, который полетит в этом случае.... Куда? Он не знал. Возможно, когда первый мертвец шагнет в бассейн, он закричит в унисон тому неизвестному бедолаге, который все еще орет где-то там. У него тоже видно было какое-то укрытие, защищавшее от нежити, но не дававшее сбежать от нее. А, может он весело захихикает и сам поплывет к своей несостоявшейся возлюбленной, вытягивая ей навстречу губы для поцелуя, хотя в данном случае, скорее укуса. Или оцепенеет и тупо пойдет ко дну. Из бассейна не выбраться. Вернее, выбраться можно только в одном месте, по лесенке, там, где неровной шеренгой стояли мертвецы. Во всех остальных местах были слишком высокие края, а может уровень воды в бассейне случайно или намеренно понизили. В любом случае, кроме как с той стороны, где стояли зомби, ему не вылезти. А прорваться через их строй — делодохлое, в самом что ни на есть прямом смысле. Судя по всему, чтобы стать таким, как они — достаточно будет одного укуса. Секунда тянулась за секундой, но в воду никто не падал. Мертвецы так и стояли возле края бассейна, не делая попыток залезть в него. Он осторожно поднял голову — как раз для того, чтобы заметить, как несколько живых покойников резво заковыляли вдоль бассейна, стараясь обогнуть его и приблизиться к нему с этого края, где он был рядом с берегом. А если попробовать выманить их к другому краю бассейна, а потом рвануть к выходу? Он доплыл к дальнему краю бассейна и остановился там, держась стену. Несколько мертвецов и впрямь пошли туда, но достаточно большая группа так и осталась стоять возле лесенки. «А среди них, как и среди живых, есть и умные и тупицы» — мрачно подумал он, отплывая от бортика на середину бассейна. «Вопрос лишь в том, кто из них умнее:

те, кто пытается достать плавающую добычу там, где она находится сейчас или как раз те, кто караулит ее у единственного возможного места, где она может выбраться на берег». Ну, и что дальше? Ладно, они по каким-то причинам не лезут в воду. Может, какие-то сохранившиеся инстинкты заставляют их держаться от нее подальше. Может, где-то в уголках их умершего, но функционирующего же, черт подери, мозга сохраняется память, что *люди*, ну или *особи*, которыми они были раньше, должны дышать воздухом, а в этой жидкой среде, где болтается живой кусок мяса, это сделать невозможно. И, хотя Виктории сейчас воздух нужен, как новое бальное платье, эти сохранившиеся инстинкты заставляют их держаться подальше от воды. Пока. Кто знает, может быть, по мере того, как их тело будет высыхать, бассейн покажется им привлекательным. А может, они полюбят гулять под дождем. В любом случае, пока это ему помогало, но что делать дальше? Он по-прежнему заперт посередине этого дурацкого бассейна и, между прочим, он уже довольно давно в воде. Первые симптомы переохлаждения, пока еще робкие предвестники, уже начинали проявляться. Но стоит ему побултыхаться в воде еще немного, и тело его начнет охлаждаться. Сосуды, которые расширил алкоголь, и так отдавали тепла больше, чем в норме. Дальше начнется озноб, судороги, он потеряет сознание... «Может быть, я стану первым утонувшим зомби» — с мрачной иронией подумал он, — «Интересно, я тогда пойду ко дну или попытаюсь выбраться из бассейна? Виктория, вон, уже заждалась, может быть подаст руку... Впрочем, и кишечник сойдет». Зря он, наверное, увлекся дайвингом. Надо было осваивать длительные заплывы в холодной воде. Готовься он к заплыву через Берингов пролив — шансы его были бы выше, однозначно... Точно, туда надо было идти. «Что угодно сейчас отдал бы за неопреновый костюм, даже не сухой, а мокрый» — с отчаянием подумал он. Холодный голос внутри него сказал: «Ну и что? *Эти* на берегу ждать не устанут, плавай ты даже в подогретом молоке. Сколько бы ты продержался на воде, даже в костюме, пока твои мышцы не устанут? Два часа? Три? Ты думаешь, кто-то с рассветом придет на помощь? Ты думаешь, Господь поразил этой неведомой заразой только ту ничтожную часть Вселенной, в которой оказался ты? Специальный заказ — только для Жака, в одном экземпляре, а все остальное человечество по-прежнему живет, как и жило? Да это же творится сейчас *везде*: в детских садах и больницах, военных частях и офисах. И падают с неба самолеты, в которых пассажиры

вгрызаются в горло пилотам, а те самолеты, которые уцелели, кружат над аэродромами, в отчаянии сжигая последний керосин в баках, потому что на взлетной полосе и в залах для прибывающих их уже ждут, ждут с нетерпением. Ты ведь тоже бываешь нетерпелив, когда ужин запаздывает? И чего бултыхаться, давай, подставь руку, только руку под укус. Наверное, это будет быстро. И, кстати, **они** не чувствуют холода...»

Мотнув головой, он загнал голос в дальние уголки сознания. Тем не менее, он знал: голос вернется. И с каждой минутой его барахтанья, с каждой потерянной калорией, он будет все более настойчив.

Стиснув зубы, он сделал сильный гребок, еще один — просто чтобы согреться.

Бросил мимолетный взгляд на шеренгу зомби, стоявших у края с лесенкой. Виктория все так же продолжала ковыряться у себя в животе, но уже перестала пожирать собственную требуху. К бассейну, шатаясь, приблизился очередной мертвяк — хлипкого вида парень в красной бандане. «Нет, не в бандане. Это просто у него содран скальп» — поправил он себя, удивляясь, насколько все же быстро человек привыкает к новой реальности, какой бы пугающей она не казалась вначале. Он сделал еще один гребок, остановился, отдыхая. Парень с «банданой» скрылся за спиной здоровяка в форменной рубашке охранника. За его плечами, размером со шкаф, таких пацанов можно было спрятать троих. Похоже, было, что скальпированный мертвец потерял его из виду. Несколько секунд он тупо тыкался в спину охранника, а потом вновь раздался этот истошный крик. В нем не было намека на призыв о помощи, да и вообще каких-либо эмоций. По-видимому, издававший его еще живой человек попросту сошел с ума и теперь просто кричал и кричал, делая лишь короткие перерывы. Скальпированный мертвец рывком развернул тело в сторону более ясного сигнала о возможной пище и заковылял в ту сторону. В пловце зародилась робкая надежда. Быть может.... Стараясь не смотреть в лица молчаливо стоящих живых трупов, он постарался максимально точно запомнить, сколько же их стоит у бассейна. Потом прочистил легкие, отдышался и нырнул. Уцепившись руками в стенку, он, сколько мог долго сидел на дне, и вынырнул лишь тогда, когда перед глазами пошли темные пятна. Минуты четыре. Не так и плохо, учитывая, сколько он уже потратил сил. Он быстро обвел взором зомби, выстроившихся у бассейна, и сердце его забило быстрее. Получилось! Не стало того

самого здоровяка-охранника и еще одной девицы с откушенным носом, и еще вон один, шатаясь, побрел вдоль бассейна. Но, увидев его, вновь остановился и защелкал зубами, вытягивая в его сторону руки, на которых не хватало доброй половины мышц. Так. Теперь не торопиться. Спешить не надо. Надо как следует отдышаться. Но и затягивать нельзя. Неизвестно, насколько его хватит, тем более, дрожь в теле усиливается. Подержавшись на воде несколько минут, он снова нырнул. Потом все слилось в бесконечную цепь погружений и всплытий. Число мертвецов неуклонно таяло, но, Господи, как же медленно! Истерзанные легкие, казалось, горели огнем, а озноб колотил его, как малярийного больного на пике приступа. Ему все труднее было оставаться под водой больше, чем на одну минуту и он молился только о двух вещах, чтобы у того несчастного сумасшедшего не сорвался голос, и чтобы его убежище осталось неприступным еще хоть немного. Он стал во время погружений переплывать под водой на другое место, это тоже помогало. Вот уже осталось только четверо зомби... трое... двое. Виктория ушла последней. По-видимому, он действительно ей понравился.

Плача от усталости, он поплыл к лесенке и вдруг остановился. Пятно крови, натекавшее из Виктории, частично рассеялось, но все же было довольно густым. Может быть оно заразно? Он судорожно попытался вспомнить, нет ли на нем каких либо повреждений? Мозг, отупевший от усталости, холода и нехватки кислорода, напрочь отказывался работать. Вроде, как и нет. «Но ведь кровь все равно растеклась по бассейну,» — с ужасом подумал он — «что-то ведь было и рядом со мной» — он вспомнил, как при очередном погружении захлебнулся и проглотил, наверное, со стакан воды. А еще глаза да и слизистая пениса — никому ведь не приходит в голову плавать в бассейне с презервативом, правда, месть? Внезапно ему пришла на память статья в медицинском журнале, который он со скуки читал, сидя в кресле у дантиста. Согласно данным статьи, даже при уколе иглой от шприца, которым делали инъекции ВИЧ-инфицированным, заражение у медработников происходило очень редко. Что-то один случай на две-три тысячи уколов. По мнению авторов статьи, в таких случаях концентрация вируса была очень мала, для того, чтобы вызвать заражение. Может и здесь разведение оказалось слишком сильным? Оставалось надеяться только на это. Он пожалел, что теперь бассейны не обеззараживают, как раньше, — хлоркой. Может это помогло бы ему. Хотя, откуда ты знаешь, что

это именно вирус, а не космические лучи пришельцев, химические опыты военных или тотальное проклятие какого-то чрезвычайно могущественного колдуна? Вроде, все эти версии также рассматривались в литературе и кино, так что имеют право на существование, раз уж здесь творится такое. Ладно, будем исходить из того, что это старый добрый вирус, вырвавшийся из лабораторий. Хотя бы потому, что при этом можно как-то рассчитывать защититься или предохраниться. А как защититься от вудуистского колдовства?

Собрав последние силы, он поплыл к лесенке. Последние метры проплыл максимально быстро, зажмурившись и плотно сжав губы. Со стороны это выглядело, наверное, уморительно. Тем более, что греб он одной рукой, а второй судорожно сжимал в горсти собственные причиндалы. Сознывая, что делает совсем уж полную ерунду — одновременно он пытался напрячь мышцы ануса. Будто вирус был таким педиком и стремился забраться к нему в задний проход. Выскочив из воды, он, дрожа всем телом, метнулся к тому месту, где целую вечность назад они с Викторией оставили полотенца, и принялся лихорадочно вытираться. Кто-то из плававших вместе с ними оставил недопитую бутылку виски. Трясущимися руками он свинтил пробку, вылил в сложенную ковшиком ладонь порцию янтарного напитка и яростно принялся протирать все открытые части тела. Еще! Еще! Шипя от боли, втер жидкость в половой член и анус. Напоследок, набрав полный рот виски, он прополоскал его, выплюнул, повторил... Для принятия внутрь остался только лишь глоток, прокатившийся по замерзшему пищеводу теплой волной. Одновременно с этим он, наконец, ощутил тяжелый запах крови, смешанной с водой, фекалий из разорванного кишечника. И этот последний глоток вновь рванулся по пищеводу, но уже в обратную сторону. Он изо всех сил сдержал рвотный позыв, памятуя, что именно после этого он привлек внимание мертвой Виктории. Голос, так спасавший его все это время, наконец, затих. Того и гляди, опять нагрянут *эти*. Обернувшись серым мохнатым полотенцем и сжимая в руке единственное оружие — пустую бутылку, человек побежал прочь от бассейна — во тьму. Он бежал, затравленно озираясь. Как в бесконечно далекие эпохи, спасаясь от более крупных хищников, бежал его крысopodobный предок...

12.15.40

Мертвый Мартинес неподвижно висел в обрывках прочной

нейлоновой сети, будто гигантский уродливый паук-крестовик. Неизвестно было — погиб ли он при ударе касатки в лодку или захлебнулся уже потом, когда упал в воду бухты. Тем не менее, VD настигла его после смерти и под водой. В этом мире человек, которого домертвляли сразу после первой смерти, не давая превратиться в страшное существо, готовое убить и сожрать тех, за кого бывало он умирал секунду назад, мог считать себя счастливым. Человеком, которого другие люди не бросили. И если раньше многие старики большое значение придавали месту, где они будут лежать после смерти, одежде, в которой их похоронят и, даже, поминальному обеду, сейчас все это отошло на самое последнее место. Остаться лежать голым в канаве, но с простреленной головой — да это же счастье! Ты тогда точно не придешь к любимой внучке, не подстережешь ее возле места, где она любит играть. Потому что **эти** сохраняли в себе остатки какой-то памяти, и, бывало, так и делали: приходили к детским площадкам и дети с радостным криком мчались к протянутым серым ладоням...

Мартинесу повезло хотя бы в том, что после того, как VD поцеловала его своими смердящими губами, он очутился в таком месте, где не мог причинить никому никакого вреда. По крайней мере, до того момента, когда в сети, в которых запутался он, не попал Жак. Поскольку VD пришла к нему уже после того, как он попал в воду, с того самого момента, как мертвец впервые пошевелился под водой, ему не с чем было сравнивать воздушную и водную среды. Он воспринимал то место, где находился сейчас, как нормальное, если такое слово можно вообще применить к зомби. Скорее, определенное неудобство на какой-то момент ему бы принесло внезапное попадание на воздух. Точно так же, как мертвец, оживший на суше, «боялся» воды. Если он попадал в воду, то первоначально камнем шел на дно, а там совершал судорожные попытки выплыть. Выработанные за миллионы лет эволюции инстинкты настойчиво диктовали ему стремление выбраться из-под воды на сушу. Зомби натуральным образом боялся «утонуть», но постепенно привыкал, успокаивался, и... Начинал делать то, что и его собратья на суше — ждать пищу. В воде возможностей было меньше, но иногда все же пища приходила и сюда. Мартинес тоже ее ждал. После смерти и попадания в воду он видел плохо. Зрение хоть человека, хоть покойника не приспособлено для хорошего наблюдения под водой, законы рефракции никто не отменял. Не мог он ощутить и запах, который зомби на суше, хотя и не таким

способом, как живые, но могли таки ощутить. Слух и, тем более, вкус под водой тоже как-то не способствовали поимке добычи. И, тем не менее, один из органов чувств работал исправно и точно таким же образом, как и у того насекомого, которого он имитировал. Осязание в данном конкретном случае у зомби сработало так же, как и у паука. Ощутив колебание «ловчей сети», мертвец открыл под водой подернутые пленкой глаза. Определившись с местом, откуда шли толчки, передающиеся по «паутине», зомби начал совершать движения в этом направлении. По мере продвижения он все больше наматывал на себя обрывков сети и начинал напоминать уже не столько паука, сколько его жертву или даже, из-за своих колебательных движений, невероятно большого, отвратительного опарыша. Человек, будь он даже с аквалангом, давно бы уже задохнулся. Просто потому, что сеть не дала бы расправляться легким, и он не смог бы сделать вдох даже из баллона. Мертвецу подобная опасность не грозила. А потому существо, бывшее Мартинесом, медленно продвигалось к добыче, оказавшейся значительно ближе, чем казалось поначалу. Впрочем, такие понятия, как «ближе» или «дальше» его не беспокоили. Ему точно никуда не надо было спешить. Впереди у него была вся вечность. Вот уже можно и дотянуться свободной рукой...

12.16.10

...А в легких уже начинает «подгорать». Рико вот-вот должен прыгнуть в воду, отвлечь на себя касатку. Сколько там она пробудет? Если хотя бы вывернуться из этой проклятой сетки до того, как мертвец ко мне подобрется. Плохо то, что одна рука у него свободна. Вон, как машет. Если схватит и подтянет к себе... Начну высвобождаться, запутаюсь еще больше, тогда точно.... Не думать! Не спешить! Еще много времени, ему ползти еще метра два.. Так... подрезать, здесь, здесь, здесь. Все!!! Ах, же ты зараза, успел схватить за ласт...

12.16.15

...Пальцы Мартинеса цепко ухватили край ласта, впились ногтями в резину. Жак судорожно дернул ногой, стремясь освободиться, но было уже поздно. Мертвец со свойственной зомби стремительностью выбросил руку вперед, и сморщенные от морской воды пальцы сомкнулись на лодыжке дайвера. Сгибая руку в локте, утопленник потянул пловца к широко раскрытому рту. Голова в

переплетении нейлоновых нитей повернулась. Пожалуй, зомби не смог бы проглотить кусок мяса, даже если бы и смог откусить его от живой плоти — настолько его рот был затянут нейлоном. Но откусить и укусить — это две большие разницы. Укусить — он еще мог. Кстати, почему-то у всех мертвецов, описанных до реальной VD, или снятых в кино, зубы обязательно были гнилыми и кривыми. И это-то при всех достижениях современной стоматологии. Конечно, у некоторых, особенно удачливых зомби, подожравших человечины, зубы и впрямь менялись. У кого до состояния клыков, у кого — до иглообразных. Тем не менее, у подавляющего большинства зомби была, что называется, истинно голливудская улыбка, сверкающая фторлаком. Именно такими зубами Мартинес и попытался вцепиться в неопрен плавательного костюма Жака. В следующий момент, изогнувшись, пловец в свою очередь, схватил опутанного сетями зомби за горло и вонзил нож в глазницу, над левым глазным яблоком. Нож у него так и был зажат в левой руке. Перехватив правой рукой мертвеца за затылок, левой рукой Жак изо всех сил надавил на рукоять ножа. Нож на секунду пошел вверх, затем, подчиняясь изгибу глазничной впадины, слегка изменил наклон. На долю секунды задержавшись у задней стенки глазницы, острое лезвие преодолело хрупкую преграду, тонкую косточку, вернее даже стык из трех костей, сходящихся в этом месте, и по рукоять ушло в лобную долю мозга. Глазное яблоко выпало из глазницы и, будто чудной воздушный шарик, попыталось всплыть вверх на серо-красной веревке глазного нерва. Едва острие ножа вонзилось в кору и разрушило целостность единой структуры мертвого мозга, связанной в единую цепь работой миллиардов вирусов, повинных в VD, как рука мертвеца разжалась, злобный взгляд погас, и окончательно мертвое тело заколыхалось в теплых подводных течениях. В это самое время над головой Жака стремительно промелькнула огромная тень. Значит, Рико уже начал свою рискованную игру, там, возле берега. Не тратя времени на то, чтобы достать нож из черепа покойника, пловец толчком отправил мертвое тело на дно и изо всех сил поплыл по направлению к катеру. На одну секунду он испугался, что потерял ориентацию и плывет вместо поверхности в глубину: иногда так случалось и с самыми опытными пловцами. Пришлось потратить драгоценную секунду на то, чтобы осмотреться. Мертвый Мартинес в своем саване из сетей все так же уходил вниз, в темноту, прощально помахивая ему рукой: типа, не сомневайся парень, вот он я... Секунда, потраченная на остановку, обернулась еще

несколькими, пока он не набрал прежнюю скорость. Плохо было то, что вдобавок он перестал ориентироваться и в расстоянии. До катера не должно было быть слишком далеко, но он потратил уже много сил в схватке с сетью и мертвецом, воздуха в легких уже почти не оставалось. Он совершил с отчаянием еще один сильный гребок, другой, и с радостью увидел далеко впереди темный силуэт. Чертов Рог вздымался со дна там, где он и рассчитывал его найти. Конечно, идеально было бы доплыть до него под водой и там уже всплыть, рассчитывая на крепкие руки ожидающих его людей, но расстояние было еще слишком большим. С отчетливой ясностью он понял, что надо всплывать. Он слишком хорошо знал свой организм, чтобы рассчитывать на какие-то скрытые резервы. Во многом его судьба теперь зависела от того, насколько там парень сумеет отвлечь эту тварь, насколько далеко она отплывет от катера. Нет, но как же она быстра! Он пошел вверх, вода светлела. Кровь толчками пульсировала в уже почти ничего не соображающей голове, когда он вырвался на поверхность и открытым ртом с жадным хрипом втянул, наверное, с кубометр морского воздуха. Тут же в рот ему ударила набежавшая волна, и он зашелся в судорожном кашле, снова и снова безуспешно пытаясь насытить организм кислородом.

Тем не менее, как бы плохо ему не было, он сразу же услышал крики. Так бывало и раньше, когда он, установив новый рекорд, выныривал перед друзьями, объективами камер и простыми зрителями. Тогда, правда, крики были радостными и приветственными. Сейчас — отчаянными и испуганными. Катер был буквально метрах в десяти, но люди, находившиеся там, истерично показывали ему за спину. Оглянуться сейчас — означало потерять еще несколько секунд. И он, хрипя и надсаживаясь, поплыл вперед, к протянутым к нему рукам. Кожа спины приобрела, казалось, новые свойства. Он буквально *видел* лопатками, как сзади, вспенивая воду бухты, стремительно приближается к нему изорванный плавник. Пять метров... четыре... три.... Люди на борту истошно орали на арабском.

— Хватайтесь за канат! — крикнула ему Мария. Он вцепился в канат, заблаговременно сброшенный с борта, в мертвящем ожидании страшного удара в спину, который подбросит его в воздух. И почти не удивился, когда действительно взлетел, буквально выдернутый из воды. Обдирая ладони о заусенцы металла, он ухватился за борт. Чернокожий парень бесцеремонно ухватив его за филейную часть, перевалил его внутрь катера. И он шмякнулся на грязное дно, будто

громадная рыбина. Сходство усиливало еще и то, как он хватал ртом воздух — ни дать ни взять, свежевыловленный тунец. Одновременно с его падением, катер задрожал от мощного удара. Такого, что женщины, сгрудившиеся в кучу возле лежащих детей, с криком упали на дно баркаса. Спустя несколько секунд последовал еще один сильнейший удар и еще. Монстр, обезумевший от того, что близкая добыча ускользнула, вновь и вновь обрушивался на лодку.

— Он просто взбесился, — голос Марии дрожал, — последних десять часов он не нападал на нас, мы его даже не видели. А тут..

— Он.... *линял*, — задыхаясь, прервал ее Жак. — Суперы тоже... не любят нападать, пока не отрастят себе... зубы и мышцы.

Что-то с противным скрежетом произошло по борту катера. Жак с недоумением посмотрел на Марию. Та — на африканца. Но тот, точно так же ничего не понимая, пожал плечами. Они осторожно приподнялись и взглянули за борт, но касатка уже отплыла далеко от катера. Лишь на борту появились глубокие царапины, прочерченные параллельно.

К счастью, и в этот раз монстр почему-то решил подождать. Вильнув телом, он внезапно развернулся и отплыл от катера. Немного покружив на середине бухты, чудовище внезапно нырнуло. От тяжелого тела по воде пошли пенистые волны.

Жак с содроганием представил, что было бы, задержись он в воде еще на несколько минут. Чем дальше, тем хуже. Похоже, тварь умнеет. Вон, уже и нырять научилась. Может быть у них будет не более одной попытки. Причем попытка эта зависела от стольких «если». Ладно, как там говорил его одноклассник Франсуа, сделавший кучу денег на игре в карты: «... С хорошей картой игру сделает даже дурак. А ты выиграй, когда у тебя ничего нет...»

Он быстро стянул ласты, заодно осмотрев ногу, за которую уцепился мертвец. Похоже, неопрен не поврежден, все обошлось, слава Богу. Потом сбросил со спины небольшой рюкзак, нажал пальцами на замок верхнего клапана, достал бутылку воды. Он и забыл про нее. Неизвестно, конечно, сколько еще проживут после этого дети, но, во всяком случае, на тот свет лучше уходить хотя бы без чувства жажды. Радостно причитая на арабском, женщины понесли воду к лежащим на грязных циновках детям. Жак только мельком бросил на них взгляд, но сердце его болезненно сжалось: мальчик и девочка лежали рядом, над ними облаком вились черные мухи. Груды детей тяжело вздымалась, губы запеклись. По-видимому, оба уже были без сознания. Да, попытка будет только одна. В любом

случае дети, если не попадут до вечера на землю, где им, может быть, удастся наладить внутривенную инфузию жидкостей, умрут. И тогда будет без разницы, где находиться — в лодке, рядом с ожившими тварями с обликом детей, либо за бортом, где плавает это чудовище. Да, можно будет выбросить оживших зомби на съедение этой... этому..., но зачем? Оттянуть неизбежный конец на пару часов? Так, теперь, собственно, к делу: он достал из рюкзака пистолет для подводной охоты. У них было еще и ружье, но такое длинное и громоздкое, что плыть с ним под водой было бы ненамного лучше, чем с винтовкой. Последнее, что он вытянул из опустевшего рюкзака, был большой, крепко завязанный, пластиковый пакет.

Мария посмотрела на пластиковый сверток. Замусоленная повязка скрывала верхнюю часть ее головы, но по концам волос, что выбивались из-под нее, можно было думать, что в те времена, когда она ходила без повязки, прическа у нее была совершенно роскошной. Даже сейчас тяжелые пряди вспыхивали густым каштановым отливом при каждом повороте головы.

—Что это?

Они, конечно, переговаривались перед тем, как он совершил этот заплыв. Собственно, почему его и ждал канат, когда он вынырнул на поверхность у катера. Но все, естественно, обсудить было нельзя.

— Мы попробуем его убить.

— Этим?!! — она смотрела на него с недоумением, смешанным с разочарованием и горечью. С одной стороны, она видела, что он рисковал, но... Африканец тоже что-то быстро и возмущенно затараторил, разводя руками. Девушка оборвала его, но, в свою очередь, повернулась к Жаку.

— Вы шутите, сеньор? Я же говорила вам, его не берут даже пистолеты, а уж это...

— Мы взорвем его, — прервал он Марию. Здесь взрывчатка, — он кивнул на грузовой пояс, змеей свернувшийся на дне лодки.

— А здесь что? — она показала рукой на пластиковый пакет и внимательно посмотрела на него. А вот глаза у нее были совершенно не в тон волосам — светло-голубые. Наверное, они здорово смотрелись бы на фоне ее матовой кожи. Жак видел, что под майкой она именно такая. Лицо, конечно, тоже было таким... до плавания на катере. Сейчас оно было до кирпичной красноты обожжено безжалостным солнцем, и Жак решил, что в последние месяцы Мария редко бывала на улице. В любом случае, взгляд был очень умным.

— Человеческая печень, — немного помедлив, неохотно ответил

он. — Ну, и немного мяса. Это... ну, в общем, один из наших людей погиб. Мы подумали: возможно, это поможет приманить эту тварь. По крайней мере, суперы, которые появляются из людей, чаще всего и охотнее выедают именно печень. Не знаю почему.

Она печально кивнула головой:

— Я знаю. И еще сердце. Когда мы уходили из Барсы, я видела такое.

Ни отвращения, ни испуга не появилось на ее изможденном лице. Впрочем, в мире VD трудно было вызвать отвращение чем-либо. Трупный запах, на все лады воспетый писателями и поэтами всех времен и народов, стал для этого мира столь же обыденным, как когда-то запах скошенной травы на газонах.

— Вы говорили, что попыбуете взорвать его? Как?

Он уже работал, потроша пояс.

— Мы думали, когда он подплывет поближе — всадить в него стрелу с примотанным к ней зарядом. Сюда-то он подплывает ближе, чем к берегу

— О, да. — Она усмехнулась бледным подобием улыбки. — Вы и сами могли в этом убедиться.

— Была мысль, чтобы отправить взрывчатку на плоту, но очень трудно было бы рассчитать точное время, когда надо взрывать заряд. Не было никакой гарантии, что получится. Ну, и мы не рассчитывали, что он станет *таким*. — Жак вылутил из пояса, будто фасолины из стручка, несколько штук пластиковых цилиндров кремового цвета.

Чернокожий парень смотрел на его действия, все больше хмурясь. Увидев цилиндры, он осторожно взял в руки один из пакетов со взрывчаткой, покрутил его в пальцах, одобрительно кивая головой, увидел маркировку и вскинул голову. Что-то резко спросил. Мария перевела:

— Он говорит: «Вы знаете, что это за взрывчатка?»

Жак пожал плечами:

— Понятия не имею. Но мы пробовали: взрыв — что надо. Сами конечно, отошли подальше, и то в ушах зазвенело. Ребята добыли ее на гранитном карьере, там ей камень дробили. Лысый Карлос... ну, он работал раньше там, пока не ослеп, рассказал мне, что надо делать. Как вставлять детонатор, обжимать шнур.

— «Какие детонаторы?»

— «Сколько их?»

— «Шнур стандартный — сантиметр в секунду?» и т. д. —

вопросы один за другим следовали от африканца.

Чернокожий снова быстро заговорил что-то, оживленно жестикулируя. Он показывал на лодку, море, взрывчатку, что-то спрашивал, снова и снова повторяя одно и тоже слово, звучащее, вроде как «невинность»

Мария, слушала его, ее взгляд становился все строже и напряженнее. Пару раз она переспросила африканца, тот показал пальцем на гарпун подводного пистолета, сложил руки и веерообразно развел их в стороны. Наконец Мария начала говорить:

— Рашид говорит, что это «нью сентекс», новое поколение взрывчатки. По его словам, она раз в пять сильнее обычного пластита и раз в десять — тринитротолуола. Ее надо взрывать не ближе десяти метров от катера, иначе нас всех оглушит и взрывной волной сметет в море. Даже и десять метров, скорее всего, мало. Но это еще не все: он говорит, что взрыв может оказаться неэффективным. Если заряд рванет на стреле, как вы предлагаете, основная сила взрыва уйдет в сторону, и голова окажется неповрежденной. Он говорит, взрывчатку надо усилить.

Рашид тем временем начал копаться в металлическом ящике, стоявшем у одного из бортов. Отбросив в сторону промасленные тряпки, он выгреб оттуда пригоршню болтов, гаек, моток проволоки. Достав оттуда же кусачки, быстро постриг проволоку на мелкие кусочки. Поняв его замысел, Жак протянул ему моток скотча, также лежавший в рюкзаке. Он молча следил за тем, как ловкие пальцы обкладывают импровизированной шрапнелью торцы цилиндров и приматывают их скотчем. Хотелось, конечно, спросить, откуда у простого иммигранта настолько хорошие знания о минно-взрывном деле, но не был уверен, что получит ответ. Кроме того, кое о чем он догадывался и сам. Он тронул африканца за плечо и спросил через Марию:

— Ты говоришь, что взрывчатка ближе десяти метров и без того опасна, а теперь еще и начинил ее осколками?

Рашид улыбнулся ослепительной улыбкой и сказал что-то. Мария, помедлив, перевела: «все будет хорошо». Жаку показалось, что речь Рашида была длиннее для такого короткого сообщения, но происходящее в бухте начисто вымело все лишние мысли из его головы.

На середине бухты, приблизительно над тем местом, где затонула баржа, появилось волнение, которое постепенно усиливалось. Что-то там, под толщей воды, ходило ходуном. «Может,

оно запуталась в тех сетях?» — едва родившись, эта слабая надежда тут же и умерла. Вода забурлила, и громадное черное тело выскочило из воды, наконец-то полностью представ перед оцепеневшими людьми, что называется в полной красе. То, что плавало в воде бухты Санта-Розы, уже не очень сильно напоминало касатку. Ну, разве что, вытянутым телом. Люди на катере с ужасом смотрели, как существо, скорее напоминавшее помесь ихтиозавра с крокодилом, изогнуло тело и приподняло чешуйчатую голову. У него уже появились зачатки гибкой шеи. Голова обзавелась мощными костяными наростами, теперь ее вряд ли бы взяло даже ружье Ивана. Ну разве что он попал бы в один из отливающих красным глаза. Да и то неизвестно, привело ли бы это к успеху. Как и у ихтиозавра, глаза нового творения VD представляли собой настоящие бронешторки. Наверное, как и древние ихтиозавры **оно** могло теперь нырять на большие глубины. Может быть даже, на **любые** глубины. Всем дайверам мира смотреть и плакать от зависти. Морда твари была по-прежнему короткой, зато зубы стали массивнее и длиннее. Верхние клыки, вылезшие из пасти, торчали немного вперед, а сама пасть стала еще шире. Тело стало тоньше, но тоже удлинилось. А плавники «вспомнили», что когда-то были лапами, и вернули себе сустав, исчезнувший в процессе эволюции неведомого зверя в касатку. Вдобавок из края плавников (или, все таки, уже лап?) торчали острые кривые когти, отливавшие в воде иссиня черным. Именно этими когтями тварь, бывшая когда-то звездой шоу и любимцем детворы, и проскрежетала по борту катера, оставив на нем глубокие царапины. По обе стороны из спинного плавника спина вспухла буграми. Кое-где эти бугры треснули, обнажив острия не то зубцов, не то шипов, которые вскоре, по-видимому, должны были бы вылезти полностью. Ну и для полноты картины следует добавить тошнотворный запах разложения, сопровождавший мертвую тварь. Покойный Иван оказался прав: на их глазах стремительно рождался едва ли не самый страшный хищник этого мира. Да и не факт, к тому же, что и в другие времена с ним смог бы кто-нибудь поспорить. Ну, разве что, давно канувшие в Лету великие драконы моря — плиозавры.

Изо рта монстра свисали обрывки нейлоновых сетей. Челюсти его сомкнулись раз, другой. Было видно, как какой-то комок медленно соскользнул из горла в брюхо. Похоже, эта тварь отыскала Мартинеса. А это значит, что еще лишних 80 килограммов в ближайшие часы перельются во что-то, полезное для нее. Может удлинятся клыки, может — когти. А может у твари появятся ноги, и

она поползет на берег. Но, похоже, пока что у нее была другая цель: голова чудовища повернулась на уже заметно изгибающейся шее, и (Жак мог в этом поклясться!) глаза его холодно и разумно взглянули на катер. Африканец лихорадочно возившийся с пистолетом для подводной охоты, внезапно прокричал что-то Марии. Та кивнула.

— Бросайте мясо подальше, в сторону! — крикнула она, схватив Жака за руку. Голос ее был настолько властным, что он, не раздумывая, широко размахнулся и забросил пакет в воду — метров за двадцать. Монстр отреагировал на падение молниеносным броском в ту сторону. Не доплыв до места падения пакета, он нырнул. Еще через десяток секунд на том месте, где пакет, булькнув, ушел на дно, супер взвился вверх в столбе пены и брызг, будто демонстрируя людям всю свою ужасающую мощь и силу. С грохотом он рухнул в воду, ударив по ней раздвоенным хвостом.

«И что? Все, что мы выиграли — максимум, полминуты. Только аппетит раздразнили.» В следующее мгновение мертвый Вилли ринулся на катер. Удар сотряс кораблик, когти вновь тошнотворно заскрежетали по борту, а еще через секунду страшная оскаленная морда вздыбилась над ним. На что они надеялись, идиоты! Он обреченно понял, что их «планы» действительно годились лишь для Юсо. Они-то полагали, что нужно будет не спеша всадить в тупо плавающую касатку стрелу с зарядом и дожидаться, когда ее разнесет на куски. Типа, как в тех, первых «Челюстях». Они не удосужились толком ничего узнать о силе взрывчатки, а главное, — не знали, с чем им придется иметь дело. Мало того, ситуация ухудшилась, даже по сравнению с тем, на что они рассчитывали. А они не рассчитывали, что она будет такой быстрой. Они не рассчитывали, что на голове у твари будет костяная каска. Шансы на удачу были невелики и в самом начале, но они все же планировали иметь дело хоть и с мертвой, но все-таки касаткой, а не с этим плавающим кошмаром...

Щелчок пистолета не был слышен в истошном крике женщин. Кажется, и сам Жак кричал. Стрела, оставив в воздухе слабый дымный след от горящего запального шнура, пронеслась возле уха Жака и глубоко впилась в надбровье супера. К стреле скотчем были примотаны два пакета со взрывчаткой. К каждому из них полз дымный ручеек, короткий, не более десяти-пятнадцати сантиметров. Он даже не заметил, когда Рашид успел снарядить стрелы, вставить детонаторы и поджечь шнур. Пока он таращился на чудовище, парень занимался делом. Значит, через десять-пятнадцать секунд гроыхнет, взрывная волна сомнет их как бумагу, а то, с чем

не справится она, доделают металлические осколки. «Ну, и ладно, лишь бы эту тварь захватить с собой», — с внезапным ожесточением подумал Жак. Внезапно он едва не упал от сильного толчка — африканец пулей промчался мимо него и вскочил на борт рядом с тварью. В руке он сжимал обрывок толстой ржавой цепи. По черной спине прокатились бугры мускулов, когда он, широко размахнувшись, изо всей силы хлестанул по глазу монстра. Голова того дернулась в сторону Рашида, но громадные клыки лязгнули в воздухе. Все также сжимая в руке цепь, африканец рыбкой нырнул головой вперед. Жак знал, что эта картина будет стоять перед его глазами всегда: плывущее в воздухе черное, будто маслом намазанное тело, руки вытянуты вперед, за одной из них тянется витками намотанная цепь. Человек вошел в воду почти без всплеска, а через пару секунд волны с шумом выплеснулись в катер. Соскользнув с борта, тварь ринулась в погоню за добычей. Жак, как будто видел это собственными глазами: человек, стремительно уходящий вниз, в черноту, и преследующий его супер. Он прекрасно знал, что должен ощущать сейчас Рашид, увлекаемый в глубину грузом цепи. В конце концов, он сам не раз ощущал это: воздух, сжимаемый в груди, все сильнее нарастающую боль в ушах и голове, мутнеющее сознание...

— Держите детей и сами держитесь! — воскликнул Жак.

Мария не растерялась и крикнула по-арабски, наверное, то же самое. Он упал на дно катера, ухватился за какой-то выступ и, открыв рот, начал считать секунды. Удар снизу пришел на «тринадцать», но оказался не таким сильным, как он ожидал. Катер просто высоко приподняло на водяном пузыре, а потом опустило, и он закачался на волнах, взрывом снятый с Чертова Рога. Наверное, Рашид погрузился уже очень глубоко. Или основная сила взрыва ушла в тело твари. Жаку хотелось верить именно в это. И еще — что чудовище не догнало человека. Казалось бы, лучше было бы, чтобы касатка догнала Рашида, но ему хотелось думать, что он ушел на дно целым. Пусть даже он там и станет таким, как Мартинес. Женщины плакали, Мария с трудом поднялась.

— Он сказал тогда: «Все будет хорошо. Рашид — мусульманское имя. Мое африканское имя — Бомани. Это значит — «боец».

Катер потихоньку сносило в море, но на берегу уже суетились люди, садясь в лодки...

...Они уходили из Санта-Розы утром, когда вставшее солнце уже покрыло золотой амальгамой большую часть воды в бухте, на нее было больно смотреть. Наверное, потому у Рико и Марии были слезы на глазах. Мигель не плакал. У стариков слезы обычно заканчиваются раньше, чем жизнь.

— Что это? — Мигель указал сухим пальцем на небольшую коробку, которую Жак держал в руке. Когда он попросил остановить катер возле Рога, они не спрашивали ни о чем. Немного помедлив, он снял крышку и начал разворачивать ткань, в которую что-то было упаковано

— Не знаю, зачем я тогда захватил это с собой. Думал, просто на память. Потом даже думал выбросить. В конце концов, патроны или консервы важнее, а эта штука еще и хрупкая.

Он достал из коробки небольшую хрустальную статуэтку и поставил себе на ладонь. На золотом диске была прикреплена фигурка ныряющего человека. Тело его было волнообразно изогнуто — пловец стремился вниз, к золотому диску. На диске было выгравировано «100 метров».

— Мне ее сделали друзья, когда я нырнул на сотку.

— Думаю, здесь, возле Рога, даже и поглубже, — произнес Мигель.

Жак согласно кивнул:

— Парень честно заслужил эту награду...

Хрусталь ярко вспыхнул в воздухе, и вода отозвалась тихим всплеском...

© *Николай Шпыркович*

Олег Борисов

ДОМ У ОЗЕРА

Морфа заметили уже на подъезде к лесочку. Михалыч заметил, я ушами прохлопал. Хотя, откуда здесь эта зараза могла появиться — без понятия. Тихое место было, спокойное. Давно заброшенная деревня, где никто не жил лет двадцать. И когда случился приход «большого песца», ни беспокойных бродячих зомби, ни, тем более, чего поагрессивнее в округе на глаза не попадалось. Может, кто за собой из караванщиков приволок? Повадился предприимчивый люд срезать изгибы автострады по разбитым грунтовкам — кто на мародерку, кто на рынок. Все торопятся, всем некогда.

Но в любом случае с тварью что-то нужно делать. Черномордые сволочи-морфы в последнее время слишком уж ума-разума набрались, стали даже в лесу нападать. Некоторые так вообще на свободную охоту уходят в лесопосадки. Нырнут где-нибудь на окраине города в подступившие заросли, заберутся на дерево рядом с дорогой и оттуда уже кошмарят проезжающих. Не дай бог, если подобная зараза за нами топает. Можно и до места не добраться.

— Михалыч, ствол пока не свети. Тварюга умная, увидит оружие — тут же спрячется. А мы груженные, дорога петляет и после дождя. Нам просто не оторваться.

— Это что, отожравшийся? — глаза у попутчика были ошалевшие. Что поделаешь, не каждый день он с подобным зоопарком встречается. Он все больше по строительству. Дом с ноля поставить, для колодца место найти. Заборчик егозой так заплести, что любой лиходея сто раз подумает, надо ли к хозяевам в гости заходить. И по мебели самодельной лучше специалиста не найти. Я недавно под настойку похвастался знакомством с таким полезным человеком, вот и попросили меня уже вместе в гости наведаться. Лавку справить, стол подшаманить. Теперь и думай, как до ворот добраться без того, чтобы голову откусили.

— Да, это тот самый. Как я скомандую «давай», сразу вниз ныряй, чтобы не видно было. А я постараюсь поймать заразу. Она как раз вдоль по обочине топает, мне в зеркальце видно. Там проплешина, удрать не успеет. Два гарантированных ей влеплю. Либо сдохнет, либо рванет обратно, забыв про нас до лучших времен.

— А если...

— Никаких если.

Что мне в старике нравится, так это умение молча делать то, что приказано. Воспитали его все же дикие земли. Рассказывал, что в первой перестрелке стоял столбом и лишь головой крутил, чудом пулю не поймал. Потом уже пообтерся, городские привычки забыл. Но все равно гражданским остался. Хотя, не всем с автоматом по буеракам бегать. Даже я бы сказал иначе. Мы, на всю голову отмороженные, бодрыми сайгаками носимся, чтобы именно такие люди жили спокойно. И чтобы они строили те самые города, где будут жить нормальные люди и куда мы сможем вернуться после очередного рейда. Все же люди с оружием нужны для защиты мирной жизни, а не для того, чтобы войну воспроизводить снова и снова.

— Давай!

Уже еле кативший пикап скрипнул тормозами и остановился. Михалыч сполз с сиденья, я же ударом кулака выбил защелку, откинул крышу и, развернувшись, высунулся наружу. Навел ствол на замершую далеко позади черную тень. По ушам гулко ударил первый выстрел, тут же последовал второй и третий. Сто пятьдесят метров, вряд ли больше. Пусть я и не снайпер, но с пристрелянного ствола и хорошей оптики промазать был бы грех.

Морф закрутился на месте, затем рванул в сторону, забирая ближе к разросшимся кустам. Еще две пули выбили из него куски мяса и крови, но тварь все же сумела скрыться в густой зелени. Одно радует, за нами она сейчас точно не увяжется. А обратно я другой дорогой пойду.

Поставив автомат в держатель, вернул крышу на место и тронул пикап дальше. Задержала нас эта тварь, а до места еще пыхтеть и пыхтеть.

— Слушай, а если его приручить? — задумчиво спросил Михалыч, неотрывно уставившись в боковое зеркало. — Ведь умная должна быть зараза! Представляешь, дома такую держать. Можно вообще хоть в джунглях обосноваться, хоть одному где-нибудь на кордоне поселиться. Как идея?

Я представил себе морфа в будке рядом с крыльцом своего крохотного домика на краю деревни и вздрогнул. Не повезло, видел разок, что осталось от мародеров после личной встречи с клыкастой дрянью. Завтрак, обед и ужин рядом в канаве оставил, настолько впечатлился.

— Знаешь, ты у хозяина спроси, как доберемся. Он про них все знает. И про морфов, и про ходячих бедолаг. Может, что и подскажет.

На этой оптимистической ноте мы двинулись дальше по петляющей грунтовке, разбрасывая лужи из-под колес. До ворот было еще полчаса неспешной езды. А там — почти на месте.

***

Хозяин встречал дома, как условились. Обычно он брал любимый «уазик» и исчезал куда-нибудь по делам. Или в гости ездил, чтобы порыбачить, или на охоту сходить с друзьями. Благо, у этого огромного озера мелкой россыпью построили уже немало домов. Правда, от ворот до ворот надо было иногда и пять, а то и десять километров отмахать. Но все же не безлюдные места.

Разгрузив под навес пахнущие смолой доски, прошли в дом. Познакомив Михалыча с Андреем, я оставил их обсуждать мебельные вопросы, а сам выбрался наружу, подышать свежим воздухом.

Все же удивительное здесь место. Тихо, только птицы на деревьях поют. И комаров рядом нет. Идиллия. А самое главное — стрельбы не слышно. Это в Приграничье где или в дельте Амазонки до сих пор народ периодически жжет патроны без счету, а тут — только если на кабана сходить или обнаглевшего оленя от грядок отвадить. А потом сесть на террасе, пивка холодненького... Вот же я тормоз! Что называется — не встречайте морфа по дороге, память и не отвалится.

Распахнув дверь и, отдуваясь, втащил внутрь блестящий подарок.

— Андрей, Хмель просил пустые кеги ему вернуть. И амулет для холода тоже, он подзарядит. Этот пока можно пользоваться.

— В подвале возьми, — ответил хозяин, на секунду отрываясь от расстеленных на столе бумаг. Похоже, к планам мебельной революции он подошел со всей обстоятельностью, как и к любому другому делу. — Там же мешок в углу с ярко-красным цветком наклепанным. Из Каира специи ему просили передать.

Мешок, так мешок. Мне не трудно. Если учесть, что хозяин этого домика в лесу меня в свое время по кускам собрал, когда я после неудачной заварухи через ненаведенный портал провалился куда бог пошлет — то я не только мешок, я ему здесь форт в

одиночку построю, гору земли перелопатив. А себе зарубку надо сделать, чтобы попозже к Хмелю в гости заехать, на халяву пивом угоститься. Он любит экспериментальные сорта мне подсовывать. Говорит, что я отличный дегустатор. По его мнению моя физиономия ему удачу приносит. Дескать, если ее, физиономию мою, с первого глотка в одну сторону перекосило, то лучше всё вылить по-тихому, не стоит посетителей расстраивать. А если в другую сторону рожу повело, можно смело выставлять продукт — отбоя от желающих купить не будет. Значит, не забыть. Блокнотик завести для записей, что ли?

Или лучше кегу темного у него выцыганить вместе с амулетом, а самому в Большой Каир податься? Там у Дианы такие девочки, что можно и на месяц зависнуть...

***

Через неделю мы с Михалычем собирались обратно. Проверив автомат, я в какой раз попытался на кривой кобыле подъехать к Андрею:

— Ты бы зверье хоть разогнал по округе, что ли. Каждый раз с приключениями. Можешь же.

— С чего бы? — удивился он, проверяя, насколько крепко привязан груз в кузове пикапа. — Я их отпустил, теперь они сами. Как и вы все. Сами живут, сами отношения выясняют, в гости заглядывают. Так что, не мотай сопли на кулак, езжай лучше, пока до вечера не провозились. И оружие проверь, а то помню, что ты все с полупустыми магазинами норовишь бродить, а потом патроны по карманам шарить.

Это да, болтовни не по делу и жалоб на тяжелую жизнь хозяин домика у озера не любит. Надо — иди и сделай. А не можешь и крайних ищешь, чтобы на них свою работу свалить — так в глаза и скажут, чтобы топал куда подальше.

Попрыгав по старой армейской привычке и убедившись, что нигде не брякаю, помахал на прощание и полез в кабину. Нам до Иных миров еще переходов десять надо отмотать. Увы, я ходок слабоватый, не могу дырки бурить сразу в нужное место. Приходится подстраиваться под выверты параллельных миров. Сначала мимо зомби протилипаем, потом краешком черноту зацепим. Денёк на кораблике соленым воздухом подышим, перебираясь с одного

острова на другой. А оттуда уже и до Протектората Русской Армии рукой подать. Зато — мир повидаем.

Пикап медленно катил по еле заметной колее мимо озера, а я все поглядывал в зеркальце на стоящую рядом с террасой фигуру Демиурга. Наверное, сегодня еще кто-нибудь заглянет. Он редко в одиночестве остается, любит народ его домик у озера. Не зря две огромные лавки ему Михалыч соорудил рядом с новым длинным столом. Как раз гостей встречать.

А по мне — пусть так и будет. Потому что пока мы помним наших друзей, ушедших за грань, мы всегда можем заглянуть к ним на огонек, хоть с пустыми руками. И нас там встретят. Потому что мы — не забыли. И не забудем. Никогда.

© *Олег Борисов*

Игорь Градов МАРТИН

*А в углу,
словно призрак,
стоит тишина.*

Игорь Карде

Глава первая

Любимый город встретил меня шумом вокзала и криками носильщиков, готовых за сущую безделицу (всего-то пять монет!) доставить чемодан до стоянки такси. Но, поскольку тяжелого багажа у меня с собой не было, я гордо проигнорировал их призывы и, закинув тощий рюкзачок за плечо, бодро зашагал к выходу.

На привокзальной площади, как всегда, плотно стояли такси и автобусы. Первые меня не интересовали, поскольку с наличностью было туго, а вторые вполне устраивали. Я нашел нужный автобус, уселся в полупустой салон и предался созерцанию проплывающего за окном пейзажа.

За семь лет, что я не был в городе, он сильно изменился: появились новые торговые центры, выросли небоскребы, да и просто современных зданий стало намного больше. Судя по всему, город процветал. Что не могло не радовать.

Через пятнадцать минут автобус затормозил на главной улице, разделявшей город на старую и новую часть, дальше он поворачивал в сторону центра. Туда мне точно не надо было — с моими-то скромными средствами, поэтому я покинул салон и спустился на тротуар. Цель у меня была простая — найти отель, где брали бы за ночлег недорого и не задавали при этом лишних вопросов. Не люблю я, знаете ли, слишком любопытных...

В этом районе я раньше никогда не был, но все же скоро нашел то, что надо. Старый, почерневший от времени фасад и унылый вид отеля говорили о том, что он переживает отнюдь не лучшие времена. Проще говоря, едва держится на плаву. Значит, в нем рады любому клиенту. Прекрасно, именно это и требовалось.

Внутри догадки полностью подтвердились: в полутемном фойе скучал за стойкой одинокий портье.

— Надолго вы к нам? — осведомился немолодой, лысеющий дядька, разглядывая мой паспорт.

— Как понравится, — пробубнил я и протянул банкноту, — вот, возьмите, это за два дня, дальше видно будет.

Ассигнация тут же исчезла в кассе, и портье без лишних слов вручил мне ключ от номера. Который, как и следовало ожидать, оказался на последнем этаже, а лифта, само собой, в этом прибежище для бродяг не имелось. Но ничего, я человек молодой, здоровый, поднимусь и по лестнице. И даже не запыхаюсь.

Убогий номер был обставлен соответственно стоимости: продавленная кровать, два облезлых стула, маленький столик и какой-то скучный пейзаж на стене. Впрочем, задерживаться я здесь надолго не собирался, приехал всего на пару-тройку дней. Бросил рюкзак в угол, запер дверь и спустился на первый этаж.

— Что, уже уходите? — равнодушно спросил портье, откладывая газету.

— Пойду прогуляюсь, день вроде бы хороший...

— Да, неплохой, — лениво согласился портье, — весна в этом году ранняя. Не хотите ли чего? Могу порекомендовать пару приличных мест для развлечения...

— Нет, спасибо, просто пройдуся.

Портье потерял ко мне всякий интерес и снова уткнулся в газету.

Я, разумеется, не стал ему говорить, что знаю город — все-таки провел в нем большую часть своей жизни. Пусть думает, что я — один из тех туристов, что толпами съезжаются сюда, чтобы поглазеть на нашу главную достопримечательность — Большую Дыру.

***

С тех пор, как она появилась, а произошло это ровно двадцать лет назад, наш провинциальный городок существенно изменился и приобрел почти мировую известность. Сначала, как только она возникла, к нам прикатили brave вояки — типа разбираться и наводить порядок, а когда у них ничего не вышло, то надолго обосновались ученые и исследователи. А также разного рода уфологи, предсказатели, прорицатели и просто сумасшедшие. И все хотели понять, что же это такое, наша Большая Дыра.

Собственно, этого не знают до сих пор. За двадцать с лишним лет разобраться так и не получилось, загадка осталась загадкой, но

для города она стала настоящим подарком, точнее — неиссякаемым источником денег.

Благодаря Дыре город расцвел буквально на глазах: похорошел, вырос, обустроился. Даже наш старый, грязный вокзал преобразился — теперь он чистый и респектабельный, не хуже, чем в столице. А когда возле Дыры построили Институт, то жизнь вообще заиграла всеми красками. Ученые прикупили большие участки земли возле Дыры (говорят, бургомистр и члены городского совета при этом обогатились просто до неприличия), возвели лаборатории, дома, склады, ангары и приступили к планомерному изучению нашего феномена. С тех пор они и туристы — основные источники дохода для города и его обитателей.

***

...Ноги сами несли меня по знакомым улицам в центр города. Вот и Рыночная площадь. На ее углу все еще находилась старая пивная — «У Толстого Ганса».

В нее меня когда-то привел сам Слон. Мне тогда едва стукнуло десять, и я в очередной раз сбежал от теткиного сожителя, грозившегося прикончить меня за то, что спер деньги. Ну да, украл, не отрицаю, есть такой факт в моей биографии. А что прикажите делать? Тетка вечно пьяная, дети ее, мал-мала-меньше, орут, есть хотят, а дома — хоть шаром покати. Вот и купил им (а заодно и себе) чего пожрать. А сожитель как обнаружил пропажу, так сразу за молоток: убью, мол, вора!

Ясное дело, я дожидаться расправы не стал, сделал ноги, а потом три дня на пустыре прятался, отсиживался. Где Слон и нашел меня. Выслушал, отвел в свою хибару, накормил. У него был маленький домик на самой окраине города, возле Дыры. Развалюха, но зато недалеко от места, так сказать, основной работы.

Слон уже тогда был известным ходоком, многие к нему в ученики просились, но он почему-то выбрал меня. То ли жалко ему стало горького сиротинушку, выросшего без отца, без матери, то ли просто решил, что я дешевле всех ему обойдусь — родственников-то почти никого, случись что — плакать некому. Значит, и отступных платить не придется.

В общем, договорился он с теткой (та только рада была — одним ртом меньше) и перетащил мои пожитки в свою нору. А затем

представил Хачику и Серому — нашим главным авторитетам, которые добычу товара в Дыре контролировали. Те посмотрели на меня и кивнули — сойдет, мол. Так и состоялось мое посвящение.

Слон, можно сказать, стал для меня вторым отцом. А, может, и первым. Своего настоящего папу я не знаю. Он пропал, когда мне исполнилось всего полгода. Говорят, одним из первых полез в Дыру за добычей. А обратно уже не вернулся. Тогда многие исчезали без следа, и их судьба до сих пор никому не известна. Много по сей день в Дыре неясного, неизвестного...

Да и военные наши могли руку приложить. Они тогда, по первому времени, со страху палили во всех, кто шел в Дыру или возвращался обратно. Боялись, что заразу какую-нибудь притащат...

Так что папашу своего я не помню, да и мать, считай, тоже. Умерла она, когда мне исполнилось три года. После чего меня приютила тетка, двоюродная сестра матери. Вначале жизнь у нее была вполне себе ничего: по крайней мере, я и одет, и обут был, и даже в школу ходил. Но потом стали у тетки появляться сожители. На моей памяти не меньше шести было, причем один хуже другого. Родились дети — и все от разных мужей.

Тетка от несчастной любви и неустроенности стала пить. Ну, и понеслось... Несколько раз я сбегал от нее, меня ловили и возвращали обратно, но я снова убегал. Скорее всего, очередной сожитель пришиб бы меня совсем, если б не Слон.

Он, когда меня взял, честно сказал, что я ему нужен, чтобы ходить в Дыру. Я хоть и маленький тогда был, но сообразил, что это очень опасно: и гибли ходоки часто, и калечились. Но выбора у меня, по сути, не было — обратно к тетке я не хотел. Да и не мог — из-за сожителя. Поэтому и согласился. Слон оказался хорошим человеком, заботился обо мне. Различий между собой и мной не делал — ели из одной кастрюли и даже одевались одинаково. Но и спрашивал он с меня строго, как с равного. И через два дня потащил в Дыру.

Я хорошо помню ту, свою первую свою ходку. Страшно было до жути, поджилки тряслись, но Слон мне прямо сказал: «Не дрейфь, Мартин, либо примет тебя Дыра, либо нет. Примет — хорошо, станешь, как я, ходоком. Товар будешь приносить, деньги появятся. А где деньги, там и друзья, да и девки тоже. Пей, гуляй, веселись... А не примет тебя Дыра — тоже неплохо, отмучаешься сразу. Но жить так, как ты живешь, нельзя, не по-людски это».

Дыра, к счастью, меня приняла — я сразу две «пищалки» нашел. Слон лишь удивленно брови поднял, когда я ему показал. Затем

привел меня к Толстому Гансу и от моего имени всем пива поставил — за удачу, чтоб всегда так везло. С легкой руки Слона меня стали звать Малышом Мартином. Или просто Малышом...

И еще говорили, что я очень удачливый. Может, так оно и есть — четыре года в Дыру ходил и ни разу не покалечился.

***

По поводу Дыры ходят разные слухи, но ясно одно: она — результат пошедшего как-то не так эксперимента. Решение о возведении Адронного суперколлайдера возле нашего города приняли четверть века назад. Тогда мы были самой что ни на есть глухой провинцией, зато земля стоила очень дешево, буквально копейки.

Вот на это и польстились ученые из Национального исследовательского центра — приобрели большой кусок в пригороде и приступили к строительству. Возводили они АСК целых четыре года, а потом еще год завозили оборудование, монтировали и налаживали. И лишь потом стали испытывать.

Местные «зеленые» сначала против были, даже какие-то митинги проводили — типа, опасно очень. А вдруг рванет? Дело-то новое, неизвестное... Но им быстро заткнули рты, ведь на кону стояли огромные деньги! В город привезли известных профессоров, которые как дважды два доказали, что никакой опасности нет: АСК находится глубоко под землей, и даже в случае чего наружу ничего не вырвется. Вроде бы все успокоились, а кое-кто стал даже потирать руки в предвкушении немалых прибылей. В общем, АСК построили, стали работать. И все было нормально, пока не наступило 21 октября.

...В тот день ничто не предвещало беды. Ученые, как всегда, проводили свои эксперименты, но потом что-то у них случилось. Все-таки рвануло, и весьма нехило... Так, что до сих пор всем нам аукается.

Вначале жители ощутили сильный толчок, будто землетрясение, а затем над АСК разлилось какое-то серебристое сияние. Все дико испугались, побежали кто куда, но уже поздно было. И сам АСК, и ученые, работавшие на нем, исчезли... Как будто испарились или провалились куда-то. Так и возникло название этого места — Большая Дыра.

Последствия взрыва оказались совершенно непредсказуемыми.

Во-первых, помимо ученых, исчезли все другие живые существа в окрестностях АСК — собаки, кошки, птицы и даже крысы. Во-вторых, время в Дыре навсегда остановилось, в ней уже двадцать лет 21 октября. Одна и та же погода — осенняя, теплая, слегка ветреная, легкий дождь днем и ясное небо вечером. Ничего не меняется, листья на деревьях все те же, красные и желтые. И никогда не опадают. И, в-третьих, в Дыре стали находить странные вещи...

Разные комиссии, посланные исследовать феномен, так ни к какому выводу не пришли — не смогли, по сути, ничего ясно объяснить. Но, чтобы не выглядеть совсем глупо, назвали случившееся «пространственно-временным провалом». Мол, в результате эксперимента часть нашей реальности каким-то образом пересеклась с неким иным измерением. Вот и получилось, что мы имеем. Искривленный временной коллапс, пространственный феномен.

Ученые построили рядом с Дырой Институт и стали ее исследовать. Но правительство сразу результаты засекретило — от греха подальше. Однако скоро пошли слухи, что якобы в Дыре можно увидеть нечто совершенно удивительное и уникальное. И, понятное дело, тут же нашлись желающие побывать в ней...

В наш городок хлынули искатели приключений. Есть такая категория людей — адреналинщики. Их хлебом не корми, дай только испытать острое чувство, получить свою порцию риска. К счастью, у нас быстро смекнули, какой бедой могут эти экскурсии в Дыру обернуться, и приказали организовать возле бывшего АСК военно-полицейский заслон — никого не пускать и не выпускать. Что, конечно, еще больше подстегнуло любопытство. Мгновенно возник бизнес — проводить в Дыру туристов и доставать «оттуда» товар, на память.

В конце концов, Дыру обнесли колючей проволокой в три ряда и установили по периметру вышки с охраной. Однако желающих побывать в ней от этого не уменьшилось, даже наоборот. Запретный плод всегда сладок. Вот так мы и живем уже двадцать с лишним лет.

Глава вторая

В городе быстро возник бизнес: торговля разными интересными штуками из Дыры. И еще — «экскурсии» в нее для особо любопытных. Стоило такое развлечение немало, но от желающих отбоя не было.

В основном на «экскурсиях» разводили богатых лохов. Получит липовый «ходок» деньги в качестве аванса и быстренько исчезнет

вместе с ними. И не пожалуешься ведь: вылазки в Дыру запрещены! Если же смыться по-тихому не получалось, то обычно доводил лохов до «колючки» и бросал там. Заканчивалось все это тем, что доверчивых идиотов, продрогших и напуганных, находили полицейские и доставляли в участок. Где их регистрировали для порядка и после небольшого внушения отпускали. Раз за «колючкой» не были, значит, формально закон не нарушили...

Настоящие же ходоки такой ерундой не занимались. Вообще с лохами-туристами не общались. У нас были свои точки — например, пивная «У Толстого Ганса», что на углу Рыночной площади. Там, среди своих, и звучали настоящие рассказы про Дыру и продавали подлинный товар.

Слон часто бывал у Толстого Ганса, пил пиво, болтал со знакомыми. Среди ходоков он считался одним из самых опытных. И удачливых — пока Комнату искать не начал.

А ему все говорили — выдумка это, байки для туристов. А он уперся — найду, мол, и всё тут! И вот однажды пришел Слон домой, как всегда, грязный, уставший, снял куртку, сел на стул и медленно так произнес: «А знаешь, Малыш, я, кажется, знаю, где она...»

И с тех пор как будто заболел — на вопросы не отвечал, ходил в Дыру чуть ли не ежедневно. Но не за товаром, а за Комнатой, искал ее. Даже ночью не спал — на постели ворочался и карту свою разглядывал.

Об этом следует сказать особо. Существуют разные карты Дыры. Например, для туристов — в каждой сувенирной лавке продаются. Толку от них чуть — не нанесено и десятой части того, что на самом деле в Дыре есть.

Есть карты самих ходоков, и там много чего интересного нарисовано: и «крутки», и «мясорубки», и даже места, особо богатые товаром. Ценятся они на вес золота. Достать такую карту или хотя бы одним глазком взглянуть — большая удача. Только ни один ходок ее никому не продаст. Ни за какие деньги. Если, конечно, не решил навсегда завязать с этим делом и уехать из города.

А есть еще одна, особая карта. Называется Карта Дыры — именно так, с большой буквы. Она институтская, кураторская. Лучшая из всех, что имеются, самая точная и подробная. Откуда она, спросите вы? Да это просто. Все ходоки после возвращения из Дыры обязаны перед своими кураторами отчитаться — где был, что видел, какой товар нашел. И врать здесь нельзя, иначе больше в Дыру не пустят.

Между ходоками и учеными существует договор — вы можете ходить и добывать свой товар (военные и полиция делают вид, что не замечают), но взамен приносите находки сначала в Институт, чтобы мы могли выбрать самое интересное. И еще рассказываете о том, что видели и узнали, причем с подробностями. Договором все, в принципе, довольны: ученые получают разные интересные штуки для исследований, а ходоки делают свой маленький бизнес.

Но за каждым ходоком непременно закреплен куратор, который бдительно следит, чтобы тот ничего не занюхал и отчитывался всегда вовремя, сразу после возвращения. Вот так Карта и появилась — усилиями настоящих ходоков. Хранится она в сейфе Института, доступ к ней имеют всего два человека — директор и его первый заместитель. Получить ее — мечта любого ходока, любой за нее душу продаст да еще приплатит.

Слона, видимо, на Карту и купили: пообещали, что дадут посмотреть, если займется поиском Комнаты. Слон, понятное дело, согласился — он же ходок от Бога для него есть только Дыра и все, что с ней связано. Лиши его возможности бывать там — и все, нет Слона. А тут такая возможность!

Разговор со Слоном вели, разумеется, кураторы. Они в Институте главные, им все подчиняются, даже ученые. И с кураторами спорить бесполезно: и Хачик, и Серый безропотно отдают им лучший товар, причем за весьма небольшие деньги.

Слон тоже общался со своим куратором, отчитывался. Я, кстати, видел его пару раз — к нам в пивную приходил, что на Рыночной площади. Мерзкий тип, скользкий, безликий, как и все они. Впрочем, меня он не трогал — я считался учеником Слона и самостоятельной ценности не имел. А вот когда учитель мой погиб, вот тогда кураторы за меня и взялись... Причем плотно. Но об этом чуть позже.

Что же касается куртки Слона, то она у него была особая — черная, стеганая и вся в заплатках — от долгой носки. Слон ее чинил сам, никому не доверял. И в Дыру ходил только в ней, говорил, что счастливая.

Что совсем не странно: ходоки — люди очень суеверные, верят в разные приметы. Например, нельзя перед Дырой бриться, иначе удачи не будет, нельзя громко разговаривать и петь... Да еще много чего нельзя, но не об этом сейчас речь. А о том, как погиб мой учитель.

В тот день, 14 мая, Слон отправился в Дыру без меня, обещал скоро вернуться — дело, мол, быстрое. Но что-то у него, видимо, не сложилось, не вернулся. Я особо не переживал: Слон — ходок опытный, задерживался не в первый раз. Мало ли чего могло случиться! Дыра — она и есть Дыра...

Ночью меня разбудили кураторы — сказали, что Слон покалечился, умирает, хочет меня видеть. Посадили в автомобиль и повезли. Пока ехали, рассказали, что Слон должен был выйти вечером, но не вышел. Институтские подождали до ночи и полезли в Дыру — для них почти подвиг. И нашли Слона возле самой «колючки» — не дошел буквально сотню метров.

Ноги перекручены, весь в крови, однако живой. Срочно привезли в Институт, стали откачивать. Только не подумайте, что по доброте душевной — кураторам нужно было узнать, нашел ли Слон Комнату. А он лишь хрипел да звал меня.

Когда мы приехали, было уже три часа ночи. Я хорошо запомнил — над входом в Институт висели часы со светящимся циферблатом. Меня провели внутрь, несколько раз мы пересаживались с лифта на лифт, опускались и поднимались, а потом пришли в большую комнату. И вижу я — Слон лежит, прикрытый простыней, а в руку воткнута трубка от капельницы. Но дышит, глаза открыты. Значит, живой.

Вокруг него человек пять кураторов топчется, суетится. Один из них, видимо, старший, говорит: «Это и есть Мартин?» — «Да, отвечают ему, это и есть Мартин Кочек, по прозвищу Малыш». Тот кивнул: «Давайте его сюда».

Меня подтолкнули к Слону, а я ничего сказать не могу — слезы душат. Но учитель меня сразу узнал и что-то зашептал. Я наклонился, ничего разобрать не могу, сил говорить у Слона почти не осталось. Тогда он показал глазами — подай, мол. Я его хорошо знал, за четыре года изучил. Что, спрашиваю, подать — воду, сигареты? Нет, мотает головой, не то. Тогда я догадался — куртка! Точно!

Кураторы принесли его куртку. Слон руку чуть приподнял, пальцами коснулся, и снова мне сказать что-то хочет. Но силы его иссякли: откинулся он на подушку, захрипел и умер. Все вдруг забежали, засуетились, врача позвали, лекарства колоть стали... Но поздно уже, смерть, как известно, своих не отпускает. Особенно нас,

ходоков.

Пока все суетились, я в углу стоял и тихо плакал — со Слоном прощался. Наконец старший куратор обо мне вспомнил и приказал: «Заприте его!»

Меня снова куда-то повели. Отконвоировали в маленькую комнатку без окон, где были только стол, стул да койка. У меня от всего пережитого сил больше не было — повалился и сразу же уснул.

Утром меня разбудили, принесли кашу, чай, позволили умыться и привести себя в порядок. Потом пришел главный институтский начальник. Выглядел он солидно: подтянутый, седой, выражение лица значительное. Сел рядом и говорит: «Ну, Мартин, давай знакомиться. Я Курт Ригель, директор Института. Как тебя зовут, и как ты к Лешеку попал, я знаю...» Тут я его перебил: «К какому-такому Лешеку? Не знаю такого!»

Седой улыбнулся: «Так Слона на самом деле зовут, это его настоящая фамилия, как твоя — Кочек. А скажи-ка мне, Мартин, что тебе прошептал Слон перед самой смертью? Только не ври, по глазам увижу!» Я и не собирался врать, ответил честно: да, пытался мне что-то сказать, да не успел — скончался. Как только куртку свою погладил, так сразу и преставился. Да вы сами ведь видели!

«Верно — говорит Ригель, — видел. И куртку его приказал проверить, каждый шовчик прощупать. Кое-что мы обнаружили — личную карту Слона. Вещь, бесспорно, интересная и нужная, но к нашему делу отношения не имеющая. Ты, кстати, знаешь, зачем Слон в Дыру ходил?»

«Да, — отвечаю, — знаю, Комнату искал. Только ерунда все это, нет ее. Легенда, выдумка, байка для лохов-туристов». Директор слегка улыбнулся: «Почему ты так думаешь?»

«Столько лет, — говорю, — искали ее, всю Дыру перерыли, но не нашли. Я и сам не раз бывал, много чего видел, но Комнату — никогда». Ригель ухмыльнулся: «Мартин, ты ошибаешься — есть она, доказано. Слон ее нашел, да только нам рассказать не успел. Может, он тебе что-то прошептал? Или хотя бы намекнул?»

— Нет, — отвечаю, — не успел.

— Ладно, жаль, — говорит Ригель, — хотя очень странно. Сделаем так: ты у нас поживи пока, может, что и вспомнишь...

В общем, продержали они меня у себя еще три дня, несколько раз Ригель приходил, расспрашивал, но ничего не добился. Я твердо стоял на своем: ничего не знаю. Наконец кураторы от меня отстали.

А поскольку я был несовершеннолетний, и близких

родственников у меня не осталось (тетка уже померла), то определили в социальный приют, где я и провел полтора года. Затем, в шестнадцать лет, перевели в училище для трудных подростков. Конечно, это не тюрьма, но близко к тому: за территорию не выйдешь, лишнего слова не скажешь. Однако имелись там и свои плюсы: я получил кое-какое образование и даже специальность.

Два года потом жил в Баслау — работал на автомобильном заводе. А позавчера, взяв отпуск, вернулся в свой родной город — отдохнуть, побродить.

Кстати, кураторы отдали мне куртку Слона. Когда я уже выходил из Института, один из охранников протянул плотный сверток. Разворачиваю — а там куртка учителя. Мне сказали, что это сделано по приказу директора, типа, за помощь. С тех пор я ее и ношу. И сейчас она на мне, родная.

Глава третья

... Я немного постоял на углу Рыночной площади, подумал, а потом решительно направился в сторону знакомой пивной.

За годы моего отсутствия Толстый Ганс еще больше потолстел — его округлая фигура теперь едва помещалась за прилавком, однако маленькие, заплывшие глазки смотрели по-прежнему хитро и подозрительно. Я заказал кружку светлого мэйнского — ходоки по традиции пьют только его. Ганс налил полный бокал и прищурился — видно, пытался вспомнить, где раньше меня видел.

— Слушай, парень, — наконец изрек он, — ты, случаем, не из наших, не из местных? Что-то мне твоя физиономия уж больно знакомая. Да и на туриста ты вовсе не смахиваешь...

— Ага, — кивнул я, — из местных. Только давно не был дома, целых семь лет...

— Мартин! — выдохнул Ганс и радостно заулыбался. — Здорово, чертяга, рад тебя видеть! Ну, рассказывай, где был, что делал?

— Рассказывать особенно нечего, — пожал я плечами, — после смерти Слона жил в приюте, потом учился. А теперь работаю в Баслау, электриком на автомобильном заводе.

— Да-да, — закивал Ганс, — Слон... После его гибели много разных слухов ходило: что Комнату он все-таки нашел, но ни с кем делиться не захотел. За что его кураторы и убили... А ты от них сбежал, за границу подался. Получается, что врали, ты рядом жил. Ну, и как оно там, в приюте?

— По-всякому, — махнул я рукой, — но в основном фигово. Скажи-ка лучше, кто из наших здесь?

— Да почти никого, — подумав, ответил Толстый Ганс, — времена, Мартин, сильно изменились. Теперь у нас всем заправляют китайцы. Они взяли Дыру под свой контроль и заставляют отдавать товар за полцены. И с кураторами они договорились... В общем, трудно мы живем, паршиво.

— Неужели никто не возмущается? — удивился я. — Отдавать товар за полцены? Это же чистый грабёж!

— Были такие, кто отказался под китайцев ложиться, — кивнул Ганс, — только с ними быстро разобрались. И довольно жестко. А после того как Хачика убили и Серого покалечили, все сразу и замолчали. Своя рубашка, знаешь ли, ближе к телу.

— А что с Серым?

— Ты загляни в богадельню, — посоветовал Ганс, — он теперь там живет, в коляске сидит и слюни пускает, ни говорить, ни двигаться не может. И всю память у него отшибло...

— Понятно, а Хмырь?

— Он хитрей всех оказался — сразу к китаёзам перебежал, а те ему разрешили таскать потихоньку товар и сбывать лохам. Вроде как свой маленький бизнес.

— Ясно, — кивнул я.

— Да ничего тебе не ясно! — взорвался толстяк. — Здесь уже все по-другому! И ты, если хочешь в живых остаться, будь осторожен. Я тебе, как другу, говорю — с китайцами не связывайся. Очень мне не хочется видеть тебя в инвалидном кресле, пускающим слюни. Кстати, ты зачем вообще сюда вернулся? У тебя же здесь никого не осталось?

— Да так, потянуло в родные места, захотелось вспомнить детство, побродить...

— Ну-ну, поброди, — хмыкнул Ганс, — только близко к Дыре не подходи. Без разрешения китаёзов тебя за «колючку» не пустят — пристрелят, как миленького.

— Даже так?

— Да, — подтвердил Ганс, — вся охрана у них теперь на содержании. Кого скажут, того и пускают, а остальных отстреливают — чтобы зря не лезли и товар не выносили. А то уж больно много желающих, особенно после того, как Перец «мочилку» нашел.

— Знаю, слышал, — кивнул я, — отличная штука, любого вырубают за сто метров. Сейчас она у всех полицейских на

вооружении...

— Да, и у китаёзов тоже, — подтвердил Ганс, — чуть дернешься — тебя сразу отключают и в Дыру кинут. Все чисто: следов насилия никаких, свидетелей тоже, а патрули подтвердят, что нашли тебя на запретной территории. И получишь ты свой срок за незаконное проникновение, сядешь на пару-тройку лет. Как миленький! И не докажешь ничего. Видишь, все очень просто. Так что очень прошу тебя, Мартин, не лезь на рожон!

— Не буду, — честно пообещал я, — лучше пива еще выпью. Оно-то хоть прежним осталось?

— Обижаешь, — улыбнулся толстяк, — мое пиво лучшее в городе, можешь у любого спросить! Пей, это бесплатно, за счет заведения.

— Спасибо.

Я отошел от стойки и сел в углу. Народу было немного — время дневное, все соберутся ближе к вечеру. Несколько парней, коротающих время за соседним столиком, напряглись при моем появлении, но, заметив, как по-дружески разговаривает со мной Толстый Ганс, расслабились и опять занялись своими делами.

***

...Хорошо все-таки вернуться домой! Сажу в любимой пивной, потягиваю светлое пиво, слушаю знакомые разговоры.

— Ты за сколько «пищалку» отдал?

— За две штуки.

— Мало.

— Сам знаю, что мало, но с китаёзами не поспоришь — бери и будь счастлив...

Дом, милый дом! Семь лет не был, а как будто только вчера сидел вместе со Слоном за соседним столиком, вел такие же разговоры...

Между тем возле стойки возник новый тип — небольшого роста, в сером, сильно поношенном пальто. Толстый Ганс что-то прошептал ему на ухо и показал глазами на меня. Тот кивнул, подошел.

— Здравствуй, Мартин! — произнес, плюхаясь на свободный стул.

Я с трудом узнал Хмыря — за прошедшие годы он сильно сдал: постарел, пообносился, даже, кажется, сделался ниже ростом. Только

глазки, как и раньше, воровато бежали по углам.

— Что, не узнал? — горько усмехнулся Хмырь.

— Узнал, — кивнул я, — только не сразу.

— А вот я бы тебя ни за что не узнал. Встретил бы на улице — мимо прошел. Был малец, пацаненок, соплей перешибешь, а сейчас — настоящий мужик, красавец!

— Ты мне льстишь, Хмырь, — прервал я его словоблудие.

— Честное слово, чтоб мне сквозь землю провалиться! Впрочем, чего это мы с тобой на сухую разговариваем? Закажешь пивка?

Я махнул Гансу, тот принес еще две кружки.

— Ну, как ты, что ты? Говорят, трудно тебе после смерти Слона пришлось? — спросил Хмырь, после того, как осушил свой бокал.

— Несладко, — пожал я плечами, — но, как видишь, жив и здоров. Школу закончил, профессию получил — работаю электриком на заводе. И зарплата у меня хорошая...

— Хорошая, — усмехнулся Хмырь, — небось, две-три сотни в месяц, а раньше за одну ходку товару на несколько тыщ притаскивал! Помню, какие вы со Слоном дела проворачивали, удачливей вас никого не было. Не жалеешь о прошлом, а?

— Чего жалеть-то? — соврал я. — Что было, то прошло, я завязал. К тому же мне на хлеб с маслом хватает, даже кое-что остается.

— А правда, что Слон Комнату искал? — резко сменил тему Хмырь.

— Правда, — неохотно подтвердил я.

— И как, нашел? — резко подался Хмырь вперед.

— Если бы нашел, разве бы я с тобой здесь разговаривал? — ответил я вопросом на вопрос. — В другом месте сидел бы — где теплое море, дорогие отели и красивые девушки. Комната, говорят, любое желание исполняет.

— Кто знает? — задумчиво протянул Хмырь. — Вот Перец, к примеру, нашел Комнату и удачи у нее попросил. И сразу поднял «мочилку». А потом продал за большие деньги. Дом новый купил, машину, обстановку...

— Да? — удивился я.

— Точно, сам видел. Да только вскоре его замочили, — зло рассмеялся Хмырь, — залезли грабители и вырубили. И все добро из дома вынесли, вместе с обстановкой. А потом побили — так, из зависти. А у Перца сердце слабое оказалось, не выдержало. В общем, отбросил он копыта и теперь на кладбище червей кормит. Вот тебе и

удача!

— Верно, — согласился я, — не проси у судьбы слишком многого, вдруг исполнит?

— Точняк, — кивнул Хмырь, — я вот по мелочи работаю и, как видишь, жив. Ну, а ты что делать собираешься?

— Ничего, просто отдыхать.

— Отдыхать — это хорошо, — кивнул Хмырь, — только, если надумаешь в Дыру залезть, мне свистни. Я подскажу, с кем поговорить, кому на лапу дать, чтобы проблем не было...

— Ладно, — пообещал я, — если соберусь — свистну. Кстати, скажи, а правда, что ты китайцам продался?

— Браки, — недовольно скривился Хмырь, — я сам по себе, независимый ходок. Товар добываю, а потом туристам продаю...

Мой вопрос, видимо, сильно расстроил Хмыря, потому что он быстро допил пиво и, даже не попрощавшись, вышел из заведения. Я посидел еще немного, затем покинул пивную — захотел пройтись по набережной.

***

«Хвост» я заметил сразу, как только вышел на Центральный проспект. Я еще раньше почувствовал, что за мной следят, но окончательно убедился в этом чуть позже.

У нас, ходоков, очень развито «чувство затылка». Без этого в Дыре никак — нужно смотреть на все четыре стороны сразу и, особенно, — назад, потому что ловушки часто срабатывают именно за спиной. Не успеешь вовремя упасть — останешься без руки или ноги, как уж повезет. Слон всегда говорил, что у настоящего проводника должно быть три глаза. И третий — на затылке.

Поэтому я быстро почувствовал слежку. Для проверки притормозил у стеклянной витрины — вроде часы рассматриваю, а сам на отражение за спиной смотрю. Верно — вон тот тип уже два раза мне попадался, и все в разных местах. А сейчас позади меня стоит, делает вид, что голубей кормит. А недалеко — напарник...

Ну, я дергаться не стал, решил подождать — что дальше будет? Любопытный я очень, от природы такой. Дошел до набережной, остановился. Публики заметно прибавилось — дело уже ближе к вечеру, народ потянулся на улицу, благо, день оказался действительно хорошим, теплым. В кафе столики все были заняты,

народ с удовольствием пил пиво, отовсюду слышалась веселая музыка.

Я не спеша прошелся вдоль реки — как турист, коих здесь пруд пруди. «Топтуны» не отставали, вели грамотно, сменяя друг друга. По внешнему виду — обычные филеры, коих кураторы часто отправляют наблюдать за ходами. Чтобы знать, кто с кем дружит, о чем говорит, какой товар продает. Так они контролируют нас, чтобы «налево» никто ничего не толкал.

Надо сказать, что в Институте у ученых с кураторами всегда были контры: первых больше интересовала наука, а вторых — полезность товара, особенно в экономическом и военном плане. Узнают они что-нибудь новое, необычное, и сразу же — наше, не отдадим! Даже не позволяли ученым взглянуть на интересный образец. Иногда это выходило им боком.

Как, например, с «волчком» случилось: узнали они про забавную вещь — сама по себе крутится, без всякой энергии, и решили добыть. «Волчок» видел Прыщ, а потом разболтал за кружкой пива. Кураторы сразу же сделали стойку, приказали: раз видел — достань. Прыщ был человеком подневольным (старая мать, больная сестра, куда деваться?), вот и пошел. С трудом, с кровью, но добыл.

Кураторы очень обрадовались и даже денег Прыщу отвалили нехило (что вообще странно). Думали, наверное, что нашли неиссякаемый источник энергии. Типа, прикрути к «волчку» генератор и получай электричество задарма, сколько хочешь. Вечный двигатель в своем роде...

Но вскоре выяснилось, что «волчок» — очень хитрая и опасная штука, вроде бомбы замедленного действия: сначала он энергию из внешней среды качает (за счет чего и крутится), а потом — как бабахнет! Да так, что мама не горюй. Один «волчок» может полгорода снести.

Слава Богу, ученые вовремя догадались об этом и подняли шум. В правительстве переполошились и приняли закон, запрещающий приносить из Дыры «волчки» — чтобы чего не вышло. Но, говорят, военные все-таки пару штук по-тихому заныкали. И теперь они хранятся у них в жидком азоте, чтобы энергию не качали. Но придет время, и используют их по прямому назначению... Как супербомбы.

Так что отношение у меня к кураторам, прямо скажем, не самое лучшее. Тем более, что это они виноваты в гибели Слона. Я в этом уверен. Конечно, учитель сам прекрасно понимал, с кем дело имеет, но все же... Не люблю я кураторов, и все тут!

Глава четвертая

Между тем «топтуны» не отставали, но особо и не нагнали, соблюдали дистанцию. Вскоре я перестал обращать на них внимание — работа у них такая. Люди они, в сущности, служивые, что прикажут, то и делают. Я еще раз прошелся по набережной, заглянул в пару магазинов, но покупать ничего не стал — цены просто заоблачные. А что вы хотите, это самое престижное место в городе, здесь бывают одни только богачи.

На меня никто не обращал внимания, хотя одет я был более чем скромно: старые джинсы, заплатанная рубашка. Видимо, принимали за студента. Раньше университетские, действительно, часто здесь бывали: любили погулять, выпить пива или просто весело провести время. Теперь не то, публика стала намного солиднее. И богаче тоже.

Стало темнеть, зажглись разноцветные фонари, музыка зазвучала громче, народ заметно повеселел. Я присел на лавочку, мои «топтуны» расположились по соседству. Так мы и сидели — я курил, они скучали. Наконец я почувствовал, что стало холодать, и решил вернуться в гостиницу. На сегодня, пожалуй, с меня хватит.

Автобус снова довез меня до нужной улицы. У дверей отеля я заметил длинный лимузин, возле которого топтались два азиата в строгих черных костюмах. Чья-то охрана, очевидно, важной шишки... Но почему у моего отеля? Богатые и просто обеспеченные люди здесь не останавливаются...

Внутри за стойкой дежурил все тот же портье — скорее всего, сменится только утром. Но выглядел он весьма напуганным: лицо зеленое, руки трясутся. При моем приближении дядька стал нервно вытирать лоб платком. А, когда я попросил ключ от номера, перегнулся через стойку и тихо произнес: «Господин Кочек, вас ждут...» И указал глазами на диван в углу.

Я пригляделся: там сидел какой-то китаец. Немолодой, но и не старый, в хорошем строгом костюме. Лицо желтое, непроницаемое. Интересно, что ему надо? Я подошел, поздоровался, присел рядышком. Китаец вежливо произнес:

— Разрешите представиться: я — господин Ли. Может быть, вы обо мне слышали? Нет? Печально, думал, что ваши друзья, Толстый Ганс и Хмырь, проинформируют вас. Ну ладно, тогда сам... Я, скажем так, отвечаю за всё, что так или иначе связано с Дырой. Вам понятно?

— Не очень, — решил я косить под дурачка, — за Дыру вроде бы Институт отвечает...

— Верно, — кивнул китаец, — но и я тоже. Сфера деятельности Института, так сказать, официальная, я же решаю все прочие вопросы, в том числе — связанные с добычей товара. И с ходаками.

— Как с Хачиком и Серым? — уточнил я.

— В том числе, — кивнул Ли. — Ваши коллеги, к сожалению, проявили неуважение ко мне и той организации, которую я представляю, за что и поплатились. Надеюсь, вы не повторите их ошибок?

Китаец вопросительно посмотрел на меня, я пожал плечами — как получится. А что я мог еще сказать? Поживем — увидим.

Ли, видимо, счел это за знак согласия и продолжил:

— Моя организация контролирует весь бизнес, связанный с Дырой. Скажу прямо: без моего разрешения никто в нее не войдет и уж тем более не выйдет. Разве что в черном пластиковом мешке. Вы, господин Кочек, человек известный, работали с самим Слоном, к которому я испытываю глубочайшее уважение. И хотя лично с ним не был знаком, слышал о нем немало хорошего, а потому уверен — вы достойный его ученик. Иначе он с вами бы столько не возился и куртку свою, — тут Ли мельком взглянул на меня, — не завещал. Поэтому у меня к вам деловое предложение — работайте на меня. В деньгах нуждаться не будете, дам столько, сколько вы на своем заводе за всю жизнь не заработаете. И от проблем с кураторами избавлю — сам с ними договарюсь. От вас же потребуется только одно — ходить в Дыру и приносить мне товар. Собственно, заниматься тем, чем вы всегда занимались.

— Спасибо, — улыбнулся я, — только вы меня немного переоценили: ходок я весьма средний. Вот Слон — да, тот был настоящим мастером, в этом вы правы, а я... К тому же уже семь лет этим делом не занимался, давно не был в Дыре. И толку от меня меньше, чем от новичка. Я не знаю ни новых ловушек, ни тропинок, а без этого там делать нечего. Искренне хотел бы вам помочь, господин Ли, но... К тому же я завязал и сюда приехал исключительно с личными целями. Отдохнуть, освежить воспоминания...

Ли помолчал, переваривая информацию, потом сказал:

— Вы зря недооцениваете себя, господин Кочек. Или, может быть, все же лучше — Малыш? Мне известна ваша репутация. Любой из ходяков с радостью пошел бы с вами даже за меньшую часть добычи. Вы очень удачливый человек, а это в нашем деле чрезвычайно важно.

— В нашем? — удивился я. — Вы тоже?

— Да, — кивнул Лис, — я ходил в Дыру и знаю, что это такое. Мое погонялово, кстати, Лис, можете узнать у своих. Вы, безусловно, правы, говоря, что толку от вас сейчас меньше, чем от новичка, но это легко поправить. Я дам вам самую последнюю информацию и лучшую карту.

— Лучшая хранится в Институте, в сейфе директора...

— Уже нет, — ухмыльнулся Лис, — там лишь копия, а оригинал — у меня. И стоило это мне целую кучу денег...

— Допустим, — согласился я, — но как быть с тем, что я завязал?

— Бывших ходоков не бывает, — слегка улыбнулся Лис, — и вы это знаете не хуже меня. Рано или поздно, но Дыра вас позовет. Или вы уже позвала, поэтому и вернулись сюда. Так ведь?

Лис в упор посмотрел на меня круглыми, кошачьими глазами. Я нехотя кивнул. Действительно, глупо отрицать: даже те ходоки, кто завязал и уехал из города, рано или поздно возвращаются. Таково притяжение Дыры, ее страшная сила. Поэтому и я вернулся, чего уж скрывать.

Лис удовлетворенно сказал:

— Вижу, мы поняли друг друга. Уверяю: вы не пожалеете о том, что будете работать на меня. Я очень щедрый человек... для друзей, конечно.

— Скажите честно, Лис, — я тоже решил перейти на неофициальное общение, — зачем я вам? Вы можете нанять любого ходока, причем за небольшие деньги... Вас все боятся.

— Комната, — Лис снова пристально посмотрел на меня. — Она мне нужна.

— Слон из-за нее погиб, — напомнил я, — и не только он один. Еще Перец, если верить слухам, а, может, еще кто-нибудь...

— Я в курсе, — кинул китаец, — но готов рискнуть. Видите ли, Малыш, я очень азартный человек, люблю риск. Считаю, что надо всегда идти ва-банк, и пусть будет, что будет. Ну как, согласны?

— Подумаю, — ответил я, хотя на самом деле все уже для себя решил.

Что толку тянуть резину, и так ясно, что я рано или поздно полезу в Дыру. Так пусть с помощью китайца. Все равно мне не на что купить снаряжение.

— Вот и отлично, — произнес Лис, протягивая руку.

Я крепко пожал ее. На этом мы расстались.

Когда я шел по коридору, портье смотрел мне вслед с каким-то

благоговейным восторгом, как будто я только что разговаривал с Богом и тот сделал меня своим официальным представителем. По крайней мере, в нашем городке. Странное ощущение, но весьма приятное.

***

На следующее утро выспаться мне не дали. Я планировал поваляться в постели часиков до десяти, но уже в полвосьмого настойчиво зазвонил телефон.

— Мартин Кочек? — поинтересовался кто-то официальным тоном.

— Ну? — недовольно буркнул я.

А как вы бы ответили, если бы вас разбудили в такую рань?

— Ждите в номере, к вам сейчас придут.

И точно, через пару минут в дверь постучали и, после моего вялого «войдите», на пороге возник тип в сером костюме. Впрочем, я мог бы и не отвечать ему, он все равно бы вошел.

Куратор. Его трудно было не узнать. Даже не по костюму цвета полевой мыши, а по какому-то особому выражению лица — скучающему и чуть брезгливому, будто говорящему: видите, чем приходится заниматься? А все из-за вас, глупых ходяков: лезете, куда не надо, делаете, что не нужно.

Гость опустил на стул возле кровати, бегло осмотрел номер и растянул губы в подобие улыбки.

— Доброе утро, Мартин. Как спалось?

— Вашими молитвами, — мрачно ответил я.

— Рад видеть вас, — не обращая внимания на мою грубость, произнес куратор. — Надолго вы к нам?

— Что-то в последнее время все об этом спрашивают, — буркнул я. — К чему бы?

— Так-таки все? — хмыкнул куратор.

— Первый — портье. Он, вероятно, и доложил вам о моем прибытии. Так ведь?

Куратор улыбнулся еще шире:

— Приятно иметь дело с умным человеком. Я рад, Мартин, что вы реально смотрите на вещи. Кстати, вас не удивляет мой визит?

— В последнее время меня мало что удивляет. И вы далеко не первый, кто интересуется моей скромной персоной.

— Да, был еще господин Ли, — кивнул гость. — Я в курсе. Он, наверное, предложил вам работу?

Я кивнул. Что скрывать? Об этом, наверное, уже полгорода знает.

— Что вам от меня надо? — перешел я в наступление.

— Ничего особенного, всего лишь ответить на пару вопросов. Как всегда. Вы не против?

Я пожал плечами. Возражать было бессмысленно, уж лучше сразу отмучиться.

— Итак, с какой целью вы вернулись в город? — перешел куратор на официальный тон.

— Исключительно с личной — освежить детские воспоминания, — озвучил я официальную версию.

— Чем намерены заняться?

— Отдыхать. Хочу походить, посмотреть, развлечься...

— Развлекаться могли бы и в другом месте, — возразил куратор, — почему именно у нас?

— Ностальгия, — пожал я плечами, — тянет в родные места.

— А, может, в Дыру?

Тут уже улыбнулся я. Пусть думает, что хочет, его право. Куратор помолчал, потом продолжил:

— Мартин, что именно вам предложил господин Ли?

— Работу, вы же сами сказали, — пожал я плечами.

— И вы согласились?

— Пока думаю, — честно ответил я.

— Видите ли, — осторожно начал куратор, — если вы захотите вернуться к своей прежней профессии, мы возражать не станем. Вы, как и любой другой уроженец нашего города, имеете право подать заявку и после сдачи соответствующих экзаменов получить лицензию. Да-да, теперь в Дыру можно ходить официально, с нашего, разумеется, разрешения. Думаю, с экзаменами у вас проблем не будет — с таким-то опытом! Со своей стороны, мы препятствия чинить не станем. Более того, рассмотрим вашу заявку в упрощенном порядке и выдадим лицензию уже через день. Но у нас к вам будет небольшая просьба...

— Понимаю, — кивнул я, — делиться информацией.

— Совершенно верно, — подтвердил куратор. — Поверьте, Мартин, это выгодно и вам, и нам. Если станете с нами сотрудничать, получите немалую пользу, мы сумеем оказать существенную помощь, в том числе и материальную.

— Какая именно информация вас интересует? — задал я прямой вопрос.

— Все, что связано с господином Ли и его деятельностью. Ведь вы не станете отрицать, что он встретился с вами отнюдь не случайно?

— Разумеется, — хмыкнул я, — он думает, что я знаю, где находится Комната.

— А вы знаете? — резко наклонился ко мне куратор.

— Нет, — разочаровал я его, — даже представления не имею. Семь лет назад я уже объяснил это вашим коллегам. Знать не знаю, ведать не ведаю... И теперь мы, похоже, уже не узнаем никогда — после гибели Слона.

— Верно, — согласился куратор, — не узнаем. Но ведь можно повторить его маршрут. Это ведь мы, кураторы, дали ему Карту и подсказали, где именно надо поискать. Не хотите ли попробовать? Найти Комнату — что может быть заманчивей! Ваше имя навсегда останется на скрижалях истории...

— Риск, конечно дело благородное, — протянул я, — но прежде чем согласиться, я должен знать, что получу взамен.

— Нашу Карту, — улыбнулся куратор. — Это достойная цена.

— Ваша Карта уже есть у Лиса, — возразил я, — и он покажет ее мне, если мы соберемся в Дыру.

— Не совсем так, — усмехнулся куратор. — Дело в том, что мы знали о желании Лиса заполучить Карту и предприняли кое-какие меры — положили в сейф ее копию, а оригинал спрятали в другом месте. Так что у Лиса всего лишь один из вариантов Карты. Хороший, не буду спорить, достаточно полный, но не более того. Я же предлагаю вам подлинную Карту. Ту, что хранится в ячейке одного из городских банков.

— Значит, мне нужно найти Комнату, — я сделал вид, что размышляю над словами куратора. — Опасность велика, но и цена хорошая. Интересно, а Слона вы тоже на Карту купили?

— Его даже не нужно было покупать, — откинулся на спинку стула куратор, — он сам к нам пришел и предложил свои услуги. К сожалению, сделка состоялась лишь наполовину — мы показали ему Карту, но он не сообщил, где находится Комната. И это весьма печально.

Тут мне в голову пришла одна мысль.

— Странно, что такой опытный ходок, как Слон, подорвался на выходе из Дыры, да еще имея вашу Карту. А вы точно уверены, что

он видел именно оригинал, а не очередную ее копию?

Лицо куратора вытянулось. Видимо, эта мысль впервые пришла в его голову. Немного подумав, он сказал:

— Да, такая возможность теоретически существует. Комната — слишком уж лакомый кусок, многие за нее готовы продать и душу, и тело. Может, кто-то из наших сотрудников в самом деле сумел подменить Карту. Но тогда это должен быть человек, имеющий к ней непосредственный доступ. Таких у нас всего двое — директор и его первый заместитель Ладно, постараюсь разобраться, но в любом случае — спасибо за наводку. А все же, что вы решили?

— Мне нужно подумать, — ответил я.

— Хорошо, — согласился куратор, — думайте. Вот моя визитка, звоните в любое время.

Он протянул карточку, на ней значилось: Алоиз Штосс, заведующий исследовательской лабораторией.

— Это официальная должность, — сообщил Штосс, — на самом деле я начальник службы безопасности Института. И еще: если вы примете предложение господина Ли, сразу сообщите мне. Это в наших общих интересах. Ведь вам нужна подлинная Карта?

— Какая из них подлинная? — вздохнул я. — Что, если кто-то сумел подменить и ту, первую? Что сегодня лежит в вашем сейфе? Копия копии? И чем владеет Лис?

— Я все выясню, — еще раз пообещал Штосс.

Он сухо попрощался и вышел. Я еще некоторое время повалялся, размышляя об этом визите, а затем быстро умылся и спустился в холл. День обещал быть хлопотным.

Глава пятая

Прежде всего, я отправился в пивную на Рыночной площади. Несмотря на раннее время, Толстый Ганс уже был на месте — стоял за стойкой и протирал бокалы.

— А, Мартин! — приветствовал он меня. — Решил начать день с кружечки пивка? Сейчас налью!

— Спасибо, не надо, — остановил я его. — Скажи, где похоронен Слон?

— Этого никто не знает, — вздохнул толстяк. — Его похоронили сами кураторы, без нашего участия. Думаю, закопали где-то на старом кладбище, в общей могиле. Так всегда поступают с ходоками, если нет родных. А у Слона их не было. Официально, по крайней мере.

— Понятно, — кивнул я, — а точное место узнать можно?

— Спроси у кураторов. Но зачем тебе это? Слон давно на небесах, не стоит беспокоить его брненное тело. Оставь все, как есть, так оно лучше будет.

— А что с его домом?

— Снесли как бесхозный. На этом месте теперь стоит гостиница, догадайся с трех раз, как она называется?

— Неужели «У Слона»?

— Почти угадал — «У ходока». От постояльцев отбоя нет — из ее окон хорошо видна Дыра. Кстати, ты знаешь, что теперь за «колючку» водят экскурсии? Купил билет — и вперед, на осмотр достопримечательностей!

— Неужели? Разве это нормально — таскать в Дыру неподготовленных людей?

— Институтские хитро придумали, — хмыкнул Ганс. — Построили помост, длинный, в километр, и водят по нему туристов. Мол, смотрите — вот она, Дыра! Даже пару «крутилок» и «визжалок» для вида оставили. И все довольны: туристы видят Дыру, институтские получают дополнительные деньги на исследования, а город — хорошие налоги. Плюс новые рабочие места... М-да, времена! Город сильно изменился. Раньше о таком никто и подумать не мог — сделать из Дыры шоу! Впрочем, может, оно и к лучшему — меньше гибнет людей, а нам всем — прибыль.

Толстый Ганс вздохнул и принялся усердно протирать бокалы и без того идеально чистые. Блестели, как новенькие. Я протерся с толстяком и пошел в центр города.

***

Лиса, как и следовало ожидать, я нашел в китайском квартале. Зашел в ближайший ресторанчик, заказал лапшу с курицей и спросил, где можно найти господина Ли. Старик-китаец вежливо поинтересовался, какое у меня дело к уважаемому человеку.

— Исключительно личное, — ответил я, — передайте, что его разыскивает Мартин Кочек.

Старик тут же удалился, а вскоре из дверей ресторанчика выскочил китаёнок и быстро куда-то помчался. Минут через пятнадцать, когда я уже доедал вкуснейшую лапшу, вошел сам Лис. Он, как и в прошлый раз, был в строгом черном костюме. Форма у

них такая, что ли? Лис подсел ко мне и поздоровался:

— Доброе утро, Мартин. Как я понимаю, вы решили принять мое предложение?

Я молча кивнул — рот был набит лапшой. Лис улыбнулся:

— В ресторане дядюшки Вэня очень вкусная лапша, но еще лучше ему удастся утка по-пекински. Обязательно попробуйте, не пожалеете!

— Отведаю, — пообещал я, — как только разбогатею.

— Что же, это может произойти очень скоро. Когда найдете Комнату, получите весьма крупную сумму. Я всегда держу слово, можете не сомневаться.

Я улыбнулся:

— Давайте догадаюсь: вы положите деньги в банковскую ячейку, и я смогу взять их только после нашего возвращения из Дыры, так ведь?

— Да, — кивнул Ли, — стандартная процедура. Вы получите деньги, как только мы вернемся в город.

— Мы? — переспросил я.

— Мы, — подтвердил Лис. — В Дыру пойдем втроем: вы, я и еще один человек.

Я помотал головой:

— Нет. Вас, допустим, я могу взять — вы платите деньги, а значит, имеете право получить удовольствие. К тому же у вас есть некоторый опыт, что немаловажно. Но третьего человека я не знаю. Вдруг Дыра его не примет? Это поставит нас всех под удар.

— Примет, — уверенно произнес Лис, — у него опыта намного больше, чем у меня. К тому же это ваш старый знакомый. Вы не пожалеете, Мартин. Всегда приятно иметь дело с коллегой!

— И кто же это? — поинтересовался я.

— Узнаете на месте, — хитро улыбнулся Лис, — пусть это будет моим маленьким сюрпризом.

— Ох, не люблю сюрпризов. Они, как правило, плохо кончаются.

— За этого человека я ручаюсь, — твердо произнес китаец, — он нам пригодится. А теперь давайте обговорим сумму вашего вознаграждения. Сколько вы хотите?

— Миллион, — быстро ответил я, — но с двумя условиями. Первое: главным в Дыре буду я, и меня слушаться беспрекословно. Скажу упасть — упадёте, даже в дерьмо, скажу — бежать, побежите, что есть мочи.

— Разумно, — согласился Лис, — вы лучше нас знаете Дыру, вам и карты в руки. А второе?

— В Комнату я заходить не буду.

— Почему? — удивленно поднял брови китаец.

— Не хочу кончить, как Перец. Если вам нужна Комната, вы ее получите, но я останусь за порогом.

— Ваше дело, — пожал плечами Лис. — Что-нибудь еще?

— Нет, пока все, а как насчет миллиона?

— Мы положим деньги в банковскую ячейку перед самым выходом. Вы сможете убедиться, что деньги на месте. Один ключ будет у вас, другой — у меня. Так больше гарантий, что мы оба вернемся живыми.

— А третий? — поинтересовался я. — Как быть с ним? Вдруг погибнет?

— Его жизнь меня не интересует, — сухо ответил Лис.

— Понятно, теперь по поводу снаряжения...

— Вам привезут все, что требуется, только приготовьте список.

Я кивнул:

— Похоже, вы обо всем позаботились.

— Разумеется, — улыбнулся китаец, — предусмотрительность — важное условие безопасности в нашем бизнесе. Когда занимаешься таким делом, надо учитывать все до мелочей.

— Ну, тогда до встречи, — бросил я, — пришлите своего человека в гостиницу, отдам список.

Я оставил на столе пару монет, кивнул Лису и покинул ресторан. Путь мой лежал в Институт.

***

...Дыра встретила нас холодным туманом. Было полседьмого утра, и противная, липкая влага заползала даже под плотно застегнутую куртку. Только начало светать, солнце еще не поднялось, поэтому было довольно прохладно. Под ногами сухо шелестела пожухлая трава, на деревьях висели желтые и красные листья.

В Дыре, как я уже говорил, всегда было 21 октября. Погода одна и та же: утром туман, в середине дня — небольшой дождик, а к вечеру — солнце. Температура — плюс пятнадцать, ветер умеренный, северный, давление в норме. И так двадцать с лишним лет. День Дыры...

Я бодро шагал по пустырю, за мной — Лис, сзади шумно пыхтел Хмырь. Когда выяснилось, что третьим будет именно он, я, честно, не особо удивился. Расчет китайца был прост, как бамбуковая палка: пусть Хмырь потрудится, а если что, никто его искать не станет. Все знают, что он работает на китайцев, и вопросов лишних задавать не будут. Полиции так вообще все равно — одним ходоком больше, одним меньше. Им главное, чтобы в городе был порядок и чтобы на лапу давали регулярно.

В этом плане у Лиса все было схвачено: за несколько лет, как я понял, он сумел подмять под себя всех местных бандитов и заставил соблюдать законы. Ничего более существенного, чем карманные кражи, в городе не происходило. Залетные преступники, узнав, как изощренно китайцы расправляются со своими врагами, предпочитают сразу же испариться.

Лис регулярно отстегивает деньги полицейским, содержит за свой счет школу для сирот, дом престарелых и приют. Городские власти очень им довольны: рядовые полицейские получают к праздникам небольшие презенты, а начальство — пухлые конверты. Плюс благотворительность, забота о сирых и убогих, что хорошо сказывается на имидже города.

Даже кураторы заинтересованы в Лисе — благодаря ему доставка товара стала регулярной. Ходоки безропотно выполняют просьбы ученых и кураторов. Не артачатся, ходят туда, куда надо, и приносят то, что нужно. Смертность среди ходоков, кстати, заметно снизилась — благодаря отличному снаряжению, которое поставляет Лис. Чего еще желать?

Газетчики, правда, пытались однажды поднять шум по поводу засилья китайской мафии, но им быстро заткнули рот. Одним — деньгами, другим — силой. Лис через подставных лиц скупил несколько местных газет, и теперь обыватели получают только ту информацию, которая ему выгодна.

Все это я узнал, пока готовился к походу. Поговорил с парой коллег, пообщался кое с кем из старых знакомых. Все при упоминании Лиса делались почтительными и подчеркивали глубокое к нему уважение. Думаю, если бы китаец захотел баллотироваться в бургомистры, то получил бы эту должность без проблем. Но он благоразумно в политику не суется и занимается лишь своим бизнесом. А для отстаивания интересов у него есть несколько прикормленных депутатов в городском совете. Все правильно: удобнее и безопаснее доставать каштаны из огня чужими руками.

Но вернемся к Хмырю. Он, как я понял, состоит при Лисе кем-то вроде личного помощника. Китаец действительно не раз лазил в Дыру и даже имеет определенный авторитет среди ходоков. Конечно, он мог бы и не делать этого, но, как я понял, в самом деле любил риск. Правильно говорят, адреналин — сильнее любого наркотика.

По себе сужу: кажется, все забыл, целых семь лет не был в Дыре, а как только ощутил ее запах — немного горьковатый, пахнувший прелой осенней листвой, а еще ржавым металлом, дымом и чем-то странным, едва уловимым — так меня сразу и накрыло. Захотелось в самую ее гущу. Туда, где ее сердце, где находится заветная Комната...

***

...Я встретился со Штоссом сразу же после разговора с Лисом. Тот, кажется, нисколько не удивился моему визиту. Я вкратце пересказа разговор с китайцем, и Алоиз вызвал машину.

Мы поехали в Центральный городской банк. Штосс что-то прошептал директору, и тот лично отвел нас в подвал. В самой его глубине, в небольшой комнате, стояли сейфы с особыми ячейками. Штосс достал ключ, открыл одну из них и вытащил узкий стальной пенал. В нем и хранилась Карта.

Она оказалась небольшой, примерно с газетный лист, но вся в значках и пометках. Большинство из них я знал, но некоторые были мне незнакомы. Штосс объяснил, что и где находится, а потом указал на центральную часть Карты.

— Смотри, Мартин. Вот здесь, в больнице, по нашим данным и находится Комната.

— Здание большое, — прикинул я, — четыре этажа. Проверить их уйдет несколько часов. Даст ли нам Дыра столько времени?

— А вы поторопитесь, — посоветовал Штосс, — делайте все быстро, но с пустыми руками назад не возвращайтесь. Мне нужен результат!

— Ладно, убедили, — произнес я. — Давайте посмотрим маршрут.

Штосс постучал пальцем по Карте:

— Здесь «крутилка», ее лучше обойти, тут — «лягушка», а у Чертовой мельницы — «мясорубка». Ее не проскочить, придется чего-то придумывать. Но это вы уже сами, на месте...

— Можно обойти по ручью, а потом — на запад...

— Да, — согласился Штос, — можно.

— Внутри больницы есть ловушки? — спросил я.

— Никто не знает, — пожал плечами Алоиз.

— А как же Перец и Слон?

— Перец не был в здании — нашел «мочилку» у стены и сразу же назад, а потом распустил слух, будто ему Комната удачу дала. Он же не дурак, чтобы внутрь соваться... Слон, вероятно, там был, но свою тайну унес с собой. Хотя, может, он тебе все-таки что-то шепнул перед самой смертью? А, Мартин? Слон с тобой разговаривал?

Штос пристально посмотрел на меня, и я выдержал его взгляд. Пусть думает, что хочет! Учитель, к сожалению, не открыл мне тайны. Алоиз позволил мне еще пару минут посмотреть на Карту, а потом спрятал ее обратно в сейф. Директор банка вывел нас наружу. Там, на ступеньках, мы со Штоссом и распрощались — он поехал к себе в Институт, а я в гостиницу.

Остаток дня я провел у себя в номере, составлял список снаряжения. Кроме обычного набора: продукты, лекарства, инструменты, заказал много разного. В частности, лом и долото. Иногда приходится проламываться буквально сквозь стену: войдешь в дом, а назад никак, Дыра не пускает. Вот и долбишь, пробиваешь лаз. Хорошо, если удастся быстро выбраться.

В общем, много всего я заказал, килограммов на тридцать. Тяжело, конечно, а что делать? Лучше уж перестраховаться, чем оказаться в Дыре с голой попой. Вечером я отдал список курьеру и решил, что на этом мой рабочий день кончился, купил себе пива и отправился в кино. Отпуск у меня, в конце концов, или нет?

Глава шестая

Первый привал я решил устроить в трех километрах от «колючки». Мы повалились на землю и перевели дух. Скинуть тяжеленные рюкзаки было очень приятно.

— Ух, запыхался! — произнес, вытирая пот, Хмырь. — Вы оба здоровые, сильные, несетесь, как бешеные лоси. А мне тяжело, возраст уже не тот. Да еще с этими железяками на горбу!

— А зачем ты вообще в Дыру полез? — поинтересовался я. — Неужели за столько лет не накопил себе на спокойную старость?

— Накопишь тут! — зло сплюнул Хмырь. — Двое детей, одному то, другому это. И еще жена, стерва, все время пилит — хочу, купи, достань! А где денег-то взять? Товар уже не тот, дают за него

копейки...

— А сколько тебе платят кураторы? — спросил я.

— Ты о чем? — сделал непонимающее лицо Хмырь.

— Да все о том же. Я знаю, что ты таскаешь в Институт не только товар, но и информацию. Так ведь? Кстати, Лис, — обратился я к китайцу, — ты в курсе, что Хмырь стучит на тебя?

В Дыре мы с Лисом как-то незаметно перешли на «ты».

— Разумеется, — пожал тот плечами, — всем известно: Хмырь сотрудничает с начальником службы безопасности Института Штоссом.

— И тебя это не смущает?

— Ничуть, пусть себе стучит, работа у него такая. У меня с Алоизом свои договоренности — я ему товар, он мне свободный доступ в Дыру. И ему выгодно, и мне. А что, у тебя к Хмырю есть какие-то претензии?

— Да, — кивнул я, — он Слона заложил, мне Штосс рассказал. По его словам, Хмырь тоже хотел Комнату найти, да не смог, вот из зависти и настучал на Слона, что тот якобы нашел, но молчит, чтобы одному пользоваться. И потом кто-то очень ловко подменил в директорском сейфе Карту...

— Зачем? — удивился китаец.

— Чтобы Слон подорвался. Кстати, Лис, ты вроде бы за Карту большие деньги отвалил, так?

— Да, — подтвердил китаец.

— Тебя обманули — это не подлинник, а всего лишь копия. Точнее, одна из. Пусть даже очень хорошая копия, но все же не оригинал...

— Ты уверен? — засомневался китаец.

Я кивнул:

— Скажи, что у тебя отмечено возле Чертовой мельницы?

Лис достал свою Карту:

— Ничего, все чисто.

— То-то и оно! А на штоссовской Карте там «мясорубка».

— Ты видел Карту Алоиза? — удивился Лис.

— Да, даже держал ее в руках. И она, кстати, показалась мне более полной и достоверной, чем твоя.

— Я вырву печень у того гада, что подсунул мне фальшивку, — пообещал китаец, — и заставлю ее съесть, причем сырой!

— Не стоит, — хмыкнул я, — скорее всего, это тоже был план Штосса. У него свои виды на Комнату...

Лис пробормотал какие-то китайские ругательства, а потом зло посмотрел на Хмыря:

— Ты почему меня не предупредил, что Штосс что-то затеял?

— А я что? — пожал плечами Хмырь. — Я человек маленький, ничего не знаю...

— Однако деньги получаешь от меня регулярно, — скривился Лис.

Хмырь благоразумно промолчал.

— Насколько Карта Штосса отличается от моей? — спросил Лис через минуту.

— Это мы скоро узнаем — когда доберемся до Чертовой мельницы. Ладно, поднимаемся, пора идти.

— Ребята, я бы еще отдохнул, — подал голос Хмырь, — давайте еще посидим хотя бы пару минут!

— Тебя вообще никто не спрашивает, — жестко бросил ему Лис, — бери свой рюкзак и топай. Будешь себя хорошо вести, выведем тебя из Дыры, нет — бросим здесь, выбирайся тогда, как хочешь. Хотя вряд ли это тебе удастся.

— Да ладно, я и сам дорогу найду, — обиделся Хмырь, — не первый раз в Дыре, тропинки знаю...

— Это ты лохам заливай, что крутой ходок, — презрительно сплюнул Лис, — но я-то точно знаю, чего ты стоишь. Ты в Дыре уже сто лет не был...

— Откуда же тогда он товар берет? — удивился я.

— Я ему даю, — сморщился китаец, — чтобы туристам скидывал и свою легенду поддерживал. Мол, один из старейших и опытейших ходоков...

— Я так и думал.

Хмырь что-то недовольно пробурчал, но поднялся. Через пять минут мы были уже возле Чертовой мельницы.

***

Так называют бывшую школу. Точнее, то, что от нее осталось. В тот роковой день она сложилась, как карточный домик, и бетонные плиты образовали узкий лаз. В него-то нам и предстоит лезть.

Опасно, конечно, но иначе нельзя. Обходить долго и муторно, и ходоки предпочитают, обдирая бока и зло матерясь, протискиваться через узкую щель. При этом бетонные плиты иногда приходят в

движение, как жернова мельницы, отсюда и название ловушки. Можно, я не буду описывать, что тогда происходит с человеком?

К счастью, случатся это довольно редко. По идее, перед входом в мельницу полагалось бросить жребий, в каком порядке идти. Считается, что у первого больше шансов проскочить целым и невредимым, чем у последнего. Но сегодня все было иначе — прямо перед мельницей висела свеженькая «мясорубка».

Подобные штуки всегда появляются неожиданно, без системы, поэтому особо опасны для ходоков. В них погибло больше наших ребят, чем во всех остальных ловушках вместе взятых. Не заметишь вовремя — и все, превратишься в фарш. Нам крупно повезло, что на Карте Штосса она была обозначена, а то влетели бы с ходу...

— Да, — протянул Лис, — ты был прав — новая «мясорубка». Надо будет по возвращению Алоизу ящик коньяка поставить. За то, что предупредил.

— Погоди Штосса благодарить, — сказал Хмырь, — неизвестно, что нас еще дальше ждет. Вдруг он не все ловушки указал?

— Ничего, пройдем как-нибудь, — кивнул китаец, — точнее, Мартин нас проведет. Я в него верю. У него, говорят, звериный нюх на опасности и ловушки...

— Он же семь лет в Дыре не был, — напомнил Хмырь, — вдруг что-то позабыл? Или Штосс ему фальшивку подсунул, как и тебе?

— Все равно другого выхода нет, — пожал плечами китаец, — придется Алоизу верить. Хотя, полагаю, вряд ли он поддельную Карту показал. Он сам в первую очередь заинтересован в том, чтобы мы вернулись живыми и все ему рассказали.

— Кстати, а почему Штосс сам в Дыру не ходит? — поинтересовался Хмырь. — С его-то Картой — без проблем вообще!

— Он не ходок, — скривился китаец, — и никогда им не будет. Его Дыра не принимает. Так что Алоизу без нас никак не обойтись.

— Да, не повезло, — ухмыльнулся Хмырь. — Вот если бы мне такую Карту... Я бы вмиг Комнату нашел и попросил у нее много-много денег. Миллиончиков этак пять или шесть. А может, даже все десять! Забил бы тогда на эту проклятую работу, послал бы стерву-жену к чертовой матери — и к теплomu морю! Свобода, девочки, пальмы!

Лицо у Хмыря сделалось мечтательным, глаза затуманились. Но Лис быстро вернул его к суровой действительности:

— А кончить, как Перец, не хочешь? У того тоже все было — и деньги, и девочки... И где он сейчас? На кладбище, как прочие

хотельщики. Только могила у него чуть побогаче, чем у остальных, а так все одно, червей кормит.

— Ну, и помечтать нельзя, — обиделся Хмырь, — злой ты, Лис, недобрый!

— Точно, — согласился китаец, — а еще я грубый. Когда дурака вижу, так прямо ему и говорю — ты дурак...

— А что бы ты у Комнаты попросил? — решил сменить тему Хмырь.

— Надо сначала до нее добраться, а потом уже мечтать, — прервал пустые разговоры Лис, — давайте лучше думать, как обойти Чертову мельницу. Напрямую никак нельзя...

— Может, с другой стороны? — неуверенно протянул Хмырь. — Через старую дорогу?

— Полдня топать, — поморщился китаец.

— Но другого пути вроде нет...

— Есть, — вступил я в разговор, — можно прямо по ручью.

— Ты чего? — удивился Хмырь. — Там же никто не ходит. Говорят, гиблое место!

— Я готов рискнуть, а ты, Лис?

Китаец внимательно посмотрел на меня и кивнул.

— Хмырь?

— Нет, лучше уж давайте в обход! Полдня потеряем, зато точно живыми останемся...

— Значит, решено, — подвел я итог, — мы с Лисом идем по ручью, а ты в обход. Встречаемся у больницы.

Лицо Хмыря стало бледным:

— Пойдите, вы что, меня здесь бросаете? Не по-товарищески это!

— А Слона закладывать — это по-товарищески? — отрезал я. — Решай, Хмырь: или ты идешь с нами, или остаешься здесь.

— Уговорили, — сплюнул Хмырь, — пошли по ручью! Но если моя жена останется вдовой, а дети сиротами, это будет на вашей совести! Хотя какая у вас совесть...

— Да не заливай ты, Хмырь, — поморщился Лис, — нет у тебя никакой жены, давно сбежала. И детей тоже нет. И никогда не было.

Хмырь зло сверкнул на него глазами, но опять промолчал. Я посмотрел на своих товарищей и понял, что ситуация с каждой минутой нравится мне все меньше и меньше: обиженный, злой Хмырь, хмурый Лис... Да еще Штосс, ведущий какую-то свою, непонятную игру.

Похоже, нарвусь я... Но не в первый раз, выкручусь как-нибудь. Недаром же меня счастливчиком считают!

***

Мы притормозили у ручья, постояли, подумали. Вроде бы все чисто, но кто его знает. До нас раньше никто этим маршрутом не ходил — место действительно гиблое. Хмырь кивнул на воду:

— Ну, Малыш, твоя идея, тебе и лезть первым.

Я спорить не стал, поднял с земли камешек и бросил. Тот спокойно булькнулся метрах в десяти от нас. Все нормально. Держась за кусты, я начал потихоньку сползать вниз, но на полдороге поскользнулся и съехал в воду на пятой точке.

Вода оказалась очень холодной. А что вы хотите, конец октября. Лис и Хмырь внимательно наблюдали за мной, а потом тоже осторожно спустились и встали рядом.

Дальше мы двинулись гуськом: я впереди, прокладывая маршрут, за мной Лис, замыкающий — Хмырь. Шли медленно. Дно было неровным и илистым, мы то и дело проваливались в ямы. Все насквозь промокли и замерзли. Лис старался держаться за мной, шел шаг в шаг и крутил головой по сторонам, как бы к чему-то приносясь и присматриваясь. Наверное, за это его и прозвали Лисом... А, может быть, за хитрость.

Хмырь, наоборот, несколько отстал, видимо, полагал, что так будет безопаснее. Минут двадцать мы спокойно брели по ручью, а затем впереди показался небольшой водоворот. Я притормозил.

— «Труба»? — насторожился Лис.

— Похоже.

Я кинул очередной камушек, его подхватило и закрутило прямо на лету.

— «Труба», — мрачно констатировал Хмырь. — Ну, что я вам говорил? Надо было в обход!

— Теперь уже поздно, — заметил Лис, — будем пробираться вдоль берега, там вроде бы есть небольшой проход, по самому краю.

Он показал. Действительно, у кустов вода была спокойной. Но идти там опасно: чуть поскользнешься — сразу же попадешь в «трубу». Впрочем, стоять на месте или возвращаться — еще опасней.

— Кто первый? — спросил Хмырь. — Жребий станем тянуть?

— Нет, — покачал я головой, — моя идея, мне и идти. А вы за

мной, не отставая.

Я начал осторожно пробираться по самому краю ручья. Мне повезло: вдоль берега росли кусты, можно было держаться одной рукой. Тяжеленный рюкзак тянул в сторону, но бросить его было нельзя: никогда не знаешь, сколько времени проведешь в Дыре. Может, день, а может и всю неделю. Вот и приходится тащить с собой все необходимое, включая еду и инструменты.

Еще к моему рюкзаку была приторочена палатка — незаменимая вещь в Дыре. Днем здесь температура плюс пятнадцать, а ночью довольно холодно. Костер не разведешь — огонь в Дыре не горит, это еще одна из ее удивительных загадок. Спички и зажигалки здесь абсолютно бесполезны, поэтому никак не согреешься, даже не покуришь. Батарейки и аккумуляторы не действуют, электричества нет. Не работают даже механические часы. Воистину, в Дыре время навсегда остановилось...

Я почти обошел «трубу», как вдруг позади послышался сдавленный крик. Я резко обернулся и увидел, что Лиса засасывает в воронку. Видимо, он поскользнулся и попал ногой в «трубу».

Медлить было нельзя: я скинул в воду рюкзак, сделал два шага к Лису и ухватил того за шиворот, чтобы не засосало.

— Веревку! — крикнул я Хмырю.

Он не растерялся, быстро вытащил туристический канат и бросил мне. Я протянул конец Лису — держи! Китаец крепко ухватился, и я, пятясь, потянул. Минут через пять, с большим трудом, мне удалось вытащить Лису на берег. Он тихо стонал, его ноги были неестественно вывернуты.

Я вколол китайцу обезболивающее, он на время затих.

— Все, кончился китаёза, — злорадно произнес Хмырь, — не жилец он. Что делать будем?

— Дальше пойдем, как и договаривались.

— С раненым китаёзой? Слушай, Малыш, зачем он нам? Давай бросим его здесь, это же такая обуза...

— Нет, я не брошу. Раз обещал довести, доведу. Бери мой рюкзак, а я понесу китайца...

Хмырь попытался что-то сказать, но я быстро привел его в чувство — пригрозил, что всем расскажу, что он бросил Лису в Дыре. Хмырь сразу же сник. За такие вещи навсегда выгоняют из ходоков. И никто больше с тобой в Дыру не пойдет. Не говоря уже о том, что коллеги Лиса наверняка не поймут такого отношения к своему боссу. И разберутся с Хмырем по-своему...

Глава седьмая

Дальше мы двигались таким образом: я тащил на спине Лиса, а Хмырь нес наши рюкзаки. Минут через двадцать, почти выбившись из сил, мы, наконец, добрались до больницы. Я осторожно положил китайца на землю и сел рядом.

— Ты, Малыш, совсем как Слон, — произнес, слегка отдышавшись, Хмырь.

— В каком смысле? — не понял я.

— Своих не бросаешь. Он тоже меня из Дыры на себе вынес.

— Да? Не знал...

— А что ты вообще о Слоне знаешь? — усмехнулся Хмырь.

— Да почти ничего, — честно признался я, — Слон не любил о себе рассказывать, а я к нему в душу не лез. Не принято это было между нами.

— И правильно делал, что не лез, — кивнул Хмырь, — Слон не терпел, когда его о прошлом расспрашивали. Особенно о военной службе.

— Он служил в армии? — удивился я. — Никогда бы не подумал!

— Был сержантом в нашей роте, — вздохнул Хмырь, — и, надо сказать, отличным. Когда все началось, его одним из первых послали в Дыру. На разведку, проверить обстановку... Разумеется, не одного, а с целым взводом бравых парней. Он меня с собой взял, ведь я радистом тогда был. Доверял он мне... Да, было дело. Вошли в Дыру двадцать четыре человека, а вышли всего двое — Слон и я. Точнее, он меня на своей спине вынес. Я почти сразу же покалечился, первым в ловушку попал. К счастью, ноги только задело. Слон меня и выволок, можно сказать, спас, сам бы я точно не выбрался. А все остальные ребята остались там... Идиоты-генералы сначала один взвод в Дыру послали, потом батальон, а затем и целый полк вместе с танками и артиллерией. И никто не вернулся. Тогда они поняли, что дело плохо, и решили на Дыру атомную бомбу кинуть, чтобы, значит, дотла сжечь. Во избежание, так сказать... Слава Богу, нашлись умные люди, объяснили этим дуракам, что нельзя просто так атомными бомбами швыряться, последствия могут быть самыми непредсказуемыми. А то они таких дров бы наломали! А Слон, когда из госпиталя выписался, сразу из армии уволился и в ходоки подался, очень его Дыра за душу взяла... Ну, и я вслед за ним, за компанию, так сказать. Мы одно время даже вместе за товаром ходили, были

партнерами...

— А почему Слон не женился?

— Не знаю, — пожал плечами Хмырь, — он вообще по жизни был одиночкой, ни с кем не дружил, даже баб к себе не водил, только на стороне. Странно, что так к тебе привязался. Может, сентиментальным стал к старости? Своих детей у него не было, ну и.

...

Рядом послышался слабый стон — очнулся Лис. Я помог ему сесть.

— Где мы? — прошептал Лис.

— У больницы, — ответил Хмырь, — считай, почти пришли.

Китаец слабо улыбнулся:

— Никогда не думал, что дойду до Комнаты.

— Комнату еще найти надо, — напомнил Хмырь, — здание-то большое, до ночи можем не успеть. И дождь, кстати, скоро...

— Верно, — кивнул я, — давай внутрь. И не забудь про наши рюкзаки!

Мы занесли Лиса и вещи в холл. Очень вовремя, с неба как раз закапало. Значит, уже почти два часа. Я вколол китайцу еще лекарства, и он почти пришел в себя. Мы решили сделать небольшой перерыв и заодно перекусить. Бутерброды и сладкий чай из термоса помогли восстановить силы. После еды мы решили, что рюкзак Лиса и самые тяжелые вещи надо бы бросить здесь (если повезет, заберем на обратном пути). А сами отправимся дальше налегке.

***

Первый этаж мы обшарили за час. Комнат оказалось не очень много: больничные палаты, лаборатория и два кабинета. Но Комнаты среди них не было. И я, и Лис, и даже Хмырь непременно почувствовали бы ее.

Дело шло медленно: приходилось через каждые десять минут делать перерыв. Я тащил китайца, Хмырь — наши вещи. Хотя Лис был не слишком тяжелым, но тоже кое-что весил, и спина у меня вскоре стала болеть. Нам еще повезло, что ловушек практически не встречалось, лишь попалась пара старых, сдохших «лягушек».

Наконец с первым этажом было покончено, и мы поднялись на второй. И сразу напоролась на «стену». Выглядело это так: вроде бы перед тобой ничего нет, коридор пустой, но пройти дальше нельзя —

что-то тебя не пускает. Пришлось искать обход.

«Стенок» в больнице оказалось несколько, и мы почти два часа блуждали по длинным коридорам. Наконец, Хмырь выдохся и повалился на рюкзаки — все, больше не могу! Я тоже решил отдохнуть. Положил Лиса на пол и сел рядом.

— Интересно, — произнес Хмырь, — а таблетки в больнице остались? Вроде бы должны быть. Может, поищем? Если Комнату не найдем, то хотя бы их прихватим. У меня есть знакомые, можно им толкнуть за хорошие деньги. «Колеса» из Дыры — ценный товар, за них нормальные бабки дают!

— Братъ ничего не будем, — тихо произнес Лис. — Как ты не понимаешь, Хмырь: ты со своею жадностью и сам погибнешь, и нас погубишь.

— Да ну вас, — скривился Хмырь, — ничего нельзя. А по мне так все можно, если осторожно. Вот найдем мы Комнату, и стану я богатым... И плевать тогда мне на всех и вся. И на Дыру эту тоже!

— Ну-ну, — скептически хмыкнул Лис. — Ты, Хмырь, когда вернешься, никому не рассказывай, что в Комнате был. Боюсь, мои ребята тебя быстро в оборот возьмут — чтобы рассказал, где она.

— А ты разве меня не защитишь? — с тревогой спросил Хмырь. — Мы же с тобой товарищи, коллеги, общее дело делаем. Можно сказать, друзья...

— Друзья... — хмыкнул Лис. — Нет, Хмырь, мы с тобой не друзья. Я лев, а ты шакал, объедками питаешься. Между нами не может быть дружбы.

— Может, ты и лев, — согласился Хмырь, — да только бывший. Что ты можешь мне сделать, а? Лежишь, как бревно! А ну, давай Карту!

Хмырь подскочил к китайцу и стал бесцеремонно его обыскивать.

— Не делай этого, не то хуже будет, — предупредил Лис.

— Неужели? — зло рассмеялся Хмырь. — Попробуй-ка мне помешать! Кончилась твоя власть, китаёза! Теперь я здесь хозяин!

Я решил вмешаться, но Лис жестом остановил меня. Приподнялся на локте и спокойно спросил у Хмыря:

— Тебе нужна моя Карта? Вот она, лови!

И бросил ее на пол, подальше от нас. Хмырь тут же поднял и рассмеялся:

— С ней и я без вас обойдусь! А вы подыхайте здесь! Счастливо оставаться, меня Комната ждет!

С этими словами он подхватил свой рюкзак и скрылся за поворотом.

— Зачем ты отдал Хмырю Карту? — удивился я. — Я бы спокойно справился с ним...

— Не стоит, — устало произнес китаец, — пусть идет. Не хочу больше насилия. Пусть попользуется Картой, пока может. К тому же она, как ты сам сказал, поддельная, значит, грош ей цена.

— А вдруг Хмырь все же найдет Комнату?

— Неважно, — отмахнулся китаец, — он свое так или иначе получит, вот увидишь.

Лис хрипло рассмеялся, и я вдруг понял, что так оно и будет. «Каждому воздастся по делам его», — вспомнил я старое, но очень верное выражение.

Через десять минут мы двинулись дальше. Я нес на спине Лиса, а он наблюдал за обстановкой. Поскольку мы остались вдвоем, то пришлось бросить все вещи и взять только самое необходимое.

***

Мы обследовали еще один этаж и тоже ничего не нашли. Потом поднялись на четвертый, последний. Времени до темноты оставалось все меньше и меньше, однако я не отчаивался — что-то мне подсказывало, что сегодня нам обязательно повезет. Слон называл это «чувством удачи». Если я с утра знал, что все получится, то лез в такие места, куда до того и не сунулся бы. Даже за очень большие деньги.

В плане денег, кстати, я был полностью согласен с учителем — всех бабок не заработаешь, не стоит ради них рисковать жизнью. Мертвецу деньги ни к чему... Но иногда я все же рисковал, когда знал — сегодня удача точно будет со мной.

В конце длинного коридора мы увидели кабинет директора больницы и направились к нему. Миновали нескольких пустых палат (даже кроватей не было, кому они понадобились?) и остановились перед дверью. Я сразу почувствовал, за ней что-то есть, причем очень необычное. Китаец также напрягся, у него нюх был не хуже, чем у меня. Судя по всему, мы были у цели.

Я слегка приоткрыл дверь. За ней оказалась небольшая комнатка, очевидно, секретарская. Письменный стол, диван, пара стульев, зеленые пальмы в больших кадках. Забавно, что за двадцать лет они

не завяли, а ведь никто ни разу их не поливал...

Посреди комнаты лежал Хмырь. Судя по перекрученному телу, угодил в «воронку». Странно, что не заметил, такие вещи чувствуют даже новички. На лице Хмыря застыло выражение удивления. Он так и не поверил, что попался. Его правая рука была вытянута по направлению к кабинету директора, в последние мгновения пытался до него дотянуться.

— Я же говорил, что Хмырь свое получит, — удовлетворенно произнес Лис. — Всем воздастся по их заслугам...

— Ты думаешь, это то, что мы ищем? — спросил я.

Лис утвердительно кивнул:

— Да, она.

— Тогда почему ее раньше никто не видел? Вроде бы просто — бывшая больница, четвертый этаж, кабинет директора.

— Наверное, — подумав, ответил китаец, — не каждый мог ее найти, а тем более, войти. Нам она открылась, а вот другим нет. Иной раз человек рядом пройдет, но не почувствует. Я же говорил, что Дыра сама решает, кого пускать, а кого нет. Что же, пришла пора узнать свою судьбу...

— Входить не буду, — напомнил я наш уговор.

— Дело твое, — пожал плечами Лис, — но второго шанса у тебя не будет.

— Ладно, — согласился я.

— Тогда неси меня в Комнату...

Я осторожно вошел в приемную. «Воронка» бездействовала. После очередной жертвы она безопасна примерно час — «переваривает» свою добычу. Я переступил через тело Хмыря и подошел к кабинету. Дверь была обита черной лоснящейся кожей, никелированная ручка ярко блестела. Казалось, директор только что вышел, буквально минуту назад.

Я осторожно заглянул в кабинет. В центре его стоял довольно большой письменный стол, заваленный бумагами, рядом — массивное кожаное кресло, вдоль стен — стеклянные шкафы с какими-то толстыми справочниками и книгами. Стены украшали акварельки. Простенькие, но выполненные с большим чувством и старанием. Очевидно, хобби самого директора или кого-то из его близких.

В общем, все, как и должно быть у серьезного, преуспевающего руководителя клиники. Несколько минут я внимательно присматривался и прислушивался, Лис делал то же самое. Все было

чисто. Наконец китаец сказал:

— Положи меня на пол, дальше я сам. А ты побудь пока в приемной, я тебя позову...

— Только недолго, — напомнил я, — «воронка» скоро заработает.

Лис кивнул. Я оставил его в кабинете, а сам вышел и плотно закрыл за собой дверь. Плюхнулся на диван и задумчиво посмотрел в окно.

Там светило солнце. После дождя в Дыре всегда хорошая погода, до самого вечера. Сквозь прозрачное стекло (надо же, за столько лет даже не запылилось) я видел большой больничный парк — высокие клены с желтыми и красными листьями, аккуратные песчаные дорожки, скамейки у газонов. Не было только людей. Да и животных тоже. В Дыре зверей и птиц нет, поэтому и тишина стоит такая... Только трава сухо шелестит и иногда где-то стонет ржавое железо.

Прошло минут пятнадцать, и я стал беспокойно поглядывать на дверь. Еще немного, и «воронка» оживет. В это время из кабинета послышался голос Лиса: «Мартин, помоги!» Я немедленно заглянул в Комнату: китаец лежал у стола, лицо его казалось отрешенным, глаза были полузакрыты.

— Подними меня! — тихо попросил он.

Мне очень не хотелось заходить снова в Комнату, но как иначе? Не бросать же здесь Лиса! Я осторожно приблизился к нему, поднял на руки и вынес в коридор.

— Положи, — попросил Лис, — спасибо тебе, Мартин. Возвращайся обратно, я остаюсь в Дыре.

— Нет, — замотал я головой, — я тебя вытащу, уговор есть уговор.

— Уходи, — повторил Лис более настойчиво, — я получил от Комнаты все, что хотел, и теперь мне можно остаться...

Я недоверчиво посмотрел на него — может, от пережитого у Лиса крыша поехала?

— Я не сумасшедший, — правильно истолковал мой взгляд китаец, — но я и правда все, что хотел, получил. Видишь ли, Мартин, я искал Комнату лишь с одной целью — чтобы попросить у нее смерти. Сейчас ты все поймешь.

И он стал рассказывать...

Глава восьмая

«...Много лет назад у меня была семья — жена и двое детей. Я

очень любил их, заботился, баловал, но еще больше любил власть и деньги. Жена не раз просила меня — оставь эту работу, давай откроем маленький магазин или ресторанчик и станем жить, как все. Но я был слишком честолюбив, чтобы довольствоваться жизнью мелкого бизнесмена, мне хотелось настоящих, больших денег, влияния, положения в обществе...

Не осуждай меня, Мартин, я вырос на окраине Гонконга и с детства знал, что такое нищета и голод. Всю жизнь мечтал выбиться в люди, стать богатым. И мне повезло. Я чем-то привлек внимание господина Сянь Линя, одного из главных наших боссов. В этом плане мы с тобой, Малыш, очень похожи: оба из бедных семей, обоим пришлось самим пробиваться в люди... Но у тебя был Слон, ходок, поэтому ты и стал ходоком, а у меня был Сянь Линь. Так что, сам понимаешь...

Я, видимо, понравился характером — был с детства очень своенравным, дерзким, независимым. Настоящий маленький бандит, гроза улицы. Я никому не прощал своих обид и был готов буквально на все. И всегда первым лез в драку...

Вот Сянь Линь и взял меня под свое крыло. Кстати, я только в десять лет впервые досыта поел и надел новую рубашку, и все благодаря господину Линю... Вначале выполнял мелкие поручения, а в четырнадцать лет мне поручили первое серьезное дело — убить некоего лавочника, не желавшего платить положенную дань. Это была проверка и одновременно посвящение. Я знал, что должен пройти испытание кровью, и все сделал, как надо. Причем без угрызания совести. Просто зарезал торговца, вот и все.

Сянь Линь оценил мои старания и стал понемногу продвигать вверх. Не скажу, что все было легко и гладко, но я упорно карабкался по карьерной лестнице и к двадцати годам имел уже авторитет. Мне стали поручать довольно сложные дела, а затем я возглавил одно из наших подразделений.

В это время я и встретил мою Ли. Она только что закончила университет и стажировалась в одной торговой фирме. Мы познакомились случайно, буквально столкнулись нос к носу на улице, а потом уже не могли расстаться. Знаешь, Малыш, наверное, это была любовь с первого взгляда. По крайней мере, с моей стороны точно.

Ее родители были против нашего брака. Они знали, кто я и чем занимаюсь. Но, вопреки их запрету, моя Ли все же вышла за меня замуж. Она пошла против воли отца, порвала все связи с родными и

близкими — очень смелый поступок для девушки, воспитанной в наших строгих традициях. Вскоре у нас родился мальчик, затем, через два года, и девочка. Я был на седьмом небе от счастья.

...Моя Ли, вероятно, обладала даром предчувствия, не раз просила меня заняться другим делом. К сожалению, я не мог просто так все бросить и уйти из нашей организации. Да, если честно, и не хотел. Деньги и власть — очень сильная штука, Малыш, посильнее любого наркотика...

А потом случилось то, что перевернуло всю мою жизнь. Однажды вечером я вернулся домой и нашел всю свою семью мертвой. И жену, и детей, и даже старуху-няньку — всех зарезали. Это была месть мне лично со стороны другого клана. Не помню, как я жил следующие дни, чем занимался, у меня словно разум помутился. Прощание с родными, похороны — все прошло, как в тумане...

Через неделю я немного пришел в себя и поклялся отомстить за смерть жены и детей. На выполнение этого обещания у меня ушло пять лет... Но, в конце концов, я со всеми расквитался и лично зарезал заказчика убийства. Тогда босс и решил отправить меня подальше — слишком уж много за мной числилось трупов. Мне, честно говоря, было без разницы: я не жил, а существовал. И думал только об одном: как бы скорее умереть и соединиться со своей любимой и детьми.

...Казалось бы, несложно уйти навсегда. Но для человека моего положения все не так просто. У нас существуют определенные традиции, правила, нарушать которые никто не имеет права. Например, я не могу лишиться себя жизни сам. Это означало бы проявить слабость, признать свое поражение, что недостойно настоящего мужчины. Вот и пришлось мне жить и ждать подходящего случая.

По приказу Сянь Линя меня перевели в Европу, управлять здешними кланами. Когда я очутился в вашем городе и узнал про Дыру, очень обрадовался — вот он, способ достойно уйти из жизни! Ведь люди часто гибнут в Дыре, чуть ли не каждый день. Я нашел Хмыря и попросил обучить меня ремеслу ходока, а потом сам стал ходить за «колючку».

И все выглядело пристойно: босс лично контролирует работу подчиненных, следит за добычей товара. А что сам рискует, причем сверх меры, так это характер у него такой, за это не наказывают, а, наоборот, поощряют. Втайне же я надеялся, что когда-нибудь попаду в ловушку и мои мучения на этом закончатся.

Но произошло нечто странное: Дыра приняла меня. Сначала я

искал смерти, а потом постепенно втянулся, и мне это даже стало нравиться. Можно сказать, я нашел свое истинное призвание. Шло время, неделя за неделей, год за годом, а я все жил. Видимо, Дыра решила, что я еще недостаточно помучился, недостаточно искупил свою вину.

Не знаю, сколько бы еще так тянулось, но потом я узнал про Комнату. И понял: вот оно, решение! Комната, несомненно, выполнит мое самое сокровенное желание... Оставалось лишь найти того, кто проведет меня. И тут в городе появился ты, Мартин.

...Знаешь, когда я оказался в Комнате, то понял, что все, что сегодня произошло, было не случайно. И «труба», в которой я покалечился, и предательство Хмыря... Все это для того, чтобы я очутился здесь. И с моей души сразу же упал камень, которой давил все эти годы. Комната поняла меня и дала мне покой.

Теперь все кончено, я умираю. Моя душа навсегда соединится с душами моей жены и детей, а больше мне ничего и не надо. Ты же возвращайся, твой черед еще не настал. Так мне Комната сказала. Нечего тебе здесь делать, Малыш, уходи...»

***

Лис замолчал. Я не стал его больше уговаривать. В конце концов, каждый имеет право умереть так, как считает нужным. Единственное, о чем я попросил, это отдать ключ от банковской ячейки. Я ведь честно выполнил свою часть договора!

Китаец протянул ключ, а потом достал маленький блокнот, шариковую ручку и нацарапал несколько иероглифов.

— Это твоя охранная грамота, на тот случай, если у моих ребят возникнут к тебе вопросы. Отдай им, и все будет в порядке. А теперь прощай, Малыш, и пусть Комната даст тебе то, чего ты заслужил.

— Я ничего у нее не просил...

— Ты был в ней, — возразил китаец, — значит, она тебя почувствовала. Так что не сомневайся, ты свое получишь, даже если не захочешь принимать подарок...

Лис хрипло рассмеялся, а затем откинулся на спину — силы оставили его. Я же поспешил к выходу. Китаец остался на полу в коридоре. Но, перед тем, как уйти, я еще раз посмотрел на него: Лис чуть приподнялся, сел и стал что-то негромко напевать себе под нос. Слов я, конечно, не разобрал, да и не знаю я китайский. Зато видел —

у него очень счастливое лицо. А это было самое главное...

***

Я на минуту заскочил в палату, чтобы забрать свой рюкзак, а потом, не теряя времени, вышел во двор. Прямо за больницей начиналась дорога в город. Я решил идти прямо по ней, так короче. В Дыре вход и выход не всегда совпадают, поэтому я легко поменял маршрут.

Идти по шоссе было приятно. Иногда, правда, попадались небольшие ловушки, но я их издали замечал и обходил. Дыра сегодня явно благоволила ко мне. Видимо, тоже была рада нашей встрече. После семи лет разлуки...

Стало темнеть, и я ускорил шаг. Еще полчаса, и выйду к «колючке». Но как быть дальше? Утром в Дыру мы входили по проходу, приготовленному по просьбе Лиса, а сейчас я выхожу совсем в другом месте. К тому же один... Охрана меня не знает, может поднять шум. И доказывай потом, что все было обговорено и согласовано! Без китайца кто мне поверит?

Я решил, что лучше дождаться темноты и попробовать выбраться по-тихому, как в старые, добрые времена. Кусачки у меня с собой, значит, смогу перерезать проволоку и пролезть под ней. Если повезет, никто ничего и не заметит. Была, правда, вероятность нарваться на военный патруль, но это уж как фишка ляжет. Впрочем, лицензия ходока у меня имелась (Штосс постарался. Сделал, как и обещал, за день), ничего опасного я с собой не нес, значит, как-нибудь мог отбиться. Мол, это первая ходка, хотел попробовать... Если Алоизу не сообщат, то все и обойдется.

С этими мыслями я пошел к «колючке». Она вилась в несколько рядов за бывшим коттеджным поселком. До темноты оставалось еще немного времени, и я решил отдохнуть. Глупо лезть, когда светло — еще напорешься на дурака-охранника!

Я обошел поселок, нашел более-менее целый дом и через пролом в стене забрался внутрь. В одной из комнат сохранился диван, и я с наслаждением растянулся на нем.

Дом, видимо, принадлежал довольно обеспеченной семье: мебель из цельного дерева, на стенах — настоящие картины, а не дешевые печатные репродукции, в книжных шкафах — толстенные тома с золоченым обрезом. Интересно, что стало с его обитателями?

Сумели ли они выбраться из Дыры или сгинули, как и все прочие?

На серванте я увидел большую семейную фотографию: мужчина лет пятидесяти, женщина, чуть моложе его, видимо жена, и две симпатичные девчушки. Все улыбаются и выглядят совершенно счастливыми. Да, было время золотое...

Я немного отдохнул и решил осмотреть коттедж. Две комнаты на втором этаже хорошо сохранились. В одной из них я нашел почти нетронутую обстановку. Здесь, судя по всему, жили дочери хозяина: куклы на кроватях, постеры с певцами-кумирами двадцатилетней давности, девичья косметика. Среди баночек и тюбиков я заметил серебряное колечко с надписью «Молли». Возможно, так звали одну из сестер. Теперь ей, наверное, около сорока. Если, конечно, выжила...

...Тогда, 21 октября, все побежали в страшной панике, бросая имущество, домашних животных, даже детей. Ужас был такой, что люди не отдавали себе отчета, что делают. Желание было только одно — спастись любой ценой.

Многим это удалось, но гораздо больше народу осталось в Дыре. Чудом выжившие мало что могли потом рассказать, но ощущение у всех было одно — непередаваемого ужаса. После катастрофы почти все постарались поскорее уехать из города, и как можно дальше. Некоторые даже перебрались в другие страны. Таков был страх!

...Я положил серебряное колечко в нагрудный карман, на удачу. Если выберусь, обязательно разыщу эту Молли (или ее родственников) и передам им. Пусть это будет платой за то, что побывал в их доме.

Наконец стало темно, и я решил потихоньку выбираться из Дыры. Как говорится, хорошего понемножку. Прогулялся, освежил воспоминания, и достаточно. К тому же меня ждал миллион в сейфе... А с такими деньгами я смогу жить, где захочу. И как захочу.

Но, едва я приблизился к «колючке», как вспыхнули яркие прожекторы и голос (хорошо знакомый!) громко и четко произнес: «Мартин Кочек, идите прямо по шоссе, никуда не сворачивайте, мы вас ждем у пропускного пункта!»

Что ж, ждут, значит, ждут. Прятаться уже не имело смысла, и я пошел на свет.

***

За «колючкой», как я и полагал, стоял Штосс собственной персоной. Едва я вышел, он приказал уложить меня на капот машины и тщательно обыскать. Его ребята постарались на славу: вывернули карманы, прощупали каждый шовчик на куртке, вытряхнули вещи из рюкзака. Алоиз стоял рядом и внимательно следил за шмоном.

— Ничего? — разочарованно спросил он после обыска.

Старший из помощников отрицательно покачал головой.

— А что вы хотели найти, Алоиз? — насмешливо произнес я. — Неужели какой-нибудь запрещенный товар? Я не за этим ходил, вы знаете. Хотите, расскажу при всех, что там нашел там, в Дыре?

Штосс аж позеленел от злости:

— Быстро в машину, — приказал он.

Алоиз посчитал, что не стоит распространять слухи о Комнате. Разумное решение! Я покорно сел в автомобиль. Глупо отказываться, если тебя с удобствами везут до города. Рюкзак и все остальные вещи мне, разумеется, вернули.

— Где Лис? — спросил Штосс, едва мы отъехали.

— Остался в Дыре. Навсегда.

— А Хмырь?

— Мертв.

— Это ты их?

— Даже пальцем не тронул! — сделал я обиженное лицо.

Алоиз недоверчиво хмыкнул, я в ответ лишь пожал плечами: так оно и есть, чистая правда. И почему люди мне не верят?

— Рассказывай, — велел Штосс.

За пятнадцать минут, пока мы добирались до города, я рассказал все. Или почти все. Умолчал лишь о последнем разговоре с Лисом, просто сказал, что китаец случайно попал в «трубу» и скончался от ран.

Штосс снова недоверчиво хмыкнул, и я принял оскорбленный вид: говорю чистейшую правду! Зато рассказ о предательстве Хмыря не вызвал у Алоиза никакого удивления: видимо, он хорошо знал, с кем имеет дело.

— Значит, Комната действительно существует, — констатировал Штосс, — но попасть в нее может далеко не каждый. Это интересно. Ладно, подумаем...

— А что со мной? — задал я главный интересующий меня вопрос.

— Ты ничего противозаконного не сделал, — подумав, ответил Штосс, — лицензия у тебя в порядке, о твоём визите в Дыру мы

знали и против ничего не имели. Так что стандартная процедура: составишь отчет для наших ученых и можешь быть свободен. Только мой тебе совет: уезжай из города, а то кое у кого могут возникнуть к тебе вопросы. По поводу китайца, например... Или Хмыря.

— Так и сделаю, — пообещал я, — как только кончится отпуск.

Штосс на это ничего не ответил.

Через два часа, сдав отчет, я покинул Институт. По просьбе Штосса я никому не рассказал о Комнате. Сообщил только, что шел с Лисом и Хмырем за обычным товаром, но ничего существенно не нашел.

Известие о гибели китайца сильно огорчило ученых. Видимо, они рассчитывали еще долго получать от него разные интересные штучки. Но я их утешил: свято место пусто не бывает, скоро придет другой человек. На этом мы расстались.

Я вышел в теплую весеннюю ночь и закурил: приятно затянуться после долгого трудового дня! Однако мои встречи на этом, как выяснилось, не закончились. Не успел я отойти от Института на десять метров, как рядом со мной затормозил длинный черный лимузин. Из него выскочили два китайца. Это были те же самые, что сопровождали Лиса в отеле.

Я отдал им письмо. Китайцы внимательно прочитали, о чем-то между собой пошептались и сели в машину. Вопросов ко мне, очевидно, у них не имелось. Вот и славно, хоть кто-то мне поверил.

В номере я достал из холодильника пиво и повалился на кровать — слишком много переживаний за сегодня. Через десять минут, едва допив бутылку, я погрузился в сон. Сил раздеться у меня уже не осталось.

Глава девятая

На следующий день у меня были запланированы два важных дела: во-первых, получить деньги из сейфа, а во-вторых, найти Молли.

С первым я справился довольно быстро: в городском банке предъявил два ключа, мой и Лиса, и получил доступ к ячейке. В ней лежал объемистый пакет с купюрами. Одну из пачек я немедленно распотрошил и сунул в карманы, а остальное решил положить на свой счет. Не бегать же по городу с миллионом!

Кассир, увидев кучу налички, тут же вызвал управляющего, с которым у меня состоялся доверительный разговор. Но все закончилось хорошо: мои объяснения его убедили, а законы не

запрещали вносить почти миллион наличными. В общем, через полчаса я стал обладателем весьма солидного банковского счета. Впервые в своей жизни. Разумеется, еще предстояло заплатить грабительские налоги, но все же... Приятно чувствовать себя богатым, черт побери!

Со второй проблемой пришлось немного повозиться. За пять монет я получил в городском архиве следующую справку: в доме №6 по Загородному шоссе жили некие Берги. Глава семьи, Клаус Берг, был довольно известной личностью в городе — владел крупной картонной фабрикой и являлся членом совета. Был женат, имел двух дочерей, но во время катастрофы все его родные пропали без вести. Скорее всего, погибли...

21 октября Клаус, как всегда, находился на работе. Когда все началось, он сразу же бросился домой, но проехать уже не смог — район катастрофы оцепили. Он искал жену и дочерей, но не нашел ни среди живых, ни среди мертвых. Несколько раз пытался сам проникнуть в Дыру, не получалось, все подходы уже были плотно закрыты военными.

Клаусу удалось выяснить, что их коттедж (как и все дома в пригороде) обследовали спасатели, однако людей в них не обнаружили. Все, кто не успел выйти, бесследно исчезли...

Через год настойчивых, но безуспешных поисков Клаус смирился с потерей и приказал соорудить на кладбище символическую могилу. Так, кстати, поступили многие, потерявшие в тот день своих родных и близких. Затем Клаус уехал за границу. Не захотел жить там, где погибла вся его семья.

Что же, такой поворот событий был вполне ожидаем. Но на всякий случай я решил проверить, не упоминаются ли в городских архивах еще какие-нибудь Берги. За дополнительные десять монет (хорошо быть богатым) служащий раздобыл мне адрес некой Молли Гейц, в девичестве Берг. Это уже была ниточка, за которую стоило потянуть.

Через полчаса я уже был у опрятного домика на западной окраине, где городские власти выделили участки тем, кто потерял свою недвижимость во время бедствия. Я нажал на кнопку, и через минуту дверь мне открыла приятная женщина лет сорока.

— Добрый день, меня зовут Мартин Кочек, — представился я, — репортер из «Утреннего вестника». Скажите, могу ли я увидеть Молли Берг?

— Это я, — кивнула женщина, — Берг — моя девичья фамилия,

а сейчас я по мужу Гейц.

— Очень хорошо, — изобразил я улыбку. — Дело том, что мы собираем сведения о тех, кто погиб или пропал без вести во время катастрофы. Хотим издать памятный альбом с фотографиями и краткими биографиями... Не являетесь ли вы случайно родственницей Клауса Берга, члена городского совета?

— Да, это мой дядя, — ответила женщина, — двоюродный брат отца.

— Прекрасно! Фрау Гейц, не поделитесь ли вы своими воспоминаниями о дяде и его семье? Вы хорошо ведь его знали, так?

— Конечно, — кивнула хозяйка, — но что это мы разговариваем на пороге? Проходите в дом!

Женщина привела меня в большую, красиво обставленную комнату и усадила в мягкое кресло. Я осмотрелся, семья жила явно не бедно. Уловив мой взгляд, фрау Гейц пояснила:

— Этот дом и всю обстановку нам подарил дядя Клаус. Вы, наверное, уже в курсе, что во время того бедствия он потерял всю семью?

Я кивнул, достал из кармана блокнот, шариковую ручку и приготовился записывать.

— Фрау Гейц...

— Можно Молли, я привыкла к простому обращению. Так вот, о дяде... В детстве я очень дружила со своими кузинами Кэтти и Бэтти, дочерьми дяди Клауса, хотя была старше их. Мой отец работал у дяди на фабрике главным инженером, и наши семьи дружили. Проводили вместе почти все выходные и праздники, часто ходили друг к другу в гости. Я постоянно бывала в загородном доме у кузин и оставалась там ночевать...

...В тот день моя семья не пострадала. Мы жили в другом районе, его катастрофа почти не коснулась. А вот дядя потерял всех — и дочек, и жену. Он искал их, пытался добиться от властей хоть какой-нибудь информации, но бесполезно... Потом за большие деньги он нанял человека, который тайно проник в поселок и нашел их коттедж. Но никаких следов ни тети Стеллы, ни девочек не обнаружил... Ничего! В конце концов, дядя купил для нас этот дом, передал папе управление фабрикой, а сам уехал за границу, подальше отсюда. От этих страшных воспоминаний... Сейчас он живет в Аргентине, и мы лишь изредка получаем от него открытки, в основном к праздникам. Это, к сожалению, все, что я могу рассказать о нем.

Я достал из кармана кольцо:

— Это случайно не ваше?

— Откуда оно у вас? — воскликнула Молли.

— Его мне дал человек, недавно побывавший в поселке. Собственно, это кольцо и стало поводом для моего расследования. Мне захотелось узнать, что произошло с той девушкой, которая его когда-то носила. А тут как раз подвернулось задание редакции...

— Это мое кольцо, — уверенно сказала хозяйка, — видите надпись «Молли»? Точно такие же были у Кэтти и Бэтти — конечно же, с их именами. Их нам подарил дядя Клаус на Рождество, как раз за год до катастрофы. Я случайно забыла свое у кузин, когда навещала их. Думала, потом вернусь, заберу. Да вот не вышло...

Молли бережно погладила колечко и с явным сожалением вернула мне.

— Надо же, не предполагала, что снова увижу его...

— Оставьте, это же ваше, — протянул я ей кольцо обратно.

— А у вас не будет неприятностей, Мартин? — спросила Молли.

— Ведь любая вещь, принесенная из Дыры, стоит немалых денег. Коллекционеры готовы хорошо заплатить за такие раритеты...

— Я как-нибудь договорюсь, — усмехнулся я ее, — уверен, что все будет нормально.

— Спасибо, Мартин, вы очень добрый молодой человек, — растрогалась Молли. — Знаете, вы вернули мне действительно очень ценную вещь. К сожалению, на память о кузинах у меня почти ничего не осталось. Так обычно бывает, когда видишься с человеком каждый день и думаешь, что так будет всегда. А судьба часто повертывает все по-другому...

Молли отвернулась и украдкой смахнула слезу.

— Извините, — сказала она тихо.

— Ничего, я понимаю.

В гостиную вошла молодая, очень красивая девушка, лет восемнадцати. Судя по одежде — студентка университета.

— Мама? — удивленно спросила она, увидев заплаканную Молли.

— Дорогая, это журналист из «Утреннего вестника», — представила меня хозяйка. — Он собирает материал о нашей семье, о дяде Клаусе. Помнишь, я рассказывала тебе о нем и кузинах?

Девушка кивнула и слегка улыбнулась. От этого ее лицо стало еще красивее.

— Хелен, — представилась она, протягивая мне ладошку.

— Мартин, — приподнялся я с кресла.

— Не хотите ли кофе? — засуетилась Молли. — Дорогая, сделай нам по чашечке, а мы с Мартином еще немножко поболтаем...

Хелен удалилась, Молли с любовью посмотрела ей вслед.

— Знаете, моя дочь очень похожа на Бэтти — те же волосы, та же походка. Иногда мне кажется, что Бог специально послал мне ее... Конечно, я понимаю, что это все чушь. Чистая генетика, наследственность, но все же...

Молли тяжело вздохнула и предложила полистать семейный альбом. Следующие полчаса мы пили кофе и разглядывали снимки. На них были сплошные Берги — обе семьи. Молли подробно рассказывала о каждом члене клана, стараясь не упустить ни малейшей детали. Я сделал заинтересованный вид и записывал, а Хелен откровенно скучала. Видимо, слышала эти семейные истории не в первый раз.

Наконец, допив кофе и исписав несколько страниц, я решил, что пора прощаться. Молли долго жала мне руку и благодарила за кольцо, а Хелен взялась проводить до двери.

— Вы и вправду журналист из «Утреннего вестника»? — спросила она, когда мы вышли в коридор.

— Конечно же!

— Дело в том, что я учусь в университете на факультете журналистики и уже год, как подрабатываю в «Вестнике», — пояснила Хелен. — Внештатно, конечно. Но ни разу вас не видела в редакции... Так кто же вы на самом деле?

— Я не могу ответить вам, — напустил я туману.

— Но мамино кольцо действительно оттуда, из Дыры?

— Вне всяких сомнений. Его передал мне человек, который недавно был там. И попросил найти хозяйку. Видите ли, Хелен, у ходоков есть твердое правило: если ты взял в Дыре чью-либо вещь, обязательно верни владельцу или его наследникам, иначе удачи потом не будет. Дыра не любит жадных... В коттеджах раньше жили довольно богатые люди, и ходоки часто находят там ювелирные украшения, деньги, ценные бумаги. Но никогда себе ничего не оставляют, возвращают все владельцам. А если хозяина или наследников обнаружить не удастся, то жертвуют на благотворительность. Поэтому я и выполнил просьбу моего знакомого. А чтобы не было лишних расспросов, прикинулся репортером. Неужели так плохо получилось? А я очень старался...

— Нет, все нормально, — кивнула Хелен, — случайный человек

и не догадался бы. Скажите, вы ведь работаете в Институте?

— Скажем так: я имею отношение к Дыре, — снова принял я загадочный вид.

— Отлично! Видите ли, меня очень интересуют ходоки, — призналась девушка, — все, что с ними связано. Вы, наверное, многое знаете о них? Не расскажите ли что-нибудь? Я хочу написать статью об их обычаях и традициях, о легендах и поверьях...

— Моя служба не предполагает публичности, — скромно потупился я.

— Я не стану на вас ссылаться, честно слово! — Хелен умоляюще посмотрела на меня. — Ну, пожалуйста, Мартин, мне очень-очень нужна информация! Особенно от знающего лица... Я должна написать статью, иначе редактор не возьмет меня в штат!

— Ладно, — смиростивился я, — посмотрим. Но с одним условием: вы согласитесь поужинать со мной.

— Конечно! — обрадовалась Хелен, — Где и когда?

— Я позвоню вам, — с важным видом ответил я.

Через минуту, записав ее телефон, я откланялся и вышел.

...Очень милая девушка, подумал я, может, действительно стоит с ней встретиться?

***

До самого вечера я шатался по городу, пил пиво, гулял по набережной, обедал в кафе. У меня было странное ощущение свободы — никто за мной не следил, никому я не был нужен...

Когда стемнело, зашел к Толстому Гансу. Он, как обычно, протирал и без того чистые бокалы. Известие о смерти Лиса воспринял довольно равнодушно, а вот по поводу Хмыря смачно выругался:

— Собаке — собачья смерть! Не хотел говорить тебе, Мартин, боялся, что наделаешь глупостей, но Хмырь действительно подставил твоего учителя. Я случайно слышал, как он говорил куратору: мол, Слон нашел Комнату, но не хочет делиться... А куратором у Хмыря, кстати, был в то время Штосс. Вот и делай вывод.

— Спасибо, — кивнул я, — разберусь с Алоизом...

— Держись от него подальше, Мартин, — посоветовал Толстый Ганс, — он очень опасный человек. Думаю, тебя в покое не оставит. Лучше уезжай отсюда, и подальше. Желательно побыстрее.

— Наверное, ты прав, — согласился я. — Махну-ка я на курорт. Представляешь, я ни разу не был на море, видел лишь в кино.

— Правильно, — кивнул толстяк, — съезди, отдохни, развлекись. Ты человек молодой, чего тебе одному болтаться? Заведи девушку, закрути роман... Хочешь, одолжу немного денег?

— Спасибо, — улыбнулся я, — у меня есть. Я человек неприхотливый, проживу как-нибудь и на свои гроши...

— Ну, как знаешь.

Мы поболтали еще минут пять, потом я попрощался. Перед самым уходом толстяк еще раз напомнил мне, как опасно связываться со Штоссом. Что же, посмотрим...

***

В полутемном холле отеля никого не было, видимо, портье отлучился куда-то по своим делам. Я снял с доски ключ и направился в свой номер.

— Не торопись, Мартин, — раздался за спиной очень знакомый голос, — посиди со мной, поговори. У нас есть о чем поболтать... Ведь столько лет не виделись!

Я присмотрелся — в углу сидел человек, который когда-то был для меня дороже всех на свете.

— Слон? — вырвался у меня удивленный крик.

— Он самый, — кивнул учитель, — собственной персоной. Ну, здравствуй, Малыш! Как дела?

© **Игорь Градов**

Роман Глушков

МАКАРЫЧ И ПУЛЕМЕТ

У всех патронов есть одно неприятное свойство — рано или поздно они заканчиваются. Чего нельзя сказать о зомби. Они продолжали идти с запада по шоссе и поодиночке, и толпами. А проходя мимо дома старика Макарыча, чуяли его присутствие, злились и испытывали неудержимое желание дотянуться до его глотки своими гниющими пальцами.

Поэтому с зомби у старика был разговор короткий. И шумный. Вернее, сам он с ними не разговаривал, за него это делал Печенег. После чего ходячие мертвецы умирали окончательно, а Макарыч сметал с пола гильзы и хмурился, глядя на то, как пустеют ящики с патронами.

Раньше ему нравилось жить рядом с оживленной автомагистралью. Макарыч с детства ненавидел тишину, от которой у него всегда противно звенело в ушах. А вид проносящихся мимо дома автомобилей и гул моторов, наоборот, его успокаивал. Но куда приятнее ему было выгонять поутру со двора свой рабочий грузовичок, вливаться на нем в нескончаемый поток машин и ощущать себя частью кипящей вокруг жизни.

К сожалению, однажды привычная жизнь закончилась. Вокруг стала царить одна лишь смерть, и дом у шоссе превратился в не самое лучшее место для проживания. Особенно для одинокого и больного старика.

— Ну вот и наступил этот проклятый день, — заметил Печенег, все еще разгоряченный после отгремевшего боя.

— День как день. Бывали и похуже, — буркнул в ответ Макарыч, вскрывая ломиком последний оставшийся у него ящик с пулеметными патронами.

— И что мы станем делать, когда они закончатся? — осведомился Печенег.

— Ты уже спрашивал об этом. И не однажды.

— Но ты так ни разу мне и не ответил.

— Если не ответил, значит мне просто нечего было сказать, — рассудил старик. — В любом случае мы оба знаем, что счастливого конца у нашей истории не будет. Сначала умолкнешь ты, а вслед за

тобой и я... Ну что, остыл? Тогда готовься к чистке. Сколько бы там патронов у нас ни осталось, это еще не повод забить на гигиену.

Говорят, безумец не осознает того, что он безумен. Макарыч же отчетливо понимал, что рехнулся, ведь он целый год разговаривал с собственным пулеметом. А пулемет разговаривал с ним. И если это было не сумасшествие, тогда что? Но старик ведь и не отрицал наличия у себя проблем с головой. А раз не отрицал, означало ли это, что у него еще сохранились остатки разума?

Дабы почаще убеждать себя в том, что он не конченный псих, Макарыч каждый день читал книги и старался осмыслить прочитанное. Когда он усаживался в кресло с книгой, Печенег обычно помалкивал, отвернувшись и глядя из бойницы на улицу. Да и вообще нельзя было назвать его болтуном. Не затыкался он лишь в бою, а в остальное время говорил кратко и по существу.

Странное было дело: развешанные на стенах семейные фотографии с Макарычем не беседовали. Сколько он ни пытался заговорить с ними, жена и две дочери глядели на него со снимков такими, какими он их помнил — жизнерадостными и улыбающимися, — но ничего не отвечали. Зато бездушная железяка, которая только и умела, что плевать свинцом, всегда была готова пообщаться со своим хозяином.

— Тоже стареешь, как я погляжу, — заметил старик, когда недавно разглядел на штоке газового поршня пулемета щербинку, которой прежде не было.

— Лучше за собой приглядывай, старый кряхтун, — ответил Печенег, разложивший перед ним на столе свои детали для чистки. — Не рожь стала, а сухофрукт. И кашель такой, что аж наизнанку тебя выворачивает.

— Кто ж спорит? Есть такое дело, — согласился Макарыч. — Если не зомби сведут меня в могилу, то проклятый кашель доконает, это уж точно.

Ну а что насчет рожи... К зеркалу он нынче подходил редко, только когда брился, а случалось это не чаще раза в месяц. Но всегда, сбривая бороду, он обнаруживал под ней осунувшееся лицо незнакомого человека. Затем пожимал плечами — да и черт с ним! — ополаскивал лицо водой и шел заниматься своими делами.

Макарыч мог бы и вовсе не бриться, кабы не глядящие на него с фотографий жена и дочери, не любившие его колючую щетину. Вдобавок чистое лицо вызывало приятные ностальгические ощущения. А порой даже сны, когда гладко выбритые щеки старика

касались подушки. Разве что, в сравнении с ними, та была сегодня уже не такой чистой.

Теперь, когда у него остался всего ящик патронов, и любая битва грозила стать для него последней, работы по хозяйству было немного. Вычистив и смазав оружие, он снарядил все имеющиеся у него пулеметные ленты, накачал ручным насосом воды из скважины, вскипятил ее на простеньком туристическом примусе, заварил кастрюлю чая и наполнил им большой армейский термос. А затем взялся готовить бутерброды, которыми в последнее время только и питался.

В отличие от боеприпасов, еды у Макарыча было еще полно. Умерев, он оставит после себя почти целый склад продуктов. И хорошо, если их потом найдут честные люди, а не бандиты. Но тут уж кому как повезет. Когда дом-крепость старика падет, он наверняка будет мертв и не сможет проконтролировать, кому достанется его наследство.

Новые зомби начали подтягиваться к дому на следующую ночь после того, как Макарыч откупорил последний ящик с патронами. Когда до него донесся знакомый скрежет пальцев по железу, он лишь отметил, что первые гости прибыли, зевнул, а потом опять забылся тревожным сном.

Покамест зомби было мало, они не представляли собой большую угрозу. Все окна первого этажа были заделаны толстыми металлическими щитами. Ими же были усилены двери дома и ворота пристроенного к нему гаража. Сам дом был кирпичный и тоже зомбоустойчивый. А вот забору не повезло, однажды он все-таки рухнул под натиском тварей. И с той поры стены дома были единственной преградой, отделяющей Макарыча от навещающей по его душу смерти.

Что только ни делал он, стараясь быть менее заметным: вел себя тише воды, ниже травы и готовил еду в подвале, чтобы ее запах не долетал до шоссе. Иногда это помогало. Бывало, зомби не беспокоили хозяина по нескольку дней и даже недель. Но однажды все равно наступало то далеко не прекрасное утро, когда твари собирались возле дома и начинали ломиться в окна и двери.

Этим утром зомби было еще маловато для того, чтобы сокрушить железный барьер. Но они продолжали прибывать, и к обеду старику волей-неволей придется открывать бойницы для новой зачистки...

Война с жестоким новым миром приучила Макарыча экономить патроны. И он предоставлял слово Печенегу, лишь когда каждая его пуля могла снести не одну гнилую башку, а сразу несколько. Все бойницы в щитах были проделаны именно с таким расчетом, примерно на уровне головы взрослого человека. Надо было только открыть их и палить короткими очередями до тех пор, пока за окнами не останется ни одной зомбячьей морды. После чего старик поднимался на второй этаж и, уперев Печенег в оконные решетки, добивал уцелевших тварей сверху.

Это была простая, но эффективная тактика, не дававшая сбоев. Тем более, что драться с зомби врукопашную Макарыч не мог. Годы были не те, да к тому же почти всю минувшую зиму он проболел. Сначала надорвался на заготовке дров, а затем перенес тяжелую простуду, давшую осложнение на легкие и сердце. Последнее теперь болело при сильном кашле, приступы которого терзали старика каждый день. И сдерживать их было не в состоянии, так что они тоже наверняка привлекали сюда кровожадных гостей.

Как бы то ни было, вести огонь из пулемета с упора Макарыч еще мог. Чем и занялся, когда гаражные ворота заходили ходуном под массой напирающих на них зомби.

— Скоро все это закончится, но пока я стою на ногах, ты уж не подведи, — попросил он Печенега.

— Ты тоже смотри, не вздумай помереть до срока, — ответил тот, ободряюще клацнув затвором.

— Договорились.

Макарыч надел шумозащитные наушники — слишком оглушительно грохотал Печенег в стенах дома, — и открыл первую бойницу.

Разглядывать сквозь нее полусгнившие морды было некогда. Да и незачем. Без долгих колебаний пулеметчик высунул в бойницу ствол своего оружия и нажал на спусковой крючок. Одна короткая очередь веером, за ней другая... Затем подождать, пока на месте разлетевшихся в ошметки голов покажутся новые, и снова две короткие очереди веером...

Это занятие можно было бы назвать рутинным, если бы не сопутствующий ему риск. Всякий раз, открывая бойницу, стрелок мог быть схвачен за горло шустрым зомби, успевшим просунуть внутрь

руку. А порой сразу несколько рук просовывались в отверстие и тянулись к Макарычу, прежде чем он выставлял туда пулеметный ствол. Для подобных случаев он держал под рукой топор. И отсекал им мешающие вражеские конечности, чтобы Печенег мог доделать все остальное.

Переходя от двери к окнам, а от них к гаражным воротам, где также имелись бойницы, старик мало-помалу усеивал двор обезглавленными телами зомби. И лишь когда пулемет расстрелял вторую ленту и твари уже не заслоняли проникающее в бойницы солнце, стало понятно, что работа подходит к концу. Осталось лишь подняться наверх и нанести на это батальное полотно несколько финальных штрихов.

Решетки на окнах второго этажа служили не только упором для пулемета, но и гарантировали, что ослабшие от болезни руки старика не уронят оружие вниз, поскольку оно не провалилось бы сквозь прутья. Добивать остатки врагов он не спешил. Пальба по движущимся целям была опять-таки лишней тратой патронов. Вместо этого стрелок дождался, когда последние зомби упрутся в стену дома, и уже потом, хорошенько прицелившись, снес им головы.

Выпустив последнюю очередь, Макарыч поставил оружие на пол и утер со лба пот.

Вроде и работа была несложная, а замаялся он так, будто долбил ломом бетонную стену. От порохового дыма вновь разыгрался кашель, а от него в свою очередь закололо сердце. Нет, пожалуй, достаточно на сегодня трудов праведных. Утащить тела в ров можно и завтра. За день с ними ничего не случится. К тому же надо оставить силы про запас, а вдруг на выстрелы сюда сбегутся зомби из окрестных лесов, что не раз бывало прежде.

Переводя дух и попутно наблюдая за окрестностями, Макарыч вдруг насторожился. На западе шоссе шло в гору, и на самой ее вершине, примерно в километре отсюда, стояли автомобили: два внедорожника и бортовой грузовик. Не ржавые или сгоревшие, каких тоже хватало на дороге, а явно исправные. И объявившиеся там совсем недавно, поскольку еще утром их не было.

Живые люди на шоссе мертвецов не считались такой уж редкостью. Но обычно машины или автоколонны проезжали мимо, не задерживаясь, поскольку все городки и поселки близ магистральных дорог давно были разграблены подчистую.

Деревенька, где жил Макарыч, ничем не отличалась от других заброшенных окрестных поселений. И то, что из трубы его дома

порой шел дымок — единственная заметная с шоссе примета тлеющей здесь жизни, — тоже не привлекало сюда гостей. Скорее, наоборот, отгоняло. Боясь наткнуться на логово бандитов, приличные люди старались поскорее миновать это место. А неприличные, видя закрытые бронещитами окна и изрешеченные пулями окрестные заборы, столбы и постройки, тоже не желали связываться с недружелюбным хозяином дома-крепости.

Почему же вдруг остановилась эта маленькая автоколонна? Наверное, потому что, въехав на горку, эти люди услышали выстрелы, а потом увидели стаю зомби, осаждающую один из домов. И все бы ничего, но шоссе перед ним тоже попадало в сектор обстрела, вот путешественникам и не хотелось соваться под пулеметный огонь.

На чердаке у Макарыча стоял небольшой телескоп, который он подарил дочкам, когда они учились в школе. В те годы он и сам любил залезть наверх и полюбоваться на ночное небо. Но сегодня использовал это устройство лишь для наблюдения за окрестностями. На звезды же старик давным-давно не смотрел. Потому что для этого следовало быть в душе хоть немного романтиком, а нынче он сомневался в том, что у него вообще осталась душа.

Впрочем, когда он добрался до телескопа, машины уже съезжали с шоссе на проселок. Тот, что шел на юго-восток, в соседнюю деревню. Но скитальцы, похоже, направлялись не туда, а просто искали безопасный объездной путь.

Пока колонна не скрылась за деревьями, водитель первого внедорожника, усатый мужик в армейской панаме, угрюмо посматривал на дом-крепость. Макарыч смог разглядеть шофера, поскольку он опустил стекло на дверце. А вот увидеть его спутников не вышло. За поднятые стекла усиленный телескопом взор уже не проникал.

— Тебе не кажется, что мы с тобой нечаянно испугали приличных людей? — спросил Макарыч у остывающего пулемета, когда возвратился с чердака.

— А они взаправду приличные? — усомнился Печенег. — Или тебе просто хочется считать их таковыми? Все еще надеешься, что в мире остались честные люди, а не одни лишь зомби да мерзавцы, грызущиеся за еду и патроны?

Вопрос угодил не в бровь, а в глаз. Это в фантастических кинофильмах про умирающую планету сразу было видно, кто есть кто. Хорошие люди там путешествовали с семьями и со всем своим

хозяйством, а бандиты — размахивая оружием и безо всякого скарба. Увы, в реальном умирающем мире отличить одних от других было порой совершенно невозможно.

Многие нынешние бандиты возили с собой жен и детей. Многие простые скитальцы, потерявшие свои семьи, а с ними и смысл жизни, бродили по свету озлобленные и неприкаянные. Вот и поди определи, на кого глядел в телескоп Макарыч. Да и кем теперь был он сам, пережив всех своих родных и оставшись единственным защитником своей маленькой крепости?

***

А начиналось все далеко не так мрачно.

Пока в городах свирепствовала загадочная эпидемия, царил хаос и по шоссе шли военные колонны, Макарыч и отцы трех других соседских семей решили не поддаваться панике. Узнав из новостей, с какой угрозой им придется столкнуться, они в спешном порядке окружили свои усадьбы общим рвом, укрепили заборы и дома, пробурили свою водяную скважину и приготовились к обороне. Повезло, что один из соседей был владельцем супермаркета, а другой заядлым охотником, как и сам Макарыч. Поэтому у них было полным-полно еды, а в сейфах охотников имелись ружья, карабины и патроны.

Дважды к ним наведывались военные и предлагали эвакуироваться, но они отказывались. Военные не настаивали — у них хватало забот с теми, кто не упрямылся и сам искал у них защиты.

Интернет, телевидение и мобильная связь вскоре пропали, но по радио передавали в целом обнадеживающие новости. Поэтому никто не сомневался, что кризис скоро минует. Впрочем, оптимизма поубавилось, когда однажды заткнулось и радио. А зомби в окрестностях становилось все больше и больше, тогда как военные проезжали мимо все реже и реже.

За первые полгода община убила примерно столько же зомби, сколько Макарыч убивал сегодня за одну зачистку. Как бы то ни было, к зиме боеприпасы подошли к концу, и мужчины начали делать вылазки. В первую очередь в поисках патронов и другого огнестрельного оружия, а во вторую — всего остального. Теперь, когда стало ясно, что катастрофа затянулась на неопределенный срок,

в хозяйстве было необходимо все, что могло помочь пережить грядущую зиму.

С вылазками начались и первые потери, которых удавалось избегать, прячась за высоким забором. Пали жертвами зомби владелец магазина и старший сын второго охотника. Но это были еще цветочки. Ягодки пошли, когда зараза, превращающая людей в ходячих мертвецов, проникла наконец в крепость.

Кто и как именно в очередном рейде был укушен зомби, так и не выяснилось. Но в следующую же ночь самая многодетная семья (отец, мать, два сына, три дочери, племянник, племянница, а также две бабушки и дедушка) превратилась в семейство зомби. Остальных спасло лишь то, что все усадьбы были по-прежнему отделены друг от друга заборами. И когда наутро выяснилась страшная правда, зараженные еще не прорвались к соседям, а бродили по своему двору и огороду. Где их и перебили, а потом сожгли, вытащив тела за пределы крепости.

С той поры удача стала редко улыбаться общинникам. Зато горе посыпалось на них, как из мешка.

В декабре повезло наконец-то решить вопрос с оружием. Ушедший как-то в одиночный рейд Макарыч нашел бесхозный армейский грузовик, стоящий на обочине шоссе недалеко от деревни. Машина была сломана и, видимо, поэтому экипаж бросил ее, потому что вокруг не валялось ничьих останков. Зато в кузове обнаружилось настоящее сокровище: два ящика с автоматами, пулемет «Печенег» и аж целых тридцать ящиков с патронами и гранатами.

Двигайся этот грузовик в составе колонны, никто не бросил бы здесь столько добра. Но, очевидно, он ехал один, и солдаты еще планировали за ним вернуться, раз не взорвали груз. Но они опоздали. Макарыч на своем грузовичке вернулся к их машине гораздо раньше. И за один рейс перевез оружие и боеприпасы в общину.

К несчастью, оружие не защитило общинников от новой трагедии, разыгравшейся прямо в новогоднюю ночь. Это был последний праздник, который Макарыч отмечал в кругу своей семьи. А уже первого января ее не стало.

Так совпало, что забор, ограждавший маленькую крепость, рухнул аккурат на Новый год. Вернее, рухнул не весь, а лишь один из его пролетов — не выдержал натиск зомби, подобравшихся к нему через заметенный снегом ров. Но и этого хватило, чтобы они ворвались в крепость и учинили бойню.

К утру их все-таки перебили, но итог вторжения был ужасающим. Кроме пятерых разорванных на части общинников, укусы получили и были заражены обе дочери Макарыча и его жена.

Жить им оставалось недолго. Вот только у отца не поднялась рука избавить их от страданий, пока они сами не превратились в зомби.

Это были самые горькие и душераздирающие часы в жизни Макарыча. Часы, наполненные слезами бессильной ярости и испепеляющей его изнутри безнадегой. Сегодня почти не верилось, что он сумел такое пережить. Что не застрелился сразу, как только прострелил головы своим близким, а потом сжег их тела в огороде и развеял пепел по снегу.

После этого моральный дух общины был подорван окончательно. Экономя дрова, все выжившие обитали теперь в одном, самом крепком доме Макарыча. Но едва весна одарила их первым теплом, общинники стали разъезжаться. Заводили свои машины, те, что были на ходу, грузили оружие, припасы и отправлялись искать спасение в других краях. А это место было отмечено печатью смерти и не сулило больше ничего хорошего.

Макарыч не отговаривал друзей и не задерживал их. Он вообще почти ни с кем не общался с самого Нового года. А еще подозревал, что с той поры его считают рехнувшимся, судя по тому, как все теперь на него косились. И как резко порой умолкали их разговоры, когда он выходил из своей комнаты. Поэтому ему и не предлагали уехать. Зачем кому-то брать с собой безумца в опасное путешествие?

Но все же с ним поступили по совести: забрав у него грузовичок, взамен ему оставили много продуктов и тот самый пулемет, который он нашел в декабре вместе с другим оружием. Также Макарычу оставили семь ящиков пулеметных патронов, которые не успели расстрелять за это время и которые не подходили для автоматов, распределенных уезжающими между собой.

Пожелав им счастливого пути, Макарыч поразмыслил и не придумал ничего лучше, как продолжать жить в собственном доме. Столько, сколько он еще протянет. В конце концов, постаревший от горя хозяин выстроил этот дом своими руками, прожил в нем самые счастливые годы и развеял прах своей семьи буквально за порогом. Так какое новое счастье и где надо было искать Макарычу, если во всем мире осталось одно-единственное место, в котором у него еще теплилось желание жить?

— Ну здравствуйте, мои девочки! Вот мы и снова вместе. Одни,

без гостей, — поприветствовал он жену и дочерей, когда опять заперся в своей маленькой крепости.

Улыбающиеся ему с настенных фотографий родные ничего не ответили.

Макарыч тяжело вздохнул: эх, многое бы он отдал, чтобы вновь услышать их ласковые и звонкие голоса. Затем отступил от стены... и едва не упал, споткнувшись обо что-то металлическое, подвернувшееся ему под ноги.

Это был оставленный беглецами пулемет.

— И тебе привет, чертова железяка, — проворчал хозяин, потирая ушибленную ногу.

— Привет, Макарыч. Как дела, как самочувствие? — подал голос Печенег. Довольно неожиданно, но хозяин даже не вздрогнул. Так, словно всегда знал, что пулеметы умеют разговаривать.

— Сам знаешь, бывало и лучше, — посетовал старик, осознавая, насколько усугубилось его безумие, но не испытывая ни малейшей охоты сопротивляться ему.

— Понимаю тебя, — посочувствовал железный собеседник. — Ну ничего, со дня на день пожалуют зомби, тогда и взбодрись. А пока, не сочти за наглость, но мне бы не помешала бы хорошая чистка, а то, гляжу, в этом доме про меня что-то позабыли...

***

Новые гости явились вечером того же дня, когда был вскрыт последний ящик с патронами. И это были самые удивительные гости, которых Макарыч видел за очень долгое время.

То, что это были не зомби, было заметно невооруженным глазом еще издали. Потому что зомби не ходят, взявшись за руки, и не носят с собой игрушек. Хотя вид этих двух детей, что шли к дому со стороны шоссе, тоже оставлял желать лучшего. Оба были грязные и тощие. Старшему из них, пацану, было лет тринадцать, а девочке, которую он вел — лет восемь.

Внешность детей подсказывала, что они брат и сестра — светлые прямые волосы, а также схожие черты лиц. За плечами у мальчишки висел почти пустой рюкзак. Девчонка одной рукой держалась за руку брата, а другой прижимала к груди плюшевого мишку, такого же чумазого, как она сама.

Макарыч увидел их на полпути между шоссе и домом. После

чего открыл одну из бойниц и стал пристально наблюдать за ними.

Вот дети перебрались через осыпавшийся и давно бесполезный ров, но дальше идти не рискнули и остановились у разрушенного забора.

— Эй! Здесь есть кто-нибудь?! — срывающимся голосом прокричал мальчик. — Эй, ответьте! Мы знаем, что вы тут! Мы видели, как вы убивали зомби сегодня днем!

— Кто вы такие и чего вам нужно? — поинтересовался Макарыч, не видя смысла отмалчиваться.

— Меня зовут Костя, а это моя сестра Люся, — представился пацан за себя и за спутницу. — Мы идем в город искать наших маму с папой. Но скоро станет темно, и мы хотим попроситься у вас переночевать, дяденька. И еще нам бы поесть чего-нибудь. Мы не ели уже два дня. А, может, у вас еще найдутся какие-нибудь лекарства? Кажется, Люся простыла и у нее поднялась температура.

Порыв ветра швырнул через бойницу в лицо Макарычу пыль, и он закашлялся. Потом, уняв приступ, немного постоял, успокаивая дыхание и заколовшее сердце.

— Думаешь, они лгут? — спросил Печенег.

— Как пить дать, — ответил старик. — Детям одним в наших краях не выжить, так что они явно не одни. Полагаю, их прислали сюда на разведку те же люди, что днем свернули с шоссе. Хотят, чтобы я сжалился и впустил этих сопляков внутрь. А потом сопляки дождутся, когда я усну, и впустят сюда своих родителей. Или вернутся к ним утром и расскажут, что я тут один и сколько у меня оружия.

— По-моему, ты стал чересчур подозрительным. Разве дети и вправду не могут быть самостоятельными? Разве они не могут научиться прятаться от зомби и избегать с ними встреч?

— Наверное, могут. Но только не эти дети. Кто все время прячется, тот много ползает. А у того, кто много ползает, штаны на коленках протерты до дыр. У этой же мелюзги одежда хоть и грязная, но в земле и глине не маралась, в болотах не мокла и о кусты да камни не рвалась. Девчонка тоже не напоминает больную. Уж меня-то ей в этом не обмануть, я ведь и сам двух дочерей когда-то вырастил.

«И похоронил», — следовало еще добавить, но старик об этом умолчал.

— Что ж, тебе видней, — сдался Печенег. — Желаете быть злокой — будь им. Кто я такой, чтобы указывать тебе, что делать.

— Я не злюка, — возразил Макарыч. — Просто не люблю, когда мне нагло врут в глаза. А тем более, когда подбивают на это малолетних детей.

— Эй, дяденька, куда вы пропали? — вновь прокричал все еще ждущий ответа Костя. — Прошу, впустите нас! Мы только переночуем и завтра же уйдем, клянусь!

— Не завтра, а прямо сейчас! — отрезал хозяин. — Уходите! И передайте своему отцу, чтобы прекратил подставлять вас под пули. Ваше счастье, что я не стреляю в детей. Вот только не все дяденьки у нас в округе такие добрые.

— Какому-такому отцу, о чем вы? Наши папа и мама в городе! Мы здесь совсем одни! — запротестовал Костя. — Умоляю, дяденька, не прогоняйте нас! Мы умираем с голоду! А Люся простыла и замерзнет в лесу ночью!

— Уходите! Живо! — повторил Макарыч. И пригрозил: — А иначе я выпущу собаку!

Прежде чем развернуться и уйти несолоно хлебавши, дети еще немного потоптались на месте, изображая обиду. Что, надо заметить, получалось у мальчишки уже не так искренне, как оправдания. А девочка за это время вообще не произнесла ни звука, не говоря о том, чтобы кашлянула или чихнула для убедительности.

Уходили они куда торопливее, чем пришли, едва ли не бегом. Но вряд ли из-за боязни несуществующей собаки. Не желая терять их из виду, Макарыч подобрал оружие и потопал на чердак к телескопу. Он знал, что его догадки верны, но хотел убедиться в этом своими глазами. А если повезет, то и заметить прячущихся в лесу родителей Кости и Люси. Или Васи и Кати, Пети и Насти, Паши и Гали... — эти врунишки могли обозваться какими угодно именами.

Говорят, будто любопытство сгубило кошку. Однако с Макарычем оно сегодня поступило с точностью до наоборот — спасло ему жизнь.

До телескопа он так и не добрался, а только до второго этажа. Именно в этот момент снаружи что-то раскатисто громыхнуло. Вздвогнув, старик выглянул в окно и успел заметить, как нечто яркое и стремительное пронеслось по воздуху к дому.

А потом шарахнуло так, что Макарыча сбило с ног и у него заложило уши. Выронив пулемет, он упал, и тут же ему в лицо ударило горячее плотное облако дыма и пыли, ворвавшееся сюда с первого этажа через лестничный проем.

«Гранатомет!» — промелькнуло в мыслях старика, прежде чем

он зашелся в кашле, так как не успел задержать дыхание и вдохнул эту едкую летучую смесь. Не полной грудью, но пыль моментально залепила ему нос, рот и горло, что стало ударом по его слабым легким.

Макарыч старался не кашлять, боясь за свое сердце, но ничего не вышло. Он сразу начал задыхаться, а это было еще мучительнее. В глазах пульсировали разноцветные вспышки, голова гудела, а изо рта при каждом выдохе вылетали брызги крови. Ее же солоноватый привкус постепенно заменял во рту вязкий вкус пыли.

Что творилось у него в груди, он боялся даже представить. Казалось, будто там дерется свора бешеных собак, которые отбирают друг у друга сердце, вгрызаясь в него клыками со всех сторон.

Похоже, вот и настал конец всему. Все случилось не так, как он себе представлял и к чему готовился, но все же вполне предсказуемо.

***

— Хватит разлеживаться! А ну вставай! — услышал он внезапно знакомый голос, даром что у него были заложены уши. — Если собрался издохнуть, так хотя бы возьми в руки оружие, упрямый старик!

— Я... мне... надо... — он снова выкашлял кровь, но тут же почувствовал, что дышать стало легче и боль в груди ослабла. — Ладно! Ладно, я тебя понял! Встаю!

Он взвел пулемет, вцепился в него и, шатаясь, поднялся на ноги. Но стоять ровно, да еще с тяжелым Печенегом в руках, не получалось. Поэтому Макарыч уперся плечом в стену и лишь потом осторожно выглянул в окно.

Старик был прав: в дом действительно пальнули из гранатомета. И целились в тот самый железный щит, через бойницу которого он разговаривал с детьми. Но, судя по разбросанным кирпичным обломкам, граната попала левее, в межоконный простенок, и уничтожила его.

Это тоже было плохо, ведь теперь в фасаде образовалась пробоина величиной с входную дверь. И заделать ее срочно никак не удалось бы.

Но куда больше старика беспокоили люди, что приближались к дому опять же со стороны шоссе. Их было четверо, они бежали, пригнувшись, и каждый держал в руках автомат. А вел их знакомый

старику усач в армейской панаме, чему Макарыч совсем не удивился. Детей рядом с ними не наблюдалось. Наверное, к этой минуте брат с сестренкой успели пересечь дорогу и скрыться.

— Чертовы подонки! — процедил сквозь зубы старик. И хотел было установить пулемет на подоконник, чтобы ударить по врагам, но Печенег не дал ему этого сделать.

— Не суетись, — сказал он. — Ты слишком слаб для таких перестрелок. Пускай они решат, что ты мертв, и войдут в дом.

Мысль была здравой. Если противники сейчас напорются на встречный огонь, они залягут во рву. И тогда лишь одному дьяволу известно, когда и в чью пользу завершится эта позиционная война. Но если они беспрепятственно вторгнутся на территорию, которую Макарыч знал, как свои пять пальцев, и где он все еще был полновластным хозяином...

Да, такой расклад виделся ему намного удачнее.

Четверка ринулась на штурм, будучи готовой к сопротивлению, но не встретила его. Это ее воодушевило. Еще утром эти люди, небось, догадались по отсутствию других выстрелов, что с зомби воюет единственный человек. И если он не палил по врагу на подходе так, как палил по зомби, значит, скорее всего, был или убит гранатой, или тяжело ранен. Врагам оставалось лишь обыскать его крепость и забрать трофеи... Удачный у них выдался денек, что ни говори.

Отсутствие труп на первом этаже насторожило бы противников, поэтому Макарыч решил дожидаться их там же, а не наверху. И залег под грудой тряпья в самой темной комнате, которая примыкала к гостиной с развороченной взрывом стеной.

К счастью, обошлось без пожара, но взрыв все равно учинил полный разгром и хаос. Чтобы отыскать здесь труп, или убедиться, что его нет, надо было сдвинуть завалы из обломков мебели, штукатурки, половиц и всевозможных вещей. Последние хозяин начал складировать прямо в гостиной, когда остался в одиночестве, и в итоге тоже превратил ее в хранилище.

— Первый... Второй... Третий... — бесстрастно считал Печенег врывающихся в пролом врагов. Конечно, они его не слышали. Зато могли услышать старика, заговори он вдруг с Печенегом. Макарыч ежесекундно помнил об этом и держал язык за зубами. — Так, а где же четвертый?

Трое захватчиков, включая усача в панаме, рассредоточились у стены для первого, беглого осмотра гостиной. Четвертый их боец все еще был снаружи, видимо, оставшись на прикрытии. Ждать его не

имело смысла. Пока его собратья не разбрелись проверять другие комнаты, Макарычу надо было действовать.

— Огонь! — скомандовал ему Печенег, и он, взяв на мушку ближайшего противника, нажал на спусковой крючок.

Стреляя со столь близкого расстояния, он не мог промахнуться. И первой же очередью срезал двоих: тощего хмыря в засаленном спортивном костюме и похожего на байкера пузатого коротышку.

Те даже не успели понять, что стряслось. Пули прошили их насквозь, а хмырь и вовсе вылетел из пролома обратно на улицу.

Пулеметчик мог бы заодно наспиговать свинцом усача, но тот обладал завидной реакцией. За миг до того, как в стене, возле которой он стоял, пробило несколько дыр, усач прыгнул вперед и укрылся в бывшей гостевой спальне.

Вернее, это он думал, что укрылся от выстрелов за стеной. На самом деле это его не спасло. Макарыч отлично помнил, из чего он делал межкомнатные перегородки — из тонких досок и гипсокартона. И столь же отлично знал пробивную мощь своего оружия.

Развернув его в дверном проеме, следующей длинной очередью старик изрешетил преграду, отделявшую его от врага. Он выпустил в нее столько свинца, что мог даже не ходить и не проверять, поражена цель или нет. Растерзанное пулями и залитое кровью тело усача можно было разглядеть через многочисленные пробоины в стене.

Впрочем, не стоило забывать, что у дома находился еще один противник.

Поднявшись на ноги, Макарыч прижал для устойчивости ствол пулемета к косяку и стал прислушиваться, не донесутся ли со двора крики.

Они не заставили себя ждать. Выброшенный наружу, мертвый хмырь убедил прикрывающего, что отряд понес потери. А насколько сильные, стало ясно по молчанию автоматов. Тем не менее последний враг должен был удостовериться, что стало с приятелями. А вдруг они лишь ранены, и их еще можно спасти?

— Кеха! Мелкий! — позвал он снаружи, не рискуя соваться в дом. — Вы живы?! Кеха, ты как там? Мелкий, слышишь меня? Эй, где вы?!

Разумеется, мертвецы его не слышали. Но до Макарыча сквозь звон в ушах эти крики долетели.

Понимая, что выдать себя за незнакомого человека не получится, он изобразил лишь надрывный долгий стон. Почти не притворный,

ведь самочувствие у него по-прежнему было отвратное. Но как знать, а вдруг оставшийся враг клюнет на эту простенькую уловку? Все, что от него нужно, это сунуться в пролом и заработать свою порцию свинца.

Вероятно, так и случилось бы, если бы со стороны шоссе не раздались автомобильные сигналы. Протяжные и громкие, они звучали один за другим, будто тревожная сирена.

Макарыч не видел, что творится на дороге, но ему это тоже стало интересно. Стараясь не мелькать в проломе, он прокрался к ближайшему окну и открыл бойницу.

Увиденное снаружи его озадачило. Прячущаяся до этого за деревьями, знакомая автоколонна из трех машин неожиданно вернулась на шоссе и призывно сигналила. Выживший захватчик внял ее призывам. И сейчас бежал обратно во все лопатки, забыв о павших соратниках.

— Куда это ты намылился? — проворчал Макарыч, высовывая в бойницу пулеметный ствол. — Не так шустро, гнида! Мы с тобой еще не договорили!

— Не нужно, — осадил его Печенег. — Уходит, и черт с ним! Побереги патроны. Эти ребята неспроста плюнули на все и так резко сорвались с места. Что-то их явно испугнуло.

— Мать божья! — воскликнул старик, уже догадываясь, что именно погнало врагов прочь. И поспешил на второй этаж, чтобы убедиться, верна ли его страшная догадка...

***

Какое там! Догадка оказалась вовсе не такой страшной, как реальное положение дел.

С запада двигалась еще одна, невесть какая по счету толпа зомби. Она казалась бы самой обычной, если бы не ее размер. Сколько тварей там было: полтысячи, тысяча или, может, все три... поди сосчитай. И где только скопилось это море ходячей гнилой плоти, что прорвало «запруду», которая его удерживала, и хлынуло на шоссе?

Стая была совсем близко. Первые зомби уже гнались за бегущим к машинам человеком. Но ему повезло — он успел вскочить на подножку трогającego с места грузовика. После чего остатки банды, покатили на восток, горюя о погибших собратях и

одновременно радуясь, что унесли ноги от другой, куда более свирепой угрозы.

А вот у Макарыча поводов для радости не было, хоть он и вышел победителем из этой заварухи.

— Баррикада! — спохватился он. — Надо заткнуть дыру баррикадой.

— Слишком поздно, — ответил Печенег. — Давай, неси сюда патроны и закрывай решетку.

Опять старик был вынужден с ним согласиться. Даже если закидать брешь обломками мебели и половиц, такая орда зомби снесет их за считанные минуты. Да и времени на это не оставалось. Все, что Макарыч еще мог успеть, это разбить головы топором оставленным за собой трупам, и затащить наверх боеприпасы, лампу, а также дежурный «рюкзачок беглеца» с трехдневным запасом еды и воды. После чего перекрыть лестничный проем решеткой, которую он сварил из арматуры, когда переделывал дом в крепость. Сварил как раз на случай, если понадобится блокировать верхний этаж при вторжении противника.

Зомби добрались до пробитой стены, когда Макарыч тащил по лестнице патроны. Кряхтя и выбиваясь из сил, он переставлял тяжелый ящик с одной ступеньки на другую. И затащил его наверх уже на глазах первых тварей вторгшихся в дом. После чего с грохотом захлопнул решетку и запер ее на массивный гаражный замок. И лишь тогда позволил себе упасть на пол и отдышаться.

Да уж, столько зомби ему ни в жизнь не перебить. Иными словами, ну вот и все, финальный бой. Как там поется в песне: «Он трудный самый»? Нет, это навряд ли. Трудным бой бывает для тех, кто старается отчаянно выжить. А у старика нет на это шансов, хоть ты, блин, наизнанку вывернись! Только он, само собой, все равно задешево не сдастся. Пока в его пулемете есть патроны, Макарыч станцует зомби свою прощальную кадрилишь ничуть не хуже тех, какие танцевал для них раньше.

Незачем было даже подходить к окну, он и так слышал, как зомби стекаются во двор. А затем лезут в пролом, наводняют первый этаж и уже шаркают ногами под лестницей.

Лишь теперь Макарыч понял свою стратегическую ошибку, допущенную при строительстве дома. Да только кто бы знал об этом в те годы! Любитель всего надежного, он построил лестницу максимально крепкой, из бетона. Побоялся, что деревянная невзначай сломается и кто-нибудь пострадает. Зато теперь было бы очень

кстати, если бы она сломалась под тяжестью взобравшихся на нее врагов. Это сделало бы последнее убежище старика неприступнее, ведь лазать по стенам зомби не умеют. Но увы, надеяться на то, что они обрушат бетонную лестницу, было глупо. Она выдержала бы даже слона, а их выдержит и подавно.

Еще через полчаса на лестнице толпилось столько зомби, что почти в каждой ячейке решетки торчала гнилая рука, тянущаяся к Макарычу. А уставившихся на него голодных глаз было еще больше. Ну а он, не смущаясь от столь пристального к себе внимания, снарядил все пулеметные ленты, расставил короба с ними, чтобы те были под рукой, а сам пулемет установил на поваленном холодильнике. Так, чтобы в решающую минуту ударить по врагам с близкого расстояния и не дать им прорваться на второй этаж.

За окнами тем временем стемнело. Но поскольку отдых и сон зомби не требовались, ночка обещала быть нервной. Макарыч зажег керосиновую лампу и подвесил ее к потолку на крючок. Огонь лампы отражался в мутных глазах тварей, но старик настолько к ним привык, что не видел здесь ничего жуткого. Наоборот, даже находил в этих отблесках света определенную смертельную красоту.

Ожидание худшего не заставило себя долго ждать.

Прошло еще минут сорок, когда на решетке что-то звякнуло, она выгнулась вверх, а потом задрезбуждала не переставая. Вскочив с кресла, Макарыч подбежал к ней и увидел то, чего боялся. Безостановочная зомби-давка привела к тому, что приваренные к раме арматурные прутья начали отрываться. И теперь, когда решетка ослабла и зашаталась, ее конец стал неотвратимо близок.

Печенег вступил в дело, когда зомби сломали и отогнули решетку настолько, что уже могли пролезть в образовавшуюся щель. Аккуратно, стараясь не угодить пулями в железо, Макарыч скосил короткими очередями первых тварей. Чем задержал остальных, но не надолго. Спустя еще полчаса последние сварные швы на решетке лопнули, и она полностью вылетела из проема.

Теперь один лишь свинцовый дождь мог защитить старика. Взмокшему от пота, оглохшему и тяжело дышащему Макарычу было не до раздумий. И все же он обдумал мимоходом тактику своего самого последнего боя. Она была незамысловатой и состояла из трех пунктов. Первый: оставить в последней ленте несколько патронов. Второй: успеть сбежать на чердак. И третий: воспользовавшись короткой передышкой, застрелиться.

План казался неплохим. В любом случае, лучше было умереть

так, чем разорванным на куски. Но таким уж невезучим был Макарыч в жизни, что даже его предсмертному желанию не суждено было сбыться.

У него в запасе имелось еще три короба с лентами, когда внутри Печенег что-то неожиданно лязгнуло и громынуло. Да так сильно, что тот едва не вырвался из рук стрелка. После чего очередь сразу оборвалась и пулемет умолк.

Ошарашенный старик рванул несколько раз рукоятку перезарядки, но она не поддавалась. Оружие заклинило намертво. А зомби продолжали карабкаться по телам собратьев, не собираясь давать Макарычу тайм-аут.

Закинув пулемет за спину, подхватив один из контейнеров и сняв с крючка лампу, он бросился к чердачному люку.

Туда тоже вела прочная лестница, разве что винтовая. Вот только решетки на том люке уже не было. Да и сам он не имел запора, ведь старик не предполагал, что однажды ему придется держать оборону еще и на крыше.

Как бы то ни было, пришлось.

Оказавшись на чердаке, он водрузил поверх люка кресло, сидя в котором любил глядеть в телескоп. И оно стало его единственной защитой. Больше здесь не было ни мебели, ни других вещей, пригодных для постройки баррикады.

Поставив лампу на пол, Макарыч сразу же взялся разбирать пулемет дрожащими руками.

— Ну же, не молчи! — твердил он без умолку. — Скажи, что у тебя болит? Говори скорее! погоди, сейчас я тебе помогу! Потерпи немного, ладно?

Но сколько Макарыч его ни упрасивал, Печенег больше не произнес ни слова.

Впрочем, скоро все выяснилось и без подсказок. Загвоздка была не в заклинившем патроне, на что надеялся старик, так как эту поломку он мог бы устранить. Все обернулось намного хуже. Шток газового поршня сломался в том самом месте, где Макарыч недавно обнаружил коварную щербинку.

Вот почему Печенег умолк — потому что умер. И оживить его Макарычу было не под силу. По крайней мере, здесь и сейчас.

— Прощай, — сказал он, погладив оружие по разобранной ствольной коробке и прикладу. — Не думал, что ты уйдешь раньше меня. Но что поделать, раз судьба такая.

Топот и шарканье множества ног на втором этаже дали понять,

что зомби захватили и этот рубеж. Как скоро они доберутся до чердака? Макарыч надеялся, что у него есть в запасе хотя бы несколько минут. Затем чтобы привести в исполнение план «Б», раз уж план «А» пошел-таки прахом.

Выбравшись через слуховое окно на крышу, старик уселся в шаге от ее края. Он не мог позволить себе стать после смерти одним из не упокоенных ходячих мертвецов. А значит, ему придется спрыгнуть вниз так, чтобы с гарантией размозжить голову о бетон. То есть надо предельно сосредоточиться. Потому что будет чертовски обидно вместо разбитой вдребезги черепушки отделаться сломанными костями. А затем умереть той же смертью, от встречи с которой Макарыч так долго уклонялся.

Ну что — дерзаем? Или все-таки подождать, пока зомби заберутся на чердак? Как-то не хотелось убивать себя, когда враг еще позволял тебе наслаждаться жизнью. С другой стороны, а есть ли резон цепляться за жизнь, в которой давно не осталось ни единого просвета?

Макарыч сделал глубокий неторопливый вдох, потом столь же медленно выдохнул: да, и вправду незачем мешкать. Затем неторопливо поднялся на ноги...

...И тут же плюхнулся обратно на задницу. Вот только колени его подкосились не от слабости или страха перед смертью, а от внезапно грянувшего с небес рева. И тут же над восточной частью шоссе нависла гигантская тень, похожая на снижающийся самолет.

Хотя какого черта! Это и был самолет, который снижался прямо на дорогу. Очевидно, заходил на аварийную посадку, ибо с какой еще целью его сюда занесло?

Вспыхнувшие в небе и осветившие шоссе прожектора подтвердили, что Макарыч не ошибся. Самолет был винтовым, с двумя двигателями, и за одним из них тянулся густой дымовой шлейф.

— Ну и дела! — пробормотал Макарыч, устало потирая виски. — Что за безумный мир! И жить в нем не получается, и умереть спокойно не дадут!

***

Утро он встретил на чердаке, куда зомби не добрались по той же причине, что помешала Макарычу броситься с крыши. Совершивший

жесткую посадку самолет наделал в округе столько шума, что злобные твари почти сразу забыли об одиноком человеке. И устремились к новому раздражителю, куда более интересному, по их мнению.

А шум на дороге и не думал утихать. Пилоты поступили по инструкции, выбрав для приземления ровный участок шоссе. Вот только они не учли, что покрытие на нем давно уже не было ровным. Едва шасси самолета коснулись асфальта, как сразу же угодили в трещины и вымоины и оторвались. После чего крылатая машина грохнулась на брюхо и дальше с адским скрежетом и грохотом заскользила по остаткам асфальта рассыпая во все стороны снопы искр.

В итоге ее все же стянуло в кювет, где она зарылась носом в землю, но, к счастью, не загорелась. И вообще, можно сказать, приземлилась довольно удачно.

Правда, на этом беды экипажа и пассажиров еще не закончились.

К тому времени, как они пришли в себя и открыли задний грузовой люк, к ним уже стягивались зомби. И снова ночь разорвал грохот, только на сей раз это были выстрелы. Бортовые огни самолета продолжали гореть, и Макарыч определил в телескоп, что тот принадлежит военным. Они же, скорее всего, и находились на борту. Было заметно, что эти люди заняли грамотную оборону и сражаются только автоматическим оружием.

И, тем не менее, даже целое армейское подразделение не сдержало натиск огромной толпы зомби.

После полуночи грохот очередей начал удаляться и звучать тише. Походило на то, что солдаты оставили позиции и отступают с боем на запад.

К рассвету все стихло. Лишь изредка из-за леса доносились короткие автоматные очереди, уже не похожие на звуки полноценного боя.

Не веря, что он все еще жив, утром Макарыч повнимательнее изучил в телескоп лежащий в кювете самолет и поле отгремевшей вокруг него битвы. Затем покачал головой, озадаченно почесал макушку и, приподняв изломанный люк, оценил обстановку в доме.

По второму этажу ползала лишь парочка зомби с перебитыми ногами, не сумевшие уйти отсюда вместе с братьями. Спустившись с чердака, хозяин разmozжил им головы топором, а потом проделал то же самое с пятью тварями, шевелившимися среди обломков и тел упокоенных зомби этажом ниже.

Весь первый этаж был завален полусгнившими телами и забрызган их ошметками. Но сейчас Макарыча волновала не генеральная уборка и не ремонт стены. Прихватив в гараже тачку и заткнув за пояс топор, он отправился на место авиакатастрофы.

Вокруг самолета так же валялись сотни расстрелянных зомби, но ходячих не наблюдалось. Наверное, всех их увели за собой отступающие солдаты. Заглянув в грузовой отсек, Макарыч обнаружил там развалившиеся штабеля знакомых зеленых ящиков, как целых, так и разбившихся при жесткой посадке. Из последних высыпалось столько патронов, что их можно было собирать с пола лопатой.

Опасаясь, как бы к нему не подползла недобитая тварь, Макарыч снова огляделся. И вдруг застыл, как вкопанный, уставившись на тело молодого солдатики, изрядно поеденного зомби. Солдатик пал в бою, но в зомби не превратился, потому что товарищи оказали ему последнюю услугу, пустив пулю в лоб. Однако не это привлекло внимание Макарыча, а то, что мертвец все еще продолжал сжимать в своих заочечневших руках.

Это был пулемет. В точности такой же, с каким старик попрощался минувшей ночью у себя на чердаке.

Ослабевшее сердце Макарыча затрепетало от радости — чувства, которого он не испытывал так давно, что от непривычки из глаз у него потекли слезы.

— Привет, железяка! — обратился он к пулемету и помахал ему дрожащей от волнения рукой.

— Привет, Макарыч! — отозвался Печенег с не меньшей радостью. — Ты все-таки пришел! Я знал, что ты меня здесь не оставишь.

— Ну а как же иначе? Как же было иначе-то, а? — закивал старик, разжимая мертвые пальцы солдата и высвобождая оружие. После чего, ласково прижав Печенега к груди, пообещал: — Не волнуйся, теперь все у нас будет хорошо. Пойдем домой, сынок...

Павел Иевлев

ЗОМБОПРИВОД

Зомбак был свежий и бодрый — тряс прутья, тянул темные ободранные руки, безуспешно пытался просунуть сквозь решетку перекошенное, с мутными глазами лицо. Полноценный *ресурс*.

Андрейка смотрел то на него, то на часы. До начала смены оставалось еще пять минут, и вполне можно было прочитать пару страничек — обозники притащили обновление для общинной библиотеки, а сестра его, Катюшка, помогала разбирать поступления. Зная братову страсть к чтению, отобрала пару книжек в его вкусе — чтобы на обложке мужик с ружьем. На этой у мужика с ружьем был еще и мотоцикл, что открывало заманчивые перспективы. Книжка была, кстати, практически целая, только чуть разбухшая. В сырости побывала, но мыши не добрались. Андрейке больше всего хотелось открыть слегка облезлую обложку, аккуратно разделить слежавшиеся страницы, вдохнуть этот неповторимый книжный запах — запах сырости, плесени, подгнившей бумаги... Запах нового приключения, которое обещало на несколько часов унести из этого скучного мира, в котором никогда не случается ничего интересного.

Однако, суровая реальность ворвалась в подсобку в виде вечно всем недовольного начальника смены Михалыча.

— Какого хрена опять! — занудил тот с порога, — Где спецодежда? Краги где? Понабрали раззвиздяев! Инструктаж по ТБ я для кого проводил? В привод захотел?

— Ну, Сергей Михалыч... — Андрейка быстро убрал книжку в карман рабочего комбинезона.

— Что «сергеймихалыч»? Я уже пятьдесят лет как «сергеймихалыч», а таких долбодятлов, как ваша смена, отродясь не видал! То очки защитные не наденут, то щитки им лень цеплять...

— Так жарко же! — вырвалось у Андрейки, и он пожалел об этом, еще не договорив.

— Жарко? Ах, значит, жарко? Жарко ему, мудаку конченому! Вот, один такой в приводе второй год шагает — тоже, поди, жарко ему было, зайцу бешеному! А я из-за него на штрафных два месяца отрубил! Спину до сих пор прихватывает! А ну, глядь, бегом в шкафчик, и чтобы краги надел! Техника безопасности кровью

писана!

***

Андрейка, сопя, натягивал рабочие краги — здоровенные сварочные перчатки из толстого спилка, усиленные кольчужными вставками и думал, что зря он вообще рот раскрыл. Так бы Михалыч проорался и ушел, а теперь злится и глаз с него не спустит. Фиг на смене считаешь. Да, конечно, отвлекаться не положено, но, если честно, скука там смертная. Знай, маячь себе перед приводом, да переключай трансмиссию, если команда будет. Сроду там ничего не случилось и не случится никогда. А тем бывшаком, что теперь в приводе, всех новичков пугают — специально, поди, комбинезон рабочий на нем оставили, в назидание. Так он сам дурак — менял приводного, а тамбур не закрыл, как по инструкции положено. Ну и без щитков был, это да. Тут Михалыч прав, конечно.

Защитные очки сразу начали запотевать, но под пристальным взглядом начсмены Андрейка только вздохнул и поплелся за инструментом. Надо было до старта поменять одного приводного, он совсем истрепался, пару раз падал даже. Приходилось привод тормозить — то еще ЧП. Потребители телефон оборвут: «Какого хера привод встал? У нас работа!». А у нас, можно подумать, гулянка тут...

***

Для замены приводных использовался «ухват» — полукруглая рогатина на длинном держателе из дюралевой трубы. С виду точно как тот, которым в деревнях раньше чугунки из печки вынимали, только оборудованный скользящей ременной петлей-фиксатором. Фиксатор затягивался стальным тросиком, пропущенным внутри держателя. Андрейка отодвинул узкую горизонтальную заслонку на двери загона. Зомбак моментально навелся на ее лязг. Заслонка была сделана так, чтобы аккуратно голова пролазила, и будущий приводной сам подставил облезлый свой кочан под петлю ухвата. Андрейка несколько раз качнул сделанным из автомобильного ручника рычагом на держателе. Затрещал храповик, натягивая тросик, и петля плотно охватила кривую темную шею. Тут главное — не перестараться. Это их с виду ничего не берет, кроме пули в башку, а

на самом деле повредить приводного — как нефиг делать. Перетянешь ремень, своротишь шею, и все. Ни за что он ровно идти уже не будет. И что с ним тогда делать? Только в компост... За такую порчу ресурса можно и на штрафные влететь.

Дальше все строго по инструкции. Андрейка просто спиной чуял взгляд Михалыча, тут не дай бог что-то пропустить. Занудит потом насмерть. Он так-то мужик не злой, но на работе ведет себя как заноза в заднице. Хотя и его можно понять, на нем таких новичков-практикантов из общинной гимназии человек двадцать, и все — безбашенные подростки. Он и перестраховывается: детишки начудят, а отвечать кому? Вот то-то... Андрейка в приступе самокритичности даже немного пожалел начсмены. Это ему, Андрейке, тут три месяца практики отработать, а Михалыч который год уже на приводе.

***

Защелкнув держатель «ухвата» в специальных настенных кронштейнах, Андрейка подергал его — держалось прочно, — и открыл дверь загона. Труба держателя прошла в специальную прорезь двери, и зомбак завис в середине проема, зафиксированный ухватом. Затем следующий шаг — открывается дверь входного тамбура привода и фиксируется защелкой.

На сдаче зачета Андрейка чуть на этой защелке не погорел — не дождал до щелчка, и в самый ненужный момент дверь стала закрываться. Он зомбака тянет, а дверь навстречу... Он аж взмок весь с перепугу, не хватало еще на пересдачу улететь! Но обошлось, принимал не Михалыч, а какой-то левый мужик из трудовых ресурсов, он, поди, и не заметил ничего.

Дверь встала на фиксатор, теперь аккуратно освобождаем держатель ухвата... Тут самый сложный момент: зомбак дурной, но могучий. Новички, несмотря на весь инструктаж, часто пытаются его удержать силой. А это все равно, что пытаться остановить привод, схватившись за вал отбора мощности. Как раз тебя, дурака, на этот вал и наматает. На самом деле, надо упираться подтоком ^[19] держателя в угол и просто нажать сбоку, используя его как рычаг. Зомбак, поперев со всей дури на оператора, сам опишет дугу и перейдет из двери в дверь.

Щелк! Все, тамбур заперт, зомбак внутри. Нажав на кнопку рычага, Андрейка освободил храповик и аккуратно ослабил петлю,

снимая ухват с головы нового приводного.

Теперь обратная процедура — забрать износившегося. Для этого есть выходной тамбур, устроенный чуть иначе. Пока привод остановлен на профилактику, в приводной темно и тихо. Приводные, лишённые раздражителей, переходят в экономичный режим и просто стоят себе столбом. Они так годами могут стоять. Сборщики ресурса рассказывают, что до сих пор попадают в помещения, запечатанные с самого «Дня Зет», и там зомбаки. Так и простояли все эти годы, как ни в чем не бывало, запылились только. Впрочем, может и брешут, конечно. Они те еще любители приврать, сборщики. В наши дни найти дикий ничейный ресурс — редкая удача. Давно все освоено.

Открыв заслонку тамбура, Андрейка осветил стоящих приводных. Тут надо действовать быстро, у них на переход в активный режим уходит минуты полторы в среднем, но бывают и шустрые. Начнут суетиться, лови потом среди них нужного. Андрейке повезло — приводной под замену стоял близко, не пришлось далеко тянуться ухватом. Захват, треск храповика, и заторможенный зомбак безропотно пошел, куда тянут. На выходном тамбуре устроена вертушка, вроде секторного турникета строго на одного, чтобы не ломанулись толпой. Раз, и приводной внутри, а заслонка снова опущена, чтобы не активировать остальных светом, шумом и запахом. Входящий в активный режим зомбак вытянул вперед руки и, утробно заурчав, попер на Андрейку так, что тому оставалось только направлять его, отступая. Подток ухвата вошел в угол, Андрейка приналег сбоку — и все, бывший приводной в загоне. Посмотрев на него при ярком свете, Андрейка покачал головой. Действительно, сработался ресурс. Как еще до сих пор дотянул — ноги в раскоряку, суставы вообще ни к черту... Давно пора было менять. Так-то вирусный некрометаболизм, вспомнил урок ресурсоведения Андрейка, в силу своей энергетической сверхэффективности позволял использовать ресурс очень долго, почти безгранично, но вот механика двуногого тела оставляла желать лучшего. Две-три тысячи моточасов привода — и готово, суставы начинают крошиться. Некромеханики который год обещают вторичное использование отработанного ресурса за счет ползучего закрепления, но пока что демонстрируют только опытные модели, на один-два горизонтальных зомбопривода. Ребят из гимназии как-то водили на экскурсию в КБ, показывали образцы, но выглядели они не очень впечатляюще. Все-таки на хватательном рефлексе далеко не уедешь, КПД не тот... Так что пока отработка идет в компостные

ямы, на метан и удобрения.

Теперь осталось запустить нового зомбака, но это уже совсем просто. Проверив (строго по инструкции, смотри-смотри, Михалыч!) фиксатор двери загона и вернув на место ухват, Андрейка подошел к входному тамбуру и закрутил привод лебедки. Лёгкая решетчатая панель заскользила по направляющим, быстро отжимая нового приводного в сторону одностороннего шлюза. Тот был недоволен, тянулся к Андрейке руками и гудел по-своему, но против механики не попрёшь. Щелкнула перекидная дверь, и он уже внутри.

— Добро пожаловать в привод! — сказал ему Андрейка на прощание. Зомбак был не дикий, из бывшаков. Лично его Андрейка не знал, но в столовой пересекались. То ли механик, то ли слесарь из инструментального. Сердце прихватило — и оппаньки. Добро пожаловать в привод. Некровирус-то он в каждом, ждет своего часа. Попрощались наскоро, батюшка отпел и готов новый ресурс. Душа к богу, тело к приводу. И то сказать, диких-то на привод не напасешься. Старые сборщики ресурса с придыханием и закатыванием глаз вспоминают прежние времена, когда, якобы «не мы за ними, а они за нами бегали». Ну да, раньше, известное дело, и метр длиннее был, и килограмм тяжелее, и книжек было столько, что в них как в сору рылись, перебирали, что читать, а что нет...

Андрейка бросил взгляд на настенные часы. Ага, до старта всего несколько минут, пора в операторскую. Миновав расположившегося на контрольном посту Михалыча, который проводил его недовольным взглядом, забежал по железному узкому трапу и задраил по инструкции стальную дверь. Быстро сбросил краги и очки, тут уже было можно, хотя куртку со щитками снимать не рекомендовалось, и приступил к стартовой процедуре привода.

Пункт первый: «проверить положение главного рычага трансмиссии». Подергал — нормально, нейтраль.

«Проверить рычаг стояночного тормоза». Проверил, включено. Подтянул на всякий случай на два щелчка.

Снял трубку переговорника, сообщил, как положено, на контрольный пункт: «Оператор Андрей Зимин на пост заступил, приступаю к процедуре холодного старта привода». Из динамика недовольно булькнуло: «Принято, подтверждаю».

«Поднять световые щитки» — рычаг один, рычаг два. Андрейка потянул к полу массивные стальные рукояти, за стеной дважды коротко лязгнуло, повернулись жалюзи световых люков, заливая летним солнечным светом рабочую камеру. Летом хорошо,

обходимся естественным освещением, а вот зимой при холодном старте приходится сначала ацетиленовые лампы кочегарить и печкой воздух греть. Генератор-то заглушен, а приводные в темноте и холоде не стартанут...

«Открыть мотивационный люк операторской кабины, одновременно регулируя стартовый момент барабана стояночным тормозом». Тут момент тонкий, требует навыка. Если отпустить тормоз слишком резко, то разгоняющийся барабан опрокинет приводных, а если передержать на тормозе, то они ползут на подъем рабочей поверхности и опять же повалят друг друга. Тогда начинать старт заново и молись, чтобы ресурс в свалке не повредился. Ведь запросто ногу сломает какой-нибудь приводной, а у тебя в лучшем случае огромный вычет, а то и на штрафные — камень с развалин таскать. Правда, в развалинах иногда находят книжки... Но руки там травмируют гораздо чаще. А Андрейке руки нужны здоровыми, он хочет после гимназии пойти в операторы приводных самоходов. Не зря ж он тут практику отрабатывает, это потом в трудресурсах зачтут за стаж. На самоходах привода, считай, такие же, только маленькие совсем, на пять-десять приводных. Момент хватает на пятитонный прицеп, если на нижней передаче потихоньку тянуть, а если порожняком на повышающих, то можно разогнать самоход до фантастических тридцати километров в час, когда ветер свистит в ушах и деревья мелькают. Правда, прямых дорог мало, а повернуть на такой скорости нельзя, приводные в барабан попадают. Но все равно, хоть какое-то разнообразие в жизни — дорога, новые впечатления, приключения даже какие-нибудь... Андрейка вздохнул, устраиваясь в операторском кресле. На самом деле он понимал, что самый вероятный маршрут для начинающего оператора самохода — это возить битый кирпич с развалин, разбираемых штрафниками. Десять километров плечо, полчаса туда, три часа обратно, с грузом. Плюс загрузка там, разгрузка здесь. Две ходки за день. Потом колпак на привод и в общежитие, спать. Но помечтать-то можно? Что помчится его будущий самоход по неизведанной дороге в неизвестную даль, чтобы ветер в ушах и верная винтовка в руках... Как у того мужика на мотоцикле с обложки.

Коротко звякнул репети́р на операторских часах — пора. Андрейка плотно взялся правой рукой за рычаг ручника, а левой дернул привод заслонки мотивационного люка. Железная, уплотнённая по краям губчатой резиной, широченная ставня соскользнула по направляющим к полу, открыв барабан привода.

Приводные зомбаки сквозь частые, отполированные от длительного использования до зеркального блеска прутья рабочей поверхности увидели, почуяли и почувствовали оператора, с рычанием начали поворачиваться в одну сторону. Потянулись серые трясущиеся руки, сделали первый шаг ноги... Андрейка, прикусив губу, вжал большим пальцем фиксатор рычага и потихоньку, почти не дыша, стал отпускать тормоз. Барабан дрогнул и пошел. Сначала медленно, потом быстрее замелькали в люке прутья. То чуть притормаживая, то отпуская, Андрейка дождался, пока ход приводных станет ровным, а барабан выйдет на рабочий режим, и только тогда понял, что все это время задерживал дыхание. Уф! Рычаг тормоза ушел вперед до упора, привод ровно шел на холостом ходу.

Снял трубку переговорника, доложил на контроль: «Привод в режиме, старт без происшествий, перехожу к запуску компенсатора». Трубка буркнула одобрительно. Похоже, Михалыч успокоился и зла не держит.

Итак, компенсатор. Чтобы от смены момента приводные в барабане не валились с ног на рывках, параллельно барабану работал соосный массивный маховик, сглаживающий пульсации нагрузки. Где-то в инструментальном подключили к валу отбора мощности новый станок, а маховик своей инерцией компенсирует этот рывок. Однако, при холодном старте, у приводных не хватит сил раскрутить его сразу, поэтому подключение компенсатора ложилось на оператора. Андрейка выжал педаль сцепления и перевел рычаг трансмиссии в положение «компенсатор». Плавно отпуская длинноходную педаль, стал потихоньку, с пробуксовкой фрикционного узла (в этом качестве использовалась корзина сцепления от магистрального тягача «фрейтлайнер», о чем Андрейка, впрочем, не знал) он наращивал момент на валу до тех пор, пока маховик не тронулся и не набрал обороты, уравнившись по скорости с барабаном. Для этого на маховике и барабане были нанесены краской белые сектора, которые оператор видел в специальном зеркальце. Как только их мелькание синхронизировалось, Андрейка отпустил правую педаль и нажал левую, одновременно переводя рычаг трансмиссии в режим «рабочий ход». Где-то за стеной загудел редуктор, но оператору он не виден, незачем. Только тонкая, почти неуловимая вибрация говорила о том, что момент пошел на главный вал. Где-то там вцепились в приводные колеса металлорежущие станки, электрические генераторы, вентиляторы поддува кузнечных горнов, подающие валики транспортёров, налились ярким светом

окна цехов, встали на свои рабочие места люди, зашумела нормальным дневным гулом община. Это был определенный момент гордости, и Андрейке он нравился. Увы, дальше наступала сплошная скука бесконечно тянущегося операторского дежурства.

Украдкой покосившись на окошко контрольной будки, Андрейка достал из кармана книжку. Мужик крайне героического вида сидел на мотоцикле, держа красивую винтовку на сгибе руки. За спиной его была то ли степь, то ли пустыня. Внизу обложка была подрана, имени автора не сохранилось, а из названия осталось только слово «домой!». Читать на дежурстве было запрещено. Иногда, хотя и очень редко, оператору приходилось вмешиваться в работу привода — сбрасывать нагрузку или даже переводить барабан в холостой ход, если компенсатор не справлялся. Чтобы поймать этот момент надо постоянно приглядывать за синхронностью маховика и барабана. Ну и нет-нет, да и возникнут проблемы с приводными — захромает или выйдет из ритма. Тоже оператору решать, останавливать ли привод аварийно или тянуть до планового отключения.

Андрейка ценил свою рабочую репутацию и не собирался так грубо нарушать регламент. Но краем-то глаза можно глянуть? Только первую страницу, вдруг там и неинтересно вовсе?

«Округ Юма, штат Аризона. Юго-западный угол этого без затей прочерченного прямыми линиями по пустыне штата, протянувшегося от Невады до Нью-Мексико, придавленного сверху мормонской Ютой и поджимаемого снизу мексиканской границей. Жара, песок, сухой колючий кустарник, искусственно высаженные апельсиновые рощи, каменистые холмы, песок, чахлая растительность. Авиабазы морской пехоты. Полигон национальной гвардии. Граница. Нелегалы.»

Немыслимым усилием воли Андрейка оторвался от серой, попорченной временем и влагой страницы и, вздохнув, убрал книгу обратно в нагрудный карман комбинезона. «Божешь мой», — думал он, — «Вот была же когда-то у людей нормальная, яркая, полная приключений жизнь! Пусть опасная, но такая настоящая! Не то, что нынешняя беспросветная серость...»

Перед ним, в двух метрах, бежала, рыча и оскалив зубы, толпа зомби. Бежала, чтобы разорвать его и сожрать, раскручивая своей мерной неутомимой рысью барабан большого привода.

Впереди было шесть часов сплошной скуки.

Никита Аверин

СЕРЫЙ

1

Никто не заметил, откуда он взялся.

Казалось, только что проем между палаткой старьевщика Михола и неисправным автоматом по продаже кофе пустовал. Но буквально на секунду он заполнился тьмой, и в ней материализовалась высокая фигура в лохмотьях. Хотя если бы кто-то пригляделся повнимательней, то понял бы, что никакие это не лохмотья. Фигура была облачена в несколько слоев разнообразной одежды: темно-синий камзол, нечто похожее на пончо, рыбацкую сеть и еще с десяток грязных тряпок. Лицо таинственного незнакомца пряталось в тени широкополой шляпы, украшенной петушиным пером.

Но, как часто бывало на этой суматошной станции, внезапное появление Серого осталось незамеченным. Старьевщик Михол в тот момент следил за шумной компанией чумазных мальчишек, столпившихся напротив его палатки. Мальчишки явно ждали удобного момента для того, чтобы стремительно наброситься с разных сторон на товар старьевщика и стащить что-нибудь с прилавка, а там Быстрые Ноги^[20] в помощь!

Серый отделился от стены одним плавным движением и влился в людскую суматоху. Путь его лежал к центру станции.

«Спасская». «Садовая». «Сенная». Знаменитая на весь метрополитен торговая станция «Три Эс». Здесь можно купить, продать или обменять все что угодно. На любой товар, даже самый экзотичный, находился свой купец. «Три Эс» стала перекрестком, где сходились все дороги мира. Точнее, того огрызка, что остался от этого мира.

Стремительной походкой Серый миновал узкий участок платформы, где теснились палатки, лотки и козлы со всевозможными товарами. В основном тут торговали мелочевкой и безделушками. Здесь любую вещь можно было купить за один патрон. Косметику с давно истекшим сроком годности. Ароматные тушки крыс на шампурах. Книги. Сушеные и маринованные грибы. Батарейки и керосиновые лампы. Одежду разной степени поношенности, и если

приглядеться, то на ней просматривались подозрительные круглые отверстия и плохо отстиранные пятна крови.

После барахолки на платформе становилось значительно просторней. Тут обосновались престижные заведения, в основном рестораны и бордели. Толчеи и хаоса здесь уже не наблюдалось, у входа в каждое заведение со скучающим видом стояли внушительного вида охранники. Простым смертным путь внутрь был заказан. Миновать угрюмых громил дозволялось лишь в том случае, если твои карманы до отказа набиты патронами. Конечно, Серый без труда мог себе позволить посетить любое увеселительное заведение в метрополитене, но сегодня у него не было для этого настроения.

Вслед за чередой домов терпимости и брезентовых палаток с вывесками типа «Харчевня «Блокадник и Кружка» начинались ступени перехода с «Садовой» на «Сенную». Естественно, они не пустовали. Так как лавки и магазинчики на лестнице установить невозможно, мраморные ступени перехода оккупировали музыканты и попрошайки.

Гомон на лестнице стоял гораздо громче, чем на платформе станции. Способствовали этому менестрели подземелий, играющие в большинстве своем на самодельных инструментах и поющие фальшивыми голосами. Птичьей какофонией дополняли отчаянные вопли попрошаек, умоляющих подать патрончик бывшим сталкерам, пострадавшим от лучевой болезни. Среди просителей милостыни заметно выделялся один субъект с картонной табличкой «бывший депутат, член партии ЛДПР», кричавший громче всех.

Болезненно поморщившись, Серый на ходу извлек из недр своих странных одежд серебристые капельки наушников для плеера. Заткнув ими уши, он произвел загадочные манипуляции в районе груди, и через несколько мгновений лицо его приобрело прежнюю невозмутимость и спокойствие. И если бы кому-то удалось в этот момент оказаться очень близко, то он смог бы услышать журчащие переливы струнного оркестра, обильно приправленные рокотом барабанов и электрогитар.

Поднявшись по лестнице, загадочный гость оказался в административном центре тройной станции. Точнее, не столько административном, сколько финансовом. Люди с нашивками службы безопасности встречались тут на каждом шагу. Для свободного прохода между станциями имелся двухметровый коридор. Границами ему служили полосы белой краски на мраморном полу. А вдоль стен бок о бок стояло несколько десятков настороженных автоматчиков,

скользящих цепкими профессиональными взглядами по лицам прохожих. Охранники стерегли покой и благополучие самых зажиточных и влиятельных жителей здешних станций, чьи богатства укрылись в стенах бывших подсобок для уборщиц. Конечно, сейчас это не помещения для персонала метрополитена, а представительства трех старейших банков: «Спасская Unit», «METRO Cart» и «SSS и Сыновья». Поговаривали, что в закромах этих организаций хранились такие сокровища, что если кому-то удалось бы обчистить хранилища всех трех банков, то счастливчик легко мог бы себе позволить купить все метро. Ну, если не все, то на пару станций ему точно бы хватило.

Но Серого не интересовали капиталы банкиров, по крайней мере, не сейчас. Легкой походкой он сбегал вниз по застывшему на веки эскалатору, ведущему к Вечной Ярмарке^[21]. На спуске ему пришлось притормозить, так как в этом районе тройной станции оказалось, как всегда, особенно многолюдно. Толчея для Вечной Ярмарки вещь обыденная, так как, помимо торговых палаток с едой, тут располагались невольничий рынок и арена, где проходили гладиаторские бои.

Наконец Серому удалось продрасться сквозь это столпотворение и нырнуть в переход на «Спасскую».

2

— Не подходите ко мне, иначе я ее взорву!

Вокруг кричавшего уже успела собраться толпа людей. Судя по их количеству, на крики примчалось все население этого небольшого перехода между станциями. Помимо рядовых обитателей подземного мира, Серый заметил людей с оружием и шевронами службы безопасности, пытающихся пробраться через ряды зевак. Их пропускали неохотно, провожая бормотанием и злобными взглядами. Серый, не теряя времени даром, ловко пристроился за одним из охранников и, работая локтями и коленями, смог просочиться в первые ряды толпы и увидеть причину переполоха.

У стены на корточках сидел пожилой мужчина, всю его одежду и лицо покрывал толстый слой грязи. Но благодаря характерным завывающимся локонам на висках и неопределенного цвета кипе на затылке Серый сразу же определил его национальность.

— Очень интересно, — вполголоса произнес Серый, снимая и пряча наушники обратно в недра своих одеяний. — Это случайно не дочка моего босса?

Старик прижался спиной к створкам дверей, ведущих в Зал

Собраний. Одной рукой он держал девочку за горло, а в другой сжимал гранату. Взгляд пожилого террориста был безумен, он нервно оглядывал собравшуюся вокруг толпу и на любое движение в свою сторону реагировал гневными выкриками:

— Я сказал, не подходите! Я не шучу! Назим, где ты? Пусть эта толстая свинья немедленно явится или я взорву его ублюдочную дочь!

В толпе началось движение. Сквозь нее, подобно огромному неуклюжему слизню, продирался Назим, начальник станции. Путь ему расчищали шестеро автоматчиков из его личной охраны, работавшие прикладами и кулаками.

— Дорогу! Да расступитесь вы, черти! — орал один из автоматчиков, рыжеволосый здоровяк с капитанскими лычками. Люди старались поскорее убратся с его пути. Серый знал рыжего. Это был капитан Ивашов, глава личной охраны Назима. В местной неофициальной табели о рангах Ивашов занимал место сразу после Бога.

Старик увидел приближающуюся процессию и постарался вжаться спиной в дверь, одновременно пытаясь максимально загородиться телом девочки. Малютка тихонько вскрикнула, видимо, старик чересчур сильно стиснул ее шею.

— Отпусти ее, Давид, — раздался зычный голос Назима из-за спин охранников.

Автоматчики окончательно оттеснили толпу зевак, предоставив возможность своему боссу оказаться напротив старика и девочки. В то же мгновение вокруг воцарилась гробовая тишина.

Взгляды людей синхронно перепархивали от огромной фигуры начальника станции Назима на худого и изможденного Давида.

— Давид, ты злишься на меня? Давай мы все обсудим как настоящие мужчины, один на один. Зачем впутывать в это ребенка? — Назим достал из нагрудного кармана огромный носовой платок и стал утирать вспотевшую шею.

— У тебя еще хватает наглости называть себя мужчиной? — Старик опасливо выглядывал из-за худенькой фигурки заложницы. — Ты и твоя дочь должны ответить за смерть моей семьи!

— Старик, ты совсем из ума выжил? Какое отношение мы имеем к гибели твоих близких? В чем ты меня обвиняешь?

На мгновение Давид задумался. Но тут лицо его снова исказила гримаса гнева.

— Я хочу, чтобы твоя дочь умерла! Чтобы ее не стало, как не стало моей жены. Это ты заставил всех нас переселиться на «Обводный». По твоему приказу нас отправили на бойню!

— Если захотелось наказать меня, то не стоило все же втягивать в это дело Алису. — Голос начальника станции стал похож на змеиное шипение.

— Нет! Ты обещал нам безопасность. А теперь они все мертвы! И я хочу, чтобы ты за это ответил... — Старик увлекся и совершил роковую ошибку, поднявшись в порыве гнева в полный рост.

Хлопок. Вспышка.

Пуля вошла Давиду в левую глазницу и с чавкающим звуком вырвалась из затылка. Сгустки крови и мозга ударили в стену позади старика, а часть этой страшной субстанции попала на волосы и плечи девочки.

Толпа ахнула. Бывшая заложница смотрела огромными от ужаса глазами на обмякшую старческую руку, чьи узловатые пальцы медленно разжимались, отпуская рычаг гранаты. В то же мгновение сотни ртов судорожно вдохнули, стараясь набрать в легкие как можно больше воздуха, чтобы через секунду издать многоголосый крик ужаса.

«Включение», — мысленно произнес Серый, и окружающий мир для него потерял свои цвета, оставив только всевозможные оттенки серого. Время перестало существовать, а люди застыли, подобно инклюзам в янтаре. Со стороны это напоминало черно-белый снимок, но с одним отличием: одна из фигур на фотокарточке продолжала двигаться, направляясь к истекающему кровью Давиду.

Серый неспешно обходил застывших зевак, толстого Назима и его охранников. Люди состояли в основном из серого цвета: их глаза, кожа, одежда, оружие. Лишь яркими красными искорками на общем фоне светились патроны, у одних в кошельках, у других в рожках автоматов или в обоймах пистолетов. Сделав еще пару шагов, Серый оказался рядом с Давидом и девочкой, тоже абсолютно лишенными красок — ни единого цветного пятнышка. Даже внутри гранаты не сверкали алые искорки пороха.

— И на что ты рассчитывал, Давид? — с горечью спросил Серый, встретившись взглядом с остекленевшим глазом мертвеца. Серый аккуратно забрал из холодных пальцев старика гранату. Не глядя, нащупал у себя под ногами чеку, вставил ее на место. — «Отмена».

В то же мгновение цвета стали возвращаться. Бледно-розовые

лица, разноцветная одежда и огромное красное пятно на стене. Для всех, кроме Серого, миновало не более одной секунды.

Мир снова пришел в движение, наполняясь красками и звуками: криками, отборными ругательствами, шумом отчаянной драки и топотом ног. Люди в едином порыве постарались оказаться как можно дальше от гранаты. Автоматчики тем временем успели слаженно уложить шефа на пол и закрыть его от надвигающейся опасности своими телами. Откуда-то из-под этого нагромождения гремел истошный рев начальника станции.

Серый неуловимым движением спрятал гранату в недрах своего одеяния и посмотрел на дочь Назима. Два огромных голубых глаза с застывшими в них страхом и любопытством внимательно изучали странного незнакомца, появившегося перед ней буквально из воздуха. На старика, чье тело в это время упало с противным шмякающим звуком, девочка не обратила ни малейшего внимания. Ей хотелось разглядеть лицо Серого, но тень от его широкополой шляпы не давала ей этого сделать.

— Каледин, где ты был?.. Да слезьте же с меня, дебилы! — Начальнику станции наконец-то удалось извлечь свое огромное тело из крепких объятий телохранителей.

Серый осторожно взял девочку за руку и повел к взволнованному отцу.

— Прости, Назим. В «пробке» застрял.

3

Стоило начальнику станции убедиться, что его дочери больше ничего не угрожает, он тут же принялся наводить порядок:

— Унесите тело этого мерзавца. Ивашов! Уведи Алису домой и оставь у входа пару бойцов для охраны. Каледин! Следуй за мной! — Но, поняв, что командирский тон на наемника не действует, Назим добавил: — Пожалуйста.

Начальник станции в сопровождении верной охраны и Каледина прямой дорогой направился в свой кабинет, находившийся на месте бывшего диспетчерского пункта станции «Сенная». Плюхнувшись тяжелой тушей в мягкое кресло с высокой спинкой — вещь, доставленную с поверхности уже после катастрофы, — Назим жестом указал наемнику на стул напротив:

— Садись.

— Сесть я всегда успею, — хмыкнул в ответ наемник и встал у стены, подперев ее плечом.

— Все шуточки шутишь. — Назим неодобрительно посмотрел на наемника, и во взгляде начальника станции мелькнула искорка профессиональной паранойи. Но через секунду лицо Назима озарила радушная улыбка. — Но за это я тебя и ценю! Ты, как всегда, вовремя оказался в нужное время и в нужном месте. Откуда ты узнал, что этот псих нападет на мою Алису...

— Назим, ты платишь мне за работу, а не за разговоры. Хочется поболтать — найди себе Шахерезаду, пусть она тебе сказки рассказывает про ковры-самолеты или про белых барсов. — Каледин не хотел разочаровывать босса и рассказывать о том, что ему просто повезло. Повезло оказаться в нужное время и в нужном месте. Повезло, что граната у старика оказалась учебной. — У нас с тобой другой договор: я охраняю тебя и твою семью, ты платишь мне три ящика патронов в месяц.

— Да-да, ты прав, прости, — примирительно замахал руками Назим и поспешил достать из ящика стола чековую книжку. Черкнув в ней пару строк, он оторвал листок и протянул его через стол. — Это тебе в качестве премии за сегодняшний труд.

Каледин неспешно отлип от стены, взял чек и удивленно присвистнул:

— Ого! С чего такая щедрость?

Того количества патронов, что на этот раз выделяли наемнику из банковских запасов «Три Эс», хватило бы на организацию небольшой войны.

— Скажем, в счет оплаты еще одного небольшого дельца.

Каледину это не нравилось. Не нравился ни тон, которым начальник станции произнес свою последнюю фразу, ни то, что за этой фразой скрывалось. Поняв, что разговор предстоит долгий, наемник, наконец, сел на предложенный ему ранее стул.

Назим жестом приказал охранникам покинуть кабинет и, лишь когда они остались с Калединым вдвоем, заговорил:

— Дело в том, что нашей станции пора расширяться. Но все остальные уже давным-давно заселены, и для того, чтобы их занять, необходимо применять насилие. А это, как ты понимаешь, мне совершенно не нужно.

Каледин согласно кивнул.

— После продолжительных размышлений, — продолжал Назим, — я обратил свой взор на фиолетовую ветку. «Звенигородская», «Обводный канал», «Волковская».

— Разве эти станции не принадлежат мортусам?

— Нет, у них только «Бухарестская» и «Международная». Когда-то еще они владели «Волковской», но ушли оттуда, оставив ее Детям Кукурузы.

— Я слышал о Детях, но думал, что это не больше чем миф, сказка для подростков, мечтающих сбежать из дома на поиски приключений.

— Я тоже раньше так думал. И это заблуждение дорого мне обошлось. Ты же знаешь мортусов. Это не тот народец, что склонен делиться информацией. Я еле смог узнать у них, свободны ли ближайшие к «Три Эс» станции. А вот о том, что творится на «Волковской», могильщики умолчали. Хорошо еще, что эти сумасшедшие детишки не поубивали моих людей, а лишь довольно убедительно объяснили, что путь в их самопровозглашенный Неверленд нам заказан.

Назим со злостью ударил ладонью по столу. На грохот тут же вбежала охрана.

— Все в порядке? — Взволнованный рыжеволосый начальник охраны с подозрением покосился на Каледина.

— Ивашов, подожди за дверью! — рявкнул в ответ Назим. — Вот видишь, с кем мне приходится работать? Мои люди верные, как сторожевые псы. Но умом, увы, они не блещут. Так на чем я остановился? Ах, да. Первые донесения от разведчиков только усилили мой энтузиазм. «Звенигородская» и «Обводный» сохранились в относительно хорошем состоянии. Переход на «Пушкинскую» заблокирован гермодверью, видимо, еще со времен Катастрофы, так что гостей с красной ветки ждать не приходится. Я велел разведчикам отправляться дальше, а сам тем временем стал формировать первые партии переселенцев. И тут ко мне пришли люди из Империи.

Скривившись, словно от приступа зубной боли, Назим выдвинул верхний ящик стола и достал оттуда бутылку с мутной жидкостью и два граненых стакана.

— Будешь?

— Благодарю. Но ты же знаешь, я не пью.

— Не пьешь. Не ешь. Никто не видел, чтобы ты даже малую нужду справлял! Всегда каким-то неведомым образом знаешь, что моей семье угрожает опасность. Каледин, скажи, ты вообще человек или призрак?

— Назим, хватит задавать ненужные вопросы. К делу.

— Эх, — разочарованно выдохнул начальник «Три Эс» и залпом

осушил свой стакан. — Знатный первач!.. Значит, пришли ко мне веганы. Они каким-то образом прознали о том, что я решил колонизировать новые станции, и предложили мне сделку.

— Сделку? — Каледин подобрался, понимая, что Назим наконец-то дошел до сути дела.

— Да, сделку. — Назим налил себе новую порцию подземного самогона. — Они предложили совместное освоение новых станций. Веганы предоставляют охрану для переселенцев с «Три Эс».

— А что взамен?

— Сущая ерунда, — Назим отвел взгляд в сторону, — колонистами должны были стать только женщины, старики и дети...

— Что? — Каледин впервые за весь разговор позволил себе слегка повысить голос.

— Ты ничего не понимаешь в политике, наемник! Веганы не оставили мне выбора. Они могли попросту занять свободные станции на фиолетовой линии и никого туда не пускать. Но они предложили сотрудничать. А что мне оставалось делать, а? «Три Эс» не резиновая! Люди живут друг у друга на головах. И куда мне прикажешь их девать? Гнать к бандитам или к ментам на красную линию? «Москвичи» к себе тоже не пустят, как и ученые черви на «Техноложке». Так что единственное, что мне оставалось — согласиться.

— Но почему всех, кроме мужчин?

— Да потому что у нас их много! — рывкнул в ответ Назим, в очередной раз грохнул стаканом по столу. Каледин ожидал нового появления охранников, но на этот раз капитан Ивашов и его подчиненные не ослушались приказа Назима. — У нас торговая станция, и со временем это приводит к появлению большого числа иждивенцев. Это на других станциях в основном солдатня да сталкеры, а «Три Эс» мирная.

— И ты вот так просто, без вопросов, согласился?

— А что такого? Я же их не к фашистам отправлял. Империя Веган, конечно, страшные ребята, но геноцидом и массовыми убийствами они не запятнаны. Пока, по крайней мере.

— Но ты же понимаешь, что, пустив на станции только женщин, детей и стариков, веганы сделали их своего рода заложниками?

Назим пренебрежительно махнул рукой.

— Я бы назвал их не заложниками, а гарантами безопасности. Если бы имперцы пустили на станции мужчин, то мы вполне могли

бы захватить их сами.

— И сколько было в первой партии переселенцев?

— Почти пятьдесят человек.

Повисла гнетущая тишина. Был слышен лишь отдаленный гул толпы на станции метро, да приглушенные переговоры охранников за дверью кабинета.

— Тогда предлагаю подвести итог нашему разговору. — Каледин откинулся на спинку стула. — Ты избавился от полусотни лишних ртов, а заодно и заработал пару лишних баллов в отношениях с Империей Веган. Назим, заключив сделку с веганами, ты оседлал тигра. И теперь тебе остается только держаться за его шкуру и молиться, чтобы он тебя не сбросил.

— Ты забываешься! — Лицо начальника станции побагровело, а изо рта брызнули капельки слюны. — Не тебе, простому наемнику, учить меня морали и политике! Я несу ответственность за несколько сотен человек! «Три Эс» является гарантией безопасности в этом жалком подземном мире. А у тебя хватает наглости приходить сюда и...

— Не кричи, Назим. Глаза от напряжения лопнут, — спокойно ответил Каледин. Но были в его голосе такие металлические нотки, что Назим предпочел подавить приступ гнева и лишь буравить собеседника злобным взглядом. — Так какое дело ты хочешь мне предложить?

Назим еще некоторое время злобно пыхтел, но потом все же успокоился и продолжил беседу:

— Я хочу, чтобы ты узнал, что произошло на станциях «Звенигородская» и «Обводный». Почему ко мне пришел этот безумный старик и почему он винит меня в гибели своей семьи.

— А посылаешь ты именно меня, наемника, человека со стороны, так как не хочешь светить на их территории людей из своей гвардии. Я правильно понимаю?

— Ты отчасти прав. — Назим размышлял какое-то время, не налить ли еще первача, но благоразумие взяло вверх. Спрятав бутылку и стаканы обратно в ящик стола, начальник «Три Эс» заговорил практически шепотом: — Веганы не поймут, если на нейтральных станциях появится вооруженный отряд. Они могут расценить это как нападение. Я же не знаю, что там произошло! Вдруг из-за одного недоразумения начнется война!

— Так почему же я прав лишь отчасти?

— Главная причина, почему я сейчас не могу послать своих

людей на разведку, заключается в том, что завтра у нас годовщина создания «Три Эс». Со всего метрополитена к нам стекаются торговцы и простые зеваки. У меня сейчас каждый работник на счету, не то что охранники и гвардейцы.

— Хорошо. — Каледин резко отодвинул стул и поднялся. Разминая затекшие за время разговора конечности, наемник двинулся к выходу из кабинета. — Я берусь за эту работу. Прямо сейчас отправлюсь на «Звенигородскую» и...

— Не спеши, Каледин! — крикнул Назим уже взявшемуся за дверную ручку наемнику. — Это еще не все.

Каледин нетерпеливо посмотрел на собеседника.

— Что еще?

— Со всей этой суматохой в честь празднования я не смогу как следует приглядывать за дочерью. Ивашов, конечно, хороший солдат, но сегодня он и его люди продемонстрировали свою полную некомпетентность как телохранители. А за тобой Алиса будет как за каменной стеной.

— Ты что... ты хочешь, чтобы я взял твою дочь с собой? — Каледин посмотрел на Назима как на умалишенного. — Во-первых, я работаю один. Во-вторых, я отправляюсь на неизведанную территорию, где могут хозяйничать распоясавшиеся веганы или Дети Кукурузы. В-третьих, я не нянька, а профессиональный наемник. В-четвертых...

— Я понял, что ты можешь перечислить тысячу пунктов «против» моей просьбы. Но пойми, Каледин. Мы с тобой не первый год знакомы. Я даже представить себе не могу, на что ты способен. Но, зная лишь малую часть твоей силы, только тебе я могу доверить жизнь и здоровье своей единственной дочери. Если согласишься, то будешь получать вдвое больше патронов. Каждый месяц. Подумай, наемник.

Каледин думал. Патроны были нужны. Ох, как нужны. Совсем скоро Питер сверзнется в пучину тотальной войны. Но ни Назим, ни другие обитатели «Три Эс» об этом еще даже не подозревают.

— Ну так что, — заискивающе спросил Назим, — берешься? Вряд ли там действительно опасно. А ты просто прогуляешься туда-сюда в компании моей дочери и получишь целое состояние. Будешь жить как в сказке! Как, по рукам?

4

Каледин неторопливо шел посередине платформы в сторону

туннеля на «Звенигородскую». Чуть позади, в сопровождении пяти угрюмых охранников, семенила Алиса. Несмотря на то что наемник не спешил, кроха еле поспевала за его размахистыми шагами.

Гости и жители «Три Эс» благоразумно стремились убраться с дороги странной процессии. Еще бы, ведь слухи о том, что Назим подрядил для наведения порядка на «Обводном канале» одного из самых странных и страшных наймитов подземного мира, молнией разнеслись по всей тройной станции. На Алису смотрели с не меньшим любопытством. Всего несколько часов назад сумасшедший старик чуть было не превратил ее в кровавый фарш, а сейчас она оказалась в компании Каледина. Для станционных кумушек это послужит благодатной темой обсуждения как минимум на пару ближайших недель.

Наемник не обращал на возню вокруг никакого внимания. Конечно, его слегка раздражали пристальные взгляды и шепотки, но в этот раз он не мог привычно затеряться в ярмарочной толчее. Так что Каледин с радостью ускорил шаг, заметив на платформе нужного ему человека.

Хотя назвать мортуса человеком не у всякого язык повернулся бы. Свой истинный облик служители смерти скрывали за матерчатыми повязками на лице, кутаясь в просторные плащи и балахоны. В этом они весьма походили на Каледина, также не спешившего демонстрировать окружающим свое лицо, но совершенно по иным причинам.

Мортусы являлись изгоями метрополитена, однако могли свободно передвигаться по всем его станциям. Никому из жителей подземелий и в голову не могло прийти ограбить или убить представителей этой профессии. Да-да, мортусы — это именно профессия, до Катастрофы называвшаяся иначе — могильщики.

В первые годы жизни без солнца, когда люди еще только начинали привыкать к новым условиям существования, метро превратилось в настоящий филиал ада на Земле. Ежедневно десятки людей умирали от старости и болезней, гибли под завалами или от голода. Свою лепту в урожай смерти вносили и банальные убийства. Старожилы неохотно вспоминали нынче те времена, когда людская жестокость достигала таких пределов, что пол и даже стены на некоторых станциях буквально покрывались кровью и внутренностями погибших. Но, слава Тетушке Моте^[22], период анархии длился не долго. А вместе с порядком на станции пришла проблема — что делать с телами погибших? Складывать мертвецов в

боковые туннели и технические помещения нецелесообразно, живым места не хватает. К тому же разлагающиеся тела привлекали множество мелких и опасных тварей, кои, отведав тухлятины, были не прочь разнообразить меню и свежим мясом.

Тогда-то и появились мортусы на своих дрезинах. За небольшую плату они забирали тела покойников со всех станций метро и перевозили их то ли на «Бухарестскую», то ли на «Международную». Мортусы быстро набрали вес в подземном мире, и никто уже не представлял себе жизнь без этих санитаров подземелий. Но, несмотря на их авторитет и статус, люди сторонились их общества и старались без нужды даже не смотреть в их направлении.

Но не Каледин — ему сейчас было необходимо попасть на «Обводный канал».

Встав на краю платформы, рядом с мортусом, чьи одежды выглядели более потрепанными, чем у его товарищей, наемник учтиво поклонился и негромко спросил:

— Любезный! Не уделите ли мне минутку своего драгоценного времени?

Двое мортусов, занимавшихся проверкой надежности закрепленного на старенькой ручной дрезине груза, даже не повернули головы в сторону наемника. А вот их коллега, в нем Каледин сразу же угадал главного, ответил неожиданно громким голосом:

— Прощу прощения, но мест больше нет! Завтра придет еще одна дрезина, так что сможете отправить своего усопшего на ней.

Вдруг кто-то настойчиво подергал Каледина за рукав. Наемник опустил голову и встретился взглядом с Алисой. Девочка застенчиво тянула его за кружевной манжет, опасливо косясь в сторону мортуса. Конечно, наемник слышал, как подошла дочь начальника станции со своим эскортом. Но он совершенно не ожидал, что малышка наберется смелости прикоснуться к нему.

Автоматчики во главе с рыжеволосым Ивашовым напряглись. Каледин улыбнулся, отметив тот факт, что казавшийся доселе невозмутимым глава охраны «Три Эс» тоже испытывает страх перед мортусами. Но времени на злорадство у наемника не было. Он присел рядом с девочкой, чтобы, как совсем недавно, их лица оказались на одном уровне.

— Что тебе? — строго спросил он.

Алиса покрепче прижала к себе своего мишку и потупила взор. Поняв, что ответа от нее не добиться, Каледин вернулся к

прерванному разговору:

— Любезный, я тоже прошу прощения, но я к вам не с просьбой об утилизации тела любимой тещи.

Мортус наконец оторвался от созерцания деловой суеты напарников и повернулся. В прорезях его маски, состоявшей, казалось, из нескольких слоев грязи, блестели два мутных глаза. Могильщик явно заинтересовался внешним видом назойливого незнакомца. Только затем он обратил внимание на стоящую рядом пятерку угрюмых автоматчиков и маленькую девочку.

— О чем же ты тогда хочешь нас попросить? — В его голосе зазвучали нотки волнения, ведь ему никогда прежде не доводилось оказываться в такой пестрой компании. Мортус задержал взгляд на Алисе. — Что, домашняя зверюшка сдохла? Так и быть, если небольших габаритов скотинка, заберем на кремацию, и платить не нужно. Давай своего Барсика, или кто там у тебя?

Мортус требовательно протянул руку к Алисе, но девочка испуганно взвизгнула и поспешила спрятать своего игрушечного мишку за спину. Охранники, как по команде, вскинули автоматы и стали надвигаться на могильщика.

— Спокойно! — Каледин поспешил разрешить недоразумение, пока дело не дошло до пальбы. Стоило ему только взглянуть на бойцов Назима, как они тут же сникли и опустили оружие. — Нет, любезный, нам нужно, чтобы вы подвезли меня и этого ребенка до «Обводного канала».

— Интересно, с каких пор наши дрезины превратились в такси? — возмутился мортус.

— Я вижу, что у вас, любезный, хорошая память, раз вы еще помните жизнь на поверхности, — улыбнулся в ответ Каледин. — Значит, вам не составит труда вспомнить и распоряжение главного бригадира Щербины о предоставлении вашим сообществом любой помощи предъявителю сего знака?

Из недр бесконечных складок своих одеяний Каледин извлек блестящий предмет и продемонстрировал его ошарашенному мортусу. Казалось, от удивления глаза бедняги выскочат из прорезей маски. А его товарищи, наблюдавшие эту сцену со стороны, стоя внизу у дрезины, испуганно вскрикнули и поспешили прикрыть свои лица руками.

Сколько бы Иван с подчиненными ни пытались, но никто из них так и не смог рассмотреть таинственную вещь, вызвавшую среди могильщиков такой переполох. Наемник же, добившись желаемого

результата, убрал предмет обратно за пазуху.

— Вижу, что вы помните приказы Щербины. И, насколько я понял из нашего разговора, у вас уже все готово для того, чтобы выдвинуться в путь. — Каледин с кошачьей грацией соскользнул с края платформы на дрезину. — Малявка, иди сюда.

Алиса сперва посмотрела по сторонам, после чего поняла, что Серый обращается именно к ней. Осознав сей факт, она тут же обиженно надула губы и топнула маленькой ножкой.

— Я не малявка! Меня зовут Алиса! — Щеки ее покраснели, и все шло к тому, что девочка сейчас закатит серьезную истерику.

Но дальше произошло нечто странное. Казалось, только что Алиса стояла на платформе в окружении пяти здоровенных мужиков. А через мгновение она уже сидела на самодельной скамейке рядом с Калединым и, подобно рыбе, жадно хватала ртом воздух.

— Другие могут звать тебя как угодно, а я буду называть тебя Малявкой. — Сказав это, наемник постарался устроиться на жесткой скамейке с максимальным комфортом, водрузив ноги на лежавшие перед ним мешки с трупами.

Алиса потрясенно молчала. Иван и его подчиненные спустились по лестнице на пути и встали по бокам от дрезины, так как у них был строгий приказ сопроводить дочь Назима до блокпоста на выходе из «Садовой». А мортусы, поспешно закончив сборы, забрались на свои места. Старший сел рядом с Калединым, а двое других заняли скамейку напротив.

Издав противный скрежет, рычаг, качаемый вверх-вниз восемью руками, привел дрезину в движение. Сперва рывками, а затем все мягче и быстрее допотопное средство передвижения устремилось во тьму туннеля.

Скрип-уф! Скриииип-уф!

Мортусы, сменяясь каждые пятнадцать минут, мерно качали рычаг, издававший при каждом движении режущие слух звуки.

Скрип-уф! Скриииип-уф!

В былые времена поезд преодолевал расстояние между станциями всего за каких-то пять минут. Теоретически ручная дрезина, даже с учетом максимальной загруженности, могла проехать этот путь за четверть часа. Но сейчас все было иначе. Местами стены и потолки туннелей обваливались, при этом безнадежно повреждая железнодорожное полотно. Подъезжая к таким участкам, мортусы останавливались, разгружали дрезину и переносили ее на руках. После вновь загружались и ехали дальше. Так что в итоге дорога до

следующей станции заняла не меньше двух часов.

В пути Каледин попытался разговорить мортусов, знают ли они что-нибудь о событиях с переселенцами.

— К сожалению, нам нечего рассказать, уважаемый, — откликнулся старший мортус. — Последние две недели мы занимались деловыми вопросами на «Невском проспекте».

Поняв, что дальше расспрашивать бессмысленно, Каледин оставил мортусов и оглянулся на подопечную. Оказалось, Алиса уже сладко спала, свернувшись калачиком прямо на полу дрезины. Глядя на объятую безмятежным сном девочку, Каледин невольно вспомнил свое детство и мысленно содрогнулся.

В его жизни не было заботливого отца и собственной комнаты, наполненной игрушками. Детства своего наемник почти не помнил. А юность его, прошедшую в лаборатории Зеленого Доктора, наполняли иглы, капельницы и бесконечные эксперименты над его телом и разумом. Это была не сказка, а кошмар. Кошмар, состоящий из сплошных оттенков серого цвета.

5

Алиса проснулась уже на «Звенигородской». Дрезина остановилась, так как путь им преградили обитатели станции.

— Прошу прощения. — Из толпы выдвинулся пожилой, но еще крепкий телом мужчина. — Меня зовут Лев Яковлевич, я временный начальник станции. У нас к вам просьба...

— Говори, старик, время дорого, — отозвался один из мортусов.

— Дело в том, что у нас вчера погиб ребенок, и мы хотели бы похоронить его по всем традициям. К сожалению, на нашей станции лишь женщины, старики и дети, и мы не в состоянии...

— А где же охранники из Вегана? — вмешался в разговор Каледин.

Старик недоуменно перевел взгляд на невесть откуда взявшегося на повозке мортусов человека в странных одеждах. Но Лев Яковлевич удивился еще больше, когда со дна дрезины поднялась заспанная Алиса.

— Дядя Каледин, мы уже приехали?

В толпе зашумели:

— Это же Алиса, дочь Назима!

— Тихо! — прикрикнул на собравшихся наемник. Под пристальными взглядами звенигородцев Каледин достал из недр своего одеяния кошелек и отсчитал пять патронов. Высыпав их в

обмотанную тканью ладонь мортуса, наемник указал на тело мертвого мальчика, лежащее на платформе: — Возьмите его и похороните вместе с остальными. А мы сойдем здесь.

— Ох! Благодарю вас, молодой человек! Не знаю, как вас по имени?

— Каледин. — Наемник спрыгнул на землю и помог спуститься Алисе. — Я, как вы уже могли догадаться, прибыл по поручению вашего бывшего начальника Назима. И у меня к вам несколько вопросов.

Пока обитатели станции прощались с умершим мальчиком, Лев Яковлевич проводил наемника и девочку в свою палатку.

— Не желаете ли чаю? — гостеприимно предложил пожилой начальник станции, протянув небольшой закопченный котелок, наполненный маслянистой мутной жидкостью, по виду больше напоминающий грибной суп. Каледин отказался, а вот девочка с жадностью принялась поглощать угощение. — Так что привело вас на нашу скромную станцию?

— Скажите, Лев Яковлевич, а где же веганы? Насколько я понял, они должны приглядывать за колонистами на вашей и соседней станциях и обеспечивать вам защиту.

— О, молодой человек! Вы же знаете наше руководство. Одно дело — договоренности на словах, а совсем другое — на деле! Имперцы действительно охраняли нашу станцию в течение первых недель, а потом ушли.

— Как это — ушли? — опешил Каледин.

— А вот так, взяли и ушли. Ножками, — рассмеялся в ответ Лев Яковлевич. — И я не сказал бы, что мы огорчены этим фактом. Народ они весьма неприятный. Все время косились на нас, будто съесть хотели. А в один прекрасный день — оп! И словно сквозь землю провалились.

— Ну, хорошо, оставим пока вопрос с веганами. А что вы или кто-нибудь из ваших подопечных можете поведать о судьбе жителей «Обводного канала»?

— Тут мы знаем ровно столько же, сколько и про местоположение веганов. За несколько последних дней со стороны «Обводного» кроме мортусов никто не приходил.

Каледин задал еще несколько вопросов, в том числе и о Давиде. И вновь глухо. Никто из обитателей «Звенигородской» не видел человека, подходившего под описание обезумевшего старца. Или не хотел говорить об этом Каледину. В любом случае, наемник решил

отказаться от щедрого предложения остаться переночевать в палатке начальника станции и продолжил путь. Прежде чем попрощаться, наемник протянул Льву Яковлевичу ту самую учебную гранату, что забрал из рук убитого Давида.

— Что это? — Удивление начальника станции было искренним. — Зачем мне граната?

— Не бойтесь, она учебная, — успокоил Льва Яковлевича наемник. — Возьмите, вдруг пригодится. Убить ею нельзя, если только в висок какого-нибудь агрессора ударить, но в качестве психологического оружия сгодится.

— Спасибо, — растерянно поблагодарил начальник станции, принимая из рук наемника неожиданный подарок. Каледин мысленно выругался. Он рассчитывал, что Лев Яковлевич узнает гранату или как-то еще выдаст свое знакомство с Давидом, но тщетно. — А как же вы? Мне кажется, что подобные игрушки вам пригодятся больше, нежели простым мирным обитателям этой станции.

— Благодарю за заботу. У меня есть еще парочка. — В качестве подтверждения Каледин откинул одну из пол своих многочисленных одежд и продемонстрировал онемевшему начальнику «Звенигородской» настоящую коллекцию гранат. — И, в отличие от подаренной вам, это отнюдь не игрушки.

6

— Дядя Каледин.

— Что тебе, Малявка?

— Я не малявка! — Звонкий голосок девочки эхом заметался между тюбингов и мрачных сводов перегона между «Звенигородской» и «Обводным каналом». Испугавшись, девочка произнесла почти шепотом: — Я же говорила, что я Алиса.

— А я сказал, что буду звать тебя Малявкой, — невозмутимо ответил наемник, освещая путь себе и спутнице при помощи электродинамического фонаря, вырабатывающего электричество за счет ручной тяги. Хотя сам он прекрасно видел в темноте, девочка подобными качествами похвастаться не могла. — Что ты хотела?

Девочка некоторое время молчала, аккуратно ступая между шпалами, и обиженно сопела. Тишину нарушало лишь дыхание спутников и жужжание фонарика. Наконец Алиса не выдержала и спросила:

— А вы знаете, что за нами следят?

Каледин улыбнулся. «Хвост» он заметил еще на блокпосту на

выезде из «Три Эс». А вот Алиса его приятно удивила. Несмотря на юный возраст и надежного телохранителя, девочка внимательно следила за окружающей обстановкой. Метро — не место для маленьких детей. Хотя и для простых людей это не место. Человек предназначен для жизни на поверхности, а не для прозябания в кротовых норах.

Остановившись, наемник посветил в сторону «Звенигородской».

— Не желаешь, наконец, показаться? Преследователь из тебя никудышный, раз твое присутствие уже заметила даже такая Малявка, как она.

— Я не малявка! — привычно отозвалась Алиса, но уже больше для проформы.

В свете фонаря появился молодой человек с абсолютно белой кожей и волосами, заплетенными в белокурые дреды. Но в облике незнакомца Каледина поразила отнюдь не бледная кожа или экзотическая прическа. На груди у него висел потрепанный жизнью зеркальный фотоаппарат Canon.

— Ты откуда такой нарисовался, братишка? — удивленно воскликнул наемник.

Юноша застенчиво улыбнулся.

— Меня зовут Черныш. Я работаю журналистом для единственной на станции «Три Эс» газеты.

— Журна... кем? — Алиса во все глаза уставилась на необычного юношу.

— Черныш, говоришь? — хмыкнул Каледин, тоже внимательнейшим образом оглядывая альбиноса. — Сам такой шутник или друзья с выбором имени помогли?

— Друзья... — потупил взор тот.

— С такими друзьями и врагов не надо. А за нами ты чего увязался?

— Надоело писать про Ярмарку да про показательные порки преступников! Я знаю, что вас отправили к поселенцам на «Обводный канал» и дали какое-то важное поручение. Я напишу об этом статью и прославлюсь на все Метро. Люди захотят читать мою газету за деньги, будут заказывать рекламу и объявления...

— Стоп, приятель! Слишком много подробностей. — Каледин развернулся и потянул за собой Алису. — У меня, как ты правильно заметил, есть важное поручение. Мне и так уже посадили на шею одну малявку, а воспитателем детского сада я не нанимался. Так что топай домой, пока тебя родители не потеряли.

— Я не малявка, я Алиса!

— А я у вас разрешения и не спрашивал! Я представитель свободной прессы! — закричал Черныш в спину уходящему наемнику. — К тому же я сирота, так что меня никто искать и оплакивать не будет. А присоединиться к вам я бы хотел из соображений элементарной безопасности. Да и чтобы не так скучно было идти по темным туннелям.

— Опять слишком много подробностей, приятель, — отозвался Каледин.

7

Станция «Обводный канал» больше напоминала склеп: пустые палатки, котомки с вещами и домашней утварью, в беспорядке разбросанные по платформе, и ни единой живой души. Но тут, в опровержение этого впечатления, на краю платформы появилась фигура человека.

— Назад! — приказал Каледин испугавшейся Алисе. Не теряя времени даром, наемник подтолкнул девочку к входу в ближайшую пустую палатку, а сам приготовился к бою.

— Не стреляйте! Свои!

По платформе, огибая кучи брошенных вещей, в их сторону шел высокий, почти одного роста с Калединым, мускулистый мужчина. Каледин сразу же опознал на незнакомце военную форму Империи Веган. Но еще больше наемника насторожил тот факт, что лицо нежданного гостя скрывала черная полумаска.

— Капитан Реутов! — представился подошедший. — Прибыл по специальному поручению коменданта фиолетовой линии. А вы кто такие и что здесь делаете?

— А какое тебе дело, капитан? Эта станция никому не принадлежит, и я имею полное право тут заночевать.

В ответ веган лишь заскрипел зубами, но промолчал. Крыть ему было нечем. Тем временем из-за спины Каледина показался объектив фотоаппарата Черныша, и напряженную тишину нарушил щелчок. Вздвогнув от неожиданности, капитан запоздало потянулся к пистолету в поясной кобуре.

— Тихо, капитан! — Каледин предупреждающе вскинул руку, в которой уже держал оружие странной конструкции. Длинный ствол, толстая, по форме напоминающая грушу рукоять и блестящие в сумраке металлические накладки. — Это всего лишь мой племянник тебя сфотографировал. Помнишь еще, что это такое — фотоаппарат?

Или ты родился уже после Катастрофы?

— Я знаю, что такое фотоаппарат. Но нахрена твой племяш меня щелкнул? Пусть немедленно удалит снимок или я отберу и разобью его камеру!

— Что ты такой нервный, капитан? Прямо как депутат на выходе из борделя, — покачал головой наемник, но потом все же приказал новоиспеченному племяннику: — Удали его фото.

— А чего такого? — капризным тоном ответил Черныш. — У нас свободное метро, кого хочу, того и фотографирую. Разрешение не требуется!..

Договорить он не успел, лишь удивленно вскрикнул, когда неведомая сила вырвала из его рук камеру. Наемник пару секунд повертел старенький Canon, затем нажал пару кнопок и протянул фотоаппарат обратно владельцу.

— Держи, — а затем обратился к капитану: — Твое фото я удалил. Доволен?

Несколько мгновений Реутов недоверчиво смотрел на Каледина и Черныша, но вдруг как-то разом расслабился и убрал руки за спину.

— Да. Прошу меня извинить, я слишком бурно отреагировал. Все дело в том, что пропали мои люди и я немного на взводе.

— Пропали ваши люди? — переспросил Каледин, убирая странный пистолет в недра своих не менее странных одеяний. Черныш наконец-то осмелился выйти из-за спины наемника и встал рядом, при этом демонстративно переместив камеру на бок.

— Я руковожу... точнее, руководил небольшим отрядом из десяти человек. Нам было поручено охранять на этой станции переселенцев с «Три Эс». — Веган говорил быстро и четко. По личному опыту Каледин знал, что так обычно рассказывают хорошо продуманную и лживую историю. — Поначалу все шло хорошо, но вскоре стали пропадать люди. Сперва исчезали переселенцы, и мы решили, что они просто решили вернуться обратно на «Три Эс». Тогда я поставил караул у туннеля, ведущего на «Звенигородскую». И в первую же ночь пропали двое солдат, дежуривших у входа.

— И что вы тогда подумали?

— Я по-прежнему придерживался теории о том, что это дело рук переселенцев. Мы провели общее собрание, но, как оказалось, в эту ночь никто из простых граждан не покинул станцию.

— Значит, опасность приходила снаружи? Может, это дело рук Детей Кукурузы? — предположил Каледин.

— Я тоже сначала так подумал, потому отправил трех

переговорщиков на «Волковскую». Солдаты вернулись живыми и относительно невредимыми. Дети Кукурузы заявили о своей непричастности к событиям на нашей станции. Этим безбашенным малолеткам вообще нет дела до того, что находится за пределами их маленького мирка.

— И вы им поверили на слово? — В голосе наемника послышалось едва уловимое удивление.

— За кого вы меня принимаете? Конечно, я все еще держал их под подозрением. Переселенцы предлагали заварить вход на «Волковскую», но это невозможно, так как туннелем пользуются мортусы. — Реутов покачал головой. — В итоге я решил поставить караул и у этого прохода, а оставшихся двух солдат отправил за подкреплением. А на следующий день...

— Дайте угадаю, — подал голос, молчавший до этого момента Черныш, — все жители неожиданно исчезли?

Веган вновь с неприязнью посмотрел на юношу, но все же снизошел до ответа:

— Нет, не совсем так. Я отправился на дежурный осмотр туннеля, когда услышал на «Обводном» выстрелы и крики. На обратном пути мне встретился один из переселенцев, Давид.

Услышав имя погибшего на «Три Эс» пожилого террориста, Каледин насторожился.

— Он нес какую-то околесицу, я так и не смог вытрясти из него хоть что-нибудь путное. Внезапно он сорвал у меня с пояса гранату и умчался прочь, в сторону «Звенигородской».

— И вы не попытались его остановить. И зачем ему понадобилась граната?

— В тот момент мне было не до обезумевшего старика. К тому же, чтобы он ни задумал, моя граната ему в этом не помогла бы, так как она была учебная, муляж. Я носил ее с собой просто на всякий случай, пугнуть, если понадобится, бандитов.

— Или запугивать беззащитных переселенцев, — тихо произнес Черныш.

Каледин шикнул на юношу и посмотрел на капитана. Но веган вроде бы не услышал язвительного замечания юноши или сделал вид, что не услышал.

— Когда я вернулся на «Обводный», — продолжал рассказывать Реутов, — то застал ее вот в таком виде. Вторые сутки я жду, что кто-нибудь объявится. Или выжившие, или подкрепление из Империи. Но кое-что подсказывает мне, что ожидания мои бесполезны.

— Почему вы так думаете, капитан?

Минуту Реутов молча смотрел на собеседников, после чего кивнул каким-то своим мыслям и махнул рукой.

— Следуйте за мной. Это нужно видеть.

Черныш уже было шагнул вслед за капитаном, но тут на его плечо легла тяжелая ладонь Каледина.

— Останешься здесь, присмотришь за Малявкой. Она вот в той палатке.

— Еще чего! Я нянькой не нанимался... ой! — попытался возмутиться Черныш, но наемник лишь слегка сжал пальцы, и руку юноши пронзила острая игла боли. — Я понял, понял.

— Хороший мальчик. — Наемник отпустил Черныша и быстрым шагом нагнал Реутова.

— Дылда, — злобно, но тихо прошипел вслед ему юноша и откинул полог брезентовой палатки, в которой сидела Алиса. — Привет, Малявка.

— Я! Не! Малявка!

Услышавший краем уха очередной возмущенный крик Алисы Каледин слегка улыбнулся. Но скоро его улыбка исчезла, стоило ему увидеть то, что собирался показать капитан Реутов.

— Смотрите. Как предполагаете, он большой?

Отпечаток когтистой лапы был огромен. Каледин с тревогой смотрел на оставленную в пыли цепочку отпечатков звериных лап, сопровождающуюся окровавленными лоскутами одежды, клочками шерсти и небольшими озерцами бурой вязкой субстанции. Наемник подошел к одной из таких луж, встал на колено и осторожно опустил в нее кончик указательного пальца.

— Осторожней! — зачем-то окликнул его веган.

Но Каледин понюхал и даже лизнул перепачканный палец.

— Как я и думал, это кровь.

— И обязательно было пробовать эту дрянь на вкус? — Капитан брезгливо поморщился.

— Нет, не обязательно. Но зато я знаю, что кровь не человеческая, а животного. Значит, зверь, побывавший здесь, ранен.

Реутов не стал уточнять у наемника, откуда тому известен вкус человеческой крови. И без того появившийся невесть откуда долговязый тип в странной одежде, вооруженный старинным мушкетом, вызывал у него массу подозрений.

— Я осмелюсь предположить, что именно это зверь убил, а затем унес или съел тела обитателей станции. А так как здесь было всего

лишь несколько десятков безоружных людей, повернуть такое дело огромному сильному монстру не составило особого труда. Но первыми он, конечно, задрал ваших солдат.

— И что вы предлагаете?

— Я предлагаю пойти по следу.

8

— А кто такие кукурузники?

— Что? — Черныш, возившийся с настройками фотоаппарата, недоуменно посмотрел на сидевшую рядом девочку. — Какие еще «кукурузники»? Самолеты, что ли?

— Дядя Каледин говорил про каких-то кукурузников, что живут там, дальше, на «Волковской». — Нахмутив лоб, Алиса добавила: — А что такое самолет?

— Да подожди ты. Засыпала меня вопросами. Самолет — это такая машина, типа дрезины, только на ней по небу летают.

— По небу?..

— И Каледин говорил не «кукурузники», а Дети Кукурузы. Ты что, ничего о них не знаешь?

Малышка отрицательно замотала головой.

— Дети Кукурузы — это... — Черныш не знал, как доходчивее объяснить девочке уклад этой мрачной общины, наводившей ужас на всех взрослых в округе. — Есть такая станция «Волковская», и обитают там Дети Кукурузы. Тебе или мне они пока ничем не угрожают. Но если к ним в руки попадет человек старше шестнадцати лет, то судьба его предрешена. Дети Кукурузы — это именно дети, которые считают, что во всем том ужасе, который пережило человечество, виноваты взрослые. И любой взрослый должен за это ответить, не важно, родился он до Катастрофы или после. Как только житель станции переступает порог шестнадцатилетия, его изгоняют на поверхность — без защитного костюма, без еды и без оружия. Точно так же они поступают с любыми взрослыми, которым «посчастливилось» забрести на «Волковскую». Исключение составляют только мортусы, везущие трупы на станцию-кладбище «Бухарестская». Их Дети Кукурузы за людей не считают.

— Это сказка? — восторженно воскликнула Алиса.

— Тише ты! — шикнул в ответ Черныш и осторожно выглянул сквозь щель в пологе палатки наружу. Каледина с Реутовым он не разглядел. Вся платформа была погружена во мрак и

безмолвие. — Давай я лучше тебе настоящую сказку расскажу. Ты когда-нибудь видела подобное?

Юноша многозначительно продемонстрировал Алисе фотоаппарат.

— Это, наверное, последний рабочий фотоаппарат в мире! Ну, в нашем метро точно последний. Его предыдущий владелец считал камеру чем-то вроде охранного амулета. Когда началась бомбежка, он как раз спускался по эскалатору станции «Адмиралтейская», где впоследствии он провел первые месяцы своей новой подземной жизни. Понимаешь, в момент взрыва он оказался на глубине, куда не прошло губительное для техники электромагнитное излучение. Понимаешь?

Девочка вновь отрицательно помотала головой.

— Ну да, тебе еще рано в этом разбираться. Так вот. Прежний владелец фотоаппаратом практически не пользовался. Его же подзаряжать надо. Да и потом, куда девать фотографии? Кому они сейчас нужны. Вот я и выменял у него камеру на три банки тушенки. Умный человек, такой как я, всему найдет применение. Скоро я стану журналистом и быстро заработаю с помощью этого аппарата на свой кусок хлеба. Вот смотри...

Черныш протянул фотоаппарат Алисе. Девочка с трепетом взяла тяжелую потертую камеру и заворожено посмотрела на светящийся тусклым светом дисплей Canon, через который тянулась длинная трещина. Юноша демонстрировал ей снимки, сделанные как им, так и предыдущим владельцем фотоаппарата. В основном это были редкие кадры улыбающихся людей: женщина с ребенком радуются возвращению мужа-сталкера из рейда на поверхность; старик, улыбающийся при взгляде на резвящихся на платформе чумазых детей; молоденький солдатик из службы личной охраны Назима, дарящий симпатичной девушке нитку бус. Алиса с детским удивлением и радостью рассматривала застывшие, словно мухи в янтаре, мгновения из чужих жизней, пока наконец ее не одолел сон.

Юноша осторожно забрал драгоценную камеру из рук Алисы. Сняв с себя куртку, он свернул ее несколько раз и положил девочке под голову. Девочка что-то неразборчиво пробормотала и крепче прижала к себе плюшевого медвежонка.

— Баю-баюшки-баю, не ложися на краю... — Черныш вдруг вспомнил слова колыбельной, которую пела ему перед сном его мама. — Придет серенький волчок и укусит за бочок...

— Это что, волк? Какого... — Вопрос буквально застрял у Реутова в горле. Глаза, видневшиеся в прорезях полумаски, округлились от ужаса, а правая рука вновь потянулась к поясной кобуре.

Каледин предпочел не дожидаться, пока испуганный капитан закончит мысль, и дал себе мысленный приказ.

«Включение».

Сигнал от мозга устремился по всему телу, активируя вживленные в тело наемника имплантаты. Микрочипы ударили сотнями электроимпульсов по железам, в кровь хлынули потоки гормонов и химических веществ. В результате реакции столь замысловатого гормонального коктейля Каледин превратился в невероятно быструю машину для убийств. Исчезали эмоции, мысли, резко ухудшилось обоняние, а спектр восприятия цветов ужался до всевозможных оттенков серого. Оставались лишь инстинкты и желание убивать.

Такова была изначальная задумка Зеленого Доктора и его хозяев, ставивших эксперименты на беззащитном пленнике со станции «Нарвская». Они хотели создать послушную куклу, запрограммированную на безропотное выполнение приказов. Но в одном они просчитались. Однажды кукла отказалась слушаться кукловодов.

Окружающий Каледина мир привычно замедлился, хотя это было лишь его субъективное восприятие. Все дело в том, что с момента активации имплантатов наемник двигался столь быстро, что взгляд стороннего наблюдателя просто не мог за ним уследить. словно крылья колибри, застывшей над цветком, Каледин превращался в еле уловимую рябь перед глазами.

Наемник посмотрел на Реутова, все еще тянущегося к кобуре, а после повернулся и взглянул на то, что так напугало капитана веганской Империи.

На противоположном конце платформы действительно стояло нечто похожее на волка. Но назвать это исчадьем ада так просто у Каледина язык не поворачивался, так как сходство между застывшим в сумраке колон монстром и лесным хищником имелось весьма отдаленное.

Монстр был в высоту не меньше полутора метров в холке, с очень широкой грудью, длинным гибким хвостом с кисточкой на конце, как у льва, вытянутой, словно у борзой, мордой, небольшими

заостренными ушами и крупными, выдающимися из пасти клыками. Цвет шерсти зверя Каледин определить не мог, лишь заметил, что по спине монстра, вдоль хребта, тянулась темная полоса, и виднелись крупные темные пятна на боках.

Рассмотреть зверя в деталях смог только Каледин. Для капитана Реутова это был лишь расплывчатый темный силуэт, внешне похожий на огромного волка или собаку. Но дальше удивление вегана лишь росло. После появления неведомого чудища стоявший перед ним таинственный собеседник (только сейчас Реутов понял, что он так и не узнал даже имени высокого человека в лохмотьях!) неожиданно исчез. Только неясная смутная тень метнулась в сторону застывшего на другом конце платформы монстра.

Каледин думал покончить с волком-переростком быстро. На ходу он достал из ножен пару массивных охотничьих ножей, примериваясь, как бы поудобней вонзить их в глазницы зверю. Только тот не думал так просто расставаться с жизнью. И произошедшее дальше заставило Каледина вскрикнуть от изумления.

Зверь метнулся в сторону, пропустив человека и его смертоносные железные шипы мимо себя.

«Этого просто не может быть! — мысленно взвыл наемник. — Он двигается так же быстро, как я! Но как... каким образом?..».

Однако времени на раздумья у наемника не было, ибо зверь пошел в контратаку. Огромные челюсти клацнули в нескольких сантиметрах от плеча Каледина. Согнув ноги в коленях, наемник бросился зверю между лап, намереваясь одним из клинков перерезать сухожилие на задней левой конечности, а вторым вспороть волку брюхо. Замысел удался лишь наполовину.

Зверь взвизгнул, когда холодная сталь рассекла шерсть, толстую кожу, а затем и мышцы на лапе. Но раненая лапа не помешала хищнику вскинуться, словно лошадь, на дыбы и избежать смертельного удара в живот.

Каледин поспешил откатиться в сторону, пока зверь не вернул себе устойчивое положение и не располосовал человека огромными острыми когтями. Понимая, что подходить вплотную сродни самоубийству, наемник решил убить тварь с расстояния.

Вжиу! Вжиу!

Брошенные наемником ножи загудели, словно сердитые пчелы, и устремились в сторону зверя. Но на этот раз Каледину не удалось

даже поцарапать косматые бока противника. Монстр припал к земле, просто пропустив ножи над собой.

Возможно, он наконец-то понял, что сегодня жертва и охотник вполне могут поменяться ролями. Звучно рыкнув, зверь бросился прочь от наемника. Это не было бегством, скорее — тактическим отступлением. И все бы ничего, но на пути хищника оказался Реутов, только-только дотянувшийся до рукояти пистолета на поясной кобуре.

Каледин понял, что сейчас произойдет, и бросился вслед за зверем. Наемник почти успел нагнать прихрамывающего монстра, прежде чем тот поравнялся с Реутовым, но ему не хватило буквально нескольких долей секунды. Чувствующий погоню зверь не стал останавливаться, пробегая мимо капитана, он лишь цапнул застывшего вегана зубами за плечо.

Этого укуса оказалось достаточно, чтобы оторвать капитану руку, превратив плечо и ключицу в кровавую кашу, в которой белели осколки раздробленных костей.

— Твою ж налево! — выругался Каледин и остановился. Перед ним возникла дилемма — продолжать погоню за зверем или остаться тут и помочь Реутову выжить. — «Отмена».

Окружающий мир вновь обрел цвета.

10

Сидящий в палатке Черныш очнулся от шока. Он понял, что все тело его покрыла испарина, а пальцы, сжимающие пластиковый корпус фотокамеры, побелели от напряжения. Только что он тайком, просунув объектив через дыру в брезентовом пологе палатки, наблюдал за беседовавшими на платформе Реутовым и Калединым, как через несколько мгновений последний буквально растворился в воздухе!

Машинально пальцы первого и последнего подземного журналиста нажали на кнопку «записи». И, как потом подумал Черныш, не зря. Потому что через секунду застывший в центре кадра Реутов взвыл, тело его пережило резкую трансформацию. Брызнул фонтан крови, и левая рука капитана отделилась от тела. Тут же рядом с рухнувшим на землю веганом материализовался Каледин.

Наемник снял с пояса узкий кожаный ремень и попытался наложить его как жгут. Но было очевидно, что старания его напрасны. Лицо Реутова побелело, словно кожа альбиноса, глаза закатились, а дыхание было частым и неровным. Из последних сил

Реутов вцепился уцелевшей рукой в одежду наемника и заговорил:

— Это... оно... меня?

— Да, — ответил Каледин. — Прости, я не успел.

— Куда... делся... «Икс-два»?..

— Как ты сказал?! — взревел Каледин. — «Икс-два»?

Но Реутов не ответил. Вместо слов у него изо рта пошли кровавые пузыри. Но наемнику не требовался ответ. Каледин уже успел сложить в своей голове все кусочки головоломки. Наклонившись поближе, он зашептал на ухо вегану:

— Есть в Империи Веган ученый, вы называете его Зеленый Доктор. Много лет назад я попал к нему в лабораторию. Попал, надо заметить, не по своей воле. Оказалось, что этот ученый проводил весьма дерзкие эксперименты, в основном над скрещиванием ДНК животных, растений и людей. Судьбе было угодно, чтобы я стал для него неким побочным проектом, которому он прививал все неудавшиеся образцы. «Контрольный образец «Икс-один», так он меня называл в своих отчетах. И в итоге... — Каледин медленно снял шляпу и убрал скрывавшие его лицо ткани. Взору истекающего кровью Реутова предстала ужасная картина: шрамы, уродливые наросты и черные провалы на том месте, где у человека должны находиться глаза. Вместо них на дне этих черных впадин светились две алые точки. — В итоге я стал чудовищем. И когда-нибудь я навещу Зеленого Доктора и всех тех, кто сотворил такое с моим телом и душой. Уж поверь мне, капитан, эта встреча их не обрадует!

Но Реутов его уже не слышал. Глаза вегана остекленели, а грудь больше не вздымалась. Капитан умер.

Вернув ткань-вуаль и шляпу обратно, Каледин поспешил к палатке, в которой он оставил Черныша и Алису. Распахнув полог, наемник строго посмотрел на застывшего у порога юношу, всеми силами пытающегося продемонстрировать, что он давно и крепко спит.

— Хватит притворяться, я знаю, что ты не спал и все видел.

Тяжело вздохнув, Черныш открыл глаза и посмотрел на возвышающегося над ним наемника.

— Теперь вы меня убьете? — с дрожью в голосе спросил альбинос. — Как только что убили этого вегана?

— С чего ты взял, что Реутова убил я? Хоть он и напрашивался на это, но я, наоборот, пытался его спасти. Его убил домашний питомец.

Черныш все меньше и меньше понимал происходящее. Наемник

решил смириться и снизить до объяснений:

— Империя Веган обманула, что неудивительно, Назима. Вместо обеспечения безопасности переселенцев с «Три Эс» они ставили на них эксперименты. На незащищенных людей натравливали монстра по прозвищу «Икс-два».

— «Икс-два»? Что это значит?

— Не важно. Просто порядковый номер любимых игрушек Зеленого Доктора.

— А кто такой Зеленый Доктор?

— Так, журналист. Либо ты молча слушаешь, либо интервью окончено.

Черныш послушно замолчал, жестом продемонстрировав, что его рот на замке. Хмыкнув, Каледин продолжил рассказ:

— Так вот. Веганы натравливали огромную клыкастую зверюгу на ничего не подозревающих переселенцев. Но, похоже, что-то пошло не так, и тварь вырвалась из-под контроля. Перебив колонистов, она принялась за своих хозяев. А сейчас она несется в сторону «Три Эс», и мне необходимо срочно ее догнать и убить. Все понял?

— Да-а... точнее, ничего не понял, но сделаю вид.

— Это правильно, — в голосе наемника послышались одобрительные нотки, — не пытайся показаться самым умным — дольше проживешь. А сейчас у меня для тебя задание.

— Что нужно сделать? — с рвением отозвался альбинос, хотя мысленно пообещал припомнить наемнику в будущем его нелестный комментарий об умственных способностях подземного журналиста.

— Как только я уйду, буди малявку и возвращайтесь на «Три Эс». Если по пути встретите мортусов, то попросите подвезти. Если начнут отказываться, скажите, что вы от Каледина, и покажите им вот это.

Наемник порылся в недрах своего чудо-одеяния и протянул юноше стеклянный шарик. При ближайшем рассмотрении становилось понятно, что это не просто шарик, а стеклянный глаз.

— Круто! — восторженно воскликнул Черныш. — А чей это?

— Раньше он принадлежал бригадиру мортусов Щербине, не умеющему держать язык за зубами. Хочешь, я сделаю так, что этот протез и тебе пригодится?

Поняв намек, Черныш испуганно замолчал.

— Ладно, собирайтесь и идите домой. Возможно, я вас вернусь за вами прежде, чем вы придете на «Звенигородскую», а может, и нет.

Сказав это, Каледин вновь исчез. Потрясенный этим фокусом, Черныш аккуратно потряс за плечо проспавшую все последние события Алису.

— Малявка, подъем. Просыпайся! Нам надо срочно идти...

— Я! НЕ!! МАЛЯВКА!!!

Звонкий крик возмущения девочки услышал даже наемник, который к тому моменту был на середине пути к «Звенигородской».

11

Туннель, тюбинги, ржавые рельсы и полуразвалившиеся бетонные шпалы — все это превратилось для Каледина в сплошную серую полосу. Наемник вновь перешел в свой особый режим, и окружающий мир утратил цвета.

Каледин боялся, что зверь нападет на обитателей «Звенигородской». Но, на их счастье, внимание монстра привлек хоть и далекий, но весьма громкий рев толпы, доносившийся со стороны перегона на «Садовую». Это шумела тройная станция, отмечающая свой великий праздник.

Там, на самодельной сцене, сооруженной над переходом с «Садовой» на «Спасскую», играл сводный музыкальный коллектив, исполняющий рок-н-рольные хиты восьмидесятых. «Три Эс» была охвачена хмельным весельем, и сотни людей даже не подозревали о нависшей над ними угрозе. Патлатый старец, еле держащийся на ногах, вышел в сопровождении пары молодых ребят на центр помоста. Один из помощников почтительно протянул старику микрофон.

— Раз-раз, проверка звука, — произнес старик, и окружающие поразились, насколько тембр и сила его голоса не соответствовали тщедушному телу. Из-под грязных спутанных патл старика блеснула юношеским озорством пара выцветших синих глаз. — Ну что, врежем рок в этой дыре?

— Да!!! — радостно отозвалась толпа. Но слитный хор сотен глоток потонул в раскатистых басах и гитарных риффах, брызнувших из динамиков у сцены.

Дальше старику подпевали все собравшиеся на платформе:

*Smoke on the water.
And fire in the sky!*

В то самое время, пока вся станция веселилась, на блокпосту перегона между «Садовой» и «Звенигородской», где скучали несколько охранников, из туннеля раздался леденящий душу волчий вой.

— Полундра! — вскричал командир блокпоста, судя по морской шинели и сленгу, служивший до Катастрофы на флоте. — Занять позиции! Гагара! Торпедой дуй к Ивану. Передай ему, что нам срочно требуется подкрепление...

Стоило бойцу Гагаре отбежать от блокпоста на несколько шагов, как за спиной у него началась беспорядочная стрельба, которая через пару мгновений сменилась криками ужаса и боли. Но посланник не стал останавливаться или даже оборачиваться. Стиснув от страха зубы, он из последних сил помчался по туннелю и понял, что тут грохот выстрелов тонет в потоках музыки. Следовательно, перестрелку у блокпоста никто не услышит.

Дальнейшие выводы Гагара сделать не успел. В спину ему ударили, да с такой силой, что воздух вырвался из легких, словно из лопнувшего пузыря. Боец несколько раз кувыркнулся, болезненно ударяясь о шпалы и стальные жилы рельсов, пока не врезался в металлическую конструкцию. Последнее, что он увидел, прежде чем потерять сознание, это огромную звериную фигуру с двумя горящими, словно угли, глазами.

Старик на сцене продолжал петь. Зверь замер на месте, поводил лобастой головой из стороны в сторону, словно прислушиваясь к беснующейся впереди многоголосой толпе.

Именно в этот момент Каледин наконец-то догнал своего противника.

Единым махом перепрыгнув баррикады на разгромленном блокпосте, наемник на бегу вырвал из рук одного из погибших охранников автомат с еще почти полным боекомплектом. Алые звездочки от горящего пороха нарушили гегемонию серого цвета.

В пылу погони Каледин снова забыл о том, что преследуемый хищник слеплен с ним из одного теста, а потому пули для зверя двигались столь же медленно, как и для наемника. Так что монстр без труда уклонился от смертоносного свинца и бросился навстречу надоедливому преследователю. Осознав свою ошибку, Каледин перехватил автомат и воспользовался им в качестве дубинки, со всего размаху ударив хищника по морде, метя по глазам.

Совершенно неожиданно для наемника удар достиг цели. Брызнул щепками расколовшийся при столкновении деревянный

приклад, голова монстра мотнулась в сторону. Воспользовавшись секундной заминкой противника, Каледин огляделся, прикидывая дальнейший план.

К сожалению, противопоставить зверю свой главный козырь, невероятную скорость, в данном случае он не мог. Икс-два, вырвавшийся, как когда-то и сам Каледин, из-под контроля сотрудников Зеленого Доктора, двигался столь же стремительно. Убить зверя голыми руками у наемника не получилось, огнестрельное оружие тоже было бесполезно.

Тут взгляд Каледина наткнулся на решетчатую крышку колодца, ведущего в технический коридор, тянущийся куда-то под туннелем. А еще он вспомнил Давида, с момента встречи с которым и началась вся эта история. И его учебную гранату.

— А ну, бобик, иди сюда. — Наемник даже присвистнул, чтобы привлечь внимание зверя. Хищник разрывался между желанием порвать в клочья приставучего, но неуязвимого для его клыков и когтей двуногого противника и пьянящим запахом десятков человеческих тел, чьи кровь и мясо пришлись ему так по вкусу.

Воспользовавшись тем, что зверь замер в нерешительности, наемник подбежал к крышке люка, ухватился за ее прутья и легко приподнял ее над головой. После чего запустил решетку в противника и закричал:

— Бобик! К ноге!

Зверь легко увернулся от брошенной в него железки, но это помогло ему преодолеть последние сомнения. Утробно рыкнув, он устремился к наемнику, желая навсегда покончить с наглым двуногим.

Именно на такую реакцию и рассчитывал Каледин. Распахнув полы своей одежды, он одним ловким движением вырвал предохранительные кольца с нескольких гранат Ф-1, а одну из них зажал в правой руке.

В ту же секунду в него врезался хищник. Зубы клацнули прямо перед лицом наемника, в нос ударил крепкий запах разлагающегося мяса и гнили. Обхватив шею монстра руками, Каледин, как заправский борец, потянул зверя вслед за собой на дно.

Хоть стенки колодца были довольно узкими и не позволяли монстру воспользоваться его сверхскоростью, но их ширины хватило, чтобы сплетенные в смертельных объятиях зверь и человек камнем рухнули вниз. Поняв, что его замысел почти удался, Каледин разжал правую руку, отпуская спусковой рычаг, и улыбнулся, глядя в глаза

хищнику:

— And fire in the sky, бобик...

12

— А далеко нам еще идти?

Звук хрустального детского голоса заставил Каледина приоткрыть глаза. Но даже такое простейшее усилие далось ему с огромным трудом. Наемник буквально чувствовал, как его покидают последние капли жизненной силы. Сквозь сомкнутые ресницы он увидел несколько металлических прутьев арматуры, пронзивших его шею и грудь. Своих конечностей наемник не чувствовал, они были погребены под завалами из обрушившихся в результате взрыва стен колодца.

Но сейчас для Каледина главное заключалось в том, что ему удалось уничтожить монстра. Что его собрат по лаборатории Зеленого Доктора погиб, наемник не сомневался. Он собственными глазами видел, как во время обвала один из камней разможил башку чудища, словно гнилой помидор.

— Да уже почти пришли. Если бы эти гады-мортусы взяли нас подвезти до конца, то мы были бы уже на «Садовой». — Где-то там, наверху, шли двое. Каледин сразу узнал голоса Алисы и Черныша и улыбнулся. Значит, альбинос справился с порученной ему задачей и привел дочку начальника «Три Эс» на их родную станцию. — Только здесь, похоже, случилась неслабая заварушка. Вот тут, я хорошо помню, раньше был вход в какой-то заброшенный колодец, а теперь дыра...

— Ого! — Голос девочки звонким эхом заметался по полуразрушенному колодцу. Каледин не видел, но догадался, что журналист и девочка остановились и, склонив головы, всматриваются вглубь завала. Наверное, наемник мог бы попытаться подать голос, чтобы привлечь их внимание и попытаться спастись. Но сил на это у него уже не было.

— Ладно, хватит глазеть. — Черныш взял Алису за руку и потянул прочь от таинственного провала, — Мне еще нужно доставить тебя к отцу. А не то Каледин меня найдет и уши оторвет.

«Оторву-оторву», — мысленно подтвердил наемник, чувствуя, что еще несколько мгновений, и он уже никогда не сможет исполнить свою угрозу.

— Пойдем, Малявка! А не то возьму твоего медведя и сброшу в эту яму!

— Не называй меня Малявкой! Это только дядя Каледин может меня так называть!

Вслушиваясь в шорох уходящих шагов, наемник наконец-то позволил себе закрыть глаза и то ли тихо запел, то ли ему это лишь показалось:

*Баю-баюшки-баю, не ложися на краю,
Придет серенький волчок и укусит за бочок...*

И перед тем как окончательно погрузиться в мир, где властвовали лишь оттенки серого цвета, Каледин услышал, что звук шагов возвращается.

Почудилось или нет?..

© **Никита Аверин**

Алексей Смирнов

ДЫМ НАД ДЖЕЙНСУ

Миша проснулся, но глаза открыть не спешил. Что может быть лучше — качаться на теплых волнах полудремы, когда торопиться заведомо некуда, и мысли лениво поднимаются из подсознания, как пузыри с болотного дна? Ноги затекли и ноют, зато висок приятно холодит алюминиевая стойка кабины и в уютный рокот двигателя вплетается еле слышный писк радиокompаса.

Забавно вспомнить, как он ерзал и кусал губы, когда в первом полете алый малютка-«Суперкаб» нырнул в низко висящие тучи и привычный океан леса за стеклом сменился белым туманным маревом. В прорехах тягучей облачной ваты торчали острые вершины сосен, словно пытаясь зацепить наглого пришельца, опрокинуть на землю и навсегда похоронить под густым пологом тайги.

Конечно, Миша старался не подавать вида. Седлунд, которого он знал тогда от силы час, не то что не боялся — казалось, не обращал внимания на молочную пустоту вокруг. Закрепив ручку управления самодельной петлей из поясного ремня, он пил кофе прямо из термоса и откровенно скучал. Это потом уже, когда они сидели в «Чемпионе Севера» и обмывали первую квартальную прибыль, Стик рассказал ему старую пилотскую поговорку: «Полет — это часы серой скуки, разбавленные мгновениями дикого ужаса». В тот раз до «ужаса» не дошло — минута в минуту с планом полета норвежец снизился до тысячи футов и оказался точно над излучиной реки, а потом вальяжно поцеловал бетон на центральной улице фактории Олдс, служившей по совместительству посадочной полосой.

— Майк, — обернувшись, прокричал пилот, — Майк, ты спишь? Миша нехотя разлепил глаза и помотал головой:

— Сплю. Спал. Что такое?

— Ты взял рацию? Моя села и почему-то не заряжается.

— Взял, конечно.

— Тогда попробуй вызвать поселок. Нууатак минут через пять будет, а от нее, сам знаешь, рукой подать.

— Окей. Дай кофейку, а?

— Все выпил. В Джейнсу попьешь, скоро уже.

Извернувшись, Миша залез в стоящий в ногах рюкзак и нащупал под пакетами с товаром увесистую пластиковую коробочку рации.

— Частота обычная?

— А? — через пару секунд откликнулся Стик. — Повтори, не слышу ни черта.

— Частота, спрашиваю, обычная?!

— А! Нет, они сменили в том месяце. А на какую, не помню, — усмехнулся он. — Попробуй 122 и 9.

Миша щелкнул выключателем. Дождавшись, когда светодиод перестанет моргать и загорится ровным красным светом, выкрутил на верньерах 122 и 9, надел гарнитуру и прижал тангенту вызова:

— Джейнсу, доброго дня, это «Пайпер Суперкаб Папа-3-7»... — он подергал Стига за плечо, и тот, не оборачиваясь, дважды сжал и разжал кулак, а потом показал еще два пальца, — двенадцать миль к юго-западу, пять с половиной тысяч, посадка. Дайте, пожалуйста, ветер, давление и полосу. Джейнсу?

Где-то через полминуты, когда Миша был готов повторить вызов, из гарнитуры донеслось сдавленное: «...апа-3-7...три...».

— Джейнсу, пожалуйста, повторите.

— ... Три-семь! — после душераздирающего скрипа голос прорезался неожиданно четко. — Ветра, считай, что и нет, кью-эн-эйч два-девять-семь-три, полоса по выбору, можем подсветить, но с вас тогда денежка, — хохотнул невидимый помощник. Три-семь?

— Понял вас, Джейнсу, дайте свет, зайдем с реки. И пошлите кого-нибудь к Гривхольму, я лично с обеда ничего не ел.

— Окей, сейчас отправлю внучка. У вас все?

— Да, спасибо, до ско... — Миша осекся, — Увидимся.

— Окей, пока.

Убрав рацию обратно в рюкзак, он поерзал на узком пластиковом сиденье и нахмурил лоб. Если не случится ничего непредвиденного, они с Седлундом как раз успеют позавтракать и разложить товар до того, как народ повалит с воскресной службы по домам. Ну, или выберется из дома за опохмелом после вчерашнего. В самом Джейнсу пьянчуг мало, люди там вроде наших сибиряков — суровые, упертые, старая школа. Но приبلудной шушеры тоже хватает: трапперы-кулемщики, поденщики, да и просто мутные личности из тех, что не любят попадаться властям на глаза.

«Суперкаб» накренился, потом выровнялся и начал снижаться.

Мотор заворчал тише и басовитее. Вскоре самолет выполз из тучи и пошел вдоль Нууатак, широкой, студеной даже на взгляд.

— Надо поставить поплавки... — задумчиво протянул Стиг.

— Надо, — эхом откликнулся Миша. — Зимой подумаем.

Заговорить о поплавках, пролетая над Нууатак, было уже традицией, хотя оба отлично понимали, что даже в поселениях без посадочной полосы можно выбрать улицу попросторнее и сесть прямо на нее, предварительно облетев и покричав, чтобы убрали телеги и отогнали машины. А не уберут — рядом найдется приличная вырубка-кулига или широкий галечный берег. Нет, кое-где с поплавками удобнее — возьми тот же Файндраунд, где все кормятся от озера, а живут, по сути, среди чащи: поди зайди там на посадку! Но летать туда они не любили: много рыбы «Пайпер» не заберет, а провоняет ей надолго.

— Два-девять-семь-три, тихо и ВПП по выбору.

Стиг крутанул ручку на альтиметре, нашарил тумблер посадочной фары. Джейнсу лежал прямо по курсу, скорее, не городок, а большая деревня, вытянувшаяся вдоль реки. Хрипло бил колокол, по широкой центральной улице чинно брели семьи парадно одетых богомольцев. У дебаркадера чалился какой-то древний теплоход, черный смолистый дым стелился по воде и вдоль берега. За окраиной ярко горел световой сигнал аэродрома. Положенный по правилам электрический фонарь не перенес и одной зимы, поэтому вместо него зажигали костер. Старина Спаркс, следивший за полосой, мечтал встретить знающего химика и вывести, что подсыпать в огонь, чтобы свет был как надо — зеленым.

Пилот заранее выровнялся по полосе, убрал тягу до минимума и, вытянув шею, огляделся вокруг. Миша просунул руку между бортом и передним сиденьем, включая обогрев карбюратора. «Пайпер», легонько покачиваясь, проплыл над рубероидными крышами и как-то даже неохотно подался вниз, к торцу посадочной полосы. Винт с шелестом остановился; повинаясь плавному движению ручки, самолет на мгновение завис над полосой и мягко опустился на все три колеса. Широкие «дутики» весело захрустели по гравию. Прокатившись метров десять, Стиг свернул на площадку для стоянки и выжал тормоза.

От бревенчатой избы, служившей диспетчерской, аэровокзалом и складом одновременно, к ним уже спешил бойкий дедок в поношенной «аляске». С ним трусила пушистая пегая собачонка,

забегая вперед и задорно твякая.

Седлунд отрубил питание, откинул створки двери, выпрыгнул наружу и помог выбраться Мише.

— Здорово, — с размаху влепил он пятерней по протянутой руке подошедшего деда, — скажи своей, чтобы подходила. Привез!

— Здорово в карман не положишь, — хитро ухмыльнулся тот. — А что привез?

— А это, мистер Спаркс, вас пока что не касается, — рассмеялся пилот. — Майк, ты давеча что-то обещал этому джентльмену?

Миша достал из кармана купюру и вложил в руку Спарксу.

— Ты глянь, делишки какие-то у меня за спиной крутите. Городские, одно слово! — расхохотался он, с кивком принимая оплату. — А что, совратишь вот мою старушку, увезешь в Ньюэнк и будете там похабствовать. Я вашу породу знаю!

— Боюсь, супруга не одобрит, — деланно вздохнув, развел руками пилот. — А вот Майк холостой еще, тут возможны варианты...

— Не, он чернявый, а она блондинов любит.

— Это кто блондин, ты, что ли?

— А не видно?

— Когда мне будет нужно сделать тебе комплимент, я скажу, что ты седой. Но вообще ты лысый как... — Стиг защелкал пальцами, будто мучительно подбирая слово, и с надеждой воззрился на Мишу.

— Как пень, — отозвался тот, позевывая. — Лысина — гордость мужчины. Лысина — это тестостерон, а тестостерон — это здоровье.

— Понял, да? — Спаркс обличающе ткнул пальцем в Седлунда. — Намеки он будет делать о моей внешности. Чтобы ты знал, компадре, на меня такие девочки заглядывались! Ладно, давайте я подгоню «Субару» и подброшу вас со скарбом к Гривхольму.

— Да брось, старина, так донесем, там не особо много. Спасибо.

— Да? — с сомнением посмотрел на них дед. — Джем, да уймись ты, сколько можно лаять! Ну хорошо, хорошо. Самолет ваш привяжу, зачехлю, не беспокойтесь.

— Не надо, мы сегодня же обратно.

— Черт, вы дадите мне заработать на вас? — возмутился Спаркс. — А если ветер? Я эту птичку ловить по всему полю не буду.

— Разве что ты его пустишь, но опять же, мощности не хватит, — гоготнул Седлунд. — Эм Пи, пойдем разгружаться, это добро само себя не продаст.

Вытащив и впрямь легкие, но пухлые и неудобные рюкзаки

из кабины, они потопали по шатким доскам, положенным поверх размокшей от дождей тропинки, к центральной улице, по-простецки называвшейся «Мейн-стрит».

Сквозь тучи проглянуло солнце. После утреннего оживления улица опустела, лишь из-за высоких добротных заборов раздавались стук топоров, гудение пил, тянуло чем-то острым и наверняка безумно вкусным.

— Хочешь есть — пей, — неожиданно нарушил молчание пилот.

— В смысле?

— Мне так мать говорила. Хочешь есть, говорит, пей.

— Голодали?

— Мы-то? Наоборот. Это у нее техника похудания была такая.

— Куда тебе худеть?

— Это сейчас, а ты бы меня видел в школьные годы. Такой пончик был, может, тяжелее нынешнего.

— По тебе не скажешь. Видать, работает диета.

— Не, само все ушло. Как голос ломаться начал, за год отощал, хотя жрал как не в себя.

Остаток пути до центральной площади проделали в молчании. Впрочем, идти было всего ничего: уже слышалось слаженное пение прихожан из старинного громкоговорителя на стене церкви. Пастор Рехельбахер, по совместительству мэр Джейнсу, не первый год лелеял мечту охватить трансляцией весь городок. «И если вы не хотите идти на службу», — значительно вздымал он палец горе, — «значит, служба придет к вам домой». Однако для воплощения мечты нужны были электричество и энтузиасты. Пастору всегда не хватало то одного, то другого. Зато единственный громкоговоритель высоко оценили мамы с колясками, которые вечно не успевали к началу и не умещались внутри храма.

Заведение Гривхольма, огороженное серым заборчиком, стояло прямо напротив него. Одноэтажный домик, обитый крашеными красно-рыжими досками, украшала табличка с резной надписью «Гривхольм — трактир и кафе». Под ней была вкопана причудливая коряга, напоминавшая то ли огромную белку, то ли бобра, то ли — говорили злые языки — самого Гривхольма, бодрого и угрожающе косматого дядьку, который как раз выходил из парадной двери с ведром помоев.

— Джи! — дурашливо завопил Седлунд, завидев старого приятеля. — Чем порадуешь двух путников, что прошли через леса и стремнины...

— Лови, — Гривхольм сделал вид, что собирается окатить пилота из ведра, но не удержал равновесия и плеснул помоями на дорожку из декоративного камня. — Ах ты ж дерьмо! Зачем под руку орать, а? Теперь убирать вот. Яичница на двоих, возьмите прямо со сковородки. В ковшике кофе, сливки в банке, но не советую.

— Это почему?

— Ты в своей швейной машинке вместо сидений два «очка» пробей, а потом пей сколько влезет. Мы-то уже попробовали, так что просто поверь.

— Ясно... — огорчился Седлунд. — Я лично черный кофе не люблю, мне бы разбавить.

— А сгущенку ты привез, как я заказывал?

— Привез, почему не привез. Но...

— Ну вот и продай мне прямо сейчас, я ее тебе к кофе и подам.

— Так ты ее водой разводишь.

— Иначе слишком жирно. Тебе придется покупать новый самолет.

— Будь хорошим мальчиком, подай как есть.

— С условием — торгуете здесь.

— Это как?

— А чего непонятного? Разложились в трактире, столик сами выбирайте, и вперед. Покупатели зайдут, глядишь, и перекусить не откажутся.

— И как они узнают, что мы у тебя?

— На доске напишу. — Гривхольм поставил ведро на дорожку. — И потом прилетать будете — сразу ко мне заходите. Вы что, осенью или зимой на улице торговать решили?

— И вправду, пошли внутрь, — потянул пилота за рукав Миша. — Даже солиднее как-то будет.

— Как угодно, — Стиг скорчил унылую гримасу и отворил дверь с коряво намалеванным волком в штанах и поварском колпаке, — когда я голодный, я готов на все и даже больше.

В «Трактире и кафе» было темновато: верхний свет включали после пяти, а тем, кто приходил ранее, вместе с едой приносили керосиновые лампы. Впрочем, посетитель в этот час был только один. За угловым столиком спиной к двери завтракал какой-то мужчина. Перед ним, прижатая кофейником, лежала вчерашняя «Ньюэнк энд Вэлли Ньюс». Рядом со стула свешивалась большая спортивная сумка; случайный лучик солнца высветил на ее клапане эмблему, которую Миша счел пижонской — черный крест

в концентрических кругах, вроде прицела.

— Добрый день! — громко поздоровались Стик и Миша.

— Здравствуйте, — не оборачиваясь, отозвался незнакомец, отхлебнул еще кофе и перелистнул газету.

Переглянувшись, друзья сбросили рюкзаки на широкую лавку у стены, зашли на кухню, забрали стоявшие на чугунной плите сковороду и ковш с густым черным кофе и устроились в другой половине заведения, поближе к окошку.

Яичницу смели в один миг, благо Гривхольм был дока по ее части: бекона и лука клал ровно столько, сколько требуется, чтобы оживить пресноту яиц и жареного хлеба. Сам Миша почти всегда перебарщивал то с одним, то с другим. Съедобно, конечно, но без восторгов — так, порубать на скорую руку.

Налив по кружке кофе и выдавив туда сгущенки, они блаженно откинулись на спинки стульев. Незнакомец тем временем аккуратно сложил газету, надел куртку, взял сумку, вытащил из-под стола ружейный чехол и пошел к выходу, у самой двери обменявшись рукопожатием с появившимся владельцем.

— Кто такой? — как бы невзначай полюбопытствовал Седлунд, когда Гривхольм подошел к их столику с зажженной керосиновой лампой и пластиковой миской с домашним печеньем.

— В смысле? А, этот. Не знаю, живет где-то неподалеку, иногда заезжает закупиться всяким. Вроде нормальный мужик, я чудиков-то сразу замечаю, глаз-алмаз! — довольно ухмыльнулся он. — Ну что, вы будете раскладываться? Они там псалмы допели, сейчас отец Джей проповедь начнет.

— Дай ты нам спокойно кофе попить. Успеем. А нет, так подождут. Сам-то что на службу не пошел, а?

— Куда мне? Работа. Раньше можно было, а сейчас с десяти утра и не отлучишься никуда. Вчера вон теплоход с севера пришел, привез дюжины две айвиков, тоже жрать потребовали. Да стремные такие. Обычно дикари дикарями, чумазые, по-английски еле два слова связать могут, но безвредные, и к нам тянутся. А эти как раз чудики — держатся важно, балахоны какие-то нацепили, а ноги голяком, как не мерзнут только.

— Ну а ты что?

— А что я? Сварил котел перловки, и хватит с них. Шкурками расплатились, не интересуется, кстати?

— Собошь?

Гривхольм замялся.

— Ну, соболю. Но так себе соболю, если честно. Зато дешево отдаю.

— Даром не надо, если так себе. Сам знаешь, тут отличного — завались.

— Да и ладно, поеду в город — продам там, еще и наварюсь. Знаете, какие дурни среди новичков бывают?

— Нам ли не знать, — Миша встал из-за стола, расстегнул рюкзак и принялся раскладывать товар на лавке.

Полтора года назад оба их конкурента объединились и на взятый кредит приобрели «Скайвэгон». Самолет оказался древним и капризным, но спокойно поднимал шесть человек с багажом. Бизнес накрывался медным тазом, пока однажды в пабе Стиг не зацепился языками с мелким клерком, знавшим парочку людей с доступом за *Ворота*.

Установление деловых контактов не прошло даром для кошелька и печени. Зато каждые полмесяца друзья получали в руки диск, под завязку забитый свежими фильмами, музыкой и прочим развлекаловом. Дела пошли в гору. Пышные мамаситы той части Бивер-Дэма, что зовется «Лос-Бинерос» и усталые хозяйшкы из дальних русских поселений на Спенсер-ривер не жалели денег за возможность посмотреть за семейным ужином серию-другую «Марии Мерседес» или «Наследства Екатерины». Майк со Стигом потирали руки и прикидывали, за какое время окупится видеосалон с компьютерным клубом в какой-нибудь глухомани вроде лесопилок Фруа-Гласьяль.

Из первого рюкзака на свет появились два ноутбука с торчащими из всех разъемов кабелями, вязанка разноцветных флешек, монументальные пирамиды компакт-дисков и толстенная пачка газет и журналов. Из второго пилот извлек десятка два коробок с дешевыми видеоплеерами и электронными книгами. Остаток места занимали сладости и специи для Гривхольма, который утащил рюкзак на кухню и принялся распахивать заказанный товар по шкафам.

— Слушай, Майки, можешь один пока посидеть? — несколько смущенно спросил Седлунд. — Хочу проповедь послушать, сто лет не ходил.

— Да не вопрос, иди, конечно. Только ты же католик всегда был?

— Католик. Но ты мне найди в этой глуши священника, раз такой умный.

Пилот немного лукавил: все основные конфессии закрепились

в этих местах давно и прочно — и никто иной, как сам Стиг лично прилетал в Джейнсу с отцом Максимом, отслужившим литургию для русских, сербов и греков. Однако католики, как назло, почти все были латиносами, и даже по-английски Седлунд понимал их с горем пополам.

Он махнул рукой и вышел, оставив Мишу перекладывать товар и допивать подостывший кофе. На улице распогодилось, но студеный октябрьский ветерок заставил по-быстрому прошмыгнуть мимо сгрудившихся у входа в церковь мамаш, обогнуть стайку сбежавших с проповеди пацанов и зайти внутрь, притулившись у входа.

***

Мальчишки, конечно, не пропустили гривхольмово объявление, и ввалились в «Трактир» всей кодлой — ветровки нараспашку, глаза бешеные, шевелюры торчком, от гомона уши закладывает.

— Мистер Майк! А мистер Седлунд с вами? Мистер Майк! Мы договорились с родителями, — самый бойкий парнишка, сероглазый пухляш с пшеничными волосами, прыгал и теребил Мишу за рукав, — Мы договорились! Если оценки в триместре будут хорошие, нам всем подарят приставку! Закажите, пожалуйста, а то вдруг привезти не успеют!

— А как вы собираетесь все вместе на одной приставке играть?

— Так по очереди же. Двое играют, остальные смотрят.

— Вот Стиг... мистер Седлунд придет — вместе решим. Не худо бы и родителей позвать. Короче! Давайте ближе к делу — кому что куда?

Пухляш достал из кармана замусоленную бумажку и важно ткнул пальцем в первую строчку:

— Нам, как всегда, на всех... Второй сезон «Человеческих шахмат» — на отдельной флешке, пожалуйста, а вот «Сыщик из замка» можно на ту же, что было, мы лучше еще раз купим потом. Дальше, мистер Рэй просил, чтобы учебники в следующий раз привезли, можно, вы скажете, что не было? Нет? У вас нет сердца, мистер Майк, вы забыли, каково это — быть молодым... Тогда книжки еще, для нас. Ленни, ты самый умный, как звали того писателя, который про гоблинов писал?

— Ирландец какой-то, — сипло отозвался Ленни из-за спин пацанов. — На «д». О’Дим, кажется.

— Вот этого О’Дима есть что-то новое? Если да, запишите нам на читалки, и про «Нож Куасака» Войтеку отдельно, а то он удалил все, дурья башка. Вой, чего ты пинаешься, я тебя сам сейчас знаешь как пну. Может, еще кого-то посоветуете? У нас деньги есть, мы сами заработали...

— Жюля Верна им запиши, — крикнул Гривхольм из-за стойки.
— И Карла Мая!

— Уже читали! — в голос завопили ребята. — Мы не маленькие.

— Слушай... — задумался владелец заведения. — Был же отличный автор, вот те крест, не помню, как зовут, мне еще на юге его советовали. Наш причем, *здешний*, навел в свое время шороху, а потом вроде как писателем заделался. Погоди, пойду еще кофе поставлю, глядишь, и придет на ум.

Миша собрал у ребят читалки и флешки, раскрыл ноутбук и принялся копировать заказанное. Пацанва сгрудилась вокруг стойки и налегла на имбирное пиво с сушеными яблоками.

Церковь Восхваления была неказистой, но уютной и светлой (генератор, трещащий за стеной во время служб, уже давно никто не замечал). По местной моде ее сложили из бревен, а над крыльцом укрепили что-то вроде козел, на которых висел колокол.

Стиг заметил, что в стороне от горожан на скамьях сгрудились айвики — похоже, те самые гости Джи. Завернувшись в балахоны из шкур, они то ли спали, то ли молились, не обращая внимания на пастора, могучего сорокалетнего мужика, который буквально навис над кафедрой и после каждой фразы впечатывал в нее указательный палец, словно нажимая на невидимую кнопку.

— Вы — не люди! Вы — души, и вы должны помнить об этом, — чеканил он. — Не пачкайте перстов, удел которых перебирать небесные струны. Не дайте ногам вашим увязнуть в болотистой топи, ногам, чья судьба — идти по золотым улицам. Восстань и воспари над толпой, человек, воспари над землей, и ангелы воспоют с тобой!

Отец Джей, в силу давнего знакомства пилот звал преподобного Якоба Рехельбахера по-свойски, с шумом выдохнул и начал листать книгу в поисках подходящего псалма. Внимавшие проповеди прихожане тоже расслабились и начали шушукаться. Даже айвики зашевелились, с их скамейки поднялась женщина, вышла в проход и — никто и глазом моргнуть не успел — забралась на кафедру, встав рядом с пастором.

Опешивший было преподобный быстро нашелся:

— Вы видите дочь дикого народа — я вижу душу! Душу, чьи уста глаголят от избытка сердца. Говори же, сестра, а мы послушаем.

Он сделал приглашающий жест и отступил назад. Плоское лицо женщины было покрыто испариной, глаза бегали из стороны в сторону. Она откашлялась и изрекла:

— Я любила моржа.

Кое-кто из прихожан не удержался от смешка, но айвинка продолжала.

— Я любила моржа. Я убила моржа. — Голос ее начал звенеть и срываться. — Я боролась моржа, я убила моржа, я морж теперь. Убей моржа!

С этими словами она выхватила из-за пояса длиннющий костяной нож и патетическим жестом протянула его Рехельбахеру. Пастор отдернулся в сторону. Женщина шустро отбежала от него и заголосила: «Убей! Убей! Убей!». С передней скамейки к ней метнулись очнувшиеся от шока мужики, а следом за ними — айвики. Безумная дикарка затряслась всем телом, истошно завизжала и полоснула себя ножом по горлу.

Не успевшие остановить ее прихожане рванулись назад, уклоняясь от хлынувшего фонтана крови, и наткнулись на айвиков, которые выхватили ножи — обычные, стальные — и начали суматошно колоть ими несчастных. На подмогу доброхотам подскочили другие ряды, навалившись на дикарей и выкручивая им руки. Поднялся страшный шум, женщины подхватили детей и, роняя скамейки, толпой повалили к выходу. Над всем этим бардаком громыхал голос пастора, пытавшегося навести подобие порядка. Влепив окровавленным пудовым кулачищем в лоб айвику, остервенело тянувшегося зацепить его ножиком, он требовал остановиться и не осквернять более святое место.

Седлунд, вытащив из-под ног напиравшей толпы какую-то очкастую девицу, прижался с ней к стене и потихоньку пробирался к выходу, когда на улице застучали винтовочные выстрелы.

Услышав крики, Миша вскочил, погрозил кулаком ребятам — товар не замай! — и высунул нос наружу. Увидев хлынувшую из дверей церкви толпу, он дернулся было выяснить, что происходит, но замешкался, услышав рев моторов.

Из-за поворота выскочил грязно-белый пикап и остановился, перегородив проезд. Точно такой же закрипел тормозами с другой стороны. Из машин с гортанными воплями посыпались айвики и, растянувшись в шеренгу, открыли пальбу по выбежавшим из церкви

людям.

Несчастные в ужасе хлынули обратно, толкаясь, падая и поднимая друг друга. Какая-то девчонка попыталась убежать, но, не сделав и двух шагов, нелепо взмахнула руками и рухнула навзничь.

Менее чем за минуту все было кончено. Когда последний уцелевший скрылся внутри церкви, айвики расселись вокруг машин и затихли.

Увидев вооруженных дикарей, Миша судорожно отпрянул назад и захлопнул дверь. Выстрелы заставили его сжаться и повалиться на пол; рядом грохнулся владелец «Трактира», увлекая за собой стоящих поблизости пацанов. Остальные сообразили упасть сами.

— Что за хрень? — зашипел Гривхольм, проворно отползая за стойку.

— Айвики. Там люди из церкви повалили, это по ним, наверное.

— Вот уроды. Но им же сейчас триндец, пальбу все слышали.

— Не знаю. Куда тебя несет, проказа! — Миша ухватил за ногу шустрого юнца, поползшего было к окну. — Пулю словить решил?

Двое близнецов, совсем малыши, скривили губы и заревели. Остальные, услышав крики, прижались друг к другу и застыли, в ужасе глядя на дверь.

— Сваливать надо, — Миша облизал пересохшие губы и принялся копать в рюкзаке.

— Куда? — огрызнулся Гривхольм. — Там людей убивают.

— Ты понимаешь, что мы следующие?

— А что ты предлагаешь?!

Миша выдохнул, вдохнул и как мог, спокойно произнес:

— Джи, давай без паники? Начнем дергаться — сами сдохнем и дети с нами.

— Давай без паники. Ты предлагаешь бежать наружу, где нас запалят и пристрелят?

— Дворами уйдем?

— Не уйдем. Заборчик низкий, за ним не спрячешься, а дальше колодец и другая улица. Как думаешь, это только на церковь напали?

— Сомневаюсь. Если они не самоубийцы, то атакуют весь город разом. Хотя ума не приложу, кому и зачем это нужно. Там Стиг еще...

И тут одного из парнишек прорвало. Закричав «Мама! Моя мама там!», он бросился ко входу и замолотил по двери кулаками. Гривхольм торопливо оттащил его, сорвал со стены рукомойник и окатил холодной водой, но было поздно — пацаны вскочили

и метнулись наружу через черный ход.

Схватив рюкзак, Миша торопливо вытряс его содержимое на пол, поднял перевязанный резинкой целлофановый пакет с «Глоком» и побежал следом. Дети стояли посреди заднего двора и растерянно озирались. Выстрелы стихли.

— Слушайте меня, — прошипел Миша, обращаясь к тому живчику, что заказывал книги. — Объясняю один раз, но как взрослым. Это бандиты. Они убивают людей. Все как в книжках, только взаправду. Это понятно?

Ребята испуганно закивали.

— Я не знаю, что с вашими мамами и папами. Но они за себя постоять могут. Вы — нет. Поэтому! Ты, ты и ты — ползком к забору и попытайтесь тихо выломать доски. Хотя стоп! — черта с два вы их выломаете тихо. Тогда залегли здесь, прямо под стеной, и чтобы ни звука. Я пойду на разведку. Если крикну «Тревога!» — вскакиваете и врассыпную через забор. Врассыпную, не вместе.

Миша хотел добавить: «Если кто-то упадет, не пытайтесь поднять», но поморщился и не стал. Подполз к дальней стене дома, приник к земле и осторожно выглянул за угол. Пацаны послушно скорчились под стенкой заведения, из которого вышел Гривхольм, почему-то один, и сел на землю рядом с ними. Улицу видно было плохо, оставалось лишь надеяться, что и его оттуда не заметят. Разглядел только крышу пикапа и неясное шевеление рядом.

— Что с пацаном? — шепнул он Гривхольму, вернувшись под защиту стены.

— Беда, — севшим голосом отозвался тот. — Отключился и едва дышит.

— Куда ты его дел?

— Лежит у входа.

— Ладно, с ним потом. Отсюда не видно ничего. У тебя чердак есть?

— Есть маленький. В туалете на потолке люк. Но там только если на четвереньках, и заставлено все.

— Да плевать. Оружие?

Владелец «Трактира» виновато потупился:

— Дробовик есть, да там спуск сломан... все собирался починить.

— Держи тогда пистолет, я наверх.

— А может, и пацанов там спрячем?

— А если они дома жечь начнут? Сидите здесь, если что —

просто бегите.

Миша проскользнул внутрь трактира, по стенке прокрался к туалету, забрался с ногами на белоснежный унитаз — видел бы это Джи! — и, дотянувшись до крючка, открыл люк. Подтянулся, пролез внутрь, тут же дважды чихнул от попавшей в нос пыли. Дав глазам привыкнуть к темноте, пополз в направлении улицы.

Увы, стенка была сплошной — ни щелки, ни дырки от сучка. Да и глупо было ожидать, что хозяйственный Гривхольм потерпит такое безобразие в своем доме. Миша шепотом выругался. Полегчало не сильно. Идей не было вообще. Сидеть и ждать, пока этим психам придет в голову обратить внимание на веселый ресторанчик, где точно есть, чем поживиться? Бежать, надеясь на удачу? Будь он один, так бы и сделал. Но дети. И Стиг, и Джи. Русские своих не бросают, а?

Невеселые размышления прервал громкий шепот из люка: «Мистер Майк! Мистер Гривхольм просит передать, что сзади стреляют, и дым столбом, пожар, наверное».

Еще раз выругавшись, Миша сполз вниз и вышел на задний двор.

***

В церкви совещались. Поднявшуюся было панику пресек своим авторитетом пастор, без обиняков пообещав выкинуть наружу всех, кто будет шуметь и дергаться. Избитых айвиков обезоружили и связали запасной колокольной веревкой. Вход и окна заложили скамьями, после чего сели перевязать раны и обсудить создавшееся положение.

Само собой, ружья и пистолеты все оставили дома. Ножей было в избытке, но что толку? Вдобавок хватало раненых, и семеро из них грозили отдать Богу душу в самое ближайшее время.

— Моей властью, духовной и светской, я настаиваю на том, чтобы выйти и попытаться поговорить с ними, — рычал Рехельбахер. — Они чего-то хотят, просто так такие вещи никто не делает. Ergo, это можно обсудить.

— А если они хотят нас всех перебить? — резонно возражал Сюнсен, пожилой рыжеволосый дровосек, чья жена лежала мертвой на площади перед храмом. — Они нас взяли со спущенными штанами. Чего им стоит поджечь церковь, остальных пострелять поодиночке, забрать все добро и сгинуть туда, откуда появились?!

— А что ты предлагаешь, Сюсси?! Сидеть и ждать, пока наших жен и детей убивают?

— Я предлагаю — ножи в руки и прорываться. Закроемся вон скамьями теми же, как получится. Ну, кого-то заденет, конечно... Но не переговоры же вести с этими ублюдками.

— Мередит! Миссис Джеймсон! Расскажите еще раз — что вы успели увидеть.

Шустрая голубоглазая старушка, шмыгая носом, доложила:

— Два пикапа, бежевых таких. Один со стороны реки приехал, другой не видела, откуда. С них айвики попрыгали и начали стрелять по нам. Я мисс Сато подхватила под руку, потащила внутрь, а она как упадет, я гляжу, а половины черепа у бедняжки как не бывало...

— Достаточно, достаточно, — торопливо перебил ее пастор. — Вообще ты прав, Сюс. Но нам бы понять, что там сейчас. Если мы аккуратно отодвинем вон ту скамейку от окна...

— Получите пулю, — вмешался Стиг. — Я уверен, что они глаз не сводят с церкви. И, кстати, мало что увидите. А вас не удивляет, что они до сих пор не отрубили генератор?

— Может, не знают, как?

— Сомневаюсь, преподобный, сомневаюсь. У вас найдется еще одна длинная веревка?

— Сомневаюсь, — передразнил его пастор.

— Тогда... кто помоложе? Скамейку к стене поставьте и забирайтесь под купол. Попробуйте открыть там окно. Сделаете бесшумно — медаль дам. Потом. А хотя фиг вам, а не медаль, сам полезу.

С этими словами пилот взобрался по подставленной скамейке под купол, осторожно приоткрыл окно, достал из-за пазухи смартфон, высунул его наружу и поводил из стороны в сторону. Подождав немного, открыл противоположное и повторил операцию. Убедившись в результате, с победным видом сполз вниз и продемонстрировал всем экран.

— Техника, друзья мои! — на видео было отлично видно, что пикапы так и стоят на площади, перегораживая две из трех ведущих к ней улиц. Айвики неподвижно сидели под ними, по десятку у каждого. Трупы, похоже, никто не трогал. Дома у леса горели, даже на записи отчетливо слышались выстрелы. С речной стороны все было тихо.

— Ты нам самим Богом послан, — довольно ответил преподобный. — Давайте тогда удивим их, подобно Гедеону, что

с тремя сотнями одолел нечестивцев. Наше слабое место — двери, — нахмурился он. — Через них не больше трех человек разом пройдет. А этих двадцать, успеют очухаться.

— Да что там говорить, — вмешался ражий весельчак Скотт, стороживший связанных айвиков. — Встаем в три шеренги, помолились, и бежим. Поделится по ходу. Всех не перестреляют.

— А мы, как двери откроются, ведра скинем из верхнего окна. Надо только сплющить заранее, чтобы пролезли. Может, и отвлечем их хоть на секунду, — вмешалась его сестра Лиз-Энн.

Рехельбахер оглядел всех собравшихся.

— Хорошо. Давайте тогда... разбираем баррикаду, строимся, молимся и вперед. Пока заботиться не успели. — ухмыльнулся он. — Укрепим же души наши!

«Ближе, Господь, к Тебе...» — тихонько завел он старый хорал. — «Ближе к Тебе. Хоть бы крестом...».

В этот момент на площади прогремели три взрыва, слышались крики, а спустя еще пару секунд заполошно защелкали выстрелы. Лиз-Энн, не обращая внимания на окрик брата, выглянула в подкупольное окошко и торжествующе завопила:

— Их всех взорвали!

***

С той стороны Джейнсу, где Миша ни разу не бывал, в небо поднималось три столпа дыма. Стреляли очередями и одиночными. Дети сгруппировались вокруг Гривхольма, который с мрачным видом прислушивался к происходящему.

— Что там? — нервно спросил он Мишу, вставая с ящика.

— Не увидел ничего. Может, ты посмотришь? Должен знать, где у тебя заветная дырочка.

— Нет у меня дырочек, — не принял шутку Гривхольм. — Давай тогда малышня на чердак, и попробуем дождаться наших.

— Чердак не вариант, это западня. На кухню, а сами прикрывать с пистолетом. Свою пушку тоже возьми, хотя бы блефанешь. Оттуда выберутся, если что?

— Да, через окно. Ай! Что за черт?!

Гривхольм сморщился и схватился за правый глаз. Миша взял пистолет у него из рук и суетливо оглянулся.

— Меня ослепило что-то.

Один из сидевших пацанов требовательно задергал Мишу за штанину, и когда тот обернулся, показал на землю перед ним. На ней крутил «восьмерки» солнечный зайчик. Миша еще раз огляделся и заметил, что из мансардного окна соседнего дома кто-то подает сигналы зеркальцем.

Помедлив, он помахал в ответ рукой. Из-за занавески осторожно выглянул давнишний незнакомец, встретился с ним глазами, приложил палец к губам, потом несколько раз ткнул им вниз. Миша на всякий случай кивнул. Тот пропал, через полминуты выглянул из-за дома, показал гранату и изобразил, будто кидает ее.

Миша развел руками и скорчил рожу, призванную выразить крайнюю растерянность и непонимание. В ответ его безмолвный собеседник махнул рукой, показал пальцем на Мишу, сделал вид, что стреляет из пистолета и прячется под одеялом.

— Прикрой его, — подсказал наблюдавший за этой пантомимой Гривхольм. — Он, наверное, с той стороны пришел. Может, и не один.

Миша скрылся в доме и через полминуты появился вновь с гарнитурой в ухе и разделочной доской, на которой кетчупом было намалевано «124.5». Мужик с гранатой ухмыльнулся и достал рацию:

— Сколько их там?

— Не знаю. Мы чудом живы еще, дети нашумели.

— Детей в дом и не выпускать. Эти с леса идут, но их встретили там, держимся пока. Пистолетом владеешь или так, для спокойствия?

— Ну... стрелять умею.

— А попадать? Ладно, хорош болтать. Пока они там у пикапов тупят — я из-за забора их гранатами забросаю, а дальше твоя очередь: прикрыть и добить. Я с карабином тоже подключусь. У Джи оружие есть?

— Сломано.

— Тогда в трактир и за детьми следить. Легли за стойкой и не вылезать, пока не скажу. Все понял? Повтори.

— Ты гранаты, я стреляю, Гривхольм за стойку с детьми.

— Все, молодец, на позицию и будь на связи. Да не туда — давай к дальнему углу.

Миша прижался к стенке и приготовился к бою. С появлением явно опытного бойца настроение повысилось, но почему-то стало страшнее. По людям он никогда еще не стрелял, да и вообще в тир заходил полгода назад, со скуки. Хотя все должно быть просто: взрываются гранаты, под шумок он высовывается и разряжает

обойму. Или магазин? Какая, нафиг, разница.

Ожила гарнитура:

— Готов? Не бойся, судя по рожам, у них отходняк, очухаться не успеют. И не суйся, пока не скажу.

Взрывы прозвучали совсем не так громко, как он ожидал. А вот айвики заверещали дико, и, перекрывая их крики, словно щелчки кнута, захлопали выстрелы. Услышав команду, Миша, задержав дыхание, выбежал из-за угла, упал на колени и выпустил все, что было в «Глоке», в направлении немногих оставшихся стоять дикарей, стараясь не жмуриться и возвращать на место нещадно, как ему казалось, прыгающий ствол.

Упав, он заполз обратно за угол и подбежал к Гривхольму, с надеждой обернувшегося к нему. Пожал плечами, неловко взъерошил волосы кому-то из пацанов и сел на пол рядом. С улицы донеслось еще несколько выстрелов, а потом незнакомец скомандовал Мише выходить, а детей не выпускать ни в коем случае, и чтобы от окон подальше держались.

Когда Миша отправил остатки завтрака в канаву и, отдуваясь, подошел к стрелку, из открывшихся дверей церкви выбежали мощный дядька в черном костюме с белым подворотничком, Стиг и толсторожий детина — все с ножами наголо. Предполагаемый пастор при виде учиненной бойни пошатнулся, ни говоря ни слова, развернулся и скрылся за дверью, захлопнув ее за собой. Стиг и крестьянин поспешили к канаве. Стрелок, надевший зачем-то черные очки и перезарядивший карабин, пригласил всех вернуться в церковь.

— Здравствуйте, — начал он, не дожидаясь, пока утихнет гомон. — Буду краток, потому что времени мало. Айвики прут из леса, что с ними — пока не понятно. Агрессивные, скажем так, нехарактерно. Предлагаю вывезти детей, стариков и тяжелораненых. Сначала ко мне, потом будем думать. Сейчас раздумывать некогда, у почты бой, сколько там ребята продержатся, никто не знает. С вас бензин сейчас, патроны и еда на всех потом.

— Все к тебе не влезут... — скептически прищурился пастор.

— В два рейса.

— А если на нескольких?

— Не проедете.

— Может, кто другой отвезет? А ты бы тут помог.

— Насчет «помог» поговорим потом, отец Джей.

Пастор махнул рукой и согласился. Незнакомец ушел

за машиной, а жители начали собирать детей в дорогу. Миша запоздало удивился, насколько хладнокровно они реагируют на происшедшее — и происходящее! Вон, девчата детвору успокаивают, с ними старики какой-то, мужское население поделилось на два отряда: что побольше на подмогу обороняющимся побежал, другой за бензином. Женщины помчались одежду и еду в дорогу собирать. Не, молодцы, не паникуют.

Они со Стигом вышли наружу, торопливо отвернулись и спрятались от ветра за стеной. Разговаривать не хотелось. Шок от случившегося проходил, хотелось упасть ничком, уткнуться лбом в холодную землю и стереть из памяти все, что случилось.

Из-за поворота величаво вырулил грузовик — да какой! Самое настоящее ретро, Вторая Мировая или сразу после нее. Весь защитного цвета, кабину словно топором вырубали, здоровые колеса, фары им под стать: стиль «да-а-а, таких сейчас не делают». С утробным гудением грузовик сдал задом к церковным дверям. Выскочивший водитель деловито принялся помогать детишкам забираться в кунг, отвешивая отеческого «леща» любопытным, пытавшимся выглянуть наружу.

Хлопнув себя по лбу, Миша побежал в трактир, где Гривхольм уже вовсю поил пацанов кофе с домашним печеньем. В двух словах объяснив ему суть дела, он глотнул воды и подбежал к грузовику:

— Тебя как зовут-то, командир?

— Я тебе не командир, — оценивающе оглядел Мишу стрелок.
— А зовут, к примеру, Сергеем.

— Так ты наш! А я Миша. — обрадовался он. — Что хоть там случилось, чего они полезли?

Сергей помолчал, потом словно нехотя ответил:

— Кто бы знал, какая им вожжа под хвост попала. Погоди — ты же пилот? Эти... крылатый магазин?

— Ну, типа да. Стиг пилот, а я вроде помощника.

— Так чего ждете тогда?! Ноги в руки и в Ньюэнк за подмогой. Тут этот колхоз сам не справится, точно тебе говорю. Пусть усиление шлют, с пулеметами. Только, у тебя смартфон есть? Отлично, я тебе сейчас видео одно перекину, а ты его прямиком шефу рейнджеров неси, на Симмонс-авеню, знаешь? Смотри лишнему никому не показывай.

— Погоди, а с Гривхольмом еще пацаны, их кто заберет?

— Пацаны подождут, и так полный кунг пионеров. Зови Стига своего, и поехали.

Вместо привычных сидений в кабине стояло что-то вроде дивана. Миша и его друг с трудом утеснились справа от водителя, стараясь не задевать ногами за торчащие из пола рычаги. Кабина внушала уважение: крепления для оружия над дверями, огромный руль в ободранной желтой оплетке, здоровенные циферблаты приборов за толстыми стеклами.

Сергей повернул ключ и начал часто давить на педаль. Двигатель забурчал, в кабине запахло бензином, водитель с хрустом вставил передачу и грузовик покати́л по улице.

— Это что за зверь? — спросил Миша, кивая на панель.

— Правда, что ль, не знаешь? — покосился на него водитель. — А еще наш. Молодежь, блин... Держи свой телефон, приехали. Встретимся — покатаю.

Он засмеялся, торопливо пожал друзьям руки и укатил прочь.

— Блин, рюкзак забыл, — хлопнул себя по ноге Миша.

— Не возвращаться же? Пистолет есть, рация есть, и хватит с тебя. Погна́ли «Пайпера» заводить, нам до темноты нужно успеть.

— Давай быстрее тогда. А что они подкрепление по рации не вызвали?

— Ты не слышал, что ли? Не пробивает. Причем Ньюэнк слышно отлично, а отсюда ничего не проходит. Ни голосом, ни ключом. Опа! А это кто?!

Стоявший у самолета человек обернулся. Это был смотритель аэродрома. Из-за его спины боязливо вышел мальчуган лет трех-четырёх, исподлобья посмотрел на Мишу и закрыл лицо руками.

— Ребята, слушайте, ребята, — умоляющим голосом протянул Спаркс. — Возьмите его с собой? Это внук мой, гостит у меня.

— Ты чего, Спарки? Куда мы его денем?

— Так к матери же! Она в Ньюэнке живет, Биг-Бер-роуд, 11. Чего вам стоит? Видите, что здесь творится...

— Отправь со следующим грузовиком.

— Да что тебе, в самом деле? — вмешался Миша. — Для «Суперкаба» это не вес. Я его на колени посажу.

— Смотри сам, — с сомнением ответил Стик. — Пусть только в туалет сходит перед вылетом. Хотя у Майка штаны модные, может, и выдержат.

— Энди, ну что, полетишь с дядями к маме? Не бойся, они добрые.

Малыш насупился, но кивнул.

— Вот и славно. Беги облегчись перед дорогой, а я тебе

покушать и попить соберу.

Седлунд только вздохнул.

Стараясь не торопиться, они осмотрели самолет перед полетом. Пилот залез в кабину, а Миша остался наводить мосты с Энди, а заодно следить, чтобы тот не подходил к пропеллеру. Прибежавший Спаркс всучил ему бутылку с брусничным морсом и пакет с толсто нарезанными сэндвичами, расцеловал внука, крепко пожал руку Мише и еще раз объяснил, как найти маму малыша.

Наконец Миша уселся на свое место и принял на руки Энди, который тут же потянулся к тумблерам зажигания. Самолет медленно вырулил к началу полосы. Стиг что есть силы выжал тормоза, плавно прибавил тягу. «Пайпер» словно нехотя поднял хвост и, прокатившись с треть дистанции, оторвался от земли и уверенно начал набирать высоту.

Через час заметно стемнело. Энди схомячил почти все сэндвичи, усыпав крошками полсамолета, и мирно сопел на Мишином плече. Неловко просунув руку за пазуху, Миша вытащил телефон и открыл перекинутое ему видео.

... Звука не было, и от этого было еще страшнее. Айвики, в своих странных костюмах, группами по два-три человека выбегали откуда-то из-под оператора и как белки карабкались на деревья, стреляя с веток по невидимому противнику. Время от времени кто-то спускался вниз и садился на землю, больше не обращая внимания ни на что. Но среди дикарей мелькали и другие. Странные. Миша, сколько не вглядывался, не мог понять — то ли костюм, то ли краска на коже, то ли?.. Словно сама тень приняла форму человека. И хотя в руках у них не было оружия, Миша взмолился всем угодникам, чтобы никогда не встретить такое лицом к лицу.

Ролик закончился. Он выглянул наружу. Густо-синее небо прорезали кумачовые сполохи заходящего солнца. Внизу, насколько хватало взора, царила тайга — хмурая, враждебная всему, что смеет тревожить ее угрюмый покой.

Он вдруг представил, как жмутся друг к другу в холодном, скачущем на ухабах грузовике испуганные ребята: без дома, без родителей — кто-то навсегда — на пути неизвестно куда. В носу защипало. Хотелось схватить самый большой на свете пулемет и на ключья размочалить любого, кто посмеет их обидеть. Кого бы там не изbleвала тьма в своей бессильной ненависти к победившему ее человеку.

— Стиг, — он подергал пилота за плечо, помолчал и выпалил

на выдохе: — Стик, я в рейнджеры запишусь. Ты со мной?

© *Алексей Смирнов*

Ирина Сверкунова

ПЕСНЯ БЛАЖЕННОЙ АРФЫ

Протяжный вой пронесся где-то рядом, отражаясь эхом среди гулкой пустоты. Мертвая зона испуганно закопошилась. Встревоженные ушаны разлепили крылья и со свистом взметнулись вверх.

— Чтоб вас... Отродье, — тихо выругался проводник и пригнулся ниже. — Не высывайся, — бросил он Шварцу и растянулся на грязном полу, выглядывая из дыры в разбитой двери.

Коротко взвыла сигнальная сирена, и почти одновременно черное небо изрезалось лучами. Вслед за сиреной раздался ровный механический голос:

— Говорит станция «Вектор-Хризолит». В зоне наблюдения чисто. В случае прямого столкновения действует инструкция АН-3. В бункере Z вы найдете все необходимое. Сохраняйте спокойствие и следуйте к бункеру Z.

Проводник прищурился и внимательно пригляделся. В сотне метрах от него, на острие огромной кучи из разломанных плит и кирпича что-то зашевелилось. Плавный луч прожектора проплыл по наваленной насыпи и выхватил из темноты медленно поднимающуюся фигуру, колыхающуюся, словно студень.

— Разбудили... Твою жить, — сипло прошептал он в сторону.

— Где?

— А вон, глядь, чуть правее. Потерпи, щас фонарь посветит.

— Прожектор.

— Пф-ф-ф... Тоже мне, прожектор... Во-о-о, гляди.

Серая нежить в ярком свете прожектора выгнула спину и взмахнула ошметками рваных крыльев. Руки, покрытые узлами-наростами, медленно ощупали воздух. Белые глаза на бесформенном лице с тяжелой челюстью оглядели пустоту.

— Видал такого? То-то же... — с гордостью произнес мужик, точно похвастался собственной коровой. Его сосед, не веря глазам, потянулся вперед, сквозь дыру в заколоченной двери. Но крепкий хват руки рывком утанул его назад.

— Ты куда? — зашипел мужик и с силой надавил на его плечо. — Жить надоело?

Существо неуверенно поводило головой. Рваные крылья несколько раз встрепелулись и опять опустились грязными лохмотьями.

— Ш-ш-ш, не шевелись, — еле слышно прошептал мужик, и внутри полуразрушенной постройки воцарилась тишина. Нежить потопталась на месте, раздраженно ощерилась и еще раз прислушалась. Голод не давал покоя, требуя белка и насыщенных жиров, того, что так в избытке в человеческом мясе. Слабые крылья, после месячной спячки на дне разлома, вероятнее всего поднимут его в небо, но заберут последние силы. Поэтому надежда только на нюх.

Приплюснутый нос с широкими ноздрями беспрестанно втягивал воздух, как морская губка соленую воду, распознавая жизнь вокруг до молекул. Нежить вздохнула глубже и тяжело закрутила головой, ловя слабые, еле ощутимые струйки запаха спасительной еды, затаившейся где-то рядом. Кожу нежити пощипывало от витающего вокруг аромата человеческого белка.

— Приперло парня. Не отстанет, — опять зашептал мужик.

— Он знает, где мы? — Тревожно спросил его спутник.

Мужик неуверенно помолчал и через пару секунд ответил:

— Не думаю. Огородки у меня крепкие. Арфа проверяла... Опять не веришь? Зря ты так. На моих огородках три деревни держится. Эх ты, авторитет.

— Я не авторитет, а инженер-акустик.

— Вот я и говорю авторитет. Типичный.

Парень обреченно вздохнул.

— Если из сектора Выживших, значит авторитет?

Мужик не ответил и потянул носом. В воздухе запахло пережаренным мясом. Аромат проплыл мимо строения и густой волной поднялся до насыпи, расплываясь во все стороны и щели. Нежить тихо захрипела. Зарычала, негромко, будто собака на привязи, почуявшая опасность. Взметнула крыльями и с легкостью блохи прыгнула на несколько метров вверх.

— Ур-р-родина, — брезгливо поморщился мужик и покосился на Шварца, пялившегося на нежить. С открытым ртом и немым восторгом.

Застывшая в воздухе тварь фосфоресцирующе вспыхнула и выпустила в пространство облачко искр.

— Газы выпустила, — злорадно обрадовался мужик.

— Мать вашу... Ей что, пофиг на все законы? Ей все по барабану? — Хрипло прошептал парень. — Это же стоп-кадр из

коллекции сюр... Бред мироздания!

Обезбашенной от голода нежити было начихать на земные законы притяжения. Без движения повиснув над насыпью, крылатая тварь с шумом вздохнула и завывала, вертя головой во все стороны.

— Где сенсёры? — тревожно нахмурился мужик.

— Сенсёры? — переспросил Шварц.

— Ну да. Вначале на станции газ пускают, чтобы разозлить ее и обнаружить месторасположение, потом она сама свои газы выпускает. Это у нее реакция, значит, на пищу. А после включают сенсёры.

— А-а-а, сенсоры...

Короткий и резкий вой сирены заставил вздрогнуть. Люди непроизвольно пригнули головы и пропустили шлейф от залпа сенсорной установки. Все, что через пару секунд успел увидеть Шварц, это раскромсанные клочья плоти, разлетевшиеся по воздуху неопрятным фейерверком.

— Вот и угомонилась, пташка-замарашка, — удовлетворенно пробормотал мужик и развернулся в другую сторону, глядя в глубину комнаты. — Арфа, просыпайся.

В темном углу зашебуршило, и кто-то сонно, сладко зевнул. Шварц тихонько засмеялся.

— Ну и человек. Тут такое, а ей хоть бы хны.

— Это тебе в новинку, а для нее привычно, — ответил мужик и еще раз негромко позвал:

— Арфа, вставай. Пора идти.

Фары прожектора напоследок дернулись в небо. Коротко взвизгнула сирена, и огромная изрытая территория погрузилась в темноту.

— Пирожки хотите? — раздалось у самого уха Шварца. В дверную дыру просунулась еще одна голова, вся в мелких золотистых кудряшках и с торчащим гребнем на макушке.

— Не до пирожков сейчас, — проворчал мужик. — Вещи собрала?

— Угу, — серые глаза внимательно оглядели территорию. — Па, я же просила разбудить.

— А чего ты тут не видела?

— Ну, ты и спать. Здесь все выло, как в аду, — удивился Шварц.

— Умаялась, — ответил за дочь мужик.

Через полчаса дорожка, огибающая горы ржавого металла, свернула в сторону и уперлась в ограждение из скрученной

проводами.

— Влево бери. Там дыра, — сказал мужик. Проползли через неприметный лаз, отряхнулись и двинулись по бурьяну. За спинами людей опять коротко взвизгнула сирена и механический голос привычно отрапортовал:

— Говорит станция «Вектор-Хризолит». В зоне наблюдения чисто. В случае прямого столкновения действует инструкция...

Мужик презрительно фыркнул и поморщился.

— Можно подумать, что они скажут по-другому, что в зоне наблюдения уже пятьдесят лет, как не чисто... Ублюдки. Сапрофаги недобитые. По мне, так надо говорить честно и открыто — в нашей зоне бардак, грязно и воняет.

Под ногами зашуршал потрескавшийся асфальт. Группа вышла на старую дорогу, по одному краю обнесенную сеткой рабицей. Полная луна выплыла из-за черной тучи и равнодушно осветила округу. По другую сторону дороги, через заросли кустарника возвышались корявые остовы разрушенных домов.

Шварц растерянно огляделся.

— Что-то спросить хочешь? — Арфа подошла сзади. Как всегда — неслышно, без единого шороха, шелеста и звука, но опять — неожиданно. Будто тебе в лицо выплеснули полведерка ледяной воды. Шварц вздрогнул и отвел глаза.

— Предупреждать надо.

Девчонка хмыкнула, склонив голову набок, и состроила смешную мордочку.

— Ладно. Давай свой огорожок. А то к концу путешествия заикой станешь.

— Параноиком я стану к концу путешествия или паралитиком, — заворчал Шварц, вытаскивая из-за пазухи тяжелый амулет на тонком кожаном ремешке — пузатый металлический предмет, размером с пол-ладони и расписанный узорами, как ярмарочная игрушка.

— Не снимай, — тихо остановила его девчонка. Взяла в ладони огорожок и что-то зашептала, склонив голову у груди Шварца. Мягкие кудряшки защекотали по шее, и он тихо засмеялся.

— Ш-ш-ш, не шуми, — строго нахмурила Арфа стрелки-брови и сверкнула глазами, отчего вдруг сразу стала походить на ведьму.

— Ты настоящая... — прошептал он ей в ухо, — лесная ведьма.

— Хорошо, что сам догадался. Не мешай.

Парень послушно замолчал. Тихое бормотание девчонки

завораживало. Шварц попытался разобраться в ее шепоте, пока не почувствовал, как зазвенела голова.

— Вот и хорошо, — кивнула Арфа.

— Наколдовала?

— Угу.

— Эй, что вы там застряли, — крикнул мужик и махнул рукой. Арфа и Шварц прибавили шаг.

Поперек тропинки, перегораживая путь, валялся старый покореженный щит. Шварц нагнулся и вытащил зажигалку. Прочитать стертую, выжженную огнем надпись не удалось, кроме заглавной буквы «К».

— Копино-Задолье, — подсказала Арфа.

— Точно, Копино-Задолье... Слушай, о вас так мало информации. Пока искал документы по комплексу «Вектор», чуть не чокнулся. Черная дыра. В открытом доступе болтается один мертвый сайт.

— Тот, кто тебя сюда послал, наверняка должен был что-то знать.

— Значит, мало знал, потому и послал, — криво улыбнулся Шварц.

— Нет региона — нет информации, — хмуро ответила Арфа.

— Ну, по Сибирскому узлу еще можно что-то найти. Хотя тоже мелочь и ни о чем. Тебе сколько лет? — спросил Шварц.

— Девятнадцать. А тебе?

— Двадцать четыре.

Мужик, обогнавший их не меньше, чем на десяток метров, обернулся и крикнул через плечо:

— Врет. Двадцать восемь ему.

Шварц удивленно хлопнул глазами.

— У него звуковые фильтры в ушах?

— Если нужно — он слышит. Он сенсёр.

Виктор немного подумал, переваривая малопонятную новость и, на всякий случай, спросил:

— А ты?

Арфа промолчала, неловко пожав плечами.

Полная луна на небе накрылась темной рябью облака, а через секунду благополучно спряталась в ее густой пелене. Шварц тихонько выругался.

— Ну и темень, блин, плохо без фонарика. Если б знал... Где мы? — Шварц нахмурился и быстро защелкал зажигалкой.

— Сейчас увидишь, идем, — в нескольких метрах от них выросла машина черного здания. — Нам сюда, в арку.

Шварц подслеповато моргнул и только сейчас заметил проем в здании. Арфа придержала его рукой, давая понять, что нужно остановиться, и первой вошла внутрь. Виктор поежился и быстро вытащил старый фонарик из накладного кармана штанов. После странного запрета мужика-проводника на новенький пульт с гелиевым зарядом, приходилось по-глупому экономить простую щелочную батарейку. Арфа, в отличие от него легко обходилась без фонарика, прыгая в темноте по кирпичам и колдобинам.

Выбежав вместе с девчонкой из арки, Виктор мимоходом огляделся. И невольно остановился. Прямо перед ним нависла одинокая стена с черными, пустыми квадратами окон. В нескольких метрах от нее стояла другая стена, а в промежутках между ними просматривались развалины.

— Это разлом? — хрипло, осевшим голосом спросил он у Арфы.

— Нет. Это городище. Разлом — другое... Ты впервые в таком месте?

Виктор кивнул. Луна выплыла из-за тучи и без жалости осветила жуткую картину, проступившую в пространстве. Шварц прокашлялся и вздрогнул — вдалеке пронесся заунывный вой.

— Волки? — шепотом спросил он у Арфы.

— Не-е, у нас волков нет, — улыбнулась девчонка.

— А кто это, если не волки?

— Упыри.

— Может, упыри, а может, Бездушные, — оглянулся мужик. — Мертвятину им уже поперек горла встала, а тут свежати́на ходит.

— Па-а-а, сказки не рассказывай. Бездушные! Тоже, как придумает... В полнолуние? Бездушные?!

Шварц покосился на Арфу, на мужика, не вполне понимая, шутят они, или говорят всерьез.

— А чем тебя полнолуние не устраивает? Думаешь, кто-то боится твоей луны? — ехидно переспросил Иван Федорович.

Невдалеке, в черном проломе разрушенного здания мелькнул блик. Шварц дернул головой... и поморщился. Откуда-то дохнуло запахами спелой клубники вперемешку с тошнотворным амбре разложившейся плоти и бензина. Арфа опять придержала парня рукой. Проводник громко шмыгнул носом и резко остановился. Прямо перед ними на куче битого бетона валялся старый

металлический контейнер, наполовину сложенный гармошкой.

— Метка Фазиля... Твою жить, — выругался мужик и быстро свернул в сторону. — Не отставать.

Передвигались быстро, почти бегом. Обогнули несколько полуразрушенных блоков и выскочили на открытую площадку.

Проводник отошел подальше и зашарил глазами по сторонам. Арфа тревожно уставилась на луну.

— Па, ты заметил? Линейная эманация света с двойной полярностью.

— Заметил, — односложно ответил мужик и нахохлился.

— Но ведь проникновение левитирующих частиц и их влияние на тонкое тело ослабляет эманацию... Па!

— А попроще что-то можно у меня спросить? — отмахнулся от нее отец. — Ты вот лучше сама об этом скажи упырям и Бездушным, а то они еще не знают.

— Ну, как же так, это же ненормально.

— Все-е-е, завелась, родимая, — заворчал на нее мужик. В это время ему на плечо легла рука Шварца. Парень, с открытым ртом, таращился в одну точку и пытался что-то сказать. Невдалеке опять по-волчьи взвыло, а прямо по курсу, растянувшись змеевидной кометой, летел блик.

— Чтоб вас вашей же эманацией... Тьфу ты, накаркали. Бездушные.

Мужик быстро шагнул вперед и рубанул по воздуху рукой, нанося крест.

— Господи, сбереги души наши грешные, ибо каемся мы и готовы к покаянию, — громко воззвал он и еще раз накрест рубанул ладонью.

Слабое шипение тихой струей прокатилось по развалинам. Блик, увиденный Шварцем, повторился вновь. Раздвоился. Пробежал по воздуху парой глянцевых пятен, и вновь разделился на новые блики, как инфузория-туфелька. А потом опять и опять, наполняя пространство мерцающими кляксами.

— Принесла нелегкая. Арфа, держи авторитета за руку, — бросил через плечо мужик.

Блики, плавая в воздухе, на глазах трансформировались в плоть, обретая очертания лиц... черепов?! Масок?! Шварц вздрогнул, но крепкая ладонь девчонки держала крепко.

— Ну, здравствуй, дорогой, — из карусели летающих масок отделилась одна.

— Здорово, Фазиль, — неласково ответил мужик и покосился на остальных Бездушных.

— Невежливо, Иван, — укоризненно качнулась маска из стороны в сторону, а в ее глазницах пробежали красные отблески. — Прояви уважение.

Проводник недовольно крикнул, но сдержался и сделал шаг вперед.

— Здравствуй, Фазиль Разноликий, Милостивый наш... Ты доволен?

Маска растянула «губы» в улыбке и ее глазницы заблестели радостно-желтым.

— Нет. Ты же знаешь, Иван, что мое уважение к тебе простирается далеко. Даже дальше этой поляны. Но хаос требует жертв, — маска вздохнула, и небрежно кивнула на Шварца. — Доставь мне эту радость... Только давай не будем спорить.

— Не будем. Ты, сейчас полетишь своей дорогой, а я пойду своей, — ответил проводник и бросил едва заметный тревожный взгляд на луну.

— Опять пререкаешься, Иван неблагодарный. Воплощение помыслов Забытого требует от меня невероятных сил. Но если у меня получится, то все мы получим свободу, в том числе и ты.

Проводник прищурился и подался вперед, вглядываясь в маску.

— Фазиль, у меня подозрение, что сегодня на завтрак ты что-то покурил.

Желтая радость в глазницах в мгновение растворилась и сменилась чернотой.

— Моя плоть не синтезирует запахи.

— У тебя есть плоть, Фазиль Разноликий? Не знал.

— Нарываешься, — коротко ответила маска и блеснула пронзительной синевой глазниц. Маски позади Фазили вспыхнули глянцем. Сгруппировались ровной шахматной цепью и медленно двинулись на людей.

Арфа крепче сжала руку парня. Шварц напрягся. А мужик сердито набычился. Но вежливо ответил:

— Что ты, Фазиль, как раз наоборот. Я тебя жалею. Так что кончай балаган и пропусти нас.

— Плати и топай.

Маски, как по сигналу перегруппировались и взвились широким кругом, опоясывая людей. Однако держали дистанцию.

— Убери холуев, Разноликий. Зачем нам ссориться? Сегодня мой путь.

— Ты мне здесь всю атмосферу крестами порезал. А это три дня без охоты, сам знаешь, — маска хищно прищурилась прорезями «глаз».

— Знаю, — сердито огрызнулся мужик. — Я многое что знаю. Про ловушки на дорогах знаю, вон, светятся, так, что не жалуйся.

Маска небрежно фыркнула и растянула в улыбке черные «губы».

— Вот именно. Светятся. И ты их прекрасно видишь. Тогда что тебе мешало взять, и просто обойти?

— Не говори глупостей. Ты мне гарантий не давал, что все твои ловушки светятся. А если в темную поставил? Не-е, я не могу рисковать.

Маска удивленно вздернула «бровь».

— Гарантии? С каких это пор я должен давать тебе гарантии?

— С тех самых, как мы заключили договор. Фазиль, ты ничего не перепутал?

Маски тревожно вспыхнули красным глянцем и плотнее сжали кольцо вокруг людей.

— Не пугай, Иван.

— Ты тоже не пугай. Я в теме. Пуганный.

Фазиль картинно «распахнул» глазницы с черными огнями и «нахмурил» брови.

— Не забывай, здесь я хозяин, а ты так, мимо проходил. Плати, и иди дальше.

— Угрожаешь? И что ты мне сделаешь, пальчиком погрозит? — спокойно спросил мужик и тихонько засмеялся.

Плотное кольцо масок зашипело и дернулось вверх, встряхивая воздух волной, будто простыней. Каменные блоки и развалины вокруг поляны пластилиново изогнулись и закачались бесформенными тенями. К горлу Шварца подкатил комок желчи, в глазах почернело. Парень застонал и согнулся пополам, ударяясь коленями о землю.

Воздух еще раз вздрогнул... и успокоился. Вокруг стало тихо. Рука мужика медленно достала из-за пазухи огородок. Маски удивленно дернулись и застыли.

— Ты мертвец. Не боишься, что я тебя убью?

— Не сегодня. Посмотри на небо. Сегодня мой закон, и в моем праве забрать территорию, — мужик расплылся в улыбке. — А когда это случится, Арфа призовет Небесный свет и сотворит святое место

на этой юдоли мрака. Согласен?

Бездушные взвыли и разлетелись в стороны. Все, кроме Фазиля.

— Грамотный? Зря ты так, — маска злобно оскалилась. — Я тебе это припомню.

— Иди от греха подальше, — тихо ответил мужик.

— Зря, — еще раз повторил Бездушный и с укором вздохнул. — Добропорядочный ты наш.

Глянцевые блики сверкнули в последний раз. По пространству пролетел длинный заливистый свист и растворился. Темные углы развалин накрыла тишина.

Покачиваясь, Шварц поднялся с земли и потряс головой.

— Досталось тебе, паря, — мужик поддержал парня за руку.

— В порядке? — поинтересовалась Арфа, и как ни в чем не бывало, протянула пирожок. Парень вымученно покачал головой.

— Потерпи несколько минут, и отступит, — проводник подмигнул Виктору и зачем-то постучал кулаком по его спине. — Ну, идем.

По развалинам шли больше часа, продираясь сквозь дыры в разрушенных домах и карабкаясь по грудам кирпича, словно пьяные скалолазы. Несколько раз обходили подозрительные места, слушая отдаленные звуки. Арфа и мужик тихо шептались, поминая неведомых тварей.

После встречи с Бездушными, каждый случайный шорох казался засадой притаившейся нечисти, и Шварц честно, без стыда за свою мужскую гордость держался за руку Арфы.

— Кто этот Фазиль? — спросил Шварц, когда опять, где-то в небе протянулся вой масок.

— Фазиль? — переспросила Арфа и безучастно пожала плечами. — Перерожденец. Выродок. Энергетическая ошибка зоны. А когда-то был человеком.

— Что?! — Шварц едва не споткнулся.

Арфа грустно улыбнулась и поправила лямку рюкзака.

— Не удивляйся. Ты в зоне, здесь еще не такое встретишь. А Фазиль... Говорят, когда-то был хорошим человеком. Заведовал лабораторией, а в момент Эксперимента оказался запертым с другими учеными в производственном бункере. Сам бункер разорвало. Люди погибли.

— А он?!

— А он выжил.

Шварц ошарашено посмотрел на Арфу.

— Выжил? Это ты называешь — выжил?

— Фазиль сумел переродиться и сейчас мнит себя посланником и проводником Забытого Творца.

— Какой посланник, Арфа! Он — технологическая ошибка, энергетический парадокс. О чем ты говоришь?! — Шварц взъерошил пятерней волосы. — Я увидел мощную проекцию, возможно, единственную в мире, возможно, уникальную и бесценную. — Шварц остановился и мотнул головой. — Но он не человек.

Арфа улыбнулась и легонько вздохнула.

— Тебе сложно это понять. Просто запомни все, что видел, или наоборот, забудь... И смотри под ноги.

Парень насупился и замолчал, но уже через пять минут заговорил снова:

— Как-то у тебя все привычно, обыденно, будто говоришь о соседях по дому.

— Они и есть соседи, по крайней мере, мои.

В небе пронесся грохот. В черноте пространства пролетели искры, вспыхнули, и стремительно угасли.

— Гляди, — Виктор схватил Арфу за плечо.

— Фазиль бесится, — девчонка вгляделась в небо. — Вокруг, по периметру «Вектора» стоят ловушки — отлавливают Бездушных. Пересечь границу они не могут. Есть только путь вверх. При желании Фазиль вполне может улететь за орбиту.

— Зачем ему в космос?

— Вот и он так же рассуждает. Ему интересней здесь.

— А почему его просто не уничтожить?

Арфа усмехнулась и покачала головой.

— А ты попробуй. Видел, что он делает с воздухом? Лепит его, как пластилин. Стягивает, искривляет, меняет плотность. Считай, земле повезло, что ученые из Выживших секторов нашли способ удержать его в границах «Вектора». Иначе мир узнал бы продолжение Эксперимента... Часть вторая. Последняя.

— То есть?

— Вспомни, что ты почувствовал, когда холоуи встряхнули воздух.

Шварц помнил. Но рассказывать о том, что его чуть не вывернуло наизнанку, а сердце проколола дикая боль, он не стал. Виктор минуту помолчал, медленно крутя головой по сторонам, и опять зашептал:

— Слушай, а зачем вы здесь живете, почему не уезжаете? С такими-то талантами. Отец у тебя природный сенсор, а ты вообще какая-то. — Виктор неопределенно покрутил ладонью. — Свет небесный призываешь... Кстати, что это означает?

— Придет время, поймешь, — ответила Арфа и замолчала.

— Знаешь, когда я увидел маски, то всерьез засомневался, что с моей головой все в порядке. И сейчас сомневаюсь.

— А ты в Бога веришь?

— В Бога? Не знаю. Я не слишком религиозен.

— Зря. Здесь без Бога нельзя.

— Почему?.. Э-э-э, ну, не то, чтобы я против... Считаешь, что поможет?

Арфа тихо ухмыльнулась и пожала плечами.

— А ты попробуй.

Молча прошли пустынный коридор из наваленных блоков. Где-то под землей пронесся гул. Парень посветил на тяжелые глыбы и чертыхнулся — луч замигал и потускнел. Еще пара минут и старый фонарик можно выбрасывать.

— Что случится, если я включу гелиевый фонарик с Экспериментальной капсулой? — опять зашептал Виктор. Арфа тихо фыркнула.

— Не советую. У упырей от луча сносит голову. А у Бездушных начинается истерика. Убежать не успеем.

Парень тихо вздохнул.

— Откуда столько гадости?

— «Вектор». Когда произошел откат от Взрыва, здесь все разнесло, все производственные помещения, лаборатории, закрытые бункеры... А потом нас забыли, даже нормальной зачистки не сделали, и никто не озаботился тем, что тут творится. Оборудовали бункеры, запустили автоматы, поставили небольшой блокпост, ловушки по периметру. И все.

Впереди чернело гигантское жерло тоннеля. Мужик обернулся и махнул обеими руками.

— Идем очень тихо, — перевела жест проводника Арфа. — Там частица разлома, может притянуть.

Опасную территорию прошли бесшумно, проскользнув мимо нее словно тени.

— Почему «Вектор»? — через несколько минут спросил Шварц.

Арфа помолчала и неуверенно ответила:

— Возможно потому, что на его территории был один НИИ, где

занимались генетическими конструкциями, изучением измененных штаммов вирусов.

— Ну и что? Вирусы-то тут причем?

— Не знаю, но после образования Выживших секторов, «Вектор-2» перешел в ведомство военных и был переименован в «Вектор-Хризолит». Что скрывалось за новым названием, неизвестно.

— Хочешь сказать, что там занимались не только изучением штаммов, а кое-чем другим?

Арфа промолчала и только пожала плечами.

Проводник, не останавливаясь, стянул с плеча вещевой мешок, и, пошарив в нем, что-то вытащил.

— Окуляры надень, — он протянул очки с большими серыми линзами и массивной прорезиненной оправе.

— Зачем? — Спросил Виктор.

— Надо. Там свет аномальный. Ослепнешь. А в окулярах безопасно.

— Что, прямо сейчас надевать? — недоуменно переспросил Шварц.

— Нет, потом, когда твоя роговица глаза почернеет и скукожится. Вот тогда и напялишь, — проворчал мужик.

Шварц хмыкнул и послушно надел окуляры. Серые стекла не прибавили остроты зрению, не рассеяли сумерки, не добавили красок. Но интересным образом помогли сфокусировать взгляд на предметах. Впрочем, эффект незначительный, а неудобств оказалось куда, как больше.

— Ну, как я тебе? — Виктор развернулся к Арфе и скорчил обезьянью морду. Девчонка прыснула и красноречиво покрутила пальцем у виска.

— Что, так заметно? — улыбнулся парень, а после оглядел спутников, которые и не собирались надевать эти странные штуковины.

— А что, я один такой особенный? — спросил Виктор.

Иван Федорович и Арфа промолчали.

— Не, ну интересно, почему вы их не надеваете?

— Нам не надо, — ответила Арфа.

— Почему?

— Потому, — неожиданно грубо прикрикнул мужик. — Мы сами с усами. Нас этой аномальностью не возьмешь. У нас своей аномальности знаешь сколько?

Дальше шли молча. Старые городские развалины остались

позади. Шварц облегченно вздохнул и зашагал бодрее. Пепелище, прах, упыри, выживший из ума Фазиль, переродившийся в летучую маску, выжженная земля до расплавленных проплешин все это он постарается забыть. По крайней мере, сейчас ему хотелось в это верить. А что будет потом и как он распорядится своей памятью, Виктор не думал.

— Наивный, — негромко сказал Иван Федорович, поравнявшись с парнем. — Зря надеешься, память не игрушка.

Виктор нахмурился. Способность мужика-сенсора хозяйничать в чужой голове как в своей собственной, злила.

— Что вы там ковыряетесь?

— Где? — моргнул глазами проводник.

— В моей голове. Она — моя. Не ваша.

— Да больно она мне нужна, — простодушно ответил Иван Федорович. — Прячь поглубже, а то разбрасываешь свои мысли где попало. Они, вон, летают у тебя, как мухи.

Виктор бессильно ругнулся и размашисто зашагал вперед.

— Э-э-э, нам не туда, — окликнул его мужик и кивнул в сторону крутой насыпи. — Гляди, куда я ступаю, и не отставай, — продолжил он, прыгая по искореженной земле, как лягушка по болоту. Арфа ни в чем не уступала отцу. Легко отталкивалась, и, пружиня, уверенно прыгала вперед.

«Заговоренные. Колдуны лесные» — без всяких сомнений подумал Шварц.

— Откуда здесь эти отвалы, — крикнул он проводнику.

— А сам как считаешь? — крикнул в ответ Иван Федорович.

— Без понятия.

Взобравшись на высокий пригорок, парень поднялся во весь рост и, щурясь сквозь серые окуляры, оглядел рукотворные «сопки».

— Ваши назвали это техногенными отходами. А на самом деле результат инерционной волны светового удара, возможно, из другого мира. Возможно. Оглянись, — сказал он Виктору и ткнул пальцем куда-то за его спину.

Едва заметное марево медленно наливалось светом. Парень вздрогнул и помотал головой. Небо цвело на глазах.

— У меня глюк?

Иван Федорович весело хмыкнул и кивнул головой.

— Глюк. Только не у тебя. Он сам по себе глюк.

— То есть? Эй... — крикнул ему в спину Виктор, но того уже не было рядом. Мужик ловко двинулся по насыпи навстречу цветущему

небу.

— Догоняй. Да гляди в четыре глаза.

Долина, вспаханная Взрывом Эксперимента, простиралась на многие километры. Местами, под бледным светом луны темнели странно изогнутые скелеты сгоревших деревьев. А иногда путь преграждал гигантский вывороченный пласт земли, который заслонял провал сонный разлом.

В глубине разлома таилось что-то непонятное и темное, порожденное остаточными частицами отката из запредельных миров, на одну секунду ворвавшихся в этот мир. Этого мига хватило, чтобы половину континентов поглотил мрак. Проводник старательно обходил такие места, делая приличный круг, чтобы группа, по случайности, не оказалась нежданной радостью на ужине нежити, приютившейся там.

Мужик рассказал, что тварь, которую они видели в запретной зоне «Вектор-Хризолит», когда-то жила в таком же месте, возможно, что где-то рядом, пока ее не разорвало веерной очередью орудия.

Небесное марево приближалось. Иногда, в какие-то мгновения Шварцу начинало казаться, что он уже стоит перед мерцающей пеленой, но через секунду видение растворялось и вспыхивало где-то далеко впереди. Арфа, в таких случаях брала его под руку и вела по каменистой земле, как маленького ребенка, тихо приговаривая:

— Не обращая внимания, скоро исчезнет.

Как она и предсказала, небо действительно поблекло, стоило им свернуть на восток.

Вход в тоннель зарос странным узколистым вьюном, отдающим ароматом хвои. Дно каменного жерла покрывала ссохшаяся грязь. Шли долго, пригибая головы и пялясь вперед, на едва мерцающую точку света, пока, наконец, не замаячил выход.

Только вышли из тоннеля, как по воздуху поплыли другие запахи. Живые, настоящие. Над головами висело небо, расстелившееся гигантской вселенской картой, а в густом кустарнике щебетали мелкие ночные птицы. Парень задрал голову и разулыбался.

— Не спи, — окликнул Шварца мужик. Тропа виляла лентой среди заросших холмов и через полчаса вывела маленький отряд в небольшую долину. Вдалеке виднелся непроходимый лес — такой, какой бывает в сказке.

— Откуда все это? — спросил парень и оглянулся. Позади, за его спиной стелился туман. Белые клубы поднимались пеленой,

обволакивая землю, и тянулись выше, накрывая далекую мертвую зону непроницаемой стеной.

— Чудно, — пробурчал Виктор и поискал глазами Арфу. Девчонка уверенно шла впереди, потом побежала к невысокому холму. Взлетела на верхушку и восторженно заголосила в небо:

— Эге-ге-е-ей...

— Что это с ней? — удивленно прошептал Шварц Ивану Федоровичу.

— Радует. Здесь ее территория. Не отставай, — мужик поторопил парня и решительно, почти бегом двинулся к дочери.

В воздухе, по всем сторонам долины что-то менялось. Словно по мановению рук невидимого демиурга, привычная картина мира растворялась на глазах, уступая место новой жизни. Послышались всплески воды. Шварц обернулся на шум и разглядел вдалеке песчаный берег и реку, вытекающую из гигантской стены тумана.

Впереди, там, где, громко горлая, прыгала Арфа, разнесся птичий гомон — стая ласточек встревожено летала по кругу, оглашая небо свистом.

Арфа, выпрямившись в густой траве, замахала руками, и птицы, повинувшись ей, закружили быстрее, рассекая воздух концентрическими кругами. Парень сбросил с плеч рюкзак и быстро подошел к проводнику. Тот покачал головой и предостерегающе остановил ладонью.

— Тихо, — одними губами сказал Иван Федорович и кивнул в сторону леса. Шварц глянул туда, куда показал мужик и обомлел. Из темнеющей чащобы прямо на них надвигалась шевелящаяся черная туча — сотни и сотни, больших и маленьких, пестрых, черных, белогрудых сорок, стрижей, ласточек, дроздов, ворон.

— Что за... — недоговорил Шварц и замолчал, зачарованно наблюдая за гигантской стаей. Закрывая волной часть горизонта, птицы приближались. На подлете к поляне, где стояли люди, стая дисциплинированно разделилась и закружила огромными кольцами, образуя диковинную спираль, упирающуюся куда-то ввысь. Птица, оказавшаяся на верхушке, пролетела воображаемый круг и продолжила движение по серпантину вниз. За ней другая, третья, и все остальные, соблюдая очередность и стройный рисунок двойной спирали. А потом, снова вверх, так же последовательно и не прерывая цепочки.

Шварц ошарашено крутил головой, и вдруг изумленно замер. Птичья конструкция в небе, так похожая на ДНК, висела ровнехонько

над Арфой. Девчонка отрешенно глядела вверх, пока по черному небу не прокатился первый глухой раскат. Птицы загомонили громче и будто по команде еще шире раздвинули круги спирали.

Огородок на груди девчонки замерцал. Шварц, заметив это, поглядел на свою штуковину. В глубине предмета различался свет. Витиеватый узор на нем проступил ярким отчетливым рисунком.

В вышине опять грохнуло. Трескучая волна прокатилась зигзагом. Девчонка застонала и запричитала в голос. Ее светлые кудряшки, выбившись из-под гребня, разметались по плечам, а безвольные руки повисли плетью.

Арфа запела. Тоскливая песня надрывно затянулась, то затихая, то вырываясь в долину. Руки взметнулись, и голос застонал распевом, как плач кликуши. Песня зазвенела в крике, вместе с раскатом грома. И вокруг загрохотало, да так, что потемнело в глазах.

— Не зевай. Доставай свою аппаратуру, — громко окликнул парня проводник.

Виктор торопливо развязал рюкзак, вытащил из футляра темную панель планшетки и пульт. Соединил планшетку с датчиками, включил... И качнулся. Голос Арфы ударил в небо с невыносимой тоской. Шварц беспомощно открыл рот, не чувствуя воздуха, и тут же получил от мужика удар ладонью по спине.

— Вот что вытворяет, — восхищенно зашептал тот в ухо.

— Ничего себе, воздействие, — пробормотал парень. А потом непонимающе моргнул. Не было поляны, леса на краю долины, птиц в небе, рассекающих воздух по спирали. Не было и неба в звездах и с полной луной. Вокруг расстелилась другая реальность — серые сумерки и плывущие вдалеке гигантские гребни, вспыхивающие тревожными всполохами.

Шварц повернулся к мужику и хотел о чем-то спросить, но тот шикнул и сердито сверкнул глазами. Оставалось стоять на месте и чего-то ждать. Чтобы понять, что вокруг происходит, Шварц стал наблюдать за далекими гигантскими гребнями. Определенно, эта красота может быть северным сиянием. «Свечение верхних слоев атмосферы, обладающих магнитосферой...». — Подсказала память. Что-то там связанное с заряженными частицами, солнечным ветром... Нет, ерунда. Он, конечно, не физик-теоретик, но даже его знаний хватает понять некоторые несоответствия Западную Сибирь никак не отнесешь к одному из полюсов земли... Или это обязательное условие уже устарело?

— Не грей голову по пустякам, — потряс его по плечу Иван

Федорович. — Смотри в оба...

Гребни высоко над горизонтом растянулись гармонью. Волнистые края помутнели, потеряли четкость формы и начали таять.

Арфа вздохнула.

Тихая мелодия, как мурлыканье кошки, зазвучала едва слышно. Незатейливая тема завертелась в голове, обволакивая теплотой и ленью. Накатила зевота, истома и нестерпимо захотелось спать. Искушение было так велико, что Шварц даже не подумал сопротивляться. Сладко потянулся и зевнул. Веки налились тяжестью, и если бы не грубый толчок в спину от мужика, парень с удовольствием бы подремал, тут же, стоя на месте.

— Я же просил не зевать, — как всегда ворчливо прошипел проводник.

«Зануда», — беззлобно подумал Шварц и помотал головой, сбрасывая сонливость.

Парень поежился, поднял воротник куртки и огляделся в поисках раннего солнца, которое по его разумению и по логике вещей должно уже появиться. По крайней мере, он на это надеялся. Вместо солнца откуда-то с высоты донесся тихий одиночный звон, по небу пробежала волна чистого звука и растеклась по долине.

— Ничего себе, резонирует, — нахмурился Виктор и быстро глянул на экран планшетки. Показанная на графике высота герц слегка обескуражила. Или врут измерители звука, или...

Звон повторился вновь и разлетелся эхом. Шварц опять покосился на планшетку. Столбчатая диаграмма в дополнительном окне, зашкалено билась на пределе.

Высоко в небе появился странный просвет — без солнца, но отчетливо видимый глазом, как на ладони. Туман отступил. Арфа победно взмахнула руками и запела... График на экране зигзагом качнулся в стороны.

Голос девчонки разлился чистым колокольчиком и унесся куда-то ввысь, отражаясь небесным звоном. Затих, а потом поплыл бархатом глубокого контральто в витиеватом, но легком пассаже. И вновь улетел ввысь, рассыпаясь серебром.

Мелодия, еще никем до этого не спетая, и никем не услышанная, проникала в сознание, как откровение мира. Красота и сила. И безмерное горе. Парень растерянно замер, забыв о вычислениях. Чистые обертоны голоса Арфы уже не вмещались в измерительную шкалу заданной программы.

В голове помутнело, а перед глазами пронеслась вспышка. За

ней, помимо его воли, поплыли неясные образы. Тени, летающие в огне.

Взрыв, прокатившийся волной.

Крики безумия...

Молчание. Невыносимая тишина...

И удары неизвестного сердца.

Виктор с силой зажмурился. Опять распахнул глаза и тихо простонал, не понимая, почему он видит перед собой рухнувшее здание, перерезанное черным шлейфом. Уши заложило от невыносимого скрежета. Ударная волна пронеслась катком и впечатала соседние дома в асфальт, оставив дымящиеся проплешины, а бетон, стертый в порошок — в гарь, бьющую в нос. Шварц схватил ртом воздух и чуть не задохнулся от кашля. Видение становилось опасно реальным.

Крепкая встряска проводника вырвала из кошмара. Парень дернулся из крепких рук, и с силой помотал головой.

— Зацепило тебя малость. Не бойся, — сказал Иван Федорович.

— Что это было? — осипшим голосом спросил парень, с трудом выравнивая дыхание.

— Память. Она здесь повсюду разлита, хоть ложкой ешь.

По краю зрения промелькнул искрящийся свет.

— Ну, вот и Небесные явились, — довольным голосом сказал мужик. Песня Арфы, подхваченная множеством голосов, полетела во все стороны и вырвалась в небо единым созвучием.

Шварц засмеялся, словно с его плеч упала гора, кошмар видения растворился, и душа окунулась в счастье...

— Э-э-э, не улетай далеко. Так и чокнуться не долго, — затеребил его мужик. — Впечатлительный ты, — проворчал мужик и похлопал по плечу. — Глядь. Я так думаю, что ты ради этого сюда приехал.

Шварц посмотрел вверх и тихо присвистнул.

— Чтоб мне провалиться...

Из необъятной дали, с небес на землю полился дождь... Это было первое, что пришло в голову. Но чем ближе к земле падали капли, тем медленнее становился их полет, и на исходе падения, в протянутую ладонь парня упала мелкая искристая крупинка, почти невесомая. За первой упала вторая, третья...

Иван Федорович с любопытством покосился на ладонь парня и уныло скривил губы.

— Не дается тебе Манна.

Мелкие крупинки бесследно таяли на глазах. В ладони же мужика уже набралась приличная горка.

— Почему так? — Нахмурился Виктор.

Иван Федорович пожал плечами.

— Может, не заслужил. Может, что-то другое, — мужик быстро развернулся и, подкинув ладонь с Манной вверх, засвистел. Стайка мелких птах оказалась быстрее других. Суматошно замельтешила в воздухе, ловко подхватывая добычу. Арфа тоже подкинула свою долю собранных крупиц, и в воздухе поднялся переполох.

— Ни одну не потеряют. Нахлебники, — ласково проворчал мужик.

«Дождь» прекратился. Сияющие небеса затянулись пеленой облаков. Птицы разлетелись по воздуху и потянулись к лесу. Чудеса растворились.

Шварц с грустью огляделся. Далеко на горизонте медленно пробивались первые лучи солнца. Заметив планшетку, валявшуюся в траве, Виктор тихо чертыхнулся. Подхватил дорожную вещь, которую ему выдали в НИИ Акустических измерений, отправляя в командировку, и постучал пальцем по экрану.

Монитор исправно мигнул. Частоты показывали обычные значения. Шварц недоверчиво фыркнул. Пролистал назад набор графиков, просмотрел страницы. С минуту постоял, уставившись в одну точку, потом осторожно посмотрел на Арфу.

Иван Федорович с девчонкой сидели поодаль и глядели на горизонт, откуда начинался рассвет. Упаковав аппаратуру в рюкзак, парень подошел к ним.

— Посиди, — устало сказал мужик. Шварц присел рядом.

— Все закончилось? — спросил он.

— Для тебя да. Проводим до железки, и поедешь домой.

Парень помотал опущенной головой и вздохнул.

— Ты ждешь каких-то объяснений? Спрашивай. Что смогу объясню.

— Какие объяснения, — с горечью ответил парень. — Мне жизни не хватит, чтобы понять все, что здесь было. Но это ладно, как-нибудь переживу. Вопрос в том с чем мне возвращаться назад. С теми данными в планшетке меня за дурака примут. В лучшем случае. В худшем обвинят в фальсификате. Графики рассчитаны на частоты, характерные для измерений на земле. Есть допуск для околоземной орбиты... Но то, что там не лезет ни в какие ворота.

Мужик сдвинул фуражку на затылок и поглядел на парня.

— Не бойся, ты не дурак, и не фальсификатор. Ты просто наивный, как деревенская барышня. Тебе не приходило в голову, для чего тебя на самом деле отправили сюда? Что ты там сказал про свои данные?

— Ну-у-у... — Виктор растерянно замялся. — Измерители звука и графики рассчитаны на стандартные ситуации. Диапазон измерения земной.

— Земной, — повторил за ним Иван Федорович. — А также в графике, параллельно, заложена программа для вычислений параметров с орбиты. Верно?

Виктор кивнул.

— А что показали твои расчеты?

Шварц угрюмо ответил:

— Что-то нереальное.

— Во-о-о, — потянул мужик. — Я тебе и говорю, что ты наивный. Если твоя машина показывает что-то нереальное, значит, под это «что-то» тоже была заложена программа... Правильно?

— Действительно, наивный, — немного помолчав, ответил Шварц. — Но кому это надо? Наш институт решает другие задачи.

— Ваш институт подчиняется руководству Выживших секторов. Соображаешь, кто вас кормит? И тему для разработок дают они. Не будете заниматься этим вопросом пойдете по миру.

— Какую тему? — придавленно спросил Виктор.

— Какую? Сложную. Невыполнимую: переход Эксперимента во вторую фазу рождение сверхчеловека, управляющего сверхэнергией. И переход в миры. Того, что не получилось в первый раз. Землю снесли, народы сгубили, но не успокоились, ироды. А ты лучше подумай о другом.

Парень вопросительно посмотрел на проводника. Арфа, наблюдающая горизонт, повернулась к отцу и в сомнении нахмурила лоб.

— Может, не надо?

— Хуже не будет. Пусть знает.

— Вы о чем? — Ничего не понимая, спросил Шварц.

— О твоей капсуле в герметичном керамопласте. Код N22D. Забыл?

Виктор ошеломленно посмотрел на мужика.

— Забыл, — пробормотал он и быстро потянулся к рюкзаку. — Откуда вы знаете код?.. А-а-а, точно, сенсёр... — Парень схватил рюкзак, расстегнул ремешок... И застыл, мрачно

установившись в одну точку.

— Как я мог забыть? Смешно.

— Да не суетись ты, сядь, — мужик стянул с головы фуражку и пятерней пригладил волосы. — Лучше скажи, для чего тебе капсула.

Шварц пожал плечами и уверенно сказал:

— Взять пробы почвы.

— В маленькую капсулу, хранящуюся в керамопластовом футляре с кодовым набором? Ну, знаешь, что-то с трудом верится. Для хороших проб нужно несколько небольших контейнеров, а не капсула, куда войдет три наперстка земли. Несерьезно. Да и зачем институту вашего профиля брать такие пробы? Ерунда получается.

— Ерунда, — точно эхо повторил Шварц, мучительно вспоминая что-то, что он намертво забыл.

— Да не парься ты зря. Все равно не вспомнишь. Ваши психометрики не зря деньги получают. — Мужик говорил спокойным голосом, будто о чем-то обыденном. — Не скажу, что мне было легко снять с тебя блок-стоп. Да что там объяснять... Обработали тебя, как морскую капусту перед консервированием.

— Что значит обработали? — Прошептал Шварц.

— То и значит... Слышал о новых аналогах удаленного гипноза? Вливают информацию через программу. Определенный набор букв и цифр на твоём компьютере нажимаешь кнопки, и все, «заказ» в голове. После этого ставится «якорь» для надежности, чтобы не было срывов. Толчок, крепкое пожатие, подзатыльник подойдет.

— А вы откуда знаете? — Потерянно спросил Шварц.

— Знаю. Некоторые думают, что совершать одну и ту же глупость можно бесконечно... Ошибаются.

— Бред какой-то. Я бы помнил, я бы знал. Да кто я такой, чтобы мною занимались люди из правительства.

— Ты самый что ни на есть подходящий вариант. Наивный. Заметь, что я говорю об этом в первую очередь. Неглупый. Слегка повернутый на работе. Одним словом лох.

— То авторитет, теперь лох, — Виктор потер вспотевший лоб.

— Это не я придумал. Так называют тех, кого сюда отправляют. Подбирают людей определенного психотипа, к которому и ты относишься.

— А зачем подбирают?

Иван Федорович вымученно застонал. Парень постоял несколько секунд, пялясь на мужика, и тихо спросил:

— Манна?

— Дошло! Счастье-то какое.

— Зачем им Манна?

— Не тупи, — рассердился проводник. Ты наивный, но, вроде, не дурак.

— Значит, продолжение Эксперимента. — Ответ оказался простым и очевидным.

— Эх... Сердце у тебя хорошее. Настоящее.

— Вы это к чему?

— К тому, что обманывать тебя не хочется.

— Ага, точно. А у вас какое, не настоящее сердце? И поэтому вы вешаете мне лапшу на уши. Фокусы показываете. От вашей чудной логики, Иван Федорович, у меня мозги набекрень.

Мужик слушал Виктора и не перебивал, напряженно глядя перед собой. Арфа с тревогой следила за обоими. Когда ее отец заговорил снова, девчонка опустила голову и отвернулась.

— У меня справедливое сердце. Меня, и других, подобных мне называют Добропорядочными, — голос мужика стал удивительно ровным. — Мы не судим. Мы уравниваем... Только отнесись к этому спокойно, без нервов. Ты сегодня много увидел, но не многое понял. — Проводник помолчал и вздохнул. — Одна из наших задач — по мере сил усмирить Хаос. Другая задача успокоить Боль. Пока хлещется Боль Хаос не уйдет. Закономерность нарушена, Любовь слаба. А Свобода, как высшая идея, без Любви ущербна... Как тебе такая правда?

— Ваши убеждения заслуживают уважения. Только информация о тайной организации Добропорядочных пахнет сектантством. Вы уж не обижайтесь.

— Зачем я буду обижаться, — с улыбкой ответил мужик.

— Арфа тоже борется с Хаосом? — Не скрывая усмешки, спросил Виктор.

— Арфа? Нет. У Арфы — чистое сердце. Ей не нужна борьба. «Блаженны чистые сердцем». Читал? Евангелие от Матфея. Не читал, можешь не отвечать.

Проводник поднялся с травы и отряхнул штаны.

— Меня никто не спрашивал, быть мне Добропорядочным или не быть. Меня им сделали. Разве ж я человек? Мутант, прости меня Господи... — Сунув руку под рубашку, мужик вытащил свой огорожок. Стянул его с шеи и укрыл в обеих ладонях...

То, что последовало за этим, заставило Шварца подпрыгнуть и с ужасом отскочить назад. Мужик исчез на глазах, оставив после себя

едва заметное свечение, растворившееся через пару секунд.

— Фига се. Что за фокус? — Забормотал Шварц, вертя головой в поисках проводника. Арфа, до этого грустная и задумчивая, звонко расхохоталась.

— Да не пугайся ты, — сквозь смех сказала она и тут же крикнула: — Па... Ну, хватит.

Мужик появился вновь, вынырнул из-за спины парня. Тот, увидев возникшего из воздуха проводника, дернулся в сторону, чем вызвал новый взрыв хохота Арфы.

— Смейся, смейся, — угрюмо пробурчал Шварц, присев поодаль на корточки. — Только огородок, пожалуйста, не снимай.

— А что сердишься, сам напросился, — ехидно засмеялся Иван Федорович, пряча огородок под рубашкой.

— Напросился, — еле слышно передразнил его Шварц.

— Эх, ты... Жить косолапая. Идти пора, — Мужик немного покряхтел и первым двинулся в путь.

Два часа шли по изрытому полю, заросшему полынью и лопухами. Шварц не разговаривал, крутил в голове события прошедшей ночи и тихо вздыхал от ощущения, что его неслабо использовали. Все. И наши, и ваши. Не только здесь. И не только это чудо-юдо со своей блаженной дочерью.

Кто-то там, дома, расчетливо спрогнозировал каждый его шаг, загрузив программу в планшетку и подсадив в голову задачу, для выполнения которой ему пришлось пройти по запретной зоне опасным, закрытым для людей маршрутом. Впечатляет. Шварц мысленно снял перед ними шляпу.

Расчет был правильным — профи с особой подготовкой здесь не годится. Такого раскусят, глянув на него еще издали. Один Иван Федорович чего стоит. Проводят до станции и помашут ручкой.

А вот такой «лох», как он — неискушенный, в чем-то наивный, такой вполне способен выполнить задачу.

— Тебя будут проверять психометрики, — мужик незаметно подошел сзади. — Так, что решай, что будет в твоём отчете.

— Вы про Манну?

— И про нее тоже.

— Не знаю... может, вы что посоветуете?

— Есть опробованный вариант. Ты избежишь неприятностей, а они... Они, как всегда получают пустышку.

— Ладно, — подумав пару секунд, ответил Виктор. — Уже легче. Только что делать с моей головой?

— Да все в порядке с твоей головой. Там тоже будет пустышка. Возможно, служба применит к тебе глубокий гипноз, не бойся.

Шварц с шумом выдохнул и зашагал бодрее. Не то, чтобы с души камень свалился, но дышать стало легче. Его дело маленькое, а если точно — никакое. Добропорядочные, Блаженные, Бездушные. Упыри, замешанные на неправильных штаммах. Черти полосатые в клетчатых штанах. Сверхчеловеки, выращенные на Манне с Небес... Начхать! Забыть! Стереть и выкинуть!

Серая пустошь с пыльными лопухами и горькой полынью осталась позади. Почва увлажнилась, толстые подошвы ботинок захлюпали по грязи. Впереди начались болота.

— Обойдем по краю, — устало бросил мужик. Бледное лицо заметно осунулось, под глазами проступили круги.

— Сколько вам лет? — неожиданно для самого себя спросил парень.

Иван Федорович удивился и неохотно ответил:

— Как раз накануне Эксперимента исполнилось сорок восемь. Хорошо сохранился? Такая вот жизнь. Пятьдесят лет прошло...

— А Арфе было девятнадцать?

— Было. — Мужик кивнул, немного подумал, и добавил. — Анечке. Арфой ее уже потом, наши Добропорядочные прозвали. За голос. Так-то вот, — мужик хлопнул парня по плечу и пропустил на шаг вперед. Быстро провел рукой вдоль его рюкзака с упакованной аппаратурой и крепко встряхнул ладонью.

— Такие пироги, парень. А тебя сейчас проводим до села. У меня там знакомый живет, у него есть подводы. Довезет до станции. На лошадке-то быстрее, чем ногами топать.

Виктор насмешливо хмыкнул.

— Знакомый, говорите? С огородком на груди?

Мужик не ответил. Только покачал головой.

— Да ладно, и так все понятно, — пробурчал парень. — С огородком, значит, с огородком. Лишь бы лошадь без огородка была... Надеюсь, лошадь без огородка будет?

Мужик опять промолчал, обогнал Шварца и затопал впереди. Удивленный парень замедлил шаг.

— Нет, серьезно, ехать на лошади с огородком это уж слишком... Иван Федорович... Арфа, хоть ты ответь, лошадь с огородком или без огородка?.. Блин!

Алексей Доронин

ЛЕТАРГИЯ

Говорят, утро добрым не бывает. Но чтоб настолько... Это просто, мать его, жесть жестяная.

Если бы мне сказали вчера, что я буду орать в истерике, выть как умалишенный и колотиться об стены — бы послал их куда подальше. Но, поди ж ты... ору и бьюсь. Вот так:

— А-а! Помогите кто-нибудь! ПОМОГИТЕ! А-а-а!

И пять минут в таком духе, пока не охрип и не заболело все тело. Хотя бился далеко не в полную силу.

«Спокойно. Спокойно, — сказал я себе. — Заткнись. Вот так. Дыши глубже. Медленнее и реже. Еще реже».

Вроде помогло. На какое-то время паника отступила. Надолго ли? Не знаю. Но стало чуть легче. Вернулась способность соображать. Хотя бы частично. Сколько у меня минут, пока крышу не снесет снова? Пять? Десять?

Ох. Соберу свои мысли в кучу и попытаюсь представить, как рассказал бы... вернее, как буду рассказывать об этой истории, когда она закончится. Может, это мне поможет найти выход. Блин...

Я не знаю, отчего проснулся. Наверное, оттого, что неудобно стало лежать. Проснулся и понял: жестко. Даже моя старая кровать на съемной квартире, диван-кровать — еще советская, семьдесят-лохматого года, такой не была.

Чертовски болела башка. Тянущая боль в затылке, да еще с тошнотой. Гипертония? Спал в неудобной позе? Стресс? Недосып? Конечно, все это мои постоянные спутники. Но чтоб так жестоко плющило — давно не было. Воздух спертый. И каламбуричь на тему того, что его украли, не хотелось. Даже когда я неделю не проветривал квартиру, он таким не был.

Глубокий вдох и даже несколько вдохов подряд не дали надышаться. Да еще я понял, что затекли ноги... и руки тоже. И во рту пересохло, будто не пил сутки.

А еще зверски холодно. Что это? Отопление отключили? Вроде платил... хоть и с задержкой в пару месяцев. Да и не отключают квартиры в многоквартирном доме.

И почему такая темень? Даже ночью должно быть светлее.

Ладно, допустим, я вчера шторы задвинул. Но на стене в прихожей висит роутер. На нем всегда светятся два светодиода. Электричество отрубить не могли, за него я заплатил через «Сбербанк-онлайн» три дня назад.

Пока была только тревога. С чего начался настоящий страх? С того, что я протянул руку, чтоб включить свет... И рука вдруг коснулась — очень близко — холодной ровной поверхности. Металлической поверхности.

Холодно. Жестко. И крышка над головой. Хорошо, когда она есть, но плохо, когда ее отделяет от вашего лица всего двадцать сантиметров.

Крышка над головой.

«А-а-а!»

Я вскочил, как ужаленный. Догадка пронзила мозг, настолько страшная, что все остальное мигом вылетело из головы.

Ударился о низкий потолок и рухнул, продолжая орать, пока не закончился воздух в легких.

Потом с трудом набрал новую порцию, сквозь астматические хрипы и свисты. И снова, не раздумывая, попытался подняться. Новый удар по лбу! Звезды в глазах, сильная боль, но ощутил я ее далеко не сразу. Сначала было только оглушение.

Больше встать не пытался, но начал метаться, как мышь в микроволновке. Ударился о стенку носом, похоже, расквасив его. Крови было не очень много, но она норовила попасть в рот, закашлялся, но вытереть кровь было нечем — попытался дотянуться до рукава футболки, но ее не было. Вдруг осознал, что лежу совершенно голым. О другую стенку ударился ухом, которое тут же онемело. Так пару минут я метался и вертелся, набивая синяки и шишки. И все это время орал, с перерывом лишь на то, чтоб набрать воздуха. Даже ругательства на язык не шли, орал что-то нечленораздельное. Зато громко.

А еще я понял, что голова болит не просто так. Через весь лоб шла глубокая ссадина, которая, как ей и положено, саднила. Должно быть, здорово приложился обо что-то головой. И не об крышку.

***

Спустя полчаса слегка успокоился, если это вообще возможно в моем положении. Понял, что рано или поздно меня отсюда вытащат.

Но тогда... тогда я был просто не в себе, был уверен, что пропал.

Есть небольшое оправдание. У меня с детства клаустрофобия, хоть и не подтвержденная медицинским заключением, а вы бы взяли на работу человека с диагнозом от психиатра? Но не думаю, что в моей ситуации даже полностью здоровый человек вел бы себя иначе.

Все-таки это была не только истерика. В панике, я тщетно пытался руками нащупать просвет, отверстие в потолке и стенах. Со всех сторон ровные глухие металлические поверхности. Прекратил метаться, только когда сил не осталось. Сердце чуть не выскочило из груди, пульс как будто я марафонскую дистанцию бегу.

Вдруг пришло понимание, что умру. Но больше, чем смерть, пугали страдания на пути к ней, которые — благодаря фильмам и книгам — хорошо представлял. Однако, даже страх имеет свойство устывать — мой меня ненадолго отпустил. Может, разум ухватился за идею, что это какой-то розыгрыш. «Спокойно, — сказал я себе. — Спокойно, твою мать».

Начал задерживать каждый новый вдох. И, как ни странно, вскоре разум слегка прояснился. Теперь я лежал неподвижно и мог думать. И вот о чем подумалось в первую очередь.

Это не гроб. У обычного дешевого гроба не бывает железных стенок. Они есть у дорогого металлического, который мне вряд ли купят. Но там должна быть обивка, а здесь её не было, только голый металл. Так бывает только у цинкового, хотя он на самом деле не из цинка, а из оцинкованного железа. Но ведь я не солдат и не жертва авиакатастрофы, чтоб меня закрывали в цинковый ящик.

Думаем дальше... Мафия? Херня. Никакая мафия не стала бы марать руки об такую мелочь вроде меня. Спецслужбы? Еще смешнее.

Или все-таки глупая шутка? Я напился, а потом друзья закрыли меня в железном ящике, чтоб жестоко разыграть. Но, позвольте, я не пью. И наркотой не балуюсь. И друзей, способных на такие проделки, у меня нет. У меня их вообще немного, и общаюсь я с ними в основном через интернет.

А еще запах какой-то химии... которой никак не должно быть дома. Похоже на формалин... Который используют для бальзамирования!

Но все говорит о том, что это НЕ могила или любая другая яма в земле. Такая мысль меня еще больше успокаивает. И пульс снижается — не до нормальных значений, но до просто учащенного пульса здорового человека. Не курильщика.

Эврика! Ненадолго почувствовал облегчение. Пришло понимание, где нахожусь — это холодильник морга!!! Смешно, конечно, звучит. Тоже мне, радостное событие. Но если сравнить с могилой — морг покажется не таким страшным местом. В морге работают люди. И постоянно находятся дежурные, хотя бы сторож. Страшный, наверно, но все же человек. Делаются ли тут обходы? Вряд ли, но наверняка «холодильник» посещают часто. Город большой, а больница с моргом одна... хотя нет, две.

Страшновато, конечно, но не смертельно. Когда все закончится, а оно обязательно закончится хорошо, я буду вспоминать об этом случае с усмешкой... и затаенной гордостью. Про меня обязательно напишут в газетах, может, покажут по телевидению. Будет статья в «Wikipedia», пусть в остальном я ничем не примечательный человек, программист-фрилансер и провинциальный нищеврод.

Конечно, мне эта слава на хрен не нужна. Выбраться бы отсюда побыстрее. Я снова начал стучать и орать, но уже без истерики, а также материться и грозить всеми возможными карами.

Потом затих в ожидании. Время идет. Идет. Идет. Но почему никто не приходит?

Потеряв терпение, начал стучать снова. И снова ждать. И опять никого. Тяжело определить без часов, сколько именно прошло времени, но явно немало. Возможно, не меньше часа, как я очнулся. И черт знает, сколько еще лежал тут в виде бесчувственного тела.

Ладно, допустим, никаких манипуляций типа вскрытия или бальзамирования со мной на сегодня не запланировано. Но после того шума, что я устроил, кто-то уже должен был прийти, чтобы проверить, кто это нарушает покой там, где все должны быть тихо.

Они все там что, перепились и уснули? Или сейчас ночь, а сторож находится где-нибудь далеко, на входе в здание, а то и снаружи? А может, у морга вообще нет отдельного сторожа, есть только тот охранник, который сидит на въезде на территорию больницы?

Тогда плохо. Тогда меня могут найти только утром.

Но нет, должен быть дежурный. В кино всегда так показывали.

— Выпустите! — вновь закричал я, барабани кулаком по стенке. — Откройте! Эй!

Несколько долгих минут я напрягал слух, надеясь на реакцию извне. Но никто не пришёл, ни единого звука не донеслось снаружи.

Новая попытка достучаться до внешнего мира. Металлические стенки гудели, как барабан. Звук эхом разносился по моему ящику.

Да и, наверное, по всему помещению, где тот находился.

Ну, теперь меня точно услышали. Теперь только ждать. Ну и переполох будет. А какие у них будут рожи. Хоть какое-то утешение, что им всем влетит. Убийцы, блин, в белых халатах.

Вдруг смутно вспомнилось что-то... Обрывки воспоминаний. Похожие на куски какого-то сна. Смутные, спутанные, они постепенно выстроились в систему.

Какие-то странные новости по «ящику» на кухне, который я включил на минуту, пока нарезал себе бутерброды, обычно его вообще не смотрю — там одно вранье.

Почему-то дикторы на всех каналах призывали не поддаваться панике. Почему-то отменили «Аншлаг», который должны были в это время показывать. Да с чего ей вообще поддаваться? Вроде за окном все буднично и спокойно.

И еще более бредовые слухи, фото и видео в сети. Эпидемия? Птичьего гриппа? Теракт? Акции протеста? Сразу в нескольких городах? Во френд-ленте «Фейсбука» замелькали странные видео. Какие-то неадекватны нападают на людей. Ваххабиты? Кто-то даже прислал мне пару ссылок — люди, с которыми я два года не общался, в основном из Москвы. Я сразу закрыл — ну их на хрен. Похоже на кадры из кино. Фотошоп или постановка. А мне работать надо. Закрыл «Оперу» вообще. Отключил все мессенджеры. Такой вот способ борьбы с прокрастинацией.

Я «допиливал» код, чтоб успеть к дедлайну, и почти не выходил из дома. Но вечером все же пришлось выйти до магазинчика на углу, купить пельменей, пива, сухариков, кетчупа и «Вискаса». Ну и еще каких-то дешевых печенюшек или пряников... что конкретно, забыл.

Было уже темно. И почему-то «скорые» и менты так и носились по улицам как угорелые. Куда-то проехала большая красная пожарная машина. А вскорости еще одна, истошно завывая сиреной, видимо, что-то случилось. Пожар? Или учения?

У дома напротив стояли сразу две «скорые» и полицейский «бобик». Я прошел всего в десяти шагах. Видел встревоженные лица фельдшеров, которые смотрели куда-то в подъезд. Слушал разговоры ППСников по рации. Один уже направлялся ко мне, видимо хотел то ли спросить, то ли предупредить, но в этот момент его позвал напарник. А пока они разговаривали я уже свернул за угол. Назад пошел другой дорогой. Было бы что-то важное, подумал я, за ними бы не заржавело — и окрикнули бы, а то и догнали. Хоть я и чист перед законом. Ну, не считая нелегальный софт. Но кто им не

пользуется?

Меня зовут Сергей. Но мне больше нравится, когда меня зовут Серегой. Фамилия чисто русская — Васильев. В Сети всегда думают, что это псевдоним. Я программист, мне тридцать два года. Как говорят в интернетах, тролль, лжец, девственник. Ну, может, не совсем, но постоянной девушки у меня нет уже года два. Только кот, которому, наверное, исчезновение хозяина не очень понравилось, хотя я положил ему полную миску «Вискаса» и подлил воды.

Физическая форма средняя. Люблю группы «Manowar» и «Sabaton». Лыс, но не бородат. Имею немного лишнего веса. Поэтому мне не так холодно сейчас. Хотя чувствую озноб от страха, что в моей ситуации понятно.

Алкоголем не злоупотребляю. Могу выпить немного пива, но плотный я не от этого, а всю жизнь, сколько себя помню. Обмен веществ такой. Наркотики? Конечно, нет. Разве что совсем в ранней молодости пробовал «травку». Но время такое было, «лихие девяностые». И даже не курю. А еще я инвалид третьей, рабочей группы. На МСЭ меня направил невролог еще в 11 классе. Естественно ни в какой армии не служил. У меня редкое врожденное заболевание ЦНС... то есть того самого мозга, которым мы думаем, что думаем. Синдром с таким сложным латинским названием, что я его постоянно забываю. Это причина, почему у меня почти не было постоянной работы — какой работодатель такой записи обрадуется? Ты на работе ласты склеишь, а ему доказывать, что дело не в условиях труда. Но на безденежье жаловаться особо не приходилось, хотя пенсии и хватало только на таблетки. Выручали биржи фрилансеров. Вначале делал всякую байдю просто за положительные отзывы или за копейки, но, когда наработал себе портфолио и рейтинг, клиент пошел, а с ним и более-менее стабильный доход. Главный плюс, что работать можно дома, и никто не орал мне в ухо.

Моя болезнь — один случай на два миллиона человек, как писали на форуме. Значит, в России таких бедолаг должно быть всего человек семьдесят. И никто ради них не будет разрабатывать отдельные стандарты лечения, тем более, болезнь не смертельная. Я просто часто теряю сознание, иногда без всяких предвестников. Несколько раз я упал, держа в руке кружку с кофе. Один раз упал лицом в тарелку с горячим супом.

Но это далеко не единственный симптом этого заболевания. Такие приступы случались у меня довольно часто. Помню, как вчера полдня болела голова. Тошнота, отсутствие аппетита. Месяц назад я

последний раз терял сознание. Слава богу, случилось это дома. В основном я отлеживался и приходил в себя без посторонней помощи, хотя и говорили, что есть риск впасть в кому. Чувствуя предвестники, старался даже за хлебом не выходить.

Но что если мое заболевание может выражаться не только в потере сознания? Я читал, что в некоторых случаях у людей с подобным заболеванием может возникать кататонический синдром, а возможна и летаргия с почти полным прекращением признаков жизнедеятельности.

Помню, как шел от магазина домой. А как зашел в подъезд и пришел в свою берлогу уже не помню. Видимо, где-то в этом промежутке, по дороге домой, я и вырубился. Приложился головой об асфальт. Добрые люди увидели, что человек лежит и не шевелится на улице, позвонили в полицию или остановили проезжавший мимо наряд патрульно-постовой службы. А менты, наверное, сразу начали оформлять меня как «неопознанный труп». Я ведь не ношу в кармане бумажку: «Страдаю летаргией в тяжелой форме. Если нет явных признаков смерти, я, скорее всего, жив!». Не ношу, потому что не верил, что такое возможно. Что там дальше по правилам они должны были сделать? Вызвать медиков? Вызвали. А врачи... ошибочно засвидетельствовали смерть. Потом, наверное, погрузили в кузов и привезли в морг. Где меня просто передали с рук на руки, как труп, а санитары запихнули в свободный холодильник. Я читал в интернете, что такие случаи хоть и редко, но бывали.

Терпеть не могу врачей. Только хирурги молодцы... один раз вытянули с того света. А остальные... непонятно, за что деньги получают? Ну как можно живого принять за покойника? Да простого фонендоскопа хватило бы, чтоб понять, что пульс есть, хоть и очень слабый!

***

Прошло пять минут, но никто не пришел. Я уже хотел стучать снова, когда услышал, как что-то скрипнуло за стенкой. Будто кто-то шевельнул соседний с моим «ящик», по фильмам я примерно представлял, как выглядят ячейки, хотя те фильмы были не о российских моргах.

Прислушался. Но больше ничего не смог услышать.

— Э! — громко позвал я. — Тут, блин, живой человек! Вы

офонарели? А ну откройте!

А в ответ тишина. Выходит, показалось.

Мое спокойствие начало меня оставлять. Вместо зова — крик и мат в адрес этих долбанных санитаров. Снова застучал по железным стенкам — до боли в костяшках. Но постепенно злость опять уступила место страху. На самом деле страх никуда и не уходил. Только чуть уменьшился.

— Эй! — позвал я уже тише, стуча теперь больше ногами, потому что кулаки болят, а от удара открытой ладонью звук почти неслышен. — Помогите! Я здесь!

Думаем дальше... сложно всё... Кто будет меня искать? Я не женат, детей нет, родителей тоже уже нет — отец ушел, мать растила меня одна и умерла пять лет назад, я поздний ребенок. Работаю удаленно, и заказчик, конечно, расстроится, что один из фрилансеров, работающих над его обучающей программой, исчез бесследно, но вряд ли станет искать.

— Э! Вы, там! Вы-ы-выпустите! Откройте! Я живой!

Перестал колотить только через пять минут. Да что там они, оглохли, что ли? Или померли?

Сколько я тут продержусь? В чем мать родила. В стальном ящике.

В одном фильме про погребенного заживо у чувака был телефон. Я хоть и не погребен, но телефона при мне нет. В детстве двоюродный брат однажды закрыл меня в стенном шкафу. Шуточки у него были такие. Когда меня открыли через полчаса, я уже успел проститься с жизнью. Поэтому и боюсь замкнутого пространства. Примерно такого, в которое попал.

Снова подкатила паника. Да что же это такое?.. Где все?

Холодильник — прохладное место. Воспаление легких мне гарантировано, если не выберусь до утра. Или нет? Зубы уже не стучат. Может, привык?

Нет. Точно, не так уж холодно. Надышал? Прохладно, но не настолько, как должно быть. Вряд ли меньше плюс десяти градусов.

И звуки! Где звуки работающего холодильника? Они ведь явно должны быть, пусть и не как в обычном. Какие-нибудь компрессоры. Они должны хоть немного гудеть.

Но тишина абсолютная, ватная. Почему? Поломка? А может, ветром порвало провода?

И тут я понял, что от стен идет пар. Будь это обычный домашний холодильник, я бы решил, что он размораживается. Я уже был

уверен, что становится все теплее. Все бы хорошо, но уж очень тяжело стало дышать.

Минутку! Да как я вообще смог увидеть пар? Значит... Холодильник не был плотно закрыт.

И точно. Узкая, едва заметная полоска света выбивалась из-за перегородки с той стороны, где находились мои ноги. Хорошо бы дотянуться руками до этой щели.

Я попытался извернуться. Но, естественно, не смог. Был бы чуть похудее — возможно... Но не судьба, как говорится. Оставалось ерзать и пинать ту стенку ногами, раскачивая мою тюрьму. В удары я вкладывал и весь свой вес, и всю свою накопившуюся злость.

И вдруг со скрипом дверь моей камеры чуть сдвинулась. Полоса света стала шире. Поддается! Открывается! Тут же меня накрыло волной запахов. И я понял, что до этого лежал в почти ни чем не пахнущем месте.

Конечно, и формалином тоже пахло. Но доминировал другой запах. Такой бывает, если оставить в теплом месте пакет с мясными или куриными костями. Ну и дерьмом тоже пахло. В общем, мерзко. Ну а чем еще должно тут пахнуть? Розами?

Значит, никаких шуток и съемок скрытой камерой для безумного шоу, на что мой наивный разум еще надеялся. Значит, действительно морг. И значит, я был в шаге от того, чтобы проснуться на прозекторском столе во время вспарывания мне брюха.

Выходит, мне надо не ныть, а благодарить бога за внезапное везение.

Чепуха. Даже пьяные врачи заметили бы ошибку еще до первого разреза скальпелем.

Но что это?.. Я снова услышал скрип. И это не холодильник. Так может скрипеть только дверь, если петли давно не смазывали. А значит, в зал пришел кто-то из медперсонала.

Послышались тихие шаги. Вот они прекратились. Будто кто-то остановился и слушает.

— Эй вы там! — заорал я как бешенный. — Откройте! Вы там бухие? Я живой! Живой! Уроды, бля! Да я в прокуратуру напишу, когда выберусь. Вы все сидеть будете!

И тут меня пронзила холодом мысль... Не надо слишком борзеть. Главное, уйти отсюда живым. Потому что эскулапы могут и убить, чтоб скрыть следы своего головотяпства. Читал про случай, как обычный доктор-терапевт отправил пациента в нокаут, из которого тот уже не вышел, за то, что тот слишком выделялся. А

патологоанатомы и санитары морга, наверное, вообще публика особая. Это в психушке кто первый халат надел — тот и доктор. А здесь еще страшнее.

Но я уже не мог сдержать злости. Снова послышался скрип. И удаляющиеся шаги.

— У, сволочи! — завыл я. — У, падлы! Куда ты уходишь, сука? Вытащи меня отсюда, или порву тебя на х...!

Я заскрежетал зубами.

В ответ кто-то тоже тихонько завыл, будто передразнивая меня.

— У-у.

И что-то заскрежетало. И клацнуло. Примерно как собака, когда зубы скалит.

— Да вы там вообще обкурились, что ли? — я ударил ногой по стенке с такой силой, что ячейка холодильника вдруг открылась сразу сантиметров на двадцать. Я уперся ступнями в край, надавил — и она начала скользить по направляющим, как ящик комода.

А запах с каждой секундой становился все сильнее, пока не заполнил собой все.

У них тут что, вообще вентиляции нет?

Да и свет какой-то очень слабый. Откуда-то издалека. Не с потолка этого зала.

И почему-то я до сих пор чувствовал сильную тревогу. Вроде худшее позади — мне почти удалось выбраться из своей тюрьмы.

Просвет стал достаточно большим, чтобы получилось приподняться и переползти. А потом подняться на четвереньки и, наконец, присесть.

— Эй ты, коновал, блин! — я выглянул наружу и перелез через край «ящика». — Какого хера ты меня не...

Слова застряли у меня в горле.

Это был действительно морг. В помещении — темно. Лампы на потолке не горели, но откуда-то пробивался слабый свет. Его было крайне мало, чтобы детально осмотреться, но я разглядел, что в стене еще не меньше двадцати таких же ячеек, как та, которую я покинул.

Свет исходил откуда-то из угла. С пола. Там лежал кем-то брошенный фонарик. И он почему-то был включен. Он светил тускло, будто находился на последнем издыхании. В его неровном свете я увидел фигуру. То, что человек стоит у самой стены лицом к ней, меня не удивило. А вот то, что он стоит в почти полной темноте, но фонарик не берет, насторожило. Да и какой-то странной была его поза — чуть ссутуленный, одно плечо выше другого.

И вдруг он повернулся. Сделал несколько нетвердых шагов в мою сторону. Движения его были медленными и ломаными, обрывистыми. Я видел и пьяных, и укуренных, но даже они так не ходят. Да что же за фигня?!

Вот он попал в светящуюся призму, образованную лучом фонарика.

Его лицо... оно было странным. Мягко говоря. Перекошенные черты делали его похожим на застывшую маску. Ничего не выражающие глаза смотрели на меня. Пустые. Отсутствующие. Сбрендил от шока? Похоже на то.

И это был никакой не санитар. Человек был голый, толстый, обрюзгший — примерно, как я, на руке большая татуировка. А еще у него была кровь: на шее, на подбородке, на лице. Видимо, поранился где-то.

Тут я увидел, что еще одна ячейка холодильника открыта.

— Э... мужик? Ты чего? Ты кто?

Глупее вопросов было не придумать. И в этот момент человек захрипел.

— Х-р-р.

Снова скрипнули зубы. А потом он тихонько завыл.

— У-у-у.

Было в его вое что-то настолько непонятное и чуждое, что я попятился. Так не может быть человек, как бы плохо ему ни было. Так не может быть даже зверь.

А он затаил протяжно, утробно, и к стону снова добавилось хриплое рычание.

Распухшая бледная рука потянулась вперед. В районе кисти болталась бирка из клеенки. Такая же, как была у меня. Но я-то свою сразу сорвал.

Пока человек шел ко мне странной раскачивающейся походкой, в голове пронеслось: то, что возможно один раз на миллион, не может случиться дважды подряд в одном месте. Или может?

Да еще он, наверно, умом повредился. Иначе так бы не хрипел и не выл.

Ну в какой еще стране это возможно — в XXI веке? Напишу не только в прокуратуру, но и на телевидение.

Дружище, товарищ по несчастью...

Но почему-то страх от такого соседства всё усиливался. Мне совсем не нравилось, что он шел ко мне. Медленно, но неуклонно. Я попробовал отойти чуть в сторону, бочком-бочком, вдоль стены. И

тут же незнакомец изменил направление движения, повернувшись, как стрелка компаса. Он опять шел точно на меня. И совсем не понравилось, что он больше не был подсвечен фонариком.

При этом ему темнота, судя по всему, видеть меня не мешала.

Теперь нас разделяло всего метров пять. Я его почти не видел, но слышал его шаркающие шаги.

— Ты че, блин? — последний раз окликнул я, но снова не получил ответа. — Че молчишь?

И тут меня ударило. Просто по голове шандарахнуло мыслью простой и страшной.

Да, эта мысль была безумной. Но ведь все смотрят фильмы и книжки читают.

Человек, который шел ко мне, мог быть только тем, для кого было много названий. Но самое короткое и емкое из них... зомби.

Зомби.

Это давало ответы на все вопросы, как последняя деталь мозаики. Но уж очень страшные ответы.

И тут я заметил, что слабый скрежет и дребезжание исходят из холодильников вокруг меня. Стенка одного из них, прямо за моей спиной, чуть подрагивала.

Это стало последней каплей.

Я не очень хорошо помню, как оказался в коридоре. Помню только, что орал как резаный, пока бежал к выходу, по дуге обходя толстяка, к двустворчатой зеленой двери, которую, к счастью, сумел разглядеть.

Пол был скользкий, несколько раз под ногами хрустнуло. Запах был одуряющий, тошнотворный. Плохо помню, как подобрал по пути фонарик, хотя для этого и пришлось немного отклониться от маршрута... и чуть было не оказаться зажатым в углу.

Зато помню очень хорошо, как ко мне протянулись скрюченные руки и клацнули зубы сантиметрах в тридцати от моего уха. Но все-таки удалось вырваться.

Тут снаружи воздух оказался посвежее. Но тоже пахло. Я понял, что нахожусь в коридоре с низким потолком, вдоль которого тянулись трубы разного диаметра. Окон не было. Похоже, подвал. Других источников света, кроме моего фонаря, тоже не было. Редкие лампы в решетчатых плафонах не горели.

Я лихорадочно огляделся. Выбегая, захлопнул за собой двери, и теперь думал, чем можно запереть или подпереть створки. Типа швабры. Или чем можно отмахаться от этого... зомби. Вроде топора.

Но вокруг не было ничего похожего.

И в этот момент двери дернулись, видимо, толстяк толкнул их с той стороны. А потом еще и еще. Но дверь, открывалась вовнутрь, а он этого не понимал.

Не понимал. Потому что был зомби. Мертвяком. Ходячим трупом.

Если на мгновение я почувствовал облегчение от того, что ему меня не достать, то его тут же сменило другое ощущение — последние иллюзии рассыпались. Никакой он не псих, не наркоман, не лунатик. А всего лишь восставший из мертвых.

С той стороны раздавались шлепающий топот босых ног, скрежет ногтей об дверную эмаль и глухие замогильные стоны. С тупым упорством мертвяк напирал на дверь, но чем сильнее он давил, тем надежнее запирал. И в этом положении я решил его оставить. Дверь была прочной, а он не казался таким уж сильным. Толчки в дверь становились все слабее. Когда я отошел на порядочное расстояние по коридору, они и вовсе прекратились. Может, зря его боялся? Неужели с таким медлительным я бы не справился?

«Нет. Ты все правильно сделал, чувак, — похвалил себя. — Ты видел его глаза? Откуда ты знаешь, вдруг эта дрянь заразна? В кино бывает именно так. Да и не был он таким уж тормозным. Когда ты проходил мимо него, он рванулся и чуть тебя не догнал».

И пусть прямая угроза жизни вроде как миновала, я все еще был, как говорится, «на измене». Надо было выбираться из здания.

Стены коридора были выложены дешевым кафелем, а потолок — таким низким, что будь я на десять сантиметров выше, пришлось бы нагибаться. Налево или направо? Решил идти направо. Где-то должен быть план эвакуации при пожаре. По нему пойму, как отсюда выбраться.

Я тщетно пытался вспомнить, при каких больницах у нас в городе есть морги. Их же вроде всего два. Интересно, в какой меня привезли? В травмбольницу или ЦГБ? Вроде еще при психушке был морг. Но туда меня уж точно не доставили бы, он только для ее же пациентов.

И что это за чума? Какова ее природа? Блин, ну кто бы мог подумать, что придется все это испытать на своей шкуре. Прям «Resident Evil» какой-то.

Куча вопросов теснились у меня в голове. Они действительно мертвые или просто зараженные и потерявшие разум? Это полноценный зомби-апокалипсис или локальная чума в одном

отдельно взятом городе... или одной стране?

Про город — ответ уже нашелся сам. Наверняка те москвичи не врали. И видео были вовсе не фейками. А значит, эпидемия действительно бушует повсю. Как минимум по всей России, а остальные страны меня сейчас мало волновали.

И не просто какого-то птичьего гриппа, и даже не эболы, а ходячего зомбизма.

Теперь ясно, почему электричества не было во всем здании. Да его, блин, во всем городе, возможно, нет. И легко догадаться, почему вообще меня приняли за труп. У экстренных служб аврал в связи с ЧП неясного происхождения. Поэтому, увидев меня лежащим во дворе в крови, с разбитой башкой и без явных признаков жизни, с пониженной температурой и не прощупываемым пульсом — они не стали обследовать меня более тщательно, а доставили в ближайшую мертвецкую. Может, я у них был не один такой, а сотый за час.

Интересно, это подвал или цокольный этаж? Где-то тут должна быть или лестница наверх, или дверь на улицу.

Я шел по коридору. Редкие двери слева и справа — крашенные деревянные, глухие железные — были заперты и вели в какие-то подсобки. Фонарик чуть подрагивал у меня в руках. Блин, как бы пригодился «ствол», хоть я и не умею стрелять. С пяти метров, поди, не промахнулся бы по корпусу. Или надо все-таки в голову? Но нет пистолета, хоть убейся. Даже подходящей железной трубы нет или молотка. Интересно... их можно убить как людей? Или нет?

И в этот момент темнота впереди меня зашевелилась. И из нее выступило сразу несколько кособоких раскачивающихся силуэтов. Они подступали ко мне тихо, безмолвно, и это было еще страшнее, чем если бы они шли, стеной или завывая.

Мой фонарь осветил их. Они были не голые, как тот... человек... на них были обрывки белых и зеленых халатов, изорванные и испачканные чем-то бурым. Я не разглядел их целиком, но увидел вытянутые руки. Руки были в крови, будто они рвали кого-то ногтями.

— Бля!

На меня шла толпа шатающихся людей. Давно пора называть их правильно, но всё еще не хочется. Десятки рук потянулись из темноты, будто ища рукопожатия. Раздался и знакомый вой. Тихий, утробный.

Я заметил, что шли они довольно бойко. Быстрее, чем тот,

первый, в мертвецкой. Но когда на их пути оказывалось какое-то препятствие вроде поваленного стула или столика, мертвецы не знали как его преодолеть. Нет, это перевернутая больничная каталка. Вместо того, чтобы обойти ее, они полезли напролом, шаркая ногами, пытаясь перевалиться через препятствие и падая. Первые плюхнулись на пол, каталка задребезжала. Задние начали напирать на упавших. Я не стал ждать, развернулся и побежал обратно. Эхо моего топота гулко разносилось по коридору, заглушая звуки того, что происходило у меня за спиной. Не знаю, насколько они близко, но бежал со всех ног.

Снова пробежал мимо двери покойницкой, которая была неподвижна. Видимо, тот, первый, про меня забыл и не мог учуять. Ну, хоть это обрадовало. Они непроходимо тупы, и с органами чувств у них не все в порядке.

Я понесся дальше. Ну что же, нельзя направо — значит, налево. Тем временем шаги позади окончательно стихли.

«Оторвался. Ну и безмозглые уроды... и слава богу».

Наконец, впереди появилось слабое свечение. Хорошо, что планы эвакуации делают с люминесцентным покрытием, а то мог бы и мимо пробежать. Оказалось, что я на верном пути. И мне осталось немного до запасного выхода, который мог быть открыт, а мог быть и заперт. Мог быть закрыт изнутри на засов, который, наверное, смогу отодвинуть. Или, может, найду ключ в замке. А может, не найду. Но проверить надо.

Внезапно одна из дверей справа от меня с табличкой «Бойлерная» распахнулась, будто кто-то толкнул ее всем корпусом. В дверном проеме угадывалась какая-то фигура.

Я непроизвольно повернул голову и навел фонарик. Лучше бы этого не делал. А еще лучше бы сразу побежал, только услышав тихий хриплый вой, похожий на скулеж бешеной собаки.

Из помещения даже не вышла, а выпрыгнула прямо на меня женщина. Немолодая, в синем застиранном халате или спецовке. Ее прыжок — который не каждый спортсмен мог бы повторить — сопровождался довольно тяжелым ударом тела об пол.

Я успел заметить, что позади нее в помещении кто-то лежит. Мелькнули в глазах торчащие из грудной клетки ребра. А она уже поднялась на ноги, огромные слоновьи ножищи, и повернула ко мне лицо, похожее на морду гориллы, перепачканную кровью. В раззявленном, будто накрашенном рту виднелись огромные клыки.

Да что это за нахер?!

Не рассуждая, побежал вперед, туда, где должен быть выход. Больше просто некуда. Поскользнулся на чем-то, но не упал. В последний момент, запнувшись о какой-то предмет на полу, подозрительно мягкий, бросился в сторону зигзагом... и тварь врезалась в стену там, где я только что стоял.

Дальнейшие события вспоминаются обрывками, картинками в калейдоскопе.

Бегу вперед, даже не успев порадоваться, даже не успевая подумать. Впереди поворот.

Сворачиваю за угол. Но не проходит и секунды, как из-за поворота показывается это существо. Я не вижу его, вижу только тень, но слышу, как топают его ножищи.

Никакой форы у меня больше нет. Я понимаю, что это создание фантастически быстрое. И точно так же, как ожившие мертвецы, хочет меня сожрать. Только оно гораздо опаснее и, похоже, обладает зачатками... ума?

Но там впереди я вижу то, что давно хотел увидеть. Слабый проблеск света. Приоткрываю железную дверь.

Меня отделяет от нее только двадцатиметровый отрезок коридора.

И в этот момент серая рука, протянувшаяся откуда-то сбоку, чуть не хватая меня за плечо. Уворачиваюсь, даже не успевая разглядеть того, кто возник из темноты и идет на меня, подволакивая ногу, перебитую или сломанную. Заклацали, закрипели совсем рядом зубы.

Бросаюсь вперед как спринтер, все силы вкладываю в рывок. А позади слышен глухой хрусткий удар, столкновение двух тел, после которого одно отлетает в сторону.

Даже не думаю об иронии, по которой меня спас тот, кто хотел загрызть.

Сзади топот, будто Тварь бежит за мной уже не на двух, а на четырех ногах.

Но спасительная полоска света все ближе. Бросаюсь вперед, ору и толкаю плечом дверь, распахивая ее шире... и с криком «А-а-а-а!» вылетаю на улицу в вечернюю прохладу, на свежий воздух, который после душного подвала, пропахшего формалином и миазмами, кажется особенно приятным.

Выдох.

Выбрался!

Да, это была травматологическая больница. Огромное монументальное здание с колоннами, похожее на театр. И я находился где-то возле правого крыла, на асфальтированной площадке, где стояло несколько автомобилей — развернутая боком «скорая», крепко побитая вишневая «девятка», основательно забрызганная грязью УАЗ-«буханка» и черный джип «Landcruiser».

Кругом никого. Ни живых, не мертвых. Солнце уже закатилось, на небе догорал закат, но еще достаточно светло. За решетчатым забором больницы город будто вымер. В панельных домах, насколько хватает глаз, не светится ни одно окно. Зато где-то внизу за деревьями — а больница находится на небольшом возвышении — виднелось далекое зарево чего-то, больше всего похожего на пожар. На фоне красного заката темнел поднимающийся столб дыма. И это явно не сухая трава горела.

Не светились и фонари, которые уже должны бы включиться. И ни одной пары фар на дороге, а прямо за забором автобусная остановка и довольно оживленная — прежде! — улица. Не работал автоматический светофор. Никакого движения. Только несколько брошенных автомобилей одиноко стояли на дороге. Впрочем, стояли у обочин, проезда не загораживали.

Я привалился к фундаменту, присел у кирпичного крыльца с пандусом. Сердце бешено колотилось. Пока не отдышусь, дальше никуда не побегу. Бляха-муха, ну когда же это всё закончится?

Вроде угроза миновала. Ну, хоть здесь-то они меня не будут преследовать.

И тут донеслась уже знакомая тяжелая поступь.

Техничка... уборщица... как ее ни назови — нашла меня и здесь!

Точно. Из-за железной двери высунулось знакомое рыло. А за ним и все туловище. Теперь при свете уходящего дня я сумел разглядеть ее получше... и лучше бы не видел.

Человеческого в ней было еще меньше, чем показалось вначале. Чудовищно раздувшийся торс бугрился мышцами, которые проступали сквозь прорехи драного халата, который был больше похож на саван. Обуви не было, а чудовищные ступни украшали длинные когти. Выступающая нижняя челюсть усеяна мощными зубами, длинные седые волосы развивались на ветру.

Ко мне приближалась сама смерть собственной, мать ее,

персоной.

Она заметила меня почти сразу, я не успел сделать и пяти шагов — крадучись, еле переставляя ноги, ковылял вдоль фасада, когда тварь уже опустилась на четыре конечности, как гигантская жаба, которая готовится к прыжку.

Побежал... и в этот момент услышал выстрелы.

Вернее, сначала я не понял, что это за хлопки. Но когда обернулся, то увидел, что существо лежит неподвижно, а из нескольких ран на асфальт течет темная жидкость, мало похожая на кровь. Минимум одна пуля попала в голову — в черепе «бешеной бабки» зияла хорошо заметная дыра.

Я так и стоял, замерев, пока не услышал резкий окрик:

— А это что еще за хрен в костюме Адама?

Ему вторил чей-то грубый смех.

— Отставить ржать как кони! — произнес другой голос с властными интонациями. — Тут еще эти шастают... мертвые. За подступами следите, юмористы.

И тут я увидел всех троих. Они появились из-за того самого черного джипа на стоянке. Двое были в сером городском камуфляже без знаков различия. Третий — в зеленой полувоенной форме охранника, с поясной кобурой и рацией в руке. Название ЧОПа на шевроне — «Монарх» — ничего мне не говорило.

Если первые два были славяне, то этот был похож на тувинца. Плотный такой, невысокий крепыш — лет пятидесяти, почти лысый, с гладко выбритым подбородком.

— Что у тебя на башке? — спросил «тувинец». Глаза его мне не понравились. Взгляд жесткий и колющий. И то, что он убрал рацию и положил руку на кобуру — тоже не понравилось.

Именно так спросил. Не «кто я такой», не «почему без одежды», а что это за рана у меня на лбу.

— Упал, голову разбил.

— Тебя не кусали?

— Н-нет, — мотнул я головой.

— Лучше говори честно, — глядя на меня испытующе, произнес «тувинец». — Если узнаем, что утаил — переломаем ноги и выбросим тебя *им*. Лекарства все равно нет. Говорят, ученые этим занимаются... но когда еще сделают. Инкубационный очень короткий. Температура, горячка, потеря сознания, смерть. А потом — восстанешь, но уже таким.

— Да нет у меня ничего! Ни укуса, ни царапины.

— Это хорошо. Хотя вирус есть и у тебя. А если нет — то будет. Пассивная форма. Он повсюду, в воздухе. Если умрешь — от чего угодно, хоть от пули, хоть от инфаркта, лишь бы без разрушения мозга — лежишь немного, да и поднимешься — мозги есть. А вот если укусят — получишь активную форму. И тогда... как я тебе и сказал.

Повернувшись к своим, он посмотрел на них вопросительно.

— Поверим товарищу?

— Вроде не врет, — ответил тот из славян, который был с «калашниковым», посмотрев на меня с насмешливой брезгливостью. — Только где он свои штаны потерял?

И все трое глумливо заржали. Только теперь я вспомнил, что до сих пор стою без труселей, как гребанный нудист. Хорошо хоть бирку с руки снял.

— Саня, шмотки ему дай, — закончив смеяться, произнес ЧОПовец. — У тебя вон целый баул на сидении. А то увидят наши — со смеху умрут и тут же восстанут.

Несмотря на то, что он вроде бы советовался с напарниками, судя по тону, лысый мужик восточной внешности был явно старшим. И вряд ли охранял супермаркет или сидел на вахте в школе. У этого человека была командная аура, уж я такие вещи знаю, потому что сам недолгое время работал в фирме, которая занималась охранным оборудованием. Поэтому на разных силовиков и безопасников насмотрелся.

У второго из одетых в камуфляж была винтовка с оптическим прицелом, похожая на АС «Вал», я такую в играх видел, но никогда не думал узреть вживую. Видимо, именно он прикончил эту тварь, которая меня чуть не загрызла.

Человек с автоматом тем временем подошел к труп «бабки».

— Морф. Мелкий еще. Не отожрался. Вовремя упокоили. Равиль Ринатович, чего-то наши на связь давно не выходят. Волнуюсь, блин.

— Да не ссы, — тот, кого называли Равилем Ринатовичем, вытащил из чехла на поясе УКВ-рацию. — Сейчас потороплю их.

Вроде это была «Motorola». Или «Kenwood».

Я тем временем надел спортивные штаны, футболку и олимпийку, которые бросил мне «снайпер». Теперь я выглядел как гопник из подворотни, правда толстый и потрепанный жизнью гопник. После всего произошедшего я чувствовал себя постаревшим лет на десять. Не удивлюсь, если седые волосы прорежутся.

После короткого разговора по рации начальник охраны — а я

мысленно повысил его до этого статуса — удовлетворенно кивнул сам себе и положил прибор на место.

— Погрузка почти закончена. У них без потерь. Все, что нужно, нашли.

— А с ним что будем делать? — спросил начальника «снайпер».

— У них в автобусе мест нет. Но в кузове «Газели», где лекарства лежат, можно потесниться. Не барин, потерпит. Найдем кого-нибудь более ценного... или что-нибудь — выкинем его. Ты кто по профессии, везунчик?

— Айтишник. Ну, программист, — объясняю, чувствуя, как сердце выпрыгивает из груди.

Эти ребята были почти так же опасны, как мертвяки. Но в городе, на который опускалась ночь... я понимал, что там меня ждет быстрый конец. Даже если люди там еще есть. Раз этот «морф» был еще слабенький, то какими бывают сильные? И откуда они вообще берутся? И сколько же там по улицам наверно шастает «ходячих» — и медленных, и тех, что пошустрее...

— Ну, тогда ты в натуре везунчик, — Равиль Ринатович посмотрел на меня внимательно. — Мне наш зам генерального говорил, что ему нужен компьютерщик. Заниматься датчиками движения.

Пришло понимание, что вытянул свой счастливый билет. Я уже начал понимать контуры нового мира, что без этих людей — если они просто отпустят меня на все четыре стороны — пропаду очень быстро — ведь совсем не боец. И ни друзей, ни родных, ни коллег, с кем можно было бы скооперироваться для выживания — у меня нет.

И тут же выпалил:

— Я работал в фирме, которая занималась инженерно-техническими средствами охраны. Комплексными системами безопасности. Три года проработал!

Приврал маленько. Всего полтора. Но кто проверит?

— Ого, бывают же совпадения! Вот и нам нужен кто-то, кто будет следить, чтобы датчики движения работали. У них бывает самосрабатывание. Говорил же, надо покупать японские, а экономисты сэкономили, как всегда. А бывает и не ложное срабатывание. Но это один раз из десяти. Своих людей мне каждый раз гонять не с руки. Да и не понимают они ни черта. Там свои нюансы есть, а человек, который разбирался... ему голову оторвали. Натурально. Всё, хватит разговоров! Вон уже и «Газель» подъезжает. Садись в кузов и сиди тихо.

Я увидел вдалеке фары приближающейся небольшой автоколонны.

— Как думаете, обуздают власти эту погань? — спросил у своих товарищей тот, кто держал автомат. Все это время он с тревогой смотрел на темные окна больницы.

— Не обуздают, — ответил «снайпер» со злой ухмылкой. — Человечеству п...зда.

Казалось, ему нравится эта мысль.

— Еще как обуздают, — возразил Равиль Ринатович, почесав лысину, — Перебьют как мух. Но не раньше, чем половина, а то и две трети населения упырями станет. Россия не Индия. Полно оружия, почти везде плотность населения один человек на сто квадратных километров и зима восемь месяцев в году.

— Так что, Ринатович, мы теперь типа дружина княжеская? — спросил его автоматчик. — А наш Семеныч... типа самодержец?

— Это временно. Государство все равно подомнет таких, как наш хозяин, под себя. Но он не дурак и борзеть не будет. Когда власть вернется, ей надо будет на кого-то опереться на местах. И уж точно это будут не мэры и не депутаты. Они уже, по-любому, почти все сдохли или ходят, мозги кому-нибудь жрут. Поэтому опираться власти будут на таких «крепких хозяйственников», как наш глава.

— А армия? По-любому силовики все под себя подгребут.

— Силовики будут заниматься силовыми вопросами, а хозяйственными будем заниматься мы, — «тувинец» многозначительно поднял палец, — Такие компании, как холдинг. Поэтому не бойсь, в новом мире у нас место уже забронировано. И для наших детей и внуков тоже.

Наконец, подъехала «Газель», и меня без всяких церемоний, подгоняя толчками в спину, повели к ней.

— Будешь плохо работать — шлепнем или за ворота выкинем, — напутствовал меня Равиль Ринатович. — А ты думал, в сказку попал, мил человек? Пока поживешь рабом, а будешь хорошо трудиться — повысим до холопа, — не ясно было, шутит он или говорит правду.

— А может, когда-нибудь вообще свободным человеком станешь, — продолжал начальник охраны. — В чудесном новом мире место будет только для тех, кто не шлангует, а пашет. И старших слушается. На этом испокон веков мир стоял.

— Ринатович, да не пугай ты клиента, — вступился за меня автоматчик. — Ты чего такой злой? Лекарства добыли. Босс похвалит

и премию выпишет. Врачей прихватили. Даже этого придурка. Авось сгодится. А еще я там видел симпатичную медсестричку в автобусе. Думаю, она ломаться не будет.

— Ну их всех, — отмахнулся командир. — Пока не до этого. Дело прежде всего. Надо прожекторы установить. И смотреть, чтоб никто не подобрался, пока работы ведутся. В дозор пойду, а то опять троих-четверых работяг не досчитаемся. А бабы... потом будут в очередь стоять, чтоб к нам за периметр попасть.

— Да и не только бабы. Все будут. Ладно, сажаем его, и по коням. Вон уже наши все стартуют.

Меня практически запихнули в кузов. Там среди коробок, ящиков и свертков сидело еще несколько таких же напуганных людей, как попало одетых. На меня они посмотрели настороженно, но ничего не спросили. Уже найдя себе место и усевшись на какой-то ящик, я услышал, как Равиль Ринатович снаружи заговорил в свою радиостанцию:

— База, база, прием. Это «Экспедитор». Задание выполнено, товар забрали. Возвращаемся!

Машина резко тронулась, слегка подрагивая на неровностях дороги. Судя по всему, мы объезжали что-то и ехали по грунту или по газону.

Тряслись коробки, в некоторых что-то звенело и дребезжало. Где-то заплакал ребенок — в самом углу сидит женщина, прижимающая к себе крохотный сверток.

Мы оставили город позади и, судя по всему, выехали на трассу. Дальше уже мчались куда быстрее и без остановок. Сквозь щель в неплотно закрытом брезентовом пологе я видел, как быстро сгущается темнота. Фонари не горели. Встречных машин не было, как и огней по сторонам шоссе. Никто ни разу не обогнал нас. И только фары идущего следом джипа прорезали во мраке узкий светящийся тоннель.

Вскоре пошел дождь.

© *Алексей Доронин*

Валентин Гусаченко

МЕХАНИЧЕСКИЕ СНЫ

Мир вокруг настолько сер, что раскрасить его есть только одна возможность.

Сны.

Киномеханик моих снов позавчера пропал бесследно.

Непослушный помощник. Непослушный дурак, в покорности которого я и секунды не сомневался.

Дурак и я. Какой же я дурак.

Потерял, профукал, проморгал.

Механик пропал. Выходит, предал?

А мне он нужен. Совсем неумоготу кормиться чёрными от безысходности снами, сплёвывая по утру горькую смрадную слюну. Неделя без снов чернее сажи. Реальность? Если посмотреть по сторонам, жизнь вокруг лишь на полутон светлее.

Мне, как и большинству жителей подземного города Март, генерировать сны не дано природой. Свои — серые и мрачные. Соседские — тусклые и унылые.

А у парня талант. Яркий, искрящийся, настоящий. Талантом в нашем подземном мире мало кто может похвастаться.

Смышлёные граждане рождаются совсем редко. В большинстве — голодные нежизнеспособные рты. Талантливые ребята появляются один раз в десять лет. Механики снов в нашем мире совсем напересчёт. Спрос на хорошие сновидения растёт, будто на дрожжах. И стоит в семье бедняка родиться снотворцу — а бедняков в городе, будто грязи — агентство снов тут же запускает свой длинный нос в семью несчастного. Или же счастливчика?

Каждый новый механик тут же обрастает хозяином — а где хозяин, там и вся его свора с детьми, тетками и любовницами. Механик обзаводится оковами и вечной службой на благо семьи, в головах которой ему предстоит рыться и наводить порядок. Некоторые головы порой смердят сильнее выгребной ямы.

Если принюхаться, воздух в городе тоже протух и сгнил. Жизнь в подземном городе совсем не сахар. И что такое сахар, знают лишь единицы. Голод, болезни и вечная мгла высасывают последние соки, словно мицелий огромного гриба, запустившего корни в наши души.

Сильные мира сего привязали к себе механиков, сделав их чем-то вроде прислуги. Быть прислугой не хочет никто. Но вместе с тем каждый хочет кушать. Даже под землей. А хорошую прислугу умный хозяин кормит сытно.

Свою прислугу я кормлю сытно. Я хоть и не господской крови, влияние в этом затхлом подземном аппендиксе имею значительное.

Что до механика, то парень вырос грамотный, толковый, преданный и благодарный. Рос, конечно, под моим покровительством. Но у себя дома, с родителями. Когда не хватало средств — голодные годы то и дело чередовались с неурожайными, я помогал. Когда его отец сломал ногу в шахте и на три месяца выбыл из забоя, мои врачи собрали бедняге конечность, а старший по шахте придержал за стариком место. Младшую сестру — копию моего механика — замуж выдали за состоятельного человека. Владелец крупнейшей в городе грибной плантации невестку принял словно собственную дочь.

Пашет парень, как лошадь в поле. Кусок отрабатывает и лишнего не берет.

Мастер своего дела. И всегда им был, сколько его помню. В ежовых рукавицах держать надобности не было, несмотря на тяжёлый характер и пытливый ум. Гляди, залезет еще куда-нибудь со своим любопытством. А с другой стороны, он же не свинарь какой, чтоб его палкой воспитывать. Так воображение и фантазию можно напрочь отбить.

Замечу, правда, что последние недели механик сам не свой. Задумчивый, загадочный, чуточку даже таинственный. Как если бы узнал тайну великую, о которой никому говорить не разрешалось. Вот с таким лицом и ходит.

Станный.

И странность его эта вылезла на поверхность недавно. Не прошло и месяца, как он вернулся из трёхдневного похода за город. Мы часто своих пристяжей туда-сюда посылаем, чтобы у них мозги не застаивались. Бежать им некуда: тёплое место остынет быстро. Всегда возвращаются.

Весьма успешно выбрался механик и в тот раз. Плодотворно.

Веселый приехал, радостный, солнечный. Я было решил, что влюбился чертяга в девку походную, но мои предположения он развеял быстро: «Просто отличное настроение, мистер Актобе», — ответил и за работу принялся.

А что, будь девка из помощников, купил бы для своего

механика, не задумываясь. Быть может, новые сны начнет генерировать. Это как со смешением красок. Если у вас пять цветов, вы ограничены в выборе. А если начинать смешивать?

Так и с механиками.

Видимо, ещё не время.

Подождём. С радостью и нетерпением буду ждать, ибо первые признаки смешения эмоций у моего механика начали проявляться. И сон в тот раз такой отличный смонтировал, зараза. Выспался я с удовольствием. Ни один ещё механик — а было у меня их за всю жизнь трое — такого восторга щенячьего не доставлял. Самый первый с ума сошёл, второй механик спекся — редкую чернуху проецировать начал, мама не горюй. Третий староват стал, сероват, выдохся. Мелко мечтать стал, серо мыслить принялись. Сейчас, наверное, доживает свой век в семье какого-нибудь бедняка, изредка балуя патрона скудными чёрно-белыми диафильмами.

Проснулся я после чудесного сна жутко довольный и с высоты высокого чина выписал своему сновидцу премию с повышением. Как ни крути, но агентство механиков не отпускает из-под колпака.

Хорошую премию выписал. Большую премию.

В тот вечер механик ещё шире улыбался.

Заикаться даже начал. Такое, правда, было с ним поначалу. Потом пропало.

Странный он.

Благодарил в тот вечер ежесекундно, краснел, как девица на первом свидании, ломался, жеманился. Мне даже неловко стало. Не первый же год мы с ним знакомы. А с другой стороны, не сын же он мне, в конце-то концов, да и не родственник вовсе, чтобы с ним на короткой ноге держаться. Или как там раньше говорили. На коротком поводке? На коротком хвосте? Не помнит никто.

В один из тех дней я задумался: так кто он мне такой? Просто киномеханик снов? Просто слуга? Или не просто киномеханик? Подумал я, подумал и решил, что раз в голову пускаю, то почему бы и не помочь хорошему — своему — человеку? Взять, так сказать, в семью. Чтобы он не прислугой был, а своим. Не станет меня, возьмут и переманят на сторону завистники. И отбить парня будет некому. Дети у меня малые, жена умерла пять лет назад. С прислугой и рабами у властей разговор короткий. Деньги, деньги, деньги. Все провоняло монетами, бумажные купюры хуже тряпки половой. Бумага в дефиците. Я и не помню, когда последний раз видел чистый лист. Всю целлюлозу на банкноты извели. Деньги ходят, носятся,

трутся, рвутся, портятся. А новой бумаги нам взять больше нигде. С поверхности давно никто ничего не приносил.

Много думать я стал в последние месяцы.

Механик меня косвенно на размышления толкает.

После последних снов — а сны у механика глубокие выходят, вдумчивые, острые — перестал я делить людей на плохих и хороших. Только «свои» и «чужие».

И механик-то свой.

На семейном совете приняли его в семью.

Возражать он не стал. Выслушал, покорно кивнул и улыбнулся. Такой шанс не каждому выпадает. Даже фамилию взять согласился. Вторую фамилию после своей.

Его выбор. И я не буду возражать.

И он никогда не возражал.

Сон же после совета был ещё краше первого.

Механик весь вечер говорил о какой-то Мэри Поппинс и изумрудном городе. Доселе я от него этого имени не слышал. О городе он и подавно не заикался.

Как всегда перед сном, он взял меня за руку, достал из кармана монетку, подбросил в ладони несколько раз, поймал, и не разжимая ладони, медленно закрыл глаза. И тут же силы мгновенно покинули меня, будто кто насосом выкачал, а разум накрыло свинцовым одеялом. Тяжелым и холодным.

Сон на цыпочках пробрался в сознание.

Яркий сон, теплый, воздушный, словно папье-маше и разноцветный, будто колпак у шута циркового, фейерверком взорвался в моей голове. Помню бабочек громадных, словно птиц, помню радугу над зелёным душистым лугом, помню, если вам это сравнение покажется здесь уместным, как я летал дождевым зонтом над горами. Как пушинка, как лепесток, как майский жук, которых никто из нас никогда не видел живьём. Так и парил я под облаками, раскидывая лопатой мутную белую вату в разные стороны. Копал, копал, вгрызался и углублялся, созидал вокруг себя огромные неподъемные горы, сметаемые ветром в одну секунду. А потом рухнул с высоты на перину. И будто в мёд густой-густой провалился, прилип, застрял, запутался, как букашка крошечная. И такая нега небесная меня окутала, по рукам и ногам связала. Рай.

Казалось, в раю я и проснулся.

Но нет.

Тесные квартиры под землей были такими же тёмными. Своды

давили на плечи, а сырость пропитывала кости насквозь. Еще немного и соль проступит сквозь кожу. Ржавая тухлая соль. В носу привычно засвербило. Металл и плесень. Горло солидарно запершило с носом. Кашель не проходил вот уже который год. Кашляем, чихаем. Когда же это всё закончится?

Где-то капала вода, звонко бухая по жестяному настилу перед домом.

Бах, бах, бабах.

Как же ты надоел, грязный и сырой мир.

Закопать тебя, зарыть, спрятать с глаз долой ещё глубже.

Копошимся, копошимся, копошимся.

Как ослепшие кроты, как хитиновые мерзкие медведки, что копают с каждым годом вглубь, вглубь.

К ядру.

Туда, где теплее.

На поверхности жизни нет.

Куда же пропал мой киномеханик снов?

Мне стоило заметить метаморфозы намного раньше.

Дурак я, дурак. Слепой старый дурень!

Звоночки были, да я прохлопал. Три дня назад он какой-то раздражённый с прогулки пришёл. Злой, чёрствый, грубый, хамоватый. Разговаривал резко, с вызовом, слушал неохотно, перебивал постоянно. Шумел и кашлял. Совсем изменился сновидец. Домашние поговаривали, что на радостях запил.

Только вот не верю я им.

Не может он запить на радостях. Да и какая радость? Понимаю, если бы с горя. Но какое горе? Почему молчит, стервец? Я же ему не чужой. Я же свой.

Мы с ним свои.

Бывало, вечером — перед сном — встретишься детали обговорить, подробности описать. И разговор часа на два затягиваешь специально. И ловишь себя на мысли, что как можно раньше стараешься с механиком встретиться, наговориться, надышаться его энергией и светом.

Так он все по два раз выслушает, переспросит — чтобы никакой ошибки — по три раза, потом мне всё по четыре раза повторит. Громко и с выражением

И тут нате.

Вот уже второй день не появляется. Пропал, провалился под землю — ещё глубже, исчез, растворился. В агентстве снов молчат. У

них информация о каждом механике с первой секунды жизни и до настоящего момента копится, хранится, анализируется. Следаки хреновы. Если уж и они не знают, куда пропал мой друг, совсем, видимо, беда пришла в нашу жизнь. Без предупреждения и объявления. В агентстве суматоха — сами в поисках, сами в растерянности, ибо это не первый механик, который исчез. В приватном разговоре большой человек сверху пискнул о сотне.

Жалобно-жалобно так пискнул, слово мышка. Ибо и у него механик исчез одним прекрасным утром.

Синяки под глазами и трясущиеся лапки «мышки» мне сильно не понравились. Но не верить повода не было.

Через день механик пропал и у соседа.

Через три механик пропал у самого министра.

Еще через неделю мы остались без снов.

Мир померк. Чёрный подземный мир, разукрашенный силами механиков в пёстрое дерево, живо превратился в тусклый пожухший куст. Куст тут же высох, сломался и сгорел в тёмных коридорах бессонного города. Сквозняк подхватил золу и выбросил в решётки вентиляции. Яркие образы в головах подземных жителей сменились мигренями, болями и бредовыми галлюцинациями. Производство остановилось, работа застыла, город в одночасье захирел и растворился в бредовой туманной дрёме.

Люди потеряли покой.

Люди забыли отдушину.

И начали понемногу задыхаться.

Грусть пронзила сердца, печаль просочилась в души, гнев гулял по улицам и коридорам без спроса и разбора. Лишь те, кто не мог позволить механиков, чувствовали себя, как и раньше.

Жили, работали, спали и видели сны.

Какое же дорогое удовольствие. Как наркотик, мы подсели на механиков, позабыв, что сами когда-то без труда могли видеть сны. Сперва механики были чем-то вроде лекарства для особо тяжёлых случаев, затем богатые мира сего переманили механиков для своих утех. Я и не помню, когда в моём роду перестали видеть сны. Знаю, что задолго до появления меня на тёмный свет.

Иметь механика в нашей семье всегда было нормой. Выбора мне не предоставили. Мы начали привыкать к наркотику. И с каждым днём дозы требовались всё больше.

На смену механикам пришла боль.

Ломка становилась невыносимой изо дня в день, головы гудели

от нетерпения, мысли сгорали в желании.

Вспыхнув ярким пламенем, неожиданно всё потухло. Потухли и мы.

Потух мир.

Через год город успокоился.

Лишь надежда — тонкая и робкая — тлела где-то между рёбер.

Успокоился и я. Но так же ярко помню сны, что напоследок сгенерировал мой механик. Порой в полуночном бреду я перебираю по косточкам и крупцам каждое мгновение того волшебного путешествия, ловлю руками каждый листок и каждую каплю, сорвавшуюся с седых облаков в последний полёт. Догоняю, рву, кусаю, пытаюсь проглотить и завладеть. Но сон убегает, улетает, просачивается сквозь пальцы.

Каждое утро я просыпаюсь в слезах.

В холодных, как воздух под землей.

Однажды утром в дверь постучали. На пороге лежал свёрток.

Без обратного адреса, без печати и бирки. Почта без бирок письма не шлет. Выходит, отправитель еще минуту назад был за порогом. Что за секретность?

Я осторожно развернул коробку, смахнул несколько капель, что успели скопиться, интуитивно нащупал, как же посылка открывается. Тяжёлый брус, шершавый и ровный лежал на дне коробки. Достал, открыл, перевернул пару бумажных картинок. Буковки, цифры, линии, завитушки и окантовки. Что за чудо? Столько буковок! Столько слов! До сих пор таких диковинных бумаг я не держал в руках. Да вообще я такого количества бумаги никогда не видел.

Неужели это то, о чем я думаю?

У нас в городе все устроено просто донельзя. Покрутись вокруг себя — ни одной буквы по сторонам не заметишь. Кнопки, рычаги, картинки, клавиши. Все интуитивно понятно даже ребенку, все упрощено до безобразия. Нигде ни одной буквы, нигде ни одного слова. Жизнь в темном городе сама собой вывела чтение из круга необходимых для воспитания занятий. Первые годы мы боролись с болезнями, хворями, сыростью, грязью и мглой, которые по пятам шли за нами от начала до конца. Дети рождались во мраке, выросли во мраке и умирали также во мраке. В густом, затхлом коконе мы выросли и старели, любили и ненавидели, боролись и сдавались.

Наш город за это время научился жить по своим простым правилам. Система стала самодостаточной, замкнутой. Чтению и книгам в ней не нашлось места. Были, конечно, те, кто пытался

возродить школы, оживить литературу, воскресить письменность и культуру. В замкнутом коробе всегда было недостаточно света, кислорода же было на порядок меньше. Головы гудели, а мозги начинали закипать после нескольких строк. Все было тщетно, усилия были напрасны.

Мы в одночасье разучились читать.

Система нашла выход, город выбрал свой путь.

На улицах с завидной частотой сейчас висят карты, знаки, указатели со стрелками, точками, пунктирами и крестами. Поворот сюда, поворот туда. Невозможно не понять. Остановки городского транспорта пронумерованы парой цифр. Первая — район города, вторая — улица. Город выстроен математически строго. Задана своя система координат. В столовой возле автоматов — картинки с блюдами, таблички; в заведениях, что предназначены для элиты — аудио сопровождение. Нравится картинка или сладко поет девичий голос — заказывай, кушай. Хлопаешь ладонью по кнопке, блюдо выезжает. Монетки, которыми платить за еду, проще картинок. Кругляш, а с двух сторон цифра.

Как же мы быстро сдались. Как же быстро серость пробралась в наши головы.

Через плечо заглянул шестилетний сынишка Нин.

— Папка, а что это у тебя такое?

— К-н-и-г-г-а, — спустя пять минут, я по слогам процедил необычное слово, что было старательно выведено чьей-то рукой на верхней крышке.

— Книга? — Нин бережно взял её из моих рук. Задержал дыхание и повторил мой маневр с раскрытием. — Ух ты, с картинками!

— Книга, — повторил я.

Где-то в глубинах мозга что-то потухшее и забытое зашевелилось, озарив искрами мир. Туманная дрёма, душившая и угнетающая, со сквозняком выпорхнула в коридор.

Сбежала, трусиха.

Ускакала, наездница. И не возвращайся больше.

Я громко и с удовольствием чихнул. Наверное, мой львиный рёв услышали на другом конце нашей тесной компактной улочки.

— Тут бумажка, пап, — сынишка протянул сложенный вдвое листок.

«Актобе» было написано сверху.

Уж своё то имя я мог прочесть.

Читал я в своей жизни всего несколько раз. За год приходилось прочесть хотя бы пару слов. Это конечно не так много, как в духовной семинарии. Там ребята по предложению осиливают. Во как.

Но и я не простой работник грибной плантации.

Я — власть.

Нужно соответствовать.

Я глубоко, буквально до гипервентиляции лёгких, вздохнул. Рубашка на груди предательски затрещала по швам, спина покрылась крупными наглыми мурашками. Сухими пальцами развернул бумажку.

Выдохнул, замер. Глянул на записку — будто уже и не листок перед мной расхристанный лежит, а так — разноцветное одеяло, сшитое из сотен отдельных миниатюрных кусков и огрызков. Квадратных и треугольных. Больших и маленьких. Зеленых, красных, где-то даже золотых и перламутровых — совсем удивительный цвет. Как хорошо замаскировались буквы. Мириады разноцветных закорючек уместались на жалком огрызке, заполняя все свободное пространство от края до края. Строка к строке, буква к букве. Какая поразительная экономия.

Полчаса я боролся с ровными, стройными буквами, вплетёнными в эту бумажку чьей-то искусной, старательной рукой.

Руку я узнал тотчас же. Не по почерку, нет. По настроению.

«Дорогой друг, мы ушли на поверхность. Все ваши сны — сюжеты книг. Я не вернусь. Читай. Теперь и ты сможешь видеть сны».

Я снова разрыдался. Теплая слеза скатилась по щеке и упала на письмо. Буквы моментально поплыли, расплзлись, разноцветными прожилками покрыли пятачок.

Я улыбнулся.

И уже вечером с неутихающим за день трепетом в груди, раскрыл книгу. Сынишка сидел рядом, сжимая крохотными бледными ручками записку. Весь день с ней носится, непоседа.

Голова разболелась спустя десять строк. В голове методично застучали тамтамы, а перед глазами густым роем принялись носиться юркие острые звездочки. Ослепляющие звезды бога. Какой же тяжелый труд. Я прислонился к стене и закрыл глаза. Вот посижу так немного, отдышусь слегка и с новыми силами вернусь в книгу. Тусклый, черно-белый пес, о котором я прочел в этих строках задорно вильнул хвостом, мотнул головой, сбросил ошейник и звонко залаял.

Я проснулся. Будильник вызывал на работу.

Сынишка сопел рядом на кровати, завернувшись в одеяло, будто гусеница, но так и не выпустивший из лапки ту разноцветную записку от механика. Второй рукой он держал за палец меня.

Неужели я видел сон?

Спустя неделю дочитали первую страницу. Процесс пошел быстрее, разум с чудовищным усердием, желанием и рвением впитывал, поглощал, переваривал и требовал добавки, добавки, добавки. Голова перестала гудеть, кровь с эхом, как было это раньше, перестала бить в голову церковным набатом.

Утром десятого дня малыш рассказал свой сон.

Короткий сон, тоненький и прозрачный, словно мой Нин. Но в тоже время яркий и живой, наполненный жизнью и светом.

Пёстрая бабочка уселась на горелый сухой куст. Тонкая веточка нежно задрожала под тяжестью яркого пятнышка. Из крохотной почки вырвался первый зеленый листок...

Что я буду делать, когда книга закончится?

Пожалуй, я напишу свою.

© *Валентин Гусаченко*

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Мы долго думали, как следовало бы закончить сборник памяти Андрея. И выбрали вот такой финал. Поэтому — небольшое пояснение. Сам того не подозревая, Андрей свел в одну сплоченную команду очень много разных людей, которые живут в разных местах, занимаются совершенно разными делами, но за долгие годы общения стали друзьями и единомышленниками. На многие вещи мы смотрим одинаково, уважаем одни и те же принципы и уже давно общаемся не только в интернете, но и встречаемся в реальной жизни — общаемся, спорим, смеемся, что-то придумываем, что-то делаем и куда-то едем. И всё это тоже во многом благодаря Андрею.

Теперь 3-й тост на встречах будет и в память о Хефе.

Многие узнают персонажей рассказа Славы Кофмана, хотя, по сути, вместо одних имен могли бы быть любые другие, никто не считал и не скажет, сколько людей он успел сделать друзьями.

И сегодня, прощаясь с Андреем, мы идем дальше и он идет вместе с нами...

Редколлегия

Святослав Кофман ПРОСТО ХОРОШИЙ ВЕЧЕР

*Светлая память Андрюхе.
Будем жить!*

Вьюга — это очень здорово. Когда вьюжит снаружи, а ты внутри. Внутри теплого и уютного домика, где накрыт стол, трещат в печке дрова и собираются самые близкие.

Сергея ждал гостей, самых близких друзей еще с той жизни, когда мир был един, и жизнь была другой, совсем другой. Когда деревья в лесу были зеленые, а не синие, когда не было магии и исчадий стужи.

До прихода друзей оставалось немного времени, и хозяину автомастерской предстояло переделать кучу дел. Днем пришел заказ из-за ленточки и нужно было разложить по порядку, что ставить на машины и снегоходы, что выставить в продажу, а что передать чародеям на доработку. Сверху стопки упаковочных коробок лежали четыре ярких коробки с усиленными амортизаторами «KONI». Сергей взял коробку, отнес в подсобку, где щурился за ноутбуком его давний помощник и компаньон — Дениска. Подсобка служила также офисом, бухгалтерией и спальней Сергея.

— День, — сказал Сергей, — если вдруг припрется жмот Лезин, отдай ему амортизаторы.

— А чего он жмот-то? — спросил Дениска.

— Жмот от того, что его жаба душит нам три копейки заплатить за установку и он в холодном гараже будет морозить лысину, чтобы поменять стойки. И даже предоплату не внес. Как есть — жмот.

— Понятно, — ответил Дениска, взял черный маркер и размашисто написал: «Для Лезина».

— Ладно, — сказал Сергей, — я в погреб.

— Дядь Сереж, я дела закончу и побегу, мне надо...

— Опять бабу завел, — беззлобно усмехнулся Сергей.

— Да нет, я тут шабашку взял, потолок соседу оклеить. Дует у него.

— Понятно, с потолков завсегда дует, коль молодой и ума нет, — проворчал Сергей, поднимая крышку погреба. Дениска редко

оставался на посиделки Серегиных друзей, понимая, что он не сдюжит вечеринку в компании немолодых суровых мужиков — пить наравне он просто не мог, а упасть под стол на глазах честной компании не хотелось.

Сам Дениска провалился в Приграничье семь лет назад вместе с ноутбуком и двумя большими сумками, набитыми дисками с пиратскими копиями фильмов и отборной порнухой. С продажи этих фильмов Денис обзавелся жильем и долей в Серегиной автомастерской.

В погребе Серега взял старую плетеную корзинку и начал складывать в нее банки с соленьями и мочениями. Подняв корзинку наверх, выгрузил припасы на широкий стол, поставленный вдоль задней стены мастерской, и, прихватив чистую эмалированную кастрюлю с большой деревянной ложкой, снова полез вниз — за квашеной капустой. В тот момент, когда он аккуратно накладывал прозрачную, тронутую первым морозцем капусту, с яркими вкраплениями красной морковки, наверху звякнул дверной колокольчик.

— Денис, — из глубокого подвала послышался голос Сергея, — если это Лезин, не давай ему ничего без денег!

— Нет, это не Лезин, — ответил сверху голос с едва уловимым кавказским акцентом, это совсем даже я, и кое-что вкусное — со мной.

— Юрич! — закричал Серега, — Я сейчас! Держи! — в проеме подвального люка появилась кастрюля, наполненная квашеной капустой, которую ловко подхватил немолодой мужчина с большим носом и седыми усами.

— Ты чего так рано, старик? — вслед за кастрюлей из подвала появилась голова Сергея.

— Ребра барашка, приготовил на углях. Сейчас заскочу домой, поставлю машину, переоденусь и вернусь.

— Понятно, — протянул хозяин и тут ему на глаза попался водруженный на стол огромный куль из одеяла, обмотанный веревкой.

— Это что за узел, Юрич? Тут, похоже, не ребра, а весь баран.

— Мой юный друг, там, — седоусый ткнул пальцем в сторону монументального свертка, — очень вкусные ребрышки, которые никто кроме меня тебе не приготовит, потом фольга, потом газеты, а потом два одеяла. Все соберутся, мы откроем, а там все горячее-горячее. Мы немного выпьем и всё быстро, поверь мне, скушаем, —

со смехом ответил Юрич.

— Юрич, а вы в какую сторону? — спросил выглянувший из подсобки Денис.

— Ну, до Крупы точно подброшу. Давай собирайся, я в машине.

— Спасибо, я мигом! — Денис снова нырнул в подсобку и через пару секунд выскочил, надев овчинный тулуп и ярко-зеленую лыжную маску.

— Маску сними, — ухмыльнулся Сергей, а то дружинники за орка примут и в кутузку отволокут.

Денис, не ответив, выскочил на улицу вслед за Юричем.

Сергей принес и поставил на стол большую пивную кружку с разномастными ложками-вилками, потом стопку фаянсовых тарелок с синей каемкой и дюжину серебряных чарок, отделанных бирюзой и филигранью.

Снова спустился в погреб, набрал полное ведро картошки, поднял наверх. Набрал ковшиком из бачка кастрюлю воды. Уселся на табурет, достал из кармана складной нож и принялся чистить картошку, фальшиво насвистывая марш красных кавалеристов.

Открылась дверь, забежал сероглазый парень, в обеих руках он нес позвякивающий ящик. Поставил на пол и, скороговоркой выпалив: «Приветщаспивапринесу», выскочил за дверь.

— Хмель, — крикнул вслед убежавшему Сергей, — где Коля?

— Он попозже подтянется, у него запарка, просил без него начинать, — ответил Хмель, занося дубовый бочонок литров на двадцать пять.

— А что за запарка?

— Да он для Андрюхи решил каких-то хитрых патронов накрутить и не поспевает. А завтра с похмелья планирует проснуться, ему уже не до патронов будет,

— А ты откуда знаешь, что Андрей приедет?

— Он осенью, когда приезжал, сказал, после Черного солнца сразу прибудет. А вчера связь была, он подтвердил, что выезжает затемно.

— Я тоже слышал, что приедет. Давай, садись, помогай.

— Ща, только Ване скажу, когда за мной заехать, и кран прилажу.

Выйти Хмель не успел. Весь дверной проем заполнил собой огромный верзила, с совершенно детской, добродушной физиономией. В руках он держал две трехлитровых банки с огурцами и помидорами. При его габаритах банки выглядели маленькими и

несолидными.

— Ваню я отпустил, — сообщил вошедший, — а нас развезет мой водитель, которого я вызову по чарофону. А ты, симулянт, помогай Сереге чистить картошку.

Хмель понуро вздохнул, стянул вязаную шапочку, снял куртку и поплелся за вторым табуретом.

— Борь, — сказал он верзиле, — а я нож дома забыл.

Борис понимающе ухмыльнулся, сунул правую руку в левый рукав полушубка и протянул Хмелю остро заточенный кинжал с узким и длинным лезвием: — Держи, растяпа!

Хмель снова вздохнул и начал неожиданно ловко чистить картошку. Борис снял полушубок с полковничьими погонами и остался в потертой камуфляжной форме без знаков различия, на правом бедре в оперативной кобуре — АПС.

Полковник, не чинясь, придвинул от стола табурет, достал из кармана новенький складной нож с дымчатым лезвием и тоже принялся обстоятельно чистить картошку.

— Хороша сталь, — сказал Хмель, приглядевшись к ножу.

— Артель «Красное знамя», — важно ответил Борис.

— Богато живешь, — заметил Сергей.

— Подарок, — ответил Борис, сам Иван подарил.

— Крутяк! — восхитился Сергей, — кстати, сегодня командир придет.

— Откуда знаешь? — удивился Борис.

— Вчера разговаривал, точно придет. Человек от него был неделю назад. Охотник, на хуторе у них был, гостинец мне привез и передал — ждите, будет точно.

— Дык выюжит же?

— На 63-м с цепями он спокойно проедет, да и чистят дорогу постоянно. А на хуторе у них трактор гусеничный, он всегда путь до дороги чистит.

Тут снова звякнул колокольчик, с мороза вбежал пузатый мужичок со старинной авоськой, набитой буханками с хлебом и огромным свертком белого полотна:

— Таки наше вам зд`гавствуйте, п`гинес вам тут сала и хлеба, чем богата наша г`усская земля, — сказал вошедший, нарочито картавя.

— И тебе, шалом, Слава, — улыбаясь ответил Борис, сало хоть кошерное?

— Нет, блин, халяльное, — заулыбался в ответ вошедший, —

вообще-то мне его Бирюков с Федькой привезли еще до Черного солнца, а я не слопал, заметьте, а припас для дорогих друзей, для которых мне ничего не жалко!

— Да уж, — заметил вошедший следом за толстяком успевший сгонять домой Юрич, — в этом году просто аномалия, Черное солнце на неделю раньше взошло.

— Ага, — подхватил Сергей, такого и старожилы не припомнят.

— Старожилы для того и нужны, чтоб ничего не помнить, — вставил вошедший за Юричем плотный мужик, с холщовым мешком, из которого торчал здоровенный рыбий хвост. Где тут у вас можно рыбки построгать, карапузики?

— Вадим, откуда рыбина? — спросил Борис, — подлётка?

— Боря, это не рыбина, это чир! — Вадим скептически посмотрел на присутствующих и, убедившись, что карапузики должным образом не отреагировали, повторил, — Чир! Из моих личных запасов, между прочим. С лета в леднике дожидался, когда вы соизволите собраться. Юрич, тащи кипяток...

— Чайку с мороза захотелось? — ехидно поинтересовался Юрич.

— Юморист, помогай давай, — хмыкнул Вадим, — если мы с тобой не позаботимся, эта детвора великовозрастная голодной останется и будет самогон пить и тушенкой закусывать. А мы сейчас чира кипятком обдадим, кожу сдерем, а потом ты увидишь, что такое настоящая строганина!

Хмель с Борисом раскладывали по большим миска соленья. Толстяк, принесший сало, заправил капусту мелко порезанным луком и ароматным постным маслом. Сергей, поставив на огонь картошку, принялся резать прозрачными ломтиками сало.

Тут в дверь громко постучали.

— Это Вова, — сказал, Сергей, — он единственный воспитанный среди вас.

В дверь протиснулся седовласый мужик, из тех, про которых говорят «поперек себя шире». В могучих ручищах он держал мангал с крышкой.

— Вот, мужики, мангал командиру сварил, — довольно улыбаясь сообщил здоровяк, ну и там внутри шампура, решетка. Мы его сейчас и обновим!

— А мясо где? — возмутился пузатый гость,

— Мясо же ты обещал принести, — удивленно ответил Владимир.

— Не было такого уговора! — Слава хитро прищурился и решительно ушел в отказ.

— Да вчера он его принес и замариновал, — вклинился в перепалку Сергей, — Вон, в ведре под окном стоит. Он кивком указал на белое ведро с подвязанной крышкой, — Кому веришь, Вов.

Толстяк радостно засмеялся и показал Володе язык.

Тем временем поспела картошка, Сергей хозяйственно слил воду в оцинкованное ведро, Хмель расставил бутылки из ящика, каждая сопровождалась комментарием:

— Эта из ягодного спирта. Эта на калгане. Эта на кедровых орешках.

— А выпьем когда? — спросил зашедший за Сергеем круглолицый парень.

— А выпьем, Андрюх, когда твой тезка приедет, — степенно ответил Борис.

— Неужто Хефе все же приедет? — обрадовался Андрей.

— Ага, — ответил Серега, давайте картошки разложу, пока не остыла, а шашлык поставим, когда Андрюха подъедет.

— Мужики, — спросил Володя, — а кто про Льда слышал новости?

— Говорят, ведьмы его все же достали, — ответил Юрич.

— Враки, — убежденно сказал Борис, — на юг он подался.

— Что он там делать будет?

— Библиотеку откроет, — хмыкнул толстяк и все дружно засмеялись.

— С Боксером он сейчас работает. Тот шмотки таскает из-за ленточки, всякие высоко-технологичные для наших условий, а Лед типа менеджера по оптовке, — пояснил Борис.

Разговор прервался громким треском старенького движка.

— Ну, наконец-то, — Вадим отложил в сторону острый якутский нож, разглядывая большое блюдо с закрученной в стружку строганиной.

— Да уж, газоновский движок ни с чем не спутаешь, — прислушиваясь заметил Серега. Этот я сам перебирал, теперь как часы.

Двигатель рыкнул в последний раз и замолк. Громко хлопнула дверь грузовика.

Входная дверь скрипнула, звякнул колокольчик, и в облаке пара на пороге появился высокий худощавый мужчина, одетый в полушубок из шкуры серка, рыжий малахай и добротные унты. На

левом плече стволом вниз висела потертая винтовка СВТ с прицелом, покрытым рунами ночного и магического видения, на правом — объемистый мешок. На широком ремне — револьвер с рукояткой из северной лиственницы в открытой кобуре и большой нож в украшенных серебром кожаных ножнах.

— Здравствуйте, дети. Я дедушка Мороз, — нарочитым басом проговорил вошедший.

— Андрюх, борода где? — спросил кто-то из присутствующих.

— Ты один? — задал вопрос Борис.

— Маша на озере осталась, — ответил вошедший.

— Не боишься ее одну оставлять?

— А что ей будет? Пацаны давно выросли. Взрослые, считай, мужики. Уже прекрасно без меня справляются.

— Коты опять же, — съязвил старый собачник Юрич.

— Мои коты любую овчарку загрызут, — улыбнувшись, ответил Андрей, снял с плеча и бережно поставил в угол винтовку. Потом скинул мешок, расстегнул ремень и снял полушубок.

— Наливайте, черти, соскучился я по вам. А тут, — он показал на мешок, — подарки всем.

— Подарки потом. Давай по пятьдесят, с мороза. Мы тут не пили, тебя ждали, — сказал разливший по чаркам самогонку Хмель.

Андрей подошел к столу, взял протянутую чарку, помедлил и сказал:

— Давайте, братцы, за нас. Чтоб жить нам всем долго...

Все выпили, смачно закусили, кто бутербродом с салом, кто стружкой чира, кто капустой и огурцом.

Тут же было предложено повторить под тост Сереги: за нас с вами и хрен с ними. Третий пили чуть позже, стоя и не чокаясь...

А потом было долгое-долгое застолье, хохот, честное мужское вранье и непонятная щемящая грусть...

Это был очень хороший день...

© *Святослав Кофман, 2018*

Примечания

1

Лицензия на производство и торговлю оружием.

Mud (англ.) — грязь. MudTerrain — грязевая внедорожная резина. *(прим. автора)*

Гипсоволокнистый лист

Большая жизнь — специфический гномий обычай. В возрасте около сорока лет гном может отправиться пожить в большом мире, поодаль от своих гор, на четыре года. Делается это для того, чтобы молодежь осознанно принимала решение оставаться в общине со строгими правилами (сорок лет — для гнома не возраст). Большинство гномов из тех, кто воспользовался «большой жизнью», возвращаются назад, единицы остаются жить среди людей, но их никто не винит. Если же гном покидает общину не в период «большой жизни», то его полагают если не предателем, то кем-то вроде того. А.Круз, «У Великой реки. Битва», примечание №42. Кроме того, это коррелируется и с обычаем предков в отношении женитьбы и романов: «Да не возьмет муж нашего народа деву нашего народа, пока не минет ей тридцать лет и три года, а мужу — сорок и четыре» Правда, «не нашего народа» вполне можно и не возбраняется. И не осуждается, ни в отношении молодых гномов, ни молодых гном.

Ур-барак — унтер-офицерское звание у гномов, водитель одной двадцатой хирда. *(прим. автора)*

Наиболее употребительный язык общения между аборигенами Великой вплоть до Астрахани, своеобразная лингва-франка. Смесь русского и виларского языков. Между собой же гномы говорят на своем языке, который в мире Великой реки называется «двергским». Впрочем, сами гномы и себя, и свой язык называют «Казад».

Конь-тяжеловоз. Вроде Владимирского тяжеловоза, которого из першеронов и вывели. Изначально — рыцарские кони, потом — артиллерийские тягачи. Жрут много...

Орден Созерцающих — запрещенный по всему Великоречью чародейский монашеский орден поклоняющихся богине Кали — богине Смерти и Ужаса. Причина — принесение членами ордена человеческих жертв богине. Впрочем, в Великоречье имеются и места, где нет никакой власти и где Созерцающие вполне могут найти себе пристанище. К примеру, в вольном городе Гуляйполе, где власть поделена между бандами, во главе каждой из которых стоит один главный бандит — «смотрящий».

Амулет, блокирующий магические способности.

10

Около полутора литров.

Плотина, преграда

Сипаи — воинские части армии Тверского княжества, состоящие исключительно из аборигенов. «Сипаи» — слово, пришедшее из старого мира и обозначающее британские колониальные войска в Индии. В Великоречье оно прижилось и стало собирательным для всех пехотных частей, набранных из аборигенов. Не изменившись, слово было перенято туземными языками и диалектами. Кроме слова «сипаи» также прижился термин «зуавы», обозначающее колониальную кавалерию, и «гурки». Впрочем, зная ненадежность аборигенов, правительства Новых княжеств (государств Пришлых людей) стараются вооружить «местные» войска похуже, чем те, что состоят исключительно из пришлого населения. Так не только в Тверском княжестве, а во всем Великоречье.

Пикап «Полевик» — коммерческий грузовичок на удлинённом и немного усиленном шасси ЛВК-12 (в свою очередь, создан на базе автомобиля ЛуАЗ-969А). Грузоподъёмность пикапа достигает 400 кг, двигатель остался прежним, но изменены передаточные числа в трансмиссии. По сравнению с базовой моделью упала скорость (максимальная всего 50 км/ч), зато значительно выросла грузоподъёмность и тяговитость. Все органы управления и конструкция кузова максимально упрощены в целях снижения себестоимости производства. Есть короткая модификация «имп» — лёгкий экономичный вездеходик, отличающийся от «полевика» скоростью повыше (до 70 км/ч), короткой базой и повышенной проходимостью.

Друэгары — народность, родственная гномам. Однако, поскольку издавна жили в менее щедрых горах и были теснимы теми же гномами, друэгары более свободны в выборе занятий и в традициях, благодаря чему значительная их часть просто разбойничает на больших дорогах. (А. Круз «У великой реки»).

Воссияние Звезды — прохождение огромной кометы поблизости от планеты. Именно тогда и произошли Пересечение миров, вызвавшее провал Новых княжеств в Великоречье, слияние рек, изменение ландшафта и климата. Фактически образовался совсем новый мир, после чего существовавший тогда Совет Храмов решил считать год Воссияния Звезды началом нового календаря. *Прим. А.Круза.*

«Громовержец» — самолет огневой поддержки наземных войск, местной конструкции. Представляет собой моноплан-высокоплан с двумя моторами М-61 в поднятых над крылом гондолах. Вооружен двумя спарками крупнокалиберных пулеметов ПККБ-С, которые можно направлять на любой борт. Боекомплект каждого пулемета 2000 выстрелов. Кроме того, на борту имеются два четырехствольных пулемета «Коса» калибром 7,62х54R мм, построенных по чертежам пулемета ГШГ, с темпом огня 4500 выстрелов в минуту, с боекомплектом по 10 тыс. выстрелов к каждому. Экипаж самолета 8 человек. Эта машина очень эффективна при использовании против незащищенных наземных целей, автомобилей, пехоты и конницы. Моторы, баки и места установки оружия защищены противопульной броней. *Прим. А.Круза.*

Смотри подробности этого эпохального события — А.Круз «У Великой реки. Поход»

дурак, идиот (исп.)

Железная оковка на пяте древка в виде наконечника, служащего упором (*прим. автора*).

Быстрые Ноги — божество, с недавних пор почитаемое среди жителей петербургского метрополитена как защитник и помощник воров, а также караванщиков. (здесь и далее примечания автора).

Вечная Ярмарка — располагается на станции «Сенная», торговля на ее территории не прекращается ни днем, ни ночью. Известны всего два случая, когда она закрывалась, но оба раза не дольше чем на несколько часов.

Тетушка Мота — одна из верховных богинь метрополитена. Считается покровительницей пьяниц, купцов и богатых людей.